

АРХЕОЛОГИЯ
и
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРИИ

СССР ФЭНДЭР АКАДЕМИЯҢЫ
ТАРҘХ БҮЛЕГЕ
БАШКОРТОСТАН ФИЛИАЛЫ

**БАШКОРТОСТАН
АРХЕОЛОГИЯҢЫ
һәм
ЭТНОГРАФИЯҢЫ**

Башкорт этногенезе буйынса
фэн сессияһы материалдары
май 1969 й.

IV

РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯҢЫ:

*Ю. В. Бромлей, Р. Ф. Кузеев (науапы редакторлары),
А. Г. Бишев, Н. В. Бикбулатов, Т. А. Жданко,
Н. А. Мәжитов, А. П. Смирнов, А. И. Харисов*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

АРХЕОЛОГИЯ и ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ

Материалы
научной сессии по этногенезу башкир
май 1969 г.

IV

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Ю. В. Бромлей, Р. Г. Кузев (ответственные редакторы),
А. Г. Бишев, Н. В. Бякбулатов, Т. А. Жоанко,
Н. А. Мажитов, А. П. Смирнов, А. И. Харисов*

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ, IV. УФА, 1970.

Четвертый том посвящен публикации материалов научной сессии по вопросам этногенеза башкир, организованной Отделением истории и Башкирским филиалом АН СССР в г. Уфе 13—15 мая 1969 г. В работе приняли участие историки, археологи, антропологи, этнографы, фольклористы, языковеды, искусствоведы республик и областей Поволжья и Урала, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Фрунзе, Нукуса, Новосибирска и других городов страны. Участники сессии заслушали и обсудили более 50 докладов и сообщений, в которых обобщены новейшие достижения советской науки в разработке проблемы происхождения башкирского народа. В результате определились разные точки зрения по данному вопросу. Состоявшаяся дискуссия способствовала определению наиболее перспективных путей будущих изысканий не только по этногенезу башкир, но и других народов Волго-Приуральяского региона.

Ю. В. БРОМЛЕЙ

член-корреспондент АН СССР, заместитель
академика-секретаря Отделения истории
АН СССР

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Проблемы этногенеза неизменно вызывают большой интерес. И это вполне понятно. Каждый народ хочет знать, кто его предки, откуда они появились, с какими народами он больше связан своим происхождением, каковы истоки его культурных традиций и т. д. Ведь для каждого человека все эти вопросы теснейшим образом связаны с его национальным самосознанием, с бытующими представлениями о собственном этносе, о собственной нации.

Среди огромного количества этногенетических проблем народов нашей необъятной Родины, несомненно, особое место занимает комплекс проблем, относящихся к весьма пестрой в национальном отношении Приволжско-Приуральской историко-этнографической области. Внутри же этого региона, безусловно, одним из наиболее сложных является этногенез башкир. Как мы все хорошо знаем, этническая история на территории Башкирии необычайно многослойна. В формировании башкирского народа приняли участие многие этнические компоненты. В силу своего особого географического положения Башкирия оказалась зоной активного взаимодействия таких этнических массивов, как индоевропейский и тюркский. Кроме того, на проходившие здесь этнические процессы на ранних этапах определенную печать наложили ираноязычные племена. Поэтому не случайно вопросы этногенеза башкир еще не решены полностью, хотя давно уже привлекают внимание ученых. Более того, по отдельным аспектам проблемы имеются диаметрально противоположные точки зрения. Именно всеми этими обстоятельствами руководствовало Бюро Отделения истории АН СССР, когда 3 года тому назад здесь, в Уфе, приняло решение о необходимости проведения специальной научной сессии, посвященной вопросам этногенеза башкирского народа.

Приступая к разработке проблем этногенеза, необходимо отдавать себе полный отчет как о сложности задач, которые стоят перед нами, так и о сопряженных с ними трудностях. Не должно быть никаких иллюзий, что эти задачи могут быть решены легко и просто, иначе нас постигнет разочарование, неудовлетворенность от того, что остаются нерешенными спорные вопросы, что где-то нельзя поставить все точки над *i*.

Касаясь вопросов этногенеза, нельзя забывать и об одном, так сказать, социально-психологическом аспекте проблемы, который нередко упускается из вида. Речь идет о том, что на исследования этногенетической проблематики, подчас в той или иной степени, оказывают влияние те представления об этнических проблемах, которые присущи обыденному, повседневному сознанию. Между тем обыденное сознание не только обычно существенно упрощает объективные этнические явления, но и нередко их искажает. Это обуславливается целым рядом особенностей обыденного этнического сознания, его избирательностью, склонностью к абсолютизации относительных этнических свойств, тенденциозностью в их оценке и т. д. Эта предрасположенность обыденного этнического сознания к неточному воспроизведению объективной этнической картины, в свою очередь, открывает определенные возможности для появления и распространения предубежденных построений, предвзятых установок. Именно поэтому точная, подлинно научная реконст-

рукция реальной этнической картины, в том числе и этнических процессов, имеет столь большое практическое значение. Она полностью выбивает почву из-под всякого рода антинаучных построений и установок.

Одна из особенностей исследования проблемы этногенеза связана с тем, что этническая специфика проявляется в самых различных сферах жизни людей. В силу данного обстоятельства успешно разработать проблему этногенеза, как известно, возможно лишь на основе комплексного подхода, сочетания усилий ученых разного профиля. И это важное условие, как свидетельствует наша программа, достаточно учтено при подготовке сессии: в ней принимают участие археологи, филологи, антропологи, этнографы, фольклористы.

Изучение этногенеза -- задача очень трудоемкая еще и потому, что ее решение обычно не ограничивается анализом этнической истории на современной территории изучаемого народа. Неизбежно приходится обращаться к истории всех этнических компонентов изучаемого этноса, к его этническим взаимосвязям с другими народами. А это нередко влечет за собой существенное расширение географических и этнических рамок исследования. Не случайно в программе нашей сессии фигурирует немало докладов, далеко выходящих за территориальные рамки, за территориальные пределы самой Башкирии.

Вместе с тем не приходится забывать об определенной ограниченности наших возможностей в изучении этногенеза вообще, ограниченности, обусловленной, прежде всего, тем, что большинство дисциплин, причастных к этому изучению, обычно располагают лишь косвенными данными об изучаемом этносе.

Даже такие весьма конкретные, весьма осязаемые источники, как археологические материалы, и то далеко не всегда дают бесспорные свидетельства об этнических явлениях. Последнее связано прежде всего с тем, что распространение отдельных компонентов культуры, в том числе материальной, не совпадает друг с другом или не совпадает с рамками этнической общности. Отсюда проистекают трудности, связанные с определением так называемых археологических культур, трудности, о которых так убедительно было еще раз сказано на последней этнографо-археологической сессии, состоявшейся в Ленинграде, в одном из главных докладов. Поэтому-то при рассмотрении ранних этапов этнической истории так важно привлечение наряду с археологическими данными материалов других смежных дисциплин и, в первую очередь, антропологических материалов.

В силу того, что этнос, будучи социально-культурной общностью, обычно тесно сопряжен с популяцией, т. е. генетической единицей, образуются определенные взаимосвязи между антропологическими и этническими явлениями. Именно благодаря этому антропологические и, в первую очередь, палеоантропологические материалы могут быть использованы в качестве этнических определителей соответствующих археологических культур. Впрочем, и при этом следует проявлять значительную осторожность, ибо нередко один этнос может объединять несколько антропологических типов и, наоборот, один и тот же антропологический тип может быть характерен сразу же для нескольких этносов.

Важная роль в решении проблем этногенеза принадлежит таким научным дисциплинам, как этнография, лингвистика, включая топонимику, и фольклористика. Но и у этих дисциплин есть своя ахиллесова пята — это прежде всего трудности при ориентации их данных во времени; вопросы хронологии — вот что, пожалуй, является для них основным камнем преткновения.

Все сказанное лишь раз свидетельствует о том, что при разработке проблем этногенеза остро необходима кооперация представителей разных дисциплин. Однако в повседневной нашей практике такая кооперация, к сожалению, обычно отсутствует. Это обусловлено прежде всего тем, что в основу объединения специалистов у нас, как правило, положен не проблемный, а так сказать отраслевой, дисциплинарный принцип. Поэтому сессии, подобные нашей, ломая ведомственные перегородки, объединяя специалистов разного профиля для решения одной проблемы, приобретают особый смысл, особое значение. Они открывают широкую возможность для взаимной информации о последних результатах

изучения данной проблемы, для широкого обмена мнениями, творческих контактов представителей смежных дисциплин.

Поэтому, на мой взгляд, организаторы сессии поступили совершенно правильно, выделив в программе целый день для прений на пленарном заседании, что обеспечивает участие специалистов всех профилей в обсуждении как секционных, так и пленарных докладов. Обсуждению, несомненно, будет также способствовать и предварительная публикация тезисов этих докладов.

Следует подчеркнуть и то, что задача подобных сессий не только в том, чтобы продвинуть разработку тех или иных аспектов рассматриваемой проблемы, но и в значительной мере в том, чтобы выявить белые пятна в ее изучении, наметить основные направления дальнейших исследований и, наконец, стимулировать активизацию этих исследований. Именно такими представляются общие задачи сегодняшней сессии.

**ДОКЛАДЫ
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ**

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИР

(историко-археологический анализ)

Вопрос о происхождении башкир — коренного населения Южного Урала — в течение вот уже нескольких столетий является предметом исследований специалистов разных дисциплин. По единодушному определению лингвистов, башкирский язык относится к тюркской системе языков, составляя вместе с татарским, казахским, киргизским и каракалпакским языками особую кипчакскую группу. В материальной культуре, фольклоре, музыке и других видах национальной культуры башкир имеется много черт, общих с культурами народов Алтая и Средней Азии¹. Неполный перечень этих фактов, казалось бы, должен дать исследователям сведения, позволяющие прийти к одинаковым выводам. Но в действительности какого-либо единства по этому вопросу пока нет. В некоторой мере это объясняется недостаточностью и противоречивостью письменных источников о башкирах. До 20-х и даже 40-х годов нашего столетия эти сведения явились почти единственным доступным науке материалом о башкирах. При слабой изученности источников по истории башкир суждения об их происхождении во многом определялись субъективным отношением исследователей к письменным источникам. Большая группа ученых вслед за В. И. Татищевым и П. И. Рычковым считает башкир издревле тюркоязычным народом, основывая этот вывод, прежде всего, на свидетельствах арабских авторов. Как известно, Ибн Фадлан в X в. проехал через страну башкир, которых называл воинственным тюркоязычным народом, примерно на территории современной Оренбургской области.

Одновременно с тюркской теорией возникла и развивалась теория о финно-угорском происхождении башкир. Сторонники ее в своих исследованиях исходили из данных таких авторов XIII—XIV вв., как Юлиан, Плано Карпини и Рубрук, которые о Башкирии писали как о прародине древних венгров и башкир.

Башкирский археолог Р. Б. Ахмеров², пожалуй, был первым исследователем, привлечшим археологический материал для освещения вопроса о происхождении башкир. В своих исследованиях он обратил внимание на то, что племена Южного Урала V—VIII вв. сыграли важную роль в процессе формирования башкирского народа. Этот вывод получил поддержку в исследованиях и других археологов. Так, например, К. В. Сальников считал, что в Уфимских погребениях VI—VII вв. похоронены уже ранние башкиры³.

С четкой концепцией по вопросу о происхождении башкир выступил С. И. Руденко — автор фундаментальных исследований по антропологии и этнографии башкир⁴. По его мнению, этническое ядро тюркоязычных башкир сложилось на Южном Урале уже до начала нашей эры и позднейшие этнические передвижения, хотя и оказали определенное

¹ Дж. Г. К и е к б а е в. Фонетика башкирского языка (на башк. языке). Уфа, 1958, стр. 5; С. И. Р у д е н к о. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 313; Р. Г. К у з е е в. К этнической истории башкир в конце I—начале II тысячелетия н. э.— АЭБ, т. 3. Уфа, 1968, стр. 239.

² Р. Б. А х м е р о в. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным.—СЭ, № 3, 1952.

³ К. В. С а л ь н и к о в. Древнейшие памятники башкир Урала. Свердловск, 1952, стр. 136.

⁴ С. И. Р у д е н к о. Указ. соч., стр. 351.

влияние, но коренным образом не изменили ни физический тип, ни язык, ни быт башкир. Эту мысль, в основных чертах, поддержал крупнейший башкирский лингвист Дж. Г. Киекбаев.

Башкирскому этнографу Р. Г. Кузееву принадлежит большая заслуга в широком привлечении богатого этнографического и фольклорного материала башкир для освещения их происхождения. Многолетние плодотворные исследования в области исторической этнографии привели его к выводу о том, что в этногенезе башкир важную роль сыграли тюркоязычные племена, являющиеся выходцами из районов Средней Азии и Алтая. Формирование башкирской народности он относит к XII—XV вв.⁵

Говоря об историографии вопроса, интересно указать на то, что в этнической интерпретации древнего населения Южного Урала, в объяснении времени и территории сложения башкирского народа имеются определенные расхождения между археологами, лингвистами, этнографами и антропологами. Судя по опубликованным тезисам, и на данной сессии мы услышим разные мнения о характере сложения башкирского народа. В значительной мере это обусловлено тем, что у каждой науки объект и метод исследования разные, и при слабой изученности материала конечные выводы специалистов разных наук могут не совпадать. При освещении истории населения Южного Урала с древнейшего прошлого примерно до XIV в. решающая роль должна принадлежать археологии.

За последнее десятилетие накоплен сравнительно богатый археологический материал, который позволяет нам сейчас наметить основные этапы происхождения башкир.

Формирование народов — это длительный исторический процесс, в котором трудно один какой-либо период считать решающим, а другой — второстепенным. Процесс этнических образований на Южном Урале происходил в сложных исторических условиях, что было предопределено пограничным характером этой территории. Южный Урал с его широкими степями служил зоной контакта кочевого мира с оседло-земледельческими племенами северных лесных районов. Уже в эпоху бронзы на Южном Урале существовало несколько больших этнических образований, среди которых особенно выделяются срубные, андроновские, абашевские и северные прикамские племена.

Археологическими исследованиями установлено, что уже в начале железного века на Южном Урале на основе культуры племен эпохи поздней бронзы складываются две хозяйственно-культурные области: в степной части развивается кочевое скотоводство, а у северных лесных племен ананьинской и пьяноборской культур оседлое скотоводство сочеталось с мотыжным земледелием. Сложение двух хозяйственных районов сыграло важную роль в дальнейшем развитии истории и культуры населения Южного Урала, это различие в хозяйстве сохранялось у башкир до недавнего прошлого.

Этнический состав населения каждой из указанных хозяйственно-культурных областей был очень различным. На юге Урала для эпохи раннего железа можно выделить савромато-сарматские племена. В районах, прилегающих к Южному Уралу, обитали ирки, исседоны, аргипей, о которых сообщает Геродот и другие античные авторы. Разнохарактерный археологический материал Южного Урала отражает, очевидно, сложный этнический состав населения этого времени.

Если мы сделаем попытку ретроспективным путем взглянуть на культуру южноуральских племен периода раннего железа, то в ней можно увидеть ряд важных черт, которые, видоизменяясь, сохранились в культуре населения края до раннего средневековья. Так, например, культурное наследие сарматских племен ярко прослеживается в материалах населения центральной Башкирии середины I тыс. н. э. Здесь имеется в виду сохранение сарматских черт в керамике, погребальном обряде, антропологическом типе у тюркоязычных турбаслинских племен V—VII вв. Отсюда напрашивается вывод — на базе культуры этих племен происходили этногенетические образования последующих веков. Не будет преувеличением сказать, что к этому времени восходят древнейшие этапы эт-

⁵ „Очерки по истории Башкирской АССР“, т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 27—37.

ногенеза башкир. Об этом, кроме археологического материала, свидетельствуют также данные башкирского фольклора. Классические башкирские героические эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», судя по сюжету и некоторым мотивам, отображают быт и нравы племен Южного Урала примерно этого времени. В частности, древнейшие сюжетные мотивы эпосов относятся ко времени, когда на Южном Урале не сложился или только складывался кочевой образ жизни.

Башкиры — тюркоязычный народ, и в плане их происхождения большое значение приобретает вопрос о ранних тюрках и начале тюркизации населения Южного Урала. Этот вопрос одинаково актуален для этногенеза казахов, татар, чувашей и других соседних народов.

Накопленный археологический материал позволяет поддержать мнение, в порядке рабочей гипотезы, о проникновении древнетюркских племен на территорию Южного Урала задолго до начала нашей эры. Это мнение ясно было изложено в работах С. И. Руденко⁶. Вопрос о древних тюрках не может быть решен только на южноуральском материале, он требует привлечения материала с территории всей Средней Азии, Казахстана, Сибири и Алтая. Полностью соглашаясь с данным мнением, можно предположить, что с древнетюркскими племенами на Южном Урале могли быть связаны недавно открытые на Южном Урале так называемые каменные курганы «с усамия», по своему устройству близкие казахстанским. Середина I тыс. н. э. является периодом, непосредственно предшествовавшим появлению на исторической арене башкир. Эти века особенно были насыщены сложными историческими событиями, связанными с массовым переселением народов с востока на запад. Причиной одного из подобных переселений явилось нашествие гуннов в IV в. в Восточную Европу. Эта дата совпадает с переселением в район бассейна р. Белой большой группы кочевых племен, которые оставили здесь памятники типа ново-турбаслинских и уфимских курганов. Второе аналогичное переселение, по-видимому, произошло около VI в. н. э., когда в западной Башкирии появляются племена, оставившие памятники типа Кара-Якуповского городища и Маняжского могильника.

Для V—VII вв. в сложном и быстроменяющемся составе населения западного Приуралья можно выделить не менее 4—5 крупных племенных образований: 1) турбаслинские племена, занимавшие среднее течение р. Белой; 2) кара-якуповские, которые расселись по левобережью Белой и в бассейне рек Демы и Чермасан; 3) северная Башкирия и Средняя Кама в это время были заняты бахмутинскими племенами, культура которых формировалась на базе культуры местных племен ананьинско-пьяноборской культуры; 4) бассейн рек Сылвы, Юрюзани и Ая в V—VIII вв. и, может быть, в поздние века занимали племена, которые объединяются в так называемую сылвенскую культуру. Некоторые археологи ее связывают с древнемансийскими племенами.

Население Южного Урала V—VII вв. не ограничивалось только этими выделенными четырьмя группами племен. Мы пока не располагаем какими-либо сведениями о племенах, которые обитали в это время в южной и западной Башкирии и в прилегающих к Уралу южных степях. Можно лишь предположить, что там жили племена, в этнокультурном отношении очень близкие к турбаслинским.

Археологи расходятся в определении этнической принадлежности племен западного Приуралья V—VII вв. Но если же отвлечься от этих спорных моментов и сравнить их культуру с культурой племен VIII—IX вв. этой же территории, то мы обнаружим между ними большую близость. Это сходство прослеживается как в материальной культуре (например, керамика, детали украшений костюма), так и в погребальном обряде и антропологическом типе. Следует сказать, что культурную близость двух народов, сменяющих друг друга на одной территории, считать случайной очень трудно. Это сходство, если оно прослеживается, может говорить о культурных генетических связях между этими народами. Так как племена Западного Приуралья VIII—IX вв. можно называть башкирами на

⁶ С. И. Руденко Указ. соч., стр. 351.

основании отмеченных сходств, то племена VI—VII вв. следует рассматривать как ближайших предков этих башкир. В плане сказанного расхождения археологов в определении этнической принадлежности культур V—VII вв. имеют второстепенное значение, так как они все равно вошли в состав башкир в качестве одного из основных компонентов. По моему мнению, племена Западного Приуралья турбаслинского типа V—VII вв. в основном были тюркоязычными. В свете культурной близости между племенами турбаслинского типа и башкирами VIII—IX вв. можно даже допустить предположение, что уже в это время на Южном Урале звучал этноним башкорт. Выше уже было отмечено, что археологические памятники V—VII вв. в степной части Южного Урала совершенно не изучены. Поэтому сейчас было бы преждевременным говорить, что в этой части Урала тогда не обитали племена, не имеющие, подобно турбаслинским, отношения к этногенезу башкир. Можно надеяться, что предстоящие полевые археологические исследования приведут к положительному решению этого вопроса. Без таких исторических предпосылок Южный Урал в начале X в. не мог быть назван страной тюркоязычных башкир. Во всяком случае, понятие «страна башкир» для Южного Урала в это время было вполне утвердившееся для окружающих соседей.

Важно отметить, что в культуре населения Нижнего Прикамья VIII—IX вв. хорошо прослеживаются признаки, генетически тесно связанные с населением Западного Приуралья до VII в. В частности, в материалах Танкеевского могильника имеются отдельные экземпляры керамической посуды, типы могил и другие детали погребального обряда, которые хорошо представлены в Бирском и Турбаслинском могильниках Башкирии V—VII вв. Вполне возможно, что определенная часть приуральского населения в конце VII в. переселилась на Нижнюю Каму и участвовала в сложении культуры волжских булгар.

Процесс объединения племен Южного Урала V—VII вв. был ускорен приходом, может быть неоднократно, в VIII—IX вв. новой группы племен, которые оставили многочисленные курганные могильники типа Хусановских, Каранавских, Ишимбаевских курганов. Эти племена, в отличие от ранних, принадлежали сильно выраженному монголоидному антропологическому типу. Весь добытый при раскопках материал характеризует культуру населения этих курганов как чисто тюркскую и кочевническую. Для указанных памятников характерны небольшие насыпи, в которых часто встречаются остатки ритуальных захоронений конечностей и головы лошади. В одном из курганов Мрясиновского могильника найден полный скелет лошади. Сейчас, когда материал раскопок до конца не обработан, трудно судить о происхождении указанной группы племен. В порядке предположения можно высказать мысль о том, что исходным районом их продвижения на Урал явились южносибирские и казахстанские степи.

Племена, оставившие памятники типа Хусановских курганов, были довольно многочисленны и расселялись по всему Южному Уралу, ассимилируя местное население предшествующего времени. Однако ассимиляционный процесс к X в. еще не закончился, о чем могут свидетельствовать материалы Кушувлевского могильника IX—X вв. По многим особенностям погребального обряда этот могильник тесно связан с культурой племен кара-якупово-манякского типа и, очевидно, является памятником их потомков. Важно отметить, что пестрота, которая наблюдалась в культуре населения Южного Урала V—VII вв., в VIII—IX вв. заметно исчезает, сменяясь более однообразной. Если сопоставить археологические памятники Южного Урала VIII—IX вв., то наряду с общими признаками для каждого из них можно выделить особенности, которые, вероятно, отражали различия в происхождении и культуре отдельных племенных групп. Однако при сопоставлении этих памятников в совокупности с памятниками соседних территорий (Поволжье, Сибирь или Прикамье) заметно бросается в глаза единство, по которому их можно рассматривать как одну общую историко-этнографическую область. Очевидно, при дальнейшем изучении археологических памятников Южного Урала будут уточнены территории расселения, происхождения и особенности в культуре отдельных племенных групп, но уже сейчас мы вправе отождествить эту область с территорией страны башкорт, о которой писали . Иби

Фадлан, Плано Карпини и др. Во всех этих документах башкиры упоминаются как народ, имевший свою территорию, объединенный близостью хозяйства, образа жизни, материальной и духовной культуры, языка. Это подтверждается археологическим материалом. На этом основании о башкирских племенах нескольких последних столетий I тыс. н. э. можно говорить как о целом народе или формирующейся народности.

Исторические документы свидетельствуют о том, что башкиры Южного Урала X—XII вв. были активно вовлечены в круг политических, культурных событий, происходящих в кочевом мире тюркоязычных народов. Башкиры, например, участвовали в ряде междоусобных войн между различными племенами в районе Приаралья и Поволжья. По свидетельству аль Балхи (автор X в.), западная группа башкир попадает в политическую зависимость от волжских булгар.

Археологический материал X—XII вв. и более поздних веков с территории Южного Урала очень мал и представлен единичными памятниками. Одним из таких памятников являются курганы близ д. Башкорт-Беркутово по р. Большой Ик, открытые в 1968 г. В раскопанных двух курганах этого могильника обнаружены редко встречающиеся погребения хорошей сохранности, примерно, XII в. В них оказались захоронения в деревянных колодах, в которых найдены остатки одежды, кресало, стремя, бусы, берестяная трубочка — чехол для хранения осы. Ноги мужского костюма были обуты в кожаные сапоги прекрасной сохранности, разошедшиеся только по швам.

В период, примерно, после XII в. * среди башкир распространяется религия ислама, сыгравшая важную роль в дальнейшей их этнической консолидации. Из-за недостатка источников характер жизни башкирских племен этого времени нам неизвестен, но не подлежит сомнению, что под влиянием новой религии происходит унификация культуры и нравов. Исчезает обряд захоронения умерших с вещами под курганами и повсеместно появляются грунтовые кладбища, которые существуют по настоящее время. Отражением этого процесса является возникновение новых надгробных памятников в виде мавзолеев на территории расселения башкир, сооружаемых над могилами знаменитых людей. В частности, такие мавзолеи известны на р. Деме (Хусейн-бек, Тура-хан), на территории Челябинской (башня Тамерлана) и Оренбургской областей. В 1968 г. на р. Б. Ик открыт еще один такой мавзолей, построенный из кирпичей различных форм.

На первый взгляд может показаться неправомерным распространение названия башкорт на все население Южного Урала последних столетий I тыс. н. э. на том основании, что Ибн Фадлан башкир увидел далеко от Уральских гор, в западной части современной Оренбургской области. Об этом имеются высказывания ряда авторов. Но для таких утверждений оснований не будет, если учесть, что Ибн Фадлан писал только о тех башкирах, через земли которых он проезжал, не уточняя, однако, ни их происхождения, ни территории расселения. В его записях важным является лишь упоминание о народе и стране башкир.

При недостаточности и фрагментарности письменных источников значение археологического материала о башкирах значительно возрастает. Эти материалы, как уже отмечалось, указывают на существование на Южном Урале в конце I тыс. н. э. большой группы (или групп) родственных племен, которых мы вправе рассматривать как население страны башкир в широком толковании. Только при такой постановке этого вопроса, вероятно, можно понять сведения Махмуда Кашгари и ряда других авторов более позднего времени, которые пишут о башкирах как о народе, расселявшемся по обоям склонам Южного Урала.

Как известно, с древней историей Южного Урала многие исследователи связывают происхождение древних мадьяр. Однако источниковедческий материал по этому вопросу пока очень ограничен и ввиду этого все существующие в науке точки зрения о древних мадьярах носят лишь характер рабочих гипотез.

* Вопрос о времени проникновения ислама в среду башкир мало изучен. Но это, видимо, были XII—XIII вв., так как в XIV в. на Южном Урале появляются уже мусльманские надгробные памятники.

На мой взгляд, в этом вопросе близки к истине те исследователи, которые делают попытку решать мадыарскую проблему, исходя из пребывания древних мадыар на территории Западного Приуралья. Впервые в трудах А. В. Шмидта на основании анализа археологического материала всего Западного Приуралья и Прикамья и сопоставления его с данными письменных источников было обосновано мнение о том, что примерно в VII в. в северной Башкирии и на Средней Каме имела место смена населения, связанная с уходом отсюда и появлением в заволжских степях древних мадыар. Несмотря на гипотетический характер, это мнение в науке существует уже более полувека и не потеряло своего значения в настоящее время. Оно имеет много сторонников как в Советском Союзе, так и в Венгрии.

За последние 20—30 лет во всем Приуралье были проведены значительные археологические работы, результаты которых не отвергают выводы А. В. Шмидта относительно смены населения и возможной связи этого события с уходом древних мадыар из Приуралья. Такие материалы, например, дают исследования памятников бахмутинской культуры, самая поздняя дата которой относится ко времени не позже VII в. Судя по отрывочным данным, например материялы Маньякского, Кушулевского могильников, на территории северо-западной Башкирии в VII—X вв. распространены были памятники, существенно отличающиеся от бахмутинских. На этом основании я полагаю, что, действительно, бахмутинская культура сложилась как культура угорских племен, которые приняли активное участие в формировании мадыарского союза. В этом союзе наряду с бахмутинцами могла принять участие какая-то часть турбаслинских племен, с которыми бахмутинцы имели тесные этнические связи. Вполне возможно, что происхождение приуральского компонента, который прослеживается в материалах культуры волжских булгар, имеет прямое отношение к уходу указанной группы племен из Приуралья.

В положительном решении угорской проблемы в археологии Западного Приуралья ценный материал может и должно дать изучение местной топонимики. В этой связи я не могу не выразить свое отрицательное отношение к мнению Б. А. Серебrenникова, высказанному в его работе «К вопросу о связи башкирского языка с венгерским». Б. А. Серебrenников отрицает какую-либо связь в языке башкир и венгров и не признает угорскими часть топонимических названий. Работа Б. А. Серебrenникова появилась в то время, когда уже были опубликованы первые работы Дж. Г. Киекбаева, выявившие угорский пласт в топонимике Южного Урала. Его последние исследования и успешные начинания молодого башкирского языковеда А. А. Камалова, мне кажется, сильно поколебали вывод Б. А. Серебrenникова.

На основании сказанного можно считать, что в составе населения Западного Приуралья были и угроязычные племена, которые здесь, видимо, обитали с глубокой древности, во всяком случае, не позднее эпохи раннего железа. Об этом же может свидетельствовать сохранявшаяся угорская топонимика.

Значительная часть угорских племен, очевидно, осталась в Приуралье и, смешавшись с тюркоязычными племенами, вошла в состав башкир. Вполне возможно, что отражением такой общности между башкирами и ранними венграми явилось нахождение в составе обоих народов нескольких племен с одним общим названием. Такими являются, например, племена Дьярмат (Юрматы), Кесе, Еней.

В свете наличия в составе ранних башкир угорского компонента большой интерес представляет указание этнографов о том, что в материальной культуре башкир до недавнего времени имелся ряд черт, которые сопоставляются с культурой угорских народов. В частности, сюда этнографы относят хараусы и орнамент, которые как будто неизвестны ни одному другому тюркоязычному народу.

Но в целом вопрос об удельном весе угорского компонента в происхождении башкир пока остается нерешенным и требует своего дальнейшего изучения.

**УРАЛО-АРАЛЬСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ**

1. Новый этап исследования этнической истории башкир на основе методологических приемов, разработанных и принятых в советской этнографической науке, стал возможным только в последние 5—10 лет и связан с накоплением большого круга вновь выявленных археологических, этнографических и других материалов. В то же время обилие новых источников (учитывая, что работа по их выявлению и, особенно, систематизации еще не завершена) создает некоторые трудности. Они заключаются в том, что исследователи, следуя зачастую лишь за той частью материала, которая к настоящему моменту накоплена и обработана в данной отрасли науки, создают концепции, не охватывающие проблему в целом, а иногда отвлекающие внимание специалистов на региональные, второстепенные линии этнического развития. Если при этом иметь в виду исключительную сложность и пестроту этнического состава населения Башкирии в V—XV вв. и недостаточно четкую этническую определенность многих выявленных археологических памятников второй половины I тыс. н. э., становится ясным, что трудности по разработке общих концепции этнической истории башкир можно преодолеть лишь при условии привлечения всего совокупного исторического, археологического, этнографического, языкового и другого материала. При нынешнем уровне накопления материала и изученности проблемы было бы, на наш взгляд, наиболее полезно сосредоточить внимание на установлении основных, ключевых моментов в формировании башкирского этноса на всем протяжении его развития. Разработка такой общей схемы этнической истории башкир, которая отвечала бы современному уровню исторических знаний, послужит основой для дальнейших поисков и исследований, детализированных разработок, которые в конечном итоге приведут не только к решению проблемы этногенеза башкир, но и к созданию обобщенной истории древней и средневековой Башкирии, в которой еще так много белых пятен.

2. Ранний этап этнической истории башкир развивался на двух территориях в западном Приуралье и в Приаралье.

В середине I тыс. н. э. на огромной территории от Волги до Урала и от средней и нижней Камы до Волго-Яицкого междуречья ведущую роль в этнических процессах играли финно-угорские и сармато-аланские племена. Часть юга этой территории занимали древние мадьяры, исторически связанные с Западной Сибирью. Начиная с VI—VII вв. этнические процессы в Волго-Уральском регионе осложняются проникновением из восточных степей тюркских кочевников, вышедших из недр западнотюркского каганата. Однако судить о масштабах раннетюркского проникновения и его роли в этногенезе местного населения из-за недостатка материала пока трудно.

3. Применительно к ранним периодам этнической истории в Волго-Уральском регионе дискуссионными остаются два основных вопроса: о времени и масштабах проникновения ранних тюрков и о территории расселения древних мадьяр.

В исследованиях последних лет (главным образом в археологических) все чаще проводится идея ранней миграции тюрков в Среднее Поволжье и Приуралье. Проникновение

тюрков связывается обычно с историей гунов и западнотюркютского каганата¹. Некоторые археологи, вслед за С. И. Руденко, допускают даже возможность начала тюркизации приуральского населения в более раннее время — с последних веков до нашей эры². На этнографических материалах трудно подтвердить или опровергнуть такие утверждения. Но следует подчеркнуть, что в обширных этнографических материалах, накопленных за последнее десятилетие, нет данных, которые свидетельствовали бы о сколько-нибудь существенной тюркизации приуральского населения до второй половины I тыс. н. э. Это, конечно, не означает, что в гунскую и западнотюркютскую эпохи не было сдвигов населения на северной периферии основных районов их движения. Достаточно убедительно это доказывают недавние изыскания археологов. Вполне теоретически допустим, в связи с этим, и новый этап этнического развития в Волго-Уральском регионе в направлении тюркизации начиная с эпохи гунов. Однако не надо при этом упускать из виду, что исследователи истории гунов и древних тюрков (тюркютов) довольно единодушно указывают, что гунны в южнорусских степях сложились в значительной степени за счет автохтонных племен — аланов, угров, охотничьих племен лесной полосы и предкавказских степей³, а тюркюты на западе «были в абсолютном меньшинстве» и «стали каплей в море покоренных областей»⁴. Если к тому же вспомнить, что основные районы гуннской и тюркютской экспансии лежали южнее нашей территории, станет понятной та осторожность, с которой этнографы относятся к идее непосредственного и сильного тюркского влияния гунов и тюрков на древнее население Башкирии. Такое влияние, безусловно, было, но реализовалось оно преимущественно восточнее, в Приаралье, в казахстанских степях, на племена, которые позднее составили важный компонент в этногенезе башкир и, видимо, татар.

С гуннской эпохой тесно связана история передвижения мажарских племен. Не вдаваясь в анализ этой чрезвычайно сложной проблемы⁵, напомним лишь некоторые сведения, помогающие очертить территорию, которую занимали древние венгры до ухода в Паннонию. Историкам хорошо известны сочинения Юлиана: в XIII в., накануне монгольского нашествия, он нашел своих соплеменников по соседству с Волжской Булгарией «близ большой реки Этиль»⁶. Сведения Юлиана не раз подвергались сомнению. Утверждалось также, что Юлиан был на правом берегу Волги, где принял за венгров представителей одного из финских волжских народов⁷. Детальный анализ сочинения Юлиана и сопоставление его сведений со старыми венгерскими хрониками провел Дьерффи Д. Он пришел к выводу, что древняя родина венгров, известная под названием *Dentumoger*, находилась на территории современной Башкирии. Анонимный автор старой гесты (*Gesta Hungarorum*) мог знать о нахождении Древней Венгрии от приезжавших из страны

¹ А. Х. Халиков. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 40; В. Ф. Генинг. Проблема изучения железного века Урала. — ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 37.

² С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 328—329; Н. А. Мажитов. Происхождение башкир. — «Научная сессия по этногенезу башкир», стр. 20—21.

³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 42—43, 145; А. Н. Бернштам. Очерк истории гунов. Л., 1951, стр. 80.

⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 148.

⁵ См. библиографию: Nemeth J. Ungarische stammesnamen bei den baschkiren. — *Acta Linguistica*, t. 16 (1—2). Budapest, 1966, стр. 1—8; Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. «Башкиро-мажарская» проблема (краткий обзор основных источников). — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 336—343; Тибор Тот. О раннем этногенезе венгерского народа. — «Известия АН КазССР», серия общественная, № 2. Алма-Ата, 1968, стр. 70—71.

⁶ С. А. Анинский и Я. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — «Исторический архив», т. 3. М.—Л., 1940, стр. 81.

⁷ Регени J. A Magna Hungaria kérdéséhez. — *Magyar Nyelv*. Budapest, 1959, LV, evf. 3(411) és 4 (412) szám, стр. 391.

terra Bulgar, т. е. близких северных соседей мадьяр, упоминаемых в источниках под названием билеры⁸.

К аналогичному выводу приходит Б. Н. Заходер, привлечший к анализу этого вопроса главным образом сочинения Ибн Руста, Гардизи и ал Бекри⁹. Он различает в арабских источниках о мадьярах два слоя — древний и более поздний. К древнему относится характеристика мадьяр как кочевников, живущих в шатрах «между страной печенегов и страной эсегел из булгар»¹⁰. Если эти сведения относятся, как утверждает Заходер, к VII—VIII вв. и восходят к Ибн Хардадбеку, то трудно определить местонахождение мадьяр иначе, чем на территории юго-западной Башкирии, в северной части Волго-Яицкого междуречья. Впрочем в арабских источниках (Гардизи) прямо указывается, что мадьяры живут между двумя реками, которые впадают в Хазарское море¹¹. «К востоку же от страны мадьяр,— говорит Худуд-ал-алем,— горы», которые логично идентифицировать с Уральскими¹². Весьма сходно трактовал восточные источники англичанин С. А. Макартней, который разместил Древнюю Венгрию на территории от Волги (примерно на широте Самарской Луки) и до течения рек Самара и Сакмара¹³.

В недавних работах некоторых археологов территория Древней Венгрии размещается севернее, в Прикамье, в районе обитания бахмутинских племен (III—VIII вв.)¹⁴. Однако этому противоречит характеристика мадьяр как кочевников. Бахмутинские племена были лесными, и область их обитания даже в XVI—XVII вв. была сплошь таежной¹⁵. Гардизи описывает страну мадьяр как равнину, заросшую травой, в 100 фарсахов в ширину и длину¹⁶. Такому описанию соответствует та же юго-западная Башкирия, переходящая в южные степи. Более поздние источники (XVI в.) подтверждают сведения восточных писателей и путешественников. Башкирское шезжере размещает территорию племен юрматы в XIII—XIV вв. (племени, этнически связанного с мадьярами) в верховьях рек Зай и Шешма, т. е. в центре той территории, которая определяется восточными источниками как Великая Венгрия¹⁷. Недавние исследования в области исторической лингвистики также указывают на то, что гидронимы этого обширного региона (Самара, Сакмара, Сакмарка, Ур, Уран, Уртамак и др.) восходят к дотюркской, а точнее к угорской этнической основе¹⁸.

4. В эпоху, когда древние мадьяры кочевали на южной периферии Булгарии, совершенно естественной является возможность их широкого этнического взаимодействия с соседними племенами. С приходом и расселением в начале VIII в. в среднем Поволжье булгар и родственных им племен этнические процессы здесь вступают в новую фазу. Одним из главных моментов нового этапа этнической истории было булгаро-мадьярское взаимодействие и тюркизация части угорских (мадьярских) и сарматско-аланских племен. В этой этнической среде в VIII—IX вв. сформировался ранний этнический пласт башкирского народа. К нему восходят башкирские родо-племенные этнонимы юрматы, енеи,

⁸ G ü ö f f y G. Krónikáink es a magyar östörténet. Budapest, 1948, стр. 182—184.

⁹ Б. Н. Заходер. Капийский свод сведений о Восточной Европе (Горган и Поволжье в IX—X вв.). М., 1962, стр. 129.

¹⁰ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1868, стр. 102—103.

¹¹ Б. Н. Заходер. Указ. соч., т. 130.

¹² В. В. Бартольд. Рукопись Туманского. 1924, стр. 29.

¹³ С. А. Макартней. The Magyars in the ninth century. Cambridge, 1930, стр. 28—35.

¹⁴ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 78—83.

¹⁵ Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.—АЭБ, т. 3. Уфа, 1968, стр. 274, рис. 3.

¹⁶ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 29.

¹⁷ Р. Г. Кузеев. Башкирские шезжере. Уфа, 1960, стр. 31.

¹⁸ А. К. Мажитов. Древнеуральская топонимика и ее происхождение.—ВАУ, вып. 1, стр. 139—140; С. Камалов. Гидронимы Башкирии. Рукопись кандидатской диссертации. Уфа, 1968, стр. 267—269.

негмен, кесе, бияр и, возможно, юрмый¹⁹, которые имеют параллели в родо-племенной этнонимике венгров и болгар. Ранний этнический пласт в составе башкир можно условно назвать «булгаро-мадярскими», хотя в его формировании участвовали многие другие племена.

Центром расселения «булгаро-мадярских» племен была Бугульминская возвышенность, конкретно — долины рек Большой Ик, Зай, Шешма, Самара, возможно, низовья Сакмары и левобережье среднего течения р. Белой. Эта территория была периферией по отношению к основному району расселения болгар. Поэтому в процесс формирования «булгаро-мадярской» основы башкирского этноса была вовлечена лишь часть булгарских или же исторически связанных с ними племен. В этническом отношении эта группа не была однородной: преобладавшие в ней угро-мадярские племена (в сложении которых, в свою очередь, приняли участие сармато-аланы) подвергались интенсивной болгаризации, дополненной влиянием восточнотюркских и сибирско-угорских кочевников. Именно этим обстоятельством объясняется, очевидно, чрезвычайная разнохарактерность археологических памятников второй половины I тыс. н. э. на территории от Волги до Белой. Археологи в последние годы проделали чрезвычайно большую и ценную работу по изучению и этническому определению этих памятников. Однако степь и степная культура воздействовали, видимо, на культуру многих племен настолько пивелирующе, что этническая характеристика археологического материала, принадлежавшего кочевникам или полукочевникам, становится задачей чрезвычайной сложности. Едва ли является бесспорным стремление некоторых исследователей все или многие культуры первой половины и середины I тыс. н. э., принадлежащие кочевникам, приписывать «древним тюркам» или даже «древним башкирам»²⁰. Исторические данные дают основания думать, что были бы перспективными и плодотворными археологические изыскания, направленные на выяснение общей роли угорских племен в этнической истории народов Поволжья и Приуралья, на установление принадлежности некоторых степных и лесостепных культур, которые сегодня мы считаем тюркскими, тюркизированным уграм, а возможно, и древним мадярам. Культура древних мадяр, судя по описанию этих племен в средневековых источниках, должна выглядеть как степная и по внешним признакам как тюркская.

Если древнейшей основой башкир были «булгаро-мадярские» племена, то находят ли следы их воздействия в башкирском материале, кроме приведенной выше родо-племенной этнонимии? Это трудный вопрос, на который предстоит еще ответить и, вероятно, главным образом лингвистам. В работах башкирских языковедов имеются интересные материалы, свидетельствующие о наличии угорских элементов в башкирской лексике²¹, однако пока они слабо поддаются датировке и трудно установить, к какому этапу башкирско-угорского взаимодействия эти данные относятся. В плане выяснения булгарского влияния весьма любопытно отметить, что на территории современного расселения юрматынцев две наиболее высокие и овеянные легендами горы носят названия Тур-Тау и Курман-Тау, которые хорошо объясняются с позиций древнебулгарского и чувашского языков²². В целом же нам представляется малоперспективным искать признаки булгаро-мадярской этнической основы в живом разговорном языке башкир. Направление и ха-

¹⁹ Nemetz J. Указ. соч., стр. 8—21; А. Куник. О родстве кагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именику». — «Записки Академии наук», т. 32, кн. 2.

²⁰ Н. А. Мажитов. Башкортостан археологияһы. Өфө, 1968.

²¹ Н. Х. Ишбулатов. Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками. — «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4. Ижевск, 1967, стр. 101—104; Н. Х. Мажитов. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков. — Там же, стр. 149—153; С. Ф. Миржанова. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка. — Научная сессия по этногенезу башкир, стр. 175—178.

²² Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашы. Казань, 1902, стр. 60—66 и др.; Л. С. Толстова, У. А. Утимищев. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 4. Нукус, 1963, стр. 49—50.

рактир последующей этнической истории были таковы, что следы раннего этнического пласта могли отложиться, вероятнее всего, в физическом типе башкир, а также в местной гидронимии и топонимии.

5. Во второй половине I тыс. н. э. на обширных степных просторах Приаралья и низовьев Сыр-Дарьи в результате ассимиляции местных племен тюркоязычными кочевниками формируются печенежское и огузское племенные объединения, сыгравшие, наряду с кыпчаками, определенную роль в этногенезе башкир. В VII—VIII вв. в печенежской и печенежско-огузской этнической среде Приаралья складываются племенные общности, среди которых восточными источниками (Масуди, Идриси, Гардизи и др.) зафиксированы башкиры и бурзяны (*башджард*, *башгирд*, *басджирт*, *башджурт*, *башхарт*, *бурджан*). На севере Приаральских степей древние башкиры находились в этнических и исторических контактах с западносибирскими уграми (возможно, с предками обских угров, в частности — хантов). С этим периодом связано происхождение, применительно к части древних башкир, этнического наименования «истьяк, иштяк»²³. К группе «истьяк», по данным шежере, первоначально относились племена усерган-муштейн, тамьян, кубеляк, турна(к)лы, тубэлэс, дуван, бекатин и сарт.

6. Пребывание древнебашкирских племен в Приаралье (под этим названием подразумевается огромная территория от западного Прикаспия до верховьев Иртыша) подтверждается многочисленными преданиями и легендами. В преданиях содержится повествование о переселении предков башкир на Урал с Сыр-Дарьи, о древней родине башкир в «башкортских горах» где-то в районе Приаралья близ Бухары или у побережья легендарного моря Мбуф и т. д. Примечательны в этом отношении предания и легенды о животных-покровителях в башкирском фольклоре, объединенные единым сюжетом повествования: животное (обычно волк, реже конь, овца, корова) помогает найти дорогу заблудившимся предкам башкир и приводит их из Приаралья на Урал. Предания, в которых фигурирует волк-покровитель, восходят к древнетюркской мифологии; сюжеты и мотивы этих преданий имеют параллели в фольклоре многих тюркских и угорских народов²⁴.

Предания, легенды и вообще этнографический материал некоторые исследователи считают недостаточно прочным аргументом в этногенетических построениях. Именно на этом основании подвергается критике и сомнению мысль о пребывании предков ряда башкирских племен в Приаралье. Но дело в том, что факты, события, географические названия, связанные с древней этнической историей башкир и с пребыванием их предков в Приаралье, не только область преданий. Интересующие нас сведения имеются в сочинениях восточных писателей.

Бируни (X—XI вв.) следующим образом характеризует седьмой климат, населенный, по его словам, «различными разрядами тюрков»: «Область, занимаемая седьмым климатом, проходит через горы Башхарт, через пределы печенегов, города Сувар и Булгар...» и т. д.²⁵ «Горы Башхарт», которые часто фигурируют в башкирских преданиях, находились до «пределов печенегов», т. е. где-то к востоку или югу от Аральского моря.

В восточных источниках имеются и более прямые указания, свидетельствующие о пребывании древних башкир в Приаралье. Масуди (X в.), говоря о причинах движения кочевников на запад, пишет о борьбе «четырех тюркских племен с востока «на Джурджанийском (Аральском.— Р. К.) озере» с гузами, карлуками и кыпчаками. Масуди приводит названия этих «тюркских племен», которые в конечном итоге были вытеснены из Приаральских степей: печенеги, башкиры, бурзяны и «наукерде». Чрезвычайно ценно то, что в сочинении Масуди имеется указание на этническое родство башкир и бурзян

²³ Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. — АЭБ, т. 3, стр. 242—248.

²⁴ Там же, стр. 228—240.

²⁵ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 95.

с печенегами. Он пишет: «бурджаны», «баджнаки» (или печенеги) и «баджгирды» «суть три рода из турка»²⁶.

Для определения территории древних башкир небезынтересны некоторые сведения из сочинения Гардизи (XI в.). Он упоминает о башкире — подданном хазарского кагана, который жил «между хазарами и кимаками с 2000 всадниками»²⁷. Это известие Гардизи явно относится не к XI в., а к более раннему периоду (как и сведения Бируни, Масуди). В XI в. башкиры жили к с е в е р у от кыпчаков (точнее, составляли северную область Дешт-и-Кыпчака) и никак не могли оказаться «между хазарами и кимаками». Гардизи отражает ту эпоху в истории башкирских племен, когда они чочевали к востоку (или к северо-востоку) от хазар и к западу от кимаков, т. е. где-то в безбрежных степях Прикаспия и северного Приаралья. Гардизи строго придерживался обычной для арабо-персидской литературы преэмптенности традиций, включив в свое сочинение сведения о башкирах, заимствованные у предшественников, видимо, IX в., не считаясь с тем, что в XI в. этническая карта и политическая обстановка в этом районе мира существенным образом изменились.

Не менее ценные сведения, также относящиеся к раннему периоду арабской историографии, содержатся в сочинении Идриси (XII в.). «Ниже г. Хиама, — пишет Идриси, — впадает в реку Руза большая река, текущая с севера от этой реки с больших гор, отделяющих страну гузов от страны баджиртов. Эти горы называются горы Мургар»²⁸. Приведенный отрывок заимствован у Джейхани (начало X в.), который сообщает, что р. Руза впадает в Хорезмское (Аральское) озеро. Цитированные сведения Идриси и Джейхани восходят к еще более старым сочинениям, возможно к Ибн Хардадбеху (IX в.). Об этом говорит то, что огузы представлены живущими к северу от Аральского моря, т. е. в ранний период их продвижения в Среднюю Азию. Следовательно, башкиры, страна которых находилась в соседстве со «страной гузов», по крайней мере в VIII в., обитали в области северного Приаралья. В этом свете невозможно пройти мимо замечания В. И. Филопенко, который еще в 1915 г. обратил внимание на то, что два притока верхнего Иртыша носят названия Большая и Малая Башкурка (*Ою Башкорт, Кесе Башкорт*). Он связывает это с преданиями о приходе башкир из Сибири²⁹.

На это можно было бы завершить доказательства: сведения Бируни, Масуди, Гардизи, Идриси, Джейхани в полном соответствии с башкирскими этногенетическими преданиями и легендами указывают на Приаралье как на область обитания башкирских племен. Однако наши оппоненты (которые идею об Урало-Приаральских этнических и хозяйственных связях не совсем точно и удачно называют «приаральской теорией происхождения башкир»³⁰), стремясь доказать абсолютную автохтонность башкирского этноса, ссылаются, в частности, на сведения Саллама Торджемана³¹. По их мнению, Саллам Торджеман в 842 г. побывал среди башкир на территории современной Башкирии. Такая трактовка известия Саллама заставляет еще раз³² остановиться на анализе предпринятого им путешествия.

Саллам Торджеман совершил путешествие по приказу халифа Васика. Сведения о путешествии в изложении самого Саллама сохранились в сочинении Ибн Хардадбега, у которого они заимствованы Идриси. Русский перевод доклада Саллама халифу в извлечениях из Идриси опубликовал в 1909 г. Н. П. Пантусов. Из столицы Хазарии Итиля

²⁶ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870, стр. 126—127; МИТТ, т. 1, М—Л., 1939, стр. 166.

²⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 109; С. А. Масартней. Указ. соч., стр. 37.

²⁸ МИТТ, т. 1, стр. 221.

²⁹ В. И. Филопенко. Башкиры. Уфа, 1915, стр. 3.

³⁰ Н. А. Мажитов. Происхождение башкир, стр. 28.

³¹ Н. П. Пантусов. Сведения арабских географов о Средней Азии. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 25, вып. 5. Казань, 1909, стр. 95—104.

³² Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир..., стр. 235—236.

посланцы халифа двинулись в сопровождении 5 проводников, «которые,— по словам Саллама,— довели нас через 27 дней до пределов страны башкир»³³. Большинство исследователей, изучавших доклад Саллама халифу Васуку, считают, что из Хазарии Саллам и его спутники направились не на север, а на восток. М. И. Артамонов вслед за Де-Гуе полагает, что целью путешествия была Великая Китайская стена³⁴. Н. П. Пантусов доказывает, что, судя по описанию Салламом увиденных им стран и народов, он побывал где-то в районе Алтая, в верховьях Иртыша³⁵. Такое толкование маршрута Саллама является правильным еще и потому, что обратно в халифат он вернулся в 844 г. через города «Лохман (или Лощман), Гариян, Таран, Самарканд»³⁶. Если бы Саллам был на Урале, избранный им маршрут возвращения невозможно было бы объяснить. Следовательно, через 27 дней после хазарской столицы Итиля, двигаясь к востоку, отряд Саллама вступил в страну башкир где-то в северном или северо-западном Приаралье.

Таким образом, вся совокупность этнографических и письменных источников свидетельствует о том, что группа тюркских племен под общим названием «башкиры» издавна обитала на широком пространстве Приаралья, постепенно продвигаясь к западу. Основным районом расселения башкирских племен непосредственно перед их массовым передвижением на запад было северное Приаралье, где они, очевидно, входили в состав печенежского объединения. Судя по некоторым, пока косвенным, данным, башкиры (или племена их составившие) на территорию Приаралья пришли с востока, с верховьев Иртыша (В. И. Филоненко) и из Южной Сибири. Любопытный материал в этом свете дает анализ карты М. Кашгари. И. Умняков, посвятивший карте специальное исследование, пришел к выводу, что ее автором был не М. Кашгари, а другое лицо, которое находилось под влиянием более ранних географов. Следовательно, карта Кашгари, по заключению Умнякова, отражает расселение племен и народов не в XI в., а предшествующей эпохи (ориентировочно, середины второй половины I тыс. н. э.). На карте вблизи Волги (Итиль), где показаны бугтары, сувары и другие племена, башкиры не обозначены. Они расселены значительно восточнее, в междуречье верховьев Иртыша и р. Или. По обоим берегам р. Или указаны племена йагма, тухси, часть джикилей и в непосредственной близости от них «степи башкир»³⁷. Когда обнаружатся новые материалы, подтверждающие правильность этнической карты М. Кашгари, вопрос о древних восточнотюркских корнях башкирского этноса можно будет считать решенным. Восточнотюркские предки башкир в своем постепенном движении с востока на запад преодолели, очевидно, огромный путь. Удобные для кочевников Приаральские степи на десятилетия, а может быть и столетия, стали их временной родиной, где в этническом взаимодействии столкнулись многие местные и пришлые племена.

7. Несколько особняком стоит вопрос о бурзянах («бурджаны» арабских источников). В литературе этнонимы бурзян и бурджан многими исследователями отождествляются, и с этим нет оснований не соглашаться. Однако в истории средневековых бурджан пока много неясного. Большинство востоковедов под бурджанами имеют в виду дунайских болгар³⁸. К этому также есть некоторые основания: ал Бекри, Абу-л-Фида, Якут говорят о бурджанах как о соседях румийцев³⁹. Однако соседство бурджан с Византией и этническое отождествление бурджан с дунайскими болгарами является результатом исторического развития. Бурджаны были тюркским племенным объединением, происхождение

³³ Н. П. Пантусов. Указ. соч., стр. 96.

³⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 37.

³⁵ Н. П. Пантусов. Указ. соч., стр. 104.

³⁶ Там же, стр. 100.

³⁷ И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира (XI в.)—«Труды Самаркандского педагогического института», т. I, вып. 1. Самарканд, 1940, стр. 108, 115, 118; Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони. Тошкент, 1960, стр. 62—карта.

³⁸ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 15.

³⁹ А. Куник и В. Розен. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 64; Мурат Рамзи. Талфихел-Эхбар... Оренбург, 1907, стр. 241.

которого связано со Средней Азией, Приаральем и более восточными областями. Кроме данных исторической этнографии, тюркское и восточное происхождение бурджан достаточно убедительно аргументируется сведениями арабо-персидских источников. Выше цитировался Масуди, который бурджан вместе с башкирами причисляет к племенам, родственным печенегам, и упоминает об их расселении близ Аральского моря. В книге Мурата Рамази «Тэлфиқол-Эхбар...»⁴⁰ собраны немногочисленные, но весьма интересные сведения о бурджанях. По Ибн-аль-Асиру, бурджаны в середине I тыс. н. э. жили в районе современной Хивы и участвовали в борьбе против Ануширвана. ал Бекри рассказывает об участии бурджан в борьбе против экспансии в VIII в. арабского халифата в Среднюю Азию. Примерно в этот же период поэт Абу-Нэжил-Ал-Тамири упоминает бурджан в одном из своих стихотворений. Эти данные, а также предания башкирских буржан о приходе предков на Урал с Сыр-Дарьи доказывают, что бурджаны представляли собой крупное племенное объединение, генетически близкое к башкирам и печенегам. Это, вероятно, были активные, воинственные кочевники Приаралья, которые, участвуя в политической борьбе той эпохи, заходили далеко на юг. ал Самани указывает, например, что одно из селений Мерва в Зфарсахтах от него называлось Бурсанджирд⁴¹.

Забегая несколько вперед, заметим, что бурджаны (бурзяны), видимо, продвинулись на запад в авангарде печенежской волны. Уже ал Джарми, который писал свое сочинение в 845 г. и которого мы знаем через Масуди, пишет о бурджанах наряду с болгарями, аварами, хазарами и другими восточноевропейскими народами.

8. Мысль о тесном соприкосновении тюрков и угров в Западной Сибири не раз высказывалась С. П. Толстовым, Т. А. Жданко, А. Н. Бернштамом, М. И. Артамоновым, Л. Н. Гумилевым, М. Рясененом, А. Х. Халиковым и др. В плане этнической истории башкир установление их этнического взаимодействия с уграми имеет особенно существенное значение. Выше упомянуто, что группа башкирских племен имела общее название «истьяк» или «иштяк». Этноним *истьяк* применительно к башкирам возник в Приаралье или Западной Сибири и известен, по крайней мере, с начала XIII в.; в начале XIV в., в 1310 г., Рабгузи Исфганский, живший при дворе Шейбани-хана, описал жизнь пророков «для народа иштякского», т. е. для башкир⁴². Позднее (вплоть до XX в.) башкир называли *иштяками* казахи, ногайцы и другие народы.

В литературе уже высказывалось мнение о том, что этнонимы *истьяк* и *остьяк* имеют общее происхождение, хотя речь идет об одном из тех случаев, «когда одно общее имя дается различным народностям»⁴³. В плане нашей работы важно установить время и место происхождения этнонима *истьяк* применительно к башкирам. Этнографы располагают по этой теме новым материалом, который уже подвергнут исследованию и опубликован⁴⁴. Основной вывод, подданный проведенным анализом, следующий: на обширной территории Приаралья и прилегающих к нему областях Сибири во второй половине I тыс. н. э. имели место контакты сибирских угров и древних башкирских племен. В одном из этих районов предки обских угров и часть древних башкир (а также предки сибирских татар) получили общее наименование *остьяк* или в тюркском варианте *истьяк*, *иштяк*. Это хорошо согласуется с предположенной еще в начале века венгерским ученым Мункачи этимологической трактовкой этнонима *остьяк* как *As-jax*, т. е. обские люди⁴⁵.

Сформулированный выше вывод подтверждается и наблюдениями из области материальной культуры. С территорией расселения башкирских племен из группы *истьяк* сов-

⁴⁰ Мурат Рамази. Указ. соч., стр. 241—242.

⁴¹ МИТТ, т. 1, стр. 327.

⁴² «События в Уфимском крае до основания города Уфы». — Выписка из рукописи татарского переводчика М. Уметбаева, л. 3 (рукопись хранится в Секторе археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР).

⁴³ С. Сомье. О башкирах. Екатеринбург, 1891, стр. 24.

⁴⁴ Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир..., стр. 242—248.

⁴⁵ Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 41.

падает распространение старинных вышивок, выполненных в технике косо́го стежка и росписи. Техника и мотивы узоров на вышивках — противостоящие птицы — хорошо известны обским уграм и западносибирским татарам, хотя эта группа башкир в исторически обозримом периоде ни с теми, ни с другими территориально не соприкасалась. С. И. Руденко и Н. В. Бикбулатов считают такой тип вышивки «результатом ранней этнокультурных связей башкир с угро-финским миром», которые могли иметь место в Приуралье и Западной Сибири ⁴⁶.

В целом материалы и выводы об этнониме *истьяк* вносят новый аспект в так называемую башкиро-мадьярскую проблему; они свидетельствуют о том, что история башкиро-угорских исторических и этнических связей имела несколько этапов, которые развивались на разных территориях и в разное время.

9. В IX в. под давлением восточных кочевников печенеги, а в их составе бурджаны и башкиры, устремились в Восточную Европу и далее на запад. С этого момента этногенез башкир целиком протекал на современной территории Башкирии. Бурджаны-бурзяны частично расселились на Бугульминской возвышенности, а в основной массе двинулись на запад, где они, смешавшись с другими племенами, приняли участие в формировании дунайских болгар или, позднее, растворились в составе крымских татар, гагаузов и других народов. Башкирские племена, следуя глубоко традиционному урало-аральским маршрутом перекочевков, заселили во второй половине IX в. западное и южное Приуралье и Зауралье. Башкиры и бурзяны, будучи многочисленными и воинственными кочевниками, вступили в активные этнические контакты с булгаро-мадьярской основой этноса и другим местным населением. С этим периодом этногенеза башкир, кроме перечисленных выше племен группы «истьяк», связаны племена *бурзян, байляр, тангаур, бишул*, возможно — *бадрак, илан*.

Центром расселения башкир в IX—начале X вв. (Древняя Башкирия) становится в основном территория к западу от р. Белой (Бугульминская возвышенность). Заселяется частично и юго-восточное Зауралье. Видимо, уже тогда наметились региональные особенности в этническом формировании западной и восточной частей башкир, которые по историко-этнографическим материалам XVII—XVIII вв. просматриваются совершенно четко. Это нашло отражение и в средневековых восточных источниках, подразделявших башкир на «внутренних» и «внешних» (Идриси).

Миграция башкирских племен и бурджан и их смешение с булгаро-мадьярским субстратом и другими местными племенами, главным образом, на территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности были у з л о в ы м м о м е н т о м в формировании древнебашкирского этноса. Полная ассимиляция булгаро-мадьярских и других местных родоплеменных групп, судя по археологическим данным и сведениям Юлиана, завершилась позднее. Но уже на рубеже IX—X вв. сложилась башкирская этническая общность, послужившая основой для дальнейшего остановления башкирского народа и обусловившая на Южном Урале и Приуралье новое направление формирования культуры, характерное для тюркских кочевников. К этой эпохе восходит, вероятно, формирование тех признаков башкирского языка, которые и сегодня составляют его специфику (преимущественно фонетическую) в ряду родственных кыпчакских языков. С этим же периодом связано перенесение на новую территорию и постепенное распространение на все объединение этнонима *башкорт*, происхождение которого восходит к древнетюркской этнической среде.

Какой этнический компонент сыграл ведущую роль в этногенезе башкир? Нам представляется, что при всем крупном значении, которое справедливо придавать булгаро-мадьярским этническим группам и другим местным (сармато-аланским, финно-угорским) пле-

⁴⁶ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 303—305; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, стр. 89—91.

менам в формировании древнебашкирского этноса, ведущую роль в этом процессе сыграли пришедшие тюркоязычные кочевники.

10. Намеченная схема раннего этапа этнической истории башкир, а также новейшие исследования, главным образом в области исторического языкознания, позволяют более определенно оценить ставшую для нашей историографии традиционной дискусионную проблему башкиро-мадьярского родства. Хотя мадьярские племена, сильно смешавшиеся с другими этническими образованиями, и сыграли определенную роль в формировании башкирского народа, однако в целом нет оснований ставить знак равенства между древними венграми и башкирами. Башкирские племена на территории современной Башкирии и в то время не находились в этническом взаимодействии с основной частью древних венгров, которые во второй половине I тыс. н. э., во всяком случае не позднее первой трети IX в., т. е. еще до миграции сюда основной массы башкирских племен, покинули так называемую Великую Венгрию, навсегда утратив этнические связи с оставшейся частью соплеменников. Можно предполагать, что в Приуралье остались потомки тех венгров, которые наиболее сильно подверглись влиянию окружающей этнической среды, преимущественно болгарской и, возможно, раннетюркской. Иначе трудно было бы объяснить почти полное отсутствие следов мадьярского воздействия в современном башкирском языке.⁴⁷ В этом плане утверждения некоторых археологов о том, что население Башкирии VII—VIII вв. «смело можно называть башкирами»⁴⁸, едва ли можно принять. Тогда пришлось бы допустить длительное общение и взаимодействие башкир и венгров, что непременно нашло бы отражение в языке. Нам кажется более вероятным, что наличие угорских элементов в гидронимии и отсутствие их в живой речи говорит о смене населения и ассимиляции пришедшими кочевниками оставшейся части аборигенов. Задачей будущих исследований остается определение происхождения тех племен, этнонимы которых представлены как в составе венгров, так и башкир (*юрматы, еней* и др.). Не исключено, что эти племена, включая в свой состав мадыро-угорский компонент, принадлежали по происхождению к булгаро-чувашскому этническому миру.

11. В X в. этническое развитие продолжается в направлении, определенном миграцией башкир и бурзян на территорию Башкирии. Этнические и хозяйственные связи кочевников-башкир с Приаральем и смежными областями не прерываются, однако в соответствии с установившейся исторической тенденцией шел процесс постепенного сдвига тюркских племен на запад, в том числе на Южный Урал и Приуралье. В IX—X вв. имеет место и обратное движение населения с Южного Урала в Приаралье (эта тенденция, постепенно затухая, сохранялась вплоть до XVII—XVIII вв.), с чем, видимо, связаны некоторые из многих общих черт в этнонимии и этнографической характеристике башкир, каракалпаков и туркмен. Урало-аральские этнические взаимосвязи стимулировали приток в Башкирию новых групп кочевников, которые, принадлежа к тюркскому этническому миру, все же имели специфику в языке и культуре. В отличие от IX—начала X в. во второй половине X в. в составе мигрирующих в Башкирию кочевников преобладают родо-племенные группы, этнически близкие к огузам: *ай (айле), кудей, коисо, каратаулы, сызы, ун, балыксы(?)*, *танып(?)*, *туркмен*.

Территория башкир в X в. расширяется за счет продвижения на север — в долины рек Ай, Юрюзань, в верховья Яика. Башкирские племена с Бугульминско-Белебеевской возвышенности постепенно распространяют кочевки на восток, осваивая предгорья и горы Южного Урала. В этот период сложились, видимо, предпосылки к формированию юго-восточной и северо-восточной этнографических групп башкир (соответственно — южного и восточного диалектов): основой первой группы явились бурзяны (бурджаны) и башкир-

⁴⁷ Б. А. Серебряный и др. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22—23; R ä s ä n e n M. Gidit es im Baschkirischen etwas Ungarisches? — «Acta orientalia», Budapest, 1960, т. XII, fasc. 1—3, стр. 73—78.

⁴⁸ Н. А. Мажигов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964.

ские племена, смешавшиеся с болгаро-мадьярской этнической основой; второй — башкирские племена, близкие по происхождению к огузскому этническому миру и впитавшие в себя ранее пришедших угро-тюрков, и, возможно, местное финно-угорское население.

12. В начале XI в., с вытеснением кыпчаками печенегов и огузов из прикаспийских степей, башкирские племена в определенной степени обособляются от печенежско-огузской этнической среды, хотя имеются данные, свидетельствующие о том, что *бурджаны*, *бияры* вплоть до XIII в. поддерживали контакты с ушедшими в Причерноморье и на Дунай соплеменниками. Теперь, однако, постепенно нарастает волна кыпчакского этнического воздействия, которая, проникая во все части древнебашкирского этноса, влияет на его формирование, нивелирует племенные различия, убыстряет процесс ассимиляции болгаро-мадьярских и других племен. Время с начала XI в. до монгольского нашествия можно характеризовать как этап активного формирования тех основных признаков (язык, материальная и духовная культура), которые лежат в основе современного этнического облика башкир. Кыпчакский слой в конечном итоге оказался значительным, но при сохранении в разных пропорциях (нередко весьма существенных) у различных этнографических групп докыпчакских этно-культурных признаков. Однако процесс кыпчакизации до XIII в. не завершился: во-первых, в XI—XII вв. кыпчаки, занятые борьбой в причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север⁴⁹, и поэтому в численном отношении первая кыпчакская волна в Башкирию была, видимо, невелика; во-вторых, в башкирский этногенез первоначально включились в основном не собственно кыпчакские племена, а родо-племенные группы (в том числе монгольское происхождение), присоединившиеся к кыпчакам до их продвижения в Волго-Яицкие степи и ассимилированные ими: *катай*, *кузгун*, *сынгаря*, возможно *гэрэ*, *таз*. Во то же время кыпчакское направление этнокультурного развития определилось совершенно четко: уже во второй половине XI в. язык башкир был близок к языку огузов и кыпчакского⁵⁰.

К началу XIII в. среди башкирских племен углубляется процесс социально-экономического развития, характерный для раннеклассовых обществ, появляется достаточно сильная тенденция к политической централизации, которая, однако, была прервана монгольским вторжением.

13. В плане этнической истории монгольское нашествие привело к резкому усилению собственно кыпчакской миграционной волны (*кыпсак-токсоба*, *сэнким*, *карий-кыпсак*, *бушман*, *канглы*, *карыны*, *кыргыз* и др.) и к завершению формирования этнических признаков башкир. Однако консолидация башкирских племен в народность осложняется и замедляется политическими событиями эпохи. Разгром Булгарского государства и ослабление его политического влияния привели к известному отрыву башкир и Башкирии от болгарского этнического мира, хотя в соответствии с концепцией формирования современных тюркских языков⁵¹ можно утверждать, что именно длительным (домонгольским и, особенно, послемонгольским) кыпчакским воздействием правильно объяснить родство и близость языка и культуры башкир и татар (имея при этом в виду, что ранние этапы этногенеза обоих народов в какой-то степени также развивались параллельно).

Существенно изменяется в XIII в. территория расселения башкир. Центр расселения башкирских племен с Бугульминско-Белебеевской возвышенности резко сдвинулся на восток и север; башкиры прочно заселили горы Южного Урала, северо-восточную Башкирию вплоть до излучины р. Уфы. Одновременно под давлением завоевателей, а позже —

⁴⁹ А. Н. Поляк. Новые арабские материалы позднего средневековья о восточной и центральной Европе. — «Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы». М., 1964, стр. 42—43.

⁵⁰ Махмуд Кашгарий. Туркий сузлар девони, стр. 64.

⁵¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 104 и др.; ег о ж е. Этнолингвистическая классификация диалектных систем тюркских языков. М. 1964, стр. 2—3; «Тюркские языки», М., 1966, стр. 7—13.

ногайцев, башкиры в основной массе покинули южную и юго-западную Башкирию — древнюю родину и традиционные места кочевков. Перейдя р. Белую, они начали продвижение по левобережью Камы и течению Быстрого Таныпа в малопривгодные для кочевников таежные северные и северо-западные районы. Здесь, смешавшись с местным населением, башкиры существенным образом перестраивают хозяйство, осваивая привычные для этих мест охотничье-лесные и, возможно, земледельческие занятия. Самарские степи, лесостепные просторы возвышенности по долинам рек Шешма, Зай, Большой Ик, Сюнь, Чермасан, Кармасан, Дема надолго (в ряде случаев — навсегда) перестают быть главными районами башкирских кочевков, хотя, в зависимости от политической обстановки в Золотой Орде и взаимоотношений с золотоордынцами, башкиры периодически возвращаются на старые летовки или зимовки, где оставалась часть их соплеменников.

В XIII в. в башкирский этногенез подключились тюркизированные, но монгольские по происхождению родоплеменные группы: *салют*, *меркит*. В целом монгольское нашествие, наряду с усилением кыпчакской волны, обусловило продвижение и участие в этническом оформлении башкир, особенно северо-восточных, племен и родов, в культуре которых явно просматриваются восточные центральноазиатские черты (*табын*, *ирэктэ*, *барын*, *тилеу*, и др.).

14. XIV—XV вв. являются периодом активной этнической и в какой-то степени политической консолидации башкир. Пребывание в составе Золотой Орды, а затем раздробление территории Башкирии между тремя ханствами (Ногайским, Сибирским и Казанским), в условиях углубления общественного развития и формирования собственной социальной верхушки (ханы, бии, тарханы, мурузы), развивают и усиливают в недрах башкирского общества тенденции к укреплению внутренних общенародных связей, стремление к независимости от господства ханств, образовавшихся на развалинах Золотоордынского государства. Политические события эпохи, междоусобная борьба золотоордынских ханов, стремление башкир отстоять свою независимость вызвали существенные изменения в расселении многих башкирских племен, взаимное их смешение, дальнейшее расширение территории Башкирии к северу, более четкое оформление южной и северо-восточной этнографических групп на территориальной основе.

В то же время продолжается приток и включение в этнический процесс новых родоплеменных групп, которые хотя и оставили заметный след на этнографическом облике башкир, но не могли существенным образом повлиять на направление формирования уже сложившегося в основном этноса. Преобладающим в потоке нового пришлого населения остается кыпчакский элемент: это были родо-племенные образования, составлявшие население обширного региона от западного Причерноморья до казахстанских степей и Двуречья. В преданиях башкирских племен и родов *мин*, *суби*, *кор-куле*, *табын*, *кара-табын*, *инзер-катай* прослеживаются связи с Северным Кавказом, Причерноморьем, Мавераннахром⁸².

В XV — начале XVI вв. в этническом составе башкир заметный след оставили ногайцы (*ногай-бурзая*, *ногай-юрматы*), ногайские роды племени *мин*, подразделение *ногай* в составе многих южных и восточных племен), этнические связи которых с башкирами продолжались и в последующем. С ногайским периодом, возможно, связаны приход и расселение в Башкирии некоторых катаяйских и табынских родов.

15. XVI в. — завершающий этап в сложении башкирской народности. В первой половине и середине XVI в. усиливается борьба башкир с ногайским господством, обостряются отношения с Казанским и Сибирским ханствами. С этой борьбой и ростом внутреннего сопротивления связаны дальнейшее формирование этнического самосознания, четко определяющаяся тенденция к политическому объединению народа, стремление к единству действий в крупных исторического значения решениях. Кульминационным моментом этого процесса было почти одновременное присоединение большинства башкирских племен

⁸² Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 58, 108 и др.

(1555—1557 гг.) к Русскому государству, что положило конец политической раздробленности башкир и позволило им объединиться в пределах единого государства.

В результате событий, предшествовавших присоединению Башкирии к Русскому государству, ногайцы (вместе с ними небольшие группы башкир) в основной массе покинули территорию Южного Урала и Приуралья, откоचेвав в прикаспийские степи, Северный Кавказ, Крым и другие районы. На большую часть освобожденных земель (юго-запад современной Башкирии, присамарские и южные степи) вновь вернулись башкиры, которые (особенно племена *мин* и *юрматы*) ассимилировали оставшиеся здесь группы погайцев. С указанной территорией в разное время была связана ранняя история многих (как южных, так и северо-восточных) башкирских племен, которые в новых условиях в тех или иных масштабах стремились вновь закрепиться на этих землях (*бурзян*, *юрматы*, *табын*, *катай*, *мин* и др.). Поэтому здесь сложился этнически смешанный район с некоторыми специфическими проявлениями в языке и культуре. Дальнейшее направление этнического развития в этом районе закрепило специфику культуры местного населения, что послужило основанием для выделения юго-западных башкир в самостоятельную этнографическую группу.

С присоединением Башкирии к России усиливается продвижение башкир на север, на Пермские земли. Это движение, начавшееся еще в домонгольское время, в XVI в. достигло наивысшей фазы, что было связано, с одной стороны, с активизацией политической жизни башкирского общества, с другой — с потребностями дальнейшего развития промысловой охоты. Башкирские поселения в XVI в. достигли Осы, Перми, Кунгура. Здесь, на северных землях — от долины Быстрого Таныпа до Чусовой, башкиры вступают в этнический контакт с местным, преимущественно угорским (вогульским) населением, которое потепенно ассимилируется в башкирской этнической среде⁵³. Башкиро-угорское (в меньшей степени башкиро-финское) смешение оставило определенный след на этническом облике северных и северо-западных башкир и создало предпосылки для их обособления в этнографическую группу. Однако формирование северо-западной этнографической группы происходило под сильным влиянием татар, и завершение этого процесса относится к более позднему (XVII—XVIII вв.) времени.

Таким образом, в XVI в. окончательно складывается территория Башкирии, определяются контуры всех этнографических групп в пределах е д и н о й н а р о д н о с т и, формируются этническое самосознание и стремление к политическому объединению, которое реализовалось в добровольном присоединении Башкирии к Русскому государству.

⁵³ В. Н. Вишняевский. Следы угров на западном Урале.— «Ученые записки Пермского государственного университета», т. 12, вып. 1. Пермь, 1960.

А. Х. ХАЛИКОВ
(Казань)ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНОГЕНЕЗЕ БАШКИР И ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИУРАЛЬЯ

Башкирский и татарский народы, являющиеся ближайшими соседями, проявляют во многих сторонах быта, культуры, языка и антропологического облика достаточно большую близость, если не сказать тождественность. Язык башкир ближе всего к языку поволжских татар и вместе с последним, и только с ним, составляет так называемую булгарскую подгруппу кыпчакской группы кыпчакско-западной ветви тюркских языков¹.

Этнографы также подчеркивают значительную близость и в ряде случаев сходство материальной и духовной культуры башкир и поволжских татар, что особенно наглядно проявляется при сопоставлении хозяйства, жилых построек, одежды, вышивки, празднеств и некоторых других сторон жизни башкир² и татар³. Имеются и антропологические параллели.

Чем же обусловлена столь большая близость обоих народов?

Большинство исследователей полагает, что современная этнолингвистическая близость поволжских татар и башкир представляет собой явление позднего порядка⁴. Они считают, что «в результате длительного и постоянно возрастающего влияния татар западные башкиры в большинстве своем к середине XIX в. восприняли татарский язык и многие элементы татарской культуры»⁵.

Высказывались и другие мнения. В частности, Н. А. Баскаков⁶, А. П. Смирнов⁷, Р. Г. Кузеев⁸ считают, что этническую близость башкир и татар, вероятно, следует объяснить не только их позднейшим взаимодействием, но и участием в формировании сходных компонентов, в особенности булгар и кыпчак эпохи Золотой Орды.

Мне думается, что последняя мысль более правильная, но и она требует своего углубления, особенно во времени.

В поисках объяснения сказанного обратимся к материалам и, в первую очередь, к археологическим. В послевоенные годы, благодаря широким полевым работам на территории Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья и башкирского Приуралья, получены значительные новые фактические данные, которые не только уточняют наши представления, но и заставляют по-новому рассматривать многие вопросы древней и средневековой истории указанных районов. Эти материалы показывают, насколько тесно были переплетены пути этнического и культурного развития населения Волго-Камья и Приуралья.

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 282.

² С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л. 1955; Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.

³ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967

⁴ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 352.

⁵ «Народы мира». Народы Европейской части СССР, II. М., 1964, стр. 684.

⁶ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 213.

⁷ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии.— МИА, 58. М., 1959, стр. 106, 107

⁸ Р. Г. Кузеев. Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX века.— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969.

Ни у кого из современных исследователей не вызывает сомнения факт относительно позднего появления в Восточной Европе, в том числе и в Волго-Камье и Приуралье, тюркоязычных племен. Но, говоря о формировании тюркоязычных народов края, мы не можем игнорировать и более древние, т. е. дотюркские, этнические компоненты, уводящие нас в глубины эпох раннего железа, бронзы и камня.

Бассейн р. Белой не только географически был связан с Волго-Камьем. Как показывают археологические материалы, с древнейших времен бассейны рек Белой, Нижней Камы и Средней Волги были заняты преимущественно родственными финно-угорскими группами населения.

Начало тюркизации Волго-Камья и башкирского Предуралья относится, примерно, к одному времени. Еще в 30-х годах А. В. Шмидт высказал мысль о вероятном проникновении в башкирское Предуралье древнейших тюркоязычных племен в первых веках н. э. и увязал эти события с гуннским нашествием в Европу⁹. Изменение этнической карты Предуралья в III—IV вв. н. э. предполагает и А. П. Смирнов, но он считает, что оно происходило за счет проникновения в край сарматских ираноязычных племен¹⁰. Н. А. Мажитов полагает, что «на территории северной Башкирии и Среднего Прикамья в III—IV вв. продолжает существовать население, являвшееся прямым потомком пьяноборских племен»¹¹. В последние годы он поддержал, к сожалению, без каких-либо существенных доказательств мысль, высказанную в свое время Н. Ф. Калининным, С. И. Руденко и другими, о проникновении тюркоязычных племен еще в ананьинское время, т. е. до н. э.¹². Но, как показывают материалы, полученные исследователями в последние годы, в том числе и самим Н. А. Мажитовым, говорить о каких-либо серьезных изменениях этнокультурной карты в башкирском Приуралье и Прикамье до II—III вв. н. э. не приходится. Другое дело указанный хронологический рубеж.

Не позже грани II—III вв. перестают существовать родственные племена кара-абызской (башкирское Предуралье)¹³ и пьяноборской (Прикамье)¹⁴ культуры. Часть этих племен вливается в состав новых этнических образований, таких, как бахмутинское¹⁵ и мазунинское¹⁶, другая—передвигаясь на запад, оседает в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье. В Прикамье в III—IV вв. появляются резко отличные от местной культуры памятники типа Тураевских¹⁷ и Харинских¹⁸ курганов.

Показательно совпадение погребального обряда Тураевских курганов (насыпи из земли и камня, очень глубокие ямы, их северная ориентировка, наличие гробовищ с перекрестием из поперечно положенных плашек) с погребальным обрядом хуннских памятников начала н. э. (Ноин-Ула, Дерестун и др.). Не исключено, что они были оставлены тюркоязычными племенами западнобашкирского и северо-среднеазиатского происхождения, сдвинутыми с места гуннским нашествием. Если это так, то, очевидно, с этих племен мы должны начинать период тюркизации Приуралья.

⁹ А. В. Ш м и д т. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР.— «Хозяйство Башкирии», № 8—9. Уфа, 1929.

¹⁰ А. П. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 37.

¹¹ Н. А. М а ж и т о в. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э.— АЗБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 103—104.

¹² Н. А. М а ж и т о в. Происхождение башкир (историко-археологический анализ).— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 19—20.

¹³ А. Х и щ е н и ч ю к. Население центральной Башкирии на рубеже н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1967.

¹⁴ В. Ф. Г е н и н г. Азелинская культура.— ВАУ, вып. 5. Свердловск, 1965, стр. 17.

¹⁵ Н. А. М а ж и т о в. Бахмутинская культура. М., 1968.

¹⁶ Мазунинская культура.— ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967.

¹⁷ В. Ф. Г е н и н г. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье.— ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962.

¹⁸ В. Ф. Г е н и н г. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа.— Труды КФАН, вып. 2. Казань, 1959, стр. 185.

Ближе к рубежу IV—V вв. не только на территорию Приуралья, но и Среднего Поволжья внедряются новые этно-культурные группы, очевидно, связанные с основной волной гуннского нашествия на Европу. Особенно разнородными они были на территории башкирского Предуралья, где исследователи к середине I тыс. н. э. относят такие новые образования, как романовская, турбаслинская, кушнаренокская, салиховская и др.¹⁹ Нижнее Прикамье и часть Среднего Поволжья в это же время осваиваются именьевскими племенами²⁰. В. Ф. Генинг предполагает, что часть этих племен (турбаслинские, именьевско-романовские) была тюркоязычной, а часть (кушнаренокские, чермасанские, салиховские и др.) — угроязычной²¹.

Мне думается, что в своей основной массе племена IV—V вв. башкирского Предуралья и Нижнего Прикамья были этнически более однородными. Хотя для них были характерны два типа погребального обряда (трупосожжение на стороне с помещением праха в небольшие ямах вместе с плоскодонными сосудами; трупоположение в грунтовых или курганных могильниках с помещением умерших в глубоких ямах, иногда с заплечиками и нишами-подбоями, преимущественно северная ориентация таких погребенных, нередко сопровождение умерших шкурой лошади), но материальная культура их имеет ряд общих черт: дома-полуземлянки подквадратной формы с печами типа чувалов; цилиндрические плоскодонные или округлодонные сосуды; хозяйство с преобладающим значением скотоводства и т. п.

Аналогию этим чертам прежде всего обнаруживаются в памятниках IV—V вв. Нижнего Поволжья и степей Северного Прикаспия, оставленных, по мнению ряда исследователей, гунно-тюркскими племенами²². Показательно, что последние, хотя и представлены в основном курганными могильниками, содержат следы тех же погребальных обрядов, что и памятники Волго-Камья и Предуралья. Один из них связан с трупосожжением (курганы у сел Ровное, Высокое, Усть-Караман, Н. Добринка и другие Саратовской обл.), произведившимся на стороне²³. Иногда вместе с прахом помещали грубо выделенные плоскодонные горшковидные цилиндрические сосуды. Эти памятники по погребальному обряду и керамике близки именьевско-романовским. Второй обряд — трупоположение в простых глубоких ямах, иногда со следами подбоев. Погребенные лежат на спине — головой на север или северо-восток. В ряде случаев отмечена поперечная деформация головы. Встречены также в могилах кости ног и черепа лошадей²⁴. Эти особенности погребального обряда были характерны и для турбаслинских, кушнаренокских и позднебахмутинских племен башкирского Предуралья.

Учитывая совпадение с волго-камскими и приуральскими памятниками и массового материала (оружие, украшения и т. п.), есть все основания утверждать непосредственную связь погребений гуннского времени Нижнего Поволжья и Волго-Камья. И если первые рассматриваются исследователями в основном как гунно-тюркские, то, очевидно, и значительную часть пришлого в Предуралье и Волго-Камье населения IV—V вв. мы должны будем увязать с этим же этносом. С кочевническим миром следует, вероятно, увязывать появление в материалах турбаслинских, кушнаренокских, бирских и именьевских памятников металлических или глиняных мужских фигурок, обычно определяемых как своеобразный гуннский атрибут²⁵.

¹⁹ С. М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э.—СА, 1968, № 1, стр. 59 и сл.

²⁰ П. Н. Старостин. Памятники именьевской культуры.—САИ, Д 1—32, М., 1967.

²¹ В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры.—АЭВ, т. 2, стр. 125—126.

²² И. П. Засецкая. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.—СА, 1968, № 2, стр. 52.

²³ Там же, стр. 58.

²⁴ Там же, стр. 58—59.

²⁵ И. Т. Курганова. Погребение IV—V вв. в дер. Айвазовское.—СА, 1957, 2.

Следующий этап тюркизации башкирского Приуралья и Волго-Камья я склонен связывать с эпохой Тюркского каганата (VI—VII вв.), когда впервые появляется имя тюрков как конфедерации племен, говоривших на языке тюркской системы²⁶, и в связи с расширением границ каганата на запад до берегов Черного моря в степях Восточной Европы и прилегающих к ним районах получают широкое распространение западно-тюркские племена, огузо-кыпчакские в своей основе²⁷.

В Нижнем Поволжье, в указанное время уже, безусловно, занятом тюркскими племенами, второй половиной VI и началом VII вв. датируется ряд кочевнических погребений, выявленных преимущественно в Саратовской области²⁸, для которых характерно труположение в ямах под невысокими курганными насыпями, северная и северо-восточная ориентировка погребенных, наличие над могилами поминальных комплексов, сопровождение умерших оружием (черешковые трехперые наконечники стрел), конской сбруей (удила, редко стремена) и богатыми поясными наборами.

Не позже рубежа VI—VII вв. такого же типа памятники появляются в башкирском Предуралье и Среднем Поволжье. Они представлены небольшими курганными или грунтовыми могильниками. В башкирском Предуралье в их числе мы можем отметить курганы, исследованные Ф. Д. Нефедовым у г. Соль-Илецка²⁹, Ишимбайский³⁰, Сахаевский и Шареевский³¹ грунтовые могильники в среднем течении р. Белой. Но наиболее богато памятники того времени представлены на территории г. Уфы: в районе быв. д. Новиковки, Башкирского медицинского института, Башкирского академического театра, на ул. Социалистической³². Пришлые племена, очевидно, проникли вплоть до низовий р. Белой и оттуда перебрались в бассейн р. Сылвы и на Каму. В среднем и нижнем течении р. Ик к этому типу памятников следует отнести исследованный в 1965 г. Г. И. Матвеевой Куштерьякский могильник и разрушенные погребения у с. Мелли-Тамак в Татарской АССР. Для всех указанных памятников характерен обряд труположения с ориентацией погребенных на север, северо-запад, наличие поминальных комплексов, круглодонная и плоскодонная керамика, поясные наборы с серебряными и медными накладками золотые украшения и т. п.

Показательно, что на рубеже VI—VII вв. в бассейне р. Белой прекращают существование такие могильники предшествующего времени, как Бахмутинский, Бирский, Турбаслинский и Кушнаренокский³³. Но их функционирование прерывается не внезапно, а постепенно, так как поздние погребения указанных могильников содержат черты погребального обряда и инвентаря, свойственные для пришлого населения. Да и в материале, и погребальном обряде вновь возникших могильников нередко отмечается сохранение более древних черт. Поэтому следует думать, что пришлое на рубеже VI—VII вв. население относительно мирно вживалось в местную среду, очевидно, этнически не столь чуждую пришельцам. В этих условиях в VII—VIII вв. на территории башкирского Приуралья складывается достаточно оригинальная культура, представленная Стерлитамакским, Маянским, Кушувлевским и другими могильниками.

²⁶ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков в VI—VIII вв. ках. М.—Л., 1946, стр. 79.

²⁷ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 161.

²⁸ И. П. Засецкая. Указ. соч., стр. 59—60.

²⁹ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.— МАВГР, т. 3, 1899, стр. 16—23.

³⁰ В. Д. Викторов. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в южной Башкирии.— ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1964, стр. 170.

³¹ Г. И. Матвеева. Некоторые итоги изучения памятников I тыс. н. э. в центральной Башкирии.— В УАС. Сыктывкар, 1967.

³² Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э.— КСИИМК, вып. 10. М., 1951.

³³ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 44.

Но не только в башкирском Приуралье, т. е. в бассейне р. Белой, в VI—VII вв. происходят этнокультурные изменения. Такие же, очевидно, взаимосвязанные процессы наблюдаются на Средней и Верхней Каме, в верховьях р. Чепцы и в западных районах Среднего Поволжья. В Прикамье и археологи³⁴, и антропологи³⁵ единодушно отмечают «изменения в культуре и типе населения», приведшие к переходу в неволинский этап ломатовской культуры, представленный большим числом могильников в бассейне р. Сылвы (Бродовский, Неволинский, Горбунятский и др.) и Верхней Камы (Деменковский, Урьинский, Каневский и др.). Для них характерны те же отмеченные выше признаки: труположение с преимущественной северной ориентацией, наличие поминальных комплексов, поясные наборы, украшения с зернью и т. п. С конца VI в. начинается новый этап и в полемской культуре могильников верхней Чепцы, характеризуемый сходными изменениями материальной культуры и погребального обряда³⁶, а также в антропологическом типе населения³⁷.

С этими же явлениями, очевидно, следует увязывать распространение в башкирском Предуралье, Среднем и Верхнем Прикамье среднеазийского, сасанидского и византийского драгоценного металла (сосуды, чаши, украшения и монеты), выявленного в настоящее время примерно в 75 пунктах бассейна р. Белой и Камы. В большинстве случаев эти находки представляют собой клады, зарытые преимущественно около VI—VII вв. в тех же районах, где сосредоточены могильники неволинского времени. Поэтому следует думать, что абсолютное большинство сасанидско-византийского серебра было привнесено в Приуралье теми группами новых пришельцев, которые, будучи в составе военных отрядов Тюркского каганата, сумели их получить в виде военной добычи при тюркских походах второй половины VI в. на Среднюю Азию, Сасанидский Иран и восточные провинции Византии.

Все эти наблюдения позволяют думать, что уже с рубежа VI—VII вв. на территории Приуралья и Волго-Камья распространяются древнетюркские племена, заложившие этническую основу татар Поволжья и башкир Приуралья. Но их нельзя называть ни прататарами, ни прабашкирами, это была еще общетюркская масса, лежащая в основе и тех и других.

В VIII в. происходят новые изменения и в Поволжье, и в Приуралье. По мнению ряда исследователей (А. П. Смирнов³⁸, Н. Я. Мерперт³⁹, В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков⁴⁰), на Среднюю Волгу из Приазовья проникает часть болгарских племен. Как показали раскопки могильников Б. Тарханского и особенно Танкеевского типа, количественно это были, очевидно, немногочисленные группы. В это же время на территории башкирского Приуралья, по мнению Н. А. Мажитова, появляются собственно башкирские племена, оставившие как курганные (Старо-Мусинские, Хусаиновские, Каранаевские, Старо-Халиловские, Мрясимовские и др.), так и грунтовые (Стерлитамакский, Кушулевский, Манянский и др.)⁴¹ могильники.

Мне думается, что нельзя смешивать эти две различные не только по погребальному обряду, но и по антропологическому составу населения группы. М. С. Акимов отмечает их антропологическое отличие и подчеркивает несомненно пришлый характер племен, оставивших курганы типа Старо-Халиловских, Старо-Мусинских и др.⁴² Население же, хоронившее в грунтовых могильниках типа Стерлитамакского, Кушулевского, Манянского, и других, продолжало традиции предшествующего населения, составившего ранний

³⁴ О. Н. Бадер, и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 161; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28. М., 1952, стр. 188; В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур... стр. 189—191.

³⁵ М. С. Акимов. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, стр. 47.

³⁶ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

³⁷ М. С. Акимов. Указ. соч., стр. 51.

³⁸ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951.

³⁹ Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957

⁴⁰ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

⁴¹ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир.— АЭБ, т. 2, стр. 150 и сл.

⁴² М. С. Акимов. Указ. соч. стр. 81.

общетюркский пласт. Показательна воэтом отношении их большая близость, если не тождественность, памятникам Среднего Поволжья типа Танкеевского могильника⁴³, оставленным основным населением Волжской Булгарии раннего времени. Вполне возможно, что племена северо-западной Башкирии, где сосредоточены и Кушудлевский, Маянский, Стерлитамакский могильники, составляли билярско-байларскую группу — основу населения центральной и восточной Булгарии.

Курганные же могильники VIII—X вв., определяемые Н. А. Мажитовым как собственно башкирские, занимают в основном районы восточной (предуральской и даже зауральской) Башкирии. Отдельные курганные могильники известны и в северной Башкирии, например, Бакалинские. Здесь же, как известно, локализируются и до сих пор восточно-башкирские группы, сохраняющие значительную этническую чистоту. Это обстоятельство заставляет соглашаться с мыслью о принадлежности указанных памятников к протобашкирам.

Но мы не можем рассматривать эти памятники как совершенно новое явление в истории культуры Башкирии, а оставившее их население абсолютно не связанным с предшествующими племенами.

Некоторые отличительные детали погребального обряда (положение головы и ног лошади, северная и северо-западная ориентация) и инвентаря (лепные сосуды со шнуровым орнаментом) связаны с предшествующим временем. Несомненная связь этих курганов и с печенежскими древностями⁴⁴ Доживая до X в., эти курганы фактически доходят до тех письменных сведений о башдуртах, которых Ибн Фадлан⁴⁵, эль Балхи, Истахри⁴⁶ и другие помещают к югу и юго-востоку от булгар. Как известно, в IX—X вв. эти племена поддерживали еще самые тесные отношения с Булгарией и нередко, очевидно, проникали в ее центральные районы. В связи с этим любопытные исследования в 1915 г. М. Г. Худяковым и П. А. Пономаревым кочевнические курганы в окрестностях Биляра.

Указанное позволяет думать, что в VIII—X вв. начинается расхождение в этническом развитии предков татарского и башкирского народов. И если первые формируются в составе населения Волжской Булгарии, то вторые все более и более втягиваются в орбиту кочевнического мира, господствовавшего в степях Восточной Европы и Западной Сибири.

В домонгольский период Волжской Булгарии (X — начало XIII вв.) расхождение в развитии предков башкирского и татарского народов еще более увеличивается. У первых, в основной своей массе не входивших в состав Булгарии и кочевавших в степях и предгорьях Южного Урала, сохраняется устойчивая связь с печенежско-половецким кочевническим миром. Интересно в связи с этим вспомнить сообщение аль Бируни (XI в.), что некоторые из племен гузов летом кочевали в степях у булгар, а зимой уходили в Баласагуну. Очевидно, благодаря этому протобашкирские племена постоянно восполняли свои кочевнические традиции. Еще в домонгольское время в их среде появляются представители и собственно кыпчак-половцев. Особый интерес в связи с этим представляют исследования в 1968 г. Н. А. Мажитовым в крайних южных районах Башкирии Назаркинские и Башкирско-Беркутовские курганы X—XII вв., на одном из которых найдены типичные для половецких древностей каменные статуи⁴⁷ Длительное бытование у протобашкирских кочевников родоплеменных связей, при отсутствии устойчивой территории, прочной оседлости и развитых экономических отношений, препятствовало оформлению этих племен в народность.

⁴³ Е. А. Х а л и к о в а. Общий компонент в составе населения VIII—X вв. Волжской Булгарии и Башкирии. — «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969.

⁴⁴ Г. А. Ф е д о р о в - Д а в ы д о в. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, рис. 20.

⁴⁵ А. П. К о в а л е в с к и й. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 130.

⁴⁶ Б. Н. З а х о д е р. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, ч. 2. М., 1967, стр. 28.

⁴⁷ Н. А. М а ж и т о в. Исследования в южной Башкирии. — «Археологические открытия 1968 года». М. 1969, стр. 162.

В более благоприятном положении находилось тюркоязычное население к западу от рек Белой и Ика, входившее в состав племен, которые к началу X в. основали первое на северо-востоке Европы государство — Волжскую Булгарию. В X—XI вв. территория этого государства включала земли от р. Шешмы на востоке и до верховий р. Суры-Мокши на западе. В XII в., как считают А. П. Смирнов⁴⁸ и Р. Г. Фахрутдинов⁴⁹, на востоке границы Булгарии дошли до рек Белой и Урала. К сожалению, районы между р. Шешмой и Белой до сих пор остаются слабо изученными. Но проведенные здесь в 1958—1959, 1964 и 1968 гг. разведочные работы казанских археологов, как и исследования последних лет башкирских коллег, между р. Ик и Белой показали отсутствие здесь выраженных памятников булгарской культуры. Наличие отдельных булгарских вещей домонгольского времени на городище у Бирска и Уфы, так же как и сообщаемые письменные источники о наличии в 1229 г. булгарских сторожевых постов на р. Яик, едва ли может служить основанием для включения в непосредственную территорию Булгарии земель, восточнее рек Шешмы и Ика. Наличие вала раннебулгарского времени западнее г. Мензелинска и распространение булгарских памятников только до р. Шешмы и верховий Б. Черемшана заставляют считать, что вся территория современной Башкирии находилась за пределами Волжской Булгарии и племена, населявшие эти районы, очевидно, не участвовали в этнических процессах, которые протекали в домонгольской Булгарии. В домонгольской же Булгарии, занимавшей территорию от р. Шешмы на востоке до верховий рек Суры и Мокши на западе, к XII—XIII вв., очевидно, завершился процесс сложения **общеволжской народности**, в которой следует усматривать основу общетатарской народности.

Монгольское нашествие, как известно, вначале одинаково пагубно сказалось и на населении башкирского Приуралья, и на населении Волжской Булгарии. Но игнорировать значение монгольского нашествия, и особенно эпохи Золотой Орды, в этнической истории предков башкир и татар нельзя. Золотоордынский период сыграл немаловажную роль, с одной стороны, в дальнейшей консолидации татарской и в какой-то степени башкирской народности, а с другой — послужил основой их нового сближения.

В XIII—XIV вв. на территории преимущественно западной Башкирии, т. е. до р. Белой включительно, появляются памятники булгарского типа и активно внедряется мусульманская религия. В это время булгарские поселения становятся известными и на р. Ик (Нагайбакское городище, Деуковское селище и др.) и на р. Белой на участке г. Бирск — р. Сим (Хлебниковское, Айбашевское, Акбашское, Андреевское и другие городища⁵⁰). На р. Деме известны булгарские надгробия начала XIV в.⁵¹, здесь же сохраняются кирпично-каменные синхронные сооружения (мавзолей Хусанн-бека, мавзолей «Дом суда», мавзолей «Дворец Тураханана» и др.), которые обычно увязываются с активным проникновением в Башкирию булгарской культуры и мусульманской религии. Все эти факты, дополненные в последние годы интересными открытиями Н. А. Мажитова в южной Башкирии, где были обнаружены остатки еще одного мавзолея XIII—XIV вв., позволяют утверждать, что в XIII—XIV вв. западная часть современной Башкирии вошла в состав Волжской Булгарии.

В эпоху Золотой Орды на территории Волжской Булгарии намечается образование нескольких экономических районов, которые в условиях распада Золотой Орды во второй половине XIV в. превращаются в обособленные политические области. Так, в западном Поволжье, в районе верховий рек Мокши и Суры, усиливается Темниковско-Наровчатское княжество с центром в г. Мухши-Наровчат. В Нижнем Прикамье все более и более усиливается Казанское княжество, собравшее основные центральные районы Волжской Булгарии. Казанские князья простирают свою власть на севере до р. Чепцы. В восточных

⁴⁸ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 74.

⁴⁹ Р. Г. Фахрутдинов. К вопросу о взаимоотношении Волжской Булгарии и Казанского ханства с Башкирией. — «Научная сессия по этногенезу башкир», стр. 77.

⁵⁰ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 99.

⁵¹ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М. — Л., 1960, стр. 111 и сл.

пределах бывшей Булгарии возвышается Джукетауское княжество, подчинившее, очевидно, и земли до р. Уфы. На всей этой обширной территории обитало родственное население, которое в условиях образования самостоятельных политико-экономических районов начало формироваться в отдельные народности.

В пределах Темниковско-Наровчатского княжества, видимо, начался процесс формирования татарско-мишарской народности; в Булгаро-Казанском княжестве — казанско-татарской народности; в Джукетауском княжестве — народности башкирских, или уфимских, татар, образовавшихся в результате вторичного сближения тюркоязычных племен западной Башкирии и восточных групп населения Волжской Булгарии. Собственно башкирские племена, кочевавшие за р. Белой и на Южном Урале, в этих процессах какого-либо активного участия не принимали.

В XV—XVI вв., в период Казанского ханства, этот процесс замедляется, а с присоединением края к Русскому государству вообще прерывается, заменяясь новыми этническими процессами. Значительная часть земель, занятых татарами-мишарями, оказывается под русским господством, и, таким образом, здесь ликвидируются необходимые для формирования народности социально-экономические предпосылки. Часть татар-мишарей уже в это время, очевидно, перемещается на восток, в том числе и на территорию Башкирии. Характерно, что часть татар-мишарей современной Башкирии носит название «тöман» и, видимо, связана с темниковскими татарами, первыми вошедшими в состав Русского государства. Территория Казанского ханства, как известно, в основном ограничивалась пределами Казанского княжества. Здесь сохраняются условия для завершения формирования казанско-татарской народности, с которой в условиях политической и экономической зависимости от Казанского ханства продолжают сближаться уфимские, или башкирские, татары. Последние в XV—XVI вв. после разгрома Джукетауского княжества теряют условия для формирования в отдельную народность.

После присоединения края к Русскому государству, т. е. со второй половины XVI в. и в последующее время, складываются благоприятные условия для сближения татар Поволжья не только с населением западной Башкирии, но и с собственно башкирскими племенами. Эти процессы уже хорошо фиксируются историками по письменным источникам. Вышесказанное позволяет утверждать, что родственные связи башкир и татар Поволжья и Приуралья имеют значительно более древнюю историю, чем это предполагалось ранее, и поэтому процесс формирования обоих этих народов должен решаться взаимосвязанно.

М. С. АКИМОВА
(Москва)

ЭТНОГЕНЕЗ БАШКИР ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Для изучения формирования башкирского народа могут быть привлечены материалы, полученные при исследовании современного антропологического состава башкир, а также данные палеоантропологии, относящиеся к различным эпохам, начиная с I тыс. до н. э.

Антропологическое исследование современных башкир производилось в 1963—1965 гг. экспедицией института антропологии под руководством автора. Подобное изучение башкир проводится не впервые. В конце прошлого века Н. М. Малиевым¹, П. С. Назаровым², А. Н. Абрамовым³ и другими были опубликованы некоторые данные по антропологии башкир. Наиболее полной является работа С. И. Руденко, опубликованная в 1916 г.⁴ Однако вследствие значительных расхождений с принятой в настоящее время программой и методикой исследований эта работа не удовлетворяет современным требованиям, хотя основные выводы С. И. Руденко не утратили своего значения и в настоящее время.

В 1963—1965 гг. исследования велись в районах, которые соответствуют территории расселения бывших племенных групп. Всего исследовано 11 групп: тапынцы, герейцы, кыргызы, канлы, мишцы, юрматинцы, кипчаки, усерганы, айлинцы, катайцы и табынцы. Последние три группы изучались в Челябинской области. Кроме башкир исследовались татары в Караидельском районе, марийцы — в Мишкинском и удмурты в Янаульском. Программа исследования включала кроме обычных антропологических признаков также сбор материала по дерматоглифике и определение групп крови по системам АВО, MN и др.

Суммарно башкиры характеризуются средней или ниже средней длиной тела, крупными размерами головы, мезо-суббрахикефалией. Лицо у башкир высокое и умеренно широкое, среднепрофилированное. Переносье средневысокое, спинка носа в основном прямая. Волосы темные, прямые, мягкие. В цвете глаз преобладают промежуточные оттенки. Волосяной покров на лице развит ниже среднего, на груди — слабо. Эпикантус встречается, но выражен слабо, профиль верхней губы преобладает прямой. По сочетанию признаков башкиры занимают промежуточное положение между европейской и монгольской расами.

Анализ материала по группам подтвердил вывод С. И. Руденко о неоднородности башкир. Намечаются два довольно отчетливо выраженных локальных варианта. Один выделяется на северо-западе Башкирии среди герейцев, кыргызов и канлы, другой — у уральских башкир, проживающих в Челябинской области: айлинцев, катайцев и табынцев. Башкиры северо-западных районов отличаются целым рядом особенностей. Они сравнительно с другими группами имеют меньший поперечный диаметр головы и соответственно более низкий головной указатель. Лицо более низкое и менее широкое, сильно профилиро-

¹ Н. М. М а л и е в. Антропологический очерк башкир.— «Труды общества естествознания». Казань, 1876.

² П. С. Н а з а р о в. К антропологии башкир.— «Известия Общества любителей естествознания». Труды антропологического отделения, т. 2, 1890.

³ А. Н. А б р а м о в. Башкиры.— «Русский антропологический журнал», № 27—28, 1907.

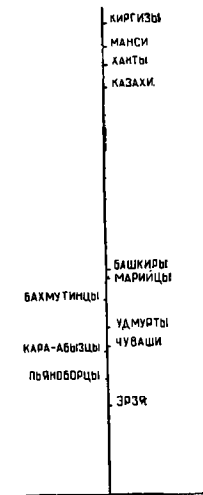
⁴ С. И. Р у д е н к о. Башкиры. Физический тип башкир. П.-д, 1916.

ванное. Цвет волос хотя и темный, но № 27 встречается реже, а № 6 и светлее отмечены чаще. В этих группах реже встречаются темные глаза и чаще светлые, значительно реже отмечен эпикантус. В целом башкиры северо-западных районов выделяются более выраженными европеоидными особенностями. По направлению к югу и востоку сочетание признаков несколько изменяется. Так, челябинские или зауральские башкиры имеют самое высокое, широкое и менее профилированное лицо, более низкое переносье, большой поперечный диаметр головы и более высокий головной указатель. Борода у них развита слабее, лоб более прямой, светлые волосы и глаза встречаются значительно реже. В этих группах в большей степени, чем у других башкир, выявляются монголоидные черты. По некоторым из перечисленных признаков к челябинским башкирам близки усерганы. Остальные исследованные группы по одним признакам обнаруживают сходство или с северо-западными или с зауральскими башкирами, по другим — занимают промежуточное положение.

Неоднородность башкир прослеживается и по признакам дерматоглифики. И по этим данным наиболее четкие различия выявляются между башкирами, живущими в северо-западных районах Башкирии и в Челябинской области. У северо-западных групп по сравнению с зауральскими чаще встречаются дуги и петли и реже завитки, причем различия по всем трем признакам статистически достоверны. Далее на северо-западе чаще встречается центральный осевой трирадиус и сочетание двух трирадиусов и реже карпальный трирадиус. Здесь наблюдается также большая частота встречаемости добавочных трирадиусов у основания II и V пальцев. Что касается узоров на подушечках ладони, следует отметить самую высокую частоту встречаемости узора на третьей межпальцевой подушечке на северо-западе сравнительно с Зауральем. Перечисленные различия указывают на определенный сдвиг в монголоидном направлении зауральских башкир по признакам дерматоглифики. Таким образом, можно отметить соответствие данных антропологии и ряда признаков дерматоглифики.

Среди соседних народов башкиры занимают промежуточное положение между народами Волго-Камья с одной стороны и казахами и киргизами — с другой, сближаясь, однако, больше с финскими народами Волго-Камья и казанскими татарами (рис. 1.). Особенно это относится к башкирам северо-западных районов, которые по одним признакам обнаруживают сходство с татарами, по другим — с удмуртами или марийцами. Заметно башкиры указанных районов тяготеют к татарам. Объединяют их близкие или одинаковые величины длины тела, размеров головы, профилировки лица, цвет волос, положение кончика и основания носа. По степени развития волосного покрова на лице, частоте встречаемости эпикантуса, высоте переносья, профилю носа и ширине лица башкиры близки к удмуртам. Высота и профиль верхней губы, поперечный профиль носа, рост бровей сближают башкир с марийцами. Отличает башкир от всех сравниваемых групп более высокое лицо и темные глаза. Итак, сравнение северо-западной группы башкир с соседними народами показывает большое сходство между ними.

Зауральские башкиры и усерганы по своим особенностям сближаются с юго-восточными соседями: казахами и киргизами. Однако сходство между ними наблюдается только по двум признакам — высоте лица и длине тела. По другим важным признакам имеются заметные различия. Так, у башкир значительно реже встречаются темные глаза и цвет волос № 27, плоское лицо, эпикантус, низкое переносье. Далее, у башкир верхняя губа ниже, пройедлия встречается реже. К этому сле-

Р и с. 1. Распределение древних этнических групп и современного населения по степени выраженности признаков монголоидной и европеоидной рас.

дует добавить, что у башкир более узкое лицо. По всем перечисленным признакам башкиры Зауралья и южных районов Башкирии занимают промежуточное положение между казахами, с одной стороны, и татарами, удмуртами и марийцами, — с другой. Таким образом, даже самая монголоидная группа башкир значительно отличается от казахов и еще больше от киргизов, у которых монголоидный комплекс выражен более отчетливо.

Башкиры заметно отличаются и от обских угров. Для хантов и манси характерным является низкий рост, сравнительно светлая пигментация волос и глаз, низкое переносье, уплощенность лица, для некоторых групп вогнутая спинка носа, сравнительно высокая и прохейличная верхняя губа. К особенностям манси следует также добавить низкое и сравнительно широкое лицо и значительно частота выключков спинки носа у ивдельской группы манси. Этот своеобразный комплекс особенностей не свойственен башкирам.

Итак, из проведенного сопоставления можно сделать вывод о том, что башкиры по своим антропологическим особенностям больше тяготеют к своим западным и северо-западным соседям.

Этот вывод, сделанный на основании исследования современного населения, подтверждается и на краниологическом материале. Башкирская серия черепов по большинству признаков не выходит за пределы вариаций их у других групп Поволжья, сближаясь по отдельным признакам с разными группами⁵. Так, по продольному и высотному диаметрам они близки к северным чувашам и луговым марийцам, по поперечному — к северным удмуртам. Верхняя высота лица почти совпадает с этим показателем у южных чувашей. Величины назомаллярного и зигомасиллярного углов у всех народов рассматриваемой области очень близки. Однако по некоторым признакам башкирская серия отличается от всех финских и тюркских групп Поволжья. На башкирских черепах отмечается более высокая величина скулового диаметра, несколько ниже переносье и угол выступания носа. Еще меньше этот угол только у луговых мари.

Очень наглядная картина получается при сопоставлении групп по удельному весу монголоидной примеси. Этот способ был предложен Г. Ф. Дебецом⁶. При вычислении доли этой примеси учитывается пять признаков: два угла, характеризующих уплощенность лицевого скелета, симметрическая и дакриальная высоты и угол выступания носа. Как показывает график, башкиры по удельному весу монголоидной примеси объединяются с народами Волго-Камья. Казахи, киргизы и обские угры образуют вторую группу, у которой доля монголоидной примеси значительно больше. Между ними и народами Волго-Камья имеется значительный разрыв.

Близкие результаты получаются и при сопоставлении дерматоглифических данных. По целому ряду признаков башкиры больше тяготеют к народам Волго-Камья, а не к среднеазийским группам. Так, реальные различия между башкирами и казахами наблюдаются по всем пальцевым узорам, причем разница идет в сторону более монголоидного сочетания у казахов. Отличия между сравниваемыми группами наблюдаются и по другим особенностям: у башкир реже встречается карпальный осевой трирадиус и чаще центральный осевой трирадиус и сочетание двух трирадиусов. По этим признакам их можно объединить с татарами, марийцами, удмуртами. Близко к ним располагаются также ивдельские манси. Существенная разница между башкирами и казахами наблюдается в частоте узора на III межпальцевой подушечке. Этот узор встречается чаще у башкир. По направлению ладонных линий между башкирами и казахами, хотя и нет статистически достоверных различий, все-таки наблюдается большее тяготение башкир к волго-камским группам.

Итак, приведенные данные о большом сходстве современных башкир со своими северо-западными соседями, нежели с юго-восточными, позволяют сделать вывод о том, что формирование башкир и соседних народов Волго-Камья произошло на близкой антропологической основе.

⁵ М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

⁶ Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. — СЭ, 1961, №6.

Теперь попытаемся проследить процесс формирования современного типа башкир по палеоантропологическим материалам. Самые ранние черепа с территории Башкирии датируются эпохой бронзы. К сожалению, черепов этого времени очень мало и характеризуют они пришлое население абашевской, андроновской и срубной культур. Эти в основном европеоидные племена, по-видимому, вошли в состав более позднего населения Южного Приуралья.

К рубежу новой эры, в северных районах Башкирии, относятся памятники кара-бызской и пьяноборской культур, в южных — памятники сарматов.

Население кара-бызской культуры, известное по материалам Биктимировского и Охлебининского могильников, в целом характеризовалось преобладанием европеоидных особенностей при наличии и некоторых монголоидных черт. Об этом свидетельствует слабое выступание носа на некоторых черепках, уплощенность лицевого скелета, причем признаки монголоидного характера встречаются не в комплексе, а разбросаны на разных черепках.

При анализе материала по отдельным могильникам выявляются некоторые отличия между ними. Так, черепа из Охлебининского могильника имеют большую величину продольного диаметра и соответственно более низкий черепной указатель. Угол выступания носа на этих черепках больше, чем на биктимировских.

Отмеченные различия, однако, невелики и не дают основания для выделения самостоятельных типов в населении кара-бызской культуры. Вернее будет говорить о существовании близких вариантов единого типа.

Серия черепов из Камышлы-Тамакского могильника пьяноборской культуры почти по всем основным признакам также можно отнести к европеоидному типу. Для нее характерны средние размеры лица, сильная его профилированность, высокое переносье, низкие орбиты. Свообразную особенность этих черепов составляет низкий угол носовых костей, особенно в женской серии. По этому признаку камышлы-тамакские черепа тяготеют к монголоидным группам.

В антропологическом отношении черепа из памятников кара-бызской и пьяноборской культур, несомненно, близки, причем по одним признакам пьяноборская серия обнаруживает большее сходство с биктимировской, по другим — с охлебининской. Единственный признак, по которому серия из Камышлы-Тамакского могильника отличается от всех кара-бызских, является низкий черепной указатель, который характеризует серию как долихокранный за счет большого продольного диаметра и малого поперечного.

А. Х. Пшеничнюк⁷ предполагает, что кара-бызская культура формировалась под сильным влиянием пришлое населения, возможно сарматского, которое продвинулось в Приуралье из Зауралья или Северного Казахстана. На антропологическом материале появление пришлое групп не улавливается.

Изучение материала из Старокишшинского могильника, принадлежавшего сарматам, дает все основания для заключения о европеоидном характере населения, оставшегося этот памятник. Низкое, хотя и широкое лицо, средняя профилированность, довольно сильное выступание носа — подтверждают этот вывод. Однако не исключена возможность очень незначительной примеси монголоидности.

Сарматское население южных районов по антропологическому типу отличалось от племен, заселявших северные районы Башкирии. В этом убеждают заметные расхождения пьяноборских и кара-бызских черепов с сарматскими. Последние выделяются большими размерами всех широтных диаметров мозгового и лицевого отделов, более высоким переносьем и сильнее выступающим носом.

Итак, в конце I тыс. до н. э. и в начале н. э. на севере современной Башкирии жило население, которое имело незначительную монголоидную примесь, на юге население относилось к широко- и низколицим европеоидному типу.

⁷ А. Х. Пшеничнюк. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-бызская культура). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968.

В середине I тыс. н. э. на территории Башкирии жили племена, различные по происхождению и по материальной культуре. Выделяется несколько археологических культур, относительно которых среди археологов нет единого мнения в отношении происхождения, этнической принадлежности, территории распространения. Бесспорным является существование бахмутинской культуры, памятники которой локализуются в основном в Северной Башкирии. К этой же культуре Н. А. Мажитов причисляет и памятники Средней Камы и Пермской области⁸. В отношении происхождения этой культуры единого мнения нет. Одни считают, что она принадлежала местным племенам, другие связывают ее появление в Приуралье с приходом с востока нового населения.

Антропологическую характеристику населения бахмутинской культуры можно дать по материалам Бирского и Каратамакского могильников. Серия черепов из этих могильников характеризуется средними размерами мозгового и лицевого скелетов, мезокранией, довольно высоким переносом, ослабленным выступанием носа при средней профилированности лицевого скелета. По большинству признаков серия не выходит за пределы вариаций у европеоидных групп.

Антропологические материалы говорят в пользу местного происхождения населения бахмутинской культуры. Как показывает график, расхождение между бахмутинскими черепами и более ранними невелики, особенно с черепами из Биктимировского и Охлебининского могильников кара-абзской культуры. Сближение между ними наблюдается по размерам и пропорциям мозгового отдела, по профилировке лица. Расхождение отмечено по углу выступления носа, который на охлебининских черепах несколько больше. Еще большее сходство обнаруживается между женскими сериями сравниваемых культур. Расхождение бахмутинских черепов с более ранними связано с монгололизацией населения. Приток монголоидного населения, по-видимому, происходил из Зауралья. Численность пришлого населения была невелика, потому что изменения бахмутинского населения незначительные, это, скорее, тенденция к изменениям в направлении монголоидности. Никакого полного вытеснения местных племен пришлыми группами не происходило.

К середине I тыс. н. э. относятся черепа из Кушнареновского, Турбаслинского могильников и могильника в Орджоникидзевском парке г. Уфы. Серия из Кушнареновского могильника, бесспорно, европеоидная. Близки к ней черепа из Ново-Турбаслинского могильника. Черепа из обоих могильников отличаются как от более ранних, так и от одновременных им бахмутинских. Отличия установлены по всем основным признакам, причем разница иногда очень большая. Можно с уверенностью говорить, что население Кушнареновского и Бирского могильников относилось к различным антропологическим типам. Такой же вывод можно сделать в отношении кушнареновского и предшествующего ему пьяноборского и кара-абзского населения. Генетическая связь между ними не устанавливается. Племена, оставившие Кушнареновский и Ново-Турбаслинский могильники были пришлыми. В. Ф. Генинг⁹ склонен видеть в населении Кушнареновского могильника выходцев из Западной Сибири. Антропологические данные говорят в пользу их южного происхождения. В Западной Сибири неизвестны черепа, более или менее похожие на кушнареновские.

Из четырех черепов из могильника в Орджоникидзевском парке один бесспорно монголоидного облика, другие отличаются европеоидными особенностями.

Приведенные материалы середины I тыс. дают представление о разнородном составе населения северных районов Башкирии. Преобладающими были местные племена, в среду которых проникают новые группы населения, преимущественно южного происхождения.

На рубеже I и II тыс. н. э. на территории Башкирии в разных районах появляются курганные могильники, которые принадлежали тюркским кочевникам. Антропологический материал, хотя и в небольшом количестве, получен из нескольких могильников

⁸ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968.

⁹ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала.—ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961

(Старо-Халиловский, Старо-Мусинский, Манякский, Муракаевский, Каранаевский). Анализ материала показывает пестрый состав населения, которое их оставило. Выделяются черепа из Старо-Халиловского и Старо-Мусинского могильников. Они характеризуются крупными размерами, сильно развитым надбровьем, очень широким, средневысоким, несколько уплощенным лицом, высоким переносьем, умеренно выступающим носом. Следует отметить однородность этой серии. Эти черепа, несомненно, отличаются от черепов предшествующего времени, они характеризуют пришлое население.

Другими особенностями отличаются черепа из Муракаевского, Каранаевского могильников. Большая часть их имеет более узкое лицо, ниже переносье, слабее выступающий нос, менее развитый рельеф. Они близки по типу к бахмутинским. Но не все черепа отличаются этими особенностями. Так, один череп из Муракаевского могильника (к. 3 п. 2) своим широким лицом и умеренно выступающим носом близок к серии из Старо-Мусинского могильника. В серии из Каранаевского могильника выделяется череп из к. 13 п. 2 своим резко выраженным монголоидным обликом. Вполне возможно, что в этих памятниках отражен процесс смешения местных племен с пришлыми группами.

К местным племенам, по-видимому, следует отнести и население Кушулевского могильника. Такой грацильный тип, какой свойствен кушулевским черепам, не характерен для тюрков.

Таким образом, материалы из курганных могильников IX—X вв. дают возможность проследить появление второй волны населения на территорию современной Башкирии, которое смешивалось с местным. Процесс смешения местных и пришлых групп продолжался и позже, что прослеживается на черепах из Сынтыш-Тамакского могильника XIII—XIV вв.

Имеющийся материал позволяет наметить определенную линию связи от племен пьяноборской культуры через племена бахмутинской культуры к современным башкирам. Близость этих серий несомненна. Следовательно, в основе башкир лежит местный антропологический тип, на базе которого формировались и другие народы Волго-Камья. Именно эта общая основа и сближает башкир с народами данной области. На этот местный пласт в разное время происходило наложение пришлых групп, различных по своему происхождению и антропологическому типу. Заметную роль в формировании современных башкир сыграли тюркские кочевники. Можно думать, что именно в результате смешения с ними и происходило накопление монголоидных особенностей у башкир. Роль пришлого населения в сложении разных башкирских племен была различной, что в конечном итоге и привело к различиям в антропологическом облике современных башкир и отличиям их от Волго-Камских соседей.

Итак, в составе современных башкир выявляются два основных компонента: местный, который является преобладающим, особенно в северо-западных группах, и пришлый центральноазиатского облика. Надо предполагать также участие и третьего, южного компонента, который, однако, четко не выделяется.

В. Ф. ГЕНИНГ
(Свердловск)

ЭТНИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ В СОСТАВЕ БАШКИР И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

(по археологическим материалам I тыс. н. э.)

Постановка проблемы

История этнического формирования народа представляет собой одну из наиболее сложных проблем. В решении ее особенно важно найти точки соприкосновения различных направлений наук, занимающихся изучением этнического процесса: археологии, истории, этнографии, языкознания и этнонимии. Археологические данные представляют наибольшую ценность, поскольку лучше всего отражают изменения состава населения во времени и пространстве.

В постановке проблемы этнического формирования башкир исходными моментами для нас являются следующие общие положения:

1. Эпоха окончательного распада первобытных обществ является временем не только кризиса социальных отношений, но и необычайно сложного этнического процесса. Массовое передвижение больших и малых этнических групп, разрыв старых связей, смещение различных по происхождению этнических групп населения в составе новых племенных формирований — все это результат того, что «война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни» (Ф. Энгельс) и территориальные связи приходят на смену родовым.

Отсюда одна из основных задач при изучении этнического процесса данного периода — вычлениение и фиксация различных этнических групп, установление их этнических особенностей и происхождения.

2. Вычлениение этнических групп по археологическим материалам производится по совокупности признаков, характеризующих этнос: керамике (форма, техника изготовления, орнаментация), погребальному обряду (форма могильных ям, внутримогильные конструкции, специфика расположения и сам набор вещей в могилах, надмогильные сооружения), набору женских украшений (височные подвески, нагрудные и прочие наборы), традиции домостроительной техники (форма жилищ, их внутренняя планировка, устройство очага).

Конечно, в связи с ограниченностью материалов далеко не для всех групп имеется возможность в настоящее время выявить все признаки. Установление положительной коррелятивной связи между отдельными этническими признаками позволяет выделить археолого-этнический тип. Территориально этот тип может быть сконцентрирован в одном районе и на одних памятниках, но может быть и рассеян на многих поселениях и могильниках в различных районах, поэтому археолого-этнический тип не равнозначное понятие с археологической культурой, хотя в отдельных случаях и может совпадать с ней. Необходимость такого понятия вполне очевидна, когда на памятниках фиксируются смешанные материалы, определяющие этнос.

3. Племена, имевшие общее самоназвание «башкиры» (по-видимому, усерган, бурзян, тамьян и кипчак), появились, вероятно, на территории современной Башкирии сравнительно поздно — в конце I тыс. н. э. в составе печенежского союза (племя *баджарт*), от-

ступавшего на запад из Приаралья под натиском гузов и кипчаков. Жили ли ранее в бассейне р. Белой какие-либо группы, родственные этим башкирам, неизвестно, поэтому термин «башкирские», «раннебашкирские» племена в приложении к I тыс. н. э. имеет чисто географическое содержание и не указывает на этническую принадлежность или близость с собственно башкирской этнической группой.

Этническая карта Прикамья в раннем железном веке (VIII в. до н. э.—III в. н. э.)

После довольно длительного периода перегруппировки первобытного населения в конце эпохи бронзы, когда в состав местных племен вошло немало пришельцев, к началу железного века этнический состав населения Прикамья стабилизировался.

1. **Ананьинское население** располагалось небольшими группами (племенами) по основным водным магистралям — Каме, Вятке и Белой; вдоль последней они занимали оба берега в нижнем течении до р. Чермасан и правобережье в среднем течении до Гафурийского района включительно. По единодушному мнению большинства исследователей, ананьинские племена являлись предками пермоязычных народов. Верхнее и левобережье среднего течения р. Белой входило в область расселения сарматских племен, которые не вступали в активный контакт с оседлым населением Прикамья и в дальнейшем, по-видимому, в большинстве покинули эту территорию при движении сарматских племен на запад.

2. В IV в. до н. э. на правобережье среднего течения р. Белой в Гафурийском районе среди немногочисленного ананьинского населения поселилась группа пришельцев племени. Судя по отдельным сходным элементам в форме и орнаментации керамики, характере планировки поселений — это были выходы из Приаралья. Появление приаральских племен было связано с активизацией экспансии Хорезма среди савроматов.

Гафурийский археолого-этнический тип характеризуется следующими признаками:

а) Керамика: сосуды с примесями толченого талька или дресвы и песка в глине; по форме — круглодонные, реже с уплощенными днищами, шейки утолщенные; в орнаменте часты каннелюры, разные узоры в виде горизонтальных рядов насечек, елочек, зигзагов, треугольников.

б) Погребальный обряд: небольшие курганы с грунтовыми ямами, в некоторых могилах поставлены глиняные сосуды.

в) Женские украшения: кольцевидные височные подвески, поясные наборы с застежками в «зверином» стиле, зеркальными бляхами, накладками из двойных коньков.

г) На поселениях рядом с жилищами зольные бугры.

Слияние гафурийского и ананьинского населения приводит к формированию культуры **убаларского типа** (II в. до н. э.—III в. н. э.), для которого характерны:

а) Керамика: сосуды круглодонные или слегка уплощенные, со слабой профилировкой, изготовленные из глины с примесями песка; орнаментация только по плечикам сосудов в виде резных зигзагов, елочек, штрихов.

б) Погребальный обряд: грунтовые могилы, иногда с каменной обкладкой; неустойчивая ориентировка по отношению к реке; наличие в засыпке могилы над костяком глиняных сосудов; много оружия и орудий труда; украшения обычны на костях, лишь нагрудные наборы сложены в углу ямы; кости животных (по материалам Охлебининского и Шиповского могильников из раскопок А. Х. Пшеничнюка).

в) Женские украшения: височные подвески — кольцевые и в виде знака вопроса; поясные наборы с дисковидными бляхами и эсовидными коньковыми накладками.

г) Зольные бугры на поселениях.

Этническая принадлежность гафурийского типа пока наименее исследована. Возь можно, это угорская группа. Судя по преобладающему влиянию гафурийских традиций при формировании убаларского типа, можно предполагать сохранение в нем угорского этноса.

3. В среде местного прикамского населения в IV—III вв. до н. э. быстро развивается процесс объединения мелких разрозненных племен в более крупные, завершившийся в III в. до н. э. возникновением четырех постоянных союзов племен: гляденовского, осинского, чегандинского и кара-абызского, составивших пьяноборскую этно-культурную общность. Какие-либо значительные инородные включения в данную общность не прослеживаются.

Северо-западные районы Башкирии в низовьях р. Белой входили в состав чегандинской культуры. Этнические признаки этой группы памятников:

а) Керамика: круглодонные сосуды из глины с примесями толченых раковин, с пояском круглых ямок по шейке и насечками по венчику.

б) Погребальный обряд: грунтовые, неглубокие захоронения; множество украшений и принадлежностей костюма; очень мало оружия и орудий труда в могилах.

в) Женские украшения: височные подвески в виде разомкнутого кольца и отвесающей конической трубицей, нагрудные наборы из бус, круглых бляшек, дисковидных блях, эплетообразные поясные застёжки, пластинчатые кокошники.

г) Наземные прямоугольные дома с овальным глинобитным очагом.

Правобережье р. Белой между устьями рек Уфы и Бирь занимали племена кара-абызской культуры. В отличие от чегандинской культуры здесь население было сосредоточено не только в небольшом районе, но и в четырех основных центрах (Бирский, Биктимировский, Кара-абызский и Уфимский), представлявших, по-видимому, племенные поселения.

Для кара-абызского этнического типа характерны:

а) Керамика: круглодонные сосуды со слабой профилировкой шеек из глины с примесями толченых раковин; орнамент в виде одного пояса грубых ямок по шейке.

б) Погребальный обряд: грунтовые могильники со сравнительно глубокими ямами; ориентировка умерших ногами к реке; кости животных и мел рядом с умершим; украшения и принадлежности костюма на костях в положении, как носились при жизни; поясные наборы рядом с умершим.

в) Женские украшения: кольцевые височные подвески, поясные наборы с ажурными застёжками, эсвидными накладками и круглыми бляхами, множество медных обоймочек, нагрудные наборы в виде свисающих с двух сторон лент.

Этническая принадлежность кара-абызского и чегандинского населения идентична ананьинской — это племена пермской языковой ветви.

Население бассейна р. Белой в III—V вв. н. э.

В III—V вв. в связи с быстрым ростом народонаселения и внедрением подсечно-огневых форм земледелия начинается процесс освоения новых территорий по малым рекам.

Бассейн р. Белой в данную эпоху был занят двумя основными этническими группами: мазунинской и имендяшевской.

1. Мазунинская культура занимает нижнее и частично среднее течение р. Белой и удмуртское Прикамье. Она сложилась в двух вариантах: удмуртском и башкирском. Общими чертами для всей культуры являются:

а) Керамика: сосуды в виде круглодонных чаш со слабой профилировкой из глины с примесями песка и мелко толченых раковин; орнамент в виде пояса ямок по шейке и насечек по венчику.

б) Погребальный обряд: грунтовые могильники с неглубокими ямами, жертвенными комплексами, поясными наборами, уложенными рядом с умершим, почти полное отсутствие украшений в наряде захороненных.

в) Женские украшения: височные подвески в виде кольца и стержней с бусиной.

Для удмуртского варианта характерны, кроме того, могилы, обложенные каменными плитами, полное отсутствие при погребенных орудий труда и оружия (кроме ножей),

бочковидные фибулы, поясные застежки в виде крючка и петли, бляхи из раковин на поясах, поясные накладки с насечками, наземные жилища.

В башкирском варианте в могилах часто встречаются орудия труда и оружие, подвески в виде медведя, поясные наборы с ромбическими накладками и пряжками.

Территория мазунинской культуры покрывает целиком кара-абызскую и чегандинскую. В Удмуртском Прикамье мазунинские племена вытеснили большинство чегандинского населения, которое ушло на запад (азелинская культура). В состав мазунинской культуры частично вошли чегандинские племена, ведущее же место занимали, по-видимому, кара-абызские группы (пояса рядом с умершими, поясные наборы с застежками — крючками и крупными дисками) и позднеубаларские (ямы с каменными обкладками). Но целый ряд элементов в культуре не находит пока генетической связи с предшествующими и, вероятно, привнесены со стороны. Происхождение этих черт пока не ясно.

В целом мазунинская культура по своему этносу осталась, по-видимому, все же пермской.

2. Имендьяшевские племена занимали территорию к югу от мазунинских в бассейне р. Уфы и правобережья р. Белой. По керамике в виде круглодонных сосудов из глины с примесью песка, орнаментированными только по плечикам узорами из насечек и удлиненных ямок, ясно, что это потомки убаларских племен. В целом, однако, эти памятники изучены еще слабо.

Этнический состав населения Башкирии в V—VIII вв. н. э.

В середине I тыс. н. э. происходит интенсивный приток новых этнических групп в Прикамье. Именно в эту эпоху наблюдается необычайная этническая пестрота в составе населения различных районов Башкирии. Это хорошо фиксируется при изучении отдельных памятников — на оселениях, как правило, представлено несколько сильно различающихся между собой типов керамики, а на могильниках эти типы сочетаются с могилами различной конструкции и всевозможными сопровождающими вещами.

Картографирование отдельных археолого-этнических типов ни в одном случае не дает обособленной четко локализованной области распространения.

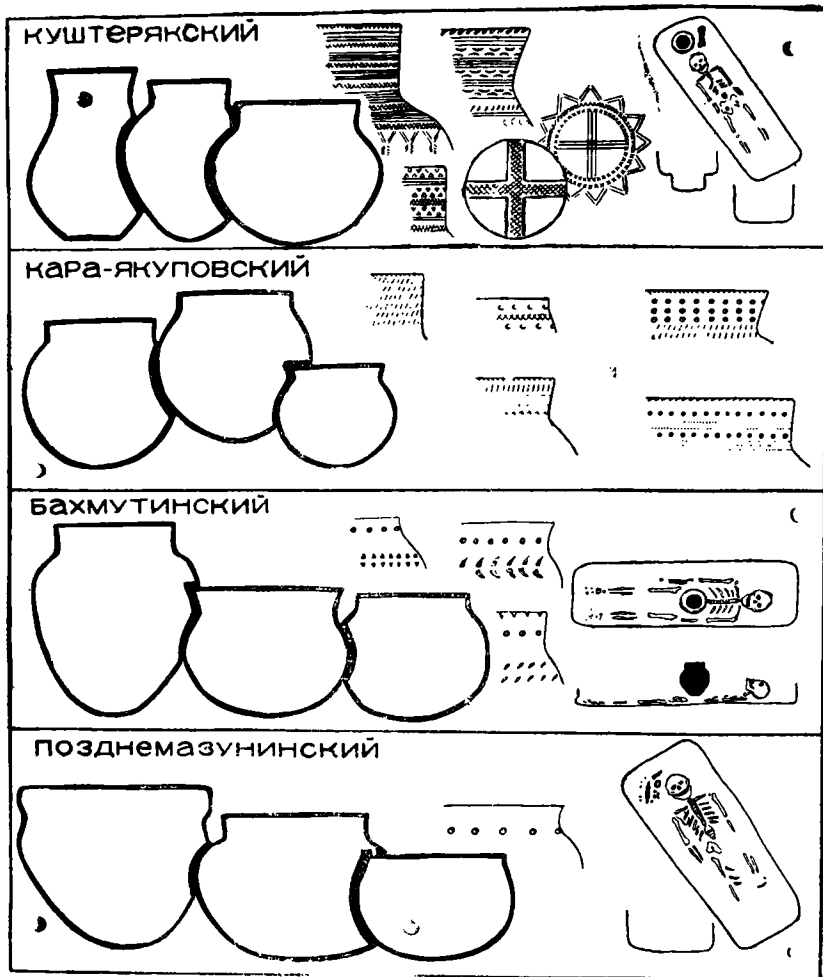
Эту этническую пестроту населения Башкирии V—VIII вв. лучше всего отражает Кушнаренковский могильник и селище, где представлено большинство типов керамики и погребальных конструкций, известных в данное время в различных районах, поэтому всю эпоху можно назвать **кушнаренковской**.

В настоящее время по накопленным материалам в составе населения кушнаренковской эпохи Башкирии можно выделить уже ряд археолого-этнических типов (рис. 1), которые, однако, не исчерпывают всего многообразия этой эпохи, поскольку памятники исследованы еще недостаточно.

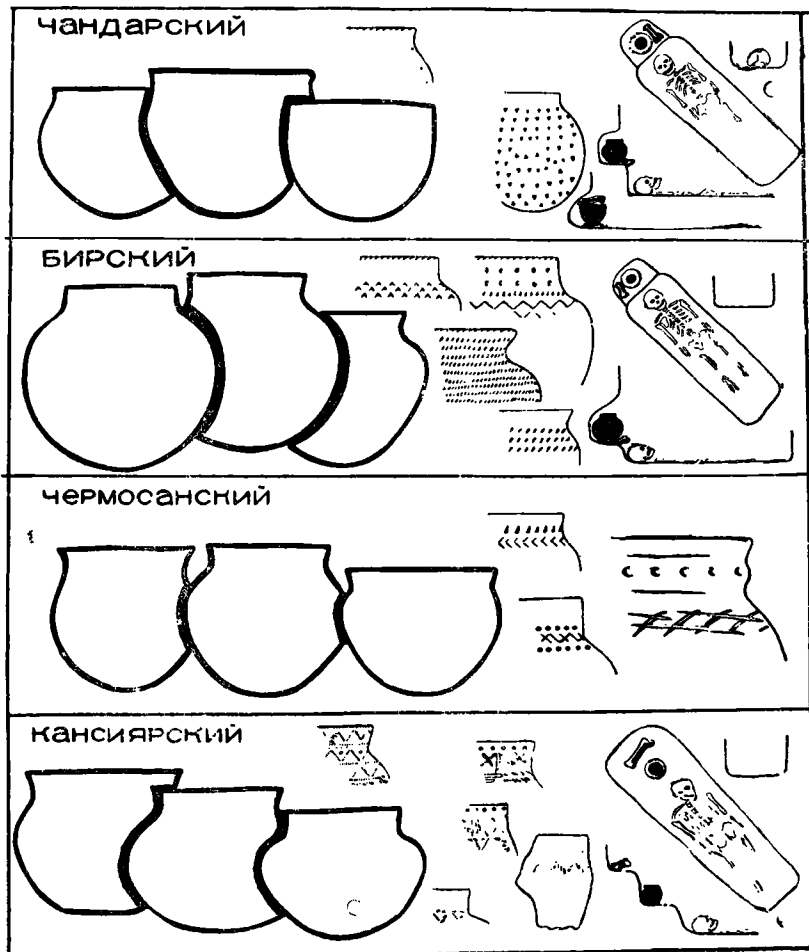
1. Куштерьякский тип.

а) Керамика: по форме выделяется три основных типа сосудов—высокие кувшинообразные без ручек с округлым или уплощенным дном; высокие с яйцевидным туловом и прямой шейкой; низкие с шаровидным туловом и прямой шейкой; все сосуды тонкостенные и изготовлены из хорошо отмоленной глины, иногда с мелким песком; орнамент по шейке, плечикам и иногда днищу выполнен прочерченными горизонтальными линиями, между которыми пояски из гребенчатых или резных решеток, наклоненных полос, гусеничек и штампованных треугольников.

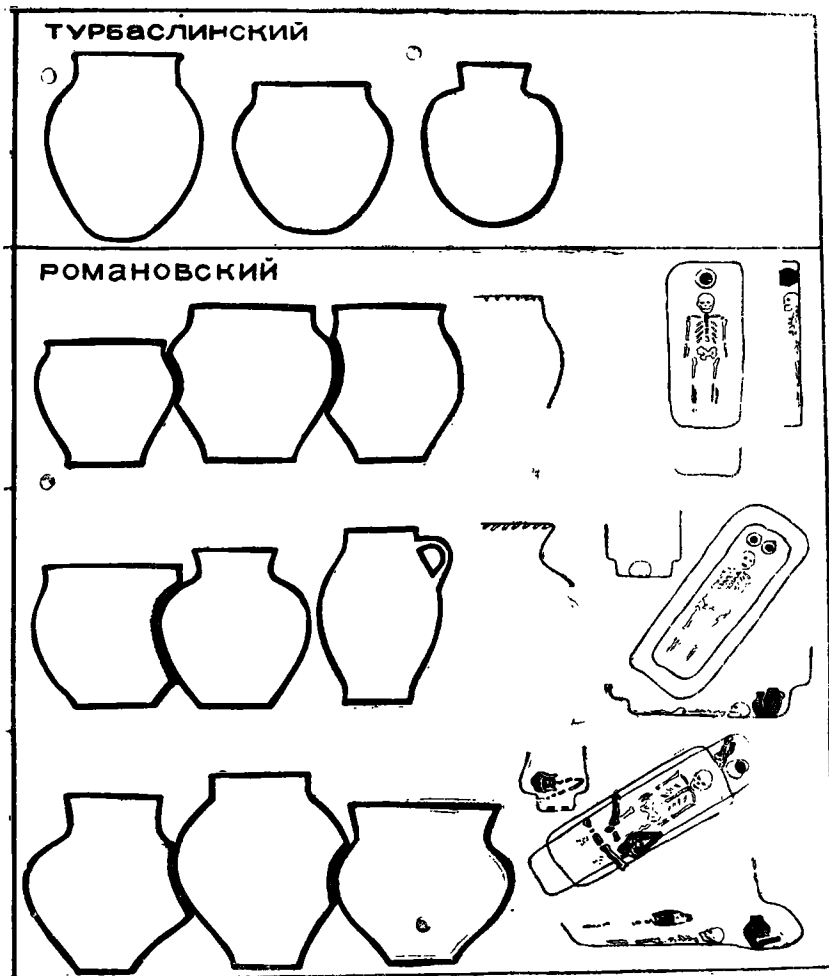
б) Погребальный обряд: небольшие курганы с довольно глубокими (до 1 м и более) ямами; большая ширина ям (60—100 см) позволяет предполагать какие-то деревянные конструкции и, возможно, залпечики; в изголовье обычно один-два сосуда и иногда кость животного; в могилах части принадлежности поясных наборов, украшений мало.

Р и с. 1. Археолого-этнические типы V—VIII вв. в Башкирии

Р и с. 1 (продолж.). Археолого-этнические типы V—VIII вв. в Башкирии.

Р и с. 1 (продолж.). Археолого-этнические типы V—VIII вв. в Башкирии,

Основной район, где выявлены памятники данного типа — северо-запад Башкирии: бассейн р. База, Сюнь, низовья Чермасана и Б. Таныпа (Куштерьякское селище, Манякский, Сантыш-Тамакский могильники), но не редки находки и за пределами этого района.

2. Кара-якуповский тип известен пока только по керамике — это тонкостенные сосуды из хорошо отмученной глины с песком, иногда камешками, шаровидной или удлиненной формы, часто с прямыми шейками. Все сосуды орнаментированы по венчику, шейке и реже — плечикам густыми узорами из мелкогребенчатого штампа, круглых ямок и жемчужин в виде горизонтальных поясков. Особенно характерны пояски наклонного штампа и ряды ямок или жемчужин.

Основной район распространения этого типа — Бельско-Икское междуречье от верхьев р. Базы до верхьев р. Демы.

3. Чандарский тип.

а) Керамика: шаровидные сосуды с короткими шейками из глины с примесями песка и мелких галечек; поверхность сосудов обработана штриховой зачисткой и вся покрыта рядами ямочных наколов.

б) Погребальный обряд: грунтовые могилы с нишами в изголовье на уровне дна ямы или несколько выше; в нишах — сосуд и крупная (бедренная или плечевая) кость лошади.

в) Жилища в виде полуземлянок.

Основной район распространения чандарского типа — Бельско-Уфимское междуречье в северной Башкирии, с незначительным переходом на правобережье Камы и левобережье Белой.

4. Чермасанский тип известен также только по керамике. Это грубые чашевидные сосуды с орнаментацией по шейке в виде елочно-зигзаговых резных узоров, сочетающихся иногда с жемчужинами. Тип выявлен пока лишь в качестве примесей на памятниках северной Башкирии.

5. Бирский тип.

а) Керамика: сосуды с шаровидным туловом и высокой сильно суженной горловиной, орнаментированные короткими насечками, подтреугольными вдавлениями и ямками.

б) Погребальный обряд: грунтовые захоронения в ямах с нишами в изголовье, расположенными выше дна могилы; в нишах сосуд и крупная кость животного; умершие ориентированы головой на северо-запад. Бирский тип локализуется, по-видимому, в основном к востоку от нижнего течения р. Белой вплоть до верхьев р. Уфы.

6. Кансиярский тип.

а) Керамика: круглодонные сосуды с суженной горловиной низких пропорций, орнаментированные по шейке гребенчатыми или псевдогребенчатыми отпечатками, образующими узоры в виде зигзагов, наклонных поясков, горизонтальных рядов, нередки и ряды ямок.

б) Погребальный обряд: грунтовые ямы со ступеньками в изголовье, на которых помещены сосуд и кость животного; умершие ориентированы головой на северо-запад.

Этот тип распространен в северной Башкирии, но как и два предыдущих — бирский и чермасанский — выявлен еще недостаточно.

7. Бахмутинский тип.

а) Керамика: круглодонные сосуды из глины с примесями песка, реже мелкой гальки, орнаментированные по шейке рядом ямок и по плечикам — короткими полуовальными или подтреугольными насечками, образующими узор елочки или наклонных поясков.

б) Погребальный обряд: грунтовые захоронения в простых ямах; ориентировка умерших головой на восток; глиняные сосуды — над костяком в засыпке могилы. Основной район распространения этого типа — центральная и южная Башкирия.

8. Позднемазунинский тип.

а) Керамика: чашевидные сосуды традиционной для Прикамья формы, орнаментированные по шейке пояском круглых ямок.

б) Погребальный обряд: грунтовые захоронения в простых ямах; умершие ориентированы головой на север-северо-запад; в изголовье — жертвенные комплексы из украшений и, реже, орудий труда; в мужских могилах часты оружие и орудия труда.

Позднемазунинский тип занимает территорию северной Башкирии и прилегающих районов Камы.

9. Турбаслинский тип.

а) Керамика: высокие сосуды с яйцевидным туловом и суженной горловиной из глины с примесями песка и шамота; орнамент, как правило, отсутствует, на плечиках иногда уступчики.

б) Погребения в курганах, могильные ямы простой конструкции или с ниши в изголовье, где ставился сосуд; у боковой стенки небольшой уступ — прикопчик, на который сложены вещи.

Турбаслинский тип встречается в центральной и южной Башкирии.

10. Романовский тип объединяет комплексы фактически трех типов, которые, однако, не удается пока расчленить четко по наиболее массовому материалу поселений — керамике. Возможно, это связано с тем, что только для захоронений изготавливались сосуды своеобразной формы, а бытовая посуда у этих групп почти не различалась.

Романовский I тип включает захоронения в простых могильных ямах, где умершие ориентированы головой на север; в изголовье поставлен грубый плоскостонный горшок того типа, который в массе встречается на поселениях. Сосуды изготовлены из глины с обильными примесями шамота и песка, поверхность очень неровная, без орнамента, лишь изредка они имеют насечки по венчику.

Романовский II тип объединяет погребения в могильных ямах с круговыми заплечиками и ориентировкой умерших головой на север-северо-восток. В изголовье стоят обычно два сосуда — один грубый горшковидной формы, аналогичный поселенческому, второй — кувшинообразный, высоких пропорций с суженной горловиной, с ручкой, а чаще и без нее; эти сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью песка, поверхность их хорошо заглажена, иногда до лощения.

Романовский III тип — это погребения в могилах сложной конструкции: с продольными заплечиками, расширением у ног захороненного и нишей-подбоем в изголовье, дно которой ниже уровня дна основной части могилы. В нише-подбое находятся крупные кости (бедренная и плечевая) лошади и крупный сосуд. Сосуды высоких пропорций с сильно суженным дном и менее суженной высокой горловиной изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью песка, поверхность заглажена иногда до лощения. В засыпке могильной ямы на уровне заплечиков находятся кости черепа, четырех ног и хвоста лошади.

К романовскому типу по близкому сходству керамики примыкают и погребения именьковского типа, обнаруженные пока в незначительном количестве на территории Башкирии. Это захоронения остатков трупосожжений в небольших подквадратных ямках со ступенчатым дном, где поставлены грубые плоскостонные горшки. В отличие от собственно именьковских захоронений в одной из могил Кушнаренковского могильника находилась часть бедренной кости лошади.

Романовский тип встречается в основном в центральной и южной Башкирии.

Происхождение этнических групп V—VIII вв.

1. Уже многочисленность археолого-этнических типов в кушнаренковскую эпоху свидетельствует о весьма бурном времени, когда на территории Башкирии оследили многие различные по происхождению группы населения, и смешались с местными племенами.

Происхождение пришлых археолого-этнических типов кушнаренковской эпохи в большинстве своем уже может быть установлено по археологическим аналогиям.

2. Куштерьякские и в значительной мере кара-якуповские формы сосудов сложились под большим влиянием посуды восточно-казахстанских усуней, для которой также характерны высокогорлые кувшинообразные формы без ручек, иногда с уплощенным дном. Подобные сосуды встречались и на р. Оби вплоть до Новосибирска (Ордынские курганы) и на Алтае (Туэктинские курганы). Но усуньская посуда в большинстве не орнаментирована. Общий стиль ornamentации куштерьякской и кара-якуповской посуды близко сходен с памятниками V—VII вв. лесостепной зоны Западной Сибири (городища — Большой Лог, Логиново, Мурлинское и др.), но в Сибири этот орнамент более грубый, как и сами сосуды. Куштерьякский тип ближе более западным памятникам—Приишимья и Прииртышья, а кара-якуповский — восточным—Приобье. Жемчужины и ямки на шейке — типичнейшая черта сибирской керамики. Погребальный обряд в Приобье — курганный, остальных районах — смешанный. В павлодарском Прииртышье в Бобровских курганах VII—IX вв. керамика полностью идентична куштерьякской. Керамика этого стиля сохраняется в Западной Сибири вплоть до XIII, а в некоторых районах и XVI—XVII вв. (томское Приобье). Данные топонимики, этнонимики и письменных источников свидетельствуют, что в этих районах обитали представители самодийских народов. На этом основании этническая принадлежность куштерьякского и кара-якуповского типов определяется как самодийская.

3. Чандарские сосуды по типичному украшению всей поверхности ямками идентичны сосудам раннего железного века из памятников лесостепных районов Ишима (Лихачевское городище, поселение у г. Петропавловска) и северных окраин лесостепи по Иртышу (Розановское городище). Многочисленные совпадения в этнонимике северо-восточных башкир, главным образом племени Айле, и тарских татар (также племени Аялы) подтверждают факт переселения в середине I тыс. н. э. значительной группы населения из Западной Сибири в Приуралье. Этническая принадлежность этого населения недостаточно ясна, не исключено, что это потомки каких-то палеосибирских групп.

4. Чермасанские сосуды по форме и ornamentации находят ближайшие аналогии в керамике раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири (типа Узловского поселения на р. Ишим, Гороховского городища в Притоболье и др.).

Для лесостепных районов Западной Сибири в раннем железном веке характерны курганные захоронения в ямах с заплечиками и сосудами, чаще всего в изголовье (Абатские, Саргатские курганы). Поселения типа Узлово и могильники типа Абатского принадлежат предкам обских угров.

5. Романовский тип сосудов в виде плоскодонных горшков трудно сопоставлять с каким-либо конкретным районом, так как эта форма весьма широко распространена. Не каждая она и районом северо-восточного Казахстана (могильники Кула-журга, Бобровский, Башадарские курганы Алтая). В этих же районах встречаются и трупосожжения с сосудами в небольших ямах (Бобровский могильник), могильные ямы с заплечиками.

Романовский тип включает, очевидно, смешанное население угорского и древнетюркского происхождения.

6. Позднемазунинский и бахмутинский типы принадлежат местному прикамскому населению, что хорошо прослеживается по сохранению старых традиций в керамике и погребальном обряде. Бахмутинский тип — это дальнейшее развитие убаларско-имендяшевского угорского населения южной Башкирии, а позднемазунинский — предшествовавшего пермского населения северной Башкирии.

Заключение

Появление в середине I тыс. н. э. на территории Башкирии многочисленных групп племен сибирско-казахстанского происхождения следует связывать с большими волнами переселений, прокатившимися по Южному Уралу на запад. Это были гунны (конец IV в.), огуры (середина V в.), савыры (начало VI в.), авары и тюркюты (середина VI в.) и, вероятно,

многие другие племенные объединения, менее значительные по своим размерам и оставшиеся неизвестными древним авторам.

Не имея пока достаточно точных данных о хронологии прикамских комплексов I тыс. и почти не зная, что из себя представляли упомянутые выше племена в археологическом отношении, невозможно проводить убедительные сопоставления. Это задача будущего.

Археологические материалы I тыс. с территории Башкирии свидетельствуют о том, что ее население было сильно смешано и состояло из племен разного происхождения и различной этнической принадлежности. Здесь были многочисленные группы местного пермского и угорского (приаральского?) населения, которые смешались с пришлыми племенами самодийского, древнетюркского, палеосибирского (?) и различными группами угорского происхождения, пришедшими из Западной Сибири и Казахстана.

Осевшие на территории Башкирии племена, несмотря на различную этническую принадлежность, были очень близки между собой по хозяйственно-бытовому укладу и общественному устройству. Это было оседлое скотоводческо-земледельческое население, находившееся на последней стадии распада первобытных отношений. Такая близость в образе жизни в значительной мере обусловила сосуществование, тесный контакт и смешение отдельных групп между собой. Результатом этого явилось формирование одной этнической общности, на базе которой, с приходом собственно башкирских племен в IX в. и дальнейшей массовой тюркизацией, складывается башкирская народность.

ДАННЫЕ ДИАЛЕКТОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА К ВОПРОСУ
ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ БАШКИР

Башкирский язык относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы языков¹. К отличительным признакам башкирского языка относятся: а) замещение з фонемой э (межзубным звуком): *кыз* вм *кыз* «девушка»; б) замещение ч фонемой с: *бысак* вм. *бычак* «нож»; в) замещение с в конце слова межзубным ç: *баç* вм. *бас* «давить»; г) замещение с в начале слов и аффиксов фонемой һ: *һыйыр* вм. *сыйыр* «корова», *һуһыз* вм *суһыз* «без воды»; д) преимущественное употребление б в начале слов: *бысак* вм. тат. *пычак* «нож»; е) преимущественное употребление й в начале слов: *йер* вм. тат. *жир* «земля», «место».

Как пишет Н. А. Баскаков, «в башкирском языке представлены, как и в татарском, кыпчакские и булгарские элементы»². Башкирский язык «...своими фонетическими чертами в области консонантизма связан также и с далекой восточной ветвью тюркских языков, т. е. с такими языками, как язык древних тюрков, как язык якутский, хакасский, связи с которыми у башкирского языка были в весьма древнее время (может быть в эпоху до VII в.)... Якутский, хакасский и башкирский языки сохранили с (куус, кус, кес)»³.

Фонетические комплексы звуков лт, нт, мт, рт, представленные в орхоно-енисейских памятниках рунического письма, в языке желтых уйгуров и в языке татар Западной Сибири, функционируют в среднем и в туюском (балыкчинском) говорах башкирского языка. Система таких диссимилятивных звукосочетаний такова: лт, нт, çт, мт и çк, çк (и нк, нк), мк, мк. Примеры: *алты* вм. *алды* «взял», *анта* вм. *унда* «там», *урамта* вм. *урамда* «на улице», *урмаңка* вм. *урмаңга* «в лес», *төңкө* вм. *төңгө* «ночной».

Следует отметить, что данное диссимилятивное явление представляет собой регулярную фонетическую закономерность, проявляющуюся как в разложимых, так и в неразложимых морфемах в составе словоформы, даже на стыке основы и частицы. Примеры *юлташ* вм. *юлдаш* «спутник», *контоз* вм. *кондоз* «бобр», *кузелтерек* вм. *кузелдерек* «очки», *һин тә мин тә* вм. *һин да мин дә* «и ты и я», *уңты* вм. *уңды*, «уродился» *һиң, кенә* вм. *һиң генә* «лишь ты», *ямкыр* вм. *ямғыр* «дождь», *дамка* вм. *тамга* «клеймо», *кумтан* вм. *комган* «чайник».

В говоре балыкчинцев помимо вышеприведенных диссимилянтов имеется диссимилятивное звукосочетание рт: *барты* «ходил». Таким образом, несколько расширяется зона распространения диссимилянтов. Можно полагать, что носители данных говоров пришли до X в.

В аргаяшском говоре согласные э и ç составляют пару по звонкости — глухости: в конечной позиции употребляется глухой ç, а в положении между гласными — звонкий э. Примеры: *каç* «гусь» — *казым* «мой гусь», *кыç* «прижки» — *кыза* «жмет». Данное фонетическое явление повлекло за собой новые фонетические изменения ассимилятивного поряд-

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 162.

² Там же, стр. 163.

³ Там же.

ка, как-то: после глухого ζ следуют глухие согласные. Примеры: *бестен* «наши» (ср. лит. *беззен*), *устаре* «(они) сами», *кускалы* «тронуться» (ср. лит. *кузгалы*), *бер ас кына* «немного» (ср. лит. *бер аз гына*).

Подобное фонетическое явление представлено в хакасском языке, в котором оно проявляется в соотношении с и з. Примеры: *хас* «гусь» — *хазы* «его гусь», *хастар* «гуси.» Однако в хакасском языке регулярных парсогласных по звонкости — глухости несколько больше: т—д, ч—ч, ш—ж.

Соотнесенность с—з как глухой к звонкому представлена и в языке татар Западной Сибири. Примеры: *сестин* вм. *седэн*, *сескэ* вм. *сезгэ*, *көскө* вм. тат. лит. *лөзгө* «осенний»⁴. В связи с этим можно констатировать, что язык западносибирских татар имеет множество общих черт с башкирским языком и его диалектов. Общие черты:

а) употребление э в первом слоге слова:

диалект	татарск. лит.	башкирск. лит.
<i>кәштә</i>	<i>киштә</i>	<i>кәштә</i> «полка»
<i>кәрәк</i>	<i>кирәк</i>	<i>кәрәк</i> «нужно»
<i>кәртә</i>	<i>киртә</i>	<i>кәртә</i> «изгородь»
<i>кәм</i>	<i>ким</i>	<i>кәм</i> «неполный»
<i>шәмпе</i>	<i>шимбә</i>	<i>шәмбе</i> «суббота»
<i>тарән</i>	<i>тирән</i>	<i>тарән</i> «глубокий».

б) употребление й вместо ж татарского литературного языка: *йер* «земля» — тат. лит. *жир*, башк. *йер*.

Северо-восточная группа башкирских говоров имеет много общих черт с языком западносибирских татар в фонетической системе, грамматическом строе и лексике. Диалектные признаки северо-восточной группы говоров обнаруживаются в восточных тюркских языках. Так, например, форма целевого дееспричастия (супина)-галы представлена в хакасском, казахском, даже в орхон-енисейских памятниках.

Элемент и в форме *ган* не выступает в 1-ом и 2-ом лице ед. и мн. числа: *баргам* вм. лит. *барганмын* «я ходил», *барган* вм. лит. *барганһың* «ты ходил». Подобное явление имеется в хакасском и алтайском языках. Таким образом, многие диалектные черты выходят за пределы башкирских говоров.

В кизильском говоре восточного диалекта имеет место переход ζ в h в интервокальном положении, например: *һоҫ—һоһоу* «черпать». Аналогичное фонетическое явление представлено в якутском языке, в котором с переходит в h в интервокальном положении: *быс* — *быһа* «нож», *ас* — *аһаа* «кушать», *кыыс* «девушка» — *кыһыбыт* «наша девушка».

Связь юго-восточных говоров с ногайско-кыпчакскими языками обнаруживается больше всего в лексике. Примеры: *таңдай* «небо» (ср. казах. *таңдай*, к. калпак. *танглай*, ног. *танглай*); *кичел* «челка» (ср. казах. *кекіл* «челка»; к. калпак. *кекел* «челка», ног. *кекел* «чуб, локон, гребень (у птицы); *иргэйел* «карлик» (ср. казах. *ергежейл*, к. калпак. *иргежей*, ног. *эргежейли*); *үкел* «посаженный» (ср. казах. *өкіл* «представитель», ног. *окил ака* «посаженный отец невесты»); *буз тургай* «жаворонок» (ср. казах. *боз торгай*, ног. *боз торгай*); *һыргауыл* «шест» (ср. казах. *сыргауыл* «шест, жердь»); *түләу* «линять, шелушиться» (ср. казах. *түлеу* «линять», ног. *тульәу* «линять, шелушиться», к. калпак. *түлеу* «линять»).

Оставили заметный след в башкирском языке былые связи с финно-угорскими племенами и тот факт, что некоторые из этих племен вошли в состав башкир. Так, например, вошли в состав башкир бывшие угорские племена юрматы и еней (*йәнәй*). Вероятно, племя салзегут (*салыуыт*) тоже восходит к обским уграм.

Довольно рельефно сохранился финно-угорский пласт в топонимии. Вот некоторые примеры: *Нәре* — название горы (ср. манс. *нёр* «гора», мор. *нер* «нос»; «мыс»); *Йегән* — гидроним (ср. хант. *гәан* «речка», мар. *йогын* «течение»); *Бйык*, *Эйек*, *Бк* — гидронимы

⁴ Г. А х а т о в. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, стр. 70—71.

(ср. финск. *joki* «река, речка», эст. *jogi*, ливск. *ēg* «река»); *Ийнэр* — гидроним (ср. мар. *эн-гер* «река»); *Төй* — гидроним (ср. манс. *тö*, венгр. *tó* «озеро», удм. *ты* «озеро»).

Некоторые примеры на лексические связи башкирского языка с финно-угорскими языками: башк. *кыраз* «гребень горы», удм. *гурезь* «гора»; башк. (диал.) *шар* «болотистая местность», удм. *шур* «река», венг. *szar* «поток», коми-зырянск. *шор* «ручей»; башк. *кейек* || *кыйык* «дикое животное», удм. *кыйык* «лось»; башк. (диал.) *мышы* «олень», удм. *пужей*, коми-ижемск. *пэж* «молодой олень»; башк. *урман такәһе* (|| *саралдин*) «бекас», удм. *нюртака* «бекас» (из перм. *нюр* «болото» — тюрк. *така* «баран»); башк. *кәлмәргән калмәргән* «скопа» (из перм. *кал* «рыба» + тюрк. *мәргән* «меткий»); башк. (диал.) *сел* «рябчик», удм. *сала*, коми-яз. *сола*, манс. *шула*); башк. (диал.) *меле* «мелкая рыба», коми-зыр. (диал.) *мали* «мелкая рыба»; башк. *зелле* «бересклет» (из удм. *жель* «заноза, лучинка» + перм. *пу* «дерево»).

Группировка говоров башкирского языка в основных своих чертах совпадает с этнографическим делением Башкирии⁵.

Различия между южным и восточным диалектами сводятся главным образом к различиям в варьировании аффиксов, начинающихся с *л* и *н* (за гласным).

Различия типа *ташлар-таштар* «камни», *таулар-таузар* «горы», *урманнар-урмандар* «леса» представляют одно из фонетических явлений, по которому определяется граница двух диалектов.

Эта граница не совпадает с этнографической. Она по существу не отражает главных признаков группировки говоров.

В целях более объективного освещения образования диалектных областей можно предложить несколько иную группировку говоров, которая не расходится, а соответствует зональной группировке племен.

1. Северо-восточная группа, в которую входят следующие говоры: айско-миасский, аргаяшский, сальютский. Граница этих говоров совпадает с границей северо-восточной группы племен (катай, табын, сальют, ай, кубалак, тилив, кувакан).

Данная группа объединяет говоры не по одному, а по целому ряду существенных признаков, которые в большинстве своем связывают их с восточными тюркскими языками. Они обнаруживаются больше всего в лексике и фонетике, имеются и в грамматике. Вот некоторые из них:

1. Наличие твердых вариантов слов: *сас*—*сәс* «волосы», *сасыу* — *сәсеу* «сеять», *кыйык* — *кейек* «дикий».

2. Наличие *ж* в начале слова и слога в определенной группе слов, например: *жыйыу* «собирать», *аржак* «та сторона», *жәй* «лето», *житте* «семь».

3. Оформление 2-го лица мн. числа повелительного наклонения аффиксом *-н-ың*: *алың* — лит. *алығыз* «берите».

4. Оформление аффиксами, отличными от юго-восточных говоров, повелительного залога глаголов: *кейгез-кейзәр*, *еткез-еткисәр*.

5. Выступление частицы вопроса с широкими гласными: *кешмә?* «человек ли?»

6. Наличие своеобразной группы постелогов, указывающих на предел во времени и пространстве: *тәрг*, *тәксел* и др.

Северо-восточная группа говоров имеет некоторые общие черты с северо-западными говорами, которые подвергались сильному влиянию татарского языка.

II. Юго-восточная группа говоров, носителями которой являются племена бурзян, дсерган, юрматы, кыпчак, тамьян, тангаур. К ней относятся говоры икско-сакмарский, кизильский (хотя последний входит в состав восточного диалекта), примыкают центральные:

⁵ Р. Г. Кузеев. Рото-племенной состав башкир в XVIII в. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1960, стр. 61.

Р. Г. Кузеев характерной чертой формирования башкирской народности считает многоступенчатость родоплеменной структуры⁶. Многоступенчатость наблюдается также в диалектной системе башкирского языка, которая примерно сводится к следующему: группа говоров — говор — подговор (племени) — подподговор. Однако это не значит, что каждая диалектная ступень соответствует ступени этнической. Говор не всегда соответствует языку племени. Так, носителями среднего говора являются катайцы, табынцы; иско-сакмарского — бурзяне, усергяне, тангаурцы, кипчаки и юрматинцы.

Табынцы, кипчаки, катайцы и тамьянцы являются носителями разных говоров. Территория распространения говора и обитания племени совпадают лишь у салютгов.

Основными классификационными признаками диалектов являются специфические звуки башкирского языка *h*, *ç*, *з*. Так, например, в демско-карандельском говоре выступает только *ç* (*сыуçaу* — *һуһау*), в салютском вместо *ç* и *з* выступает *h* даже в конечной позиции *кыһтар* — вм. лит. *кыззар*), *з* выступает только в начале аффиксов (*кыззар*).

В отличие от близкородственных языков в башкирском функционируют звуки *h*, *ç*, *з*. Дж. Г. Кнекбаев высказал мнение о том, что звуки *ç*, *h* появились на собственно башкирской основе (*с > ç > h*). Они употребляются в различных позициях. В поддержку мнения Дж. Г. Кнекбаева можно сказать следующее.

Своеобразное развитие системы согласных башкирского языка объясняется специфичными условиями, в которых формировалась башкирская народность. Формирование башкирского этноса проходило бурно. В нем принимали участие самые различные племена: и древнетюркские, и болгарские (бияр, буляр, уран), и финно-угорские (больше всего угорские), и кипчакские. Основа башкирского языка осталась тюркской. И поныне в диалектной системе противостоят две области: восточнотюркского типа и кипчакского; в северо-западной диалектной области когда-то, по-видимому, превалировал болгарский тип, но с XVI в. она подвергалась сильному влиянию татарского языка, и в настоящее время отнесение его к тому или иному диалекту вызывает споры.

Таким образом, бурный период истории башкирских племен привел к усилению темпов развития языка⁷. Чем богаче события истории народа, тем активнее фонетические процессы. Нечто подобное можно наблюдать и в некоторых других тюркских языках, например, в якутском. Передвижение согласных в башкирском языке развивается ступенчатообразно. Носители салютского и аргаяшского говоров, переселившиеся последними, завершили изменения (согласных *h*, *ç*, *з*) последней ступени. В результате взаимодействия разных закономерностей происходит в языке рождение нового явления⁸.

Для системы согласных башкирского языка была характерна тенденция к спирализации и озвончению в соответствующих позициях. Для вокализма башкирского и татарского языков характерны общие черты. Но вместе с тем в системе гласных башкирского языка имеются и специфические особенности:

- а) наличие последовательной губной гармонии гласных по линии о и ө;
- б) отсутствие огубленного а⁹; наличие в говорах фарингализованного а⁹ в первом слоге слова;
- в) редукция гласных выражена в меньшей степени;
- г) сохранение т. н. дифтонгов *-уу*, *-ой* *-ей* и т. п. (они не монофтонгизируются, как в татарском).

Таким образом, башкирский язык имеет свои специфические черты не только в системе согласных, но и в системе гласных.

Система говоров и диалектов башкирского языка, как историческая категория, тесно связана с историей родо-племенной системы башкир. Диалекты и говоры берут свое начало от языков племен и союзов племен, а потому в известной степени отражают контуры

⁶ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 26—31.

⁷ В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 286.

⁸ Там же. Указ. соч., стр. 289.

этнической карты башкирского народа. Однако нельзя не учитывать того, что в диалектной системе происходили изменения по внутренним законам развития языка.

Диалектная система башкирского языка не испытывала на себе значительного воздействия других исторических факторов (административно-территориальное деление и пр.), вследствие чего диалекты и говоры не подвергались вторичной перегруппировке.

А. Н. КИРЕЕВ
(Уфа)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Башкирский фольклор в целом, особенно сказки, исторические песни, и кубанры сохранили и донесли до нас много интересного об этнической истории, этнических взаимосвязях древних родо-племенных групп, вошедших впоследствии в состав башкирского народа. В эпических сказаниях упоминаются этнонимы почти всех наиболее известных родо-племенных групп, а сюжеты отдельных памятников посвящены описанию прямых и непосредственных взаимоотношений между племенами, входившими в определенный родо-племенной союз. Таков сюжет сказания «Бабсак и Кусяк», в котором рассказывается о многолетней вражде между бурзянами и кыпчаками. Сказание содержит сведения о процессе распада родо-племенного союза, в который входили двенадцать племен, в том числе такие крупные, как бурзян, кыпчак, тамьян, тангаур и др. Причиной распада явилась междоусобица, вражда вождей этих племен.

В сюжетах других эпических сказаний также имеется немало интересного о древнейших этнических группах, населявших Башкирию. Так, по вариантам сказания «Алпамыша и Барсынхылу» мы узнаем о взаимоотношениях между племенами айляр (или айлинцы) и буляр. Как известно из этнографической литературы, айлинцы по происхождению восходят к древнему Алтаю, а булярцы — к древней Булгарии. По мотивам этого сказания можно судить о наличии алтайского и булгарского элементов в этническом составе башкирского народа.

Сюжет популярного сказания «Кузы-Курпэс и Маян-хылу» сообщает об этнических связях башкирского и казахского народов. Кроме того, в варианте, опубликованном в переводе Тимофея Беляева, названы племена, являющиеся, согласно сказанию, аборигенами края и занимающие значительное место в этнической истории башкирского народа (бурзян, кыпчак, тангаур, усерган, тамьян и др.).

В сказании «Кунгыр буга» говорится о том, как семь кыпчакских племен образовали единый союз, который должен был стать «крепкой основой жизни на земле». Здесь же говорится о связях данного этнического (кыпчакского) союза с древним племенем канглы и о возможном принятии канглинцев в этот союз.

Героический эпос башкирского народа, как видим, весьма широко отражает этническую историю народа и довольно устойчиво сохраняет этногенетические мотивы в своем репертуаре.

Этногенетические мотивы весьма своеобразно отразились также в песенном творчестве башкир, особенно в той группе, которую принято называть исторической. Надо полагать, что этногенетические мотивы проникли в песенный репертуар через сюжеты эпических сказаний, когда форма героического эпоса (кубанров) стала распадаться и его функции принял на себя жанр исторической песни. Процесс этот сложный и длительный и требует особого изучения. В данном случае нас интересует лишь факт продолжения и развития этногенетических мотивов. В песенном репертуаре, так же как в эпосе, воспевается идея единения племен, укрупнения родо-племенных групп и создания единого, сильного союза племен (ил). Такова, в частности, песня «Еге ырыу», которая впоследствии стала широко известной под названием «Урал». В песнях осуждается междоусобица и межплеменная вражда, например, песня «Искандер», в которой певец от имени народа проклинает

вражду бурзянцев и катаяцев. В исторических песнях оплакивается исчезновение мелких этнических групп, (песня «Ийуасалы»).

Немало привлекаетелного в этом плане обнаруживается и в сказочном эпосе, в пословицах, загадках, дидактивных формах устнопоэтического творчества.

Устойчивое сохранение этногенетических мотивов в башкирском фольклоре говорит о том, что народное сознание придавало большое значение этногенетическим процессам, происходившим при сложении башкирской народности.

В башкирском фольклоре бытует особый цикл этногенетических легенд и преданий в форме короткой повествовательной прозы, в которых подробно рассказывается о возникновении того или иного племени, рода и этнонимов, связанных с ними. Подобных легенд и преданий зарегистрировано очень много. Их можно разделить на четыре группы:

1) предания и легенды, восходящие к глубокой древности и отражающие мотивы этнологоического порядка.

2) предания и легенды, связанные с древними тотемистическими воззрениями.

3) легенды и предания, связанные с топонимией края, в которых этнонимия и выступает как часть топонимии (оронимии, гидронимии и т. д.).

4) сюжеты, в которых этнонимы связываются с именами вождей древних племен и родо-племенных подразделений.

Весьма своеобразным и интересным представляется цикл легенд и преданий, несущих в себе этнологоические мотивы. Они привлекают внимание в первую очередь тем, что мотивы мироздания в них переплетаются с мотивами возникновения конкретного племени (рода, аймака). Причем происхождение таких явлений, как солнце, огонь, вода и другие, связывается с действиями и трудовой деятельностью определенных башкирских племен, скажем, таких, как гэйинэ, тулбуй и др.

Все это характерно для этногенетического фольклора вообще. Этногенетические легенды и предания многих народов отражают стремление связать возникновение мироздания с возникновением своего рода или племени и тем самым представить свое племя (род) первоначальным в человеческом обществе, основателем человеческого рода.

В этой связи представляют большой интерес сюжеты, рассказывающие о происхождении племени гэйинэ, в которых возникновение племени связывается с появлением (вернее, добытием) огня, а в некоторых случаях — солнца.

Обратимся к сюжету этих преданий.

В районе реки Тол (Тулва) появляются два брата Гэйинэ и Эйинэ. В одних вариантах они спускаются с неба, а в других — едут из снежных стран. Едут эти братья на священном олене. И вдруг олень останавливается, *топает* ногой. Братья обнаруживают на этом месте огонь, спрятанный злой хозяйкой *Тулва* (тул — огонь, ава — хозяйка). Братья вступают в борьбу с хозяйкой огня. Один из них погибает. А другой, по имени Гэйинэ, победив хозяйку огня, высвобождает огонь из-под земли и, вложив в мешок, сделанный из оленьей кожи, переправляется на южный берег реки Тол, где основывает свой яйлау, свой ил, и становится зачинателем рода Гэйинэ.

В некоторых вариантах братья добывают из-под земли Солнце. Есть варианты преданий, где братья находят воду, спрятанную в подземелье, и освобождают ее. Отсюда возникает река Тол (Тулва), и сами они получают название тулвицев или тулбуйцев.

Интересно отметить, что этноним Тулбуй (Тулва) указывает на прямую связь данного башкирского племени с древними финно-угорскими племенами. В языке некоторых народов финно-угорской группы, в частности в марийском и мордовском языках, слово Тулва означает «хозяйка огня» (тул — огонь, ава — хозяйка), а в карельском языке — «хозяйка воды».

Сюжеты о возникновении племен гэйинэ и тулбуй, несущие в себе этнологоические мотивы, расширяют наше представление об этнических связях древних башкир.

Кроме этнологоических мотивов в этих легендах отражается весьма своеобразный и редко встречающийся в башкирском фольклоре мотив почитания оленя. Сохранение куль-

та оленя в этногенетических легендах и преданиях башкир является весьма характерным отражением древней этнической общности некоторых башкирских племен (северной группы) с племенами финно-угорской группы.

Весьма богато и разносторонне представлены в башкирском фольклоре легенды и предания, отражающие древние тотемистические воззрения башкирского народа, о чем было сказано выше. Тотемизм — поклонение рода или племени своему покровителю (животному, птице) — явление чрезвычайной древности. Уже самые первые известные истории упоминания о башкирах содержат указания о наличии культа тотемов. Ибн Фадлан, в частности, говорит о том, что башкиры поклоняются двенадцати богам (тотемам) и что особенно распространен среди них культ журавля. В путевых записях его приводится сюжет предания, связанного с культом журавля. Мы знаем о бытовании весьма своеобразной мелодии «Сынграу торна» («Журчащий журавль»), отражающей культ этой птицы.

Интересным представляется сохранение до сих пор в названиях родов и родовых подразделений — аймаков и ара — таких сочетаний, как *торна-катай* (журавль-катайцы), *торна-тэлтем* (журавль-тэлтем), *торна-камлы* и др. У катайцев есть аймаки *бөркөт-катай* (беркут-катай), *козон-катай* (ворон-катай); у бурзянцев зафиксированы родовые подразделения (ра) *куян* (заяц), *бесэй* (кошка), *керпе* (еж), *айыу* (медведь), *буре* (волк) у усерганцев — *айыу* (медведь), *мышы* (лось), *буре* (волк) и т. д. Все эти названия, связанные с тотемистическими воззрениями древних племен, утвердились позже как э т н и м ы отдельных родо-племенных групп и подразделений. В этногенетических преданиях, связанных с тотемизмом, отражается стремление видеть свое племя (род, аймак) могучим, сильным, достойным своего тотема. Видимо, этим объясняется тот факт, что больше всего зарегистрировано сюжетов, повествующих о возникновении племен, родов и аймаков с названиями *айыу* (медведь), *буре* (волк) и т. д. В одном из таких преданий рассказывается о батыре Аюголак (Медвежье ухо), который рожден от медведя и потому наделен невероятной силой.

В южных районах получила большое распространение легенда, согласно которой мифический волк (на древнетюркском языке *к о р т*) был предводителем некоторых башкирских племен (усерган, тангаур, бурзян) в период их переселения на Южный Урал откуда-то из южных степей. Легенда эта интересна не только тем, что передает народную этимологию этнонима *б а ш к о р т*, но и тем, что связывает указанные выше племена с кыпчако-огузским этническим массивом.

Как известно, древние башкирские племена вели кочевой образ жизни. Перемена условий жизни и географические перемещения, очевидно, помешали сохранению некоторых родовых тотемов, а также этнонимов, связанных с ними. Следует в этой связи упомянуть и о том, что частые изменения наблюдались и в самом родо-племенном составе башкир: более сильные родо-племенные организации поглощали слабые, последние распались на более мелкие, и иногда на почве объединения этих осколков возникал новый род или аймак. В этой обстановке некоторые родовые тотемы нередко теряли свое прежнее значение и даже исчезали совсем. Фольклор, впитавший в себя тотемистические воззрения различных родов, отразил этот процесс в форме нарушения табу, в форме непочитания тотемов отдельных родов, в форме отказа от этнонимов.

В сюжетах этногенетического происхождения, связанных с топонимикой края, этнонимия выступает как неотъемлемая часть топонимии. Большое распространение получили предания и легенды, отражающие связи этнонимии с оронимией и гидронимией края. Эти сюжеты, так же как сюжеты, относящиеся к первой группе, несут в себе э т и о л о г и ч е с к и е мотивы. В них рассказывается в основном о возникновении отдельных рек, озер, гор, холмов и их названий, все это также связывается с деятельностью определенного племени или рода (аймака), а потому закрепляется одновременно и как его этноним. Примеры: имеется гора *Актубэ* и родовое подразделение (аймак) *актубэ*; род *Һартай* (сартай) и гора *Һартай*; род *Һарайғыр* (сарайғыр) и лощина (бывшая река) *Һарайғыр* и т. д. Сюжеты преданий повествуют о том, как произошли эти топонимы и этнонимы.

В легенде о возникновении рода *байулы* (баюлинцев) рассказывается о том, как Куш-лак-батыру путник отдал табун лошадей, затем этот табун (вышедший со дна озера Шульген) достался его сыну, и он получил имя *Байулы* (сын бая). Байулы стал зачинателем рода баюлинцев и владельцем местности *Байулы*, названной по его имени.

Совпадение некоторых топонимов с этнонимами отражает стремление древнебашкирских племен утвердить себя хозяевами данного края или гор, озер, объявить себя исконными обитателями данной конкретной местности.

Имеются, наконец, легенды и предания, рассказывающие о родоначальниках (вождях) племен, родов, аймаков, имена которых впоследствии утвердились как этнонимы этих родоплеменных групп.

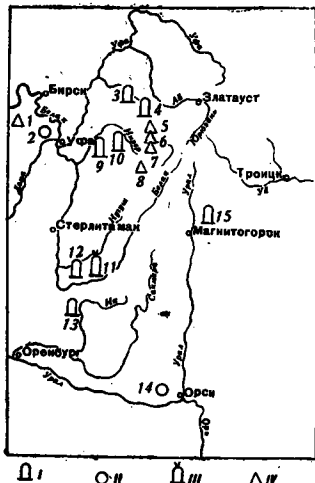
Этнонимов антропонимического (патронимического) характера встречается довольно много и, видимо, этим объясняется то, что немало зарегистрировано преданий и легенд, рассказывающих о превращении антропонима (патронима) в этноним или наоборот.

Происхождение подобных сюжетов в народном сознании, видимо, связано с представлениями об идеальном герое, о народном батыре. Нетрудно в этом заметить стремление народного сознания утвердить и закрепить за своим племенем героическую популярность вождя, батыра и объявить свое племя (род, аймак) сильным, могучим, героическим, каким был его вождь, батыр, т. е. зачинатель. Таковы легенды и предания о происхождении племени бурзян, рода дурмен, тангаур и т. д.

Некоторые варианты подобных сюжетов проникли позже в эпический репертуар. Так, в белаяевской версии эпического сказания «Кузы-Курлэс и Маян-хылу» эпический герой объявляется зачинателем семи башкирских родов. Проникновение этногенетических мотивов в героический эпос также отражает мечту народа об идеальных народных батырах, уподобление которым служило своеобразным стимулом к его укреплению.

О. Н. БАДЕР
(Москва)

ПАЛЕОЛИТ БАШКИРИИ

Р и с. 1. Карта основных памятников палеолита Башкирии и Южного Урала. I—пещерная стоянка; II—стоянка под открытым небом; III—пещера с рисунками; IV—местонахождение. 1—Тукмаля; 2—Горново; 3—Ключевая; 4—Бурановская; 5—Кочкари I; 6—Кочкари II; 7—Смирновский пост; 8—Орловка; 9—Ямазы-Таш; 10—Каменное Кольцо; 11—Шульган-Таш; 12—Кульюрттамак; 13—Мурадымово; 14—Идельбаево; 15—Смеловская II.

Палеолитические памятники позволяют судить о времени первоначального заселения территории человеком и о первых шагах древнейшего населения на историческом пути.

Изучение палеолита в Башкирии началось только в послевоенные годы, хотя единичные, разрозненные сведения об отдельных находках эпохи плейстоцена стали известны и в более раннее время. История открытий и изучения палеолитических памятников в Башкирии уже изложена в некоторых моих статьях, и нет необходимости ее повторять. Ограничусь ссылкой на эти статьи¹ и публикацией списка и карты основных из этих памятников (рис. 1). При этом территорию Башкирии, в связи с незначительным числом памятников палеолита, расширим и на карте и в данной статье до рамок Южного Урала.

С самого начала 60-х годов поиски и раскопки приняли систематический характер. Они ведутся Уральским отрядом Северной палеолитической экспедиции Института археологии АН СССР при участии Института истории, языка и литературы БФАН СССР, Башкирского краеведческого музея и Башкирского государственного университета. Из числа уфимских ученых особенно большую помощь оказали нам В. Л. Яхимович, Г. В. Вахрушев, Е. Д. Богданович и И. К. Кудряшов, а археологи-краеведы А. П. Шокуров (г. Октябрьский) и А. В. Коновалов (с. Бакалы) уже много лет неизменно делают с нами всю тяжесть экспедиционных работ.

Более двух десятков обследованных на Южном Урале местонахождений палеолитического времени дали в целом сравнительно бедные остатки материальной культуры, но богатый палеонтологический материал. Последний, так же как и неко-

¹ О. Н. Бадер. Палеолитические и неолитические пещеры Урала. — «Доклады Общества естественных наук при Пермском университете», вып. 1. Пермь, 1961; е го же. Следы палеолита на Южном Урале. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962; е го же. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964.

торые прочие признаки, как, например, данные геологии и геоморфологии, позволяют ориентировочно расположить эти памятники в относительно хронологическом порядке и тем самым наметить путь развития культуры древнекаменного века в Башкирии.

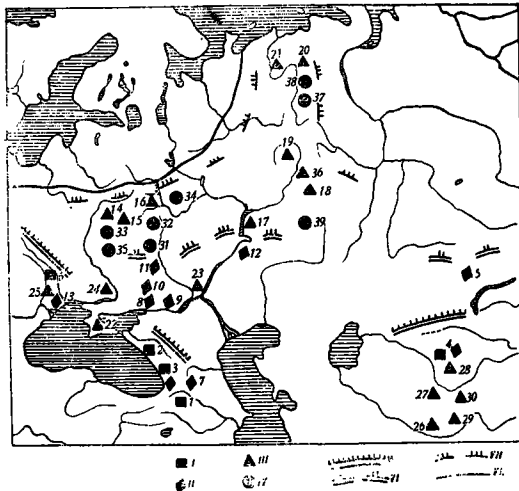
Вопрос о времени первоначального заселения Башкирии человеком еще не может быть окончательно разрешен. Но недавние открытия шель-ашельских памятников в Казахстане и в Молдавии и ашель-мустьерских в Нижнем Поволжье и на Дону подтверждают старый тезис автора, сформулированный еще в 1947 г., при первом подходе к проблеме первоначального заселения человеком Урала и Волго-Камья. Человек в этих широтах, вероятнее всего, мог появиться не раньше эпохи развитого ашеля². Справедливость этого положения может быть проиллюстрирована картой расположения памятников древнего и среднего палеолита в области Урала и в смежных ему частях Евразии и пределов распространения человека в эпоху палеолита (рис. 2). Из этой карты вытекает,

Р и с. 2. Карта важнейших палеолитических памятников Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии и пределов расселения в эпоху древнего и среднего палеолита.

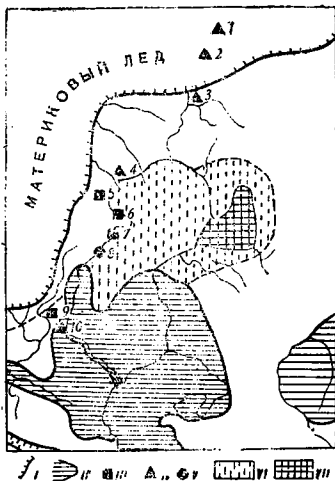
Палеолитические памятники: I — шельского и раннешельского времени; II — ашельского времени; III — мустьерского времени; IV — позднего палеолита.

Пределы расселения: V — в шелле и раннем ашеле; VI — в ашеле; VII — в мустье; VIII — максимальные пределы юрмского покровного оледенения.

1 — стоянки Сатани-Дар и Джрабер; 2 — местонахождение у станицы Саратовской; 3 — местонахождения Яштуз и Гали; 4 — стоянки Барыказган и Танирказган; 5 — местонахождение Сары-Арка; 6 — местонахождение Лука-Врублевская; 7 — пещерная стоянка Кударо I, Лаше-Балта и другие местонахождения Юго-Осетии; 8 — местонахождение у Герасимовки; 9 — местонахождение у Хрещей; 10 — местонахождение у Авроревки; 11 — стоянка у Шубоного; 12 — местонахождение в б-ве Самарской губ.; 13 — стоянка в гроте у с. Выхватинцы; 14 — местонахождение у Светиловичей (Каменная гора); 15 — Хотылево и др. местонахождения на Десне; 16 — местонахождения Золотариха на Оке и на Москве-реке в Калужской и Московской областях; 17 — полуостров Тунгуз, Красная Глинка и др. местонахождения Средней Воли; 18 — местонахождение Пещерный Лог на Чусовой; 19 — местонахождение у Гремяча на Верхней Каме; 20 — местонахождение Крутая гора на Печоре; 21 — местонахождение Корюнь Ручей близ Усть-Цильмы; 22 — стоянка у Волчьего грота, пещерные стоянки Чокурча, Чагарак-Коба, скалистые ниши Киик-Коба и Староселье со стоянками и/ погребениями и др. памятники мустьерского типа в Крыму; 23 — стоянка Сухая Мечетка у Волгограда; 24 — стоянка Кодак на Днипре; 25 — стоянка Молодово I на Днипре; 26 — пещерные стоянки Тэшик-Таш и Амир-Темир; 27 — пещерная стоянка Аман-Кутан; 28 — пещерные стоянки Хаджикент и Обирахмат; 29 — Кара-Бура; 30 — Джар-Кутан и другие местонахождения Таджикистана; 31 — стоянки района с. Костенки; 32 — Гагаринская стоянка; 33 — стоянка Пушкири и другие верхнепалеолитические стоянки на Десне; 34 — стоянка Сунгирь на Клязьме; 35 — Мезинская стоянка; 36 — стоянка Талицкого; 37 — стоянка в Медвежьей пещере; 38 — стоянка Бызовая; 39 — пещерные стоянки Южного Урала и пещера Шульган-Таш (Каповая) с палеолитическими рисунками.

² О. Н. Б а д е р. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. — «Ученые записки ПГУ», т. 5, вып. 2. Пермь, 1947.

Р и с. 3. Карта реконструируемых ландшафтов Башкирии и Среднего Поволжья в эпоху максимального оледенения и в близкие к нему времена и расположения некоторых среднепалеолитических памятников.

I—максимальные пределы днепровского (рисского) оледенения; II—морские бассейны; III—местонахождения ашельского и, возможно, предмустьерского времени; IV—мустьерские стоянки и местонахождения; V—палеоантропологические находки с неандерталовидными чертами; VI—область господства травянистой растительности степного облика с преобладанием полынных группировок в Заволжье и Предуралье; VII—растительность лесостепного облика с участием сосны, березы и лиственницы и широким распространением злаково-полюнных ассоциаций (карта растительности по В. П. Гричку).

1—Гремячво на Каме близ устья р. Вишеры; 2—Слудка на Каме близ устья р. Обвы; 3—Пещерный Лог в низовьях Чусовой; 4—Мысы близ устья Камы; 5—Красная Глинка; 6—полуостров Тунгуз; 7—ручное рубило из бив. Самарской губ.; 8—палеоантропологические находки на острове Хорошенском; 9—древнейшие орудия на стоянке Сухая Мечетка в Волгограде, относящиеся к предшествующему времени; 10—стоянка Сухая Мечетка в Волгограде.

³ О. Н. Б а д е р. Палеолитическая стоянка в Смельовской II пещере на Южном Урале. Печатается.

⁴ С. Н. Б и б и к о в. Раскопки Усть-Катавской костяной пещеры и археологические обследования правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав. — МИА, 2, 1945.

что наиболее вероятными путями заселения Башкирии человеком могли быть юго-восточные пути из Средней Азии и юго-западный путь из области Кавказа.

Палеогеографические исследования позволяют в известной мере восстановить картину ландшафта интересующей нас территории во вторую половину плейстоцена (рис. 3). Из этой карты видно, что в эпоху максимального (рисского) оледенения Европы материковые льды близко подходили с запада к долине Волги, тогда Пра-Камы — огромной реки, стекающей с Урала, (современной Волги тогда еще не существовало) — и пересекали Урал на северо-востоке. Заволжье и равнинная часть Башкирии по обе стороны от хребта представляли собой травянистые степи с преобладанием полынных к западу от Урала. В горной части Башкирии существовала растительность лесостепного облика, произрастали сосны, березы и лиственницы. Уже тогда на территории Башкирии могли появиться первые люди, хотя в основном они появились в бассейне Пра-Камы позже, в конце днепровской ледниковой эпохи и в начале микулинского межледниковья, когда материковые льды уже отступили к северу. Справедливость этого мнения подтверждается и анализом карты (см. рис. 3): на ней видно, что мустьерские местонахождения (см. пункты 1, 2) расположены на северном отрезке Камы, ранее занятом материковыми льдами.

Достоверных остатков раннего и среднего палеолита на Южном Урале пока не открыто, но есть все основания ожидать этих открытий в будущем.

Наиболее ранним из известных человеческих поселений на Южном Урале в настоящее время является Смельовская II³ и, возможно, Усть-Катавская⁴ пещеры. Кремневый инвентарь Смельовской II пещеры, расположенной на р. М. Кизил между Верхнеуральском и Магнитогорском, сохраняет мустьерские традиции и находит ближайшие аналогии в позднемустерских памятниках типа Джар-Кутан и Кара-Бура (Таджикистан), однако серия просверленных подвесок из мягкого талькового камня заставляет все же относить эту стоянку к началу позднего палеолита. Остатки фауны из пещеры, по Л. И. Алексеевой, указывают на

близость ее к среднему плейстоцену. Геологически она может быть датирована скорее всего микулинским, ресс-вюрмским межледниковьем, в абсолютных цифрах — временем 40—30 тыс. лет тому назад.

Несколько более молодым представляется Горновское местонахождение костей и кремневых изделий на левом берегу Белой, ниже Уфы. Оно приурочено к верхним слоям серо-голубых суглинков и глин озерного типа, составляющих здесь цоколь второй надпойменной террасы, и по геологическим условиям приближается к возрасту хорошо изученного местонахождения у Пещерного Лога на Чусовой, близ Перми; однако, судя по кремневым изделиям, местонахождение у Горнова позже Пещерного Лога и относится к позднему палеолиту, предположительно к ориньякскому времени ⁵.

К солотрейскому времени (В. И. Громов, С. Н. Бибииков, В. В. Карачаровский), предпочтительно к его первой половине, судя по характеру фауны, можно отнести стоянку в Ключевой пещере на р. Юрюзани ⁶, которая, видимо, несколько старше стоянки Галчицкого на Чусовой.

Наиболее многочисленная группа недавно распознанных позднепалеолитических пещерных стоянок (грот у Каменного Кольца и Ямазы-Таш на р. Сим, Кульюрттамак на Белой и др.) характеризуется более или менее однородной материальной культурой с крупными концевыми скребками, призматическими нуклеусами и вкладышами из тонких ножевидных пластин ⁷, а также плейстоценовой фауной с мамонтом, носорогом, лошастью, северным оленем, пещерным львом и медведем. Эта группа сейчас не может быть расчленена и в целом относится к солотре-мадленскому времени.

Наконец, в позднейшую группу входят пещерные стоянки типа Бурановской ⁸ и, вероятно, Мурадымовской ⁹. Основанием для отнесения их к мадленскому, скорее к позднемадленскому времени служит отсутствие в них костей мамонта, носорога, пещерных хищников и сайги.

В последние годы становится все более очевидным, что в эпоху позднего палеолита Урал представлял собой своеобразную, промежуточную между Европой и Азией историко-культурную область с преобладающими сибирскими культурными связями. Причиной преобладания восточных элементов в культуре и даже природе Урала явилась палеогеографическая обстановка, сложившаяся к западу от него в эпоху развития материковых оледенений и трансгрессий Каспийского морского бассейна (см. рис. 3) ¹⁰.

Бедность палеолитических стоянок Урала остатками материальной культуры по сравнению с палеолитическими стоянками других территорий, их временный характер требуют объяснения. Пока можно предполагать, что люди не обитали в то время здесь постоянно, а приходили для промысла зверя в определенные сезоны и затем уходили вновь. Эта гипотеза должна быть проверена дальнейшими исследованиями.

Аргументом в пользу неоднократного посещения одних и тех же мест Башкирии палеолитическими охотниками является древнейшее святилище в пещере Шульган-Таш (Каповая). По времени его следует связывать с предпоследней, наиболее обширной, солотре-мадленской группой стоянок. Своеобразный облик рисунков Шульган-Таша ¹¹ значительно расширяет представления о южноуральском палеолите и усиливает аргументацию в пользу его самобытности.

⁵ А. П. Ш о к у р о в, О. Н. Б а д е р. Палеолитическое местонахождение на р. Белой.—«Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала», вып. 5, Уфа, 1960.

⁶ С. Н. Б и б и и к о в. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала.—СА, XII, 1950.

⁷ O. V a d e r. The paleolithic of Ural.—«Arctic Anthropologist», 5, Cambridge (USA).

⁸ С. Н. Б и б и и к о в. Пещерные палеолитические местонахождения...

⁹ О. Н. Б а д е р. Следы палеолита на Южном Урале.

¹⁰ О. Н. Б а д е р. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных.—«Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М., 1950.

¹¹ О. Н. Б а д е р. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1955.

Умеренный климат, разнообразие горно-лесного, предгорного и равнинного ландшафта и охотничьей фауны, наконец, географическое положение между Сибирью и Средней Азией, Прикаспием и Русской равниной создавали благоприятные условия для заселения Башкирии и Южного Урала с древнейших времен и рисуют заманчивые перспективы для продолжения трудоемких исследований палеолита.

К. Ф. СМЕРНОВ
(Москва)

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА

В начале раннего железного века в степях Южного Урала расселяются кочевые племена, которые сформировались на базе скотоводческих племен Евразии эпохи бронзы, прежде всего, андроновского происхождения и, вероятно, восточной группы срубных племен, проникших на территорию современной Башкирии, Оренбургской, Челябинской областей и Западного Казахстана. Археологические черты сходства с андроновской культурой особенно заметны в определенных типах керамики из могильников у сел Нового Кумака и Аландского¹ в восточных районах Оренбуржья. Сходство в обряде прослеживается в ряде погребений самого начала раннего железного века под Актюбинском (пережитки трупосожжений в виде интенсивной засыпки покойника остатками горячего костра)².

К VI в. до н. э. по всему Южному Уралу, включая южные районы центральной Башкирии и степную ее часть окончательно формируется единая культура, получившая название савроматской. С начала 60-х годов, когда был подведен итог всех наших знаний о савроматских памятниках нашей страны³, количество этих памятников значительно увеличилось, превысив число 500. В частности, интересные результаты получены А. Н. Мелентьевым, который в результате разведочных работ 1968 г. обнаружил типичную савроматскую керамику (с носиком-сливом) в районе Усть-Юрта, откуда почти неизвестны нам памятники раннего железного века. Эти новые данные расширяют территорию расселения савроматских племен к юго-востоку, по-видимому, до Аральского моря.

На севере савроматские племена, как это показано М. Х. Садыковой, занимали степные районы южной Башкирии⁴, доходя до среднего течения р. Демы. Типичное савроматское подкурганное погребение недавно исследовано Г. И. Матвеевой у с. Чураклы, южнее станции Чишмы, на правом берегу р. Демы. Погребальный обряд и керамика из этого погребения тождественны савроматским. Среди сосудов горшок с рядами ямок по тулову находит себе аналогию как в Поволжье (хут. Степана Разина), так и в степном Приуралье (Новый Кумак)⁵.

Памятники раннего железного века степного Приуралья, включая и Башкирию, составляют локальный, самаро-уральский вариант этой культуры, причем ее западный (задонско-поволжский) вариант, безусловно, принадлежал савроматским племенам Геродота (рис. 1). Восточный же вариант лишь условно может быть назван савроматским. Он связан с обширной группой племен, говорящих, по-видимому, на северо-иранском (сако-скифском) языке. Наряду с полным тождеством по погребальному обряду и инвентарю с

¹ М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска.— МИА, 115. М., 1962, стр. 204 и сл.; М. Г. Мошкова, К. Ф. Смирнов. Изучение сарматских памятников Приуралья «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 97 и сл.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 32.

³ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. Д1—9. М., 1963; К. Ф. Смирнов. Савроматы М., 1964.

⁴ М. Х. Садыкова. Сарматы на территории Башкирии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965, стр. 5—6.

⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 355, рис. 63, 2; стр. 356, рис. 64, 1.

Поволжьем, отдельные черты погребального обряда и материальной культуры, прикладного искусства и идеологии («звериный» стиль) особенно близки родственным культурам Приаралья, Казахстана и Южной Сибири. Носители этих культур, вероятно, принадлежали к ираноязычным сакам и исседонам, жившим, судя по Геродоту, в этих пределах. Возможно, что некоторые восточно-савроматские группы также принадлежали к отдельным племенам исседонов и массагетов Геродота.

В пределах самого самаро-уральского варианта нет абсолютного тождества. Намечаются некоторые отличия в материальной культуре и иногда — в обряде погребения. Так, в западных районах Оренбуржья, в частности на Бузулуке и Кинделе⁶, в могильнике у с. Липовки, к юго-западу от г. Бузулука⁷, намечается большое сходство этой культуры с заволжскими памятниками савроматов, в частности, бассейна Еруслана. В восточных районах Оренбуржья, особенно на Илеке и в «савроматских» курганах Нового Кумака, много общего с сакскими памятниками Тагискена и Уйгарака в низовьях Сыр-Дарьи⁸, а также с тасмолинской культурой Центрального Казахстана⁹ (см. рис. 1). Каменные курганы с усами, характерные для Центрального Казахстана в раннем железном веке, были обнаружены еще в 30-е годы Б. Н. Граковым в его разведках по зауральским, восточным районам Оренбургской области. В 1965 г. Н. А. Мажитов обнаружил такой же курган у д. Нижне-Давлетова близ г. Сибая в Баймакском районе Башкирии¹⁰.

На северо-восточной окраине «восточно-савроматского» мира наблюдается, особенно с IV в. до н. э., тесный контакт со степными и лесостепными памятниками Зауралья и Западной Сибири, которые могли принадлежать оседлым, кочевым или полукочевым племенам угорского происхождения. Именно в этих местах впервые (не позже V в. до н. э. — начала IV в. до н. э.) в составе погребального инвентаря ранних кочевников Челябинской области (Д. Варна, с. Клястиковое, отдельные курганы под Челябинском)¹¹, прилегающих к ней северо-восточных районов Оренбургской области (по р. Суундуку у с. Алданского)¹² и на юго-востоке Башкирии (у д. Давлетшино Абзелиловского района)¹³ появляется чуждая для савроматской культуры круглодонная керамика, в том числе с широким открытым устьем и с примесью талька, характерного для некоторой зауральской керамики раннего железного века. В кургане у д. Давлетшина Н. А. Мажитов обнаружил сосуды с тальком, аналогичные иткульской керамике, которая известна на севере Челябинской и Курганской областей и на юге Свердловской области¹⁴. Давлетшинские сосуды очень похожи на открытые круглодонные горшки из кургана № 36 у с. Черныки под Челябинском (раскопки Н. К. Минко) с сильными элементами савроматской культуры, из ряда Прыговских курганов в бассейне р. Исети в пределах Курганской области (раскопки В. Ф. Генинга 1961г.).

⁶ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области. — КСИА, вып. 107. М. 1966, стр. 33 и сл.

⁷ М. Г. Мошкова, С. А. Попов, К. Ф. Смирнов. Раскопки в Оренбургской области. — «Археологические открытия 1966 года». М., 1967 стр. 114—116.; К. Ф. Смирнов, С. А. Попов. Работа в Оренбургской области. — «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 113—114.

⁸ С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 года на древних русле Сыр-Дарьи. — СА, 1962, № 4, стр. 137—140; его же. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. — ВДИ, 1963, № 2, стр. 23 и сл.; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. — СА, 1966, № 2, стр. 151 и сл.

⁹ А. Х. Маргулан, К. А. Кашев, М. К. Кадырбаев, А. М. Розбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 303.

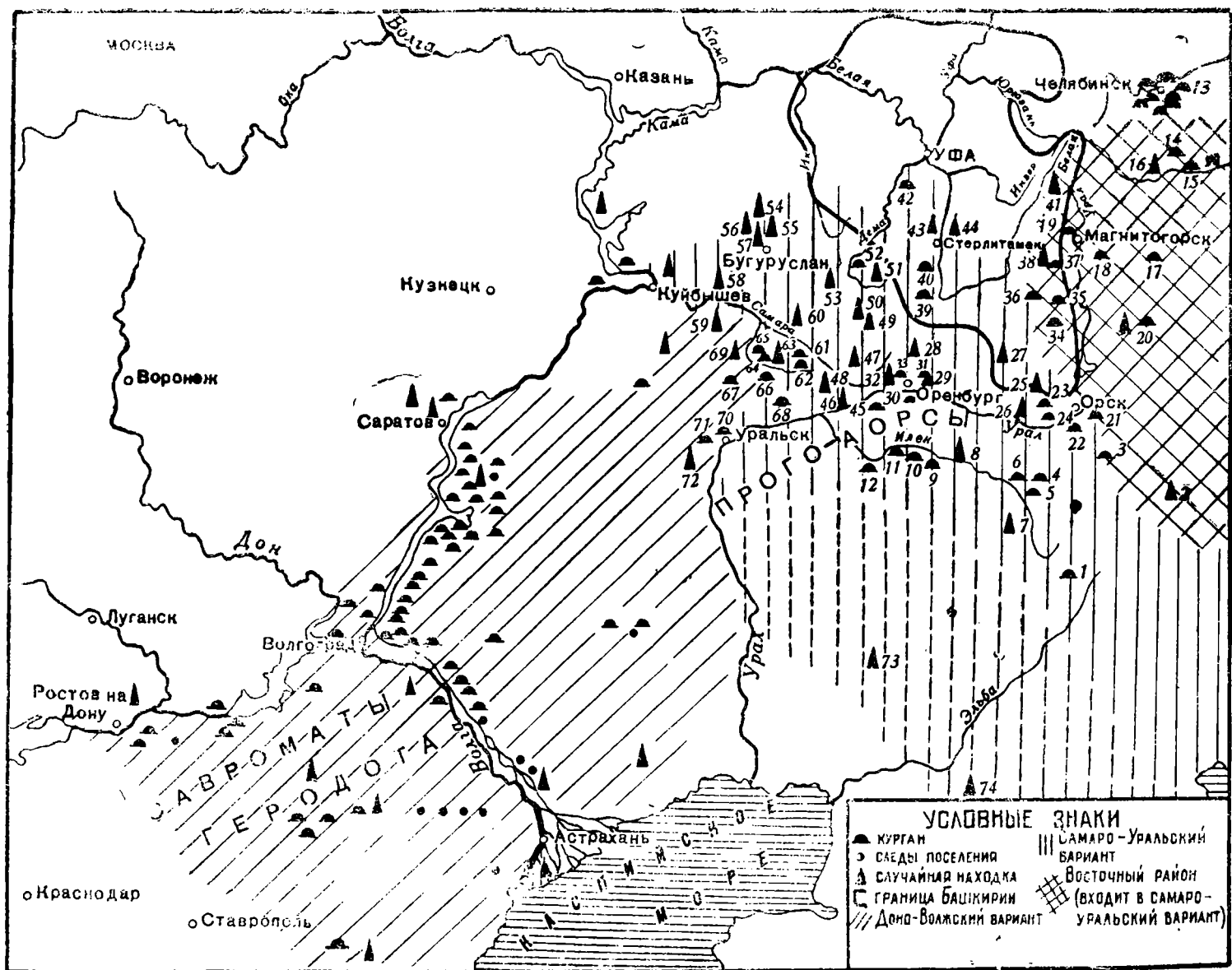
¹⁰ Н. А. Мажитов. Научный отчет об археологических исследованиях в южных, юго-восточных районах Башкирии и Челябинской области за 1965 год. — «Архив ИА АН СССР», № 3128.

¹¹ В. С. Стоколос. Археологические исследования Челябинского областного музея. — ВАУ, вып. 2, Свердловск, 1962, стр. 25, рис. 8; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 330, рис. 36, 1 ж, 26.

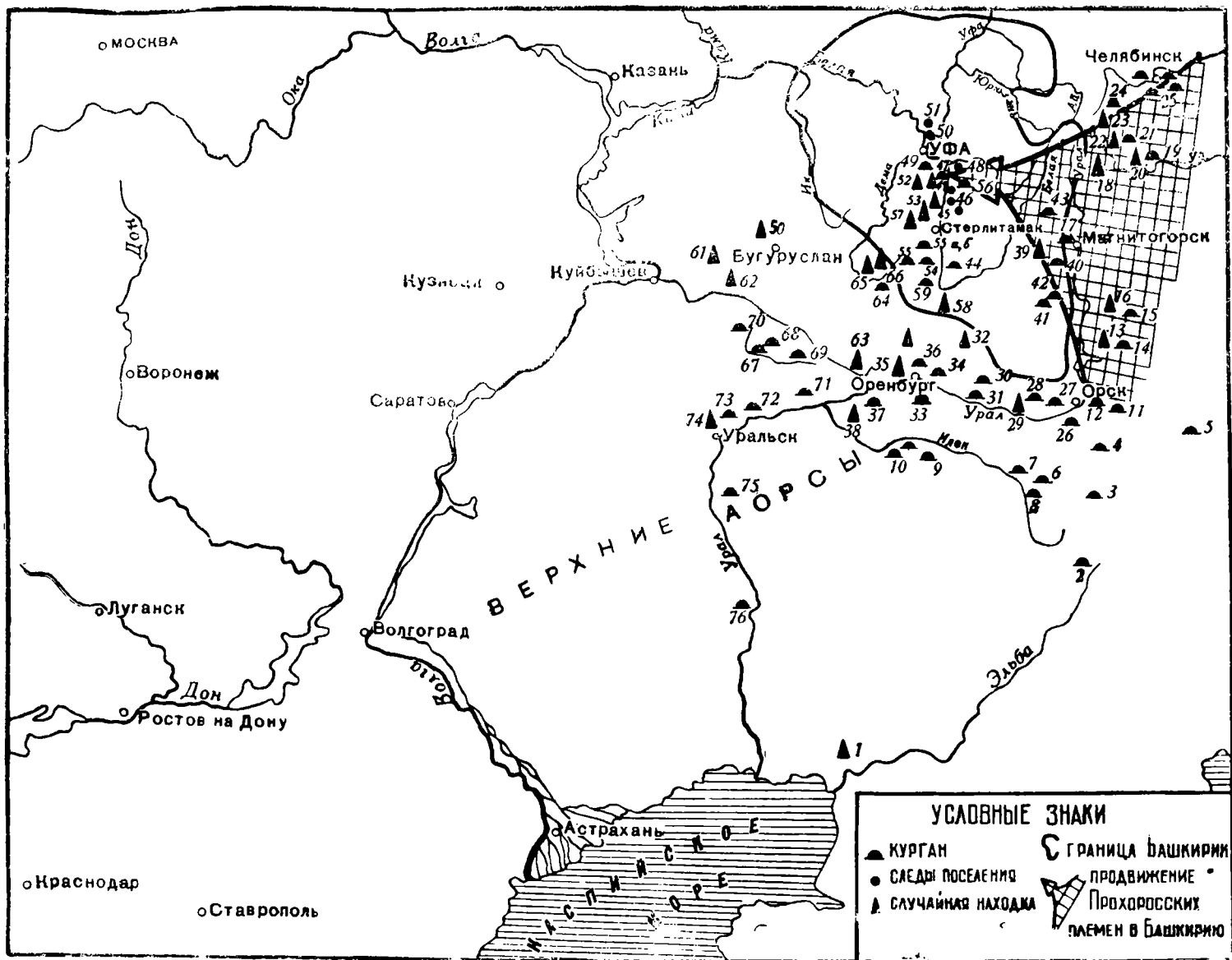
¹² М. Г. Мошкова. Сарматские курганы Оренбургской области. — КСИА, вып. 83, 1961, стр. 120, рис. 48, 3; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 359, рис. 67, 15.

¹³ Н. А. Мажитов. Указ. соч.

¹⁴ К. В. Сальников. Иткульская культура. — «Краеведческие записки», вып. 1. Челябинск, 1962, стр. 21 и сл.

Р и с. 1. Расселение савроматских племен (VII—IV вв. до н.э.). 1—с. Кум-Сай; 2—Домбаровка; 3—пос. Соколовский; 4—р. Каргала; 5—р. Жаксы-Каргала; 6—Ак-Жар; 7—колхоз Кызил-Ту; 8—с. Уш-Кюн; 9—хут. Веселый 1-й; 10—колхоз «Заря»; Тара-Бутак, Близицы, Мечет-Сай, Увак, Пятимары I и II; 11—с. Тамар-Утуль; 12—с. Покровка; 13—район Челябинска: пос. Смолино, Синеглазово, Исаковский, Черняки, Сосновский, Сухомесово, Чурилово; 14—с. Вознесенское; 15—с. Клястицкое; 16—с. Аблязовка; 17—с. Варна; 18—пос. Черниговский; 19—Малый Кызил; 20—с. Аландское; 21—с. Новый Кумак; 22—р. Терекла, уроч. Урал-Сай; 23—Бис-Оба, Сара; 24—г. Ново-Троицк; 25—с. Ракитянка; 26—с. Ильинское; 27—с. Исерганово; 28—с. Каширинск; 29—пос. Нежинский, Горбатый Мост; 30—пос. Благословенский, уроч. Бис-Оба, Маячная гора; 31—район Оренбурга: Маячная гора, гора Сулак; 32—пос. Неценский; 33—пос. Бердинский; 34—Баймакский район; 35—д. Нижне-Дилетина; 36—д. Биккулово; 37—д. Давлетшина; 38—д. Кусеево; 39—Юрматы; 40—Еметбаево; 41—с. Учаль; 42—с. Чукраклы; 43—р. Куганак; 44—с. Берлячево; 45—Павловская; 46—с. Краснохолм; 47—с. Абрамовка; 48—с. Платовка; 49—с. Камардиновка; 50—с. Нов. Богдановка; 51—с. Путятинно; 52—д. Нижние Кузлы; 53—с. Измайлово; 54—с. Иркуль; 55—с. Лабовка; 56—с. Рысийкино; 57—пос. Соловка; 58—ст. Марычевка; 59—с. Благодаровка; 60—с. Пьяновка; 61—с. Осьмушкино; 62—с. Нов. Белогорка; 63—с. Овсянка; 64—с. Преображенка; 65—с. Любимовка, уроч. «Лапасина»; 66—хут. Крыловский; 67—Соболевская вол.; 68—хут. Баышников; 69—с. Любимовка; 70—р. Чеган под Уральском; 71—пос. Кордон Деркульский; 72—336-я верста Покровско-Уральской ж. д.; 73—пос. Бек-Беке; 74—пос. Сам 1.

Р и с. 2. Памятники прохоровской культуры (IV—II вв. до н. э.) Южного Урала. 1—р. Эмба; 2—пос. Кум-Сай; 3—пос. Матвеевский; 4—пос. Соколовский; 5—пос. Буруктал (Светлый); 6—пос. Ульке; 7—пос. Ак-Жар; 8—р. Жаксы-Каргала; 9—колхоз «Заря»; Увак, Мечет-Сай, П Пятимары, Близнецы, Тара-Бутак; 10—с. Тамар-Уткуль; 11—аул Джанатан; 12—пос. Новый Кумак; 13—пещ. Таналык; 14—аул Бай-Джигит; 15—пос. Аландский; 16—р. Тара-Бутак; 17—р. Малый Кызыл; 18—пос. Карагайский; 19—пос. Таракановский; 20—пос. Борисовский; 21—пос. Кочкар; 22—пос. Нижне-Карасинский; 23—с. Травники; 24—пос. Шахматовский; 25—район Челябинска: Исаковский, Смолино, Сосновский; 26—Урал-Сай; 27—Орск-Ново-Аккермановка; 28—пос. Белошапочный; 29—пос. Ильинское; 30—с. Воздвиженское; 31—пос. Красногорский; 32—с. Алексеевка; 33—пос. Благословенский: Ванькина пишка, Маячная гора; 34—пос. Нежинский: Башкирское стойло, Горбатый мост, Алебастрова Гора; 35—район Оренбурга: Покровская церковь; 36—Бердинская гора; 37—Павловская ст.; 38—пос. Краснохолмский и Кардаиловский; 39—д. Кусеево; 40—д. Исянбетово; 41—Баймакские курганы; 42—г. Сибай; 43—с. Муракаево; 44—хут. Кашкара; 45—д. Дмитриевка; 46—Гафурийские городища и поселения: Воскресенское, Табынское, Касьяновское, Михайловское, Курман-Тау; 47—Бишунгарово; 48—Охлебишино (Шипово); 49—Старые Кишки; 50—Дудкино, Воронки; 51—Кара-Абыз; 52—с. Ильтуганово; 53—с. Асавбаши; 54—с. Елембетово; 55—Еметбаево; 55а—хут. Веселый; 55б—д. Веденовка; 56—ст. Карламан; 57—р. Уршак; 58—д. Бугульчан; 59—с. Путьяно; 60—г. Бугуруслан; 61—ст. Марычевка; 62—с. Старая Майна; 63—с. Абрамовка; 64—с. Путьяно; 66—с. Путьяно; 67—с. Любимовка, уроч. «Лапасина»; 68—с. Путьяно; 70—с. Путьяно; 71—с. Путьяно; 72—Коммуна; 73—с. Путьяно; 74—с. Путьяно; 75—с. Путьяно; 76—с. Путьяно.

Тесную связь с предполагаемым угорским миром можно наблюдать особенно с IV—II вв. до н. э., когда по Южному Уралу широко распространяется полая, прохоровская культура, безусловно генетически связанная с савроматской (рис. 2). Однако генезис ее значительно сложнее. Многие новые черты и особенности нельзя объяснить непосредственно из савроматской культуры. Пока плохо прослеживаются ее вероятные степные среднеазиатские и казахстанские связи, намечается большое сходство с зауральскими и западно-сибирскими памятниками (особенно в керамике). Это определенное археологическое сходство требует своего объяснения. Какие исторические явления скрываются за этим сходством? В это время, т. е. в IV в. до н. э., в среду степного сарматского мира Приуралья проникает чуждая для него северная ориентировка покойников, обнаруженная в курганах на р. Жаксы-Каргала под Актюбинском¹⁵. Она хорошо известна в ранний железный век в Зауралье, Западной Сибири и в Центральном Казахстане. Вполне вероятно, что в сложении прохоровской культуры, относящейся для Приуралья к началу IV в. до н. э., значительную роль сыграли скотоводческие племена зауральских, западносибирских и казахстанских областей. Если они относятся к угорской группе, то ранние угры в южноуральских степях — вполне приемлемая гипотеза. Прохоровская культура, возможно, покрывала и эти племена, и ранних сарматов. Иной вариант объяснения: из каких-то районов Северного Приаралья, которые остаются пока что белым пятном на археологической карте Советского Союза, и казахстанских степей (также неясных нам в археологическом отношении) продвижение племен скотоводов оказало сильное влияние на развитие материальной культуры лесостепного Зауралья и Западной Сибири, с одной стороны, и на степное Приуралье — с другой. Однако пока мы не располагаем археологическими данными, чтобы ответить на этот вопрос.

Прохоровская культура сформировалась в IV в. до н. э. в степях Южного Урала и почти одновременно распространялась в Поволжье. Ее памятники хорошо фиксируются как в западных районах Оренбуржья (Липовка, «Липасина» близ Любимовки на Бузулуке¹⁶), так и на юге (Илекские курганы — Пятимары, Мечетсай¹⁷), и на востоке Оренбуржья (пос. Н.-Кумак, Муракаево, Сибай¹⁸). Ее создателем был большой племенной ираноязычный массив, вероятно, во главе с верхними аорсами — наиболее мощным сарматским племенем конца I тыс. до н. э. (союзом племен), ранний центр которых предполагается на Илеке¹⁹.

Наиболее важными памятниками прохоровской культуры Южного Приуралья, которые считают эталонами всей прохоровской культуры конца IV—III вв. до н. э., наряду с самими прохоровскими курганами²⁰, являются: на Илеке — Мечетсайский могильник, в Башкирии — могильник Старые Кишки²¹ и Бишунгарово на правобережье Белой юго-восточнее Уфы²². Первый из них (на Илеке) принадлежал, по всей вероятности, верхним аорсам, старо-кишкинские и бишунгаровские курганы — тому сарматскому племени, которое проникло с востока или юго-востока на север почти до Уфы в среду оседлого местного населения, носителей кара-абьзской культуры, и приобрело определенную окраску

¹⁵ И. Кастанье. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 года. — Труды ОУАК, вып. 29. Оренбург, 1913, стр. 72—83.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Новые сарматские памятники на Бузулуке. — КСИА, вып. 89, 1962, стр. 83—93; М. Г. Мошкова, С. А. Попов, К. Ф. Смирнов. Раскопки в Оренбургской области. — «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 114—116; К. Ф. Смирнов, С. А. Попов. Работа в Оренбургской области, «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 113—114.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 58—66.

¹⁸ Н. А. Мажитов. Указ. соч.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 286.

²⁰ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37 Петроград, 1918.

²¹ М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. — МИА, 115, 1962, стр. 242 и сл.; е же. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 88—122.

²² А. Х. Пшеничнюк. Отчет о полевых исследованиях за 1966 год. — Архив ИА АН СССР, № 3276.

Своей археологической культуры (см. рис. 2). Нет никаких оснований подвергать сомнению сарматскую принадлежность Старо-Кишкинского могильника, как это сделал недавно В. Ф. Генинг²³. Все его своеобразные черты не больше отличают этот памятник от сарматских могильников степей Приуралья и Поволжья, чем сами они различаются друг от друга определенным локальным своеобразием, так как принадлежали различным родам и племенам в пределах одной этнической общности. Эти локальные особенности проявляются значительно слабее, чем большая общность и в погребальном обряде, и в инвентаре, например, с одновременным ему Мечетсайским курганным могильником на Илеке. Характерные для мечетсайских курганов могилы с заплечниками, а также подобные и катакомбные могилы известны и в могильниках Башкирии: заплечики в бигунгаровских, вторая форма — в кишкинских курганах. В юго-восточных районах Башкирии, в верховьях р. Б. Кызыл, в курганах прохоровской культуры у с. Муракаево Абзеловского района²⁴ и у г. Сибай прослеживается прямая связь с кишкинскими: один и тот же тип курьлицы на ножке, одинаковые «корнекопалки», наборы стрел и бус, дисконидное пряслище, типы колчаных крючков.

Некоторое своеобразие сарматских памятников Башкирии (преобладание простых грунтовых могил, юго-восточная ориентировка, керамика) объясняется тесным контактом сарматских кочевых групп с местным оседлым или полукочевым населением кара-абызской культуры²⁵, вероятно, финно-угорского корня. Здесь мы находимся у истоков этногенеза современного башкирского населения БАССР. Сначала самостоятельные и, вероятно, политически господствующие племена кочевников ираноязычного корня, по-видимому, зауральского происхождения (так называемые «гафурийские» племена)²⁶ постепенно теряют свои специфические хозяйственно-экономические и бытовые черты; они начинают постепенно оседать в среде кара-абызского населения. Их керамика обнаружена на поселении Шиповское (Охлебининское II), в районе Уфы (Дудкино I, Воронки), на Кара-Абызском поселении²⁷ и на Гафурийских городищах. Вероятно, к рубежу нашей эры, или несколько раньше, они растворяются среди большинства местных оседлых племен, привнося некоторые «сарматоидные» (правда, довольно слабые) черты памятникам типа Убалар²⁸ (некоторое сходство в керамике и ее орнаментации) и могильникам кара-абызской культуры: появление курганного обряда (в Шипове)²⁹, редкое наличие кусков мела в могилах, некоторое своеобразие в позах погребенных и пр. Аорское население Мечетсайского могильника, погребальный обряд которого характеризуется прежде всего различными подбойными могилами и могилами с заплечниками, сходное во многих чертах с сарматами Башкирии, более тесно было связано с сарматами Нижнего Поволжья, где аорсы играли доминирующую роль среди прочих родственных кочевых сарматских племен. Их хозяйственный уклад оставался чисто кочевым. Они были тесно связаны торговыми путями (караванная торговля) со Средней Азией и ярко выражали воинственный дух сарматских кочевников.

Отсутствие достаточных данных не позволяет выделить другие памятники из сарматской среды южного Приуралья и разбить их на отдельные группы, связанные с определенными племенами. Однако можно констатировать большую военную активность сарматов,

²³ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала.— ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 27; е го ж е. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н.э.—АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 112.

²⁴ Н. А. Мажитов. Указ. соч.

²⁵ А. Х. Пшеничнюк. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968.

²⁶ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района в Башкирии.— БАС. Уфа, 1959; Т. Н. Троицкая. Раскопки Михайловского городища на Белой.— Там же.

²⁷ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике кара-абызских поселений.— АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 93 и сл.

²⁸ М. Х. Садыкова. Новые памятники железного века Башкирии.— АЭБ, т. 1, стр.123; А. Х. Пшеничнюк. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры, стр. 8—9.

²⁹ А. Х. Пшеничнюк. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры, стр. 13; е го ж е. Отчет о полевых исследованиях за 1966 год. Архив ИААН СССР, № 3276.

направленную не только на запад — в Поволжье и далее, но и на север и северо-восток. Основные элементы прохоровской культуры заметны не только в Башкирии, но и в Зауралье, и Западной Сибири. Здесь можно говорить об огромном воздействии прохоровской культуры на своих северных и северо-восточных финно-угорских соседей (распространение вооружения, украшений, посуды, форм погребальных сооружений и некоторых черт обряда). Велико было значение ираноязычных кочевников и в распространении ряда импортных изделий (седнеазиатской посуды, украшений и пр.). Сосуды среднеазиатского происхождения найдены в сарматских могилах IV—II вв. до н. э. Ново-Кумакского, Мечетсайского могильников, но особенно в курганах близ д. Старые Кишики и Бишунгарово.

К рубежу нашей эры (или несколько раньше) по всему южному Приуралью от Магнитогорска и степных районов Башкирии до Уральского и западных притоков Урала распространяются памятники сарматов суловской культуры (рис. 3). Они ничем не отличаются от классических поволжских памятников этой культуры. Ее тесная генетическая связь с прохоровской культурой особенно заметна в курганах у с. Калмыково на р. Урал (преимущественно II—I вв. до н. э.)³⁰.

Характерной чертой этой эпохи является относительная редкость населения южноуральских степей, так как памятников этого времени значительно меньше (известно всего около 50 погребений), чем прохоровских, что не является случайным, а объясняется историческими причинами. К этому времени центр аорских племен переместился западнее — в задонские и поволжские степи, тесно связанные с Закавказьем и Боспорским царством (прежде всего с Танаисом). Такое перемещение основной массы сарматов к цивилизованным центрам древности сулило им обогащение и экономическое процветание. Южноуральские районы перестали быть притягательными центрами ираноязычных кочевников.

Несмотря на относительную редкость в южном Приуралье памятников суловской культуры, мы можем отметить, что погребения в катакомбах (камеры вырыты в узкой стороне входной ямы) обнаружены, главным образом, в курганах у с. Калмыково (южнее Уральского). Они сходны с мечетсайскими погребениями, где известны такие же катакомбы, и тождественны по остальным деталям обряда погребениям суловской культуры Южного Поволжья и, вероятно, принадлежали, как и вторые, к верхним аорсам Страбона. Довольно часты в сарматском мире этого времени, но в небольшом количестве, диагональные погребения. Они известны в южной Башкирии (Юрматы, Еметбаево)³¹, под Магнитогорском (II Мало-Кизыльский могильник)³², на Кинделе (Герасимовка)³³, но особенно западнее Уральского (под Уральском и в могильнике у с. Шипово)³⁴. Последние территориально ближе всего находятся к сарматским памятникам Еруслана — те и другие, вероятно, принадлежали к другой племенной группе, для которой довольно характерны были эти диагональные захоронения, а рубеже н. э., хотя в целом они встречаются на всей территории распространения сарматов и отдельно взятые не составляют какого-либо этнического или племенного эталона.

В настоящее время по всему Приуралью известно лишь около 70 позднесарматских погребений (рис. 4). Они, как и повсюду, весьма однообразны. Кочевое население южного Приуралья во II—IV вв. н. э. по-прежнему было довольно редким, если только не более редким, чем в среднесарматское время. Однако некоторые из этих памятников отличают-

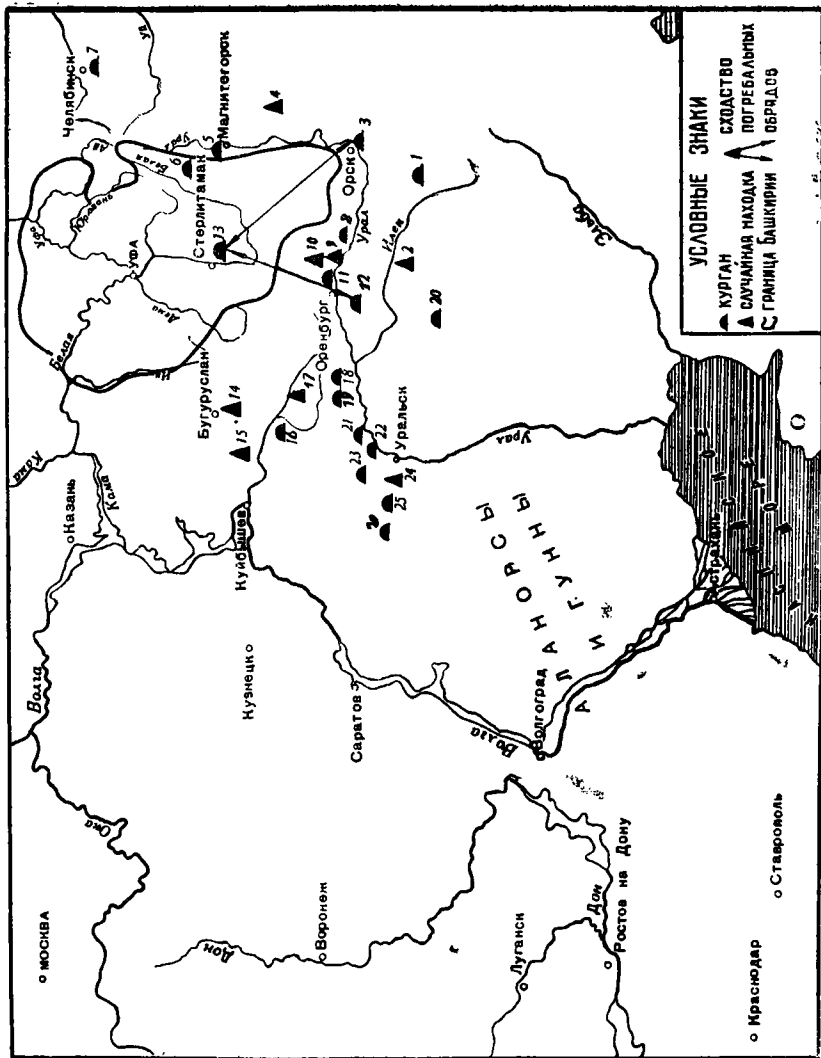
³⁰ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.).— МИА, 60. М., 1959, стр. 148—155.

³¹ М. Х. С а д ы к о в а. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г.— «Архив ИА АН СССР», № 2441.

³² К. В. С а л ь н и к о в. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 96—97, рис. 32.

³³ К. Ф. С м и р н о в. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области, КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 40—41, рис. 11, 1, 2.

³⁴ П. С. Р ы к о в. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.— «Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском госуниверситете», т. 1. Саратов, 1926, стр. 97 и сл.

Р и с. 4. Памятники позднесарматской культуры (11—V вв. н. э.) Южного Урала. 1—аул Ульке 11; 2—с. Ново-Успенка; 3—аул Джанган; 4—пос. Аландский; 5—пос. Атаевский; 6—с. Муразаево; 7—пос. Бершина; 8—пос. Красногорский; 9—пос. Гирьял; 10—с. Камени-Оверная; 11—пос. Балтасинский, Вис-Ова; 12—пос. Балтасинский, Вис-Ова; 13—пос. Мертвые солги; 14—совхоз «Ферзянка»; 15—с. Федоровка; 16—с. Липовка; 17—с. Погромное; 18—с. Герасимовка; 19—ул. Баршаников; 20—с. Лебедевка; 21—пос. Гирьяловский; 22—курганы на р. Деркул подг. Уральском; 23—пос. Деркульский; 24—пос. Зеленый; 25—ст. Шипов; 26—ст. Семинский.

ся большим богатством (например, 2 кургана у с. Лебедевки в Западном Казахстане ³⁵ или знаменитые шиповские курганы рубежа IV—V вв. н. э. ³⁶).

Более трети этого населения искусственно деформировало свои головы. Этот признак, ставший модой у многих народов Евразийских степей, не был привилегией или признаком одного этноса. Думаем, что позднесарматские памятники Евразийских степей в целом, а также и южного Приуралья, были менее однородны в этническом плане, чем более ранние сарматские, этническая чистота которых также может быть поставлена под сомнение (древний угорский этнический элемент?). Известно, что захоронения в узких ямах характерны для гуннов Забайкалья. Их более 50% в Приуралье. Здесь, и особенно в Поволжье, известны дощатые (из досок и поперечных планок) гробы, как у забайкальских гуннов (могилища при Иволгинском городище и пр.) ³⁷

На территории Башкирии «позднесарматскими» по времени и по ряду особенностей погребального обряда и инвентаря являются Салиховские курганы ³⁸ (III—VI вв. н. э.), в которых наблюдается северо-восточная ориентировка и каменная наброска, как в Забайкалье. По каменной наброске и составу инвентаря они очень близки курганам у с. Мертвые Соли близ Соль-Илецка и кургану у с. Джанатан под Орском (см. рис. 4). Тесная генетическая связь погребенных в Салиховских курганах с ираноязычными кочевниками более южных областей Евразии несомненна. В ней проявляется значительная зависимость местного (вероятно, финно-угорского) населения от кочевого мира Евразийских степей уже не чисто ираноязычного, но, возможно, и тюркоязычного.

Довольно сложным является вопрос о начале тюркизации населения степей Южного Урала. Мы допускаем довольно раннее проникновение в эту среду, во всяком случае во II—IV вв. н. э., первых тюркоязычных элементов в виде гуннов. В дальнейшем среди погребенных с деформированными черепами могут быть выделены гуннские элементы (пока мы их не можем определить).

³⁵ Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV века). — «Известия АН КазССР», серия общественная. Алма-Ата, 1968, № 2, стр. 71—89.

³⁶ П. С. Рыков. Указ. соч., стр. 99—101; Т. М. Минаева. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. — ESA, IV, Helsinki, 1929 стр. 194—210.

³⁷ А. В. Давыдов а. Бурят-монгольская археологическая экспедиция 1956 года. — «Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры», вып. 24. Улан-Уде, 1957, стр. 241 и сл.

³⁸ К. В. Сальников. К вопросу о составе населения южной Башкирии в I тыс. н. э. — СА, 1958, № 4, стр. 23 и сл.; С. М. Васюткин. Периодизация археологических памятников юго-западного Приуралья I — начала II тыс. н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968, стр. 13.

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ
НА СЕКЦИИ АРХЕОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ**

А. П. СМЕРНОВ
(Москва)

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ

в I тысячелетии н. э.

За последние десятилетия, после организации Башкирского филиала АН СССР, значительно продвинулось вперед изучение древней и средневековой истории края. Систематические археологические исследования открыли памятники времен палеолита, мезолита и неолита. Больших успехов добились археологи в изучении эпохи бронзы и раннего железа. Раскрыты совершенно новые страницы средневековой истории края. Много сделано в изучении этнической истории. Намечились пути разрешения сложной проблемы этногенеза башкирского народа, хотя продолжают оставаться тюркская и угорская точки зрения.

Территория лесостепи, куда входит значительная часть Башкирии, являлась местом стыка кочевых народов, в число которых первоначально входили ираноязычные, а затем тюркские племена и лесные охотничье-скотоводческие, представленные в основном финно-угорскими народами. Выявлен путь развития аборигенного населения и прослежена инфильтрация населения из Западной Сибири.

Несмотря на значительные достижения, остаются нерешенными еще многие вопросы ранних этапов этнической истории, тесно связанной с этногенезом башкир. В настоящее время керамический материал, являющийся одним из основных элементов при решении этнических вопросов, позволяет говорить о многоплеменном составе населения края. К сожалению, мы сталкиваемся с недостаточностью хорошо датированного материала, с отсутствием хорошо документированных комплексов, что создает почву для различных, часто малообоснованных теорий. Особенно спорными положениями являются этнические и языковые определения культуры и отдельных памятников. Нельзя не отметить, что предположение о раннем появлении тюркских, или, точнее, прототюркских, племен на Средней Волге и в бассейне Белой в первые века н. э., несмотря на возможность, обусловленную общесторической обстановкой, пока не подтверждается ни историческими, ни археологическими фактами. Нельзя не отметить волюнтаризм в оценке исторических источников, пока еще имеющий место в археологических работах.

Одним из спорных вопросов, основанных пока еще на ограниченном материале, является романовская культура. К ней надо отнести плоскодонную посуду, аналогичную сосудам именьковской культуры, и трупосожжения типа Рождественского могильника, открытые в незначительном числе в могильниках на территории Башкирии. Относительно этнической принадлежности романовской культуры, или, точнее, керамики, существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи склонны приписывать ее финно-угорским племенам (Г. И. Матвеева, А. П. Смирнов), другие — тюркам. Эту точку зрения впервые обосновал В. Ф. Геннинг¹, считающий основным признаком тюрков плоскодонную посуду, курганные захоронения, труположения и трупосожжения. Картографирование памятников, проведенное им, позволяет заключить о распространении угорских племен к восто-

¹ В. Ф. Геннинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. — ИИ УАС. Уфа, 1962, стр. 60.

ку от Белой, а тюркских — к западу. К сожалению, аргументация этого положения выглядит очень слабо, так как не приведено никаких серьезных фактов. Во второй, более поздней, работе этот же автор, давая более развернутую аргументацию, отмечает плоскостность как характерную черту тюркской посуды. Такой же чертой он считает и трупосожжения, открытые в Рождественском, Кушнарниковском могильниках и в г. Уфе. По двум признакам именьковская культура им приписана тюркам. «Именьковские памятники, — пишет он, — принадлежат добулгарскому населению на территории Татарии, которое на основании ряда данных можно считать тюркским, в частности, связанным этнически с чувашами»². К сожалению, это интересное положение с точки зрения этнического определения не доказано. В отношении именьковской культуры, как и отнесенной выше романовской, в настоящее время имеется несколько точек зрения. Одни исследователи видят в именьковцах финно-угорские, городищские племена, которые перешли с правого берега Волги на левый и здесь ассимилировали племена, входившие в пьяноборскую культурно-этническую общность. Этой точки зрения придерживались Н. Ф. Калинин, А. М. Ефимова, Н. В. Трубникова и А. П. Смирнов. Она основана на генетической преемственности керамики, техники ее изготовления и форм. Было установлено, что гладкая, без отпечатков рогожки и сетки, керамика существует с I тыс. до н. э., на протяжении всего I тыс. н. э. и даже после X века н. э. Такой же вывод можно сделать и на основе изучения жилищ. Отдельные типы городищских жилищ доходят до позднего времени. Все это, а также типы орудий и украшений, позволяет говорить о генетической линии развития культуры населения в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. С этой культурой связаны труположения, хорошо датированные с первых веков н. э., о чем свидетельствуют могильники, открытые на Оке и в последние годы в Пензенской области. Рождественский могильник занимает особое положение. Он не имеет аналогий в ранних памятниках края и связан с другой этнической струей, проникающей на Среднюю Волгу во второй половине I тыс. н. э. Вторая точка зрения о тюркской принадлежности культуры, как отмечено, была выдвинута В. Ф. Генингом. Позднее к нему присоединились А. Х. Халиков и П. Н. Старостин. К сожалению, в работах мы не найдем сколько-нибудь развернутой аргументации. Прежде всего поражает один факт: каким образом кочевники-тюрки могли оставить городища и селища с мощным культурным слоем, с остатками, свидетельствующими о долговременной земледельческой культуре. Авторы не потрудились привести хотя бы один бесспорный факт о трупосожжениях, аналогичных Рождественскому могильнику. Все известные тюркские бесспорные погребения относятся к типу курганных захоронений. Если у этих племен и существовали кратковременные селища, то для них характерен слабый культурный слой. Говорить о мощных напластованиях там не приходится. Подробный разбор тюркской теории в настоящее время дан в литературе³. Наконец, третья точка зрения была выдвинута П. Д. Степановым. На основе изучения городищ Ош-Пандо, Ашна-Пандо и селища у д. Гулушево он пришел к выводу о принадлежности этих памятников к именьковской культуре, которую приписывает урро-венграм. К сожалению, приведенные им обоснования не могут быть приняты, так как не отвечают требованиям определения этнической принадлежности. Так, например, принадлежность памятников угорско-венгерской группе он доказывает на основании отсутствия красных пастовых бус, якобы характерных только для мордвы, забывая о широком распространении таких бус, в частности, в приуральских могильниках. Ряд украшений, в частности, кольцевидные застёжки с выступами по окружности и вишочные привески с кубиками, найденные в единичном числе на городище Ош-Пандо, имеющие довольно широко распространение на большой территории, — он считает племенным признаком. Без достаточной аргументации П. Д. Степанов отмечает уход мордовских пле-

² В. Ф. Генинг. Указ. соч.

³ Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. — СА, 1969, № 2, стр. 291.

мен в VII в. из бассейна Суры на запад, где якобы в это время появляются венгры. Некоторые положения, как например, сходство именковской керамики с керамикой венгерских могильников, основаны на недоразумении. Нельзя не отметить, что источниковедческая часть этого построения неудовлетворительна. Выбраны случайные, некартографированные признаки, в числе которых приведены кельты, которые, как и бусы, и некоторые украшения, распространены на широкой территории и не могут служить материалом для этнического определения. С моей точки зрения, именковская культура, генетически связанная с городецкой, принадлежит древнемордовским племенам, переселившимся на левобережье и ассимилировавшим племена пьяноборской этно-культурной общности. Пьяноборские племена явились субстратом этой этнической группы. Однако вопрос о ее этническом составе значительно сложнее, что обусловлено присутствием Рождественского могильника, погребений, открытых на площади Кушнаренокского могильника и в городе Уфе. Относительно этнической принадлежности этого могильника в науке существуют разные мнения. В. Ф. Генинг⁴ считал его основным могильником данной культуры и отнес к его числу также Балымерское подкурганное погребение⁵, резко отличающееся по деталям погребального обряда.

Нельзя не заметить, что трупосожжения в археологии часто трактуются очень общо и многие исследователи не считают нужным останавливаться на деталях погребального обряда. Так, характеризуя трупосожжения лесостепи, С. А. Плетнева, не анализируя обряд захоронения, отнесла многие трупосожжения к числу тюркских. В своем весьма интересном исследовании «От кочевий к городам» она привлекла в качестве аналогий ряд погребений со спорной этно-культурной характеристикой, в числе которых и курган с трупосожжением, открытый Т. М. Минаевой в Нижнем Поволжье⁶. Сюда же автор отнесла хакасские подкурганные погребения, исследованные С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой. Если сравнить большие подкурганные погребения с надмогильными камнями, с довольно глубокими могилами, с тайниками, расположенными рядом с могилами, не оставляющими сомнения в их назначении, с неглубокими захоронениями в простых грунтовых ямах без внешних признаков, то можно увидеть большую разницу, не позволяющую сопоставлять оба вида погребений. Таковы, в частности, могильники типа Ново-Покровский, которые многие исследователи считали славянскими. С. А. Плетнева оспаривает эту точку зрения. Она справедливо отмечает, что ареал трупосожжений значительно шире территории, занятой славянами. По письменным источникам и по археологическим данным, утверждает автор, хорошо известно, что кроме славян кремация была распространена у балто-германских, многих финно-угорских и тюркоязычных племен⁷. В этом положении многое спорно. Обряд захоронения типа полей погребальных урн распространен в Центральной Европе начиная с эпохи бронзы и был характерен для племен балто-германской общности. Однако там тоже было много своеобразных черт, которые позднее особенно ярко отразились в погребениях отдельных племенных групп. Как показывает анализ погребального обряда финно-угорских племен, для большинства их сожжения почти не характерно. Оно было известно в отдельных погребениях ананьинского могильника, у населения бассейна Вычегды, Печоры и Прибалтики. Обряд сожжения не был характерен для мордовских и марийских племен, где немногие трупосожжения появляются только в определенное время, связанное с проникновением нового этнического элемента. Были ли это балты или славяне, в данном случае не имеет значения. У тюрков во всех случаях были курганные захоронения, черта весьма характерная, о которой не следует забывать. Кремацию для этих племен едва ли можно считать характерным признаком. Нельзя не заметить также, что единственный повод, позволивший С. А. Плетневой сопоставить хакасские погребения с

⁴ В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения добогарского времени у села Рождественно в Татарии.— МИА, 80. М., 1960, стр. 131.

⁵ Там же, стр. 143.

⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-мацкая культура. М., 1967, стр. 100.

⁷ Там же, стр. 101.

Ново-Покровским могильником, являются так называемые тайники. У хакасских и алтайских погребений тайник паходится рядом с могильной ямой⁸. В тайниках находились драгоценные вещи, что оправдывает их помещение в отдельную яму, учитывая постоянные ограбления могил. Тайники характерны для погребений знати и не являются общим этническим признаком. Другая картина была установлена в Ново-Покровском могильнике, где ямки находятся приблизительно около 1 м от могил. В тайниках обычно находили те же вещи, что и в погребениях. Там были железные наконечники стрел, яковы от колчанов, поясные пряжки, ножи, изредка фрагменты сосудов. В двух случаях вокруг погребальных ям лежали бусы и маленькие кусочки гематита, причем располагались они кругом по самому краю ямы. В этом же могильнике открыты комплексы вещей, не связанных с погребениями, отстоящими от ближайшей могилы в 11 м⁹. Что касается раскрытия этнической принадлежности могильника на основе находок оружия, имеющего широкое распространение, то такой прием едва ли можно считать правильным. Грунтовые погребения типа полей погребальных урн представлены рядом захоронений, которые отличаются в деталях и, по-видимому, характеризуют отдельные племенные, родовые группы или же социальные. Во всяком случае, могильник типа Ново-Покровского и Волинцевского, а также отдельные погребения Ново-Троицкого городища, сожжения Дмитревского могильника, которые исследователь С. А. Плетнева считает славянскими, принадлежат родственному населению.

В настоящее время вопрос об этнической принадлежности полей погребальных урн уточняется. Так, Т. И. Алексеева, изучая славянский краниологический материал, пришла к выводу о генетической связи племен черняховской культуры с полянами¹⁰. Д. Т. Березовец сопоставил Волинцевский могильник с северянами¹¹. Все могильники типа полей погребальных урн из области лесостепи могут быть сопоставлены с Рождественским. Обычно возражения при сопоставлении Рождественского могильника с Волинцевским сводились к тому, что большинство погребений последнего — урновые, а погребения Ново-Троицкого городища и Дмитревского могильника, как и Рождественского, — ямные.

Следует также отметить идентичность керамики: близость технологического приема приготовления посуды. Сосуды Рождественского могильника грубые, изготовлены из плохого промешанного теста, с примесью песка и большого количества шамота. Часть сосудов имеет покрытие ангобом и сглаженную поверхность¹². Аналогичная посуда с примесью шамота встречена и в Волинцевском могильнике¹³, где имеется и гончарная кружальная посуда. Однако эта последняя группа, по мнению исследователя, привозная, пользовались ею только некоторые, наиболее богатые члены общества. В могильниках она есть только в составе богатых погребений¹⁴. Совершенно аналогична и форма горшков с наибольшим расширением в верхней части и цилиндрическим горлом. Это заключение можно вывести, сравнив посуду Рождественского могильника и селища¹⁵ с посудой Ново-Троицкого городища¹⁶.

Сопоставления основных категорий погребального обряда и некоторых форм керамики (в могильнике встречаются и другие типы, не имеющие параллелей в рассмотренных

⁸ Л. Евтухова и С. Киселев. Чаа-тас у села Копены.— Труды ГИМ, вып. 11. М., 1940, стр. 35.

⁹ Ю. В. Хуаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине.— КСИИМК, вып. 41, 1958, стр. 103.

¹⁰ Т. А. Алексеева. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. М., 1969, стр. 48.

¹¹ Д. Т. Березовец. Северяне. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969, стр. 6 и сл.

¹² В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П. Казанов, Р. К. Валеев. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962, стр. 21—22.

¹³ Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 9.

¹⁴ Там же, стр. 16.

¹⁵ В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии, стр. 137, рис. 5.

¹⁶ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.— МИА, 74. М., 1956, рис. 56 (3, 5, 22, 23).

памятниках) позволяют считать, что люди, оставившие Рождественский могильник, пришли на Среднюю Волгу из области лесостепи. Это 3-й этнический элемент именьковской культуры.

По-видимому, это была волна, предшествовавшая приходу булгар. Движение племен лесостепи хорошо документируется рядом материалов, которые заслуживают внимания. Здесь надо отметить небольшие сосуды горшкообразной формы с заглаженной поверхностью, с цилиндрическим горлом, иногда украшенным линейным орнаментом. Такая посуда имеется в Волынецевском могильнике, в Салтовском¹⁷ и Дмитревском, в склепе № 17¹⁸. Аналогичная посуда известна в материалах из раскопок селища Криуши на берегу р. Тушны, притока Волги, в пределах Ульяновской области¹⁹, где она встречена вместе с характерной болгарской. Значительно севернее, на Мари-Луговском селище в пределах МАССР, такой же формы сосуд обнаружен в слое X—XI вв.²⁰

Нельзя не обратить внимание и на большое сходство в типе жилищ. На Криушском селище была раскопана полуземлянка прямоугольной формы, размером 2,9 x 2,7 м, со слегка округлыми углами, ориентированная по странам света. Вход жилища в западной стене достигал 0,7 м ширины. Рядом со входом в северо-западном углу стояла глинобитная печь овальной формы, обращенная челом к востоку. Аналогии этому жилищу можно указать в материале Ново-Троицкого городища²¹. Сейчас в археологии ни у кого не вызывает сомнения принадлежность Ново-Троицкого городища славянам; как показывают исследования Д. Т. Березовца, это были северяне. В этой же связи нельзя не отметить полуземлянки квадратной формы, открытые на городище Саркел, с каменками или глинобитными печами в углу²², напоминающие полуземлянку, открытую в урочище Ага-Базар, хорошо датированную X—XI вв.²³

Рождественский могильник может быть датирован временем около VI в. н. э., может быть несколько раньше или чуть позднее²⁴, во всяком случае, еще до движения булгар. Судя по некоторым сообщениям византийских писателей, к северу от болгарских орд располагались племена антов. Движение населения из области лесостепи к северу началось приблизительно после IV в.; после гуннского погрома; не малую роль сыграли и последующие волны авар.

Славяне уходили на север, по-видимому, довольно компактной массой, о чем можно судить по Рождественскому могильнику, а позднее, вместе с булгарами, может быть, уже тюркизированные. Процесс славянизации булгар предполагал академик Н. С. Державин, отметивший, что на Дунай булгары пришли славянизированными. На этот процесс, проходивший еще в Приазовье, указывали И. Маркварт, М. И. Артамонов и С. П. Толстов²⁵. Судя по отдельным типам керамики и формам жилищ, болгаро-славянская орда двигалась на север в Среднее Поволжье. Славяне были поглощены тюркоязычными булгарами и окончательно растворились в массе населения Среднего Поволжья. По-видимому, пришедшие несколько раньше первые переселенцы из области лесостепи проникали и далее на восток. Однако это проникновение не сыграло какой-либо роли в этнической истории края. Отдельные погребения в Кушнаренковском могильнике, на территории Уфы могли принадлежать женщинам, попавшим в этот край путем брака и похороненным по обычаям своего

¹⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 123.

¹⁸ Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской области.— МИА, 80, М., 1960, стр. 147.

¹⁹ Там же, стр. 150.

²⁰ А. Х. Халиков. Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962, стр. 182, табл. XXXVIII, рис. 9.

²¹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 120, рис. 2.

²² М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа.— МИА, 62, 1958, стр. 57, рис. 38.

²³ К. А. Смирнов. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар.— МИА, 80, 1960, стр. 155.

²⁴ В. Ф. Геннин. Селище и могильник..., стр. 142.

²⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары.— «Труды ГИМ», вып. 19, 1951, стр. 22.

народа. Им, по-видимому, принадлежала и сравнительно немногочисленная керамика романовского типа.

Выделять романовскую керамику в особую культуру нет никаких оснований. Именьковцы-романовцы, попавшие на территорию Башкирии, не сыграли большой роли в этнической истории края и сравнительно быстро были поглощены тюркоязычными племенами.

Г. Н. МАТЮШИН
(Москва)ПУТИ РАЗВИТИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭПОХУ
МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА

Основы современной этнической карты Европы, в том числе и Южного Урала, закладывались в эпоху мезолита. Именно в этот период окончательно сложились современные экологические условия. Зависимость человека от природы в эпоху палеолита была более сильной. Резкое повышение температуры в конце плейстоцена, отступление ледников и другие существенные изменения экологических условий привели к расселению человечества по всей территории земного шара, в том числе и к освоению приледниковой территории. А так как в последующие эпохи таких глобальных перемен в экологии не было, то этническая карта Евразии к концу мезолита стабилизировалась и послужила основой для современной этно-культурной мозаики мира, хотя некоторые изменения природных условий происходили и после мезолита. В результате действия социально-экономических факторов отдельные региональные передвижения населения происходили и в последующие эпохи, однако, в силу своей региональности и локальности они не могли принципиально изменить соотношение основных группировок населения, сложившихся в эпоху мезолита. Поэтому успешное решение этногенетических проблем невозможно без реконструкции той основы этнической карты, которая сложилась на той или иной территории в эпоху мезолита. Как бы ни были существенны последующие добавления к этой карте, за мезолитической основой сохраняется важное значение. Нельзя отрицать роль всех позднейших этнических перемещений, окончательно оформивших народы Евразии, но даже одна и та же этническая примесь к разным основам может дать различный результат.

По мнению многих исследователей, как наших, так и зарубежных, мезолит Южного Урала не только заложил основы для этнической карты Урала, но играл видную роль в этногенезе Европы. Известно, что А. Я. Брюсов¹ видел в нем истоки заселения всего севера Европы, а Р. Индрекко² связывал его даже с западно-европейскими культурами, считая, что формирование высоко развитых культур Урала — результат влияния прибалтийской культуры Кунда.

Говорить о всех деталях этно-культурной карты Южного Урала, о мезолитической подоснове Башкирии рубежа плейстоцена и голоцена пока еще рано. Исследование мезолита на Южном Урале началось совсем недавно. Однако уже сейчас ясно, что в мезолите на территории Башкирии сложились две культуры: ильмуризинская (предуральская) и янгельская (зауральская). Обе культуры микролитические. В комплексах преобладают ножевидные пластинки и изделия из них. Господствует вкладышная техника. Среди костяных орудий наряду с широко распространенными гарпунами, остриями, ножами с вкладышами встречаются и наконечники с вкладышами из неретушированных пластин (Сюнь 2). Однако, имея общее сходство в технике обработки камня, мезолит восточного и западного

¹ А. Я. Брюсов. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952, стр. 38.

² R. Indrekko. Mesolitische und frühneolitische kultur in Osteuropa und Westilrien, 38, abb. 7 Stockholm, 1964.

склонов Южного Урала имеет существенные различия в инвентаре ³. Инвентарь памятников ильмурузинского типа (верхние слои Ильмурузино, Романовка II, Романовка III, Сюнь I и др.) ⁴ в общем-то сходен с материалами Волго-Камской мезолитической культуры, (Нижнее Адишево, Огурдино, Деуково II, Тетюши III). Но в отличие от Прикамья в Южном Предуралье представлены микрорезцы и наконечники стрел на ножевидных пластинках, а в отличие от средневожских памятников в Предуралье отсутствуют резцы с поперечной подтреугольной формой. Полностью отсутствуют и геометрические микролиты. Памятники янгельского типа (Янгелька, нижний слой Мурат, Мысовая, Суртанды 6 и др.) характеризуются крупными асимметричными трапециями, треугольниками, сегментами и другими геометрическими формами ⁵.

Мезолит Предуралья, видимо, сложился на базе местного палеолита типа нижнего слоя Ильмурузинской стоянки. Однако не исключено и южное влияние. Последние исследования показывают, что одновременно с культурами с геометрическими микролитами в Средней Азии существуют памятники без геометрических форм (Ферганский мезолит) или с геометрическими формами, отличными от ближневосточных (Туткаул).

Материальная культура памятников янгельского типа имеет близкое сходство с поздним палеолитом и мезолитом Южного Прикаспия (Белт, Хоту ⁶, Дам-Дам-Чешме II ⁷, Джебел ⁸ и т. п.) и примыкает к обширной области южных культур с геометрическими микролитами. С прикаспийским мезолитом южноуральские памятники роднит не только общее сходство инвентаря, но и идентичность таких мелких деталей микролитов, как асимметричность трапеций и треугольников, наличие боковых выемок, низкие растянутые формы, которые в целом и составляют своеобразие прикаспийского мезолита. Эти особенности форм сохраняются даже при разном функциональном назначении геометрических микролитов. Устойчивость форм в этой зоне диктовалась, видимо, этническими традициями. Однако некоторое своеобразие техники обработки каменных орудий в мезолите Южного Урала (например, противоложащая ретушь), видимо, свидетельствовало о том, что удивительное сходство инвентаря памятников Прикаспия и Урала объясняется не передвижением населения с южного Прикаспия на Урал, а скорее всего общностью их происхождения и этническими связями. Возможно, Урал и Прикаспий являлись крайними точками единой этно-культурной области в эпоху мезолита. Промежуточная область между Прикаспием и Уралом, видимо, была заселена племенами, культура которых в мезолите также характеризовалась микролитической индустрией янгельско-белтского типа ⁹.

То обстоятельство, что геометрические микролиты Южного Урала более разнообразны по ассортименту и выразительны по типам, чем южно-прикаспийские, а также большое богатство микролитического инвентаря памятников янгельского типа подтверждают самостоятельность южноуральской мезолитической культуры.

В неолите Башкирии геометрические формы полностью исчезают ¹⁰, но общая микролитичность сохраняется и пластинчатая индустрия продолжает развиваться. Однако по-

³ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит и неолит Башкирии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964.

⁴ Г. Н. М а т ю ш и н. Памятники мезолита на Южном Урале и их стратиграфия. — «Антропоген Южного Урала». М., 1965; е го ж е. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы. — ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 58—65.

⁵ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолитическая стоянка Янгелька на озере Чебаркуль. — КСИИ, вып. 101. М., 1964; е го ж е. Стоянка Мурат на озере Узункуль. — СА, 1965, № 1.

⁶ С. С о о п. Cave explorations in Iran. Philadelphia, 1951; С. С о о п. The Sevenscaves. London, 1957, стр. 208, 211.

⁷ Г. Е. М а р к о в. Раскопки грота Дам-Дам-Чешме II. — СА, № 2, 1966.

⁸ А. П. О к л а д н и к о в. Пещера Джебел — памятники древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.

⁹ А. А. Ф о р м о з о в. Кельтинарская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, 25, 1949, стр. 50, рис. 15, 18—24 и др.

¹⁰ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит и неолит Башкирии; Л. Я. К р и ж е в с к а я. Неолит Южного Урала. М., 1968.

степенно господство переходит к технике двусторонней обработки орудий. Основная масса неолитического населения Урала концентрируется на озерах Башкирского Зауралья (Абдेलювский и Учалинский районы БАССР). Здесь появляется и большое количество мастерских по обработке яшмы и кремня. Изделия этих уникальных в нашей стране памятников распространились далеко на север (вплоть до Ямалы), восток и юг, но не заходили в Западное Приуралье. Деление на две племенные группы населения в эпоху неолита сохранилось.

Однако население западных склонов Южного Урала и Приуралья было по-прежнему редким. Поселения и небольшие стоянки сосредотачивались по берегам рек Белой, Уфы, Демы и их притоков. В материальной культуре продолжают проследываться элементы сходства с неолитом Средней Азии. В последние годы в литературе все больше распространяется идея об единой урало-казахстанской этно-культурной общности в неолите. К сожалению, неолит Северного Казахстана изучен еще недостаточно хорошо, старое представление о том, что кельтиминарская культура была характерна и для Казахстана¹¹ последними исследованиями не подтверждается. А. В. Виноградов территорию кельтиминарской культуры строго локализует в пределах дельты Акча-Дарьи, т. е. в Южном Приаралье¹².

Отдельные находки, опубликованные А. А. Формозовым, и новые, пока разведочные, исследования других археологов в северо-восточном и восточном Прикаспии дают надежду на выявление неолита и на этой территории, но каков будет его характер, сказать пока трудно. Правда, в более южных областях Средней Азии, например на Краснодарском полуострове и в других местах, встречается керамика, сходная, а иногда даже идентичная неолитической керамике Южного Урала (III слой Дам-Дам-Чешме II, Джебел и т. п.). Можно предполагать, что и на этой промежуточной между Уралом и Южным Прикаспием территории в неолите, как и в мезолите, существовала культура, сходная с южноуральской. Подтверждает это наличие общих черт в других видах материальной культуры памятников неолита Южного Прикаспия и Южного Урала. Об этом свидетельствуют находки на Южном Урале выпрямителей ближневосточного типа, наконечников стрел кельтиминарского типа, сходство керамики и другие материалы южноуральских неолитических памятников. Даже такие сравнительно редкие вещи, как игральные фишки ближневосточного типа и статуэтки из глины среднеазиатского облика, в последнее время найдены на Южном Урале.

Устойчивость связей между Южным Уралом и Средней Азией, несмотря на различие в условиях жизни и занятиях населения, свидетельствует, видимо, об этническом родстве населения этих областей. С другой стороны, раскопки в Давлекановском районе БАССР неолитического погребения и реконструкция его, выполненная М. М. Герасимовым, показывают, что уже в неолите сложился коренной тип населения Башкирии. Обряд Давлекановского погребения (скрытый на правом боку) имеет аналогии в неолитических погребениях Средней Азии (Туткаул).

Таким образом, если население Южного Урала в палеолите было редким, а все стоянки временными и содержали крайне немногочисленный инвентарь, то в мезолите число памятников возрастает. Увеличивается также количество находок — на некоторых памятниках, особенно в Башкирском Зауралье, насчитываются десятки тысяч различных изделий из камня (Янгелька, Мурат, Карабалыкты V и др.). Видимо, окончательное заселение Урала произошло в мезолите. Довольно рано, еще в мезолите, население Южного Урала перешло и к прочной оседлости, связанной с рыболовством. В неолите стабильность поселений сохраняется, население растет. Наиболее густо населены были озера Башкирского Зауралья, расположенные в зоне яшмового пояса (Узункуль, Карабалыкты, Сабакты, Банное, Чебаркуль, Суртанды и др.). Предуралье, где почти отсутствуют озера и нет выходов хорошего кремня, заселено было более слабо. Уже в мезолите на территории Башкирии складываются две племенные группы — ильмурзинская и янгельская. Одна из них занимает

¹¹ А. А. Ф о р м о з о в. Указ. соч., стр. 50 и др.

¹² А. В. В и н о г р а д о в. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 157.

Восточное Зауралье, другая — Прибелье. Граница между ними проходит по водоразделу и основному хребту Южного Урала. В неолите деление на две этнические группы сохраняется, граница их смещается несколько на запад (по р. Ай). Видимо, в это время и складываются основные этнические группировки населения Урала. В Предуралье, судя по Давлекановскому погребению, население было европеоидное с легким налетом монголоидности.

А. Х. ПШЕНИЧНЮК
(Уфа)

ПЛЕМЕНА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАШКИРИИ

В истории населения Башкирии эпохи раннего железного века выделяется два основных этапа: VIII—IV—III вв. до н. э. и IV—III вв. до н. э.—II в. н. э.

В первый период на территории Башкирии обитали две большие группы племен. Северные районы были заселены племенами ананьинской культуры, южная граница которых доходила по правобережью р. Белой до г. Стерлитамака. По единодушному мнению исследователей ананьинские племена относились к финно-угорской языковой системе.

В южных степных и, частично, лесостепных районах кочевали ираноязычные племена савроматов. Памятники их обнаружены в Федоровском, Стерлибашевском (М. Х. Садыкова), Чишминском (Г. И. Матвеева) районах.

Этно-культурный состав населения восточных, горно-лесных районов южного Приуралья в данный период пока остается не очень ясным. Судя по фрагментарным данным, полученным при обследовании ряда поселений по р. Уфе (Л. Я. Крижевская) и р. Белой (Г. Н. Матюшин), на территории указанных районов в эпоху самого начала железного века обитали племена каменногорской (гамаюнской) культуры. Однако эти племена, по-видимому, были немногочисленными. Скорее всего, можно говорить о незначительном влиянии или эпизодическом проникновении зауральских каменногорских племен.

В IV—III вв. до н. э. в истории и культуре населения интересующей нас территории происходят существенные изменения, которые явились результатом как внутреннего развития общества приуральских племен, так и миграции сюда нового этнического компонента.

В южных степных районах в IV в. до н. э. складывается прохоровская культура¹. На севере на базе ананьинской культуры в IV—III вв. до н. э. формируется ряд новых культур: гляденовская в Верхнем и Среднем Прикамье², пьяноборская в устье р. Белой³, кара-абызская на правобережье среднего течения р. Белой⁴.

В последние годы на территории Башкирии выявлено еще две новых группы памятников этого времени: 1) гафурийские и генетически связанные с ними убаларские памятники, расположенные по правому берегу р. Белой от г. Уфы до г. Стерлитамака⁵; 2) памятники северо-восточной Башкирии. Последние изучены очень слабо. При разведочном обследовании (Н. А. Мажитов, К. В. Сальников и Ю. А. Морозов) на них собран небольшой материал, состоящий, главным образом, из фрагментов керамики. По основным при-

¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д 1—10, 1963; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 286—290.

² Ю. А. Поляков. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье. — УЗ ПГУ, № 148. Пермь, 1967

³ В. Ф. Генниг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1964.

⁴ А. Х. Пшеничнюк. О периодизации кара-абызских памятников. — УЗ ПГУ, № 148. Пермь, 1967.

⁵ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. — БАС. Уфа, 1959; М. Х. Садыкова. Новые памятники железного века Башкирии. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962.

знакам эта керамика довольно близка гафурийской. Это сосуды с примесью талька в тесте, с резной, изредка гребенчатой орнаментацией. Но в отличие от гафурийской они имеют более высокое тонкостенное горло, имеется своеобразие и в элементах и расположении орнамента. На основании указанных особенностей целесообразнее, на наш взгляд, рассматривать эти памятники как самостоятельную группу, присвоив ей условное наименование «айская» по названию реки, где они выявлены.

Две культуры из вышеперечисленных, пьяноборская и гляденовская, полностью сложились на ананьинской основе. В сложении кара-абызской культуры основную роль также сыграли местные ананьинские племена, но в ней, кроме того, прослеживаются инородные элементы. Основу прохоровской культуры, по мнению исследователей, составили ираноязычные племена савроматов. В то же время отмечается участие в формировании этой культуры пришлого зауральского населения⁶. Не имеют местных корней гафурийские и айские памятники.

Сопоставления показывают, что в материалах кара-абызских, прохоровских, гафурийских и айских памятников много общего. Это сходство проявляется, главным образом, в керамике, для которой характерна примесь талька в тесте, резной и желобчатый орнамент. Полностью преобладает эта керамика на гафурийских памятниках, довольно часто она встречается в раннесарматских⁷ и кара-абызских⁸.

Отмеченное сходство этих культур, по-видимому, объясняется тем, что в их сложении приняли участие родственные племена.

По мнению ряда исследователей (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова, М. Х. Садыкова), поселения гафурийского типа в районе среднего течения р. Белой появляются в результате продвижения на север и оседания здесь части раннесарматского (прохоровского) населения⁹. Так, например, М. Х. Садыкова считает, что ряд гафурийских поселений, как Курмантаевское, Табынское городища, тесно связан с типично сарматскими памятниками в этом районе типа Старо-Кишинских курганов и вместе с ними относится к прохоровской культуре¹⁰. Нам представляется такой вывод малоубедительным. Материалы новых раскопок показывают, что гафурийским поселениям здесь соответствует иной тип могильников. В ряде ранних погребений Шиповского могильника найдены глиняные сосуды, аналогичные посуде указанных поселений. Важно отметить, что ранние погребения Шиповского могильника совершены под невысокими курганными насыпями, преимущественно в почвенном слое, с неустойчивой ориентировкой костяков по странам света, в то время как для прохоровских могильников характерны высокие курганы, узкие, глубокие могильные ямы, иногда сложной конструкции, полное преобладание южной ориентировки. Значительно различаются вещевые комплексы этих двух групп могильников. На основании сказанного, на наш взгляд, гафурийские памятники с раннесарматскими (прохоровскими) могильниками отождествлять нельзя. Кроме того, следует учесть то обстоятельство, что раннесарматские памятники (Старо-Кишинские и Бишунгаровские курганы), близко расположенные к гафурийским поселениям, датируются более поздним временем (самый конец IV—II вв. до н. э.), чем последние (ранняя дата — самое начало IV в.).

Нам представляется, что та общность в материальной культуре, которая ярко прослеживается в керамике прохоровских, гафурийских и кара-абызских памятников, возникла, вероятно, в результате прихода в южное Приуралье новой группы населения, к числу которых относятся гафурийские племена. Часть этих племен вошла в состав фор-

⁶ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 287.

⁷ М. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 27—30.

⁸ А. Х. Пшеничию К. В. вопросу о керамике кара-абызских поселений. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964.

⁹ К. Ф. Смирнов. Ранние ковчежки Южного Урала. — Научная сессия по этногенезу Башкир. Уфа, 1969; М. Г. Мошкова. Указ. соч., рис. 1.

¹⁰ М. Х. Садыкова. Сарматы на территории Башкирии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965, стр. 18.

мирующихся прохоровской и кара-абызской культур, а часть осела на правобережье р. Белой и продолжала сохранять свою самостоятельность и в более позднее время.

По вопросу об этнической принадлежности пришлого населения и территории его первоначального обитания высказывались различные мнения. К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова пришедший компонент в прохоровской культуре связывают с Зауральем и Казахстаном. В. Ф. Генинг высказал предположение о приходе этого населения из Приаралья¹¹. Имеющийся археологический материал пока говорит в пользу мнения К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой. Именно в Зауралье можно найти наиболее близкие аналогии отмеченным выше сосудам из прохоровских и гафурийских памятников. Общими для них являются примесь талка в тесте и резной орнамент. Предположение о том, что гафурийские племена ранее обитали в Зауралье, может быть еще подтверждено близостью образа жизни последних и зауральского населения. Зауральские племена, как и гафурийцы, вели оседлый образ жизни и занимались, главным образом, пастушеским скотоводством и земледелием. Нами высказано предположение о том, что гафурийские племена были угрозязычными и, как составной элемент, приняли участие в сложении кара-абызской культуры¹². Еще ранее об угорском характере некоторых материалов гафурийских поселений говорил Г. В. Юсупов¹³. Зауральский, восточный компонент в прохоровской культуре, по мнению К. Ф. Смирнова, вполне мог быть угорским¹⁴. Об угрозязычности пришлого гафурийского населения говорит и В. Ф. Генинг¹⁵.

Однако надо признать, что вывод об угрозязычности гафурийских племен аргументирован пока слабо. Основанием для такого заключения послужила некоторая общность материала гафурийских памятников с материалами гороховской культуры Зауралья, которую К. В. Сальников рассматривал как угорскую. Это мнение также требует дополнительной аргументации¹⁶.

Сейчас уверенно можно говорить лишь о том, что пришлые гафурийские племена не принадлежали к финно-пермской языковой группе. Носителями этого языка, по мнению большинства ученых, являлись потомки ананьинцев — кара-абызские, гляденовские и пьяноборские племена. Нет никаких оснований относить их к ранним тюркам. Отличаются они по материальной культуре и от иранозязычных савроматов.

Таким образом, в IV—II вв. до н. э. на территории южного Приаралья обитали финно-угорские племена (пьяноборская и кара-абызская культуры), иранозязычные сарматы (прохоровская культура) и, вероятно, угорские племена (гафурийские памятники).

Кара-абызская и пьяноборская культуры без заметных изменений просуществовали до эпохи раннего средневековья. Памятники гафурийского типа сменились убаларскими, поздняя дата которых тоже доходит до II—III вв. н. э. В южных районах продолжали кочевать немногочисленные сарматские племена — потомки прохоровцев.

Какова роль этих трех основных групп племен в формировании культуры эпохи раннего средневековья?

Кара-абызские и пьяноборские племена явились основой раннебахмутинского (мазунинского) населения¹⁷. Убаларские племена вошли, по всей вероятности, одним из основ-

¹¹ В. Ф. Генинг. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение. — «Научная сессия по этногенезу башкир».

¹² А. Х. Пшеничнюк. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968, стр. 18.

¹³ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района. Уфа. Рухпись. 1957, Архив БФАН СССР, оп. 3, ед. хр. 15, стр. 83—89.

¹⁴ К. Ф. Смирнов. Ранние кочевники Южного Урала.

¹⁵ В. Ф. Генинг. Этнический субстрат в составе башкир...

¹⁶ К. В. Сальников. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. — *СФ*, 1966, № 5.

¹⁷ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М. 1968; В. Ф. Генинг — статья в настоящем сборнике.

ных компонентов при сложении культуры типа Имендяшевского городища¹⁸. О роли сарматских племен говорить трудно, так как поздние их памятники в Приуралье изучены очень слабо. Возможно, правы исследователи, которые полагают, что сарматские племена приняли участие в формировании культуры памятников типа Турбаслинских курганов. Погребальный обряд, глиняная посуда турбаслинских могил находят немало аналогий среди позднесарматских памятников.

Что касается вопроса о появлении тюрков на Южном Урале, то едва ли об этом можно говорить применительно ко времени раннего железного века. Нет оснований, на наш взгляд, каменные курганы юго-восточной Башкирии (исследование Н. А. Мажитова) связывать с тюрками. Керамический материал этих курганов во многом сходен с сосудами позднесарматских и раннепрохоровских могильников.

¹⁸ Г. И. М а т в е е в а. Некоторые итоги изучения памятников I тысячелетия н. э. в центральной Башкирии.— V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ
(Новосибирск)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ С УРАЛЬСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В процессе этногенеза народов Приуралья, в том числе и башкир, определенную роль сыграли сибирские племена. Исследователи по-разному определяют вклад западносибирских народов в этническую историю Башкирии. Одни прослеживают его с начала I тыс. н. э. и отводят первенствующее место¹, другие — отрицают столь раннюю дату этого влияния². В этом свете определенный интерес представляют некоторые памятники Новосибирского Приобья в конце I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Степные и лесостепные культуры Западной Сибири I тыс. н. э. своими корнями уходят в две различные культурные общности, существовавшие здесь в середине I тыс. до н. э. Население Прииртышья было тесно связано с Зауральем и Приуральем, а большебереченская культура Приобья — с населением Алтая, прилегавших к нему районов Средней Азии, Минусинской котловины и Тувы. В III в. до н. э. в развитии большебереченских племен Новосибирского Приобья происходят изменения, связанные, видимо, с активизацией гуннов, которые совершают походы в западном направлении. Это затрудняло южные связи обских племен. Походы гуннов в начале II в. до н. э. привели к разгрому уечжей. Племена новосибирского Приобья оказались отрезанными от своих южных и восточных соседей. На эту территорию проникли северные и западные племена, и дальнейшее развитие шло в тесном контакте с ними.

Отмеченные явления хорошо прослеживаются на материалах курганных могильников Ордынское I, Каменный Мыс и Юрт-Акбалык II. Сохраняется ряд старых традиций, но появляются и новые: по-прежнему часто под одной насыпью находилось несколько могил (до 10), но глубина их стала меньше, перекрытия состояли лишь из одного наката бревен. Ранее существовавшая юго-восточная ориентация погребенных сменилась крайне неустойчивой: северо-западной, северной и восточной. Исчезли изделия в скифо-сибирском «зверином» стиле, ключевы заменяются кельтами (табл. 1, 25, 26), изменилась форма лука — маленькие костяные и бронзовые наконечники стрел уступили место крупным (табл. 1, 28, 30). Гладкие сосуды вытеснились орнаментированными, причем орнамент располагался уже не узким поясом, а занимал верхнюю треть, а иногда и половину сосуда (табл. 1, 1—10). Появляется лесной орнамент — «уточки».

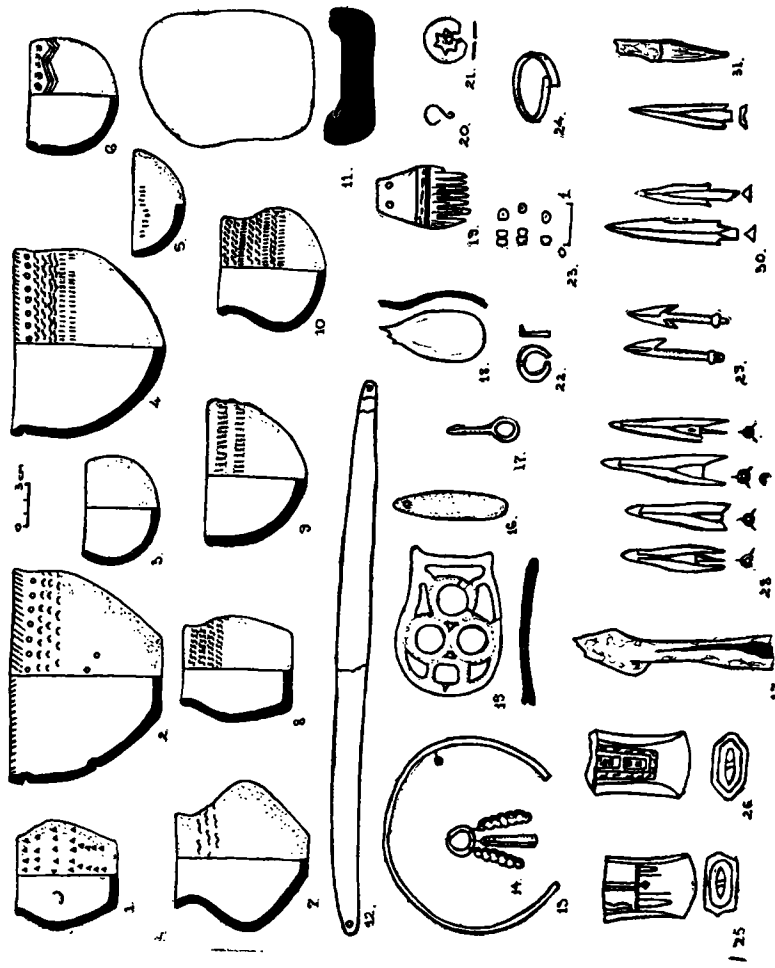
В целом комплексы датируются III—I вв. до н. э. Почти во всех погребениях найдены стеклянные одинарные и двойные позолоченные бусы (табл. 1, 23); первые получили широкое распространение лишь в III—II вв. до н. э., двоянные бусы появляются немного позже, в Сибири они особенно известны в I в. до н. э. — I в. н. э.³ Ту же дату дает бронзовый шестигранный кельт⁴. Не противоречат ей и пражки с неподвижным шпеньком

¹ В. Ф. Геннинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 126—129; е г о ж е. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западные Приуралье в I тыс. н. э. — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 329—333.

² Н. А. Мажигов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 80—84.

³ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 172.

⁴ В. Н. Чернецов. Опыт типологии западно-сибирских кельтов. — КСИИМК, 16, 1947, стр. 75.

Т а б л. 1 1, 8, 9, 11, 13-15, 17, 22, 23, 26—Ордынское I; 3, 6—Юрт-Акбалык I; 2, 4, 5, 7, 10, 12, 16, 18—21, 23—25, 27, 31—Кавенный мыс, кург. 3, 1—Ю—Глища; 11, 16, 21—каменн.; 18, 19, 29, 30—кость; 23—стекло; 12—15, 17, 20, 22, 24—26, 28—бронза; 27, 31—железо.

(табл. 1, 15, 22)⁵. Большая бронзовая пряжка находит себе аналоги в гуннских могилах II—I вв. до н. э.⁶. Бронзовый наконечник стрелы «кулайского» типа (табл. 1, 28) известен в комплексе IV—III вв. до н. э.⁷.

Все это дает возможность отнести наиболее ранние погребения могильника Каменный Мыс (курган 3, погребение 5) с одиночными позолоченными стеклянными бусами и массивными бронзовыми наконечниками стрел к III в. до н. э., орднские могилы с двойными позолоченными бусами и поздними пряжками — к II—I вв. до н. э., а могильник Юрт-Акбалык — скорее всего к I в. до н. э.—I в. н. э.

Новые элементы культуры приобских племен сложились за пределами этой территории. Бронзовые наконечники стрел, диадемы, браслетовидные пластины, гривны, костяные гарпуны, тоненькие каменные «присла» из мужских погребений, форма и орнамент отдельных сосудов сближают наши памятники с материалами более ранних, в частности, с Конецгорским селищем поздних этапов ананьинской культуры⁸, находками усть-полудской культуры⁹, с синхронными потчевашскими курганами¹⁰. Близкая керамика встречена в ранних могилах Аятского, Воробьевского, Приговского и других могильников¹¹.

На основании данного материала можно считать, что в конце I тыс. до н. э. близость отдельных черт культуры племен Новосибирского Приобья с северо-западной Сибирью, Зауральем и Приуральем вызвана не продвижением сибирских племен на запад, а проникновением сюда северо-западных и западных элементов и развитием тесных контактов с нижнеобским, зауральским и приуральским населением. В результате их слияния с местными традициями подготавливается переход к новосибирскому локальному варианту единцовского этапа верхнеобской культуры (II—V вв. н. э.), известному по материалу двух городищ (Черный Мыс II и Чучка VII) и трех могильников (Юрт-Акбалык VIII, отдельные курганы Красного Яра I и Каменного Мыса).

Были открыты неглубокие землянки размером в среднем 6×7 кв. м с открытым очагом в углу и материковым выступом в центре. Культурный слой тонок, слабо насыщен и говорит о незначительном существовании каждого городища.

Курганы содержат в основном по одной неглубокой могиле. Ориентация погребенных стала более устойчивой — северо-восточной и восточной, положение вытянутое или слегка скорченное. Встречается искусственная деформация черепов. Иногда в насыпи имеются следы тризны с конскими костями, в могилах кости лошади отсутствуют. Могильник Юрт-Акбалык VIII (табл. II, 6—21) датируется железными наконечниками стрел (табл. II, 17), аналогии которым ведут к II—IV вв.¹², маленькими круглыми железными парными и бронзовыми «В»-образными пряжками (табл. II, 13, 14), которые известны во многих комплексах первых веков нашей эры и почти исчезают с VI в.¹³, и единцовского типа щечками (табл. II, 11).

⁵ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 7.

⁶ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию.— МИА, 136, 1966, табл. III, 1, 3, 4.

⁷ А. В. Збруева. История населения Приуралья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30, 1952, табл. XL, 11, 5.

⁸ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 238—257.

⁹ В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш.— МИА, 35, 1953, рис. 11, табл. 1, 3.

¹⁰ В. И. Мошинская. Археологические памятники севера Западной Сибири.— САИ, вып. ДЗ—В, 1965, стр. 189—201.

¹¹ В. Е. Стоянов, В. Н. Фролов. Курганные могильники у д. Воробьева.— ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, рис. 31, 32.

¹² С. С. Сорокин. О датировке и толковании кенгольского могильника.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 12, рис. 2; А. П. Смирнов. Очерки древней истории и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28, 1952, стр. 86.

¹³ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— МИА, 58, 1957, табл. XI; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии.— МИА, 58, 1957, табл. VI, 10; А. М. Мандельштам. Указ. соч., табл. XLIV.

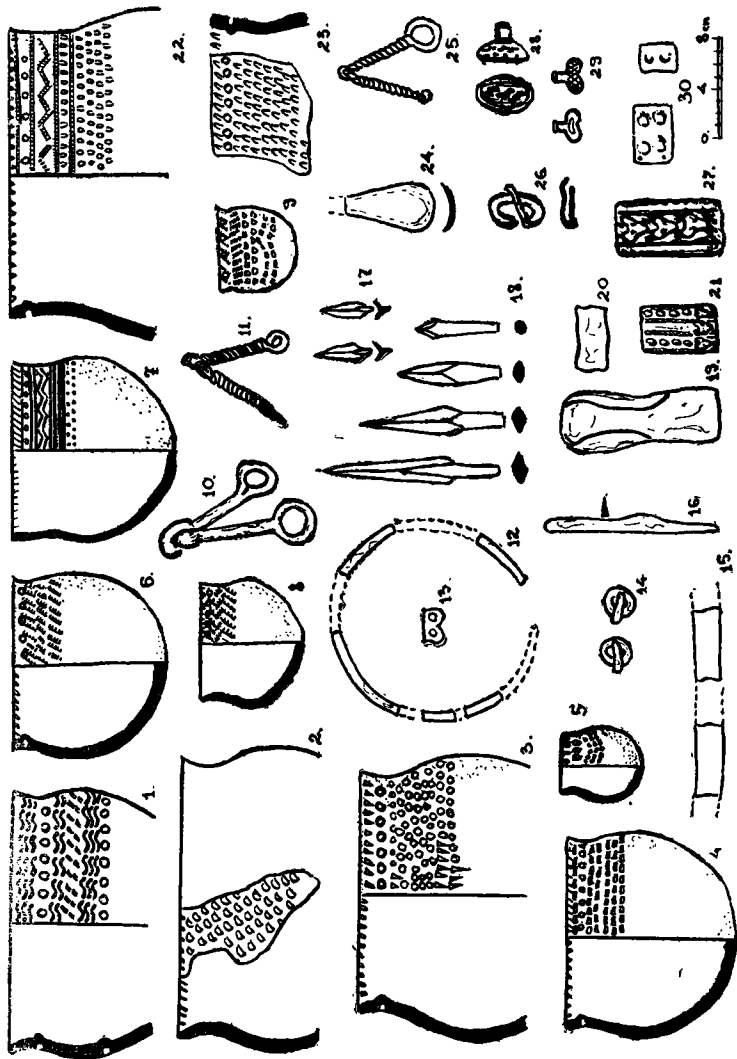

Табл. II. 1, 2—Каменная; Мис, кург. 2; 3—5—Черный Мис; 6—21—Юрт-Акбалык 8; 22—25—Чучка 7; 26—30—Красный Яр 1, кург. 7.

1—9, 22, 23—глина; 10—12, 14, 16, 17, 19, 20, 25—железо; 13, 15, 21, 26—30—бронза; 18, 24—кость.

Среди находок выделяются наборные пояса из железных или бронзовых прямоугольных пластинок, нашитых на кожу и бересту¹⁴, и бляхи с изображением медведей (табл. II, 20—21).

Керамика остродонная и круглодонная, почти шаровидная с орнаментом двух типов: первый — в виде оттисков круглой или неровной в сечении палочки, занимающий треть или половину сосуда, или оттисков зубчатого штампа (табл. II, 2—6, 8, 9, 23); второй — в виде зигзагов и горизонтальных линий, тщательно выполненных гребенкой (табл. II, 7, 22), жемчужины отсутствуют. В связи с тем, что керамика на городищах представлена в Черном Мысу II лишь первым типом (табл. II, 3—5), а в Чучке VII в основном вторым (табл. II, 22), можно считать, что первый тип, встречающийся вместе со штампом «уточкой» (табл. II, 1, 2), является более ранним (в пределах II—V вв.), а второй — более поздним. Это тем более вероятно, что орнамент в виде зигзагов и горизонтальных линий получает дальнейшее развитие в керамике середины I тыс. н. э.

Несколько более поздним временем, V—VI в., можно датировать, видимо, курган № 7 из Красного Яра (табл. II, 26—30), в комплексе которого имеется бронзовая застежка типа сюльгамы, известной с середины I тыс. н. э. Пояс с прямоугольными пластинчатыми накладками из этого комплекса типичен для Новосибирского Приобья одицовского этапа, поясные бляхи VI—VII вв. в кургане отсутствуют.

Северная граница распространения одицовских памятников проходит около Томска, южная — в Верхнем Приобье, где они изучены М. П. Грязновым, остальные границы не ясны.

С местной традицией, восходящей к последним векам до н. э., связаны ориентация погребенных, форма и орнамент отдельных сосудов первой группы, глубина могил, отсутствие в них конских костей и т. д. Появляются и новые черты: полускорченное положение некоторых скелетов, почти шарообразная форма сосудов, орнаментация гребенчатым штампом, расположенным зигзагом, новые типы украшений. Многие из этих черт являются общими для связанных между собой синхронных памятников степного и лесостепного Прииртышья, Зауралья и Приуралья (Козловский, Аятский, Бахмутинский, Сайгатский и другие могильники). Причем некоторый новый для Приобья инвентарь для западных территорий связан с местными традициями. Так, подвески в виде лунниц и колокольчиков встречаются еще в Биктимировском могильнике¹⁵. Серьги с подвесками из спирально скрученной проволоки известны с ранних этапов пьяноборской культуры¹⁶.

Связи с восточными соседями, в том числе и с носителями таштыкской культуры, прослеживаются очень слабо. Достоверные археологические свидетельства проникновения енисейского населения в Новосибирское Приобье в таштыкскую эпоху пока не известны.

Изложенный материал свидетельствует о том, что во II—V вв. население лесостепного Приобья поддерживало возникшие еще в III в. до н. э. контакты с западными и северными соседями и значительно меньше было связано с южными и восточными культурами, в частности, с очагами таштыкской культуры. В этот период не наблюдается перемещение обских племен на запад, скорее можно говорить о движении в обратном направлении или о тесных контактах с западными соседями. Нельзя согласиться с гипотезами о продвижении в это время ургов из Миусинской котловины через Приобье на запад¹⁷, о раннем появлении сибирских племен, в том числе и обских, в Приуралье. Подобное перемещение может быть прослежено несколько позже.

¹⁴ Т. Н. Троицкая. К вопросу о культуре медведя в Приобье. — «Известия СО АН СССР», № 9, серия общественных наук. Новосибирск, 1963, стр. 66—65.

¹⁵ А. Х. Пшеничкин. Биктимировский могильник. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 222, рис. 4.

¹⁶ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 20—21.

¹⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 172—174.

К ВОПРОСУ О БУЛГАРО-БАШКИРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

В ряде источников по средневековой истории народов Восточной Европы отмечают контакты башкир с Волжско-Камской Булгарией. Однако вопрос о сущности башкирско-булгарских связей недостаточно освещен в литературе, хотя значение этой проблемы для истории тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья огромно. Правда, в некоторых работах, посвященных анализу сообщений арабо-персидской географической литературы, в частности в исследованиях Д. А. Хвольсона, А. П. Ковалевского, Б. Н. Заходера, в какой-то степени подняты эти вопросы¹. Эти же сюжеты, особенно роль Булгарского государства в развитии материальной и духовной культуры башкир, этническое проникновение булгар в башкирские земли, более специально рассмотрены в работах В. В. Вельяминова-Зернова, С. И. Руденко, А. П. Смирнова, Г. В. Юсупова². Хотя перечисленные авторы дают ценные замечания по интересующей нас проблеме, необходимость собрать воедино все имеющиеся к настоящему времени письменные и археологические источники по истории башкиро-булгарских взаимоотношений побудила нас попытаться обобщить эти материалы в данном сообщении, не претендуя, однако, на окончательные выводы по истории связей башкир с булгарами.

Обратимся вначале к известиям представителей классической арабо-персидской географии X—XI вв. Один из первых географов, оставивших ценные сведения о народах Восточной Европы, персидский автор начала X в. Ибн Русте отметил, что страна тюркского племени башкир (аль-Маджгария) лежит между землей печенегов и землей булгарских эсегель³. Данное сообщение конкретизируется Ибн Фадланом, современником Ибн Русте, лично посетившим эти страны. Знаменитый путешественник писал, что их посольство, оставив летовки печенегов за р. Яик, через р. Кондурчу попало во владения башкир (аль-башкорд), ограниченные р. Черемшан с северо-запада⁴, т. е. со стороны Волжско-Булгарии. Некоторые арабские и персидские авторы XI в., например Гардизи⁵ и аль-Бекри⁶, оставили сообщения, почти аналогичные сообщениям своих предшественников, особенно Ибн Русте.

¹ Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда бен Омар ибн Даста. СПб., 1869; А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. т. 2. М., 1967.

² В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. — «Труды Восточного отделения Императорского археологического общества», т. 4. СПб., 1859; С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. — МИА, 58. М., 1957; Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

³ Д. А. Хвольсон. Указ. соч., стр. 25.

⁴ А. П. Ковалевский. Указ. соч., стр. 130—131.

⁵ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — «Записки Императорской академии наук, 8 серия по историко-филологическому отделению», т. 1, № 4. СПб., 1897, стр. 121.

⁶ А. Кунник, В. Розен. Известия аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1. СПб., 1878, стр. 63.

К рубежу XII—XIII вв. Волжская Булгария значительно расширяет свою территорию, в том числе в восточных и юго-восточных направлениях. В состав Булгарии входят обширные районы до нижнего течения Белой и среднего течения Яика включительно, о чем свидетельствует ряд письменных источников. Арабский географ XIII в. Ибн аль-Асир, говоря о принятии ислама каким-то тюркским народом, прибавляет, что эти тюрки кочевали летом по соседству с землей булгар, на зиму переходили в западное Семиречье. В. В. Бартольд полагает, что их кочевки находились в нынешних киргизских степях⁷. Известное сообщение Лаврентьевской летописи о сражении сторожевого отряда булгар с монголами в 1229 г. на р. Яик⁸ также свидетельствует о том, что где-то в районе Яика проходила государственная граница Волжской Булгарии. Под летописными «сторожевые болгарские» следует подразумевать войска, поставленные охранять, сторожить землю, территорию, притом не чужую, а свою, болгарскую. Не лишне привести известия казанского летописца, так определенно территорию бывшей Волжской Булгарии: «Тамо бо бе прежде земля болгарец малых за Камою рекою промеж великие реки Волги и Белье Воложки (Белой.— Р. Ф.) до великие орды ногайские»⁹. Эта же летопись помещает ногайцев за р. Яик¹⁰. Память о том, что земли между Волгой, Белой и Яиком были болгарскими, надолго сохранялась еще после падения Казанского ханства. Западноевропейский ученый и путешественник Адам Олеарий, совершивший путешествие в Персию через Восточную Европу в 1630 г., составил карту Татарии («La Grande Tartarie»), на которой между Волгой, Камой, Белой и Самарой до Яика отмечены земли бывшего Булгарского царства, или, как он говорит, «Герцогства болгарского» («Duche de Bulgar») ¹¹. В одной татарской рукописи, приводимой Георги, говорится, что «Тимур прошел по Булгарскому царству от Яика до Волги»¹². Тезис об ограничении восточных болгарских земель Белой и Яиком, подтвержденный многими исследователями, особенно такими яркими представителями отечественного болгароведения, как С. М. Шпилевский¹³ и А. П. Смирнов¹⁴, прочно утвердился в советской исторической науке¹⁵. Здесь необходимо обратить внимание на одну существенную деталь. Если восточные и юго-восточные границы основных, наиболее плотно заселенных болгарских земель, проходили по низовью Зая, Шемше и Б. Черемшану, о чем свидетельствуют наши сплошные археологические разведки 1965 г. в восточных и южных районах Татарской АССР и в Куйбышевской области¹⁶, то территорию восточнее этих рек до Белой и Яика следует представлять как земли, заселенные булгарами весьма неплотно, или даже пустовавшие в определенные исторические периоды. Об этом свидетельствует небольшая численность болгарских археологических памятников описываемого района. Это, прежде всего, группа селищ и местонахождений, обнаруженная

⁷ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 36. Такое значительное расширение болгарских владений на юго-востоке отмечают даже некоторые источники X в. Так, аль-Истахри сообщает, что страна булгар ограничена страной гузов. (МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 167). Худуд аль-алем также ограничивает границы булгар областью гузов, северные пределы которой находились в бассейне Яика (там же, стр. 210).

⁸ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 453.

⁹ «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам». СПб., 1791, стр. 4.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Voyages tres — curieux et tres — venommés faits en Moskovie, Tartarie el Perse Adam Olearius. Amsterdam, MDCCXXVII (1727), карта за стр. 399.

¹² По С. М. Шпилевскому: Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 32.

¹³ Там же, стр. 159.

¹⁴ А. П. Смирнов. Волжские булгары.— «Труды ГИМ», вып. 19. М., 1951, стр. 5.

¹⁵ «Советская историческая энциклопедия», № 2. М., 1962, карта за стр. 563; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 2. М., 1966, карта за стр. 42.

¹⁶ Р. Г. Фохрудинов. Исследование закамских археологических памятников Волжско-Камской Булгарии в 1965 г.— «Тезисы докладов конференции молодых ученых КИЯЛИ АН СССР». Казань, 1967, стр. 83—86.

В. В. Гольмстен в 1927 г. в верховьях р. Самары близ Янка¹⁷, отдельные болгарские поселения (Турачинское, Тумутукское, Орловское, Самоскаковское) и местонахождения (Н. Челнинское, Баскулское), зафиксированные в последние годы Г. В. Юсуповым, В. Ф. Генингом, П. Н. Старостиным в нижних течениях Белой и Ика и на побережье Камы. Материал этих памятников представлен болгарской гончарной лощеной керамикой, которая по форме и орнаментации датируется золотоордынским временем¹⁸.

В золотоордынский период усиливается проникновение болгар в соседние районы, начатое, по-видимому, еще в домонгольское время. Так, в бассейне Чепцы, в татарском селе Гуриа-кала, известно болгарское надгробие 1323 г., а возле села находятся следы городища. Али-Рахим, впервые исследовавший эти памятники, связывал их с нухратскими булгарами, переселившимися с берегов Камы еще до нашествия монголов¹⁹. В этот период болгары проникают даже в районы Верхней Камы. А. А. Спицын писал, что отдельные «чуждские городища» принадлежали булгарам²⁰. Исследования археологических памятников Прикамья, проведенные в советский период, дали много материала, свидетельствующего о большой роли болгар в развитии культуры финских племен. Как указывают О. Н. Бадер и В. А. Оборин, на памятниках родановского типа обнаружены всевозможные болгарские вещи: гончарная и металлургическая посуда, серебряные изделия. Булгарское ремесло серьезно повлияло на развитие ювелирного, кузнечного, литейного и других ремесел камских племен; появляются кузнечные и плавильные горны булгарского типа. Под влиянием болгар в чепецкой культуре успешно развивается земледелие, что находит отражение в технике и распространении сельскохозяйственных культур²¹. Некоторые топонимы и этнонимы Верхней Камы также свидетельствуют о проникновении туда булгарских племен. Эти же исследователи отмечают, что в Верхне-Мульминском районе Пермской области имеется село Болгары, в д. Черти Озерского района половина жителей до сих пор называется булгарами. В Коми-Пермяцком округе сохраняется изготовление глиняной лощеной посуды²². При таком довольно интенсивном заселении булгарами Верхней Камы вполне допустимо их проникновение в более близкие районы, например, в западную Башкирию. Ряд археологических памятников говорит именно о таком явлении. Еще до X в. на территории Башкирии появились отдельные племена, оставившие такие могильники, как Уфимский (VII—VIII вв.), Левашовский (VIII—IX вв.) и Кушелевский (IX в.), отнесенные исследователями к салтовской культуре, связанной с приазовскими булгарами²³. В западной Башкирии имеется несколько известных надмогильных сооружений конца XIII — первой половины XIV вв. К таковым относится мавзолей Тура-хан, или Дом суда у с. Н. Термы Чишминского района, построенный в стиле мавзолеев города Великие Булгары²⁴. Аналогичным памятником является мавзолей, расположенный на клад-

¹⁷ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 44, № 5, лл. 28, 33—34, 37.

¹⁸ Коллекции хранятся в кабинете археологии КИЯЛИ АН СССР.

¹⁹ А л и - Р а х и м. Булгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае. — Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР, 4. Казань, 1930, стр. 49—57. В бассейне р. Чепцы имеются два островка татарского населения. Первый, состоящий из 22 деревень, расположен в верховьях реки в Глазовском районе Удмуртской АССР, среди них и упомянутая д. Гуриа-кала. Второй остров с центром в виде большого села под названием Нухрат расположен в нижнем течении реки недалеко от города Кирова.

²⁰ А. А. С п и ц ы н. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Вятка, 1889, стр. 19, 26.

²¹ О. Н. Б а д е р. Археологические памятники Прикамья. Пермь, 1950, стр. 83; О. Н. Б а д е р, В. А. О б о р и н. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 174—175.

²² Т а м ж е, стр. 176—177.

²³ Р. Б. А х м е р о в. Могильник близ Стерлитамака. — СА, XXII. М., 1955, стр. 156; А. П. С м и р н о в. Железный век Башкирии, стр. 46—50; Г. В. Ю с у п о в. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, стр. 129—130.

²⁴ В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 281; К. В. С а л ь н и к о в. Древние памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 136; А. П. С м и р н о в. Железный век Башкирии, стр. 90; Г. В. Ю с у п о в. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, стр. 119—120.

бище Аккират у с. Чишмы того же района. В мавзолее имеется надгробие, расшифровке текста и дате которого посвящена большая литература. После тщательного изучения всей этой литературы и подлинника текста Г. В. Юсупов, крупный специалист в области болгаро-татарской эпиграфики, пришел к выводу, что это надгробие является типично болгарским памятником I стиля и датируется 1339 г.²⁵ С этим же селом Чишмы связано еще 2 кладбища. Одно из них расположено в 700—800 м к северо-западу от села близ поселка Красный Ключ. По рассказам старожиллов, раньше там было более 10 надгробий. Из них уцелело всего одно, которое также определено Г. В. Юсуповым как типичный болгарский камень II стиля конца XIII—первой половины XIV вв.²⁶ И, наконец, такого же стиля и времени одно из двух надгробий, находившихся на третьем кладбище у того же поселка Красный ключ²⁷

Кроме этих культовых сооружений, исследователи отмечают наличие в Башкирии других болгарских археологических памятников. А. П. Смирнов, ссылаясь на Ф. Д. Нефедова, Р. Г. Игнатьева, А. В. Шмидта, указывает, что по р. Белой расположены городища, датировка которых определена золотоордынским временем по находкам болгарской керамики. Далее он отмечает, что городища с болгарской красной керамикой известны и в южных районах — в пределах бывшей Оренбургской губернии²⁸.

Вопросы проникновения болгар на территорию современной Башкирии подробно рассмотрены Г. В. Юсуповым, использовавшим археологические, этнографические, лингвистические и исторические материалы. Если С. И. Руденко считал, что болгары, попав в среду башкир, образовали бйларскую и бйларскую орды²⁹, в булгарах, смешавшихся с угорскими племенами Башкирии, Г. В. Юсупов видит «башкирских мишарей»³⁰

Как отмечали А. П. Смирнов и Г. В. Юсупов, болгары, просачиваясь в среду башкир небольшими группами, не могли образовать крупных объединений. Такая концепция вполне приемлема. Несмотря на то, что имеется определенное число болгарских памятников на территории Башкирской АССР, все же их нельзя считать составляющими часть единой территории Волжской Булгарии на востоке. Одновременно нам хочется отметить, что роль болгар в восточных районах, занятых тюркским населением, была несравненно больше, чем, например, в западных финно-угорских землях.

Под политическим, экономическим и культурным воздействием Волжской Булгарии, образованной на рубеже IX—X вв. как первое крупное раннефеодальное государственное объединение северо-восточной Европы, оказались соседние финно-угорские и тюркские народности, в том числе и западные башкиры. Общеизвестно сообщение арабского географа первой половины X в. аль Балхи о том, что одно из двух племен башкир (бажджаров), живущих близ болгар, подвластно последним³¹. Вышли ли позднее башкиры из-под протектората болгар, об этом сведений в источниках нет.

В целом отношения башкир и болгар, надо полагать, были добрососедскими. Сохранилось известие о покупке булгарами у башкир мелкого рогатого скота. Ибн Фадлан писал, что у болгар много купцов, которые отправляются в «страну народ из числа тюрков» (*бляд кум мин эл тюрк*) — а они, как отмечает А. П. Ковалевский, несомненно, башкиры — и привозят оттуда овец³². Известно небольшое упоминание о сходстве одежды баш-

²⁵ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, стр. 22, 111—119.

²⁶ Там же, стр. 125—127.

²⁷ Там же, стр. 127—129.

²⁸ К сожалению, нам не удалось ознакомиться с материалами этих городищ. Коллекции, собранные в результате работ А. В. Шмидта, оказались утерянными. К числу этих памятников можно добавить Саньянское селище, обнаруженное Н. А. Мажитовым в 1966 г. на юге Башкирии. Материал представляет лепной керамикой кочевнического типа и болгарской гончарной посудой начала золотоордынского времени. (Фонды ИИЯЛ БФАН СССР, коллекция № 127).

²⁹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 329.

³⁰ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, стр. 133—137.

³¹ Д. А. Хвольсон. Указ. соч., стр. 105.

³² А. П. Ковалевский. Указ. соч., стр. 138, прим. 554 на стр. 216.

кир и болгар. Знаменитый путешественник XII в. Идриси сообщает, что одежда башкир — большие (длинные) куртки, подобные болгарским³³. Башкиры и болгары, оказавшись под властью Золотой Орды, о чем сообщают Рашид-ад-дин, аль Омари, Ибн Хальдун, Казвини, «Аноним Искендера», Шереф-ад-дин Йезди, «Родословие тюрков», переживают общую историческую судьбу³⁴.

Широкие связи между Средним Поволжьем и Приуральем не прекратились и после образования Казанского ханства. Те народности и племена, которые были под протекторатом Волжско-Камской Булгарии, оказались под протекторатом Казанского ханства. До нас дошел ряд письменных источников, свидетельствующих о вхождении башкир в состав Казанского ханства. Никоновская летопись под 1469 г. сообщает следующее: «И ту прибеже к ним (русским.— Р. Ф.) ис Казани полоняник Коломнятин, сказываа им, что допólnа собрался на них царь казанской Обреим со всею землею своею, с Камскою и с Сыплинскою и с Костяцкою и с Беловоложскою и Вотяцкою и с Башкирскою»³⁵. Очевидец присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству Андрей Курбский, будучи в Казани в 1552 г., так определил этнический состав Казанского ханства: «бы кроме татарского языка, в том царстве 5 различных языков: мордовский, чувашский, черемисский, воитецкий, або арский, пятый башкирский»³⁶.

Все вышеизложенное позволяет нам отметить наличие тесных взаимоотношений между двумя соседними тюркоязычными народами Волго-Камья и Приуралья. Этногенез башкир тесно связывается с этногенезом казанских татар. Сходство языка и многих элементов материальной и духовной культуры башкир и булгаро-татар сблизило эти два тюркских народа, дружба которых испытана временем.

³³ Д. А. Хвольсон. Указ. соч., стр. 100.

³⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 2. М.—Л., 1960, стр. 72; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, стр. 236, 378; т. 2. М.—Л. 1941, стр. 91, 127, 156, 205.

³⁵ ПСРЛ, т. 12. М., 1965, стр. 122.

³⁶ А. М. Курбский. Избранные сочинения. СПб., 1902, стр. 31.

В. Н. ЯГОДИН
(Нукус)К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ХОРЕЗМА С ПОВОЛЖЬЕМ И ПРИУРАЛЬЕМ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

В материальной культуре и погребальном обряде Хорезма первых веков н. э. удается выделить ряд элементов нехорезмийского происхождения, обнаруживающих связи с севером и северо-западом. В этом отношении особый интерес представляет одно из погребений, обнаруженных на некрополе Миздахкана — одного из крупных городских центров юго-западного Хорезма. Интересующее нас погребение (раскоп III, погребение № 62) находилось в грунтовой яме с подбоем в северо-западной стене. В яме находилась погребальная камера, сооруженная из сырцовых кирпичей, в которую был поставлен глиняный саркофаг. Внутри саркофага находились сложенные кучкой, предварительно очищенные кости женщины 18—20 лет и богатый набор погребального инвентаря. Саркофаг был закрыт составной керамической крышкой, сверху густо залитой алебастром. Погребальная камера засыпана песком и обломками сырцовых кирпичей. Верхняя часть этого уникального для городской культуры Хорезма погребения полностью разрушена более поздними могилами. Анализ инвентаря погребения позволил датировать его III в. н. э.

В первые века нашей эры в Хорезме господствовал оссуарный погребальный обряд. Погребения в оссуариях инвентарем обычно не снабжались¹. Описанное захоронение резко отличается от обычных для этого времени хорезмийских оссуарных захоронений. Никаких связей не обнаруживает оно и с погребениями более раннего времени. Все это дает основания предполагать нехорезмийское происхождение погребения. Если это так, то, естественно, возникает вопрос, откуда и каким образом могло появиться подобное погребение на некрополе хорезмийского города, население которого практиковало совершенно иные погребальные обряды? Анализ инвентаря погребения, часть которого обнаруживает довольно четко направленные связи, позволяет наметить пути для решения поставленного вопроса.

Как уже отмечалось, в могильной яме погребения имеется подбой. Известно, что подбойные погребения появляются в среде кочевых племен Средней Азии в конце I тыс. до н. э. Единства мнений по поводу их происхождения пока не существует. Согласно одной точке зрения, этот тип погребений привнес в Среднюю Азию гунами²; другие связывают их появление с продвижением в Среднюю Азию сарматских племен Приуралья и сопредельных районов³. Сторонники противоположной точки зрения, наиболее полно сформулированной в работах С. С. Сорокина, считают происхождение среднеазиатских подбойных могил местными⁴. Наличие подбоя, таким образом, само по себе вопроса о происхождении интересующего нас погребения не решает.

¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 113—117.

² А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940; е го ж е. Очерк истории гунов. Л., 1951; е го ж е. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 26. М.—Л., 1952, стр. 190—193, 203—204.

³ О. В. Обельченко. Куя-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1954, стр. 16.

⁴ С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. — СА, XXVI, 1956; е го ж е. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. — СА, XX, 1954.

Некоторые предметы погребального инвентаря обнаруживают четко направленные аналогии.

Бронзовая ложка. Деталь, чрезвычайно характерная для савроматских и сарматских (почти на всех стадиях) погребений. В савроматских погребениях, по мнению К. Ф. Смирнова, они являются «наиболее характерной чертой инвентаря женских... могил. Они встречаются и в погребениях девочек. Ложки — обязательная часть инвентаря почти всех погребений жриц»⁵. К. Ф. Смирнов считает, что костяные ложечки служили для растирания и смешивания различных туалетных красок⁶. В отдельных случаях отмечаются находки бронзовых ложек. Широко были распространены костяные ложки и в погребениях прохоровской культуры, причем здесь их часто находят внутри горшков для варки пищи⁷. Отметим сразу же, что ложка в миздахканском погребении также была найдена в котле, употреблявшемся, судя по интенсивной закороченности его внешней поверхности, для варки пищи. Костяные ложки — по-прежнему одна из характерных находок в погребениях среднесарматского периода⁸.

Раковина. Подобно ложке, также весьма характерный элемент инвентаря савроматских и сарматских погребений. В савроматское время использовались для растирания и перемешивания туалетных красок⁹. Створки речных раковин неоднократно встречены в позднесарматских курганах римского времени¹⁰.

Стеклянный кувшин. Импорт из Северного Причерноморья. Производство аналогичных сосудов в III в. н. э. существовало в Танаисе и Пантикапее¹¹. Возможно, что в Хорезм сосуд попал не в результате непосредственных контактов с населением городов Северного Причерноморья, а вместе с носителями того погребального (нехорезмийского) обряда, который мы фиксируем на некрополе Миздахкана. Нелишне заметить, что широкое распространение античного импорта у сармат Нижнего Поволжья падает на среднесарматское время (I в. до н. э. — II в. н. э.)¹².

Котел. Наибольшее сходство обнаруживает с европейскими котлами так называемого «скифского типа», распространенными у савроматских племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в VI—IV вв. до н. э. По классификации К. Ф. Смирнова, это первый тип литых медных котлов¹³. Указанное сходство позволяет предполагать генетическую связь миздахканского котла с одной из групп котлов, бытовавших у савроматов вышеназванных территориальных групп.

Бронзовое зеркало. А. М. Хазанов в своей классификации сарматских бронзовых зеркал выделяет зеркала, аналогичные миздахканскому, в восьмой тип, в противовес мнению П. Рау, который считал, что они происходят с Кавказа и Кубани. Последний высказывает мысль об их восточном происхождении, указывая на наиболее ранние экземпляры их в Средней Азии и в сако-парфянском слое Таксилы¹⁴.

Для нас, однако, важно то обстоятельство, что до нашей находки подобного типа зеркала в Хорезме не были известны. В то же время они широко распространены в сарматских памятниках Восточной Европы в I—II вв. Учитывая, что большинство остальных находок в интересующем нас погребении попадает в Хорезм или через сармат Восточной Европы, или непосредственно от них, а также принимая во внимание различные дат, нам представляется правильным предполагать, что зеркало нехорезмийского происхождения.

⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 160.

⁶ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 161.

⁷ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. — МИА, 62, 1959, стр. 452.

⁸ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 488.

⁹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 254—255; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, стр. 109.

¹⁰ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 110—111.

¹¹ Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса. — МИА, 127, М., 1965, стр. 217—218.

¹² В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 200.

¹³ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 127—131, рис. 14, 8, 70А, 5, 6.

¹⁴ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, стр. 64—65.

Найденные в анализируемом погребении золотые украшения выполнены в технике так называемого «полихромного стиля» и, в силу широкой распространенности последнего, не имеют четких аналогий. Аналогии же к керамическому саркофагу направлены в мир древневосточных городских цивилизаций¹⁵.

Собственно хорезмийским в данном погребении является лишь обряд выставления трупа и последующее погребение очищенных костей умершего. Однако и здесь наблюдаются некоторые отличия. Так, хорезмийцы в оссуарий укладывали не все кости скелета, в то время как в данном погребении все кости уложены полностью.

Таким образом, в погребальном обряде данного погребения явственно проступают некоторые черты, свойственные, с одной стороны, сарматам, с другой — местному населению, хорезмийцам.

Небезынтересен в плане воздействия культуры сарматов на культуру оседло-земледельческого Хорезма и вопрос об обыче кольцевой деформации черепа. До III в. н. э. в Хорезме этот обычай практически отсутствует полностью. В оссуарном некрополе Калалы-гыр-I, датированном II — началом IV вв. н. э.¹⁶, деформированных черепов практически нет. Лишь на завершающем этапе существования некрополя (IV в.) исследователи отмечают появление двух погребений, содержащих черепа с предельно умеренной кольцевой деформацией. Следует сразу же отметить, что оба эти погребения совершены в оссуариях, в то время как все остальные погребения некрополя (а их более сотни) совершены в оссуариях. Уже это одно обстоятельство, видимо, указывает на их особый характер.

Относительно широкое распространение обычай кольцевой деформации черепа в Хорезме получает лишь в III—IV вв. Для некрополя Миздахкана этого периода мы имеем 26% деформированных черепов. Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что кольцевидно деформированные черепа на некрополях хорезмийских городов появляются в погребениях, отличающихся от обычных. Подобный случай мы имели на некрополе городища Калалы-гыр-I. На некрополе Миздахкана также отмечен наиболее ранний случай деформации в погребении, нехорезмийском по происхождению, обнаруживающем сарматские связи.

Учитывая последнее обстоятельство, а также тот факт, что кольцевая деформация у сармат Поволжья и Приуралья распространяется еще на среднесарматской стадии, не позже I в. н. э.¹⁷, можно считать, что этот обычай для части городского населения Хорезма был заимствован, вероятнее всего, у сармат. Видимо, принятие этого обычая частью оседло-земледельческого населения Хорезма было процессом сложным и не прямолинейным. Вполне вероятно, что другие группы населения Хорезма могли воспринимать этот обычай через другие каналы¹⁸.

Ряд элементов, генетически связываемых с культурой сарматов, попадая в какое-то время в хорезмийскую культурную среду, не растворялся в ней и существовал, эволюционируя на протяжении ряда веков. Подобные элементы отмечены нами в материалах некро-

¹⁵ М. М. Дьяконов. Работы Кафринганского отряда.—МИА, № 15. М.—Л., 1950, стр. 168; N. P. T o l l . The Necropolis. New Haven, 1946, стр. 95—96, рис. 3, табл. XXVII; L. W a t e r m a n . Second preliminary Report upon the Excavations at Tell Vmar, Iraq. Ann Arbor, 1933, стр. 48.

¹⁶ См. о некрополе: С. А. В я з г и н . Оссуарии с городища Калалы-гыр-I Ташауской области Туркменской ССР.—ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155; С. П. Т о л с т о в . Хорезмская экспедиция 1950 г.—СА, XVIII, 1953, стр. 315—319; С. П. Т о л с т о в . Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. М., 1958, стр. 95, 153—167; Ю. А. Р а п о р т и М. С. Л а п и р о в - С к о б л о . Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр-I в 1958 г.—«Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6. М., 1963, стр. 143, 151—156.

¹⁷ К. Ф. С м и р н о в . Сарматские племена Северного Прикаспия.—КСИИМК, 34. М., 1950, стр. 112; К. Ф. С м и р н о в . Сарматские курганые погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья.—«Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 5. М., 1947, стр. 78.

¹⁸ Т. А. Т р о ф и м о в а . Изображения эфталтских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности.—«История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

поля Миздахкана. Прежде всего, это кольцевая деформация, которая первоначально встречалась в нехорезмийском по происхождению погребении, а затем получила широкое распространение в обычных хорезмийских оссуарных погребениях до середины VII в. н. э. Впервые отмеченный в III в. н. э. в нехорезмийском по происхождению погребении подбой сохраняется вплоть до VII в. Однако в нем укладывается теперь уже не труп умершего, а хорезмийский оссуарий с предварительно очищенными костями. И, наконец, как нам удалось установить, определенная группа населения Миздахкана с III по первую половину VIII вв. придерживалась традиции погребать предварительно очищенные кости в сосудах определенного типа. Наиболее ранние сосуды этой серии сопоставимы с некоторыми формами лепных шаровидных и эллипсоидных сосудов прохоровской культуры, отнесенных в классификации М. Г. Мошковой в III отдел¹⁹. Кроме того, возможно, что в генетической связи находятся и некоторые другие формы бытовой керамики прохоровской культуры и сосуды, использованные на некрополе Миздахкана для погребения предварительно очищенных костей. В такую связь можно поставить, например, некоторые биконические сосуды из IV отдела по классификации М. Г. Мошковой²⁰ и сосуд из погребения № 114 (раскоп III) на некрополе Миздахкана. Нельзя не отметить также и широкое распространение в Хорезме II—IV вв. приема отделки сосудов путем нанесения сетчатого лощения²¹. Этот прием ранее использовался в прохоровской керамике²² и, вполне возможно, был заимствован населением оседло-земледельческого Хорезма у кочевого сарматского населения Поволжья и Приуралья.

Если наше предположение о происхождении всех перечисленных элементов верно, то, естественно, возникает вопрос о возможных путях, по которым осуществлялись сармато-хорезмийские связи. В научной литературе, как уже говорилось выше, отмечен факт связей между сарматами Поволжья и Приуралья и населением Хорезма. Исследователи, кроме того, отмечают, что для последних веков до нашей эры наблюдается усиление процесса инфилтрации сарматского населения в среду степного населения Средней Азии²³. Вполне вероятно, что открытые в последние годы курганные погребения с подбойными на юго-западных окраинах Хорезмского оазиса оставлены одним из таких сарматских по происхождению племен²⁴. Естественно предполагать, что кочевые племена, расселяющиеся в периферийных районах юго-западного Хорезма, находились в более или менее постоянных связях с населением хорезмийских городов, причем, какая-то часть степного населения оседала в них. Свидетельством этих процессов, как нам представляется, и явилось вышеохарактеризованное погребение с сарматским инвентарем на некрополе Миздахкана.

Между Нижним Поволжьем и Южным Приуральем, с одной стороны, и Хорезмским оазисом — с другой, лежит огромное пустынное плато Устюрт, ограниченное с востока и запада Аральским и Каспийским морями и являющееся своеобразным коридором, соединяющим степи Южного Приуралья и Северного Прикаспия с Хорезмским оазисом и земледельческими оазисами Южной Туркмении. В археологическом отношении эта территория изучена чрезвычайно слабо. Однако уже сейчас имеются данные о находках здесь памятников кочевого населения первых веков нашей эры²⁵.

¹⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. М., 1963, стр. 26, табл. 5, 18, 19, 20, 21.

²⁰ Там же, табл. 6, 35.

²¹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 4. М., 1959, рис. 35, 13.

²² М. Г. Мошкова. Указ. соч., табл. 5, 19.

²³ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. — «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 200—201.

²⁴ В. А. Лоховиц. Новые данные в подбойных погребениях в Туркмении. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 156 и сл.

²⁵ К. М. Скалон. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. — «Государственный Эрмитаж». Археологический сборник, вып. 2. Л., 1961; Ю. А. Рапопорт. Предварительный отчет о раскопках курганного комплекса Чаш-тепе. Рукопись. Хранится в фондах Хорезмской экспедиции АН СССР.

По своим природным условиям Устьурт, согласно палеогеографическим данным, в прошлом являлся удобным районом для развития кочевого скотоводства. Именно эта форма хозяйства практиковалась кочевавшими здесь во второй половине XIX— начале XX вв. казахами. Известно, что кочевники сезонно передвигались на большие расстояния в меридиональном направлении, что объяснялось разнообразием климата, пастбищ и условиями водоснабжения на путях перекочевков. Великолетние летние пастбища Подуральского плато зимой из-за толстого снежного покрова становились недоступными для скота, что заставляло казахов передвигаться южнее на Устьурт, где малоснежные и беснежные зимы обеспечивали пастбищами стада кочевников. Кочевники казахских родов табын и адай, зимовавшие в районах, примыкавших к Кунграду, Красноводску и Мангышлаку, к лету перекочевывали в бассейны рек Эмбы, Сагиза и Уила, а в неблагоприятные годы уходили далеко на север, где они не бывали десятки лет²⁶. По некоторым сведениям, в иные годы казахи летовали даже в бассейне р. Белой.

Сарматы, как известно, являлись кочевниками-скотоводами и были в определенной степени аналогом историческим казахам. Видимо, нет ничего невероятного в предположении о перекочевках сарматов примерно по тем же путям на Устьурте, по которым позже кочевали казахи. Если это так, то вполне вероятно, что зимовавшие у границ Хорезмского оазиса сарматы вступали в разнообразные связи с оседлым населением оазиса и даже оседали в какой-то части в хорезмийских городах.

Рассмотренный материал позволяет сформулировать два основных предположения:

1. В первые века нашей эры в культуру оседло-земледельческого населения Хорезма проникают элементы, связанные с кочевым населением степей.

2. Эти элементы, по крайней мере для Миздахкана, можно считать внесенными сарматами, кочевавшими на обширных пространствах между Южным Приуральем и Устьуртом и вступавшими в разнообразные связи с населением хорезмийских городов.

Если первый тезис можно считать бесспорным, то второй можно принять пока лишь в качестве рабочей гипотезы, поскольку любая попытка к его обоснованию встречает препятствие, обусловленное практически полной неизученностью плато Устьурт в археологическом отношении. Через эту территорию, вероятно, проходили те коммуникации, которые могли связывать кочевые племена сарматов Приуральских и Поволжских степей с городской, оседло-земледельческой цивилизацией древнего Хорезма.

ИШТВАН ЭРДЕЛИ
(Будапешт)

**ТЕОРИИ ВЕНГЕРСКИХ УЧЕНЫХ О ПОВОЛЖСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ
ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ**

Проблема происхождения венгерского народа давно волнует ученых. Разные решения этого сложного вопроса отражаются в венгерской историко-филологической литературе уже с самого конца XVIII в. Помимо теории предкавказского¹ и центральноазиатского происхождения², значительное число книг и статей излагают гипотезу о поволжском происхождении древневенгерского народа. В своем обзоре я хочу рассказать о сути самых важных аргументаций в пользу поволжской «прародины».

Фактический материал по характеру источников можно разделить на три группы: лингвистическую, историческую и археологическую.

Начнем с лингвистического материала. Пока эта группа источников разработана лучше всех; над данными венгерского языка и родственных ему языков наши языковеды трудятся сто пятьдесят с лишним лет. Конкретизировался прием, методика разработки лингвистического материала, и стали ощутимыми границы и возможности его использования.

Прежде чем приступить прямо к изложению работ языковедов относительно прародины венгров, необходимо вкратце остановиться на вопросе о прародине финно-угров вообще.

Сначала несколько слов о биогеографическом методе, применяемом для определения места формирования финно-угорской общности. Этот метод был впервые использован О. Доннером (1873), затем и Ф. Кёппеном (1886)³.

В ряде угро-финских языков целая серия названий животных и деревьев имеет одинаковый корень. Данные зоологии и ботаники (пыльцевого анализа и определения костей и т. д.) дают нам возможность иметь достаточно четкое представление об ареале распространения того или другого животного или растения. Исходя из этих данных, определяется территория тех народностей, которые называли их одинаково. Теоретически нужно исходить из такого предположения, соответственно которому не может идти речь лишь о стадильных совпадениях или случайно одинаковых словах⁴. К этому методу в свое время скептически относился Э. Мольнар, но венгерские языковеды опровергли несправедливую критику последнего. Данный метод, особенно для древнейших времен, когда, например, нельзя опираться на гидро-или, тем более, на топонимику, является единственным методом для сравнительного языкознания.

¹ T. N a i a s i — K u n. A magyarorszag kaukázusi tortenete. В сб. под редакцией L. Ligeti. Budapest, 1943, стр. 71—99.

² Э. М о л ь н а р. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. — Studia Historica, 13. Budapest, 1955.

³ Ф. К ё п п е н. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1886.

⁴ A. M a r t i n k ö. Néhány jelentéstani megjegyzés. Nyelvtudományi Értekezések, 5, 1955, стр. 81—84.

Несколько лет назад профессор Д. Ласло сделал попытку нанести данные из финно-угорских языков (названия деревьев и животных) не на современную карту распространения флоры и фауны, а на реконструктивную, с корреляцией времени ⁵. Его конечные выводы сводятся к следующему: предки восточных финнов, пермяков, венгров и обских угров обитали первоначально на территории Обско-Волжского междуречья ⁶ и отсюда расселились на восток и на запад. Гипотеза профессора Д. Ласло вызвала оживленную дискуссию, отражающуюся в ряде полемических статей на страницах журнала «Archaeologiai Értesítő». Сейчас я коснусь здесь только мнения профессора Я. Харматты, заведующего кафедрой индоевропейского языкознания Будапештского университета. Я. Харматта на основе новейшей советской археологической литературы считает, что прародину финно-угров надо искать на территории Волго-Окского междуречья ⁷. Это последний отклик, появившийся у нас в печати относительно данного вопроса. Территорию древних финно-угров с абсолютной точностью определить не удалось ⁸. На севере она, возможно, достигла истоков р. Печоры, на востоке ее граница — Уральский хребет и на западе — берег р. Оки. Не исключено, что эта территория отчасти охватила восточные склоны Урала. Южную границу определяют течения рек Камы и Белой. Расселение древних финно-угров, по мнению П. Хайду, происходило на рубеже III и II тыс. до н. э. ⁹.

Самая западная ветвь угров была ядром древневенгерского народа ¹⁰, потому что влияющие пермские языки ярче всего наблюдаются именно в венгерском.

Где же собственно располагались древневенгерские племена? Один из крупнейших венгерских языковедов, академик Д. Пайж считает, что они располагались между обскими уграми и зыряними-удмуртами, представителями пермской группы финно-угорских языков ¹¹. По мнению академика Г. Барци, древние венгры еще долго оставались в контакте с пермской языковой группой после распада угорской языковой общности в середине I тыс. до н. э. ¹². В связи с определением местожительства древних венгров в конце I тыс. до н. э. огромную важность приобретает определение распространения археологических культур, связываемых с древними предками народов указанной языковой группы. Это намного облегчило бы задачу определения прародины древних венгров.

На вопрос, где искать прародину венгров, языковеды попытались дать ответ с помощью слов, обозначающих разные деревья в венгерском языке, рассматривая их распространение.

По мнению венгерского лингвиста профессора Э. Моора, родину древних венгров, простирающуюся Левети-Этелькэз (т. е. родину IX в.), нужно искать в тех областях, где распространен вяз ¹³. Он считает, что название этого дерева не исчезло из венгерского языка и имеет финно-угорское происхождение. Территория распространения его широкой полосой охватывает значительную часть современной Татарии и Башкирии, а также и правобережную часть Поволжья. Э. Моор утверждает, что целый ряд названий деревьев, с которыми собственно древние венгры могли ознакомиться только южнее или западнее, был заимствован ими у тюркоязычных народов на территории Левети-Этелькэза. Таковы: язь, груша и терн. С этими утверждениями можно согласиться тем более, что на террито-

⁵ G y. L á s z l ó. Östörténetünk legkorábbi szakaszai. Budapest, 1961.

⁶ G y. L á s z l ó. Vяз. сов., стр. 196.

⁷ J. H a r m a t t a. Régészeti, nyelvtudomány, östörténet.— Archaeologiai Értesítő, 99, 1967, стр. 215—216.

⁸ P. H a j d ú. A magyarság kialakulásának előzményei.— Nyelvtudományi Értekezések, 2. Budapest, 1953, стр. 21.

⁹ T a m ж е, стр. 40; P. H a j d ú. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie.— «Acta Linguistica», XIV, 1964, стр. 47—82.

¹⁰ G. B á r c z i. A történeli nyelvújárkutatás.— Magyar Nyelv, XLIII, 1947, стр. 81—91.

¹¹ D. P a i s. Ny e k torzsnevünk és ami körülötte lehetett.— Nyelvtudományi Értekezések, 5, 1955, стр. 55—70.

¹² G. B á r c z i. Magyar östörténet.— Magyar Nyelv, XXXIX, 1943, стр. 281—291.

¹³ E. M o ó r. Studien zur Fruh — und Urgeschichte des ungarischen volkes.— «Acta Ethnographica», II, 1951, стр. 131—133.

рии Средней и Восточной Европы за последние 2000 с лишним лет не произошли серьезные климатические изменения, значительно повлиявшие на их флору. Э. Моор отметил еще, что родину древних венгров до Этелькёза нужно искать восточнее линии, обозначающей распространение ясеня, так как его название (*kóris*) не существовало в древневенгерском языке.

Э. Моор считает возможным, что одна группа древних венгров во время нападения печенегов в 889 г. свернула на север, и именно с их потомками встретился монах Юлиан в XIII в. выше г. Ульяновска¹⁴. Другая группа оставалась немного южнее, их потомками являются современные мешеряки. Их имя, а также целый ряд названий поволжской топонимики от корня МОЖ и МАЖ происходят от самоназвания венгров (мадьар). Это имя приняло также татарское племя мишар. Действительно, без всякого затруднения можно представить, что от корня другого венгерского племенного названия модери через форму моджеры получились русские варианты можеры, мишары и мешеряки. Все эти формы являются разновидностями венгерской основы, которая варьировалась в зависимости от конкретной этническо-языковой среды. Но это не означает и не доказывает общего происхождения всех этих весьма разных этнических групп¹⁵.

По мнению венгерского ученого К. Цегледи, отделение поволжской венгерской группы должно было произойти в более отдаленное время, чем канун завоевания новой родины¹⁶, хотя в другой работе, изданной всего несколько месяцев спустя после цитированной, относительно времени разделения венгров, поволжских и ушедших на запад, К. Цегледи предлагает менее отдаленное время. Он отмечал, что те венгры, с которыми встретился Юлиан, знали еще о своих переселившихся сородичах. Относительно локализации местожительства поволжских венгров К. Цегледи указывает район реки Черемшана¹⁷, но допускает, что они могли жить и на территории Великой Булгарии¹⁸. Основным доказательством для него является сведение Балхи (умер в 934 г.) о том, что существовали две Башкирии, т. е. Башкирия на Волге и на Дунае, жители которых одинаково названы им башкирами¹⁹. Исходя из отчета Юлиана, следует сказать, что остается некоторое сомнение относительно территории тех венгров, с которыми он встретился. В его отчете, в частности, не говорится о том, что он переходил Волгу. Как известно, это вызывает разногласия среди ученых²⁰.

Дальнейшая судьба венгров, татаро-венгерские столкновения и другие подобные вопросы не входят в наш нынешний обзор, они отражают те крупные изменения в этническом составе данной территории, которые произошли вследствие татаро-монгольского нашествия. Результатом этого вылилось то, что венгерские племена отодвинулись на восток, а позднее растворились среди башкир.

Не имея никаких других прямых свидетельств, мы должны удовлетвориться данными отчета Юлиана, записанными Рихардом, где просто сказано о том, что Юлиан нашел венгров возле большой реки (=Волги). Это не исключает, конечно, что некоторые группы венгров жили и на другом, т. е. левом берегу Волги, тем более, что расселение венгерских племен на территории Венгрии обычно охватывает оба берега реки.

Разбирая вопрос тюркизации венгров, мы также должны привести мнение ряда венгерских лингвистов.

Несомненно, что древние венгры очень тесно были связаны с каким-то тюркоязычным народом, который оказал на них весьма сильное влияние в области земледелия и оседлого

¹⁴ Э. Моор. Указ. соч., стр. 129.

¹⁵ И. Эрдели. Большая Венгрия.— «Acta Archaeologica», 13, 1961, стр. 307—320.

¹⁶ К. Сзегледу. Keleten maradt magyar töredékek. В сб. под редакцией Л. Ligeti. Budapest, 1943, стр. 154—177.

¹⁷ К. Сзегледу. Magna Hungaria. Századok, 75, 1943, стр. 277—306.

¹⁸ Там же, стр. 289.

¹⁹ Там же, стр. 177—278.

²⁰ J. Peregnyei. Magna Hungaria kérdéséhez.— Magyar Nyelv, Lv, 1959, стр. 385—391, 488—499.

животноводства²¹, но венгерским языковедам до сих пор не удалось точно показать, кто был этот загадочный тюркоязычный народ, волжские болгары или хазары?

Венгерские этнографы предполагают, что азиатские мотивы венгерских народных сказок появились у венгров через посредство волжских болгар. Не исключено, конечно, и посредничество других тюркоязычных народов²².

Древнейший слой заимствованных тюркских элементов в венгерском языке говорит о том, что они уже до 460 г. н. э. (т. е. до передвижения савир) имели связь с каким-то тюркоязычным народом, вероятно, где-то в Прииртыше, около устья р. Тобол. Не исключено, что этот народ есть загадочные динлины²³ или, как считал М. Жирай, огуры²⁴. Этот контакт, результатом которого является ряд общих слов в угорских языках (главным образом термины коневодства²⁵, а также некоторых других слов, например, венгерское слово *ír* «писать» ср. хант. *iéri*; венгерские слова, обозначающие лебедя, бобра и т. д.²⁶), имел место

довольно рано, во второй половине I тыс. до н. э., накануне окончательного распада угорской общины. По мнению М. С. Кишпала, место данного контакта определяется территорией Западной Сибири. Л. Лигети этот процесс представляется довольно сложным: он считает, что древние венгры, отделившись от предков обских угров на западе от Урала, перешли затем, около начала I тыс. н. э., на восточные его склоны, в Прииртыше. Затем, уже в V в., под натиском волн тюркских народов они передвинулись по полосе лесостепи снова на запад²⁷. Согласно его мнению, не исключено, что древние венгры входили в состав племенного союза *tie-lö* (-телесцев).

Относительно вопроса родства древних венгров и обских угров мнение венгерских ученых не во всем совпадает. Языковое родство при этом, конечно, не отрицается. В Советском Союзе эту проблематику очень хорошо представляют по работам Л. Штейница и В. Н. Чернецова. Мы коснемся этого только вкратце.

Академик Г. Лако, языковед, полагает, что предки лопарей, а также и обских угров (ханты и манси), были по своему происхождению самодийскими племенами, которые спустя длительное время после распада древнего финно-угорского единства снова попали в близость финно-угорского пранарода и переняли его язык, но до сих пор сохранили много черт старого самодийского языка²⁸.

Мнение Г. Лако во многом совпадает с результатами исследований венгерского этнографа, профессора Дебреценского университета Б. Гунды, который также подчеркивал значение палеосибирского субстрата в культуре и в антропологии обских угров²⁹. Основной вопрос заключается в том, когда и каким образом, а также и на какой территории приняли угорский язык предки обских угров, представители древнего субстрата? Несомненно, что это происходило несколько южнее их современного местожительства³⁰.

Как видно из вышесказанного, вопросами поволжского происхождения венгров главным образом занимались филологи. Археологи в основном или пересказывали мне-

²¹ L. Ligeti (Ред.) *A magyarság őstörténete*. Budapest, 1943, срр. 58; L. Ligeti. *Az uráli magyar őshaza*. Budapest, 1943, стр. 36—70.

²² Gyula Kó. *Az őstörténeti vita tanulságai*. — «Nyelvtudományi Értekezések», 5, 1955, стр. 85—93.

²³ M. Sz. Kispál. *Ugor-török érintkezés*. — «Nyelvtudományi Közlemények», 53, (1951) 1952, стр. 49—64.

²⁴ M. Zsigai. *Finnugor rokonságunk*. Budapest, 1937, стр. 97.

²⁵ Там же, стр. 61.

²⁶ M. Sz. Kispál. *Указ. соч.*, стр. 50—53.

²⁷ L. Ligeti. *Указ. соч.*, стр. 67—68.

²⁸ Gyula Kó. *Указ. соч.*, стр. 93.

²⁹ B. Gunda. *A néprajz és a magyar őstörténet*. В сб. под редакцией Л. Лигети. Budapest, 1943, стр. 208—222.

³⁰ J. Gulya. *Egy és más a-ni főnévi igenév körül*. — «A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei», XXII, 1968, стр. 280—287.

ния последних ³¹, или, в лучшем случае, старались творчески разработать лингвистический материал. Это главным образом объясняется тем, что до последнего времени ученые не располагали массовым сравнительным материалом.

Кроме вышеназванного, следует еще привести мнение Н. Феттиха, который после исследований в 1935 г. в Казани, Перми и других городах следующим образом ответил на ряд вопросов. По его мнению, древние венгры только в 822—826 гг. прибыли в Леведию «с востока» ³² и стали участвовать в военных делах хазар. Где они обитали до этого? Это является центральным и по существу важнейшим, именно археологическим, вопросом праистории венгров; ведь о более отдаленных временах письменные источники ничего не говорят. Н. Феттих истолковал вслед за В. Арендтом ³³ случайные находки 1904 г. из с. Танкеевки ³⁴ как самые близкие типы к древневенгерским накладкам IX в. Большую реку, упоминаемую в отчете о поездке Юлиана, Н. Феттих отождествляет с р. Камой ³⁵.

Чтобы объяснить родство и, возможно, общее происхождение металлических изделий, найденных в Венгрии и в Поволжье, предстоит сравнение комплексов из раскопок А. П. Шилова в Заволжье, а также из полевых работ М. Х. Садыковой близ дер. Старое Мусино, Н. А. Мажитова — из разных мест южной Башкирии и других с венгерскими. Это должно пролить свет на вопрос, где были мастерские, изготавливавшие металлические предметы для кочевников-венгров, башкир и печенегов, каков «международный» круг распространения сходных типов ювелирного искусства. Находки из древнемордовских и древнемарийских могильников X в. (Крюково — Кужновский и Веселовский) дали определенный толчок для данной работы ³⁶.

Решение вопроса о пребывании древних венгров в Поволжье мы можем ожидать от широко развернувшихся археологических работ на территории Татарии и отчасти Башкирии. Тут имеется в виду свидетельство тех материалов, которые добыты прежде всего при раскопках Танкеевского могильника. Внимание венгерских археологов и историков приковано к разработке и результатам этих очень важных исследований, которые должны оправдать наши надежды относительно правильного ответа на вопрос, где же на самом деле была прародина венгров, где они жили после отселения от предков обских угров? Вероятно, это было на Волге, где некоторое время они находились даже в составе Волжской Болгарии ³⁷ вплоть до переселения на берег Дона, по-видимому, в самом конце VIII в.

³¹ G. N a g y. A honfoglalók.— «Ethnographia», XVIII, 1907, стр. 257—268, 321—339.

³² N. F e t t i c h. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn.— «Archaeologia Hungarica», XXI. Budapest, 1937, стр. 24.

³³ V. A r e n d t. Studia Levedica.— «Archaeologia Hungarica», XVI. Budapest, 1934, стр. 74.

³⁴ N. F e t t i c h. Указ. соч., стр. 36, 49.

³⁵ Т а м ж е, стр. 37.

³⁶ I. D i e n e s. A karancslapujtói honfoglalás kori öv és mordvinföldi hasonmása.— «Archaeologia Értesítő», 91, 1964, стр. 18—40.

³⁷ G y. N é m e t h. Magyar törzsnevek a baskiroknál.— «Nyelvtudományi Közlemények», LXVIII, 1966, стр. 35—50.

А. Г. ПЕТРЕНКО
(Казань)ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ

За последние годы в результате археологических раскопок, проведенных сотрудниками Башкирского филиала АН СССР Н. А. Мажитовым, А. Х. Пшеничником, был получен довольно значительный остеологический материал животных, который к настоящему времени нами обработан и представлен 12-ью памятниками. Это Биктимировское, Охлебининское и Шиповское городища, Охлебининский могильник — памятники, принадлежащие к кара-абызской культуре, и ряд могильников: Каранаевский, Лагеревский, Старо-Халиловский, Кушулевский, Ишимбаевский, Мрясимовский, Юкал-лекулевский, Бирский. Как видно из вышесказанного, археологические памятники, давшие остеологический материал, имеют довольно различную датировку и охватывают интервал времени более одного тысячелетия. Если объем исследованного материала из кара-абызских памятников, а это в основном «кухонные остатки», довольно значителен и позволяет судить с достаточной степенью достоверности о специфике животноводства и охоты в хозяйстве населения, оставившего нам эти памятники, то костный материал из могильников дает нам известное представление о духовной стороне жизни людей и представляет собой не меньший интерес.

По Биктимировскому городищу из просмотренных 3 тыс. костей определено 1500. Определено проводилось по штыкам: 2—6 и 7—12 (табл. 1).

2—6 штыки соответствуют пьяноборскому времени, а 7—12 — ананьинскому. В нижних слоях Биктимировского городища преобладают кости домашних сельскохозяйственных животных, причем, как видно из статистических данных (табл. 1), мясо лошадей и крупного рогатого скота было основным продуктом питания; значительно меньшую роль в хозяйстве имели овцы и свиньи. Около 50% диагностированных костей лошади принадлежали молодым особям — до 5 лет. Кости диких животных представлены немногочисленно и позволяют говорить о том, что охота в жизни населения городища не имела в ранний период существования памятника ведущей роли.

Верхние слои, синхронные пьяноборскому времени, дают существенно иные данные по процентным соотношениям особей домашних и диких животных (табл. 1). Резкое увеличение костей диких животных (45,9% от общего числа) говорит о значительно возросшей роли охоты, в основном на диких пушных животных, например на бобра (324/33). Причем возрастные данные на костях этого вида (в основном это особи до 3-х лет) говорят о том, что, несмотря на значительное истребление, численность бобра в то время по берегам рек лесостепной Башкирии была весьма значительной. Как видно, шкурки этого зверя высоко ценились и являлись основным продуктом обмена. Хорошая сохранность костей бобра говорит о том, что мясо его не употреблялось в пищу. Из других диких видов сравнительно часты в этой части слои кости пушных хищников, таких, как выдра, рысь, лиса, барсук.

Культурный слой Охлебининского городища менее мощный (табл. 2), из него просмотрено 2 тыс. костей, определено свыше тысячи. Значительное увеличение количества костей диких видов в верхней части слоя подтверждает ранее высказанную мысль о значительно

Таблица 1

Результаты определения костных остатков животных из Биктимировского городища

Вид	Штык 7—12				Штык 2—6			
	кости		особи		кости		особи	
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
Крупный рогатый скот	41	8,8	10	11,7	82	7,7	10	7,5
Мелкий рогатый скот	143	31,0	18	21,2	175	16,4	23	17,3
Свинья	118	25,6	17	20,0	162	15,2	19	14,2
Лошадь	108	23,4	13	15,3	242	22,7	20	15,0
Лось	5	1,1	4	4,7	10	0,8	3	2,2
Косуля	7	1,5	3	3,5	5	0,4	2	1,5
Сайга	1	0,2	1	1,2	—	—	—	—
Кабан	3	0,7	1	1,2	1	0,1	1	0,8
Медведь	3	0,7	3	3,5	5	0,4	3	2,2
Лиса	3	0,7	3	3,5	3	0,3	1	0,8
Барсук	—	—	—	—	3	0,3	1	0,8
Выдра	—	—	—	—	3	0,3	3	2,2
Рысь	—	—	—	—	2	0,1	2	1,5
Бобр	19	4,1	6	7,1	324	30,4	33	24,9
Сурок	—	—	—	—	1	0,1	1	0,8
Заяц	3	0,7	2	2,4	32	3,0	7	5,3
Птицы	7	1,5	4	4,7	10	0,8	2	1,5
Рыбы	—	—	—	—	6	0,5	2	1,5
Итого	461	100	85	100	1066	100	133	100

возросшей роли охоты на бобра. Данные анализа по домашним сельскохозяйственным животным говорят о значительно возросшей роли мелкого рогатого скота в питании населения. Численность свиных костей позволяет судить об оседлом образе жизни людей, оставивших эти памятники. Результаты определения возраста особей отдельных видов говорят о том, что лошади на мясо забивались в 7—8 лет, крупный рогатый скот — значительно старше 3 лет, овцы — большей частью (60%) до 2-х лет, свиньи (70%) — до 1—1,5 лет. Что касается костных остатков из Шиповского городища, то, несмотря на культурную близость с двумя вышеописанными памятниками и сходные природные условия, обнаружены явные отличия в соотношении как домашних, так и диких животных. Незначительное присутствие в остатках костей свиньи и преобладание остатков лошадей, мелкого рогатого скота — есть вероятное свидетельство различий в жизненном укладе (табл. 3).

Своеобразие остеологических особенностей из памятников кара-абызской культуры еще более усиливается при рассмотрении материала по Охлебининскому могильнику. Из 40 погребений, в которых представлены кости животных, диагностированы остатки мелкого рогатого скота, свиньи, крупного рогатого скота, зайца. Подавляющее большинство могильных ям сопровождают только кости мелкого рогатого скота (28 погребений). Видовое сочетание и характер присутствия костей представлены своеобразно. В основном это

Таблица 2

Результаты анализа костных остатков животных из раскопок Охлебининского городища

Вид	Штык 2—3—4				Штык 5—6				
	кости		особи		кости		особи		
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	
Млекопитающие	Лошадь	253	28,5	9	10,2	61	78,2	4	28,6
	Крупный рогатый скот	84	9,5	5	5,7	4	5,1	2	14,28
	Мелкий рогатый скот	337	38,0	36	41,0	3	3,9	2	14,28
	Свинья	85	9,6	8	9,1	1	1,3	1	7,13
	Собака	3	0,3	1	1,1	4	5,1	1	7,13
	Лось	10	1,1	2	2,3	1	1,3	1	7,13
	Косуля	5	0,6	2	2,3	—	—	—	—
	Медведь	13	1,5	2	2,3	—	—	—	—
	Лиса	1	0,11	1	1,1	1	1,3	1	7,13
	Волк	1	0,11	1	1,1	—	—	—	—
	Бобр	74	8,3	10	11,0	2	2,5	1	7,13
	Выдра	1	0,11	1	1,1	—	—	—	—
	Заяц	3	0,3	1	1,1	—	—	—	—
	Барсук	1	0,11	1	1,1	—	—	—	—
	Куница	1	0,11	1	1,1	—	—	—	—
	Птицы	Журавль	2	0,23	2	2,3	—	—	—
Лебедь		2	0,23	1	1,1	—	—	—	—
Неопредел		2	0,23	—	—	—	—	—	—
Рыбы	Осетр	2	0,23	2	2,3	—	—	—	—
	Сом	2	0,23	2	2,3	2	1,3	1	7,13
	Неопредел	5	0,5	—	—	—	—	—	—
Итого	887	100	88	100	78	100	14	100	

либо одна задняя конечность барана и свиньи, либо только барана. В трех погребениях встречены интересные сочетания: один астрагал барана и большеберцовая кость зайца либо один астрагал свиньи и кость зайца.

Другое дело ритуальные костные остатки животных из ранних башкирских курганов конца I тыс. н. э. Одной из своеобразных черт погребального обряда являются захоронения с умершим черепа и костей ног лошади.

Как правило, при определении ритуальных остатков из могильников важно не только диагностирование вида животного, но и естественный анатомический порядок костей, строго постоянная принадлежность их только к какой-то определенной части тела. И вот тому яркий пример. Танкеевский могильник в Татарии, Бирский и ряд ранних вышеперечисленных курганов в Башкирии. В захоронениях один и тот же вид ритуального

Таблица 3

Результаты анализа костных остатков животных из раскопок Шиповского городища

Виды	Штык 1				Штык 2				Штык 3			
	кости		особи		кости		особи		кости		особи	
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
Лошадь	29	35,8	3	25	108	43,4	6	33,3	148	49,8	8	30,7
Крупный рогатый скот	15	18,5	3	25	67	20,9	5	27,75	34	11,5	3	11,6
Мелкий рогатый скот	30	37,04	3	25	71	28,5	5	27,75	78	26,2	6	23,1
Свинья	—	6,2	1	8,4	—	—	—	—	18	6,1	3	11,6
Собака	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лось	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1,35	1	3,8
Косуля	—	—	—	—	1	0,4	1	5,6	—	—	—	—
Медведь	1	1,23	1	8,3	—	—	—	—	6	2,02	2	7,7
Бобр	1	1,23	1	8,3	2	0,8	1	5,6	8	2,7	2	7,7
Лиса	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,33	1	3,8
Итого	81	100	12	100	249	100	18	100	297	100	26	100

животного — лошадь. Но в Танкеевском могильнике удивительно постоянный ритуальный комплекс: захоронение черепа и нижнего отдела 4 конечностей вместе со шкурой, причем возрастные данные фиксируют постоянный возраст лошадей — 5–6 лет.

Что касается остеологических комплексов из ранних курганов Башкирии, то здесь момент захоронения костей со шкурой не зафиксирован. Это либо отдельно череп и бедренные кости ног, либо просто бедренные. В Бирском же могильнике мы находим черты ритуальных остатков как Танкеевского могильника, так и курганов. Морфологический же тип лошадей во всех могильниках один и тот же — «степной среднеазиатский»¹, отличный от мелкой лесной лошадки, бытовавшей в хозяйствах населения Среднего Поволжья вплоть до начала I тыс. н. э.

¹ В. О. В и т т. Лошади Пазырыкских курганов.— СА, 16, 1952.

Е. А. ХАЛИКОВА
(Казань)

**ОБЩИЙ КОМПОНЕНТ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРСКОГО
ПРИУРАЛЬЯ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В VIII—X вв.**
(по материалам погребального обряда могильников)

VIII—X вв. — важнейший этап в этнической истории Среднего Поволжья и Приуралья. В это время формируется этнический состав населения Волжской Булгарии и впервые становятся известными по письменным источникам древнебашкирские племена. В последние годы в Среднем Поволжье и на территории Башкирии исследован ряд могильников этого времени, которые имеют значительное сходство и свидетельствуют об общности этнических процессов на той и другой территории.

Среди могильников Среднего Поволжья VIII—X вв. (I и II Б. Тарханские, Кайбельский, Куйбышевский, Кокрятский, Тетюшский и др.) с наибольшей полнотой изучены Танкеевский в Куйбышевском районе Татарии, где вскрыто более 800 погребений IX—X вв. и несколько десятков мусульманских захоронений, Б. Тарханский, в котором исследовано 358 могил VIII—IX вв.¹ Для обоих могильников характерен близкий погребальный обряд. Могильники грунтовые, без сохранившихся внешних признаков. Захоронения совершены в довольно длинных (в большинстве случаев — 220—250 см) и глубоких (100—150 см) могильных ямах, как правило, простой конструкции, иногда с заплечиками и подбоями (35% могил в Б. Тарханском и 5% в Танкеевском). Отмечены следы гробовищ. Преобладает западная ориентировка погребенных. В изголовье часты остатки погребальной пищи — глиняные или деревянные сосуды и отдельные кости домашних животных. В 62 захоронениях Б. Тарханского могильника (17%) и в 46 могилах Танкеевского (6%) у ног или над ногами погребенных обнаружены своеобразные комплексы конских костей — череп и кости ног. Близки набор и расположение сопровождающего инвентаря покойников в обоих памятниках, хотя в целом вещевой инвентарь Танкеевского могильника более разнообразен и богат. Есть и некоторые отличия. В Б. Тарханском могильнике не найдены серебряные лицевые покрытия — маски (в Танкеевском — 19 случаев) и не прослежен поминальный обряд, столь характерный для Танкеевского могильника, где в верхних слоях над могилами и между ними встречены остатки поминальных жертвоприношений в виде костей домашних животных и сосудов. Тем не менее общие элементы в обряде погребения свидетельствуют о наличии в составе танкеевского и больше-тарханского населения родственных этно-культурных групп. Это подтверждается близким составом керамики обоих могильников: круговые кувшины, в основной массе связанные своим происхождением с южным салтовским культурным кругом, лепные плоскдонные горшки и круглодонные лепные сосуды, иногда с органическими примесями в тесте, довольно близкие по форме и орнаменту. Соотношение указанных категорий посуды в могильниках разное, по-видимому, и удельный вес отдельных этнических компонентов, вошедших в состав тарханского и танкеевского населения, там и здесь был неодинаков.

Анализ деталей погребального обряда, керамики и прочего инвентаря Танкеевского могильника свидетельствует о преобладающей роли племен Прикамья и башкирского При-

¹ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

уралья в формировании танкеевского населения. Не останавливаясь в данном случае на параллелях, имеющих на Чепце, Вехней Каме и Сылве, обратимся к аналогиям в погребальном обряде синхронных и предшествующих памятников Башкирии.

Могильники с чертами погребального обряда, близкими описанному выше, появляются в башкирском Приуралье в середине I тыс. н. э. Прежде всего следует отметить в этом отношении труположения Кушнаренковского могильника. Довольно глубокие (до 165 см) и длинные (до 280 см) могильные ямы, иногда с подбоями и заплечиками, сосуд и кости лошадей и коров — остатки погребальной пищи — в изголовье погребенных, фрагменты гробовищ и, наконец, наличие такой специфической черты обряда, как захоронение головы и ног коня в отдельных могильных ямах, сближают эти погребения с тарханскими и танкеевскими. Появление их в Кушнаренковском могильнике большинство исследователей связывает с проникновением на территорию центральной и северной Башкирии в середине I тыс. н. э. новых племен, принадлежавших, по заключению М. С. Акимовой, к европеоидному стволу². Ряд археологов склонен относить описанные элементы обряда за счет включения в состав населения, оставшегося могильник, представителей турбаслинских племен, которым был присущ обряд труположения в длинных и глубоких могильных ямах, иногда с подбоями и заплечиками³. В этой связи интересно напомнить, что в кургане № 4 Ново-Турбаслинского могильника в засыпи могильной ямы был найден череп коня⁴. Включением того же или близко родственного населения в состав позднебахмутинских племен объясняется появление аналогичного комплекса признаков и в погребальном обряде поздних захоронений Бирского могильника VI—VII вв. — глубокие могилы, иногда сложной конструкции с подбоями и заплечиками, кости животных и сосуды в изголовье и, что особенно важно, захоронение между погребениями в верхних слоях могильника характерных жертвенных комплексов, состоящих из костей четырех ног и хвоста лошади, лежавших вместе в анатомическом порядке⁵. Аналогичные бирским комплексы костей домашних животных между погребениями, связанные с поминальным обрядом, отмечены и в Уфимском могильнике VI—VII вв. на месте медицинского института⁶.

Особенно близок Танкеевскому могильнику Стерлитамакский (Левашовский) VIII—IX вв., относимый одними исследователями к позднему турбаслинскому памятнику⁷, другими — к кушнаренковской культуре⁸, третьими — связываемый с салтовским культурным кругом⁹. Он сходен с Танкеевским по преобладающей западной ориентировке погребенных, размерам и глубине могильных ям, набору и расположению вещевого инвентаря. В мужских погребениях встречены поясные наборы, сабли, топоры, наконечники стрел, в ногах у погребенных — удила и стремена, в женских — близкие танкеевским серьги салтовского типа с напускными бусами, браслеты, перстни, коньковые шумящие и флаконовидные подвески. Близ одного из богатых мужских погребений был найден жертвенный комплекс из черепа лошади и костей коровы¹⁰. В двух погребениях зафиксирована важная и специфичная деталь погребального обряда — лицевые маски: в одном слу-

² М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, стр. 69.

³ Г. И. Матвеева. Некоторые итоги изучения памятников I тысячелетия н. э. в Центральной Башкирии. — В УАС. Сыктывкар, 1967, стр. 56; С. М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э. — СА, 1, 1968, стр. 69.

⁴ Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. — Башкирский археологический сборник, Уфа, 1959, стр. 119.

⁵ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 29; е г о ж е. Об этническом составе населения северной Башкирии в конце I тысячелетия н. э. — Итоговая научная сессия ИИЯЛ БФАН СССР за 1967 г. Уфа, 1968, стр. 49.

⁶ Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э. — КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 126.

⁷ Г. И. Матвеева. Указ. соч., стр. 55.

⁸ С. М. Васюткин. Указ. соч., стр. 59, 70.

⁹ Р. Б. Ахмеров. Могилики близ г. Стерлитамака. — СА, XXII, 1955, стр. 166;

А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. — МИА, № 58, стр. 49.

¹⁰ Р. Б. Ахмеров. Могилики близ г. Стерлитамака, стр. 159.

чае овальные наглазники из тонких серебряных пластин¹¹, в другом — золотые¹². В изголовье погребенных обычны сосуды и кости коров и лошадей. Среди шести сосудов, описанных Р. Б. Ахмеровым, имеется леной одноручный кувшин¹³ и два тонкостенных круглодонных сосуда кушнаренковского типа со следами лощения и резным орнаментом¹⁴, аналогичные некоторым сосудам Танкеевского могильника.

Не исключено, что Стерлитамакскому, а следовательно, и Танкеевскому могильникам близок могильник VIII в. у д. Иткучуково в Мелеузовском районе Башкирии¹⁵. Здесь в ногах у погребенного, ориентированного головой на запад, были найдены череп и лавашие под ним кости ног лошади, а также удила с эсовидными псалмиями, стремя и украшения сбруи. Интересные находки были сделаны в могильнике у д. Каскиново в Кузинском районе Челябинской области, у восточных границ Башкирии. Среди обнаруженных здесь вещей VIII—IX вв. — маска с прорезями для глаз и рта¹⁶.

Приведенные аналогии в памятниках, предшествующих по времени Танкеевскому могильнику, свидетельствуют о том, что один из компонентов, принявших участие в формировании танкеевского населения, был связан происхождением с районами башкирского Приуралья. Близкая этно-культурная группа участвовала, по всей вероятности, и в сложении тарханского населения.

В IX—X вв. в составе населения Волжской Булгарии и башкирского Приуралья продолжали жить отдельные родственные группы населения. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствуют материалы синхронного Танкеевскому Кушелевского могильника. В отличие от большинства могильников Башкирии данного времени он не курганный, а грунтовый. Преобладает западная ориентировка погребенных. На дне могилы, вскрытой в 1957 г. А. П. Шокуровым, расчищены череп и кости ног лошади. Близок танкеевскому и набор погребального инвентаря¹⁷, в частности, немногие найденные в могилах сосуды, небольшие круглодонные, с невысоким горлом, украшенные оттисками веревки и гребенчатого штампа¹⁸, идентичны отдельным танкеевским.

Значительную группу среди памятников Башкирии VIII—X вв. составляют открытые в последние годы курганные могильники — Мрясимовский, Каранаевский, Хусайновский, Муракаевский и другие, связываемые рядом исследователей с новой волной кочевников. В погребальном обряде этих могильников имеются близкие танкеевским черты — черепа и кости ног коней рядом с могильными ямами, а иногда (один из Мрясимовских курганов) и непосредственно на дне могилы в ногах у погребенного. Отмечается известная близость в инвентаре и некоторых типах керамики (например, кушнаренковский тип; круглодонные сосуды с веревочным орнаментом по невысокому горлу)¹⁹. Однако курганный обряд захоронения, отличие в ряде случаев антропологических материалов, характеризующихся четко выраженной монголоидностью²⁰, проводят достаточно резкую грань между этими могильниками и памятниками танкеевского облика. Наблюдающиеся общие черты объясняются, по всей вероятности, контактами пришлых кочевников с населением Башкирии, о котором шла речь выше. Последнее, возможно, частично влилось в их состав.

Какова же этническая принадлежность указанного общего компонента в составе населения Среднего Поволжья и башкирского Приуралья VIII—X вв.? Важными для реше-

¹¹ П. Ф. И щ е р и к о в. Аланский могильник близ Стерлитамака. — КСИИМК, 47, 1952, стр. 82.

¹² Р. Б. А х м е р о в. Могильник близ г. Стерлитамака, стр. 159, 167.

¹³ Т а м ж е, стр. 164.

¹⁴ Т а м ж е, стр. 175, табл. X (3, 4).

¹⁵ В. Д. В и к т о р о в а. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в южной Башкирии. — ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962, стр. 166.

¹⁶ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, № 337.

¹⁷ И. Э р д е й и. Большая Венгрия. — «Acta Archaeologica Hungarica», т. 13, 1961, стр. 313.

¹⁸ Н. А. М а ж и т о в. Башкортостан археологияны. — Офа, 1968, стр. 135.

¹⁹ Н. А. М а ж и т о в. Керамика памятников VIII—X вв. на Южном Урале. — В УАС.

Сыктывкар, 1967, стр. 58.

²⁰ М. С. А к и м о в а. Указ. соч., стр. 75.

ния этого вопроса могут оказаться аналогии погребальному обряду Танкеевского и близких ему памятников, наблюдаемые далеко от Волги и Приуралья, на территории Паннонии, в венгерских могильниках IX—X вв.

Одной из характернейших черт погребального обряда венгров эпохи завоевания родины является захоронение с умершими головы и ног коня²¹. Этот обычай отмечен во многих венгерских могильниках X в. (Кенезлэ I и II, Еперешке, Башхалом, Безед, Кецель и др.) и связан с появлением в Паннонии в конце IX в. пришлого с востока населения. Обычно череп и кости ног коня, иногда вместе с металлическими деталями упряжи — удилами, подпругными пряжками, стременами, лежат на дне могил в ногах у погребенных. Изредка они располагаются в засыпи могильных ям над покойником. Рассматривая случаи захоронения головы и ног коня выше дна могильных ям, в частности, в погребении близ г. Клужа, Г. Ласло пишет о том, что голова и ноги коня иногда зарывались не одновременно с покойником, а спустя некоторое время после погребения²². Эта деталь погребального обряда венгров может быть сопоставлена с поминальным обрядом, прослеженным в Танкеевке и ряде могильников Башкирии.

Не менее важна для этнических сопоставлений еще одна очень специфичная общая черта в обряде — применение погребальных масок. В одном из погребений могильника Тисаэслар-Башхалом II на черепе скелета был найден кожаный лоскут с наложенными на него тонкими серебряными пластинами, которые отмечали глаза и рот. Подобные пластинки обнаружены и во многих других могильниках эпохи завоевания венграми родины — в Пилин, Ноградкешёд, Кенезлэ, Безед, Орошхазы и др.²³ Назначение венгерских, танкеевских, стерлитамакских масок одинаковое²⁴ и свидетельствует об общности религиозных представлений населения.

В совокупности с указанными параллелями приобретают значение и другие аналогии в погребальном обряде рассматриваемых могильников: грунтовый характер захоронений, остатки гробовищ, западная ориентировка погребенных, близкий набор и расположение вещевого инвентаря.

Языческий погребальный обряд является, как известно, одним из надежных этнических признаков. Он, по справедливому замечанию А. П. Смирнова, не может экспортироваться, не может сложиться лишь под влиянием извне²⁵ и всегда связан с его конкретными носителями. Учитывая сходство в обряде погребения отмеченных могильников Башкирии, Среднего Поволжья и Паннонии, мы должны будем признать, что в составе населения башкирского Приуралья, Волжской Булгарии и складывавшегося одновременно с ней Венгерского государства в IX—X вв. был общий этнический компонент, связанный своими корнями с территорией Западного Приуралья, где он появляется в середине I тыс. н. э. Это могли быть угро-мадьяры, ибо с ними связывают обычно археологи описанные венгерские могильники IX—X вв. В таком случае получит археологическое подтверждение свидетельство венгерского монаха Юлиана,шедшего накануне монгольского нашествия единоплеменников — венгров в соседстве с волжскими булгарами²⁶. Не исключено, однако, что это были турки, так как известно, что в составе венгерского союза племен в X в. была значительная группа тюркоязычного населения²⁷, и некоторые исследо-

²¹ L á s z l ó G. A Honfoglaló magyar nép élete. Budapest, 1944, стр. 453.

²² Там же, стр. 486.

²³ J. D i e n e s. Über ein aus der ugrischen Zeit stammendes Element der Bestattungs-sitten der landnehmenden Ungarn.— «Archaeologiai Értesítő», 90, 1963, стр. 111.

²⁴ Е. П. К а з а к о в. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника.— «Ученые записки ПГУ», № 191. Пермь, 1966, стр. 238—239.

²⁵ А. П. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 62.

²⁶ С. А. А н и н и с к и й. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе.— «Исторический архив», т. 3. М.—Л., 1940, стр. 81.

²⁷ Э. М о л ь н а р. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955, стр. 134.

ватели полагают, что завоевание в конце IX в. привело в Паннонию лишь тюркские и иранские племена ²⁸. Во всяком случае, оба названные компонента не могут не учитываться, когда речь идет о памятниках стерлитамакско-танкеевского типа.

²⁸ Csallány D. A Nyiregyházi Y Jósá András Múzeum Évkönyve, VIII—IX. Budapest, 1967, стр. 55—56.

Е. П. КАЗАКОВ
(Казань)

О БАШКИРО-ПРИУРАЛЬСКОМ КОМПОНЕНТЕ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

(на материале керамики)

В материальной культуре ранней Волжской Болгарии имеется немало общего с культурой населения Башкирии второй половины I тыс. н. э. Особенно наглядно это прослеживается в вещевом комплексе наиболее значительного и широко исследованного памятника IX—X вв. в Среднем Поволжье — Танкеевского могильника. Преобладающая часть глиняных сосудов, из 425 найденных в могильнике, состоит из лепной круглодонной посуды, имеющей аналогии в посуде из памятников I тыс. н. э. Приуралья и Прикамья. Подобная керамика не имеет местных корней, так как появилась здесь только в раннеболгарский период и резко отличается от грубой, лепной, плоскодонной посуды именьковцев, господствующих здесь до прихода болгар.

На могильнике выявлен ряд погребений с глиняной посудой, имеющей полные аналогии в памятниках Башкирии второй половины I тыс. н. э. (табл. I, 1—6; табл. II). В отличие от остальной прикамской чашевидной посуды данная керамика обычно имеет шаровидную или бомбовидную форму тулова и суженное, чаще всего высокое, горло. Кроме того, для этих сосудов характерны тонкостенность и специфический орнамент. В глиняном тесте их мало примесей раковин; чаще — песок или же органические остатки.

Среди этой керамики следует отметить небольшой с шаровидным туловом и цилиндрической шейкой сосудик с веревочно-гребенчатой орнаментацией (табл. I, 4), найденный в поминальном комплексе в поверхностном слое одного из участков и имеющий аналогии в керамике Кушувлевского могильника IX—X вв.¹

В погребении 170 найдены обломки сосуда с ребристым туловом, украшенным беспорядочно расположенными оттисками гребенки. Подобная керамика имеется в Кансырском городище².

В ряде погребений Танкеевского могильника встречены сосуды с суженой раструбовидной шейкой, украшенные по шейке и верхней части тулова рядами ямок, иногда сочетающимися с другими видами орнамента (табл. I, 1, 2, 5; погр. 288, 346, 493, 694, раскоп 5 уч. 5). В тесте их — примесь органических остатков. Форма и орнамент некоторых из сосудов (табл. I, 2) находят аналогии в керамике поздних погребений Бирского могильника³. По форме к таким сосудам близок экземпляр из погребения 504 и ряда других захоронений. Истоки такой керамики, по-видимому, следует искать в Сибири⁴.

Наиболее четко в Танкеевском могильнике выделяется кушнарненковский тип керамики (погр. 169, 210, 475, 531; табл. II). Эти сосуды чрезвычайно стандартны по технике изготовления, форме и орнаментации. Особенно характерна орнаментация, состоящая из поясков тонких линейных или фестонобразных резных линий по шейке и верхней части

¹ Н. А. М а ж и т о в. Отчет о раскопках Кушувлевского могильника. — Архив ИА АН СССР, Р-1, 2531 а, рис. 43.

² Н. А. М а ж и т о в. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 154, табл. 33, 7, 11.

³ Т а м ж е, стр. 146, табл. 25, 3, 4, 7 и др.

⁴ М. П. Г р я з н о в. История древних племен Верхней Оби. — МИА, 48, 1956, табл. XI, II.

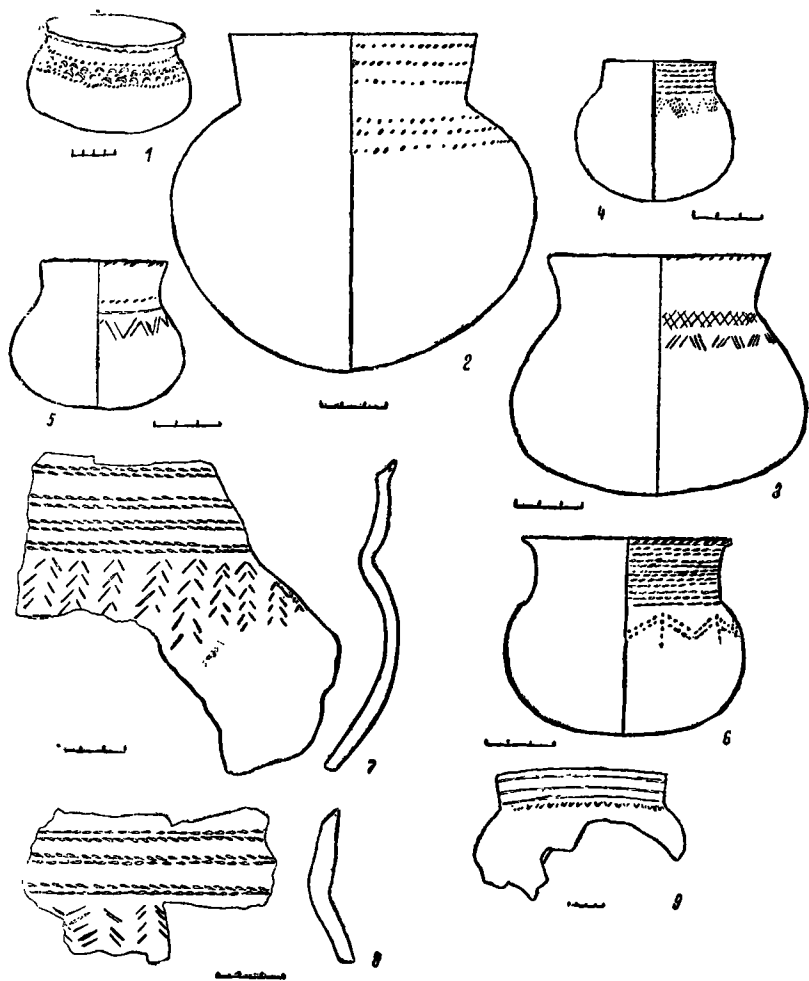

Табл. 1. 1-6 — сосуды из Танкеевского могильника.
 1 — погр. 694, 2 — 288, 3 — погр. 512-513, 4 — раскоп III уч. Д/б, 5 — раскоп V уч. 5;
 6 — погр. 279; 7-9 — сосуды из Билярского городища.

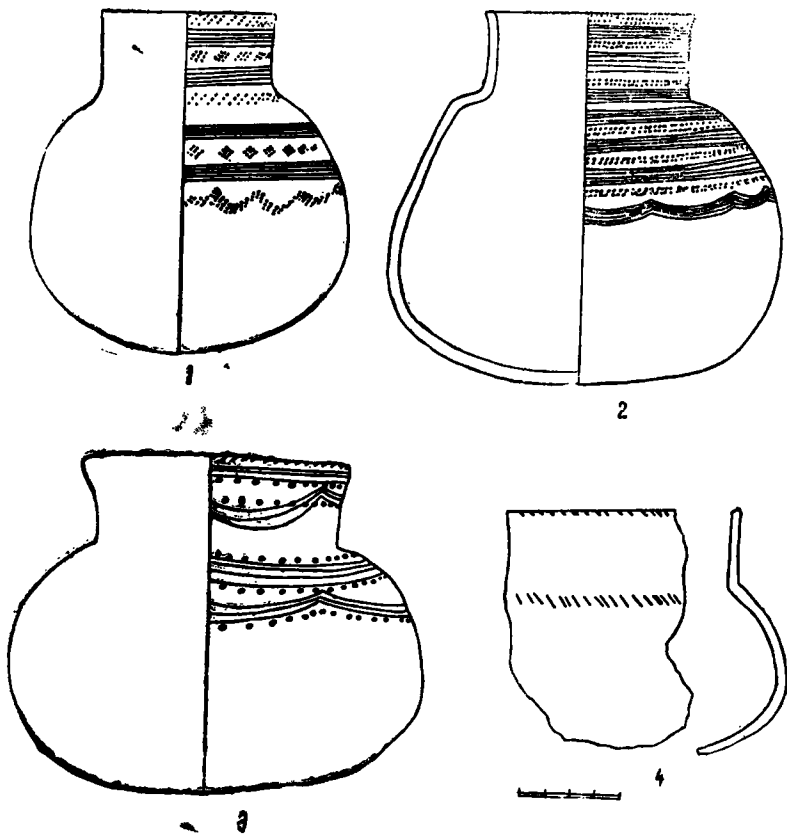

Табл. II. Сосуды из Танкеевского могильника.
 1 — погр. 475, 2 — погр. 169, 3 — погр. 210, 4 — погр. 463.

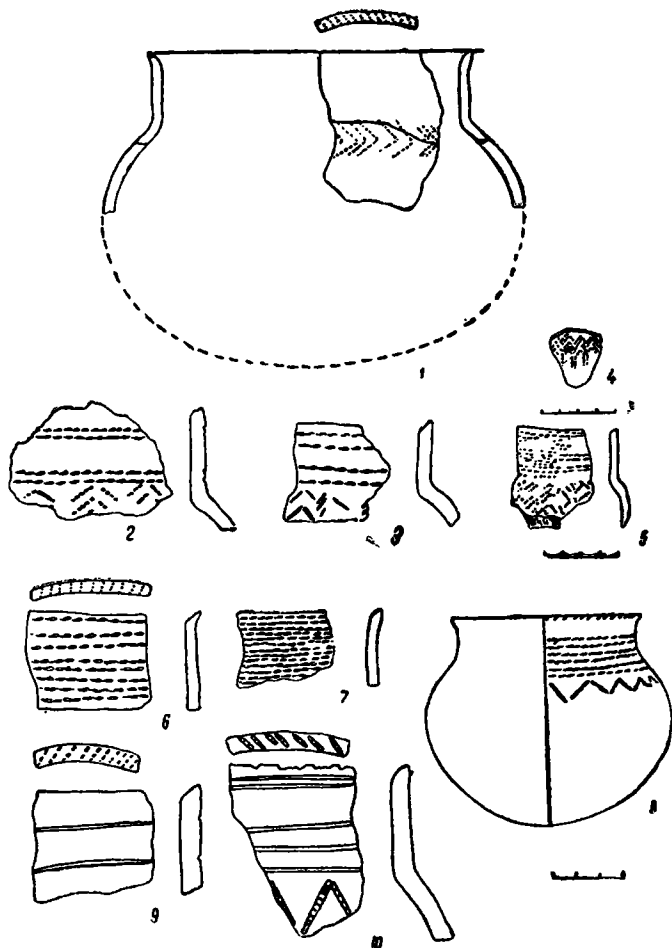

Табл. III. Глиняные сосуды.

1 — Старо-Куйбышевское городище, 2 — Именьковское (болгарское) селище, 3 — Билярское городище, 4—5 — Уфимское городище, 6 — д. Березовка Мамадынского района, 7 — Танкеевский могильник, раскоп XII, уч. Г/П, 8 — Танкеевский могильник, погр. 493, 9—10 — Билярское городище.

тулова, между которыми идут ряды мелкогребенчатого штампа или ямок. Прототипы эти сосудов, почти не изменяясь, существовали всю вторую половину I тыс. н. э. и были распространены на довольно широкой территории от южных районов Удмуртии (Петропавловский могильник) до центральной Башкирии, от р. Ик в низовьях р. Белой и до Зауралья. Однако такая керамика чаще всего идет в сочетании с другими видами глиняной посуды в настоящее время почти неизвестны памятники с чисто кушнаренковской керамикой.

В значительном количестве сосуды кушнаренковского типа встречаются в памятниках, расположенных в среднем течении р. Белой, особенно на ее левобережье. Уже с середины I тыс. н. э. здесь обитало население, изготавливавшее такую посуду (Кушнаренковский могильник и селище).

Для сосудов кушнаренковского типа из ранних памятников характерна строгая линейность орнамента и заполнение пространства между поясами резного орнамента отпечатками штампа в виде «гусеничек». Подобные сосуды встречены в поздних погребениях Бирского могильника⁵, на городище Уфа II⁶ и других памятниках Башкирии. Фрагмент такой керамики встречен на Щербетском острове I селище именьковской культуры в низовьях р. Камы⁷. Сосуд с близким орнаментом встречен также в Лихачевском могильнике VI—VII вв. на р. Ишим⁸, в Перейминском могильнике в Зауралье⁹.

Орнаментация кушнаренковской посуды «гусеничками» где-то в VII в. исчезает и в памятниках VIII в. и более позднего времени не встречается. В Стерлитамакском могильнике VIII—IX вв. сосуды кушнаренковского типа между поясами резного орнамента имеют только гребенку и перекрещивающиеся резные линии¹⁰. В Танкевском могильнике IX—X вв. пространство между поясами резных линий украшалось отпечатками мелкогребенчатого штампа или ямками.

Танкеевский могильник является наиболее поздним памятником, содержащим подобные сосуды. Сосуд из погребения 210 (табл. II, 3), датированного по вещам X в. представляет собой явное пережодение этого типа сосудов. Форма его призматична, асимметричная, горловина более широкая, орнамент беднее, и в нем, в отличие от орнамента на сосудах более раннего времени, нет четкости в построении. Пояски из резных линий изготовлены небрежно, кое-где один поясок заходит за другой, чего никогда не бывает на подобной керамике из более ранних памятников.

На позднюю дату танкеевских сосудов указывает и изменение состава теста их по сравнению с кушнаренковскими сосудами из ранних памятников. Если в последних они изготовлены из хорошо откушенной глины, имеют крепкий черепок (из такого же теста изготовлен сосуд из Танкеевского погребения 475 табл. II, 1), датированного IX в.), то танкеевские сосуды из погребений 169, 210 (табл. II, 2, 3) более рыхлые, а в тесте их содержится органическая примесь и небольшая примесь раковины. По составу они приближаются к сосудам башкирских памятников конца I—начала II тыс. н. э.¹¹, а также к стандартным по форме и орнаментации лепным круглодонным сосудам из памятников Волжской Болгарии домонгольского периода (табл. III, 1).

К кушнаренковскому типу, по-видимому, можно отнести также сосуды ряда других погребений Танкеевского могильника, орнаментированные ксыми, иногда перекрещиваю-

⁵ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура..., табл. 26, 1—7

⁶ П. Ф. Ищерилов, Н. А. Мажитов. Городище Уфа II.— АЭБ, т. I. Уфа, 1962, стр. 143, табл. II, 1, 3, 5.

⁷ П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры.— САИ, вып. Д1—32, М., 1967, табл. 26, 4.

⁸ Раскопки В. Ф. Генинга.

⁹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— МИА, 58, табл. XIV.

¹⁰ Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака.— СА, XXII, М., 1955, стр. 175, табл. X, 3, 4.

¹¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30, М., 1952, стр. 306, табл. LVI, 11—12. Такие сосуды встречены также в курганных памятниках Башкирии (см. Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир.— АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 153, 156).

щимися резными линиями, иногда мелкими насечками или совсем лишенные орнамента (табл. I, 3; табл. II, 4; погр. 86, 370, 445, 463, 503, 512—513). Все они тонкостенные, черного цвета с гладкой поверхностью и имеют довольно высокую горловину с четким переходом от горловины к тулову.

Подобная керамика, особенно экземпляры с орнаментом из перекрещивающихся резных линий, по принципам профилировки, составу теста, характеру поверхности, имеет, несомненно, тесную связь с кушнаренковской. Можно предположить, что резной орнамент в виде узких поясков, имеющийся на кушнаренковских сосудах из ранних погребений, в более позднее время становится основным, заполняя шейку и верхнюю часть тулова.

Такие же сосуды нередко встречаются в памятниках Башкирии VIII—X вв. (Каранаевский, Хусаиновский курганные могильники)¹². По сравнению с ранними кушнаренковскими сосудами данная посуда обычно имеет более низкие пропорции, широкую горловину и по общей профилировке приближается к чащевидным сосудам, близким к посуде из полемско-чепецких и ломоватовско-родановских памятников.

Возможно, в какой-то степени в этом сказалось влияние верхнекамско-чепецкого населения, которое хорошо прослеживается, например, в Среднем Поволжье (Танкеевский могильник). В Башкирии в памятниках VIII—X вв. (Стерлитамакский грунтовой, Каранаевский, Мрясимовский, Хусаиновский курганные могильники) это влияние также прослеживается, хотя и в меньшей степени. Например, в Стерлитамакском могильнике встречаются коньковые шумящие подвески, наиболее характерные для Верхней Камы, флакончатые и планочные подвески, наглазники, известные по памятникам Верхней Камы. Шумящие и височные подвески, известные по ломоватовским памятникам Прикамья, встречаются в Хусаиновском могильнике. В ряде могильников появляются сосуды в виде чаш с широко открытой горловиной с веревочным орнаментом и рыхлым тестом, близкие к сосудам из верхнекамско-чепецких памятников. В некоторых памятниках встречается даже посуда, орнаментированная решетчатым штампом, аналогичным штампу на чепецких сосудах.

Все это позволяет высказать предположение, что процесс проникновения верхнекамско-чепецкого населения, так хорошо заметный в Танкеевском могильнике, коснулся и территории Башкирии. В керамике это отразилось следующим образом: пропорции ее становятся более низкими, черепок — более рыхлым, в тесте появляется примесь органических остатков и раковины. Этот процесс лучше всего прослеживается по материалу наиболее поздних грунтовых могильников северной и северо-западной Башкирии: Манякского, датированного VII—VIII вв., и Кушулевского — X—XI вв.¹³, в которых найдены сосуды с веревочно-гребенчатой орнаментацией. Близкие сосуды, хотя и в меньшем числе, встречаются и в вышеуказанных курганных могильниках Башкирии VIII—X вв., оставленных новой волной тюркских кочевников.

Керамика памятников Башкирии в этот период нередко представляет собой сочетание верхнекамско-чепецкой посуды с ее рыхлой фактурой и веревочно-гребенчатой орнаментацией и посуды из башкирских памятников более раннего периода (кушнаренковской, кара-якуповской и пр.).

С X в. и позднее, вплоть до XIII—XIV вв., почти по всей территории Волжской Болгарии на поселениях в большом количестве встречаются стандартные по форме лентные круглодонные сосуды с высокой (в 3 см) прямой шейкой и четким переходом от шейки к тулову. Диаметр горловины их 12 и более сантиметров. Цвет поверхности серый или черный, в тесте примесь раковины или органических остатков. Шейка и верхняя часть тулова украшены веревочно-гребенчатым орнаментом. Венчик обычно несколько скошен во внутрь и украшен отгисками гребенки (табл. III, 1—3, 6, 7; табл. I, 7, 8).

¹² Раскопки Н. А. Мажитова.

¹³ Н. А. Мажитов. Работы в северной Башкирии.— Археологические открытия 1967 года. М., 1968, стр. 109; его же. Отчет о раскопках Кушулевского могильника..., рис. 43.

Такая же керамика встречается и на территории Башкирии, в частности на Уфимском городище ¹⁴ и в вышеуказанных курганных могильниках (Каранаевский, Мрясимовский).

Данная посуда близка некоторым сосудам с веревочно-гребенчатым орнаментом из погребений Танкеевского могильника (см. табл. III, 8), однако отличается от них значительно большими размерами и некоторым своеобразием формы. Вполне возможно, что она была бытовой. Подобную картину мы наблюдаем в поломских памятниках, где в погребениях ставилась посуда с веревочно-решетчатой орнаментацией, а на поселениях бытовала керамика с веревочно-гребенчатой.

Профилировка этих сосудов, особенно характерный переход от прямой высокой шейки к тулову, а также характер расположения орнамента по шейке и верхней части тулова имеют определенное сходство с поздней кушнаренковской керамикой, хотя состав теста и детали орнамента уже другие и напоминают верхнекамско-чепецкую посуду. Учитывая, что подобная форма сосудов присуща территории Башкирии и отличается от верхнекамско-чепецкой чашевидной в основном посуды, следует искать истоки такой керамики где-то на территории Башкирии и прилегающих южных областей (учитывая то, что такая керамика широко встречается в поселениях болгарского периода на Самарской Луке) ¹⁵. Возможно также, что эта форма была выработана в результате взаимодействия керамики кушнаренковского облика с верхнекамско-чепецкой. Наличие такой посуды, судя по специфической, устоявшейся форме ее, по-видимому, связанной с какой-то определенной этно-культурной группой населения, в памятниках Волжской Болгарии и Башкирии может свидетельствовать о том, что носители ее входили и в состав населения Башкирии, и в состав населения Волжской Болгарии. Участие этого населения в этногенезе волжских болгар доказывается тем, что такие формы стали исходными для некоторых типов посуды, переходных к круговым горшкам волжских болгар (см. табл. I, 9; табл. III, 9, 10). Хотя на таких горшках сохраняется еще высокая шейка с орнаментированным венчиком, скошенным во внутрь, и специфический переход от шейки к тулову, дно их становится плоским или уплощенным, а веревочный и гребенчатый орнамент постепенно заменяется резными линиями, которые схематически повторяют полностью прежний рисунок (см. табл. III, 9, 10).

Указанное сходство керамики из памятников Башкирии и болгарских памятников Среднего Поволжья, в частности, керамики Танкеевского могильника позволяет ставить вопрос не только о связях между населением указанных районов, но также и о прямом участии племён башкирского Приуралья в формировании населения Волжской Болгарии. Этому, по-видимому, способствовало соседство тех и других, близость основ экономической жизни, а также, возможно, какая-то этническая близость.

¹⁴ А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 306, табл. LVI, 11, 12.

¹⁵ Например, на селище Сосновый Солонец при раскопках В. В. Г о л ь м с т е и н в 1930 г. (Фонд Гос. Эрмитажа, инв. № 608—442).

Г. И. МАТВЕЕВА
(Куйбышев)

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ БАШКИРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
I тысячелетия н. э.**

Вторая половина I тыс. н. э.— один из наиболее сложных этапов этнической истории населения Башкирии. В течение этого периода на территорию Приуралья неоднократно проникали различные по происхождению группы населения. В среде местного и пришлого населения протекали сложные ассимиляционные процессы, нашедшие отражение в археологических памятниках второй половины I тыс. н. э.

В первой половине I тыс. н. э. население лесной и лесостепной Башкирии было довольно однородным, основную массу его составляли финно-угорские племена. В III—V вв. они занимали все правобережье Белой приблизительно до р. Зиган на юге. В Бельско-Уфимском междуречье обитали племена раннебахмутинской, или мазунинской культуры, распространенной и в среднем Прикамье. Самые южные памятники мазунинской культуры находятся севернее города Благовещенска. Эта культура сложилась в результате культурной интеграции родственных культур: пьяноборской и кара-абызской, при ведущей роли последней.

На участке р. Белой, между устьями рек Уфы и Зигана, а также на Симе, Зилиме, Инзере и Уфе в III—V вв. были распространены памятники имендьяшевского типа с тонкостенной чашевидной керамикой. Имендьяшевские сосуды часто украшены ямочными вдавлениями. Эта керамика имеет сходство с убаларской, что свидетельствует о генетических связях носителей этих типов посуды. Вопрос о культурной принадлежности имендьяшевских памятников до сих пор остается невыясненным из-за недостаточной изученности их. Возможно, памятники имендьяшевского типа принадлежат к мазунинской (раннебахмутинской) культуре, так как имеют с ней ряд общих черт. В этническом отношении они, вероятно, так же как и мазунинские, принадлежали финно-пермским племенам. На левом берегу Белой на рубеже II и III вв. пьяноборские памятники прекращают существование. Причины ухода пьяноборских племен пока не ясны.

Не позднее V в. в Бельско-Икском междуречье расселяются именьковские племена из Поволжья. Им принадлежали селища и городища, расположенные группами в районе г. Уфы, с. Кушнареново и на р. Ик. Культурное единство пришельцев с именьковскими племенами Поволжья не подлежит сомнению. Вопрос об этнической принадлежности племен именьковской культуры вызывает разногласия. Одни исследователи (В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков, П. Н. Старостин) пытаются доказать тюркскую принадлежность именьковских памятников, другие (А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова, С. М. Васюткин) придерживаются мнения об их финно-угорском происхождении.

В конце V в. на территории среднего течения р. Белой проникают группы пришлого населения. Эти кочевые племена, оказавшись в лесных и лесостепных районах, в окружении оседлого населения, довольно быстро изменили свой быт и осели на имендьяшевских, мазунинских и именьковских поселениях центральной Башкирии. Влияние пришельцев на все эти группы населения было настолько сильным, что привело к коренному изменению их культуры. Особенности, привнесенные пришельцами, служили как бы нивелирующим началом, сближающим памятники всех групп населения. Вместе с тем очень долго про-

должали сохраняться местные традиции и обряды. Именно это обстоятельство породило то многообразие материалов и погребальных обрядов, которое весьма характерно для памятников центральной Башкирии.

С появлением пришлого населения повсеместно наблюдаются одни и те же изменения в погребальном обряде. Многие могильники более раннего времени продолжают функционировать и после V в., но их планировка заметно меняется. Могилы располагаются теперь удаленно друг от друга, а не рядами, как в предшествующий период. Большинство могильников Башкирии VI—IX вв. курганные (Ново-Турбаслинский, Уфимский в Орджоникидзевском парке). Не исключена возможность, что небольшие курганные насыпи имелись над могилами Шареевского, Кушнаренковского и поздних погребений Бирского могильников. На эту мысль наводит не только удаленность могил друг от друга, но и тот факт, что большинство поздних погребений Бирского могильника, в отличие от ранних, подвергнуто ограблению. Только наличие внешних признаков помогло грабителям безошибочно находить могилы. Видимо, насыпи были невелики, поэтому со временем оплыли и сравнялись с окружающей поверхностью.

В Уфимском, Бирском, Кушнаренковском, Ново-Турбаслинском и Шареевском могильниках представлены могилы обычно четырех типов: 1) простые прямоугольные ямы, 2) ямы с подбоями в изголовье, 3) ямы с заплечиками вдоль длинных стенок, 4) ямы с расширениями в длинных стенках. Последние встречаются только в наиболее поздних могильниках и представляют собой видоизмененные заплечики. Дно расширения чаще всего бывает выше дна могильной ямы; в расширениях нередко находятся вещи. Некоторые могилы имеют и подбой в изголовье и заплечики вдоль длинных стенок одновременно. О соотношении типов могил дает представление табл. 1.

Таблица 1

Могильники	Дата	Количество погребений	Типы могил							
			прямоугольные ямы		ямы с подбоями		ямы с заплечиками		ямы с расширением	
			колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
Уфимский в Орджоникидзевском парке ¹	V—VI вв.	12	3	25,0	3	25,0	8	70,8	—	—
Бирский ²	V—VII вв.	147	98	66,6	48	33,3	1	0,6	—	—
Кушнаренковский ³	VI—VII вв.	28	17	60,7	4	14,2	9	32,1	—	—
Ново-Турбаслинский	VII—VIII вв.	78	69	88,5	3	3,8	—	—	6	7,6
Шареевский	VII—VIII вв.	19	5	26,3	6	31,5	—	—	10	51,6

Глубина могил различна: она колеблется от 1 до 2,6 м. Подавляющее большинство погребений всех рассматриваемых могильников ориентировано на север, северо-восток и северо-запад. Поздние погребения (VIII в.) Шареевского могильника и почти все погребения Стерлитамакского могильника (VIII—IX вв.) ориентированы на запад. Причины изменения ориентировки пока не ясны.

В Бирском, Ново-Турбаслинском, Кушнаренковском и Стерлитамакском могильниках в насыпях курганов, в заполнении могильных ям и в самих могилах встречаются конские черепа и конечности.

¹ Учтены только погребения, исследованные в 1961 г. К. В. Сальниковым.

² Речь идет о поздних погребениях V—VII вв.

³ Речь идет о погребениях с трупоположениями.

Многие погребения всех названных могильников сопровождаются сосудами и костями крупных животных, которые помещались обычно в подбое в изголовье.

Все эти черты погребального обряда до появления пришлого населения в Башкирии не были известны. Появление их у различных групп населения может быть обусловлено лишь включением в их состав пришлых элементов. При этом степень влияния пришельцев была неодинаковой в разных районах центральной Башкирии. Именно поэтому каждый из названных могильников имеет свои особенности.

Большая часть погребений всех могильников сопровождалась вещами, среди которых преобладают украшения и предметы конской сбруи, реже встречаются орудия труда и оружие. Украшения обычно лежат на костях, там, где их носили при жизни; предметы сбруи и орудия труда помещаются у ног умершего.

Вещевые комплексы всех названных могильников едины, в них улавливаются только хронологические различия. Характерной особенностью вещевых комплексов является наличие вещей как местных, так и южных типов. К числу вещей местного происхождения относятся бутылкообразные подвески, представляющие видоизмененные фигурки медведя, подвески в виде уток, гривны, скульгамы, ромбические поясные накладки и т. д. Более многочисленны вещи южных степных типов: серги так называемого харинского типа и в виде кольца с многогранником на одном конце, пряжки и медальоны со стеклянными вставками, фибулы, фигурные поясные накладки и т. д.

Одновременно с появлением на территории центральной Башкирии новых черт погребального обряда и южных типов вещей наблюдается изменение антропологического типа населения. М. С. Акимова, исследовавшая черепа Кушнаренковского и Ново-Турбаслинского могильников, относит их к резко выраженному европеоидному типу⁴, связанному с югом. Она отмечает сходство кушнаренковских черепов с черепом из Салтовского могильника. Черепа из поздних погребений Бирского могильника, по мнению М. С. Акимовой, также свидетельствуют о смешении местного населения с людьми европеоидного облика, которые пришли с юга⁵. С момента проникновения пришлых племен, на территории центральной Башкирии появляются высокогорлые круглодонные сосуды, лишенные орнаментации. Поверхности сосудов тщательно заглаживались, иногда имели лощение. Керамика этого типа представлена в ранних погребениях Уфимского курганного могильника в Орджоникидзевском парке. В VI в. под влиянием пришельцев в южной части центральной Башкирии керамика имендяшевского типа исчезает, на смену ей приходят сосуды с выраженными высокими или низкими шейками и с круглыми или яйцевидными туловами, как правило, не имеющие орнамента. В глиняном тесте этих сосудов обычно содержится песок, мелкие камешки, а иногда шамот. Впервые эти сосуды, найденные в Турбаслинском могильнике, были объединены Н. А. Мажитовым в особый турбаслинский тип⁶.

Сосуды турбаслинского типа соединяют в себе черты керамики пришлых и местных имендяшевских племен. Форма, отсутствие орнамента, характер обработки поверхности — черты, заимствованные в керамике пришлого населения. К числу местных имендяшевских черт может быть отнесено наличие у некоторых сосудов уступчиков при переходе от шейки к тулову, а также изредка встречающийся орнамент в виде треугольных вдавлений на плечиках и круглых ямок на шейках. Кроме того, иногда встречаются насечки на венчиках.

Смена керамики имендяшевского типа турбаслинской хорошо прослеживается по материалам Имендяшевского городища, где представлены тонкостенные орнаментированные треугольные вдавлениями имендяшевские чаши, датированные III—V вв., и более грубые неорнаментированные сосуды высоких пропорций, находящие аналогии в керамике Ново-Турбаслинского и Шареевского могильников.

⁴ М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, стр. 69—72.

⁵ М. С. Акимова. Указ. соч., стр. 63.

⁶ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 146.

Сосуды турбаслинского типа, появившиеся в южной части центральной Башкирии в VI в., продолжали бытовать до IX в. Несколько сосудов этого типа найдено в погребениях Стерлитамакского могильника. Имеются поселения, где керамика турбаслинского типа представлена в чистом виде. К их числу относится исследованное археологической экспедицией БГУ Улукулевское селище в Кармаскалинском районе БАССР. Судя по находкам вещей, а также на основании сходства керамики Улукулевского селища с керамикой Шареевского и Стерлитамакского могильников, оно может быть датировано VI—IX вв. н. э.

Таким образом, в южной части среднего течения р. Белой между городами Благовещенском и Стерлитамаком в VI—IX вв. существовали памятники турбаслинского типа, культура которых сложилась в результате взаимоассимиляции местных именьковских племен и пришедшего с юга населения европеоидного облика.

На левобережье р. Белой пришельцы, как отмечалось выше, застали именьковское население, которое под их влиянием утратило ранее распространенный обряд трупосожжения и восприняло обряд трупоположения в ямах простых и сложных конструкций, возможно, под небольшими курганными насыпями. Здесь появляются сосуды турбаслинского типа: высокогорлые, с шаровидными и вытянутыми яйцевидными туловами, лишенные орнамента. Эти сосуды составляют приблизительно половину всей найденной в погребениях Кушнаренокского могильника керамики. Вторую половину составляют грубые, содержащие крупную примесь шамота, плоскодонные горшки именьковского типа. Интересно отметить, что иногда под влиянием именьковской плоскодонной керамики небольшие плоские днища появляются у высокогорлых, лощеных сосудов турбаслинского типа. Именьковские сосуды продолжали существовать наряду с турбаслинскими, судя по их находкам в Кушнаренокском могильнике, до VII в. включительно. Они преобладают на поселениях, расположенных вблизи от Кушнаренокского и Ново-Турбаслинского могильников, хотя в культурном слое этих поселений, несомненно, представлены и фрагменты от сосудов турбаслинского типа.

Таким образом, на левобережье среднего течения Белой в VI—VIII вв. были распространены памятники именьковской культуры, подвергнувшиеся сильному влиянию пришельцев с юга.

В Бельско-Уфимском междуречье в V—VII вв. были распространены памятники бахмутинской культуры. На этой территории влияние пришлого населения было несколько меньшим, чем в районах, о которых речь шла выше. Пришельцы в V в. столкнулись здесь с населением мазунинской (раннебахмутинской) культуры. Под влиянием их мазунинская культура прекращает свое существование, уступая место новой — бахмутинской. В погребальном обряде и вещевых комплексах ярко выражены черты, заимствованные у пришлого населения. Только изредка встречающиеся жертвенные комплексы, наличие могил простых конструкций да северо-западная ориентировка роднят ранние и поздние погребения Бирского могильника. Кстати, ориентировка умерших у местного населения, хоронившего в Бирском могильнике, и у пришельцев совпадала.

С конца V до начала VII в. в Бельско-Уфимском междуречье была распространена керамика так называемого чандарского типа в виде шаровидных сосудов с короткими шейками, сплошь покрытых ямочными наколами. По составу теста эта керамика очень близка к более ранней мазунинской: в ее глиняном тесте содержится песок и мелкие камешки. Формы в известной степени также могут быть сопоставлены с мазунинскими, изменяются лишь пропорции сосудов, которые становятся более высокими. Появление сплошной ямочной орнаментации трудно объяснить. Возможно, оно связано со стремлением местного населения противопоставить неорнаментированной посуде пришельцев свой традиционный круглоямочный орнамент, распространенный в ананьинской эпохе.

Сосуды чандарского типа, судя по погребениям Бирского могильника, бтовали лишь до начала VII в. В погребениях VII в. Бирского могильника представлены только высокогорлые сосуды с круглыми или яйцевидными туловами, с треугольными вдавлениями на

плечиках или без орнамента. Эти сосуды относятся к турбаслинскому типу. Неорнаментированная турбаслинская керамика присутствует и на всех бахмутинских поселениях в среднем течении Белой (Кувьковское, Бирское городища).

Материал бахмутинских, именговских и турбаслинских памятников свидетельствует о сложных процессах ассимиляции. Постепенно побеждают черты культуры пришлого населения: унифицируются погребальные обряды, вещевые комплексы и керамика трех различных групп населения. К VIII—IX вв. на территории центральной Башкирии складывается единая культура, которой присуще сочетание местных и привнесенных южных особенностей. Вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры очень сложен. В ее формировании приняли участие местные племена финно-угорского происхождения и южное степное население, близкое сармато-аланским племенам, пришедшее в конце V в. Н. А. Мажитов считает, что к моменту появления на территории Башкирии аланы были уже тюркизированы⁷. Однако эта точка зрения лишена аргументации, и вопрос о том, были ли пришедшие в Башкирию сармато-аланские племена тюркизированы, остается пока неясным. Таким образом, население центральной Башкирии было двукомпонентным, смешанным, оно сложилось в результате ассимиляции финно-угорских и сармато-аланских племен.

Приблизительно в середине VI в. на территорию Башкирии проникают еще две родственные группы населения. С их приходом появляются памятники так называемых кара-якуповского и кушнаренокского типов. Первые локализируются в южной части Бельско-Икского междуречья. Кара-Якуповские городища и селища отличаются однородностью керамики, представленной сосудами со слабо отогнутой шейкой и округлым или вытянутым туловом. Орнамент располагается на шейках и плечиках. Он состоит из отпечатков короткого зубчатого штампа, горизонтальных линий и «жемчужин». Судя по находкам вещей, эти поселения могут быть датированы VI—IX вв.

Сосуды кушнаренокского типа с высокими шейками, орнаментированные поясками отпечатков полулунного, треугольного, зубчатого и других штампов, в VI—IX вв. получили весьма широкое распространение в Приуралье. Однако почти повсюду они присутствуют в незначительном количестве как примесь к другим типам посуды. Лишь на северо-западе Башкирии и на юге Удмуртии имеются памятники, где кушнаренокская керамика представлена в чистом виде или с незначительной примесью керамики кара-якуповского типа. К числу таких чисто кушнаренокских памятников принадлежат Маянский могильник, Куштарыкское, Такталачукское и некоторые другие селища. Видимо, северо-запад Башкирии и юг Удмуртии были районами, где осела основная часть кушнаренокского населения; остальная часть его расселилась по всему Приуралью и смешалась с различными группами населения. Кушнаренокские племена повсюду очень долго сохранили свои традиции изготовления керамики.

Вопрос о происхождении кушнаренокского и кара-якуповского типов керамики также очень сложен. Поиски аналогий им уведут нас в районы Западной Сибири. В памятниках VI—IX вв. (Мурлинское городище⁸, Лихачевский⁹ и Бобровский¹⁰ могильники) встречается керамика по орнаментации, а порою и по форме, близкая к кушнаренокской. Керамика всех этих памятников как бы соединяет в себе высокогорлые формы, сложившиеся в степных районах Сибири еще в I тыс. до н. э., и штампованную орнаментацию,

⁷ Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 105.

⁸ А. С. Чагаева. Памятники эпохи железа в среднем Приуртышье. Из истории г. Омска и Омской области. Омск, 1966, т. 2, 0—6, т. III, 7, 8, 9.

⁹ В. Ф. Генинг. Отчет археологической экспедиции Уральского университета за 1963 г. — Архив ИА АН СССР.

¹⁰ Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник. — «Известия АН Казахской ССР», вып. 4. Алма-Ата, 1963, т. 3, 1—3.

бытовавшую в лесных районах Нижнего Приобья. Этническая принадлежность этих памятников, скорее всего, может быть определена как угорская.

Керамика кара-якуповского типа имеет много общих черт с кушнаренковской, что, несомненно, отражает их этническую близость. Едва ли можно согласиться с Н. А. Мажитовым, склонным видеть в обитателях кара-якуповских поселений древних башкир, ибо последние в период появления на территории Приуралья вели кочевой образ жизни, в то время как кара-якуповцы были оседлым, хорошо знакомым с земледелием населением.

В то время как в западных и центральных районах Башкирии селились кушнаренковские, кара-якуповские и турбаслинские племена, в восточной и, частично, южной части Башкирии обитали иные, видимо, кочевые группы населения. Этому населению принадлежали курганные могильники типа Ишимбаевского, Мрясимовского, Старо-Халиловского. Н. А. Мажитов считает это население также древнебашкирским¹¹. Вопрос об этнической принадлежности племен, оставивших названные курганы, очень сложен. Не следует упускать из виду, что ряд культурных особенностей этих курганов сближает их с синхронными памятниками восточного склона Урала (шнуровая орнаментация сосудов, плоские литые фигурки идолов, ложки с изображениями медведей и т. д.).

Таким образом, к концу I тыс. н. э. состав населения Башкирии был сложным и разнородным. Видимо, все эти различные по происхождению группы населения были впоследствии ассимилированы тюркоязычными древнебашкирскими племенами.

¹¹ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир.— АЭБ, т. 2.

С. М. ВАСЮТКИН
(Уфа)О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
БАШКИРИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (III—XIII вв.)

В последнее время среди исследователей намечилось стремление создать периодизацию этнической истории населения Башкирии¹; при этом наблюдается большое разнообразие взглядов по вопросу об этапах в период с III по XIII вв., который характеризуется большими перемещениями народов на огромной территории нашей страны. Основной ареной продвижения были открытые просторы степей Азии и Европы, к которым непосредственно примыкает Южный Урал. Естественно, Южный Урал в силу своего географического положения не мог остаться в стороне от бурных событий тех времен. Археологические материалы, являющиеся почти единственным источником по истории населения Южного Урала с древнейших времен вплоть до X в. н. э., свидетельствуют о том, что на протяжении III—XIII вв. в этот край неоднократно вторгались различные племена, приводя в движение местное население. Пришлые племена, расселившись на новых местах, вступали в тесные связи между собой и с местными племенами, что приводило к смешению разных культур. Эти сложные процессы ярко отразились на материале археологических памятников, которые содержат элементы культур, характерные для разных этнических групп. Все это является причиной расхождения мнений исследователей по вопросу о культурно-этнической принадлежности не только отдельных, но и целых групп памятников. Одни и те же памятники различными исследователями относятся к совершенно разным культурам и связываются с разными этническими группами, что, в свою очередь, приводит к различному решению вопроса о хронологии и периодизации археологических культур.

В этнической истории населения Башкирии с древнейших времен до XIII в. исследователями выделены разные этапы. Р. Г. Кузеев разделил этот отрезок времени на два этапа: 1) с древнейших времен до IV в. н. э.; 2) с IV в. по XIII в. Первый этап связывается им в основном с местными финно-угорскими и сармато-аланскими и, частично, с монголоидными племенами древнетюркского происхождения. Второй этап характеризуется как время наиболее интенсивного проникновения в местную среду тюркоязычных кочевников, связанных с гуннами, волжскими болгарями, печенегами, огузами, половцами.

В. Ф. Генинг в этнической истории населения Башкирии с древнейших времен до XIII в. выделил три этапа: 1) до III в. н. э.; 2) III—IX вв.; 3) IX—XIII вв. На первом этапе основным населением края признаются финно-угорские племена и, частично, появившиеся здесь «какие-то восточные племена, родственные сарматам». Эти «какие-то восточные племена» теперь, судя по сообщению В. Ф. Генинга на сессии по этногенезу башкир, рассматриваются, как это делал в свое время Г. В. Юсулов, как угорские. По прежнему представлению В. Ф. Генинга, в III в. имело место массовое проникновение в Башкирию угорских и древнетюркских племен западносибирского происхождения и в течение III—IX вв.

¹ Р. Г. Кузеев. Родоплеменной состав башкир в XVIII в. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 60—61; Н. А. Мажигов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 101; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. — АЭБ, т. 2.

происходила ассимиляция ими местного пермского населения, а в IX в. появляются башкирские племена, которые тюркизируют население западного Приуралья.

В 1964 г. во втором томе «Археологии и этнографии Башкирии» одновременно с В. Ф. Генингом была опубликована статья Н. А. Мажитова «К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры», в которой автор писал, что деление истории бахмутинских племен — наиболее крупного этнического объединения Башкирии — на два этапа (III—IV и V—VII вв.) отражает особенности в истории населения всего западного Приуралья. Впоследствии он расширил хронологические рамки первого этапа, датировав его II—IV вв. По мнению Н. А. Мажитова, во II—IV вв. в Башкирии продолжали жить в основном потомки местного угорского и сармато-аланского населения. Приток населения извне, если и имел место, был очень незначительным. Большие изменения в этническом составе населения края происходят лишь на рубеже IV—V вв., когда здесь появляются тюркоязычные кочевые племена, с которыми Н. А. Мажитов связывает многочисленные памятники с керамикой турбаслинского, кушнаренковского и романовского типов.

С периодизацией, предложенной Н. А. Мажитовым в 1963, 1964 гг., мы полностью согласились в нашей рецензии на второй том «Археологии и этнографии Башкирии». Относительно же периодизации В. Ф. Генинга мы писали: «Что же касается второго этапа (III—IX вв. — С. В.), то он слишком продолжителен и не отражает четко тех изменений в этническом составе населения Башкирии, которые были на протяжении раннего средневековья. В соответствии с имеющимися археологическими данными он должен быть разбит на два самостоятельных этапа, один из которых включает III—IV вв., а второй — V—VIII вв.» В. Ф. Генинг в настоящее время также внутри эпохи раннего средневековья выделяет два этапа: 1) III—V вв., 2) VI—VIII вв. Согласно последней точке зрения В. Ф. Генинга, массовый приток в Башкирию нового населения происходил не в III, а в V—VI вв. В III в. здесь появляются лишь небольшие группы племен восточного происхождения, которые принимают участие в формировании мазунинской (раннебахмутинской, по Н. А. Мажитову) культуры.

Как видно из сказанного, начало нового этапа в этнической истории населения Башкирии в эпоху средневековья разными исследователями относится к разному времени: ко II в. (Н. А. Мажитов), к III в. (В. Ф. Генинг) и к IV в. (Р. Г. Кузеев). Нам представляется наиболее правильной вторая дата, так как обе археологические культуры Башкирии середины I тыс. н. э. — бахмутинская и имендьяшевская — датируются хорошо именно с III в. Бахмутинские могильники приходят на смену пьяноборским и кара-абызским, прекратившим функционировать где-то на рубеже II—III вв. И поскольку между ранними и поздними памятниками хорошо прослеживается генетическая связь, постольку между ними не может быть и хронологического разрыва. Уже исходя из этих соображений, бахмутинские могильники не могут быть датированы раньше или позже III в. Эта дата хорошо подтверждается и самим материалом из могильников. С III в. функционировали и поселения типа Имендьяшевского городища. Керамика, близкая по форме и орнаменту имендьяшевской, найдена в Салиховском курганном могильнике III—V вв. и в погребениях III—V вв. Бирского могильника. По единодушному мнению исследователей, имендьяшевские памятники оставлены потомками населения, появившегося в Башкирии из восточных районов еще в IV в. до н. э. и относящегося к уграм.

По проблеме генезиса и этнической принадлежности бахмутинской культуры нет единого мнения. Как известно, А. П. Смирнов и Н. А. Мажитов считают ее сформировавшейся на основе пьяноборской (кара-абызской) культуры, тогда как, по В. Ф. Генингу, она есть продукт смешения культур местных и пришлых групп населения. Вполне естественно, что вывод В. Ф. Генинга может вызвать некоторые сомнения. Во-первых, очень хорошо прослеживается связь бахмутинской культуры с пьяноборской и кара-абызской культурами, хотя территориально они полностью и не совпадают. Во-вторых, некоторые отличия погребального обряда и инвентаря раннебахмутинских захоронений от погребального

обряд и инвентаря пьяноборских и кара-абызских захоронений вполне могут быть истолкованы как следствие развития культуры на местной основе и под влиянием пришлых племен без сколько-нибудь значительного этнического смешения с ними. Но все эти сомнения рассеиваются, когда мы обращаемся к данным антропологии. М. С. Акимова на антропологическом материале подтверждает факт смешения в III в. пришлого и местного населения и формирование таким путем раннебахмутинских племен². Поскольку проникновение в Башкирию нового населения имело место в III в., постольку это время и следует считать началом нового этапа в этнической истории края.

Начало следующего этапа исследователи связывают с появлением и расселением в Башкирии племен, оставшихся после себя памятники с керамикой турбаслинского, чермасанского (кара-якуповского), кушнаренковского и романовско-именьковского типов. Н. А. Мажитов считает, что все эти новые племена проникли в Башкирию одновременно на рубеже IV—V вв., В. Ф. Генинг — в течение V—VI вв., А. Х. Халиков — в IV—V и VI—VII вв. На наш взгляд, датировка, предложенная Н. А. Мажитовым, больше соответствует имеющимся материалам. Если возьмем турбаслинскую керамику, то она никак не может быть датирована временем позже, чем V в. Она обнаружена в Ново-Турбаслинском могильнике и Уфимских курганах конца IV—начала VII вв. Романовско-именьковская керамика также уверенно датируется с конца IV—начала V вв. С этого же времени бытовала у одной группы населения Башкирии керамика кушнаренковского типа. Самая ранняя находка сосуда этого типа происходит из кургана №1 Сынтыштамакского могильника, датируемого по бронзовой пряжке с прямоугольным щитком концом IV—V вв. Пока со времени более позднего чем V в. можно датировать лишь керамику чермасанского (кара-якуповского) типа, которая встречена вместе с кушнаренковской в Манякском могильнике VII—VIII вв. Мы считаем ее разновидностью кушнаренковской посуды и, видимо, она появилась в Башкирии также где-то в конце IV—V вв.

Таким образом, можно считать, что турбаслинские, кушнаренковские и романовские племена расселились в Башкирии не раньше и не позже конца IV—V вв. Поэтому концом первого и началом второго этапов в этнической истории населения Башкирии I тыс. н. э. следует считать рубеж IV—V вв., точнее V в. Поздняя дата данного этапа (начало VII в.) Н. А. Мажитовым была определена на основании немногочисленных погребений бахмутинской культуры. Следует отметить, что к началу VII в. относятся также поздние погребения Кушнаренковского могильника. Возможно, со временем будут найдены бахмутинские и романовские могильники более позднего времени. Это тем более возможно, если учесть, что в последние годы уже открыты и исследованы два новых могильника (Шареевский, Манякский), материалы которых свидетельствуют, что другие племена (турбаслинцы, кушнаренковцы и имендяшевы) жили и в VII—VIII вв. Это говорит о том, что никакие изменений в этническом составе населения Башкирии раньше второй половины VIII в. не произошло. Поэтому второй этап в целом можно датировать V—VIII вв., деление его на более мелкие этапы вряд ли возможно. Видимо, на рубеже IV—V вв., или в начале V в. была одна волна переселения, но очень сильная, гораздо сильнее, чем в III в. Говорить о миграциях и этнических скрещиваниях чуть ли не в каждые полвека нет оснований. Мы не наблюдаем здесь столь пестрой картины непрерывных миграций и этнических скрещиваний в течение V—VIII вв., как это представляется некоторым исследователям. По мнению Н. А. Мажитова, племена — носители керамики турбаслинского, кушнаренковского, чермасанского и романовско-именьковского типов — являются тюрками (ранними башкирами), с чем трудно согласиться. Видимо, прав В. Ф. Генинг, который керамику кушнаренковского и чермасанского типов связывает с населением восточных районов нашей страны (уграми, самодийцами). Памятники турбаслинского типа генетически связаны с поздне-сарматскими погребениями Южного Урала. Происхождение плоскодонной романовской керамики, скорее всего, следует связать с территорией распространения городищской куль-

² М. С. А к и м о в а. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

туры. Но совершенно отрицать наличие тюркского компонента в среде пришлых в западно-Приуралье племен, видимо, нельзя, так как в погребальном обряде населения Башкирии V—VIII вв. есть элементы (могилы сложной конструкции, кости лошади в погребениях), которые являются характерными для тюркоязычных кочевников Восточной Европы конца I тыс. н. э. и волжских болгар. Тюркский компонент был незначительным и быстро растворился среди позднебахмутинских, турбаслинских, романовских племен (наличие в Бирском, Турбаслинском, Кушнаренковском могильниках захоронений в ямах сложной конструкции, костей лошади в могилах). Во всяком случае, нет оснований безоговорочно отрицать появление тюркоязычного населения в южном Приуралье в середине I тыс. н. э., но совсем не обязательно видеть в них собственно гуннов или собственно башкир.

Мощный приток тюркоязычного населения в южное Приуралье фиксируется археологическими материалами лишь со второй половины VIII в. Именно с этого времени датируются многочисленные курганные могильники и отдельные захоронения, исследованные в последние годы на территории Башкирии и Оренбургской области (Кулкановский, Мусинский, Старо-Халиловский, Ишимбаевский, Мрясимовский могильники, Иткучуковское, Ромашкинское погребения). Они генетически не связаны с памятниками предшествующего времени на этой территории и аналогичны памятникам тюркоязычных кочевников Алтая, Поволжья, южнорусских степей. Видимо, среди этих тюркских племен обладали собственно башкирские племена, так как Ибн Фадлан, проехавший в X в. по Южному Уралу, называет этот край страной башкир. Можно предположить уход значительной части бахмутинских, турбаслинских, романовских и имендяшевских племен с территории Башкирии с приходом сюда тюркского населения, так как нам неизвестны их памятники позже VIII в. Уверенно можно говорить об обитании здесь в VIII—X вв. лишь племен — носителей керамики кушнаренковского и чермасанского типов (Стерлитамакский, I Кушулевский могильники, керамика кушнаренковского типа в курганах северо-востока Башкирии). Оставшиеся местные племенные группы постепенно были ассимилированы более многочисленным пришлым населением и вошли в состав формирующейся башкирской народности. Об этом свидетельствует как археологический материал, так и антропологический. Так, Н. А. Мажитовым отмечается наличие некоторого сходства в орнаментике современных башкир и турбаслинских племен V—VIII вв., М. С. Акимовой — близость черепов из бахмутинских и курганных погребений VIII—X вв. В состав формирующейся башкирской народности с этого времени постоянно включаются новые тюркоязычные племена, связанные с волжскими болгарами, огузами, половцами. Ввиду того, что с конца VIII до начала XIII в., до монголо-татарского завоевания, в состав населения западного Приуралья включаются только тюркоязычные племена, мы не считаем возможным выделить внутри этого отрезка времени более мелкие этапы.

Следовательно, в этнической истории населения Башкирии в III—XIII вв. можно выделить три этапа.

Первый этап (III—V вв.). Начало его связано с переселением в Башкирию небольшой группы, по мнению В. Ф. Генинга, западносибирского и зауральского угорского населения, которое вместе с местными финно-угорскими племенами (пьяноборцами и карабызцами) приняло участие в формировании племен раннебахмутинской культуры (III—V вв.).

Второй этап (V—VIII вв.). Начинается с появления и расселения в лесостепной и степной Башкирии турбаслинских, кушнаренковских и романовско-именювских племен. На этом этапе сюда проникает еще одна этническая группа, скорее всего тюркская, для которой характерны могилы сложной конструкции, кости лошади в могилах. В V—VIII вв. продолжали жить в Башкирии бахмутинские и имендяшевские племена. Между пришлыми и местными группами установились тесные этно-культурные связи.

Третий этап (конец VIII — начало XIII вв.). Начинается с появления на Южном Урале собственно башкирских племен, связанных с печенежским племенным объединением, и заканчивается с монголо-татарским завоеванием.

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БАБАРЫКИНО VII

Поселение Бабарыкино VII расположено на дюне, на левом берегу рукава р. Исеть в трехстах метрах к северу от одноименной деревни Шадринского района Курганской области. На противоположной стороне той же самой дюны, в 200 м к западу от села расположен памятник Бабарыкино II. Поселение Бабарыкино VII исследовано в 1966 г. Тобольским отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством В. Е. Стоянова. Общая площадь вскрытой поверхности 120 кв. м.

В основании слоя залегала углистая прослойка, вклинивающаяся линзами в серый песок. Она составляет ранний разрушенный культурный слой стоянки. Коричневый песок сплошной зоной мощностью от 20 до 40 см перекрывает углистую прослойку. Дневная поверхность памятника — оподзоленный дерн.

Общая стратиграфия дает возможность проследить первоначальные контуры жилища. Это небольшое вытянутое овальное жилище размером 8,5 x 4,5 м. В заполнении его обнаружена челюсть животного и приостренное доньшко сосуда. Внутри жилища расположен очаг с остатками сгоревшего дерева. Углистый слой прослеживается почти по всему краю жилища, что дает возможность предполагать наличие деревянных конструкций. Вещевой материал стоянки состоит из каменного инвентаря (табл. I) и керамики (табл. II).

Каменный инвентарь стоянки Бабарыкино VII насчитывает 146 экземпляров. Из общего количества отщепов и обломков (101 экз.), разнообразных по форме, 16 экземпляров имеют следы вторичной обработки. Это — случайные отщепы с подработанными краями или орудия на отщепе (см. табл. I, 15, 18, 19, 21, 23). Но в основном на изготовление орудий шли ножевидные пластинки. Ширина большей части пластин стоянки Бабарыкино VII — 1—1,5 см.

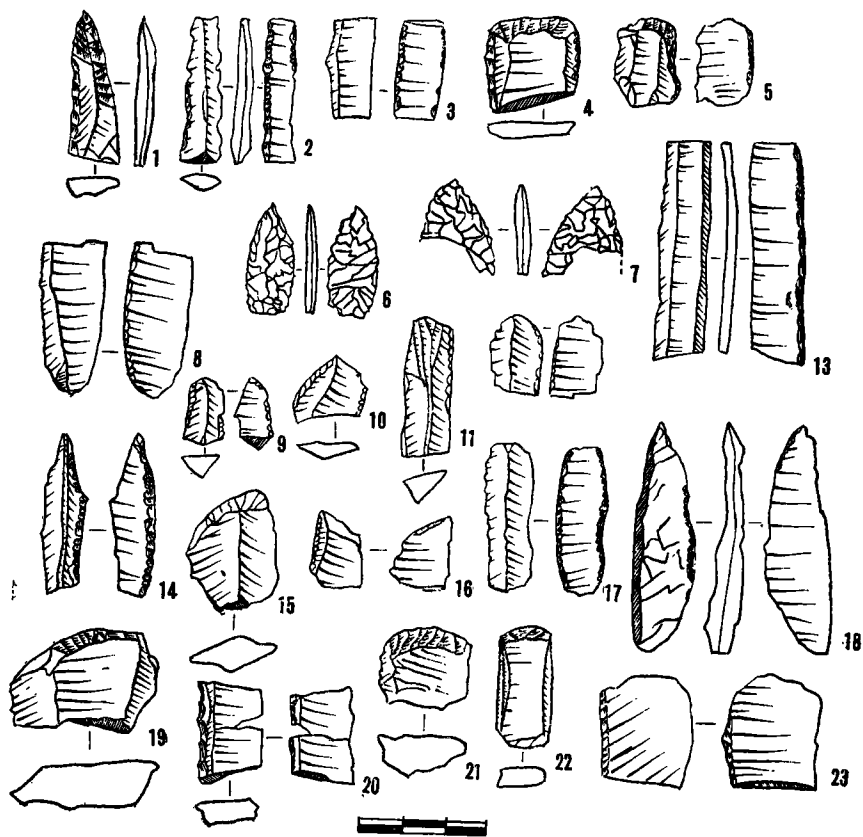
Другую группу кремневых орудий составляют концевые скребки на пластинах (см. табл. I, 4—5, 22). Кремневые наконечники стрел встретились в 2-х экземплярах. Один из наконечников (см. табл. I, 6) имеет иволистную форму и слегка вогнутое основание. Поверхность его обработана тонкой плоской ретушью, нанесенной по двум сторонам.

Проколка из серого кремня (см. табл. I, 1) сделана из продолговатой пластины, боковые ретушированные стороны ее сведены на конус. Ретушь кругая. Другая проколка из красного кремня (см. табл. I, 14) имеет выемку на грани. Выемка и грань ретушированы. С брюшка проколка также имеет ретушь по одной из граней. Ретушированные грани образуют острие проколки.

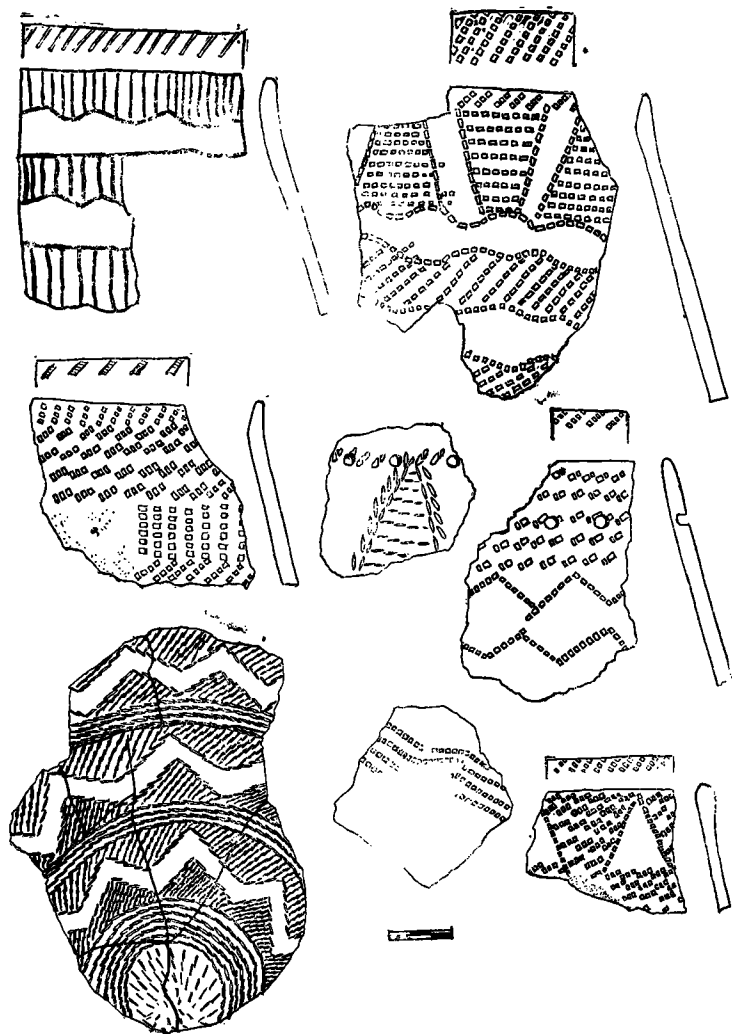
Техника изготовления орудий из пластин на стоянке Бабарыкино VII развита. Об этом свидетельствуют разнообразие форм орудий и высокое качество их обработки. Комплекс орудий имеет довольно архаический облик. Но присутствие двухсторонних обработанных орудий неолитического типа говорит о его позднем происхождении.

Орудия из пластин имеют достаточно широкие аналогии и позволяют найти стоянке Бабарыкино VII место в кругу неолитических культур Южного Урала¹.

¹ Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и ранней бронзы. — ВАН, вып. 2. Свердловск, 1962.

Т а б л. 1. Каменный инвентарь поселения Бабарыкино VII.

Т а б л. II. Керамика поселения Бабарькино VII.

Керамика стоянки Бабарыкино VII по форме, венчику и орнаменту близка и в ряде случаев тождественна керамике лесного Зауралья². Большая часть керамики орнаментирована гребенчатым штампом с горизонтальными зонами оттисков, рядами из шагающей гребенки, отдельно расположенными и заполненными орнаментом треугольниками.

Кроме фрагментов с гребенчатым орнаментом имеются обломки сосудов с орнаментом, нанесенным отступающей лопаточкой, волнистым орнаментом из прочерченных палочкой линий. У части фрагментов сосудов форма видоизменяется — сказывается появление сосудов полуяйцевидной формы без наплыва со стороны внутреннего края, а также сосудов с отогнутым венчиком. Внутренняя поверхность иногда обработана гребенчатым штампом. Наблюдается разреженность орнамента.

Керамика на суртандинских поселениях, при идентичности орнамента и мотивов узора³, имеет вертикальное членение зон в отличие от горизонтальных зон керамики поселения Бабарыкино VII.

Можно сказать, что керамика Бабарыкино VII является более ранней, чем керамика суртандинского типа, и может служить связывающим звеном между памятниками неолита и энеолита.

² Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья.— СА, № 2, 1960; К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья.— КСИА, вып. 85, 1961; Л. Я. Крижевская. Указ. соч.; Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Узункуль.— СА, № 1, 1965.

³ См.: Г. Н. Матюшин. Пути развития Южного Урала в эпоху мезолита и неолита (публикуется в настоящем сборнике).

М. Х. САДЫКОВА
(Уфа)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ХОЗЯЙСТВЕ БАШКИР IX—XIV вв.

История хозяйства раннетюркских кочевников IX—XIV вв. Приаралья, Прикаспия, а равно и степных районов Башкирии до сего времени остается слабо изученной. Это объясняется тем, что выявлению и исследованию памятников этого времени не уделялось достаточного внимания. Только за последние 10—12 лет в Башкирии были начаты планомерные работы в этом направлении, открывшие около 15 памятников кочевников IX—XIV вв., в числе которых курганные могильники Мрясимовские, Старо-Халиловские, Ишимбаевские, Лагаревские, Муракаевские, Хусайновские, Башкирберкутовские, Старо-Хусайновские, Юлдыбаевские, грунтовый могильник Шат-гау, селище Востоковское, городище Старо-Калмашевское. Все эти памятники приписывают ранним башкирам. Итоги исследований получили освещение в публикациях А. П. Смирнова, В. Ф. Генинга, Н. А. Мажитова, К. В. Сальникова, М. Х. Садыковой¹. Накопленные сведения позволили поставить ряд вопросов, связанных с этногенезом, экономикой и культурой тюркоязычных кочевников. Вопрос об образе жизни этого населения является одним из актуальных, хотя следует отметить, что в работах вышечисленных авторов основное внимание уделялось этнической истории, а вопросы хозяйства обычно не получали достаточного освещения. Исключение представляет работа Р. Г. Кузеева², в которой главное внимание уделено истории развития экономики ранних тюркоязычных племен. Р. Г. Кузеев приходит к выводу, что основу хозяйства ранних башкир составляло кочевое скотоводство, в котором основное внимание уделялось разведению лошадей и овец. Такой состав стада и природные условия степных районов позволяли содержать скот круглый год на подножном корму. В зависимости от этого образ жизни ранних тюрков был кочевым, а кочевья простирались на многие сотни километров.

По сведениям арабских и венгерских историков и путешественников, ранние башкиры определяются как скотоводы-кочевники³. О кочевом характере хозяйства ранних башкир свидетельствуют также башкирские шежере⁴.

¹ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. — МИА, 58. М., 1957, стр. 5—10; В. Ф. Генинг и Г. К. вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 11—29; Н. А. Мажитов. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа. — Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год. Уфа, 1966; его же. Новые материалы о ранней истории башкир. — АЭБ, т. 2, стр. 148—157; К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. — АЭБ, т. 2, стр. 7—16; М. Х. Садыкова. Тюркоязычные кочевники на территории южной Башкирии. — «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

² Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию). — АЭБ, т. 3. Уфа, 1968.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 66; Абу Зайд-Балхи. Книга видов земли. — ВГА, т. 1, 1870; Д. Х. Хусайнов. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Руста. — ЖМНП, декабрь, 1868, стр. 669—670; В. С. Тизенгаузен. Сборник материалов к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., стр. 81, 229; Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. Под редакцией Н. П. Шастинной. М., 1957.

⁴ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 32, 38, 73.

Археологические источники подтверждают выводы о кочевом хозяйстве ранних башир. В этом плане наибольший интерес представляют могильники Старо-Мусино, Шахтау и Юлдыбаево II.

Курганный могильник Старо-Мусино выявлен и исследован в 1957—1958 г. Материалы опубликованы⁵, поэтому ограничусь лишь краткой характеристикой. Всего было исследовано 5 земляных курганов диаметром от 7 до 11 м, высотой от 0,5 до 0,8 м с 9 погребениями. Из них 2 относятся к эпохе бронзы (курган 4, погребение 3; курган 5, погребение 1), остальные 7—принадлежали кочевникам IX—X вв. н. э. Погребения совершались или под специально сооруженными насыпями (курганы 1, 2, 3), или для этого использовали курганы эпохи бронзы (курганы 4, 5). Могилы прямоугольные, неглубокие, узкие, ориентированные в широтном направлении с небольшими отклонениями. В могилах никаких сооружений или остатков гробов не обнаружено. Костяки лежали на грунте с вытянутыми конечностями, головой на запад, редко — на восток. Особенностью этих погребений является обычай класть в могилу или рядом с ней часть конской туши, преимущественно ноги и череп.

Вещевой материал мужских погребений составляют предметы вооружения (наконечники стрел, костяные накладки луков и колчанов, железные ножи и ножи, истлевшие остатки мечей) и конского снаряжения (удила, стремена, подпругные пряжки).

Особо следует остановиться на инвентаре женского погребения, обнаруженного в кургане I (погребение 2). В нем, кроме предметов женского туалета (бусы из сердолика и пасты, фигурные бронзовые накладки для украшения одежды и головного убора), найдены железные удила и стремя.

Описанный погребальный обряд со всеми его особенностями, вещевой материал (в частности, удила с перегибом и большими трензельными кольцами, трапециевидные пряжки из широкого четырехугольного в сечении железного прута) находят широкие аналогии в памятниках кочевников IX—X вв.⁶, которые и позволяют погребения Старо-Мусинских курганов датировать этим же временем.

Могильник Шахтау находится близ г. Стерлитамака, на восточном склоне горы Шахтау, расположенной на левом берегу р. Селеук (левый приток р. Белой). Могильник выявлен в 1959 г. во время земляных работ. Сначала было обнаружено одно погребение, позднее исследованное директором Стерлитамакского краеведческого музея А. Г. Скляр-овым. Ему удалось сделать снимок погребения и собрать несколько предметов. Среди них костяная обкладка колчана, железные черешковые стрелы с ромбическим пером, железные кольчатые удила с прямыми псалиями, железное стремя с овальной дужкой и прямоугольной петлей. Перечисленные предметы, в частности стрелы, удила и обкладки колчана, имеют аналогии в памятниках кочевников XI—XII вв.⁷ В 1960 г. исследование могильника было продолжено археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР⁸. Было установлено, что могильник, состоящий из 10 погребений, находился на месте древнего поселения, оставленного племенами конца бронзовой эпохи. К интересующему нас вре-

⁵ М. Х. Садыкова. Указ. соч., стр. 152—170.

⁶ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в Южно-русских степях.—МИА, 62. М.—Л., 1958, стр. 153—154, 157, 159, 168, 170; Труды XII АС, т. 1. М., 1905, стр. 246—247, 299; ОАК за 1890 г., стр. 50—51; ОАК за 1895 г., стр. 13, 14; ОАК за 1904 г., стр. 135, 136; С. И. Руденко, А. Глухов. Могильник Кудурга на Алтае.—Материалы по этнографии. Л., 1927, т. 3, вып. 2, стр. 37—52; С. В. Киселев. История Южной Сибири. Л., 1949, стр. 312; Е. К. Макамова. Позднейшие сарматско-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья.—Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1956, стр. 71; И. В. Сидицын. Археологические памятники в низовьях р. Иволги.—Ученые записки СГУ. Саратов, 1954, стр. 232—233; Н. И. Булычев. Древности из Восточной России. М., 1904, табл. III, рис. 1—6.

⁷ И. В. Сидицын. Древнее население Нижнего Поволжья. По следам древних культур. М. 1954, стр. 91.

⁸ М. Х. Садыкова. Научный отчет о работе сарматского отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР за 1960 год. Хранится в научном архиве БФАН СССР, ф. 3, оп. 27, ед. хр. 37, стр. 2—21.

мени относятся 9 погребений. Они совершены в неглубоких узких прямоугольных ямах, засыпанных землей. Костяки лежат вытянуто на спине, головой на запад, с полусогнутыми руками. Погребенные, как правило, лежали прямо на грунте, в редких случаях их хоронили в деревянных гробах (погребение 6). К сожалению, плохая сохранность дерева не позволила выяснить конструкцию гроба. Характерно, что погребальный инвентарь отсутствует. Только в одном из женских захоронений (погребение 10) найдено бронзовое височное кольцо. Следует отметить, что вблизи некоторых погребений находились челюсти лошади, а рядом с погребением 6 был найден почти полный скелет коня.

Форма могильных ям, положение погребенных, западная ориентировка, наличие гроба в одном из погребений, нахождение частей конской туши и целого конского скелета вблизи могил позволяют отнести группу захоронений у горы Шах-тау к памятникам тюркоязычных кочевников X—XIII вв.⁹ Аналогии находкам, обнаруженным в разрушенном погребении, позволяют определить время погребений XI—XII вв.

Юлдыбаевские курганы (полусферической формы) находятся на левом берегу р. Сакмары на северо-восточной окраине д. Юлдыбаево в Кугарчинском районе. Поверхность курганов обложена кварцитовыми плитами размерами 10 x 20 см и 40 x 60 см. Диаметр курганов 4,5 м, высота — 0,2—0,25 м.

Каждый курган содержал по одной могиле, расположенной в северной половине насыпи. Могилы прямоугольной формы, ориентированные с севера на юг, или с небольшим отклонением на восток. Длина могил 2,1 м, ширина — от 0,6 до 0,9 м, глубина в грунт 0,55—0,85 м.

В могилах были обнаружены костяки двух взрослых женщин, причем под тазовыми костями одной из них (курган 1) находились черепные кости младенца. Погребенные лежали в гробах-колодах, покрытых сверху длинными досками, которые для прочности перекрещены поперечными планками. Под костяками находились мелкие угольки. Угли клались, видимо, настолько горячими, что находящиеся на них или вблизи предметы прокалились. Так, блестящие-подвески, находящиеся у черепа костяка из кургана I, обгорели. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север и северо-восток.

Итак, для погребального обряда юлдыбаевских курганов характерно: одиночные погребения под небольшими курганами, обложенными камнем; погребение в гробах-колодах; положение захороненных на спине, вытянуто, головой на север; ритуальная особенность, заключающаяся в отсутствии глиняной посуды и костей жертвенного животного.

Подобный погребальный обряд типичен для позднечувачских погребений тюркского происхождения.

В кургане 1 найдены: на уровне правого плеча железный предмет полусферической формы; с правой стороны черепа, на уровне уха, — серебряная подвеска; часть такого же украшения найдена чуть ниже черепа; у черепа находились и две бляшки в виде шестилучевой звезды.

В кургане 2 найдены: в изголовье костяка, с левой стороны, железный нож; между правой рукой и позвоночником — стеклянные бусы; под костяком на уровне пояса — серебряное зеркало в обломках; в ногах — железные ножницы и чугунная жаровня с ручкой-втулкой.

Из предметов погребального инвентаря для определения возраста и культурной принадлежности курганов представляют интерес следующие предметы.

Серебряная подвеска ромбической формы. Она набрана из плоских цилиндриков, в которые вставлены металлические шаровидные бусинки, окаймленные двойной сканью. Почти тождественное по форме и технике изготовления украшение имеется в составе сибирской коллекции Петра I¹⁰

⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 153—155.

¹⁰ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. — САИ, ДЗ—9. М.—Л., 1962, табл. XXII, рис. 17.

Бляшки в виде шестилучевой звезды. Полусферические бляшки окаймлены сканью и насажены на бронзовую основу. Распределены они следующим образом: в центре помещается одна из них, а шесть остальных полусферических бляшек группируются вокруг центральной. Бляшке по форме бляшки, но только в виде пятилучевых звезд, найдены в Нижнем Поволжье, в женском погребении золотоордынского времени¹¹.

Серебряное зеркало, диаметр 8 см. Лицевая сторона плоская, обратная — украшена по краю диска рельефными прямоугольными клетками; в центре диска находится выступ с узким отверстием для ремня, вокруг которого рельефное концентрическое кольцо; около центрального диска расположены семь колец с чуть меньшими диаметром с рельефными точками в центре; между этим кольцами помещены Т-образные рельефные изображения. Зеркала с рельефными украшениями на обратной стороне относятся к числу предметов, типичных для женских погребений кочевников тюркского происхождения. По мнению С. А. Плетневой, ознакомившейся с находками Юлдыбаевских курганов, в орнаменте зеркала отражен обычный устройства кочевий, когда в центре помещается юрта главы семейства или рода, а вокруг нее, по кругу, располагаются юрты членов рода.

Железные ножицы, кольчатые, шарнирные, длина 19 см. Подобные ножицы довольно часто обнаруживаются в позднекочевнических погребениях.

Чугунная жаровня с плоским дном и полкой короткой ручкой-втулкой, в которую по мере надобности вставлялась деревянная рукоять. Диаметр жаровни 18 см, высота 6,5 см. Ранняя дата изделий из чугуна определяется XIV в.

Кроме перечисленных предметов, в Юлдыбаевском могильнике найдены обрывки и отпечатки шерстяных тканей. Судя по количеству утков (18 x 18 и 16 x 16 нитей в 1 кв. см), можно заключить, что эти племена умели изготавливать шерстяные ткани довольно высокого качества.

По имеющимся аналогиям юлдыбаевские курганы уверенно можно отнести к числу памятников тюркоязычных кочевников и датировать XIV в.

Материалы трех последовательно хронологических групп памятников, разобранных выше, принадлежат тюркоязычным кочевникам с IX по XIV век. Полученный материал позволяет утверждать, что основу их хозяйства составляло скотоводство, базировавшееся на разведении лошадей и овец. Об этом свидетельствуют части конской туши или целые конские костяки в погребениях или рядом с ними. Охрана и уход за скотом являлись основной задачей не только мужской части общества, но и женщин (нахождение ножиц для стрижки овец в женском погребении Юлдыбаевского кургана). Состав стада, в котором преобладали лошади и овцы, предполагал подвижный, кочевнический образ жизни.

О кочевом образе жизни свидетельствуют небольшие курганы, разобранные по степной Башкирии многочисленными группами (от 2 до 12 насыпей), содержащими, как правило, одно, редко два, погребения. Подвижный образ жизни, видимо, заставлял иногда использовать для погребений и курганы предшествующих эпох, примером чего являются старомусинские курганы. Погребальный инвентарь подтверждает подвижный, воинственный образ жизни племен. В нем преобладают предметы вооружения и конского снаряжения. Примечательно, что предметы конского снаряжения можно встретить и в женском погребении (Старо-Мусино, курган 1, погребение 2). Даже отдельные предметы быта, как, например, чугунная жаровня, очень легкая, портативная, соответствуют кочевому образу жизни.

Возникает вопрос, насколько велики были кочевья на ранних этапах развития кочевого скотоводства? Надо полагать, что кочевья распространялись на многие сотни километров. Об этом свидетельствует малочисленность курганных групп. Это говорит, на наш взгляд, о том, что погребения совершались в какой-то короткий, определенный срок и больше к ним кочевники не возвращались. На это указывает и то, что места поселений кочевнических племен встречаются довольно редко. Из 13 известных нам памятников IX—

¹¹ И. В. С и н и ц ы н. Древнее население Нижнего Поволжья, стр. 129—130, рис. 48, 1.

XIV вв. II являются могильниками, и только два памятника (селище Востокское и городище Старо-Калмашевское) являются местами поселений. Но и на них следы жилищ не обнаружены, культурный слой незначителен, а очаги были недолговременными.

Широкие аналогии погребального инвентаря на территории, охватывающей Западную Сибирь, Казахстан, Поволжье, побережье Днепра и Дуная, свидетельствуют об активных межплеменных связях, характерных для племен, ведущих кочевой образ жизни.

П. Н. СТАРОСТИН
(Казань)

О РОМАНОВСКИХ И ИМЕНЬКОВСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В послевоенные годы на территории Нижнего Прикамья и Приуралья открыты многочисленные памятники середины I тыс. н. э., имеющие первостепенное значение для исследования узловых проблем этногенеза народов Восточной Европы. Среди них особый интерес представляют те группы памятников, которые, располагаясь на значительном удалении друг от друга, обнаруживают большое сходство.

Основные памятники Нижнего Прикамья первых столетий нашей эры относятся к пьяноборской культуре. Территория раннепьяноборского населения, на наш взгляд, ограничивалась Нижней Белой и прилегающими районами Камы. Как ни странно, но до сих пор мы почти не знаем раннепьяноборских памятников на Нижней Каме. Позднее, во II в. н. э., вероятно, с распадом пьяноборского племенного союза, его население интенсивно продвигается на Нижнюю Каму и примыкающие части Волги. Об этом убедительно свидетельствует, кроме поселений, целая серия могильников (Сюкеевский, Гремячкинский, Нармонский и др.). Обращает на себя внимание тот факт, что пьяноборские могильники на Нижней Каме, как правило, небольшие, а культурные напластования поселений очень слабы. Видимо, это население здесь пребывало недолго и было в основной массе оттеснено в глухие области Волго-Вятского междуречья.

Если в I тыс. н. э. территория Башкирского Приуралья была пестрой в этническом и культурном отношении, то Нижнее Прикамье выглядело более однородным. На территории Нижней Камы и прилегающих частей Волги многими исследователями выделяются памятники имениковской культуры. Кажется, с этой точкой зрения соглашается ныне и А. П. Смирнов.

В настоящее время нами учтено около 400 имениковских памятников, основную часть которых составляют городища и селища. Экспедициями послевоенного времени собраны значительные материалы, характеризующие эту культуру. Раскопками на имениковских памятниках вскрыты хозяйственные и жилищные постройки, остатки оборонительных сооружений, а также собран многочисленный вещевой материал.

Довольно близки имениковским романовские памятники, изученные на территории северо-западной Башкирии Г. Н. Матюшиным, К. В. Сальниковым, П. Ф. Ищериковым, Н. А. Мажитовым, В. Ф. Генингом, С. М. Васюткиным и Г. И. Матвеевой. Выявление памятников романовского типа следует считать большим успехом башкирских археологов. Раскопками на романовских памятниках изучены хозяйственные и жилищные постройки, собран значительный вещевой материал, получены данные, характеризующие погребальный обряд.

Основной вещевой материал памятников романовского типа состоит из фрагментов лепной плоской керамики обычно горшковидных форм, как правило, с примесями крупного зернистого шамота и неровной бугристой поверхностью со следами небрежного сглаживания. Края сосудов прямые, отогнутые или иногда вогнутые во внутрь. Срезы краев сосудов с романовских памятников украшались орнаментом в виде насечек или защипов. Рассматриваемая керамика находит ближайšie аналогии в материалах имениковских памятников. Правда, нельзя не заметить отдельных отличий керамики романовских

и именковских памятников. Так, на романовских памятниках иногда довольно много орнаментированной керамики. Наибольшее количество орнаментированной посуды среди памятников именковского круга зафиксировано на Тат-Сунчелевской городище в бассейне р. Черемшан (7,5%). На селищах вблизи с. Романовки такой посуды значительно больше. Однако это, возможно, местная особенность. К числу таких локальных особенностей следует относить наличие на селищах у с. Романовки усеченно-биконических пряслиц с очень небольшими отверстиями (на это обращал внимание еще К. В. Сальников). В основных же особенностях романовская и именковская керамика не различима.

Заслуживает внимания появление плоскодонной посуды на территории центральной Башкирии. Судя по имеющимся материалам, это довольно раннее время. Убедительным подтверждением этого могут быть материалы курганов Орджоникидзевского парка г. Уфы. Среди вещей этого могильника примечательны серебряные с инкрустацией серьги, характерные для IV—V вв. н. э., а также сосуды, аналогичные романовским. Кажется, на территории современной Башкирии эта керамика датируется чуть позднее, чем на Нижней Каме. На именковских памятниках есть серия вещей III—IV вв. н. э. Нам представляется, что с этим выводом пока не следует спешить. Романовских памятников раскопано еще не очень много, могут быть найдены вещи более раннего облика, поэтому говорить о том, какие памятники более ранние, а какие более поздние, пока не приходится.

Среди вскрытых на поселениях романовского типа объектов заслуживают внимания остатки жилищных построек с примыкающими хозяйственными ямами-кладовками. Так, при раскопках II Ново-Турбаслинского селища исследована целая серия жилищ — полуземлянок подквадратной формы размером 6 x 5 м, углубленных в грунт до 1 м. Внутри полуземлянок обнаружены остатки очагов, иногда, вероятно, глинобитных. В центральной части жилища № 3 зафиксированы остатки столбовой ямы. Очевидно, крыши жилищ были четырехскатными, поддерживались центральным столбом. Аналогичные жилища-полуземлянки раскопаны на именковских памятниках (Рождественское селище, II Маклашеевское городище и др.).

На романовских поселениях, подвергнутых раскопкам, выявлено большое количество ям-кладовок, являющихся, по мнению многих исследователей, зернохранилищами. Над некоторыми из них были устроены навесы. Подобные ямы в очень большом количестве изучены на памятниках именковского типа.

Наконец, нельзя не заметить общих черт погребального обряда населения Нижнего Прикамья и северо-западной Башкирии. Погребальный обряд именковских племен, изученный по материалам Рождественского могильника, характеризуется сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков кремации в небольшие ямы, наличием в погребениях глиняных сосудов, не являющихся урнами. Аналогичное погребение в 1966 г. нами зафиксировано около бывшей д. Байчуга в устье р. Мешки. Данное погребение расположено рядом с селищами именковского типа и относится, вероятно, к именковскому же периоду. Два подобных погребения обнаружены В. Ф. Генингом при раскопках Кушнаренковского могильника. Погребения № 10 и 29 этого могильника тоже совершены в небольших ямах. Часть первой ямы углублена, очевидно, для сосудов. В углубленной яме были сыпаны женские кости. Некоторые исследователи все же склонны относить эти погребения к именковско-романовскому кругу. Если же обратиться к вещевым комплексам этих погребений (керамика, украшения, принадлежности костюма, орудия труда), то всем им можно найти параллели в материалах поселений. Территориально эти могильники примыкают к поселениям романовско-именковского типа.

Все указанное выше позволяет говорить о большой близости романовских и именковских памятников.

Исследования в западной Башкирии, в бассейне р. Большой Ик, проведенные в последние годы Г. И. Матвеевой, позволяют говорить об общей территории романовских и именковских памятников. По культуре и этнической принадлежности население, оста-

вышнее именьковские и романовские памятники, было родственным. К аналогичному выводу пришел и А. П. Смирнов.

Следует заметить, что влияние культур Башкирского Приуралья на население Нижнего Прикамья, вероятно, не было сильным. По крайней мере, археологически оно прослеживается слабо. Видимо, это объясняется тем, что именьковские племена представляли очень плотную компактную массу. Тем не менее отдельные группы населения Приуралья проникали в середине I тыс. н. э. почти до устья Камы. Наиболее убедительно это подтверждается находками кушнаренковской керамики, обнаруженной в ряде мест этого района. Более активно процесс взаимосвязи культур середины I тыс. н. э. проходил на территории северо-западной Башкирии.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ
(Москва)

**К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ И ЗАУРАЛЬЯ
В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.—I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.**

Население Приуралья издавна находилось в более или менее тесных контактах с племенами Зауралья. Это особенно относится к Башкирии, территория которой вследствие своего географического положения оказалась наиболее открытой для различного рода вторжений степных народов с юга и юго-востока, а проникающая далеко на юг по Уральскому хребту зона лесов обеспечивала контакт с племенами тайги. Разносторонний характер взаимосвязей и наличие ряда сходных моментов культуры населения Башкирии и Зауралья уже частично нашли отражение в работах многих исследователей, по-разному оценивающих степень воздействия западносибирского элемента на этнический состав Приуралья.

Население лесной приуральской зоны Башкирии I тыс. до н. э., оставившее памятники ананьинской и сложившихся на ее основе пьяноборской и кара-абызской культур, относилось к пермской ветви финно-угорских народов и поддерживало тесные связи с близкородственными по происхождению племенами Прикамья.

После ассимиляции в конце первой четверти I тыс. до н. э. приуральскими племенами части гамаюно-каменогорского населения отношения с Зауральем, по-видимому, в основном входят в рамки соседских контактов. Их отражение прослеживается в ряде моментов и, в частности, в «зверином» стиле культуры кара-абызских племен, на ряде памятников которых (Уфимский, Биктимировский, Охлебининский могильники) представлены фигуры сопоставленных голов животных, весьма характерные для изобразительного искусства населения Западной Сибири второй половины I тыс. н. э. Отдельные элементы связи «звериного» стиля кара-абызского и западносибирского населения уже отмечены в литературе¹. В дополнение к ним можно привести еще ряд примеров. Мотив фигуры в виде противопоставленных голов, представленный в Уфимском могильнике крючком с птицевидными грифонами, помимо приведенных А. В. Збруевой² наиболее близких параллелей из Усть-Полюя и Минусинской котловины, находит аналогии в зооморфном навершии кинжала из Ишимского склада³ и в изображении противопоставленных голов лося на бляшке из Пиковки в Нарымском Приобье⁴. Близкий стиль изображения противопоставленных голов грифонов представлен в культурах скифо-сарматского времени степей Евразии, где он выступает на бляшках⁵ и зооморфных навершиях мечей и кинжалов⁶. Бытование рассматриваемого сюжета у приуральских и западносибирских лесных племен объясняется не только связями между ними, но, пожалуй даже в большей степени, их контактами с

¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952; А. Х. Пшенично к. Биктимировский могильник.— АЭБ, т. 2. Уфа, 1964.

² А. В. Збруева. Указ. соч., табл. XXXII, 4—5.

³ А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, табл. 1—3.

⁴ В. А. Могильников. Находки из Пиковки.— СА, № 3, 1969.

⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, табл. 77—24.

⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961, рис. 4—4,5; Н. Л. Членов. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. 1967, табл. 11—11; 12; 26—28а, 29а, 30а.

южным миром степей, откуда, очевидно, данный изобразительный мотив распространился на север, где был частично переработан в соответствии с местными воззрениями.

В свете связей племен Южного Приуралья с Западной Сибирью примечательно также, что поясные накладки в виде парных конских головок, типа известного в Биктимировском и Кишкинском могильниках⁷, по способу компоновки напоминают поясные накладки с изображением парных голов грифона из кургана II—I вв. до н. э. у с. Богдановки в Омском Прииртышье⁸. Пряжка из Биктимировского могильника с изображением головок, по-видимому, коней или, как считает А. Х. Пшеничнюк, горных баранов⁹ по стилю передачи фигур наиболее близка бляшкам из жертвенного места на Лысой Горе на р. Яе (ГЭ, колл. 1125—11, 12).

В плане взаимоотношений населения Приуралья, в частности Башкирии с Зауральем, известный интерес представляет распространение в Западной Сибири эполетообразных застёжек, в большом количестве представленных в пьяноборской культуре. Напротив, на территории Приобья эполетообразные застёжки известны пока в единичных экземплярах из следующих пунктов: р. Енгатты на Ямале, Усть-Полуй, Савинский курган, Мурулинский клад¹⁰, могильники у Архиерейской заимки¹¹ и Ближних Елбанов¹², Айдашинская пещера¹³, Ишимский клад¹⁴, погребение на р. Ис¹⁵.

Отмеченные находки охватывают почти все Приобье, занятое угро-самодийскими племенами, и отсутствуют в степи. Создается впечатление, что эполетообразные застёжки были восприняты западносибирским населением из Прикамья, но не получили на новом месте массового распространения. Оформление бляхи было переработано в соответствии с местными идеологическими представлениями, о чем свидетельствует тот факт, что наряду с застёжками, аналогичными прикамским (Савинский курган, Ближние Елбаны, р. Ис), в Приобье представлены застёжки с изображением на бляхе головы и лап медведя (Усть-Полуй, р. Енгатта, Архиерейская заимка, Ишимский клад, Айдашинская пещера), которые отсутствуют в пьяноборской культуре, а в Приуралье представлены единственной находкой в Пермской области¹⁶.

Изображение головы и лап медведя было широко распространено в Западной Сибири как на эполетообразных застёжках, так и среди других бронзовых литых блях, исполненных в «зверином» стиле, от эпохи раннего железа до средневековья¹⁷. Специфична также квадратная форма бляхи-застёжки из Айдашинской пещеры¹⁸, необычна форма застёжки Мурулинского клада. Указанные различия в оформлении блях-застёжек, по-видимому, отражают различный этнический состав Приуралья и Приобья, представленных финно-угорскими племенами, с одной стороны, и угро-самоедами — с другой.

Судя по тому, что среди экземпляров застёжек из Западной Сибири, аналогичных прикамским, представлены как ранние (Ближние Елбаны, Савинский курган), так и поздние (р. Ис) образцы, можно думать, что проникновение застёжек из Прикамья в При-

⁷ А. Х. Пшеничнюк. Указ. соч., рис. 2—1; М. Х. Садыков. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки. — АЭБ, т. I. Уфа, 1962, табл. XI—5.

⁸ В. А. Могильников. Отчет о работах Иртышского отряда в 1968 г. — Архив ИА АН СССР, 1968, рис. 60, 4—7.

⁹ А. Х. Пшеничнюк. Указ. соч., стр. 219, рис. 2—9.

¹⁰ В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, № 35, 1953, табл. III—1, 5, 7; XI—6.

¹¹ ОАК за 1896, год, рис. 364.

¹² М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби. — МИА, № 48, 1956, табл. III—II.

¹³ ОАК за 1897, год, рис. 146.

¹⁴ А. Е. Ермолаев. Указ. соч., табл. VI—10.

¹⁵ Е. М. Берс. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959, к. № 74.

¹⁶ В. Н. Чернецов. Указ. соч., табл. III—2.

¹⁷ В. Н. Чернецов. Указ. соч., табл. III—IV; В. А. Могильников. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. н. э.—УЗ ПГУ, № 191. Пермь, 1968, рис. 6, 3, 14.

¹⁸ ОАК за 1897, год, рис. 146.

обье проходило на протяжении всего периода развития пьяноборской и начала азелинской культур, с I в. до н. э. по III в. н. э. и, может быть, даже позже. Эполетообразные застежки угорского производства с изображением головы и лап медведя относятся, судя по схеме классификации прикамского материала В. Ф. Геннинг¹⁹, к началу I тыс. н. э.

Сформировавшаяся на пьяноборской основе бахмутинская культура Башкирии на раннем этапе, в III—V вв., представляла группу финно-пермских племен, находившихся в весьма тесном контакте с лесным угорским населением Урала и Зауралья. По-видимому, в результате этого контакта в бахмутинской среде распространяются подвески в виде скульптурных фигурок медведя²⁰, аналогии которым дает синхронный материал из Козловского могильника под Тюменью²¹ и харинских памятников Приуралья²². Принимая во внимание отсутствие изображений медведя в пьяноборской культуре и наличие их в бахмутинской, можно полагать, что в формировании раннебахмутинской культуры приняла участие, наряду с пьяноборской основой, небольшая группа лесного угорского населения, влившегося в финно-пермскую среду.

Около середины I тыс. н. э., в эпоху великого переселения народов и последующего движения кочевников на запад, на территорию Башкирии проникает ряд племен южного и восточного происхождения, существенно изменивших характер культуры местного населения и его состав. Исследователи отмечают появление новых особенностей на позднем этапе бахмутинской культуры, в том числе распространение керамики со сплошной ямочной орнаментацией, указывая на их западносибирское происхождение²³. Примечательно, что керамика с беспорядочной ямочной орнаментацией по тулову встречается в памятниках саргатской культуры лесостепного Прииртышья до II—III, а может быть даже до IV вв. н. э. (Калачевка), хронологически примыкая к соответствующей бахмутинской. В погребениях саргатской культуры (Коконька, Богдановка) находят аналогии также появившиеся на позднебахмутинских и турбаслинских некрополях могильные ямы с заплечиками и нишами в северном торце. Несмотря на некоторые элементы сходства, мы не можем говорить о прямых контактах между бахмутинскими и западносибирскими, саргатскими племенами. Памятники саргатского типа отсутствуют в Башкирии, к тому же ряд особенностей резко отличает их от позднебахмутинских. По-видимому, имели место какие-то опосредованные связи, обусловленные смещениями различных по происхождению племен в эпоху великого переселения народов. На данной же ступени исследования мы можем констатировать, что памятники саргатского типа в лесостепи Западной Сибири в эпоху переселения народов прекращают существование. Часть населения этой культуры смешивается с племенами южной части лесной зоны Приобья, вследствие чего формируется новая культура, материал которой представлен в Козловском и Перейминском могильниках²⁴. Другая, очевидно южная группа населения саргатской культуры, была, по-видимому, увлечена движением на запад в массе других племен, пришедших с юго-востока, и, возможно, приняла участие в сложении этнического состава Башкирии второй половины I тыс. н. э. и, в частности, в оформлении специфики позднего этапа бахмутинской культуры.

Не исключено также, что какая-то часть западносибирских угров лесостепи вошла в состав турбаслинского населения, которое, очевидно, справедливо считают сарматским

¹⁹ В. Ф. Геннинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры.—ВАУ, вып. 4. Свердловск, 1962.

²⁰ Н. А. Мажигов. Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 7, 1—6.

²¹ В. Н. Чернецов. Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции.—Архив ИА, Р-1-1211, погр. 12.

²² О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, рис. 40—2.

²³ В. Ф. Геннинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э.—АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 126; Н. А. Мажигов. *Бахмутинская культура*; е го ж е. Об этническом составе населения северной Башкирии в конце I тыс. н. э.—Итоговая научная сессия Института истории, языка и литературы БФАН СССР за 1967 год. Уфа, 1968, стр. 49.

²⁴ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.—МИА, 58, 1967, стр. 164—174.

в основе ²⁵. С культурой лесостепных племен Западной Сибири эпохи раннего железа турбаслинцев сближают такие черты погребального обряда, как наличие кострищ в насыпях курганов, заплетенных вдоль длинных стенок могильных ям, устройство ниш в северном торце могил с помещением туда сосудов, кости лошади в захоронениях. Оценивая данные явления в целом, можно сказать, что в чистом виде западносибирские угорские черты в материале Башкирии середины I тыс. н. э. четко не выступают. Они прослеживаются как элементы, наславившиеся на культуру местного, финно-угорского и сарматского населения предшествующего времени. По-видимому, это объясняется тем, что перемещения эпохи великого переселения народов и происходившие при этом смешения различных этнических групп вели к быстрой трансформации контактирующих этносов, появлению у них ряда новых особенностей и утрате старых. Это порождает большие трудности при решении вопросов происхождения и этнической интерпретации культур смешанных групп населения.

В составе гуннского племенного союза большую роль играли тюркские племена, часть которых, очевидно, участвовала в сложении этнического состава населения Башкирии третьей четверти I тыс. н. э. Однако, к сожалению, пока не выработан критерий выделения раннетюркских памятников. Нам кажется, что ни одну из известных сейчас этнических групп Башкирии этого периода нельзя считать безоговорочно тюркской. В то же время о миграции тюрков и воздействии их на бахмутинцев говорит, возможно, появление такой черты в погребальном обряде последних, как захоронения ног, черепа и хвоста лошади ²⁶. Эта черта обряда не свойственна угорскому населению лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа. Правда, приходится иметь в виду, что захоронения конечности лошади, обычно вместе с головой, широко распространены не только в тюркском мире, но и у подвергавшихся тюркскому влиянию народов, расселявшихся от Тувы до степей Восточной Европы ²⁷.

Возможно, что тюрки в Башкирии V—VII вв. выступали не как особая территориально и культурно ограниченная этническая группа, а в виде большей или меньшей примеси, суперстрата. Около середины I тыс. н. э. они вошли в состав населяющих Башкирию различных по происхождению (угорских, финно-пермских, сарматских) этнических групп, чему способствовали передвижения эпохи великого переселения народов. С известной долей вероятности удельный вес тюрков в составе этих групп или принадлежность тюркам какого-либо из выявленных в Башкирии этого времени типа памятников (романовских, кушнареновских, турбаслинских) можно будет установить лишь после детального изучения культуры ранних тюрков на их прародине — в Сибири, на Алтае и Казахстане — и четкого определения характерных черт раннетюркской культуры.

В связи с проблемой тюркского компонента в составе этнических групп Башкирии второй половины I тыс. н. э., возможно, не лишено некоторого основания утверждение Н. А. Мажитова о связи кушнареновской керамики с тюркоязычными племенами ²⁸. Однако безоговорочно это утверждение не может быть принято, так как наличный материал не снимает высказанного ранее мнения об ее угорской принадлежности. Угорский субстрат кушнареновцев кажется наиболее вероятным по следующим причинам: хронологически наиболее близкий круг аналогий кушнареновской керамики дают памятники западносибирской лесостепи и южной части тайги; однако керамика кушнареновского типа Башкирии отличается. Она изготовлена тщательнее, чем западносибирская, и имеет более тонкий орнамент. В узорах на керамике из Западной Сибири разнообразнее фигурные штампы; наряду с нарезкой и тонким зубчатым штампом, применялись довольно кру-

²⁵ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. — МИА, 58, 1957, стр. 62; Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. — АЭБ, т. 2, Уфа, 1964, стр. 105. Н. А. Мажитов, однако, считает, что в культуре турбаслинских племен «преобладали тюркские элементы».

²⁶ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 29.

²⁷ А. Д. Грач. Древнетюркские курганы на юге Тувы. — КСИА, 114, 1968, стр. 109—110; С. А. Плещеев. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. — МИА, 62, 1958, стр. 155.

²⁸ Н. А. Мажитов. Об этническом составе населения ..., стр. 51.

позубчатые штампы, почти всегда вдоль венчика наносился поясok ямок, что не свойственно кушнаренковской посуде Башкирии. По-видимому, в Западной Сибири с течением времени будет выявлен ряд локальных вариантов керамики, дающей аналогии кушнаренковской. Пока же можно сказать, что наиболее близкие кушнаренковским образцы локализуются от южной кромки тайги на северо-западе, в Притоболье (Перейминский могильник), до степного Павлодарского Прииртышья на юго-востоке (Бобровский могильник)²⁹. В целом ареал керамики, близкой и гинетически связанной с посудой из Перейминского и Бобровского могильников, занимает в Западной Сибири обширные пространства лесостепи и южной части лесной зоны Прииртышья, от Павлодарской области на юге до Тобольска на севере, от низовой бассейна Туры на западе до Барабинской лесостепи на востоке; в небольшом количестве аналогичная керамика распространяется до Приобья. Происхождение населения, оставившего этот круг керамики, связано со смешением около середины I тыс. н. э. в лесостепи и на юге лесной зоны Западной Сибири остатков лесостепных, очевидно, угорских племен саргатской культуры периода раннего железа и продвигавшихся с севера в обезлюдевшую лесостепь племен южной части тайги, также, по-видимому, угорского происхождения. Движению последних на юг благоприятствовали малая плотность населения лесостепи, с одной стороны, и длительность контактов населения южной части тайги с лесостепным миром — с другой.

В VI—VIII вв. в среду этого, вновь складывающегося, весьма редкого лесостепного населения с юга и юго-востока проникают тюркские племена, положившие начало процессу его тюркизации. Процесс тюркизации угорского населения Прииртышья демонстрирует материал Бобровского могильника³⁰, где вместе с керамикой, аналогичной сосудам Перейминского могильника со штамповой лесной орнаментацией³¹, представлен типично тюркский погребальный обряд с захоронениями коней, сочетанием труположения и трупосожжения.

По-видимому, погребения с круглодонными сосудами и высокой шейкой из Бобровского могильника оставлены тюркизированным угорским населением, но еще придерживавшимся старых угорских традиций изготовления керамики. Напротив, погребальный обряд, а также керамика более северного Перейминского могильника³² не дают оснований для заключения о тюркской принадлежности жившего здесь населения. Очевидно, уже для VI—VIII вв. мы можем говорить о неоднородности состава племен западносибирской лесостепи, на юге которой начинал преобладать тюркский элемент, на севере сохранялся угорский. В таких условиях одна керамика, являясь показателем наличия общего субстрата у угров и тюркизированных угров, не служит индикатором этнолингвистических различий.

Лесостепные угорские племена и тюркизированные угры Западной Сибири, находившиеся в контакте с тюрками-кочевниками, были, очевидно, достаточно мобильны и оказались вовлеченными в движение кочевников VI—VIII вв. на запад, вследствие чего, как можно судить по аналогиям керамики, они попадают в Башкирию и оставляют здесь памятники с сосудами кушнаренковского типа. Принимая во внимание вероятную тюркоязычность населения на юге и угорязычность — на севере западносибирской лесостепи, можно полагать, что носители кушнаренковской керамики Башкирии также не выступают как одноэтническая масса и представляют, с одной стороны, угорские племена, а с другой — тюркизированных угров юга Западной Сибири. Последнее особенно допустимо в отношении кушнаренковского материала из поздних памятников. В таком смысле можно говорить о тюркском характере хотя бы части кушнаренковского населения, не забывая о его угорском западносибирском субстрате.

²⁹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XIV; Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник. — Известия АН КазССР, серия общественных наук, вып. 4. Алма-Ата, 1963, табл. III—1—3.

³⁰ Ф. Х. Арсланова. Указ. соч., стр. 72—74.

³¹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XIV.

³² Там же, стр. 171—173.

В связи с вышензложенными отношениями на территории Западной Сибири находится датировка основного кушнаренковского материала. Все хронологически определенные комплексы с кушнаренковской керамикой датируются не ранее VI—VII вв. (поздние погребения Бирского могильника, Маякский³³, Стерлитамакский³⁴ и др. могильники).

Носители кушнаренковской керамики, очевидно, не представляли монолитную этническую группу. В Башкирии они в значительной части смешиваются с другими, проживавшими здесь группами населения (романовским, бахмутинским, турбаслинским), о чем говорят совместные находки кушнаренковской посуды с керамикой других типов (романовской, бахмутинской, турбаслинской, кара-якуповской) и почти полное отсутствие памятников, где кушнаренковская керамика была бы представлена в чистом виде, без примеси материала других типов.

Параллельно с перемещением кушнаренковцев можно говорить о движении на запад кара-якуповских племен, сходные черты керамики которых с аналогичными чертами керамики лесостепи Западной Сибири рубежа нашей эры уже отмечены в литературе³⁵. Генезис этой посуды в Западной Сибири изучен еще недостаточно. Не исключено, что хронологически ближайшие параллели выявятся в лесостепном Зауралье, где типичная для кара-якуповцев резная и ямочная орнаментация керамики и близкая форма сосудов живут с эпохи раннего железа до средневековья³⁶.

Весьма полемичен вопрос о происхождении в Башкирии плоскодонной керамики романовского типа. В связи с мнением о ее тюркской принадлежности и восточном происхождении³⁷ интересно отметить находки небольшого количества керамики, напоминающей романовскую с насечками по венчику на некоторых городищах лесостепного Прииртышья (Сперановка, верхний слой; Горная Бития, поздний комплекс и др.), которую мы склонны датировать второй половиной I тыс. н. э. и связывать ее с продвигающимися на север тюрками, поскольку близкого облика сосуды представлены в Бобровском могильнике, относящемся к тюркам-кимакам³⁸. Примечательно, что этой керамике и в Бобровском могильнике, и на лесостепных Прииртышских городищах сопутствуют сосуды, аналогии которым находятся в кушнаренковской посуде, что говорит об их синхронности и смешении двух различных групп населения, по-видимому, тюркского и угорского. Однако, несмотря на эти находки, проводит прямую связь между указанной керамикой Западной Сибири и сосудами романовского типа Башкирии весьма трудно. В Прииртышье эта керамика найдена в тюркских, кочевнических погребениях, на городищах — составляет небольшую примесь. В Башкирии она находится на поселениях с мощным культурным слоем и оседлым земледельческо-скотоводческим характером хозяйства³⁹. Хотя для окончательного решения вопроса материала еще недостаточно, создается впечатление, что романовская керамика Башкирии не связана с западносибирским этносом и что мы имеем дело с элементами случайного сходства. По-видимому, корни романовских племен Башкирии уходят в Среднее Поволжье к населению именьевской и городищской культур, что уже отмечено отдельными исследователями.

Для изучения связей населения южного Приуралья и Зауралья в конце I тыс. н. э. большой интерес представляет материал из курганов северо-востока Башкирии типа Мря-

³³ Н. А. Мажитов. Башкирская культура; е го же. Об этническом составе населения стр. 50.

³⁴ Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака.—СА, XXII, 1955, стр. 176, табл. X—4.

³⁵ В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе..., стр. 126.

³⁶ Т. М. Потемкина. Большое Вакальское городище.—АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 257—259.

³⁷ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала.—ВАУ, вып. 1, Свердловск, 1961, стр. 42, 44.

³⁸ Ф. Х. Арсланова. Указ. соч., стр. 79.

³⁹ Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское II.—АЭБ, т. 1. Уфа, 1962; П. Ф. Ищевский и Н. А. Мажитов. Городище Уфа-II.—АЭБ, т. 1; Г. И. Матвеева. Некоторые итоги изучения памятников I тыс. н. э. в центральной Башкирии.—У УАС. Сыктывкар, 1967, стр. 56.

символских и Старо-Халиловских ⁴⁰ Хотя он опубликован неполно, но все же позволяет говорить о том, что, несмотря на большую роль тюркского элемента, налицо черты, свидетельствующие о связях с лесными финно-угорскими племенами, стоящими близко по культуре к древнемансийским племенам бассейна Туры. На взаимоотношения с финно-уграми указывает наличие в погребениях круглодонной керамики со шнуровым, резным в виде елочки и ямочным орнаментом типа «жемчужины» ⁴¹, не типичной для тюрков, но распространенной в соседнем лесном Зауралье ⁴². Об этом же говорит находка серебряной ложки с фигурой медведя, лежащего на передних лапах, из Старо-Халиловского могильника ⁴³. Сюжет медведя, лежащего на передних лапах, совершенно не свойственен искусству тюрков, но зато широко известен в бронзе угро-самоедов Приобья ⁴⁴.

Подводя итог характеру связей населения Башкирии и Зауралья в конце I тыс. до н. э.— в I тыс. н. э., следует отметить следующее. В период кара-абызской и пьяноборской культур взаимоотношения с Зауральем в основном ограничивались соседскими контактами. В III—IV вв. можно предполагать включение небольшой группы лесного угорского населения в среду ранних бахмутинцев, что, впрочем, не привело к существенному изменению облика культуры. Около середины I тыс. н. э. отмечается приток в Приуральскую Башкирию некоторой массы угорского и частью тюркского населения из западносибирской лесостепи, приведший к значительным изменениям культурно-этнического состава. Движение отдельных групп угров, тюрков и тюркизированных угров продолжалось и на протяжении второй половины I тыс. н. э. Появление собственно древнебашкирских племен относится, вероятно, к концу I тыс. н. э. ⁴⁵.

⁴⁰ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир.— АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 150—157; е г о ж е. Керамика памятников VIII—X вв. на Южном Урале.— У УАС, Сыктывкар, 1967, стр. 58.

⁴¹ Н. А. Мажитов. Башкортостан археологияны. Өфө, 1968, рис. 29—3—5.

⁴² В. А. Могильников. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I—начале II тысячелетия н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1964, стр. 12.

⁴³ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории..., стр. 154.

⁴⁴ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XXXI, XXXII—1, 2.

⁴⁵ Р. Г. Кузеев. Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX в.— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 102.

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ
НА СЕКЦИИ
ЭТНОГРАФИИ**

Т. А. ЖДАНКО
(Москва)

**О БЛИЗОСТИ НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
У КАРАКАЛПАКОВ И БАШКИР**

Большое внимание к темам этногенеза и этнической истории уже много лет отличает исследование этнографов Башкирии. Несмотря на сложность проблемы этногенеза башкирского народа, достигнуты значительные успехи в ее разработке благодаря применению комплексного метода исследования — использования и сопоставления данных истории, этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, фольклора; работе над этой сложной темой способствует и широта исследований — привлечение сведений об этнических процессах, происходивших в древности и средневековье у населения соседних с Приуральем регионов Восточной Европы, Сибири и Средней Азии. У башкир и народов этих регионов выявляются общие этнические компоненты и этнографические факты, свидетельствующие о значительном влиянии культурно-исторических связей.

Нельзя не отметить и убедительность теоретических принципов этногенетических изысканий этнографов Башкирии: учитывая исторические судьбы Приуралья, опровергающие возможность абсолютной автохтонности башкирского этногенеза, исследователи придают большое значение участию в этом процессе наряду с этническими элементами местного происхождения также и пришлых племен, проникавших на территорию Башкирии во время частичных передвижений соседнего населения и в потоках крупных миграционных волн, захватывавших Приуралье на разных этапах многовековой истории башкирского народа.

В исследованиях по этногенезу и истории культуры башкир сопоставления со среднеазиатским этнографическим материалом встречаются постоянно, близость исторических традиций башкир с народами Средней Азии подтверждается обильными фактами. Элементы этой близости прослеживаются наиболее явственно у узбеков, туркмен и каракалпаков, а также у казахов и киргизов. Исследуя связи башкирского этногенеза со Средней Азией, Р. Г. Кузеев установил для средневековья основные исторические этапы, когда могли произойти по крайней мере три значительных волны миграций тюркоязычных родо-племенных групп из Средней Азии и Приаралья в направлении Южного Урала и Приуралья¹. Многочисленные археологические и исторические факты, выявленные исследователями Средней Азии, также свидетельствуют об исторической реальности частых контактов населения этих крупных этнических регионов. Отмечая в целом ряде своих работ исторические связи Средней Азии с Приуральем и Восточной Европой, С. П. Толстов пишет: «До Приаралья, видимо, доходила с севера область расселения древних геродотовых йириков — предков ранне-средневековых урвов-югров, тюркизированные потомки которых являлись одним из важнейших элементов этногенеза башкирского народа»².

¹ Р. Г. Кузеев. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью (по данным шежере, исторических преданий и легенд). — «Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г.», Уфа, 1966, стр. 85—93.

² С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. — КСИЭ, вып. 2, 1947, стр. 74.

Благодаря работам Р. Г. Кузеева³, связи башкирского этногенеза с народами Средней Азии и Казахстана выявлены на обширном материале родо-племенных этнонимов башкир, их родословных — шежере, легенд и преданий о происхождении и передвижениях различных племенных групп. Работы среднеазиатских этнографов, накопивших такой же материал по туркменам (Г. П. Васильева, Я. Р. Винников, А. Джикиев и др.), каракалпакам (Т. А. Жданко, Л. С. Толстова), узбекам (Б. Х. Кармышева, К. Шаниязов, К. Л. Задыхина и др.), киргизам (С. М. Абрамзон и др.), казахам (В. В. Востров, М. Муканов), позволяют провести ряд сопоставлений и сделать убедительные выводы в результате историко-этнографического анализа этого ценного источника, правомерность использования которого теперь уже не вызывает сомнений. Как известно, в шежере и исторических преданиях многих башкирских племен содержатся сведения о приходе их предков из Средней Азии (Приаралья — низовьев Сыр-Дарьи, Хорезма и Бухары), что в ряде случаев подтверждается и историческими источниками (например, пребывание в Средней Азии в VIII в. бурзян). Для некоторых башкирских племен Средняя Азия была, видимо, областью временного обитания на большом пути их миграций; так, племя усерган своей первоначальной родиной считает Алтай, откуда передвинулось в Семиречье и затем в Приаралья. На Южный Урал, по легенде, привел усерганов мифический волк — их тотем-предводитель. Тангауры считают своих предков пришельцами с Сыр-Дарьи. Интересен ряд совпадения этнонимов племен у башкир и узбеков, каракалпаков, казахов (например, башк. катая, канлы, кыпсак, мин, айле, табын и др.); башкиры кара-кыпсак, как и каракалпаки-кыпсак, своим ураном считали «Токсабай» — название одного из полочецких племен, известного по восточным источникам (Эн-Нувеври)⁴ и по русским летописям («Токсобычи» Ипатьевской летописи)⁵. Интересно сопоставить название одного из северо-восточных племен башкир — «салют» — с каракалпакским «шулжунит», родовой группы, входившей в состав кунградов-колдаулы. Р. Г. Кузеев, опираясь на сведения Рашид ад Дина, считает это племя монгольским по происхождению, связывая его с упоминаемым у Рашид ад Дина монгольским племенем салджуит⁶; почти идентичный этноним каракалпаков, возможно, того же происхождения, хотя Н. А. Баскаков высказал другую гипотезу — о связи каракалпакских «шулжунит» с сельджуками. Следует напомнить, что помимо аналогий в этнонимах у башкир имеются и родо-племенные подразделения, свидетельствующие о непосредственном включении в их состав мелких групп среднеазиатских народов (туркмен, «каракалпак», «сарт» и др.).

Культь волка, считавшегося прародителем и покровителем у древних тюрков и монголов, столь определенно выраженный в исторической традиции башкир и отразившийся в самом этнониме этого народа, видимо, существовал и у народов Средней Азии — узбеков, туркмен и др.⁷ Своеобразным вариантом преданий о волке-предводителе (путеводителе) племени, переселяющегося в новые, неизвестные края, можно считать, на наш взгляд, и одну из легенд о переселении туркмен с низовий Сыр-Дарьи на юго-запад, к Теджену и Атреку. Легенда записана нами у каракалпаков в районе Кунграда; в ней волк заменен собакой (тотемы эти, по мнению исследователей, были тесно связаны). В легенде, наряду с характерным для ислама отношением к собаке как к животному сакрально нечистому и враждебному людям, неожиданно проступают реликты противоположных представлений о ней, видимо, более древних: собака оказывается покровителем и путево-

³ Р. Г. Кузеев. Указ. соч.; его же. Родо-племенной состав башкир в XVIII в. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1961; его же. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957; Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 27—37 и др.

⁴ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, стр. 540—541.

⁵ Ипатьевская летопись, стр. 432.

⁶ Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в., стр. 8.

⁷ Л. П. Потапов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. — КСИЭ, вып. 30, 1958, стр. 135—142; С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 12—15.

дителем изгнанных с Сыр-Дарьи туркмен. Как повествует легенда, в свирепую собаку, гнавшую туркмен из Туркестана, выстрелил из лука один из джигитов — участников этой вынужденной перекочевки; издыхая, собака с упреком сказала ему, что напрасно он ее убил — ведь она вела туркмен в благодатные и богатые края, где даже собачьи кормушки делают из золота. «Жаль мне тебя, — заключила собака, — если б ты не стрелял — и ты дошел бы до тех мест»⁸

Намеченные Р. Г. Кузеевым и другими исследователями хронологические рамки основных миграционных волн из Приаралья на территорию Башкирии нам кажутся обоснованными. Однако, если сопоставлять этногенез и этническую историю башкир именно с каракалпаками, то исторически обусловленные возможности их этнических контактов и культурных взаимовлияний окажутся, на наш взгляд, большими и более постоянными, устойчивыми по сравнению с другими среднеазиатскими народами. Не ограничиваясь средневековьем, связи эти уходят дальше в глубь веков и четко прослеживаются в новое время — в XVI—XVIII вв., когда Башкирия уже входила в состав Русского государства.

Изучение этногенеза каракалпаков еще далеко от завершения, но не вызывает сомнений широта территории, на которой протекал этот процесс, и охват ею с глубокой древности помимо Приаралья многих областей Восточной Европы и Южного Урала. Характеризуя географическое положение предполагаемой области формирования каракалпаков, С. П. Толстов пишет, что имеющиеся данные «позволяют видеть в протокаракалпакской этнической среде своеобразное посредствующее звено между народами Восточной Европы, Средней Азии, северо-западной Сибири, Приуралья и Восточного и Центрального Казахстана»⁹.

Еще на заре истории, в эпоху неолита, по археологическим данным, существовали контакты первобытных племен Приаралья с населением Урала и Зауралья¹⁰. Во II—начале I тыс. до н. э. северные районы Средней Азии и Казахстана, так же как южное Приуралье и степи юга европейской части СССР, были заселены племенами — носителями культур степной бронзы; южное Приаралье, как определили археологические изыскания, было в ту эпоху зоной контакта срубной культуры Поволжья и южного Приуралья с андроновской культурой южной и юго-западной Сибири и Казахстана. Компоненты этих двух культур степной бронзы явственно отражены в тазабегьябской культуре бронзового века, исследованной Хорезмской экспедицией АН СССР. Этот факт свидетельствует о появлении в середине II тыс. до н. э. в степях южного Приаралья племен—пришельцев с северо-запада¹¹. Об этом же говорят палеоантропологические материалы. Таким образом, подтверждается реальность существования этнических контактов между указанными регионами и в эпоху бронзы.

Тот же круг связей характерен и для следующей эпохи, когда к середине I тыс. до н. э. на части территории Башкирии распространяются преемники и потомки племен эпохи бронзы — савроматы, известные позднее под именем сарматов. Как отмечают археологи, в исследованиях Хорезмской экспедиции, открывшей за последние годы множество сакских памятников — городов, сельских поселений и могильников в северных Кызыл-кумах и низовьях Сыр-Дарьи, особенно ясно выступают связи скифо-сарматского мира Восточной Европы и сако-массагетского мира Средней Азии. «Приуральская группа савроматских племен, — пишет К. Ф. Смирнов, — безусловно испытала наибольшее, подчас прямое воздействие сакских и массагетских племен, ибо между ними не было непроходимой стены. Отдельные массагетские группы, вероятно, не раз входили в объединения приуральских кочевников... В свою очередь савроматы бывали в Хорезме, их отдельные группы жили

⁸ Полевая запись легенды опубликована в статье С. П. Толстова «Города гузов»—СЭ, 1947, № 3, стр. 95—96.

⁹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, стр. 74.

¹⁰ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1963, стр. 171.

¹¹ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I — Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 143; Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I. Ташкент, 1964, стр. 17—18, 23.

вместе с родственными сако-массагетскими племенами на территории Хорезмийского царства»¹². К. Ф. Смирнов пишет о сходстве и даже тождестве некоторых видов керамики из погребальных сооружений саков-апиасиков дельтовых областей Хорезма с лепной керамикой восточной, южноуральской группы савроматов, об аналогиях в их погребальном обряде и высказывает предположение о том, что в период Ахеменидской державы восточносарматские воины, как союзники Хорезма, временами входили в состав хорезмийского войска, жили в Хорезме и проникали даже в Иран. В качестве доказательства этой своей гипотезы он приводит факт находки в сокровищнице Персеполя наборов стрел, чуждых Ирану, но «известных в развалинах хорезмийских крепостей и особенно в колчанах приуральских савроматов VI—V вв. до н. э.»¹³. О культурных взаимосвязях с восточными савроматами свидетельствует, по мнению этого исследователя, и длинный меч, найденный Хорезмской экспедицией при раскопках в Тагискене; зооморфный рисунок на золотых обкладках его рукоятки и ножен сходен со звериным стилем Приуралья VI—V вв. до н. э.¹⁴. Интересно, что некоторые отголоски традиций характерного для савроматов института амазонок сохранились в каракалпакском фольклоре¹⁵.

Тюркизация ираноязычных племен Приуралья, первый этап которой большинство историков и тюркологов связывают с продвижением в эту область во II—IV вв. н. э. гуннов, видимо, происходила одновременно с началом проникновения тюркской речи в иранскую и угро-финскую языковую среду населения Южного Урала, где этот процесс также был связан с приходом племен западно-гуннского племенного союза¹⁶.

Для дальнейшего периода — средневековья — связь основных этапов этногенеза башкир (точнее — большинства башкирских племен) с Приуральем и Средней Азией детально исследована Р. Г. Кузеевым в вышеупомянутом докладе на «Итоговой научной сессии... 1965 г.» и в докладе на пленарном заседании данной сессии.

В итоге своих исследований Р. Г. Кузеев приходит к заключению, что северное Приуралье было основным районом расселения большой группы древнебашкирских племен перед массовым их передвижением на территорию Башкирии. Он полагает, что эти племена входили в состав печенежского объединения и что после прихода с востока — с верховий Иртыша и из Южной Сибири — приуральские степи, удобные для кочевого скотоводства, стали для них временной родиной, где в этническом взаимодействии столкнулись многие местные и пришлые родо-племенные группы¹⁷.

Есть все основания предполагать, что в этом «этническом взаимодействии» с предками башкир принимали участие и предки каракалпаков; племена восточных печенегов, а позднее — печенежско-огузского союза, были той этнической средой, в которой началось формирование каракалпакской народности¹⁸.

В IX—X вв., когда после передвижения приуральских башкирских племен на современную территорию Башкирии они смешиваются с местными угорскими, болгарскими и другими этническими группами, что определяет, по Р. Г. Кузееву, «узловой момент в формировании древнебашкирского этноса», — племенные группы, являющиеся субстратом каракалпакского этногенеза, остались в Приуралье. Дальнейшее становление каракалпакской народности происходило в среде кыпчаков, завоевавших Приуралье в XI в.; следствием этого было принятие каракалпаками языка кыпчаков, а с XII в. стал уже известен и этноним «каракалпаки» («черные клубуки» русских летописей). Именно пребывание в

¹² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 278.

¹³ Там же, стр. 280.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Т. А. Жданко. Каракалпакская эпическая поэма «Кырк кыз» как историко-этнографический источник. — КСИЭ, вып. 30, 1958, стр. 116.

¹⁶ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 32—33; е го же. Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана. — «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, стр. 117.

¹⁷ Р. Г. Кузеев. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. — См. данный сборник, стр. 17—29.

¹⁸ «Очерки истории Каракалпакской АССР», т. 1, стр. 129—132.

кыпчакском союзе явилось «узловым моментом» формирования каракалпаков, хотя окончательно их этногенез и сложение языка завершаются в среде ногаев, в послемонгольский период. По этому поводу С. П. Толстов пишет, что «в соответствии с каракалпакской народной традицией» формирование каракалпаков происходило в составе восточной группы ногайских племен, «представлявших сложное скрещение различных раннесредневековых тюркских и тюркизированных народов Приаралья и Приволжья, вошедших в иных сочетаниях и пропорциях также и в состав узбеков, западных казахов, башкир»¹⁹

Мы видим, что основные («узловые») этапы этногенеза каракалпаков и башкир протекали уже на разных территориях, в различных этнических регионах. Однако на протяжении всей дальнейшей истории в средневековые этнические судьбы их постоянно скрещиваются. Движение кыпчаков из Прииртышья оказалось решающим фактором в формировании языка не только для каракалпаков, но и для башкир. Как говорилось выше, оно существенно повлияло и на этнический состав последних. На родо-племенном составе обоих народов отразились их связи в XII в. с государством киданей. Наконец, очень большую роль в этнической истории как тех, так и других сыграло монгольское завоевание и длительное пребывание в тюрко-монгольской (и, особенно, в кыпчакской) этнической среде Джучиева улуса. Напомним также, что обширные кочевья Ногайской орды, доходившие на юге до Каспия и Арала, охватывали и значительную часть южной и центральной Башкирии.

Естественно, все эти черты общности исторического прошлого не могли не отразиться и на близости многих исторических традиций каракалпаков и башкир.

С другой стороны, и в новое время не прекращаются политические и культурные связи между этими двумя соседними и родственными народами. В XVI в., когда происходит важнейшее историческое событие в судьбах башкир — присоединение их к России, каракалпаки впервые появляются в среднеазиатской историографии; источники фиксируют их на нижней Сыр-Дарье, в окрестностях Сыгнака²⁰. До 40-х годов XVIII в. их судьба здесь была связана со среднеазиатскими ханствами и, главным образом, с казахами — большая часть их подчинялась казахским ханам, входя в состав Младшего Жуза.

Несмотря на слабую изученность так называемого «сырдарьинского» периода истории каракалпаков, под которым обычно подразумевают XVI—XVIII вв.²¹, источники свидетельствуют о частых передвижениях их отдельных групп на север, в Западную Сибирь и на Урал. Имеются данные и об обитании небольшой группы каракалпакского населения в XVII в. на берегах Яика и Эмбы²². Русские источники первой половины XVII в. неоднократно упоминают каракалпаков, совершающих совместно с казахами набеги на русские окраины Сибири. Во второй половине XVII в., как свидетельствуют документы, каракалпаки участвовали в башкирском восстании, направленном против русской колонизации и захвата башкирских земель. Каракалпаки и казахи вместе с башкирами участвовали в нападениях на русские войска, разоряя уральские и сибирские волости, выступая по под Тобольском, то в долине р. Эмбы и к западу от Урала²³. В стайных списках русских посланников в Среднюю Азию, в делах Сибирского приказа и других русских документах конца XVII в. очень часто фигурируют каракалпаки как союзники башкир.

Из некоторых документов можно заключить, что в этот период отдельные группы башкирского населения даже жили среди каракалпаков; так, в одном из дел Сибирского приказа, датированном 1700 г., приводятся показания крестьянина Тобольского уезда, который сообщил: «Да в Каракалпаках живут башкирцы с женами и с детьми во многих юртах заодно, и на войны ходят...»²⁴. Имеются данные о том, что «сибирский царевич»

¹⁹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, стр. 73.

²⁰ П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков. — «Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР», т. 7. М.—Л., 1935, стр. 33—35.

²¹ См.: «Очерки истории Каракалпакской АССР», т. 1, гл. 3; С. К. Камалов. Каракалпаки в XVII—XIX веках. Ташкент, 1968, стр. 25—53.

²² П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 39.

²³ Там же, стр. 40—41.

²⁴ «Материалы по истории каракалпаков», стр. 148.

Кучук, правнук Кучум-хана, был какое-то время в XVII в. правителем каракалпаков на Сыр-Дарье. Отмечая, что в статейном списке Бориса Пазухина (1671 г.) Кучук-хан упоминается как хан башкир («Кучук-хан башкирский... ныне в каракалпаках»), П. П. Иванов объясняет это тем, что династия, к которой принадлежал Кучук-хан, родственно связанная с династией Кучум-хана сибирского, очевидно, являлась общей для башкир и для каракалпаков»²⁵

В XVIII в. происходили события, повлекшие за собой передвижение значительных групп сырдарьинских каракалпаков на Эмбу, Урал и в Поволжье. Эта миграция была связана с джунгарским нашествием 1723 г. В этот период, по-видимому, башкиры нередко поддерживали беженцев-каракалпаков, о чем свидетельствует сообщение, что в 1728 г. каракалпаки пытались заключить союз с башкирами для совместного действия против калмыков. В одном из доношений в Казанскую канцелярию «из Уфимской провинции» сообщается, что от башкирцев Ногайской и Сибирской дорог были присланы «к калмыцким владельцам посланцы, с которыми де приказывали, что зовут их башкирцев с войском к себе в союз каракалпаки, будто их калмыков воевать...»²⁶

Мы видим, что даже небольшое число опубликованных документов свидетельствует о довольно устойчивых связях (политических, а вероятно, и культурно-бытовых) сырдарьинских каракалпаков с башкирами в XVII и XVIII вв., и эта тема, очевидно, заслуживает специального изучения.

* * *

Сопоставление путей этнического развития башкир и каракалпаков показывает, как на стыке трех огромных историко-культурных регионов — Восточной Европы, Сибири и Средней Азии — в позднем средневековье сформировались две народности, близкие по языку и многим элементам своего этногенеза, по своим историческим традициям, хозяйственному типу, уровню социально-экономического и этнического развития. Однако каракалпаки сформировались по всему своему этнографическому облику как народ среднеазиатский²⁷, а башкиры отличаются этнографическими чертами, характеризующими их принадлежность к другому, восточно-европейскому этническому региону: тяготением к тюркско-булгарской и финской культуре Поволжья и глубокими связями с угорским миром Урала. И все же эти особенности не отрицают общности многих задач и интересов у исследователей истории культуры каракалпаков и башкир. Так, общей для них является задача проследить влияние на формирование культуры этих «пограничных» народов огузопеченеческого и кыпчакского этнических комплексов, простиравшихся до Балкан и Кавказа. Не менее важно для тех и других изучение этнокультурного влияния древнетюркского мира Южной Сибири. Кроме того, особый интерес, как нам кажется, представляют поиски в каракалпакской культуре следов влияния и связей, издревле существовавших у их предков с народами угорского происхождения — автохтонным населением Урала и Приуралья, вклад которого, видимо, значителен в культурном наследстве башкир.

Помимо целого ряда докладов, входящих в программу данной сессии и широко освещающих материальную и духовную культуру башкир, существует также большая литература по этим вопросам; причем следует отметить, что этнографы Башкирии в полной мере пользуются сравнительно-историческим методом — ключом этнографического исследования и выявляют на своем материале многосторонние этнические и культурно-исторические связи башкирского народа. Трудно переоценить, например, научное значение проведенных в этом аспекте исследований С. А. Авижанской, Н. В. Бикбулатова и Р. Г. Кузеева по при-

²⁵ П. П. И в а н о в. Указ. соч., стр. 57

²⁶ «Материалы по истории каракалпаков», стр. 196.

²⁷ См.: Т. А. Ж д а н к о. Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии). Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964, стр. 35—43.

кладному искусству башкир²⁸ и С. Н. Шитовой — по истории формирования башкирского народного костюма²⁹. Много внимания все авторы уделяют, в частности, и башкиро-среднеазиатским культурным связям.

Этнографы, исследующие генезис материальной культуры народов Средней Азии, также прослеживают аналогии в предметах одежды, в прикладном искусстве и т. д. у туркмен, казахов, каракалпаков, узбеков с народами Урало-Поволжья. Это относится, например, к таким древним головным уборам, как туркменская девичья тюбетейка «тахья» и каракалпакский женский головной убор «саукеле». Оба они, вероятно, восходят к боевому шлему. Сопоставление тюбетеек, обшитых металлическими бляшками или монетами, у удмуртов, башкир, чувашей и туркмен имеется в работах С. П. Толстова и В. Н. Белицер, относящих их к типу шлемовидных головных уборов³⁰. Однако на теме «тахья», видимо, подробнее остановился в своем докладе Г. П. Васильева.

Каракалпакские саукеле, имеющие большие наушники, сохраняют еще более близкое сходство со шлемом воина³¹. Общий облик и некоторые детали саукеле перекликаются с особенностями головного убора «безымянного царя» на монете конца I в. до н. э., найденной в Хорезме на городище Топрак-Кала³². Известный этнограф М. С. Андреев полагал, что термин «саукеле» происходит от иранского «ша куло» — шапка царя. Интересно, что в каракалпакской эпической поэме «Кырк кыз» саукеле фигурирует как головной убор военачальника: предводительница отряда сорока девушек-амазонок перед битвой, вскочив на коня, надевает саукеле.

В связи с этим нам кажется вполне правомерным предположить, что головной убор типа саукеле был широко распространен в степях Приаралья и что генезис его связан с боевыми шлемами воинов сако-массагетских (хорезмских) и сармато-аланских племен³³, в среде которых, как известно, были чрезвычайно сильны традиции матриархата и нередко, наравне с мужчинами, предводителями и правителями бывали женщины.

Высказывая свои соображения о происхождении головных уборов шлемообразного типа у народов Урало-Поволжья, В. Н. Белицер пишет, что они могли развиваться из шлема степняков-кочевников Европы и Азии и позднее проникнуть к населению, живущему на степе лесостепной зоны³⁴.

Ограниченность объема доклада позволяет остановиться еще лишь на одной особенности материальной культуры каракалпаков, имеющей связь с нашей темой. Это — счетная вышивка, характерная для старинных видов народного костюма.

Нам приходилось уже неоднократно описывать каракалпакский «кызыл-кимешек» — головной убор молодой замужней женщины, а также «жегде» — накидываемый на голову халат с ложными, скрепленными сзади рукавами, похожий этим на паранджу узбеков и равнинных таджиков, но сшитый обычно из красной или другой яркой в полосу ткани³⁵. В настоящее время эти виды одежды уже не бытуют, хотя были повсеместно распростра-

²⁸ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

²⁹ С. Н. Шитова. Народная одежда башкир. — «Археология и этнография Башкирии», т. 3. Уфа, 1968, стр. 125—227.

³⁰ С. П. Толстов. Les principales étapes du développement de la civilisation teriouchkane. — Eurasia septentrionalis Antiqua, VI, 1931, стр. 56—61; В. Н. Белицер. К вопросу о происхождении удмуртов. — СЭ, 1947, № 4, стр. 118—119;

³¹ Б. В. Андрианов, А. С. Мелков. Образцы каракалпакского народного орнамента, табл. XVIII. — «Труды Хорезмской экспедиции», т. 3. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков М., 1958.

³² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 149, рис. 5; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948). — «Труды Хорезмской экспедиции», т. 1, 1952, стр. 13, 15.

³³ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — «Труды Хорезмской экспедиции», 1, стр. 552—553.

³⁴ В. П. Белицер. К вопросу о происхождении удмуртов, стр. 119.

³⁵ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 554, рис. 26, 27, 28-а; е же ж е. Народное орнаментальное искусство каракалпаков, табл. XII, XV, XVI.

Р и с. 1. Каракалпачка в красном кимешеке. Муйнакский район, КК АССР, 1958 г. Хорезмская экспедиция. Фото Г. А. Аргиропуло.

вой, выполненной счетными швами — крестом или счетной гладью. Композиция, характер орнамента на ак-кимешеке и также где совершенно другие, чем на обычных, красных. Например, на ак-кимешеке полосы орнамента расположены вертикально, перпендикулярно к основанию нагрудника, а на ак-жегде вышивается не только ворот, но и весь перед и спина накидки, а часто и рукава.

Пока трудно сказать, следует ли рассматривать эти два варианта как два этапа развития каракалпакской одежды и вышивки, как две возрастных разновидности или же как два параллельно развивавшихся их типа, с различиями, вызванными культурным влиянием разных этнических элементов. Во всяком случае, старые женщины, наши лучшие информаторы по народному костюму, единодушно утверждают, что «шатраш» — вышивка крестом по белой ткани — исконно каракалпакская, издавна свойственная их традиционному вышивальному искусству.

В связи с этим чрезвычайно интересным и важным было для нас заключение авторов труда «Декоративно-прикладное искусство башкир» о том, что для старинных образцов народного костюма башкир очень характерна счетная вышивка на белом фоне и что это — один из признаков, сближающих башкирскую счетную вышивку с вышивкой чувашей и

нены еще совсем недавно, в 1920—1930-х годах, и сейчас сохраняются во многих семьях в качестве реликвий, принадлежавших самой хозяйке или ее матери.

Кызыл-кимешек (рис. 1) богат украшен, в особенности его нагрудная часть, которую делают из алого сукна с нашитыми на него полосами сукна черного цвета. Одна из полос горизонтальная, широкая, на ней располагают главную часть вышивки; две другие, меньшие, полосы примыкают к широкой под углом и тоже расшиты узорами. Кроме черных полос, вышивкой украшают и основное, красное, поле кимешека.

Жегде чаще всего шьют из шелковой или полушелковой ткани (рис. 2), вышивка на нем только окаймляет ворот, причем изготавливается отдельно и потом нашивается на жегде; обычно материалом для такой вышитой каймы служит тоже плотное красное или черное сукно. Естественно, что на сукне вышивка выполняется свободным швом, преимущественно тамбуром или косой сеткой (называемой также «озлик с окантовкой»). Однако наряду с этими видами кимешека и жегде, хотя и гораздо реже, встречаются и белые (рис. 3, 4), сшитые из белой хлопчатобумажной ткани, называемые ак-кимешек (или кемпир-кимешек — старушечий) и ак-жегде³⁶. В таких случаях эти предметы украшают вышивкой.

³⁶ Т. А. Жданко. Каракалпакки Хорезмского оазиса, рис. 28-6; е же е. Народное орнаментальное искусство каракалпаков, — «Труды Хорезмской экспедиции», т. 3 стр. 400 — 403.

угро-финских народов края»³⁷. Ниже авторы снова отмечают, как установленный факт, общность башкирских счетных вышивок с вышивкой обских угров, народов Поволжья и чувашей, а также сообщают о весьма ценном для нас наблюдении—о наличии «определенного родства между счетными вышивками башкир и каракалпаков»³⁸.

Имеются, однако, и другие этнографические факты, подтверждающие возможность проследить связи каракалпакской культуры с угорскими народами. Среди разнообразных предметов каракалпакской женской одежды, украшаемых вышивкой, есть один вид женского платья, также уже почти исчезнувший даже из сундуков с семейными реликвиями. Это — рубаха-платье традиционного туникообразного покроя из окрашенной в синий цвет хлопчатобумажной ткани домашнего производства или (в давние времена, по словам информаторов) из кендырного холста — так называемые «кок-койлек». По рассказам стариков, раньше они бывали двух видов: без вышивки, когда служили траурной одеждой, и украшенные вышивкой; последние считались праздничной одеждой девушек и молодых.

Р и с. 2. Каракалпачка в красном жегде с вышивкой. Кунградский район, КК АССР, 1946 г. Хорезмская экспедиция. Фото автора.

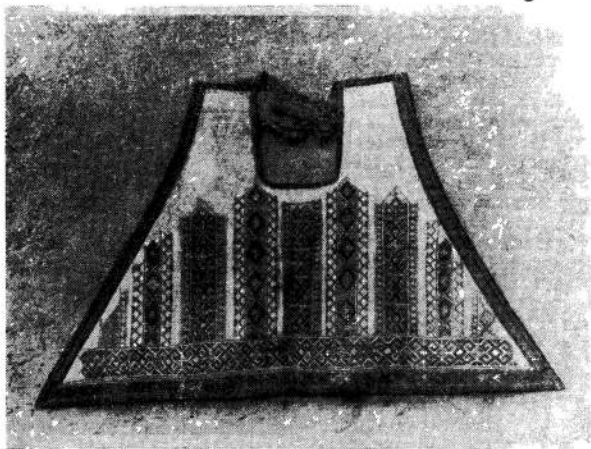
Единичные экземпляры кок-койлек, хранящиеся сейчас в музеях³⁹, вышиты крестом разноцветными шелковыми нитками, причем вышивка располагается широкой сплошной полосой на передней части рубахи, на подоле и рукавах (рис. 5). Архитектоника орнамента, композиция его на этой широкой вертикальной полосе вышивки очень своеобразна, мы уже давно обратили внимание на то, что ближайшие аналогии этого вида каракалпакской народной одежды прослеживаются не в Средней Азии, а в одежде угорских народов. К этому заключению нас привело существенное сходство кок-койлек с некоторыми видами одежды обских угров, в частности с отдельными экземплярами старинных женских рубах южных хантов, хранящихся в коллекциях МАЭ АН СССР (рис. 6). Описание покроя и вышивки на этих рубахах имеется в работах Н. Ф. Прытковой⁴⁰ Разумеется, говорить о полной идентичности этих ру-

³⁷ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, стр. 101.

³⁸ Там же, стр. 113.

³⁹ Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград), Музей искусства Каракалпакской АССР (Нукус).

⁴⁰ Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов.—Сборник МАЭ, т. 15. Л., 1953, стр. 200.

Р и с. 3. Белый кимешек. Муйнакский район, КК АССР, 1957 г. Хорезмская экспедиция. Фото Г. А. Аргиропуло.

бах мы не вправо. Их объединяет, главным образом, покррой, материал и особенно—характерная композиция счетной вышивки по холсту. В то же время цвет ткани, вышивальные швы различны: у хантов рубахи из белого холста и вышивка выполнена не крестом.

Пока не удалось выяснить, бывали ли у каракалпаков рубахи с такой же вышивкой, как на кок-койлек, но из белой ткани. Возможность такого варианта допустима, учитывая, что для этого платья было несколько названий: помимо «кок» (синее), также «кестели» (вышитое) и «халкалы» (с подвесками, женскими украшениями).

И. В. Захарова и Р. Ходжаева в монографии о казахской народной одежде высказали предположение, что наблюдавшееся в Казахстане в XVIII— начале XIX вв. преобладание женских рубах из хлопчатобумажных тканей синего цвета объясняется «обилием дешевых тканей такого цвета, привозившихся из Средней Азии»; они же обращают внимание на то, что синие платья были распространены в этот период не только у казахов, но и у каракалпаков и башкир и что синего цвета были женские распашные рубахи у южных алтайцев⁴¹. Возможно, что на цвет каракалпакского кок-койлек действительно оказали влияние привозные из соседних районов синие ткани — в их собственном хозяйстве того времени не было развито хлопководство и их потребность в хлопчатобумажных тканях, очевидно, не могла удовлетворяться без рынка, хотя они добывали волокно дикой конопли и джута, а также вырабатывали и даже продавали «торка́» — волокно из кендыря (кендырь — дикорастущее прядильное растение, в обилии встречался в дельте Аму-Дарьи и в тугаях, затопляемых водой). Лучшие сорта торка шли на ткани, а более грубые — на изготовление сетей⁴². Таким образом, каракалпаки, как башкиры, обские угры и некоторые народы Поволжья, вырабатывали прядильное полотно из дикорастущих растений. Южные ханты, по литературным данным, вышивали свои платья преимущественно цветной шерстью, но

⁴¹ И. В. Захарова, Р. Ходжаева. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964, стр. 80.

⁴² А. М. Никольский. О рыболовстве в водах Аральского бассейна.—Известия ИРГО, т. 23, СПб., 1888, стр. 673.

употреблялись для этого, особенно у зажиточных, и цветные шелковые нити. Об этом свидетельствует интересный опубликованный А. И. Андреевым документ — «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах». В разделе, посвященном осяткам, указывается, что женщины у них собирают крапиву, из которой ткют холсты и шьют рубашки, «и оные рубашки вышивают разных цветов шерстями, а достаточные и шелком»⁴³. Документ относится к середине XVIII в. Цитируя это место из «Описаний», Н. Ф. Прыткова пишет, что «рубаш, вышитых шелком, до нас не дошло»⁴⁴.

Что касается вышивальных швов, характерных для вышивки южных хантов, то Н. Ф. Прыткова не дает собственного их описания, а отсылает к специальной работе, посвященной исследованию этнографической коллекции Тобольского губернского музея — статье «Изделия осятков Тобольской губернии»⁴⁵. В статье говорится о традиционном искусстве вышивки нитками по ткани у осятков, особенно в бассейне Нижнего Иртыша до его впадения в Обь и по Оби до устья р. Конды; здесь вышитая рубашка была праздничной одеждой женщин, плясавших в ней на «медвежьих праздниках». Далее в статье детально описаны пять основных швов хантской счетной вышивки по холсту; один из них — «сеvem ханч» — вышивка крестом. Таким образом, этот технический прием вышивки на женских рубахах не был чужд обским уграм, что подтверждает закономерность наших сопоставлений.

Здесь будет уместно упомянуть и о нашем опыте историко-этнографического исследования каракалпакского орнамента⁴⁶, в результате которого оказалось, что некоторые элементы орнамента вышивки, а также разных видов узорных тканых и ковровых полос, скрепляющих деревянный остов юрты, чрезвычайно близки комплексу орнаментальных мотивов, распространенных у южных и восточных групп хантов и манси и на Северном Алтае — у шорцев и кумандинов. С. В. Иванов выделяет этот комплекс в особый тип орнамента народов Сибири (седьмой, по его номенклатуре) и отмечает, что западная его гра-

Рис. 4. Каракалпачка в ак-жегде, вышитом крестом. Кегейлинский район, КК АССР, 1929 г. Фото МАЭ АН СССР.

⁴³ А. И. Андреев. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах. — СЭ, 1947, № 1, стр. 98.

⁴⁴ Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов, стр. 200.

⁴⁵ Ежегодник Тобольского губернского музея за 1909 г., вып. 19. Тобольск, 1911, стр. 57 и сл.

⁴⁶ Т. А. Жданко. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. — СЭ, 1955, № 4; е е же. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. — Труды Хорезмской экспедиции, т. 3, стр. 373—410.

Р и с. 5. Каракалпаки. Старинная вышитая женская рубаша «кок койлек».
Из коллекции ГМЭ народов СССР.

нища отодвигается за пределы Урала к коми-зырянам и народам Поволжья — башкирам, чувашам и др.⁴⁷

Ко всему этому нам хотелось бы добавить, что поиски взаимовлияний, а возможно, и этнических связей каракалпаков с угорским кругом народов могут вестись не только на этнографическом материале предметов одежды или прикладного искусства.

В этнонимике каракалпакских племен и родов имеется название «естек» — так именуется один из 14 родов каракалпаков-кыпшак⁴⁸. Такое же название («истэк», «иштэк») имела накануне монгольского нашествия большая группа башкирских племен и родов⁴⁹. Исследуя историю этого названия и его этническое значение, Р. Г. Кузеев обратил внимание на то, что в XVI—XIX вв. этим именем ногаи и казахи, кроме хантов (остяков), называли и восточных башкир, иногда — вообще всех башкир, иногда — и барабинских татар.

⁴⁷ Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, стр. 376, 378, 379 (табл. 1, рис. 13, 14, 16), стр. 415 (табл. 37), стр. 427 (табл. VII).

⁴⁸ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 45.

⁴⁹ Р. Г. Кузеев. К установлению этнических связей..., стр. 90.

Р и с. 6. Южные ханты. Старинная вышитая женская рубаша из крапивного холста.
Из коллекции МАЭ АН СССР

С течением времени этот этноним постепенно терял «строго этническое содержание». Сопоставляя башкирский этноним «иштәк» с названием хантов «остяк», автор высказывает предположение, что истоком их идентичности могут быть очень древние контакты башкир и угров — в гуннской среде. «Эти контакты могли иметь место в северном Приуралье, Южной и Западной Сибири, в верхнем и среднем течении Оби... Именно здесь предки хантов и манси и предки башкир могли получить общее имя остяк (иштяк)»⁵⁰.

Если вопрос о связи названия хантов-остяков и группы башкирских племен находится пока на начальной стадии разработки, то тем более это относится и к происхождению каракалпакского этнонима «естек». Но во всяком случае, самый факт его существования может указывать если не на связь этногенеза каракалпаков с предками башкир и обских угров, то на более поздние этнические процессы — нового времени; возможно, они были следствием упоминавшегося участия каракалпак в политической жизни Приуралья и Западной Сибири в XVII—XVIII вв., когда там существовали разноплеменные объединения под названием «иштяк» или «иштяк», в число которых входили этнические группы как угорских народов, так и башкир; какие-то из этих групп могли тогда войти в состав каракалпакского племенного объединения кыпшак.

⁵⁰ Р. Г. Кузеев. К установлению этнических связей..., стр. 91. Автор оговаривается, что в литературе существует и мнение о возможности образования этнонимов «остяк» и «иштяк» различными путями.

С. Н. ШИТОВА
(Уфа)ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БАШКИР ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Традиционную материальную культуру башкир в целом можно представить как синтез элементов кочевого скотоводческого и земледельческого оседлого быта. Уже И. Лепехин (XVIII в.) называет башкир «межеумками между дикими и градолюбивыми народами»¹. И. Георги (XVIII в.) также пишет, что башкиры «соединили странственную пастушью жизнь с сопряженным со всегдашними жилищами землепашеством»². Этнографические работы XIX — начала XX вв.³ проникнуты мыслью о ломке скотоводческого уклада в связи с переходом башкир к оседлости. Во многих исследованиях характеристика тех или иных групп башкир ограничивается определением степени сохранения у них кочевых особенностей.

В то же время некоторые авторы обращали внимание на неоднородность башкирской культуры⁴, объяснить которую было невозможно, исходя лишь из соотношения земледельческого и скотоводческого укладов. От внимания исследователей, в частности, не ускользнула общность в быту северных башкир и казанских татар, а через них — и финских народов Поволжья. Неоднократно отмечалась также близость культуры южных башкир и казахов⁵.

Общие черты в быту соседствующих народов — результат сравнительно близких нам по времени процессов этнического и культурного взаимодействия, происшедшего после прихода кочевых башкирских племен на Южный Урал. В то же время в ряде случаев близость башкир и казахов, а также других тюркоязычных народов может иметь гораздо более глубокие корни.

К настоящему времени достаточно глубоко в историко-сравнительном плане исследованы народная одежда башкир и декоративно-прикладное искусство — области, в которых в наибольшей степени законсервировались разновременные этнические напластования⁶. Основные выводы, полученные в различных областях разными исследователями, в целом близки. Работа по башкирскому жилищу, пище и утвари еще не завершена; однако и здесь находятся убедительные доказательства тех положений, которые были выдвинуты при изучении одежды и прикладного искусства.

¹ И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российской империи. — «Полное собрание ученых путешествий по России», т. 2. СПб., 1822, стр. 36.

² И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799, ч. 1, стр. 99.

³ Д. Никольский. Башкиры. СПб., 1899; Л. Сабанеев. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873; Л. Бергольц. Горные башкиры-китайцы. — «Этнографическое обозрение», 1893, № 3; П. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», 1890, № 1; Ф. Крассильников. Поездка на Яман-тау. — «Землеведение», 1904, № 4 и др.

⁴ В XVIII в. — П. Паллас, И. Лепехин; в XIX в. — Д. Никольский, П. Назаров и др.

⁵ С. Руденко. Башкиры, ч. 2. СПб., 1925.

⁶ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; С. Н. Шитова. Народная одежда башкир. — АЭБ, т. 3. Уфа, 1968, стр. 125—227.

Материальная культура и декоративно-прикладное искусство башкир сохранили следы разносторонних взаимодействий с рядом древних и средневековых народов. В них не только обнаруживаются общие черты с культурой финнов и тюрков Поволжья, но и проявляется родство с рядом народов Средней Азии, Сибири, Ближнего и Среднего Востока. С помощью историко-сравнительного анализа удастся выделить несколько пластов, разнотипных по этническому облику и времени возникновения.

Наиболее древние черты берут, видимо, начало в культуре дотюркских народов Южной Сибири, в какой-то мере близких к угорско-самодийским. В декоративно-прикладном искусстве это орнаментальный комплекс в виде простейших узоров — треугольников, зигзагов, елочек, кругов, параллельных или пересекающихся линий — который у башкир, как и у ряда сибирских народов, представлен в резьбе на деревянной утвари, отчасти в росписи и аппликации; в одежде — прямоспинный туникообразный покррой, манера украшения бисером, бусами, цветными нашивками, некоторые виды распашной одежды из шкур, массивные нагрудники, примитивная мягкая обувь, стянутая ремешком вокруг ступни, головные повязки, развившиеся впоследствии в мягкие уборы-шлемы. В таежной полосе Сибири родились примитивные конические и прямоугольные шалаши, крытые корой, берестой. В той же обстановке могли появиться отдельные виды цельнодолбленной и берестяной посуды. Эти элементы встречаются в быту ряда тюркских народов, но в наибольшей степени они характерны для северных алтайцев, шорцев, части казасов, а также тунгусов, приобских угров и некоторых других народов Сибири.

Близка к выделенному комплексу группа предметов, связанная примерно с тем же кругом народов, но, по всей видимости, более поздняя по происхождению. Сюда относятся украшенные рядами бисера, кораллов и бус головные уборы с отверстием на макушке, мягкие, длинные трехъярусные нагрудники с бахромой (у башкир — селтэр), тонкие счетные вышивки на головных полотенцеобразных уборах и начельшах, примитивные жилища-срубы без потолка с земляным полом, широкие каминь-сувалы с прямой трубой, выделенной непосредственно из толки. Северный Алтай (шорцы, кызыльцы, чулымцы), Средняя и Западная Сибирь (эвенки, ханты, селькупы), отчасти чуваш и волжские финны — вот круг народов, для которого в той или иной мере характерны эти черты.

Следующий комплекс, генетически тесно связанный с древним южносибирским, развился в большей мере на его основе. Условно его, учитывая характер, можно было бы назвать раннескотоводческим. На обширной территории обитания тюркских и монгольских кочевников родились отдельные варианты этого комплекса, быстро распространившиеся при продвижении кочевых орд на запад и сосуществовавшие впоследствии у одних и тех же народов. Таковы тюркский и монгольский типы решетчатой крытой войлоком юрты, прямоспинный и расклешенный покррой тюрко-монгольской кочевнической одежды, различные типы обуви на мягкой и твердой подошве, головные уборы в виде разного рода плотных повязок и чехлов. На одной и той же территории сосуществовали различные способы приготовления масла, сыра и других молочных продуктов. Весьма разнообразна терминология, применявшаяся у башкир по отношению к одним и тем же предметам быта (особенно к кожаной утвари). Все это говорит о перекрестном взаимодействии кочевых племен, видимо, уже в прошлом отличавшихся по этническому облику. Исследователи декоративного искусства относят к этому комплексу орнамент из роговидных фигур, пальметок, завитков, близкий искусству южносибирского населения в скифскую эпоху. Впоследствии он лег в основу орнаментики тюрко-монгольских народов. Мотивы орнамента, выполненные путем тиснения на коже, аппликации на войлоке, как и другие перечисленные элементы культуры, скотоводческие по происхождению, встречаются у большинства современных тюркских, отчасти монгольских народов. У башкир они составляют основу традиционного быта, лишь с теми или иными особенностями по районам.

Следующий комплекс, который условно можно назвать «позднетюркским» или «кипчакским», включает в себя элементы, появившиеся в быту скотоводов среднеазиатских и южнорусских степей в конце I — начале II тыс. н. э. как следствие развития уже имею-

щейся основы. В декоративном искусстве это стилизованный орнамент тамбурного шитья, а также узоры на металлических пластинах и бляхах. В одежде к этому времени надо отметить распространение различных серебряных украшений: косников-подвесков, ожерелий из ажурных блях и монет, пластинчатых браслетов и др.

Определенная группа предметов в культуре башкир характерна для сравнительно узкой территории — для народов Средней Азии и Закавказья. Сюда относятся традиции Выделки паласов, а также широкое использование башкирами ковровых узоров в ткачестве. Типично среднеазиатскими являются некоторые элементы одежды башкир: тубетейки, женские шапочки «тупый», некоторые чалмообразные уборы, головные уборы типа покрывал; продолжением среднеазиатских традиций надо рассматривать широкое использование в народном костюме кораллов.

В отдельный комплекс следует включить те черты, которые были приобретены башкирскими племенами после расселения их в Приуралье. Этот комплекс чрезвычайно разнообразен по времени заимствования и первоначальной этнической принадлежности предметов. Один из них связан с культурой древних финнов, другие — булгар и даже сармат. Часть из них была воспринята в результате ассимиляции местных племен края, но большинство появилось под влиянием соседей, и в этом последнем значительную роль сыграл пример бляжиков по духу и религии татар. Исследователи декоративного искусства башкир относят к названному комплексу определенный тип орнамента, распространенного в браном ткачестве, вязании и счетной вышивке северных башкир. Заимствованы у соседних народов Поволжья некоторые виды одежды (лапти, фартуки), утвари (особенно клепаной и плетеной из лыка). Заметное влияние оказали местные земледельцы также на пищу северных башкир; под их воздействием появились печеные изделия, овощи, распространились способы приготовления пива и медовки. В тесном контакте с соседними народами развивалось жилище башкир. Усложнение внутренней планировки, совершенствование конструктивных приемов, рождение архитектурного декора происходило под непосредственным влиянием строительных традиций татар, русских и других народов края.

* * *

Проблема этнокультурных пластов тесно перемежается с вопросом об историко-этнографических группах или территориальных комплексах в традиционной башкирской культуре. На основе анализа хозяйства, различных сторон культуры и быта, языка ряд исследователей выделяют 4 этнографические группы: северо-западных, юго-западных, северо-восточных и юго-восточных башкир⁷. Картографирование отдельных частей костюма, головных уборов и украшений, подтвердив названное деление, выявило более мелкие локальные варианты. В частности, в составе северо-восточных башкир четко различаются айская, инзерская и зауральская группы⁸.

Территориальные культурные комплексы башкир в том виде, в каком они прослеживаются в нашем веке, — продукт позднего времени, последних нескольких столетий. Однако в ряде случаев их основа была заложена в процессе формирования башкирской народности, включения в ее состав разных племен и осколков древних народов.

Охарактеризованные выше пласты культуры не всегда связаны с локальными комплексами. Некоторые из них распространены на обширном пространстве: большинство кочевнических видов верхней одежды и обуви, переносный тип крытого войлоком жилища, многие мясные и молочные блюда встречаются на всей территории расселения башкир.

⁷ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 250—251; Р. Г. Кузеев. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования.— АЭБ, т. 3. Уфа, 1968, стр. 375—388; С. А. Авианская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., гл. IX.

⁸ С. Н. Шитова. Указ. соч., стр. 176—181; С. Н. Шитова. Башкирские костюмные комплексы XIX — начала XX вв. и районы их распространения.— «Итоговая научная сессия ИИЯЛ АН СССР за 1965 г.», Уфа, 1966, стр. 80—84.

Распространение же других признаков органичено определенным районом. Наиболее древний пласт, общий для многих сибирских народов (хантов, эвенков, алтайцев, шорцев), у башкир обнаруживается в юго-восточном, отчасти в зауральском комплексе. В то же время прослеживается связь культуры юго-восточных башкир с определенной группой поволжских народов: бессермянами, кряшенами, мишарями, чувашиами. Их объединяет защитный монетам и кораллами шлемообразный убор с наспинной лопастью (*кашмау*, *кашпу*, *хошпу*), украшенные счетной вышивкой белые полотенеобразные головные уборы и ленты-начельши. Можно допустить, что отмеченная общность появилась в результате длительного совместного обитания части тюрков, угров и самодийцев где-то на территории Сибири; сибирские группы угризованных в какой-то мере тюрков и легли затем в основу юго-восточных, в частности, горных башкир, а также стали составной частью чуваш и некоторых групп других поволжских народов.

Близость с народами Средней Азии (особенно каракалпаками, узбеками) обнаруживается четко среди юго-западных (демских) и северо-восточных (айских) башкир. В одних случаях — это ожерелья-сетки из кораллов, нагрудник *сакал*, в других — шапочки *туный*, круглые серьги с подвесками.

Общность с казахами и киргизами, а также с тюркоязычными народами Северного Кавказа проявляется в культуре северных (северо-западных и северо-восточных) башкир. Именно здесь были распространены косники-челы *саккап*, ожерелья из монет и пластин (*муйкса*, *буенча*, *таматча*), бусы из стекла (*тойма*), косные подвески (*сулпы*, *сас танкэ*) — элементы, которые условно мы относим к кипчакским. В Поволжье, кроме северных башкир, они встречаются у казанских татар.

Иногда, особенно у зауральских (в первую очередь у челябинских) башкир, прослеживается довольно ощутимое влияние монголов. Именно здесь существовала монгольская островерхая юрта, девичьи шапочки-ободки с околушными звенящими подвесками из цепочек, некоторые кушания, близкие к монгольской кухне (*саламат*), отдельные виды кожаной утвари (*дэмбай*).

Но в то же время именно в этих местах носили наиболее законченный вариант последнебного покрывала, украшенного околушными кистями из плодов гвоздики, подбородником из монет и спускающейся от него на грудь декоративной вышитой ленточкой. Корни подобного убора уводят на юг — в Среднюю и Переднюю Азию. Наибольшее сходство с башкирским обнаруживает покрывало некоторых групп среднеазиатских арабов.

Большинство поволжских элементов (лыковая обувь, цельнокатаные головные уборы, некоторые общие блюда и утварь), появившиеся под влиянием казанских татар и других народов края, первоначально стали достоянием культуры северо-западных башкир. Лишь в течение последнего столетия они распространились на восток — в уфимский и айский бассейны и на юг — в бассейн р. Демы и ее притоков.

Выделяя пласты, устанавливая близость культуры башкир с культурами древних и современных народов, мы не всегда в состоянии решить вопрос о путях и времени появления тех или иных культурных элементов на Южном Урале. Неизученность древней истории башкир, неясность многих моментов, связанных не только с доуральским периодом кочевых племен, определивших облик башкирского народа, но и с начальными этапами пребывания их на Урале, во многом сужает наши возможности, в ряде случаев заставляя ограничиться лишь констатацией фактов. Наши построения могут превратиться в научную гипотезу благодаря одновременной изыскательской работе ученых многих смежных наук.

Н. В. БИКБУЛАТОВ
(Уфа)

**БАШКИРСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И СИСТЕМА РОДСТВА
КАК ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ***

По терминам и системам родства народов СССР, в том числе тюркских, опубликована обширная литература. В этой области собран огромный материал, раскрывающий закономерности развития семейно-общественных отношений как в общесоциологическом плане, так и в преломлении к истории отдельных народов. Лингвистами проделана большая работа по выявлению, систематизации и этимологизации терминов родства, как одной из устойчивой и своеобразной части лексики, по установлению языкового или генетического родства народов.

* При написании использована литература: А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 5—45; Т. Г. Баишев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, Приложение, табл. I; С. П. Балдаев. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1960; Т. Бегжанов. Термины родства в муйнакском говоре каракалпакского языка.— «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. 4. Баку, 1966; Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир.— АЭБ, т. 2. Уфа, 1964; N. V. Bikbulatov. Bashkir sistem of relationship.— «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4. М., 1967; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики.— «Восточно-азиатский этнографический сборник». М.—Л., 1960, стр. 236—237; А. Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960, стр. 86—93; А. П. Дульзон. Термины родства и свойства в языках Нарынского края и Причулымья.— «Ученые записки Томского гос. педагогического института», т. 11, 1954, стр. 59—94; Н. П. Дыренкова. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов.— «Сборник этнографических материалов», Л., 1927, стр. 7—25; К. П. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи.— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1. М., 1952, стр. 397—403; А. М. Золотарев. К истории ранних форм группового брака.— «Ученые записки исторического факультета Московского обл. педагогического института», т. 2. М., 1940, стр. 144—149; А. М. Золотарев. Родовой строй и религия уладей. Хабаровск, 1939, стр. 62—73; Н. К. Каргер. Классификационная система у гольдов.— «Сборник этнографических материалов». Л., 1927, стр. 27—33; Ж. Кибекбаев. Башкорт теледэ «Эсэ» һүҙендә килеп сығышы тураһында.— «Башкортостан уҡытусыһы», 1960, № 6; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; егोजе. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX—начала XX вв.).— АЭБ, т. 1. Уфа, 1962; М. Маркелов. Система родства у угро-финских народностей.— «Этнография», 1928, № 1, стр. 44—78; Р. Г. Мухомедова. Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР.— «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962; Народы Средней Азии и Казахстана, т. I.— «Народы мира». М., 1962, стр. 496; Д. А. Ольдерогге. Малайская система родства.— «Родовое общество. Материалы и исследования». М., 1951, стр. 28—66; Г. И. Пеллех. Кольцевая связь у селкупов Нарынского края.— «Сибирский этнографический сборник», IV. М., 1962, стр. 176—196; Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках.— «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1893—1911; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 268—292; С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. Л., 1925, стр. 253—256; Л. А. Файнберг. Терминология родства нгансан как исторический источник.— «Сибирский этнографический сборник», IV. М., 1962, стр. 226—237; С. Н. Шитова. Формирование и развитие башкирского народного костюма. Диссертация на соискание степени канд. истор. наук. Рукопись. Уфа, 1968; Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933; Х. Г. Юсупов. Термины родства у башкир.— «Вопросы башкирской филологии». М., 1959.

Однако в публикациях имеется существенный пробел: он заключается в разрыве между принципами классификации родственников и соответствующей им терминологией. Этнографы, изучая главным образом структуру (сущность) системы, очень часто отвлекаются от конкретной природы терминов, а языковеды, занимаясь терминами как частью лексики, наоборот, недостаточно учитывают специфику и историческую обусловленность той или иной системы родства как совокупности постепенно сложившихся принципов классификации окружающих людей по родственному, возрастному и иным признакам. Разрыв этот в прошлом был вполне оправдан как спецификой задач исторической этнографии и исторической лингвистики, так и состоянием науки, прежде всего уровнем накопления материала.

В современных этнографических и этнолингвистических исследованиях, особенно по этногенетическим проблемам, необходим комплексный, точнее целостный, подход к изучаемому объекту, охватывающий как структуру системы, так и терминологию. Историческая обусловленность отдельных принципов системы, их типологическая и хронологическая последовательность позволит определить относительную и хотя бы приблизительно, в широких рамках времени, абсолютную хронологию этнолингвистических процессов, а в плане рассматриваемой нами проблемы — периоды внедрения в язык народа тех или иных терминов, их распространения, вторичного переосмысления и т. д. В свою очередь, анализ терминов, выявление их этнического облика в органической связи со структурой системы помогут установить направление, характер и время этнических контактов, поставить изыскания по вопросам этногенеза на более конкретную историческую почву.

Настоящее выступление не ставит целью подвергнуть сравнительно-историческому анализу всю совокупность башкирских родственных терминов и обозначаемых ими принципов. Этого не позволяют рамки доклада, да и накопленный материал пока недостаточен. В нем делается попытка определить направление и относительную хронологию этнических контактов башкир с другими народами на материале нескольких, наиболее характерных, на наш взгляд, терминов и принципов системы.

Своеобразие систем родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, угро-финских, самодийских народов составляет так называемый «скользящий» счет поколений — объединение младшей ветви одного поколения в одну категорию со старшей ветвью следующего за ним нисходящего поколения. Степень последовательности в проведении этого принципа разная у различных народов, но всюду или почти всюду одинаковыми терминами обозначаются старшие братья и дяди, старшие сестры и тетки, младшие братья и племянники, младшие сестры и племянницы. Именно в этих категориях обнаруживается наиболее устойчивая общность и в терминологии. В этом, очевидно, надо видеть не только отражение общих моментов в развитии семейно-брачных отношений у урало-алтайских народов, о чем уже говорилось в этнографической литературе. Похоже, что перед нами несомненное следствие генетического родства этих народов, длительных взаимных контактов тех этнических образований, которые легли в основу названных языковых семей и групп.

Однако этим не исчерпываются общие моменты в родственной номенклатуре урало-алтайских народов. В терминологии и системах родства заметный след оставили взаимосвязи между отдельными народами или группами народов алтайской и уральской общностей, их неоднократные повторные контакты, столкновения, сотрудничество. Не вдаваясь в подробности этих процессов, заметим, что исследование их в будущем имеет весьма заманчивые перспективы.

В исторических сопоставлениях имеют значение не только установление той или иной общности, сходства или близости рассматриваемых явлений; иногда более важным оказывается выявление различий. В системах и терминологии родства татар и башкир, как и в языке и культуре, так много общего, что порою начинает казаться, будто этнические границы между этими народами исчезают. В то же время имеются серьезные различия и в системе родственных отношений, и в терминах, которые проливают некоторый свет на конкретные моменты самобытной истории каждого из этих народов.

В литературе уже отмечалось, что башкирская система делит родственников на пять возрастно-поколенных групп в зависимости от их возраста по отношению к возрасту говорящего, его родителей, деда и бабушки. При такой классификации родственников «скользящий» принцип счета поколений проводится весьма последовательно и охватывает шесть поколений.

Этот «скользящий» счет поколений характерен и для татарской номенклатуры родства. Но в ней имеется одна очень архаичная черта: она не различает старших и младших родственников отца и матери говорящего; одними и теми терминами обозначаются старшие братья говорящего, младшие и старшие братья отца и матери, младшие братья деда и бабушки. Так же группируются женщины. Можно допустить, что это результат упрощения системы под воздействием развития индивидуальной семьи, ослабления и разрушения патриархально-родовых отношений. Учитывая большую устойчивость терминологии, ее медленную реакцию на изменения семейно-общественных отношений, более правомерно полагать, что перегруппировка старших и младших братьев и сестер отца и матери произошла у башкир в тот период их истории, когда они не были связаны или были весьма слабо связаны с татарами в хозяйственно-культурном и территориальном отношениях. Что же касается татарской системы, то она обошлась без такой перегруппировки, ограничившись четким выделением индивидуальных терминов родителей, необходимым в условиях развития семьи и частной собственности. Отсюда следует вывод, что в тот определенный исторический период, хронологические рамки которого мы пока представляем очень и очень смутно (но, надо надеяться, что они будут установлены с более или менее вероятной точностью), башкиры и татары Поволжья и Приуралья жили врозь, не имели той близости, которую мы наблюдаем теперь.

Чрезвычайный интерес представляют башкирские термины, относящиеся к поколениям родителей.

В разговорном языке башкир нет общепарадного термина, обозначающего понятие «мать»: в одних группах мать называется *инэй*, в других — *эсэй*. Объясняется это не только тем, что башкирские племена и диалекты имеют разные корни и культурно-языковые традиции. Дело еще в том, что само понятие «мать» в современном его смысле возникло сравнительно поздно, в определенных исторических условиях. До этого мать и ее сестры, родные, двоюродные и т. д., в одних случаях все, в других — только старшие, обозначались одним и тем же термином. Следы такого состояния родственных отношений довольно четко прослеживаются чуть ли не у всех тюркских народов, в том числе и у башкир. Очень показателен термин *инэй*. Он известен всем группам башкир, или в значении «мать», или в смысле «тетка старше матери и отца». В значении «мать», «самка» (в форме *инэ/ана*) это слово имеется во всех тюркских языках. Очевидно, что этим термином обозначали одновременно и мать, и всех других женщин из ее рода, но старше нее.

Выделение матери особым термином произошло двояким путем. В одних случаях для матери был сохранен старый классификационный термин *инэй*, а тетки старше ее стали называться иначе. В других случаях мать была выделена новым термином, а за тетками сохранилось старое название. Теперь трудно или невозможно воссоздать этот процесс в конкретных деталях, но то, что такая переоценка родственных отношений имела место, можно утверждать с очевидностью. Более того, можно надеяться, что со временем удастся установить примерные хронологические рамки этого исторического периода.

С точки зрения нашей темы представляют большой интерес вошедшие в обиход в тот же период новые термины: в первом случае название для теток старше матери (*эбей*), во втором — для матери (*эсэй*)*.

* Оговоримся, что понятие «новые термины» применено здесь в известной мере условно. Вполне допустимо, что в том или ином значении слова *эсэй* и *эбей* или, по крайней мере, одно из них (*эсэй*) бытовали и в предшествующий период. Старая туранская система тюрков строго различала родню (или род, что было одно и то же) отца и матери, и в результате слияния этих линий могло произойти освобождение и переосмысление многих терминов. Обращает внимание в этом отношении номенкла-

Родственный термин *эбей* в значении «тетка старше матери и отца» (старшая сестра матери, старшая сестра отца, младшая сестра деда, младшая сестра бабушки, вообще все родственницы и женщины старше родителей и младше деда и бабушки) бытует на территории к северу от границы, которая делит Башкирскую республику с юго-запада на северо-восток и восток. Сначала эта граница проходит по берегу Демы, охватывает территорию немного южнее г. Уфы, затем идет строго на восток, включая Архангельский, Иглинский, Салаватский, Кигинский и Учалинский районы. За пределами республики этот термин распространен в Пермской, Свердловской, Челябинской и Курганской областях. Как видно, ареал распространения термина охватывает территорию восточного (куваканского) диалекта, демского говора южного (или юрматынского) диалекта и западных говоров башкирского языка. На этой же территории распространены термины *бабай* в значении «дядя старше родителей» и *инэй* (мать). Слова *эбей* и *бабай* известны также на юге и юго-востоке. Но там они применяются для взаимного обращения супругов и примерно соответствуют русским терминам «старуха», «старая», «старик», «старый» в той же функции. Кроме того, в этой зоне так называют пожилых людей за глаза. Степень применения этих терминов на юге и юго-востоке весьма слабая; создается впечатление, что они вошли в обиход недавно и очень непрочно.

Помимо башкир, термины *эбей*, *бабай* бытуют у татар Поволжья и Приуралья (в значении «дед», «бабка», «родственники старше деда и бабушки», местами «тесть», «теща»), у западных бурят (в форме *шиби*, *баабай* — «мать», «отец»).

Исходя из сказанного, можно заключить, что башкирское население Придемья, центральной и северо-восточной части республики, Челябинской, Курганской областей в значительной своей части было тесно связано с татарами и монголами периода монгольского нашествия и господства Золотой Орды. Несомненно, относятся к этой части минцы, обе группы (восточная и западная) табынского объединения, катайцы и сальюты. Такая точка зрения была высказана Р. Г. Кузевым на основании других материалов, а данные родственной терминологии подтверждают это предположение.

Отсюда следует другой, более конкретный, но не менее важный вывод: северо-восточные и зауральские (Челябинская и Курганская области, Учалинский район БАССР) племена, если и не все, то основные, наиболее крупные из них пришли на современную территорию обитания не с востока и не с юга, а скорее с запада, точнее с юго-запада, через Дему, Уфу, Сибирь, а зауральские — и через Урал. Сюда могут быть отнесены, по крайней мере, такие племена и племенные объединения, как табын, катай, возможно — кудей, айле. Былая общность западных и восточных групп объединения табын прослеживается и в наше время.

Термин *эсэй* распространен на территории, расположенной к югу и юго-востоку от рассматриваемой. *Инэй* в этой зоне означает тетку старше матери (по линии матери) или отца (по линии отца). Дядю старше отца и матери здесь называют или *ана*, или *олатай* (букв. «старший отец» — *оло атай*).

В той или иной вариации, но близкой к башкирской по смыслу и фонетическому облику, слово *эсэй* широко известно у алтайских народов. В форме *эже* у киргизов оно означает старшую и младшую сестру отца, сестру деда по отцу; у казахов — бабушку, мать, вообще старушку; у каракалпаков — бабушку по отцу; у туркмен — мать (при обращении), тетю со стороны отца, старшую сестру; у забайкальских (восточных) бурят (*ижи*), хакасов (*иче*), среднеулымских татар (*ижэй, ичэй, ишэй, ишэй*), монголов-халха (*эже*) — мать; у монгол-дэрбетов (*эже*) — мать и бабушку. В форме *эжэй* (мать) оно было известно также в письменном чагатайском языке. Сюда же примыкают варианты *ачэй* в туркменском (жен-

тура родства киргизов; согласно этой системе терминов *эже*, (что соответствует башкирскому *эсэй*) обозначаются только родственницы по линии отца: сестра отца, дочь брата отца и т. д. К отцовской линии относятся термины *эже* и у каракалпаков (у них это слово известно в значении «бабка по отцу»).

щина, супруга, мать), алтайско-кумандинском (тетка) и чагатайском (старшая сестра) языках; *alči* в уйгурском, алтайском (лебединское, собственно алтайское, телеутское наречия) языках (в значении «женщина», «хозяйка»); кумано-кыпчакское *ānci* — «супруга», «жена». Ближе к последнему и по форме и по смыслу нанайское *as'i* — «жена», «супруга».

Похоже, что рассматриваемое слово древнеалтайского корня и первоначально означало женщину вообще. Оно прошло очень длительный и сложный путь эволюции, на протяжении которого возникли различные его варианты. Однако в локализации слова и отдельных его вариантов есть определенная закономерность. В целом оно охватывает восточные и юго-восточные группы тюрков, восточную и южную группы монголов и в какой-то мере тунгусо-маньчжуров. Определенно его нет у татар Поволжья и Приуралья, у значительной части башкир, западных бурят.

Видимо, перед нами одно из веских подтверждений мысли о том, что юго-восточные башкиры тяготеют по своему этнокультурному облику к языку к своим родичам, обитающим в Южной Сибири и Средней Азии. Представляется также вполне реально несколько конкретизировать этот вывод. При несомненной близости к народам Средней Азии и Казахстана — киргизами, казахами, каракалпаками, отчасти с туркменами, речь не идет о культурно-языковых связях башкир с ними за последние два-три, а возможно, и три-четыре столетия. В таком случае рассматриваемый термин у башкир имел бы форму *ээй*. Кстати, такой вариант в значении «бабка по отцу» зафиксирован в д. Махмутово Белорецкого района, т. е. на самой границе зоны распространения термина. И по форме, и по смыслу этот вариант близок к среднеазиатским, восточнобурятскому и к одному из вариантов этого слова в языке среднечулымских тюрков и в письменном чагатайском языке. Но особенно он близок к каракалпакскому и казахскому варианту и, возможно, отражает непосредственные этнические контакты одного из башкирских племен в сравнительно недавнем прошлом с этими народами или племенами, вошедшими в их состав.

В целом же башкирское юго-восточное *ээй* по своему фонетическому облику ближе стоит к варианту *āčā*, известному в туркменском, чагатайском, алтайском (кумандинский диалект) языках, среднечулымскому *ичā* и хакасскому *иче*. Одна из разновидностей этого слова *эпсэй*, бытующая в Баймакском районе БАССР, непосредственно примыкает к термину *ānci* в уйгурском, алтайском языках и кумано-кыпчакскому *ānci*.

Конкретизируя наш вывод, приведенный выше, подчеркнем, что башкирское *ээй* идет из какого-то восточного, возможно, саяно-алтайского источника (корня), или, говоря иначе, является следствием непосредственных контактов юго-восточных башкирских племен в определенный исторический период с восточной группой тюрков. Современные формы этого термина у башкир, с одной стороны, казахов, киргизов, каракалпакков, а также бурят и монголов МНР — с другой, могут рассматриваться как две самостоятельные вариации, разветвления древнего корня*.

Также к востоку тянутся корни термина *ана*, имеющего значение «дядя старше отца и матери» и сопутствующего термину *ээй*. Он распространен примерно на той же территории, что *ээй*, но слабее и в более узкой зоне. Параллели этого слова в форме *аба* (отец) имеются у алтайцев (телеутов), шорцев, хакасов (сагайцев), туркмен, восточных бурят; у киргизов это слово означает старшего и младшего брата деда, у хакасов (качинцев, сагайцев) — старшего брата. В застывшей звательной форме он имеется у татар Поволжья (*абыд*), у среднечулымских тюрков (*абайм*), у бурят и якутов (*абага* — «дядя по отцу».

* В древнейшем значении рассматриваемый термин, по-видимому, был знаком и другим группам башкир и отчасти татарам. Во всяком случае, тем или иным путем он вошел в их язык и сохранился в составе сложной лексемы *бис, бичэ* (женщина, жена), которая, на наш взгляд, расчленилась на составные части *би, бей* (мужчина, хозяин, а в недавнем прошлом — родо-племенной старейшина, господин) + (*э*) *са* (женщина). Надо полагать, что *бис*, как и *бичэ*, означало не всякую женщину, а жену бия, женщину-хозяйку, госпожу.

у якутов также «дедушка по матери). Термин этот в форме «апа» известен также тунгусам на Амгуни (дядя), селькупам (отец), венграм (в качестве одного из обозначений отца); в словаре Радлова он зафиксирован и в языках чагатайском (*аба* — предок, дядя со стороны отца) и турецком (*аба* — предок), но, по свидетельству Я. А. Покровской, в современном турецком языке он не употребляется. Как вариацию этого же корня можно рассматривать гольдское (нанайское) и орокское *ама* — отец, старший брат отца.

Мы умышленно отвлекаемся от многочисленных случаев, когда это слово (в виде *ана*, *анай*) означает старшую сестру и тетю, вообще старшую родственницу. Для нас важно установить географию термина в том или примерно в том значении и форме, в которых он бытует у юго-восточных башкир. География эта в основном сосредоточивается на востоке, в южной и даже восточной Сибири, охватывая при этом (и довольно устойчиво) тунгусо-маньчжурские и самодийские народы. Тот факт, что рассматриваемый термин имеется или имелся в турецко-османском и венгерском языках, не меняет общей картины: во-первых, общезвестны восточные истоки этих языков; во-вторых, судя по всему, в них интересующий нас термин не является активным.

Вероятно, в далеком прошлом корень *ана аба* означал старшего родственника (родича) вообще, включая отца, его братьев, старших братьев говорящего и т. д. Большой интерес представляет в этом плане татарский вариант термина, имеющий очень широкое значение (старший брат говорящего, младшие и старшие братья отца и матери, все родственники старшие говорящего и младше деда и бабки).

Юго-восточное башкирское *ана* и по смыслу, и по форме более близко к восточным вариантам термина — восточно-тюркскому, восточно-бурятскому, тунгусскому, селькупскому.

Приведенные наблюдения перекликаются с некоторыми особенностями материальной культуры юго-восточных башкир. Как показали исследования С. Н. Шитовой, трехсоставной большой коралловый нагрудник, головной убор кашмау также обнаруживают большую близость к аналогичным уборам народов Сибири.

Таким образом, терминология родства и некоторые элементы материальной культуры свидетельствуют о связях юго-восточных башкир с народами Алтая, Южной Сибири. Но связи эти не могут быть сведены к древним истокам алтайской общности: во всех рассмотренных нами случаях речь идет о явлениях сравнительно позднего порядка — о поздних вариациях терминов, об определенных формах женских украшений, имеющих четкий этнический указатель. По-видимому, какая-то часть племен, вошедших впоследствии в состав юго-восточных башкир, долгое время находилась в контакте с населением Южной Сибири еще после того, как значительные массы тюрков продвинулись на запад. Судя по степени распространения рассмотренных явлений, это могли быть предки современных бурзян, усерган. В любом случае, культура этих племен, в значительной мере определившая этнокультурное своеобразие юго-восточных районов, не испытала сильного влияния тех тюрко-монгольских этнических образований, которые играли активную роль в Золотой Орде и в ханствах, возникших на ее обломках.

В. Н. БЕЛИЦЕР
(Москва)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТУРЕ БАШКИР И МОРДВЫ

Народы, обитающие в Среднем Поволжье и Прикамье (марийцы, мордва, удмурты, башкиры, татары, чуваш), несмотря на их различную языковую принадлежность, имеют ряд общих черт в занятиях, материальной и духовной культуре, что позволяет включить их в один общий хозяйственно-культурный тип.

Живя по соседству, а иногда и совместно в одних деревнях, в течение ряда столетий и притом зачастую в одинаковых природно-географических условиях, эти народы совместно выработали одинаковые способы ведения хозяйства, стали пользоваться однотипными орудиями труда. Например, на более тяжелых степных почвах вспашку производили примитивным сабаном-плугом, а на более легких лесных и лесостепных — сохой. В зависимости от почвы применяли и различные типы борон: суковатку на лесных расчистках, вязовую и рамочную бороны — на старых открытых полях.

Много общего у этих народов и в таких исконных занятиях, как бортничество и охота; близки между собой их домашние ремесла и кустарные промыслы.

Культурной общности способствовали и схожие во многом исторические судьбы народов Поволжья и Прикамья. В различной степени, но все они испытали влияние Булгарского государства и тяжесть монгольского завоевания. Позднее, почти одновременно, они вошли в состав царской России. Колониальная политика Русского государства, с одной стороны, подавляла национальное самосознание и во многом способствовала нивелировке культуры, с другой — сближала народные массы угнетаемых национальностей в борьбе против царизма. Вспомним крестьянские движения под предводительством Степана Разина, Емельяна Пугачева и некоторые другие, в которых принимали участие самые различные национальности данного края.

Спасаясь от колониального гнета, земельного притеснения и христианизации, многие народы Волго-Камья, в том числе и мордва, переселились со своих коренных земель в Заволжье, в частности в Башкирию, образуя среди основной массы коренного населения иноземные островки или смешанные поселения, в которых звучала зачастую одновременно башкирская и мордовская, татарская и чувашская речь.

Что касается более раннего времени, то оставленные древним населением культурные памятники свидетельствуют о том, что границы обитания древнего населения Волго-Камья не были строго определены и при взаимных контактах, которые несомненно существовали как в древности, так и в эпоху средневековья, представители одной культурной общности могли смешиваться и входить в разноязычные группы и принимать участие в формировании народов различных языковых систем. Среди народов Поволжья и Прикамья мы находим целый ряд подобных примеров в лице горных марийцев и верховых чуваш, говорящих на различных языках, но близких по культуре; бесермян и чуваш, родственных по своему происхождению, но также различных по языку; мордву-каратаев и татар, говорящих на одном языке, но совершенно различных по своему происхождению и культуре.

Мордва по сравнению с другими финно-угорскими народами Волго-Камья — марийцами и удмуртами — была расселена значительно южнее и чаще соприкасалась с многочисленными кочевыми племенами, населявшими южнорусские степи.

Наиболее часто подвергались опустошительным набегам пограничные мордовские земли, где жила по преимуществу мордва-мокша *. Это нашло отражение в мордовских песнях, в которых особенно часто упоминаются ногайцы, несколько реже — татары и башкиры. Все они выступают по большей части как захватчики рабов, увозившие в плен детей, юношей и девушек ¹.

Но не только враждебные отношения были у мордвы со своими южными соседями. Кроме хозяйственных контактов, взаимной торговли, у мордвы с башкирами имелись и брачные связи. Браки совершались не только путем насильственного увоза мордовских девушек в полон, но и путем сватовства. В песне об Аюорке ² рассказывается о том, как красавица Аюорка отказала всем своим одноплеменникам — богатым женихам и была просватана за красавца башкира Алма:

Издадека этот сват приехал,
Из земли башкирской приехал.
Незнакомый башкирин этот
Красавицу Аюорку уговорил, сосватал...

И приехал за Аюоркой старый башкир на двух дюжиных лошадей. Попрощалась Аюорка с родным домом, торжественно проводили ее в башкирскую землю.

Снарядили добрую ояву **,
Белой занавесью ее занавесили.
Башкирский парень Алма
Аюорку за руки берет.

В песне подчеркивается специфика башкирского хозяйства — коневодство, упоминаются некоторые особенности свадебного ритуала мордвы: обычай закрывать лицо невесте, переезд в специальном свадебном кибитке и др.

У башкир и мордвы имелись также общие представления и обычаи, возникшие еще до распространения ислама и православия. Среди них значительное место занимают обычаи и поверья, связанные с конем. К примеру, конский череп, подвешенный на бортовые деревья или положенный на колодные ульи, у тех и других выполнял роль оберега и способствовал размножению пчел. Конь играл немаловажную роль в свадебных обрядах, весеннем обряде башкир «сабантуе», на женском празднике мордвы «авань поза». У мордвы и башкир в прошлом известны погребения с конем. Изображение коня имеется на старинных налобных повязках башкир — хараусах; скульптурные фигуры конских головок украшают навершья медных гребешков у мордвы.

Целый ряд параллелей имеется у башкир и мордвы в области материальной культуры, в частности в одежде (орудиях и способах ее производства, покрое), головных уборах и украшениях.

Оба народа в качестве материала для одежды широко использовали овечью шерсть, волокна конопля и отчасти льна. Однако у башкир дмотканое сукно и холст были вытеснены значительно раньше (половина XIX в.), чем у мордвы, покупными фабричными тканями. В тех же районах, где производство, связанные с изготовлением одежды и обуви, еще продолжали сохраняться вплоть до Октябрьской революции, орудия по первичной об-

* Юго-западные районы Мордовской АССР и Пензенской области.

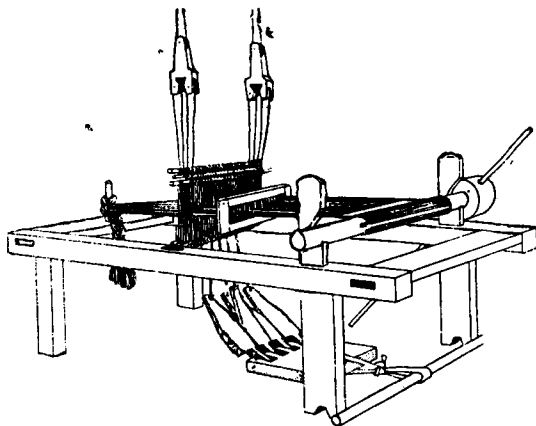
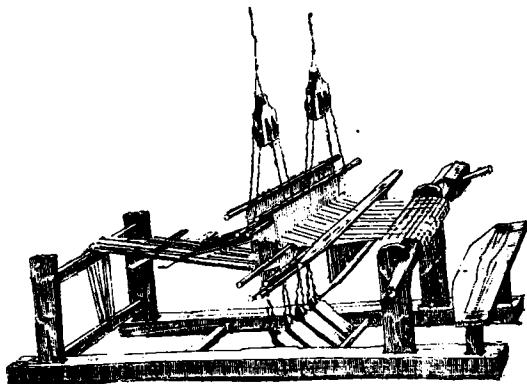
¹ М. Е. Е в с е в ь е в. Избранные труды, т. 1. Саранск, 1961, стр. 43—44, песня «У опушки эрянский парень лес рубит»; «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. 1. Саранск, 1963, стр. 272—275, песня «Нинькин пае».

² «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. 1. Саранск, 1963, стр. 333—334, песня «Аюорка».

** Свадебную кибитку.

работке волокна и шерсти были очень схожи с мордовскими. Те же ступы, мялки, ножницы для стрижки овец, решетка и струна для разбивания шерсти и т. д.

Для обоих народов характерно прядение шерсти с помощью веретена и прялки (реже самопрялки-стояка), а кудели — с гребня. Преобладающим типом у башкир и мордвы-мокши была прялка в виде палки и значительно реже, преимущественно в лесных районах, встречалась корневая, лопатообразная прялка с донцем.

Р и с. 1. Ткацкие станы: а) мордва-мокша, Атюрьевский район МАССР (полевые материалы автора); б) башкиры, Янаульский район БАССР (из кн.: С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964).

Ткацкий станок без боковых стоек и заднего явоя, с перекинутой через поперечный брус основной широко бытовал как у башкир, так и у мордвы-мокши.

Отец шерсть использовалась башкирами не только для тканья сукно, валяния шляп и национальной обуви, но и для валяния войлока, который служил покрытием для кибиток; на войлоке также спали. Белый войлок часто упоминается и в мордовских песнях в качестве богатой свадебной постели: «Белый войлок — ее перина»³ или «Белый войлок под нею»⁴, или «На белый войлок я сяду»⁵. Закладная, или паласная, техника узорного тканья, широко известная у народов Средней Азии и башкир, была распространена также у мордвы, чаще — у мокши; она применялась при тканье женских головных и поясных полотенец «кеск'руцят».

Браная техника узорного тканья также была широко известна как башкирам, так и мордве. Полосками браного тканья украшали полотенца и части костюма, передники, рубахи, у мордвы верхнюю холщевую одежду — «руцю», «мушкас».

Вышивки мордвы-мокши на женских рубахах из быв. Беднодемьяновского уезда Пензенской губернии, выполненные разноцветным шелком, техникой косого стежка, близки как по технике шитья, так и по расцветке с вышивками башкир на налобных повязках «хараусах».

На первый взгляд, национальные костюмы башкир и мордвы имеют мало общего. Наибольшая близость в costume тех и других проявляется в формах одежды, ее названиях, а при более детальном изучении можно вскрыть истоки общего происхождения.

Близость покроя лучше сохраняется в более древних частях традиционного костюма. К ним следует отнести белую холщевую рубаху туникообразного покроя, столь типичную для костюма мордвы, а в более раннее время (XVIII— начало XIX вв.) бытовавшую и у башкир. Не менее древним общим элементом следует считать штаны, которые носят и теперь башкирки и мокшанки. Идентичные по покрою и способу ношения, штаны были обязательными для традиционного наряда тех и других. По покрою они представляли собой две штанины со вставленными в них клиньями и дном — прямоугольным куском ткани, перегнутом поперек. Мужские штаны покроем почти не отличались от женских, были лишь несколько длиннее⁶.

Общим является и древний прямой покрой одежды с цельной спинкой и запахом на левую сторону. Покрой этот сохраняется в зимней одежде, сшитой из овчин: «тире тун», «ор», одежде из сукна: «азяме», «сермяге», «сумане», а также некоторых других видах народного костюма башкир и мордвы. У тех и других имелась также распашная одежда прямого покроя, сшитая из более легких тканей и холста, как например, башкирский «жилян», мордовские «руця» и «мушкас», терюханский «шушпан» и т. д.

Наряду с одеждой прямого покроя, у башкир, как и у мордвы, имелась одежда, сшитая в талию с цельной и отрезной спинкой. В эту группу у мордвы можно отнести некоторые виды суманя и шубы, сшитые в талию со сборками или фалдами, а также более короткие виды одежды: разнообразные курточки, безрукавки, жилетки, шубейки, которые сближаются с камзолотом и беацметом башкир не только своим видом и покроем, но в ряде случаев имеют и одинаковые названия.

Покрой этот, проникший, по всей вероятности, с востока, от народов с кочевой культурой, на наш взгляд, для мордвы и отдельных групп башкир является более поздним по сравнению с прямым.

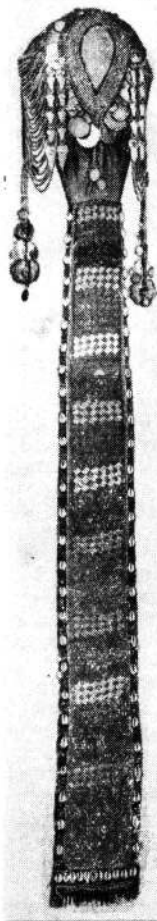
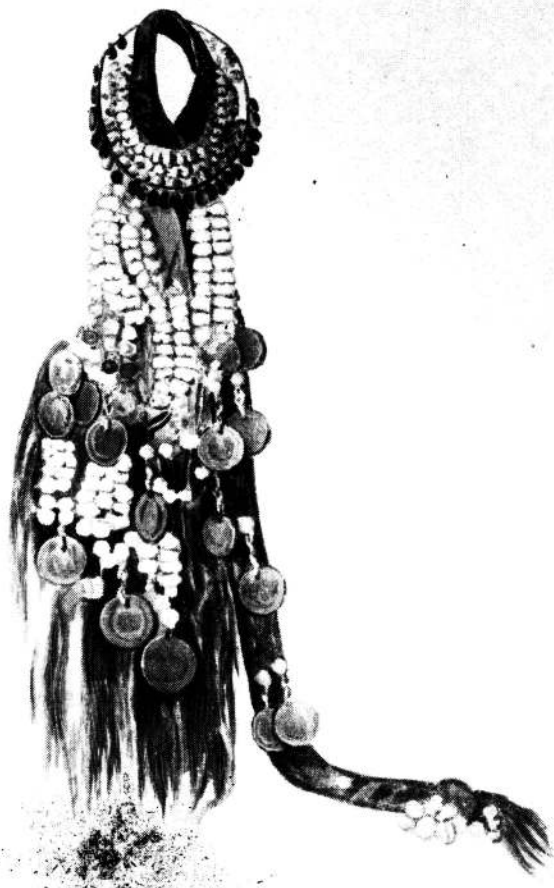
Среди разнообразных женских головных уборов башкир и мордвы наше внимание привлекает старинный головной убор замужних башкирок под названием «кашмау». Он

³ М. Е. Е в с е в ь е в Избранные труды, т. 2. Саранск, 1963, стр. 101, песня «Девушка славная Кастушка».

⁴ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. 1, стр. 228, песня «Сегодня родившийся ребенок».

⁵ Там же, стр. 325, песня «Где Казань воздвигается».

⁶ С. И. Р у д е н к о. Башкиры, ч. 2. Л., 1926, стр. 116, рис. 99.

Р и с. 2. Головные уборы: а) венек. Мордва-терюхане (Краеведческий музей в г. Саранске); б) кашмау. Башкиры. Бурзянский район БАССР (Государственный музей этнографии народов СССР).

имел вид чепца, у которого темя головы было открыто. Холщевая основа убора с лицевой стороны обшивалась монетами и кораллами. На спину спускалось длинное узкое полотнище около 15 см шириной, обшитое мелкими монетами, раковинами и бисером.

Близкие к башкирскому кашмау по форме, общему виду и названию имелись женские головные уборы и у других народов Среднего Поволжья и Прикамья, например, у чуваш и бесермян. У чуваш подобный головной убор назывался «хушпу» или «кушпу» и имел несколько разновидностей. У верховых чуваш «вирияд» и «анат енчи» (средненизовых) он имел вид цилиндра без дна, обшитого бисером и монетами, с длинным узким полотнищем сзади. Хушпу низовых чуваш (анатри) имел круглую форму и напоминал тухью с бисерным очельем, боковыми подвесками из монет и более коротким полотнищем. На верху прикреплялось твердое прямоугольное украшение из бисера. Имелись и другие менее существенные различия, как например: различная высота цилиндра или длина полотнища, иная расцветка бисера и т. д.

У бесермян подобный головной убор назывался «кашпу». Он напоминал «хушпу» низовых чуваш, но отличался от последнего тем, что вместо заднего полотнища к убору прикреплялся сложенный полосой красный платок.

Р и с. 3. Нагрудные украшения: а) кырганырпырф. Мордва-мокша. Торбеевский район МАССР (полевые материалы автора); б) эагэл. Башкиры. Абзелиловский район БАССР (полевые материалы башкирской экспедиции).

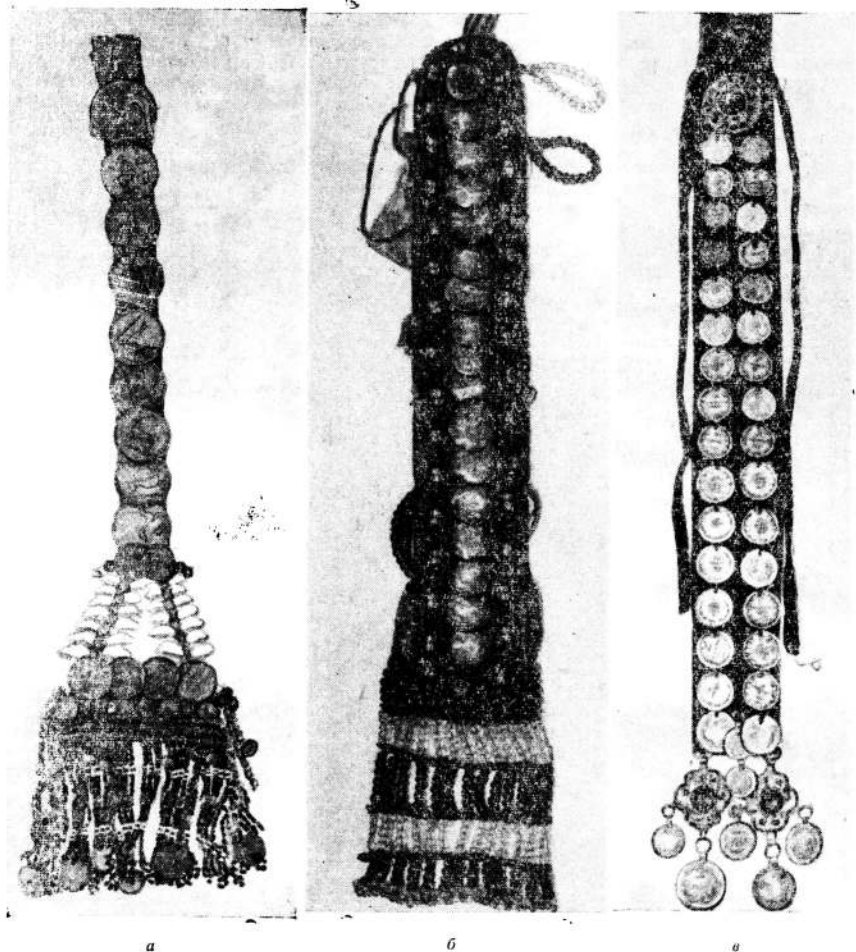

Рис. 4. Наосники: а) мордва-мокша, Темниковский район МАССР (полевые материалы автора); б) мордва-эрзя, Куйбышевская область (коллекция Краеведческого музея г. Саратова); в) башкиры (из кн.: С. И. Руденко. **Башкиры**. Л., 1925).

Что касается мордвы, то у одной из групп этого народа, у терюхан, существовал убор типа чувашского «хушпу» с русским названием «венец» (язык терюхан уже в конце XVIII в. был русским). Он состоял из широкого тканого пояса, плотно охватывающего темя, с незашитой верхней частью, и холщевого налобника. Пояс обшивали в несколько рядов белыми раковинами, холст — крупными серебряными монетами по середине и мелкими — по краю. Сзади почти до пояса свисала бахрома из черной и зеленой шерсти, украшенная раковинами, монетами и жетонами. У терюхан имелось несколько разновидностей венца; существовал девичий венец, который отличался от женского. Можно привести и более далекие аналогии, которые связывают головной убор типа «хушпу» с народами Средней Азии, в частности, близкие к хушпу головные уборы имеются у туркмен и киргизов.

Из девичьих головных уборов башкирам и некоторым другим народам Поволжья и Прикамья (чувашам, бесермянам, удмуртам) была известна «такья» — круглая шапочка из бисера или монет, различная у каждого народа по тем или иным деталям. У мордвы также имелась подобная девичья шапочка, обшитая бубенчиками или монетами, с двумя шарами на боках, сделанными из разноцветной шерсти. Шапочка эта называлась «пехтим»⁷.

Анализ украшений мордвы и башкир позволяет выделить группу близких между собой нагрудников, хотя каждый из них имеет свои особенности. В эту группу мы включаем у башкир «сакал», «силтьяр», «яга», у мордвы-мошки — «крганьпирфь», «цифкс», «комбоне». Их сближает форма, размер (они закрывают грудь и спускаются до пояса), наличие сетки, бисерной у мордвы и коралловой у башкир, большое количество монет и жетонов.

Ряд близких аналогий имеется среди головных украшений. У мордвы и башкир однотипны подвески для косы, накосники, которые по большей части представляют собой ремешок или полоску сукна с нашитыми на них монетами, раковинами и бисером. У тех и других в качестве накосного украшения были распространены разнообразные кисти из бисера и раковин. Налобные украшения также у тех и других зачастую представляли полоски цветной ткани, иногда холста, обшитого монетами, бисером или кораллами.

В заключение сделанного анализа мы можем утверждать, что приведенные параллели в культуре мордвы и башкир указывают не только на взаимные контакты, но говорят и о некоторых общих компонентах, которые принимали участие в формировании этих народов. Мы знаем, что культура башкир весьма сложна и в ней наряду с тюркскими имеются финно-угорские черты. Что касается мордвы, главным образом, мошки, то и в ее культуре мы имеем целый ряд южных черт, которые можно связать с тюркской степной культурой, близкой башкирам. О большом количестве тюркизмов у мордвы, особенно у мордвы-мошки, говорят нам и данные языка.

⁷ В. П. Ежов. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР. — «Ученые записки Мордовского педагогического института», вып. 4. Саранск, 1956, стр. 146.

Л. С. ТОЛСТОВА
(Нижне)

**О НЕКОТОРЫХ КАРАКАЛПАКСКО-БАШКИРСКИХ
ФОЛЬКЛОРНЫХ СВЯЗЯХ**

Признано, что средневековыми предками каракалпаков являются прежде всего восточнопеченежские и огузские племена, частично—западнопеченежские и, возможно, в какой-то степени болгарские, позже — кыпчакские и, наконец, ногайские. Основной территорией формирования каракалпаков было Приаралье в целом, но в ходе постоянных передвижений, переселений, взаимных контактов племен некоторые этапы каракалпакского этногенеза захватывали территорию Причерноморья, Поволжья и Приуралья¹. На этой обширной территории предки каракалпаков тесно общались и с теми этническими образованиями, которые вошли в состав башкир, а позднее — и с ранними башкирами. Некоторые группы средневековых тюркоязычных народов вошли в состав и каракалпак, и башкир (так же как и ряда других народов — ногайцев, казахов, узбеков и др.). Названия их нашли отражение в родо-племенных системах этих народов. Так, общими для каракалпак и башкир являются названия таких племен, как кыпшак (каракалп.) — кыпсак (башк.); канглы (каракалп.) — канлы (башк.); ктай (каракалп.) — катый (башк.) и др.².

Тесные взаимосвязи каракалпак и башкир оказали значительное влияние на исторический фольклор этих народов, вызвав в нем ряд аналогий, соответствий, исторических параллелей. У каракалпак сохранилось множество преданий о пребывании их предков на Волге (Едиль) и Урале (Жайык), о совместной жизни с ногаями (в составе Большой Ногайской Орды в XV—XVI вв.), о таких исторических деятелях, как Майкы-бий (монгольский военачальник XIII—XIV вв.). Имя Майкы-бия довольно широко известно и в фольклоре других народов, в частности, казахов и узбеков. Иногда от него ведут происхождение те или иные родо-племенные группы. Во многих вариантах родословных (шежере), записанных нами у узбеков и каракалпак, говорится:

*Төмен өзбек түби бир,
Түп атасы Майкы-бий.*

Корень всех узбеков один,
Их основной предок — Майкы-бий.

Майкы-бий упоминается и в ряде башкирских шежере. Он считается родоначальником одного из крупных восточнобашкирских племен — племени табын³.

Исторические судьбы каракалпак были тесно связаны с объединением Больших ногаев. К этому периоду относятся такие каракалпакские толгау (исторические поэмы), как «Ормамбет-бий» и «Едил кайда, ел кайда». Ормамбет-бий — исторический деятель

¹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. — КСИЭ, вып. 11. М.—Л., 1947; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпак. М.—Л., 1950; Т. А. Жданко. Каракалпак (Основные проблемы этнической истории и этнографии). М., 1964.

² Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпак, стр. 37, табл.; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа, 1957, стр. 48—57.

³ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 156, 158, 163, 165 (шежере XVIII, XIX, XXI, XXI).

конца XVI в., ногайский мирза. В толгау «Ормамбет-бий» рассказывается о том, как предки каракалпаков перекочевали с берегов Волги и Урала на восток вскоре после смерти Ормамбет-бия.

Толгау начинается так:

*Ормамбет-бий влгенде,
Он сан ногай булгенде,
Ормамбеттей бийлерден
Ул килмады, кыз калды,
Саныз ногай козгалды.*

Когда умер Ормамбет-бий,
Когда были разорены 10 санов ногаев,
От Ормамбет-бия
Сына на осталось, осталась дочь,
Бесчисленные ногаи заволновались
(сдвинулись с места).

Воспоминания об Ормамбет-бие, чей образ, конечно, сильно идеализирован в фольклоре (как и образ Майкы-бия), сохранились также у малых групп каракалпаков, живущих за пределами своей республики — ферганских, узбек-каракалпаков самаркандских⁴, а также у других народов, так или иначе соприкасавшихся с Большой Ногайской Ордой, как например, у ногайцев и казахов.

Ормамбет-бий упоминается и в ряде башкирских шежере под именем Урман-бия (шежере племени мин)⁵. Тот же мотив — о переселении ногайцев с Урала под влиянием неблагоприятных обстоятельств (на Кубань) — прослеживается в шежере башкирского племени юрматы⁶. Сама форма повествования, изобразительные средства близки к прозаической части каракалпацкого толгау об Ормамбет-бие.

Каракалпацкие толгау по содержанию, изобразительным средствам, размеру, стилю обнаруживают значительное сходство с одним из наиболее древних видов устной поэзии башкир — кобайырами. Каракалпацкие толгау и башкирские кобайыры посвящены сходной тематике: воспеванию красоты родного края (или утраченных земель — у каракалпаков), подвигам народных богатырей, общественным, патристическим мотивам.

Наиболее характерным для сравнения является каракалпацкое толгау «Едил кайда, ет кайда», обнаруживающее значительное сходство с образцами башкирского и болгарского фольклора.

Вот некоторые отрывки из этого толгау:

Мал отлайга жери кең,

*Жери менен сууы тең,
Едилим, сеннен айрылдым.
Кысы менен жазы тең,
Уйреги менен газы тең,
Ешкиси менен койы тең,
Жайыгым, сеннен айрылдым.
Бакасы били уйкултпай,*

*Жылыны жыткы жуусатпай,
Көлим, сеннен айрылдым...*

Жаз күннде сауыным.

*Гүз күннде кауыным,
Жыйнган ас кабагым,
Кыс күннде шабагым —
Халкым соннан айрылды...*

Там были просторные земли для выпаса
скота,

Там было вдоволь земли и воды,
Я лишился тебя, мой Едил.
Там зима такая же, как лето,
Там утки такие же, как гуси,
Там козы такие же, как овцы,
Я лишился тебя, мой Жайкы.
Там, где лягушки не давали спать детям,
Там змеи не давали есть лошадям,
Я лишился тебя, мое озеро...
В летние дни молока,
В осенние дни — дынь
И собранных тыкв,
В зимние дни рыбы —
Мой народ лишился...

⁴ И. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX вв. Пукус — Ташкент, 1963.

⁵ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 52 (шежере III).

⁶ Там же, стр. 33 (шежере I).

Эти впечатляющие образы, в которых отражена народная скорбь об утраченных местах обитания, конечно сильно идеализированных, очень близки к образам, прославляющим родной край, в башкирском кобайыре «Ай, Уралым, Уралым» и в дошедших до нас через Махмуда Кашгарского образцах болгарского фольклора.

В башкирском кобайыре используются такие образы для прославления родного края:

Косяки стад наших паслись здесь,
Кони мои ржали здесь,
Коровы мои мычали здесь,
Овцы мои бляели здесь.
Серебром наши реки катятся здесь,
Рыбы, как лошади, мчатся здесь,
Лягушки, как бабы, хохочут здесь ⁷.

Для сравнения ритмики стиха и используемых образов приведем еще следующий отрывок из того же башкирского кобайыра:

*Сыңғыр-сыңғыр сыңраған
Йылкыһы күп Урал тау,
Мөңөр-мөңөр мөңрәгән
Һыйыры күп Урал тау...
...Балығы аттай дулаган,
Бакаһы куйзай һулаган,
Һыуы ярына һыймаған,
Йылғаһы күп Урал тау ⁸.*

В образцах болгарского фольклора мы находим:

<i>Әти! сууі ақи турур,</i>	Волны Итиля текут, ударяясь
<i>Җаја түбі җақа турур,</i>	О твердую скалу (берегов).
<i>Балік тилім бақа турур,</i>	Лягушек, рыб стада живут,—
<i>Көлуң таки кушарур.</i>	Ими полон озерный разлив ⁹ .

Насколько нам удалось проследить, каракалпакские толгау и башкирские кобайыры чаще всего 7—8-сложные, причем наиболее распространенный размер каракалпакских толгау и башкирских кобайыров $\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup$. Для толгау и кобайыров типичны такие формы обращения, как «Ах, ногайым, ногайым» («Ормамбет-бий»), «Ай, Уралым, Уралым» (башкирский кобайыр). Все это является свидетельством большой близости этих старинных жанров фольклора двух народов, издавна связанных друг с другом исторически и этногенетически.

* * *

Особый интерес в этногенетическом плане представляют некоторые соответствия, которые мы обнаруживаем при выяснении этнических связей каракалпакского племени муйтен и башкирского племени усерган, родоначальником которого считается Муйтен-бий.

Племя усерган является одним из самых крупных в южной Башкирии. В шежере этого племени говорится:

Башкырт халкы бабасы, Прадед башкирского народа,

⁷ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 73.

⁸ «Башкорт халк ыжады», т. 1. Составление и редакция А. И. Харисова. Уфа, 1954, стр. 73.

⁹ Махмуд Кашгарий. Девону дуютют турк, т. 1. Ташкент, 1960, стр. 103. Русский перевод см.: «История Татарской АССР», т. 1. Казань, 1955.

Би Туж-саба угланы,
Мейтан димакке аны...

Сын бия Ток-саба,
Муйтен его ния...

Далее описываются красота и другие достоинства Муйтен-бия, рассказывается о том, как он ездил к Чингиз-хану, который сделал его визирем, а по возвращении оттуда он стал бием в своей стране. Во второй половине шежере говорится о потомках Муйтен-бия.

Инде Мейтанның балалары...
Аны балалары
Һәр ырыуға айырылган.
Мейтан углы Усерган,
Нәселе булган усарман.

Теперь о детях Муйтена...
Его дети (т. е. потомки вообще)
Разделились на разные роды.
Сын Муйтена Усерган,
Его род был многолюден ¹⁰.

Интересной особенностью этого шежере является его стихотворная форма. В настоящее время это единственное зафиксированное башкирское шежере, написанное в стихотворной форме. В своих комментариях к башкирскому шежере составитель этого труда Р. Г. Кузеев пишет: «Вероятно, составление родо-племенных генеалогий в форме стиха у кочевников-башкир было обычным явлением, но большинство этих памятников устнопоэтического творчества не дошло до нас» ¹¹.

«Муйтен, сын Токсабы,— комментирует шежере Р. Г. Кузеев,— считается родоначальником не всех башкир, а только башкир племени усерган. Упоминание о Муйтене в шежере (*Бишкорт халкы бабасы*) весьма интересно с точки зрения древних этнических связей башкир-усерганцев. Башкирское племя усерган во второй половине I тыс. н. э. в этническом отношении было связано с племенем муйтен, наиболее древним этническим пластом в составе каракалпакского народа» ¹².

Каракалпакское племя муйтен — наиболее древнее из каракалпакских племен, уходящее корнями далеко в глубь веков, за пределы изучения современно этнографии. Вопрос о древнейших корнях этого племени является труднейшим и дискуссионным. На рубеже нашей эры исторические предки муйтенов, вошедших ныне в состав каракалпакского народа, уже, по-видимому, жили в Приаралье, входя, возможно, в состав массагетской конфедерации племен. Этногенетические связи муйтенов ведут, с одной стороны, в Иран, Закавказье и страны Передней Азии (очевидно, это наиболее древние линии связей), с другой — на северо-запад: в Поволжье, Причерноморье и на Северный Кавказ ¹³. Первой линии связей мы здесь касаться не будем, так как она увела бы нас далеко от нашей темы, более подробно остановимся на второй.

В исторических легендах амударьинских каракалпаков-муйтенов, а частично и в преданиях зеравшанских узбеков-митанов (имеющих с первыми общие древнейшие компоненты), упоминаются такие топонимы, как *Кап-тау* (или *Гохи-Кап*) — Кавказские горы, *Гурджистан* (Грузия), *Дигестан*, *Кара-тенгиз* (Черное море), *Крым*, а далее, уже как более поздние места поселения, — *Едиль* (Волга), *Жайык* (Урал) и *Туркестан* ¹⁴. Последние географические названия фигурируют в легендах и других каракалпакских племен.

В некоторых вариантах муйтенских легенд имеются упоминания об их связях с волжскими булгарами («были родственны булгарам, жили вместе и дружно»). Аналогичные

¹⁰ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 81—87 (шежере VIII).

¹¹ Там же, стр. 200.

¹² Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 200.

¹³ Л. С. Толстова. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков (Об историко-фольклорных связях каракалпаков с народами Восточной Европы и Северного Кавказа). — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 4. Нукус, 1963; Л. С. Толстова. К вопросу о закавказско-переднеазиатских связях в этногенезе каракалпаков (муйтены). — «Общественные науки в Узбекистане», № 3. Ташкент, 1966.

¹⁴ «Полные записки Северного этнографического отряда Каракалпакского филиала АН УзССР за 1962 г.», № 10, 11, 16 и др.

сведения были записаны в 1872 г. А. Д. Гребенкиным у зеравшанских митанов: «Мы пришли из России,— говорили митаны,— мы ногаи, а не узбеки. У нас есть песни, в которых говорится о том времени, когда нам хорошо жилось в России, а мы все-таки вышли из нее и пошли к Самарканду». И далее: «Беглые татары из России всегда находят себе радушный прием в этом роде»¹⁵.

У зеравшанских узбеков-митанов есть род *байлар* (*баглар*), который они возводят к булгарам¹⁶. Информаторы из Тахтакульпурского района КК АССР сообщили нам, что прежде и у амударьинских муйтенов был род байлар¹⁷. С булгарами же связываются названия племен *буляр*, *байляр* — у башкир. «Племена буляр, байляр и ейей,— пишет Р. Г. Кузеев,— занимавшие обширную территорию по долине р. Ик, известны в литературе под названием икских башкир. Башкиры этих племен этнически связывают себя с булгарами, что подтверждается историческими и этнографическими данными. Этнонимы *буляр* и *байляр* восходят к родо-племенным названиям болгарских племен»¹⁸. Об этом же он пишет в «Очерках по истории Башкирской АССР»: «Об активном этническом влиянии булгар свидетельствуют не только этнонимы западных башкирских племен *буляр* и *байляр*, но и легенды, и предания о приходе башкир из Булгарии, записанные у таныпцев, а также многочисленные тамги, имеющие общие начертания с татарскими... Булгары приняли участие в этническом формировании и части южных башкирских племен, в частности, усерган»¹⁹. В связи с последним, может быть, следует вспомнить мнение Н. Аристовой, который считал, что этноним *усерган* — это искаженное *эсегел* — название одного из наиболее ранних болгарских племен, живших в Причерноморье, а потом переселившихся в пределы Волжской Булгарии²⁰.

Вернемся вновь к вопросу о соотношении муйтенов с усерганами. Представляет безусловный интерес то, что такой редкий ныне этноним, как *муйтен* (*митан*), встречающийся лишь у каракалпаков и узбеков, в отличие от многих родо-племенных названий, повторяющихся у ряда тюркоязычных народов (таких, например, как ктай, кыпчак, кенегес, майгыт, кият, конгат, кангалы и др.), вдруг неожиданно обнаруживается у башкир, хотя и не в качестве этнонима, а в качестве имени основателя, родоначальника племени усерган. Это тем более интересно, что у башкир-усерганов записаны предания, свидетельствующие об их приходе из Средней Азии, с Сыр-Дарьи и из Приаралья. «На наличие древних этнических связей башкир племени усерган с приаральскими муйтенами,— пишет Р. Г. Кузеев,— помимо сходства этнонимов (муйтен), указывают многочисленные предания и легенды южных башкир, в которых Средняя Азия и Приаралье фигурируют как древние места их поселений»²¹. Башкирскими учеными выяснено, что некоторые другие племена юго-восточной Башкирии также считают себя выходцами из Средней Азии, в основном Приаралья. «Наиболее древними в юго-восточной Башкирии являются племена бурзян, усерган, таугаур. Башкиры этих племен считают своей первоначальной родиной Приаралье, долину р. Сыр-Дарьи или другие области Средней Азии, что подтверждается и историческими источниками»²². В «Очерках по истории Башкирской АССР» также указывается, что первоначальным местом своего обитания башкиры этих трех племен Южного Урала считали «согласно легендам и преданиям, долину р. Сыр-Дарьи, Башкуртские горы близ Бухары (?)

¹⁵ А. Д. Гребенкин. Узбеки.— «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политической выставки». М., 1872, стр. 103—104.

¹⁶ Там же, стр. 106; «Полевые записи Зеравшанского этнографического отряда Каракалпацкого филиала АН УзССР за 1960 г.», № 2.

¹⁷ «Полевые записи Северного этнографического отряда... за 1962 г.», № 17.

¹⁸ Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в.— «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 64.

¹⁹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 32.

²⁰ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей.— «Живая старина», 1896, вып. 3—4, стр. 107.

²¹ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 200.

²² Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в., стр. 61.

вли берега легендарного моря Мбуф (имеется в виду Аральское море), где они были соседями каракалпакского народа»²³. Башкирские ученые считают, что племена бурзян, усерган и тангаур попали из Приаралья в места современного расселения в составе Печенжского и Огузского племенных союзов в конце I тыс. н. э.²⁴. Мы считаем эту гипотезу вполне правомерной, хотя, по-видимому, процессы передвижения, формирования этих этнических единиц, вошедших ныне в состав башкирского народа, в частности племени усерган, связанного с изучаемыми нами каракалпаками-муйтенами, значительно сложнее; переселения, возможно, были неоднократными, и этнические связи у башкир-усерган существовали не только юго-восточные (с северной частью Средней Азии), но и западные (через булгар).

Еще более запутанную картину мы обнаруживаем при изучении этногенетических связей каракалпаков-муйтенов. Полное раскрытие этих сложных процессов — задача, которую еще предстоит решить исследователям.

Между каракалпаками-муйтенами и башкирами-усерганами можно проследить ряд других общих черт, помимо этнонимы. Наблюдается сходство названий некоторых мелких родовых делений: например, *бишэй* у усерганов и *биш-ул* у зеравшанских митанов и др. Далее любопытно, что в южном диалекте башкирского языка, к которому относится и племя усерган, обнаруживается та же особенность, что и в говоре муитен-каракалпаков, а именно прогрессивная ассимиляция «т» после сонорных (вместо *нл* говорится *нн* — *кун-нр* вместо *кунлер* и т. д.). Это же явление обнаруживается в одном из диалектов ногайского языка²⁵. Можно выявить и некоторые другие соответствия.

Говоря об отражении в башкирском фольклоре связей со Средней Азией, следует отметить, что кроме упомянутых выше племен юго-восточной Башкирии, чьи связи со Средней Азией восходят к более отдаленным временам, о выходе из Средней Азии есть предания у башкир племени *мин*, живущих в бассейне р. Демы. В них говорится о том, что предки башкир-мишцев жили на Сыр-Дарье. Р. Г. Кузеев выдвигает предположение, что часть родов племени *мин* переселилась из Средней Азии в места нынешнего обитания во второй половине XIV в., во время правления Тимура²⁶.

В легендах и шежере башкир племени *айле*, одного из крупных башкирских племен, живущих по течению рек Ая и Юрюзани, также говорится о выходе их предков из Средней Азии: из-за Сыр-Дарьи, из Хорезма, из Бухары. Видно, в этих легендах также нашло отражение события относительно позднего времени — XIV—XV вв., возможно — конца XIV в., периода разгрома Тимуром Ургенча, подчинения им всего Хорезма, когда из Средней Азии бежало немало родов в междуречье Волги и Яика и на Южный Урал²⁷.

С другой стороны, в свете наших исследований (в частности, усергано-муйтенских сопоставлений) представляют интерес упоминания в материалах XIX в. о том, что у башкир имеются предания об их происхождении с Кавказа. Так, П. Назаров отмечает: «Кроме преданий о происхождении башкир от булгар, встречаются еще предания, указывающие на происхождение их, с одной стороны, из Азии, а с другой — с Кавказа»²⁸. В башкирском фольклоре также фигурирует далекая мифическая страна **Каф-тау**, которая здесь, видимо, не ассоциируется с Кавказом. С. И. Руденко, говоря о пережитках древних языческих верований у башкир, упоминает о существовании представлений о том, что облака уносили чудовище (аждаха) «на гору Каф (*Каф тауы*), лежащую за Ледовитым океаном и наполненную всевозможными гадами и драконами»²⁹. У каракалпаков же **Кап-тау** — это па-

²³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1, стр. 30.

²⁴ Там же; Р. Г. Кузеев. Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX века. — Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, стр. 102—103.

²⁵ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 349; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 16—17.

²⁶ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 54 (шежере IV), 189—191.

²⁷ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере, стр. 166—172 (шежере XXIII и XXIV), 218—220.

²⁸ П. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», № 1. М., 1890, стр. 169.

²⁹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 316.

звание Кавказских гор и доныне живущее в народе (в средневековых арабских источниках, например, у Масуди, **Кабх** — также название Кавказских гор). Напомним, что в ряде муйтских легенд говорится о происхождении муйтенов с Кавказа (в легендах фигурируют, кроме того, названия Гуржистан — Грузия и Дагестан, как места прежнего обитания муйтенов).

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что данные каракалпацкого и башкирского фольклора, как и материалы других источников, свидетельствуют о том, что между предками каракалпаков и башкир, несомненно, существовали связи — не только исторические, но, по-видимому, и этногенетические. Связи эти осуществлялись на обширной территории — от предгорий Кавказа через Поволжье и Приуралье и до Средней Азии, по крайней мере до северной части (Приаралья и бассейна Сыр-Дарьи). Хронологические рамки здесь тоже довольно широки — речь идет не только о связях огузско-печенежского (IX—XI вв.), болгарского (X—XIV вв.) и ногайского (XIV—XVI вв.) периодов, но и о значительно более раннем, еще недостаточно изученном, времени. Те или иные общие компоненты (отчасти указанные выше) приняли участие в формировании будущих башкир, с одной стороны, каракалпаков — с другой (так же как и ряда других современных народов). Особого внимания заслуживает изучение усергано-муйтских соответствий, возможно, восходящих ко времени далекой древности. На протяжении рассматриваемого нами периода (примерно с середины I тыс. до середины II тыс. н. э.; более ранних этнических связей, прослеживаемых на основании археологических материалов, мы здесь не касаемся), по-видимому, наблюдались как передвижения племен с территории Приаралья в Башкирию (более ранние), так и напротив, из Поволжья и Приуралья в Среднюю Азию (в частности, в Приаралье). Во всех деталях эти процессы при современном уровне знаний мы восстановить не можем. Реконструируются они в настоящее время, главным образом, на основании косвенных данных: все это нашло отражение и в историческом фольклоре каракалпаков и башкир, и в ряде областей их материальной культуры, и в этнонимике и генеонимике, и лишь для более позднего времени — в письменных источниках. Сравнительное изучение материальной и духовной культуры башкир и каракалпаков, в частности, их богатого исторического фольклора — необъятное поле деятельности для исследователей, представляющее значительный интерес и в плане восстановления этногенеза этих народов.

Г. П. ВАСИЛЬЕВА
(Москва)

**О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ЭЛЕМЕНТАХ В КУЛЬТУРЕ ТУРКМЕН И БАШКИР
В СВЯЗИ С ИХ ЭТНОГЕНЕЗОМ**

Башкиры, живущие на стыке Европы и Азии, народ интересной судьбы, в этногенезе которого приняли участие многие этнические образования древности и средневековья, вошедшие также в состав других народов. Важную роль в этногенезе башкир сыграли и предки почти всех среднеазиатских народов. Среди этих последних можно назвать туркмен, хотя на современной географической карте башкиры и туркмены разделены между собой значительными пространствами.

На определенную близость культуры приволжских народов, в частности башкир и туркмен, в свое время указывал С. П. Толстов. В одной из своих ранних работ¹ он писал об общности материальной культуры туркмен, чувашей и башкир и доказывал наличие глубоких связей группы поволжских народов с древним Хорезмом, а через него с предками нынешних туркмен².

Позднее С. И. Руденко, Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов и другие исследователи в своих работах по истории и этнографии башкирского народа также не только отмечали сходство отдельных элементов культуры между этими двумя народами и наличие в родоплеменном составе башкир этнонима «туркмен» (*төркмән*), но и делали выводы об общих элементах в их этногенезе³.

Действительно, при знакомстве с материальной культурой и декоративно-прикладным искусством обоих народов бросается в глаза определенное сходство в украшениях женского и детского костюмов, в вышивках, ковроткачестве и т. д.

Старинные девичьи головные уборы башкир⁴ и туркмен, а также чувашей⁵ (*такья* — башк., *тахя* — туркм., *тухья* — чув.), поверхность которых покрыта серебряными монетами и бляшками, а на верхушке укреплен ободно серебряный колпачок с навершием, обнаруживают между собой поразительное сходство, свидетельствующее о какой-то общей, видимо, древней, этнической традиции (рис. 1). Об этом же говорит манера украшать спереди серебряными монетами и бляшками платья и халаты молодых женщин-туркменок, которая находит аналогии в сплошь зашитых монетами и кораллами нагрудниках *яга* и в украшенных монетами камзолах женщин восточной Башкирии⁶.

¹ С. П. Толстов. Les principales étapes du développement de la civilisation terioukhane.— «Eurasia Septentrionalis Antiqua», VI, 1930.

² С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ, 1938, № 1; е го же. Новогодний праздник «Каладас» у хорезмийских христиан начала XI в.— СЭ, 1947, № 2; е го же. Древний Хорезм. М., 1948 и др.

³ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 329; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Уфа, 1957, стр. 51, 52, 55 и др.; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX—начала XX вв.).— АЭБ, т. I. Уфа, 1962, стр. 198, 199 и др.

⁴ С. И. Руденко. Указ. соч., рис. 161.

⁵ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. М., 1951, стр. 57.

⁶ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, стр. 208, рис. 114, табл. XXXVII—XXXVIII; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Народное искусство башкир. Л., 1968, рис. 103—106; Р. Г. Кузеев и др. Зауральские башкиры, стр. 243, рис. 37, 38 и др. Аналогичные, сплошь зашитые монетами нагрудники встречались у чувашек и удмурток; см. В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 76.

Рис. 1. Девочки-туркменки в шапочках тахья, украшенных монетами и серебряными колпачками кубба. Северный Туркменистан.

Башкирский старинный женский головной убор *калпуги*⁷, вероятно, является единым по своему происхождению со старинными *саукеле* казахов и *шоукеле* туркмен-чудоров.

Видимо, древние этнические связи обнаруживаются и при анализе вышивок: распространенный на большей части территории Туркмении шов *кожиме* (иногда его называют «козлик с окантовкой», иногда — «косая сетка»), насколько позволяет судить имеющийся в настоящее время материал, встречается у очень ограниченного круга народов: в Средней Азии кроме туркмен еще у каракалпаков и южных киргизов, а вне ее пределов — на востоке Башкирии, где он называется *куш элма*, а также у якутов, т. е. на огромной территории, у народов, живущих на значительном расстоянии друг от друга.

Перечень аналогий в материальной культуре и декоративно-прикладном искусстве, подтверждающих наличие этнических связей между этими двумя народами, можно было бы продолжить, однако сказанное выше достаточно хорошо иллюстрирует наш тезис.

Не менее интересным в плане башкиро-туркменских связей является анализ материалов по родо-племенному составу и преданий о происхождении, которые позволяют наметить пути возможных связей между интересующими нас народами. Выводы об общих этнических

⁷ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 192, рис. 160.

элементах еще более подкрепляются при знакомстве с родо-племенным делением башкир; среди многих башкирских племен (кыпчак, кудей, мин, западные табыцы и катайцы) встречаются родо-племенные подразделения «туркмен» (*төрөкмән*). Наибольший интерес в этом плане представляет племя ай(айле), особенно та часть его, которая расселялась в Зауралье, на восточной окраине территории обитания башкир. Это племя, по преданиям самих айлинцев, кажется, более других связано со Средней Азией. Р. Г. Кузеев на основании анализа родо-племенного деления, данных башкирских шежере и преданий о происхождении приходит к выводу о том, что племя айле представляет «конгломерат представителей различных родовых и племенных организаций», одно из «территориальных племен», для сохранения своей самостоятельности объединившихся в одно целое из разных, не связанных между собой генеалогическим родством групп⁸. В его составе встречается ряд подразделений, которые, несомненно, генетически связаны с туркменами.

Из всех родовых подразделений этого племени сарт-айле (*һарт-айле*) этнически, вероятно, ближе всего к туркменам. Недаром в преданиях о происхождении этого рода говорится о том, что его родоначальник Делбахун происходит из Хорезма. Известно, что хорезмские сарты уже с IX—X вв. испытывали на себе значительное огузское влияние и были близки к туркменам.

В роде сарт-айле имеется еще ряд более мелких подразделений, вошедших в его состав, видимо, в разные периоды истории, но имеющих, несомненно, туркменское происхождение. Среди них в первую очередь следует назвать подразделение **текеш** (*тәкеш*). Этот род легко связать с самым крупным туркменским племенем **теке**; примечательно и то, что туркменское племя теке и башкирский род текеш имели сходную тамгу γ^9 и γ^{10} .

В течение всего позднего средневековья, вплоть до середины XVIII в. на Мангышлаке, почти соприкасаясь с башкирами, кочевали туркменские племена — чоудоры, игдыры и

Р и с. 2. Старинный костюм туркменской женщины. Южная Туркмения. Фото начала XX в.

⁸ Р. Г. Кузеев и др. Зауральские башкиры, стр. 195.

⁹ Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен. Ашхабад, 1942 (рукопись хранится в библиотеке им. А. М. Горького МГУ), стр. 209—210.

¹⁰ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 110.

Р и с. 3. Женский халат чабьт. Западная Туркмения.

абдалы; большинство их к концу XVIII в. перекочевало в Хорезмский оазис, а меньшая часть еще в начале этого века переселилась в Астраханскую губернию и на Северный Кавказ, в Ставрополье. Не удивительно поэтому, что в том же роде сарт-айле мы находим родовые подразделения **абдал** (*абдал*) и **кызыл-баш** (последний род зафиксирован и у ставропольских туркмен-игдыров)¹¹. Весьма вероятно, что какие-то группы этих туркмен во время странствий из Мангышлака на Северный Кавказ осели среди башкир и были включены в состав более близких им сарт-айлинцев. Это предположение, конечно, не исключает возможности более раннего вхождения указанных групп туркмен в состав башкир.

Представляется весьма соблазнительной, хотя и не бесспорной, возможность на основании этимологического сходства связать западно-айлинский род **етимган** (вскормленный собакой)¹² с туркменским племенем **иомут** (*ёмут*). Среди разных вариантов преданий о происхождении этого племени встречаются и такие, в которых говорится о том, что предок

¹¹ Г. И. Карпов. О туркменах Эсенхановского юрта. — «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1946, № 3—4, стр. 24.

¹² Р. Г. Кузеев и др. Зауральские башкиры, стр. 197.

номутов был вскормлен молоком собаки (итемен — повм ит)¹³. Отсюда, якобы, и его название — **иовмит** — **иомут**. У туркмен вообще сохраняется довольно большое число родовых наименований, связанных с собакой. Таковы роды **коджук** (гужук — щенок) у иомутов, **копекли** (*кәпек* — пес) — у приамударьинских салыров и др.

Хочется думать, что в данном случае не просто этимологическое совпадение названий, а генетическое родство. Тогда, вероятно, с этими же группами, имеющими своим тоном собаку, можно связать еще один сартайлинский род эт **кусюк** (*эт кәсәк* — щенок)¹⁴.

Иомуты как племя оформились в позднем средневековье — в XVI в. в Западной Туркмении. Первоначальным местом их обитания считаются, по многим народным преданиям, горы Большие Балханы и местности, лежащие к северу и югу от них¹⁵. Этот богатый пастбищами и дичью край неоднократно воспевается в преданиях туркмен. Интересно, что и у башкир в эпическом сказании «Зая-Туляк и Хыу-хылу» встречается упоминание о богатой и привольной родине одного из героев сказания — Балкан-тау¹⁶.

Наконец, приведем еще одно интересное свидетельство этнической общности башкир, туркмен и других среднеазиатских народов. Мы имеем в виду свадебное состязание **көк бөри**, впервые описанное А. Вамбери в середине XIX в. у туркмен¹⁷. У одних туркмен (сарыки, чоудоры) оно сохранилось под таким названием до наших дней, в других (арабачи, чадыры, хыдыр-эли) — называлось **овлак-чапды** (*овлак чапдырмак*). Такое состязание встречалось и у части узбеков и казахов (у последних оно называлось **кыз бөри**). У юго-восточных башкир подобное состязание сохранялось еще в начале XX в. во время празднования *корбан байрамы* под названием *котапыу* или *кук буре* (серый волк)¹⁸.

Материал, приведенный выше, позволяет сделать некоторые предварительные выводы о возможных путях возникновения этой общности. Манера украшать монетами и бляшками платье и верхнюю одежду у туркмен находит аналогии в археологическом материале Южной Туркмении — на терракотовых статуэтках Мерва и Чичан-тыктене (II—III вв. н. э.)¹⁹. Это памятники Парфянского государства, периферию которого, как известно, составляли скифо-сакские (массагетские) племена, распространенные на чрезвычайно широкой территории. Предки туркмен кочевали также в Приаралье, на периферии древнего Хорезма. Об этнических связях сарматов Поволжья—Приуралья с населением Хорезма еще в III в. н. э. интересный материал привел в своем докладе на сессии В. Н. Ягодин²⁰. Видимо, те же связи с Поволжьем существовали в скифо-сарматское время и у предков туркмен. На эти ранние связи указывает общность в старинных девичьих головных уборах, манере украшать костюм и др. Возможно, тогда же получили распространение и общая техника, и орнамент ковровых изделий.

С. Н. Шитова в своей монографии²¹ выделяет в особый, пятый пласт, все элементы одежды и украшений, роднящие башкир со среднеазиатскими народами, не разделяя эти связи во времени. Нам думается, что манера украшать одежду серебряными монетами и бляш-

¹³ Полевые записи от Балдыена Муссы, пос. Кызыл-Атрек, август, 1955 г.; от Моллаева Гуджумана, с Мадау Кызыл-Атрекского района ТССР, апрель, 1968 г. и др.; когда иомуты ссорятся с текинцами, последние дразнят их: «Эй вы, вскормленные собакой!». См. также А. Джиккиев. Материалы по этнографии мангышлякских туркмен. — Труды ИИАЭ АН ТССР», т. 7. Ашхабад, 1963, стр. 200.

¹⁴ Р. Г. Кузеев и др. Зауральские башкиры, стр. 197. Ср. гужук у иомутов.

¹⁵ Шежере западных иомутов, переданное А. Бекджановым, жителем пос. Джебел и хранящееся в рукописном фонде АН ТССР. Ед. нив. № 2040, стр. 7.

¹⁶ Башкорт халк ыжды, т. 2. Составление и редакция А. И. Харисова. Уфа, 1959, стр. 31.

¹⁷ А. В ам б е р и. Путешествие по Средней Азии. М., 1874, стр. 280.

¹⁸ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 283.

¹⁹ Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана. М., 1967, стр. 80.

²⁰ В. Н. Ягодин. К вопросу об историко-культурных связях Хорезма с Поволжьем—Приуральем в первой половине I тыс. н. э. — Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, стр. 84.

²¹ С. Н. Шитова. Формирование и развитие башкирского народного костюма. Автореферат канд. диссертации. М., 1968, стр. 16.

ками живет в одежде туркмен и башкир с первой половины I тыс. н. э., т. е. со времени пик большего распространения народов скифо-сарматского круга.

Представляется, что техника вышивки, общая для башкир, туркмен (*кушэлме, код-жилме*) и некоторых других народов, была занесена к ним группами, входившими в гуннский племенной союз, при передвижении гуннов с востока на запад. Эта мысль подтверждается тем, что аналогичная техника вышивки была найдена в гуннском могильнике Ноннула и, кажется, до сих пор бытует у якутов.

Экспансия Хорезма на север, в приуральские районы, вероятно, повлекла за собой передвижение части племен с юга на север и в обратном направлении и, таким образом, привела к появлению у таких далеких друг от друга народов, как башкиры и туркмены, одинаковых родо-племенных групп и общих элементов в культуре.

Наконец, последний, наиболее мощный этнический общий пласт в этногенезе этих народов связан с племенами средневековья кыпчакско-печенежского круга. Он обусловил появление в составе башкир родовых подразделений с этнонимом «туркмен» и прослеживается в настоящее время в ряде элементов культуры, общих для некоторых северных туркменских племен и народов дештикыпчакского круга — старинного женского головного убора типа саукеле, состязания кок-бори и др. Более поздние этнические связи носили, вероятно, уже локальный характер.

Е. Г. ЯКОВЛЕВА
(Москва)**ЧЕРТЫ ОБЩНОСТИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА
БАШКИР И НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

(ткачество и вышивка)

Узорное ткачество и вышивка башкир, как виды народного искусства, формировались на протяжении многих столетий. По глубокому чувству гармонии, которым покоряет каждая вещь, разнообразию узоров, богатству колорита и способам технического исполнения тканых и вышитых изделий — эти искусства выступают весьма целостными и самобытными. Наибольшей отточенностью узоров, рельефным проявлением в них декоративных качеств используемого материала отличаются предметы, которые производились для выполнения разнообразных праздничных и обрядовых церемоний, а также вещи повседневного обихода, применявшиеся в прошлом кочевом быту башкир. Оформление этих изделий в силу устойчивости патриархального быта во многом определялось издавна сложившимися обычаями и обрядами и поэтому сохранило традиционную форму. Таковы декоративные занавесы — шаршау, головные покрывала, постллки для шар и завертывания постели — буйбалас, ковры, узорные мешки — торбы — для хранения одежды и т. д.

При несомненном своеобразии декоративного ткачества и вышивки, бытующих в отдельных районах, и огромном разнообразии узоров, применяемых для оформления этих изделий, в их художественном строе ясно прослеживаются общие стилевые черты, объединяющие искусство башкир с культурой не только соседних тюркских народов Поволжья — татар, чувашей, но и территориально от них далеких казахов, киргизов, каракалпаков.

Прослеживаемые учеными общие черты в узорном ткачестве и вышивке башкир и народов Средней Азии¹, наиболее ярко проявляющиеся в оформлении традиционных вещей обрядового и бытового назначения, позволяют высказать предположение о наличии древних общих истоков в их искусстве. Это мнение в известной степени подтверждается тем, что аналогичные художественные явления в народном творчестве казахов, киргизов, каракалпаков связаны с наиболее древними периодами истории их культуры и прослеживаются уже в искусстве раннего средневековья. Широкая территориальная распространенность и устойчивость близких художественных традиций в узорном ткачестве и вышивке башкир и народов Средней Азии, Казахстана позволяют высказать мнение, что у тюркских племен и народов территории современного Алтая, Южной Сибири, Казахстана, Урала и Поволжья в период I тыс. н. э. существовала развитая художественная культура. Традиции этой культуры в той или иной степени сохранились до наших дней в искусстве народов, сформировавшихся в постмонгольский период. Археологические раскопки в Поволжье, на Алтае и в Казахстане дали материалы, которые показывают развитость материальной культуры народов, населявших эту территорию в период раннего средневековья, и стилевое единство их искусства.

В области узорного ткачества и вышивки археологические материалы крайне скудны; тем не менее характер встречающихся на современных тканях и вышивках орнамен-

¹ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

тальных мотивов и принципы построения декоративных композиций имеют много аналогий с археологическим материалом, что позволяет отнести их сложение к домонгольскому периоду. На наш взгляд, черты общности в узорном ткачестве и вышивке башкир и других кочевых в прошлом народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири проявляются не столько во внешнем сходстве декоративного оформления отдельных вещей, сколько в единстве художественных принципов, лежащих в основе этих узоров, в устойчивых закономерностях их ритмического и цветового строя. Это еще раз свидетельствует о древних общих корнях культуры башкир и упомянутых народов.

Узорное ткачество — самый распространенный и очень древний вид народного искусства. Общим для узорного ткачества интересующих нас народов является материал — шерсть, продукт развитого скотоводства. В домашнем производстве в прошлом кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана до сих пор имеют место весьма древние способы обработки шерсти. Совершенное владение этими традиционными и очень простыми приемами обеспечивает высокое качество прядения и крашения шерсти, разнообразие приемов ткачества. Большинство тканей, предназначенных для оформления юрты и изготовления мешков для одежды, вырабатываются на примитивных, безавоинных ручных горизонтальных станках, позволяющих делать узорную ткань шириной не более 30—40 см. Узор создается обычно за счет перебора цветной крученой основы одноцветным утком либо путем выбора узора цветным утком по одноцветной основе. При изготовлении больших тканых изделий (занавеси, скатерти и т. д.) их спивают из нескольких узких полос, узор которых ритмически повторяется по ширине изделия. Часто он состоит из разных по рисунку, по ритмически связанным между собой вертикально расположенных узорных полос, объединяющихся в сложную декоративную композицию.

Бытующий у бывших кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана примитивный способ ткачества сохранился в восточных районах Башкирии. Но здесь пользуются им лишь при изготовлении традиционных изделий из шерсти, связанных в прошлом с кочевым бытом, — паласов с рисунком в полоску (*буйбагас*), покрывал и т. д. Что же касается изделий из льна и конопля, связанных с оседлым бытом, их ткют на более совершенном, аналогичном русскому станке, оснащенном подвесным ремизом и батаном, а в отдельных районах — и на станке-самолете.

Сравнивая близкие по назначению изделия из шерсти, бытующие или бытовавшие в Средней Азии, Казахстане и в Башкирии, можно заметить, что в их оформлении часто применяются рапортные симметричные и асимметричные композиции, имеющие ясно выраженное продольное или поперечное расположение орнамента. Можно проследить также два принципа построения таких узоров: первый — аппликационный, второй — ткацкий. При этом узоры первого типа, переработанные в ткацкую технику, сохраняют замкнутый, идущий от шаблона принцип построения формы; в то время как ткацкие — определяются структурой ткани. В традиционных больших и мелких изделиях из шерсти, выполненных выборным ткачеством, преобладает замкнутый аппликационный принцип построения ведущих мотивов, в то время как мелкие сопровождающие фигуры исполняются чаще по счету ткацкими приемами. В тканях, выполненных закладной техникой, преобладает счетное ткацкое построение орнамента с характерным уступчатым контуром. Это наблюдение позволяет, кажется, предполагать, что закладная техника в узорном ткачестве кочевых народов Поволжья и Средней Азии более ранняя по отношению к браной и выборной. Видимо, изделия, выполняемые выборной техникой, заменили ранее бытовавшие предметы, имевшие аппликационный рисунок по готовой ткани или войлоку, как это имеет место и сейчас у казахов и киргизов.

Ведущие орнаментальные мотивы многих тканых изделий представляют сложную декоративную фигуру, составленную из симметрично группирующихся по двум или одной оси более мелких форм, объединенных единым контуром. Эта тенденция к замкнутости орнаментального мотива является одной из древних и весьма характерных черт орнаментального искусства башкир, казахов, киргизов и ряда других народов. Более нагляд-

но она выступает в искусстве узорных войлоков, где выполнение узоров по шаблону достигло большой художественной выразительности.

Характерной чертой тканых узоров при локальном своеобразии их у каждого народа является ритмическая связь узора и фона, активная роль фона, его узорность и цветовая насыщенность. Ритмическая расстановка округлых орнаментальных мотивов по одноцветному полю ассоциативно напоминает пестрые юрты кочевников на переливчатом фоне насыщенной цветом степи. Чувство внутренней связи художественного строя традиционных декоративных композиций шаршау, алаша, ковров, буйбаласов с окружающей природой, повседневно наблюдаемым пейзажем ярко выражено в колористическом решении этих вещей. Как правило, очень простому, прямолинейному расположению ведущих и сопровождающих фигур противопоставлен сложный, удивительно изысканный, динамичный цветовой ритм, не повторяющий графического построения рисунка. Это позволяет при сравнительно небольшом числе мотивов создать впечатление богатой декоративной композиции.

Большое значение в эмоциональном восприятии узорного ткачества имеет фактура ткацких разделок, выявляющая красоту шерсти как материала, ее блеск, пушистость, глубину окраски. В активном использовании фактуры выявляется также специфика орнаментального искусства, привычка в цветовой ритм узора вводить и светотеневые нюансы, столь характерные для степного пейзажа.

В колористическом решении занавесей, ковров, скатертей, переметных сум и чувалов преобладает теплое тональное решение узора, достигаемое за счет цветного, обычно красного, охристого или оранжевого фона, а также — использование цветного закрепляющего утка, оптически смягчающего яркость цвета узоробразующих основных нитей.

Не менее важной особенностью наиболее традиционных узоров является лежащий в их основе единый модуль, равный ширине пальца — наиболее простой способ измерения, доступный неграмотным мастерам в условиях кочевого быта. Привычку мерить полосу на ширину пальца, удваивая или утраивая ее размер, весьма наглядно можно видеть в простых полосатых рисунках на башкирских буйбаласах. Этот же принцип построения основных членений декоративных композиций прослеживается и в казахских алаша, туркменских коврах и особенно в мелких бытовых вещах, сохраняющих традиционные размеры.

Использование единого модуля в вертикальном и горизонтальном членении декоративной плоскости в размерах ведущих сопровождающих фигур и протокал фона между ними сообщает декоративному оформлению вещей особую ритмическую стройность. И поскольку у каждой вещи был постоянный, рациональный в кочевом быту размер, то построение узора в едином модуле позволяло всегда безошибочно угадывать гармоническое соотношение основных и вспомогательных мотивов, достигая выразительности их декоративного звучания. В крупных вещах — коврах, занавесах, постилках на пары — чаще всего соблюдалось соотношение длины к ширине как 1 : 2, что также сообщало их узорам свои особенности.

Вышивка, как и ткачество, весьма древний вид народного творчества. Если аппликацию по коже, войлоку, ткани отнести к одному из видов вышивки, то это искусство, безусловно, составляет основу национального орнаментального творчества многих тюркских народов-кочевников Алтая, Поволжья и Средней Азии. Искусство вышивки по сравнению с ткачеством более подвижно, восприимчиво к влиянию моды. В нем ярче прослеживаются, наряду с традиционными, и более близкие к нашему времени стилевые черты. Сменой художественных направлений в творчестве этих народов можно объяснить и тот факт, что многие особенности орнаментального искусства начала XIX в. в современной вышивке почти полностью утрачены.

По принципу воспроизведения узора башкирская, казахская, киргизская, каракапакская вышивка делятся на несколько групп. Первую, наиболее распространенную, составляют узоры, которые наносятся на ткань с помощью предварительно вырезанного шаблона с последующим выполнением рисунка декоративными швами или аппликацией,

вторую — узоры, создаваемые специальными швами по счету нитей ткани без предварительного рисунка и связанные с особенностями структуры этой ткани, в третью — объединяются узоры, нанесенные свободной рисовкой непосредственно на ткань и разработанные потом разнообразными декоративными швами или тамбуром.

В вышивке, как и в узорном ткачестве, у башкир, казахов, киргизов и других народов построение узора часто не совпадает с техникой его выполнения, что придает им местное своеобразие. Так, несмотря на счетную технику вышивки на башкирских налобных повязках-хараусах, многие используемые орнаментальные мотивы имеют ярко выраженную аппликационную, сделанную по шаблону форму. Выполненные в другой технике эти мотивы утрачивают пластическую выразительность и плавность силуэта, плохо сочетаются со структурой фоновой ткани, воспринимаются наложенными. Впечатление несоответствия узора с техникой выполнения усиливается зеркальным, связанным с вырезкой, построением рисунка отдельных мотивов по осям и привычным заполнением каждого мотива равномерно одним цветом. По-видимому, освоение счетных вышивок было связано с созданием изделий из шелковых и льняных тканей полотноного переплетения и заимствовано тюркскими кочевниками у других народов. Приспосабливая традиционные узоры под новую технику, мастера сохраняли их привычный облик и лишь несколько видоизменяли форму, пассивно используя декоративные возможности счетных швов. Этот тип вышивки, дошедший до наших дней в искусстве каракалпиков и финно-угорских народов, не оказал существенного влияния на орнаментальное искусство башкир, казахов и киргизов и сейчас лишь полностью забыт. Этот момент, видимо, также указывает на то, что счетная вышивка, органически не связанная с традиционной орнаментикой кочевых и полукочевых народов, являлась у них заимствованной.

В вышивках башкир, казахов, киргизов наиболее устойчивую традицию в орнаменте определяют условно трактованные растительные и рогаобразные мотивы, аналогичные узорам на войлоке, выполненные декоративными верхошвами и тамбуром.

Как и в войлоках, эти узоры создаются по предварительно вырезанным из картона или бумаги шаблонам и, хотя последующее их выполнение декоративными швами на поверхности ткани придает рисунку большое цветовое и фактурное богатство, они сохраняют свою аппликационную основу. Это проявляется в замкнутости и симметричности орнаментальных мотивов, их противопоставлении фону, фактурному выделению узора на фоновой ткани. Как и в ткачестве, композиция узора решается сравнительно ограниченным кругом орнаментальных форм, а декоративная выразительность и богатство узора в целом достигается за счет колорита. Анализируя вышивки этого типа на крупных декоративных и мелких бытовых предметах, неуклонно улавливаем их стилевое единство с другими видами художественного текстиля — ткачеством, узорными войлоками, тиснением по коже. Это обстоятельство позволяет данную традицию в искусстве вышивки башкир, кочевых и полукочевых народов Средней Азии считать наиболее древней. В характере мотивов, их колористическом решении и ритмическом строе, как и в ткачестве, нашла отражение природа с ее красками, упругими стеблями степных трав.

Самостоятельную линию в искусстве вышивки составляют также узоры, сделанные свободной рисовкой на ткани. Характерной особенностью этих орнаментов является ярко выраженный растительный характер мотивов, изобразительная конкретность воспроизводимых цветов, веточек, букетов. По своему строю, принципу размещения на плоскости эти узоры в значительной степени отличаются от орнаментов, присущих вышивкам аппликационного типа.

Растительные мотивы, выполненные по рисовке, при всей их условности и декоративности, бесспорно, отражают более близкую к нашему времени традицию, получившую развитие, видимо, в XVII—XIX вв. под влиянием искусства соседних народов — узбеков, татар, таджиков, с которыми у башкир в этот период устанавливаются более тесные, постоянные торговые, а также религиозные и культурные связи. Не случайно, что наибольшее применение подобные узоры получили в оформлении молитвенных ковров — намазлыков,

а также в одежде нового типа и других предметах убранства дома, пришедших в быт с распространением оседлости.

При сравнении растительных орнаментов башкирских, казахских и киргизских вышивок, выполненных по рисовке гамбуром и верховшами, с аналогичными вышивками таджиков и узбеков, ясно улавливается по отношению к последним большая условность трактовки растительных форм, отсутствие утонченной разработки отдельных мотивов, упрощенность силуэтов. Особенно ярко эти тенденции проявляются в вышивках башкир, в меньшей мере испытавших позднее влияние искусства Средней Азии, конца XIX — начала XX вв.

Сохранившееся небольшое количество вышитых изделий башкир, казахов, киргизов, относящихся к началу и середине XIX в., свидетельствует о высоком мастерстве народной вышивки этого периода. Присущее им цветовое богатство и разнообразие декоративных и технических приемов выполнения узоров к концу XIX в. в значительной мере утрачивается под влиянием буржуазной городской культуры, в той или иной степени проникавшей в быт кочевых и оседлых башкир, казахов и киргизов. Это проявляется не только в применении тканей ярких расцветок и использовании фабричного цветного гаруса для вышивки, но и в заимствовании узоров с различных печатных пособий, освоением машинной вышивки и вышивки крестом. При этом многие традиционные мотивы приспособляются к моде, выступают в ином качестве, порой утрачивая самобытность и декоративную выразительность.

Прослеживая общие стилевые черты в оформлении вышитых и тканых изделий из шерсти у ряда тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Приуралья (казахи, киргизы, каракалпаки, башкиры и др.), следует отметить, что в настоящее время древние истоки этого искусства привлекают все большее внимание как ученых, так и художников и мастеров. Историки, этнографы в изучении исторических корней и развития народного искусства этих народов находят новые материалы и аргументы для решения сложнейших проблем этногенеза и истории культуры тюркских народов советского Востока и Восточной Европы. Художники и мастера, обращаясь к глубоким народным истокам художественной культуры, черпают в нем вдохновение для творческого созидания замечательных образцов современной культуры советских народов.

Н. С. КОРОЛЕВА
(Москва)

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ УДМУРТОВ И БАШКИР

Народное искусство удмуртов и башкир, прошедшее длительный и сложный путь исторического развития, вобрало в себя напластования самых различных периодов, а поэтому оно представляет собой ценный источник изучения проблем этнической истории.

Одни и те же виды искусства — узорное ткачество, вязание, вышивка — развивались по-разному в сравнительно близких условиях, и, напротив, общие черты прослеживаются в отдаленных друг от друга районах. У каждого народа можно выделить определенные локальные центры, в пределах которых имели распространение различные типы национальной одежды, орнамента, особые формы декоративно-бытовых предметов.

Неповторимо искусство башкир северо-восточных, юго-восточных и других районов. Существенные локальные различия прослеживаются здесь на материале современного и более старого искусства, что обусловлено устойчивостью сложившихся ранее традиций¹.

В народном искусстве удмуртов различаются две самостоятельные группы. Одна из них — северная (Глазовский, Балезинский районы) — близка искусству коми, коми-пермяков, хантов; другая — южная (Алишанский, Сарапульский, Мало-Пургинский и другие районы), наоборот, значительно больше имеет общих черт с искусством тюркских народов, нежели родственных им по языку финно-угров.

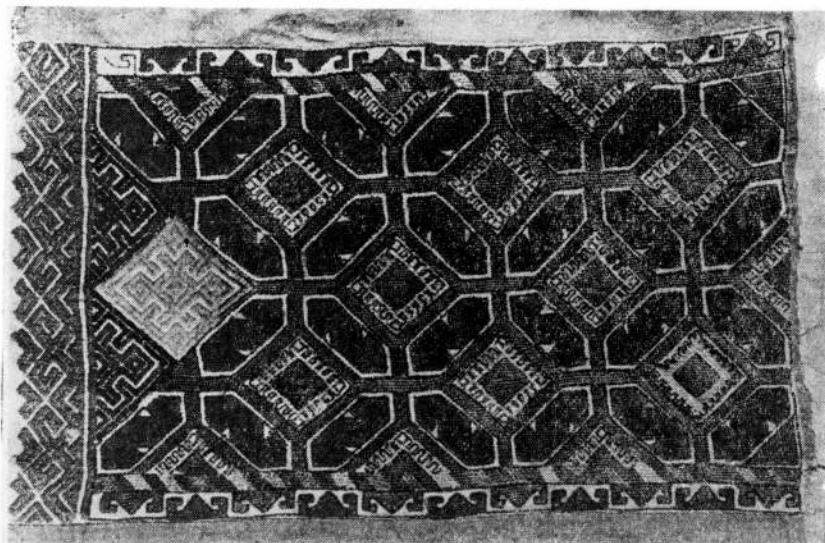
В северных районах Удмуртии в XIX—XX вв. была широко распространена счетная вышивка, близкая по своему характеру вышивке марийцев, мордвы, южных прииртышских хантов (рис. 1). Эта вышивка была связана здесь с особым комплексом женской одежды, в который входили рубаха туникообразного покроя, нагрудник, широкий, свисающий по бокам пояс, головная повязка.

Преобладают очень трудоемкие и сложные виды счетного шитья: «косая стежка», «набор», «счетная гладь», которые, дополняя друг друга, создают богатую и разнообразную фактуру вышивки.

Особенность счетной вышивки северных удмуртов — в ее тщательном, очень тонком исполнении и почти ковровой плотности узора. Каждая фигура настолько близко соприкасается с другой, что между ними почти не остается просветов фона. Отдельные мотивы в вышитом узоре не воспринимаются; они слиты друг с другом и образуют новый, как бы наложенный сверху слой ткани с плотной рельефной фактурой. В этой вышивке все построено на равномерном заполнении плоскости повторяющимися мотивами; отсюда — впечатление непрерывности и некоторой незавершенности орнамента.

В традиционной вышивке северных удмуртов связана богатая и своеобразная орнаментация. Помимо строгих геометрических фигур здесь довольно часто можно встретить самые разнообразные асимметричные формы, S-образные линии, косые кресты, дополнен-

¹ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; С. Н. Шитова. Народная одежда башкир. — АЭБ, т. 3. Уфа, 1968; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Народное искусство башкир. Л. 1968.

Р и с. 1. Нагрудник женский, вышитый. Техника выполнения — счетная гладь, косая стежка, набор. Удмурты. Глазовский уезд, середина XIX в. Музей этнографии народов СССР.

ные разными ответвлениями, изображения женских фигур, коней, птиц. В этих условных, сильно geometrized узорах мы не можем не отметить проявления древнеязыческой символики. При сопоставлении их с искусством древнего Прикамья и Зауралья видно, что многие из названных мотивов прошли длительный путь развития, подверглись трансформации и пересмыслению, в значительной степени утратив первоначальные очертания. В силу установившейся традиции эти мотивы продолжали включаться в орнамент вплоть до начала XX в.

Своеобразие удмуртской счетной вышивки во многом определяется ее колоритом. Здесь, как и в вышивке марийцев, мордвы и обских угров, основным цветом является терракотово-красный и мареновый. Другие цвета: желтый, зеленый, синий и черный — включаются в очень небольшом количестве, и поскольку они контрастны по отношению к ведущему цвету, то и выделяются особенно четко.

Сопоставление счетной вышивки северных удмуртов с разными видами искусства других народов дает основание отметить, что у них имел распространение характерный для многих финно-угорских народов тип орнамента. Ближние аналоги этому орнаменту мы находим в искусстве коми и коми-пермяков, восточных марийцев, верхневолжских карел и других народов. Наиболее ярко выражен отмеченный нами тип орнамента в искусстве южных приуральянских хантов, в их счетной вышивке по холсту, а также у алтайцев и каракалпаков². Истоки этого орнамента уводят нас к материалам древних, еще доугорских

² Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. — «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков». М., 1958, стр. 384—385, 392, 399—400.

Р и с. 2. Фрагмент вышитого полотенца. Техника выполнения — тамбур, «настил», «козлик». Сарapulьский район Удмуртской АССР, начало XX в.

культур Южного Зауралья. Керамические сосуды андроновского типа, костяные гребни часто украшены очень похожими узорами.

Счетная вышивка характерна не для всех групп башкир; мы встречаем ее лишь в восточных районах Башкирии (на так называемых «хараусах»). С вышивкой северных удмуртов и других финно-угорских народов ее объединяет терракотово-красный колорит, одни и те же приемы счетного шитья и сама орнаментация. Среди разнообразных геометрических узоров здесь также можно встретить S-образные фигуры, ромбы с витиеватыми отростками, а кроме того, небольшие, вписанные в треугольник мотивы с двумя птицами,

стоящими около дерева. Наиболее часто этот мотив повторяется в вышивке прииртышских хантов.

Вышивка южных удмуртов характеризуется совершенно иными качествами. Эта вышивка необычно яркая и красочная и применяется в основном для украшения декоративных полотенец, развешиваемых на стенах жилых комнат. В ней преобладают растительный орнамент и крупные декоративные швы («тамбур», «козлик», «узелки» и др.). По общему характеру эта вышивка ближе к татарской и башкирской, нежели финно-угорской (рис. 2).

В пределах этого типа можно отметить некоторую разновидность. В вышитом орнаменте саранульских полотенец наиболее часто встречаются узоры с плавными линиями, округлыми геометриванными розетками, спиральми и очень условными цветочными мотивами. Преобладают узоры в виде горизонтальной полосы или вазоны с симметрично расходящимися ветками и цветами. Яркие зеленые, желтые, лиловые цвета узоров не повторяют строгой симметрии самого рисунка. Они распределяются свободно и непринужденно, отчего узор становится более живым и сочным.

Аналогична вышивка башкир на кисетах, фартуках, полотенцах и подзорах. Для их орнамента также характерна строгая симметрия рисунка и свободное распределение цвета.

В юго-западных районах Удмуртии — Алнашском, Можгинском и других — орнамент вышивки более свободный и по трактовке самих растительных форм, и по размещению узора на вещи. Особенно часто здесь можно встретить вышитые полотенца с орнаментом в виде повторяющихся веточек. В общем характере этой тонкой и изящной вышивки много общего с тамбурной вышивкой казанских татар.

Отмеченные разновидности не нарушают общего характера южноудмуртской вышивки. Для всех районов остается типичным растительный орнамент, свободные швы, многоцветность. Ближние аналогию южноудмуртской вышивке мы находим не только у башкир и татар, но и у других тюркских народов. Обнаруживается общность с орнаментальным искусством Средней Азии, в частности казахов. Не случайно на территории Башкирии вышивка с растительным орнаментом преобладает у думских и северо-восточных башкир, у которых среднеазиатские традиции прослеживаются на очень большом материале (узорное ткачество, паласы, одежда).

Общие для удмуртов и башкир черты особенно ярко наблюдаются в узорном ткачестве. У удмуртов в этом виде искусства, как и в вышивке, снова выделяются северные и южные районы.

На севере, применяя многоремизные и браные способы ткачества, выполняются изделия, близкие по своему характеру к тканым вещам коми и соседних русских областей. До настоящего времени ткут пестрядь, полосатые ремизные коврики, скатерти и покрывала с шашечным узором. Колорит этих тканых изделий довольно сдержанный и строгий. Здесь часто встречаются цветовые сочетания красного с синим, белого с красным, серого с синим и др.

Узорное ткачество южных удмуртов характером изделий и орнаментом выделяется из всей финно-угорской группы. Каждая вещь, независимо от техники выполнения, здесь более декоративна. Типична цветовая насыщенность, укрупнение орнаментальных форм, разнообразие приемов самого ткачества и фактуры. Именно в этих южных районах получило развитие почти неизвестное у других финно-угорских народов выборное и переборное ткачество, которое сохранилось до наших дней.

В XIX—XX вв. узорное ткачество южных удмуртов было связано с особым комплексом женской одежды, который, имея свои древние основы, развивался параллельно с вышитой одеждой северных удмуртов. До начала XX в. в Алнашском, Можгинском, Саранульском и других районах южной Удмуртии из яркого узорных тканей шили прямые рубахи, отделанные внизу оборкой, закрытые передники. Головным убором служило специальное тканое полотенце — чалма.

В этом нарядном костюме сочетаются узоры, различные по масштабу, цвету и рисунку. Особенно разнообразны спадающие на спину концы головного полотенца. В них при-

меняли наиболее сложные узоры яркого цвета — малиновые, розовые, лиловые, зеленые, черные и др. Такой комплекс одежды во многом сходен с одеждой башкир и татар и только по отдельным деталям — туинкообразному покрою рубахи, он напоминает одежду других финно-угорских народов и, в частности, северных удмуртов³.

Разнообразны в южных районах Удмуртии изделия узорного ткачества, предназначенные для убранства жилища. Помимо повсеместно распространенных скатертей, столешников и полотенец здесь изготовлялись еще и шерстяные узорные покрывала для застывания постели, детские одеяла, сумки для пошения детей, паласные коврики, дорожки. Аналогичные изделия мы встречаем у башкир и других тюркских народов.

Своеобразие узорного ткачества южных удмуртов обусловлено применением особых художественных средств. В браном ткачестве нет типичной для искусства коми, коми-пермяков и северных удмуртов равномерности узора. К мелким стежкам часто прибавляется очень крупный, почти провисающий настил нитей, благодаря чему в узоре появляется дополнительный светотеневой эффект. Тот же самый прием мы наблюдаем в браном ткачестве башкир.

Для декоративных полотенец этих народов в равной степени характерна трехчастная схема распределения узора. На концах полотенца помещают обычно три разные по ширине полосы — центральную более широкую и две узких. Строятся эти полосы обычно из однородных элементов. Иногда этот узор не прерывается вовсе, а лишь членится другим цветом.

Тканые полотенца южных удмуртов и башкир более нарядны, чем у северных удмуртов. Одноцветные красные узоры в них часто дополняются узкими полосами выборного ткачества, в которых используются очень яркие малиновые, розовые, лиловые цвета; очень часто применяется и цветной фон (рис. 3).

В узорном ткачестве южных удмуртов, как и башкир, выделяется значительная группа изделий, выполненных способом закладного ткацья (рис. 4). У удмуртов до начала XX в. сохранились головные полотенца с уступчатым геометрическим орнаментом. У башкир тот же самый орнамент мы видим на декоративных полотенцах.

Закладное ткачество имело широкое распространение у тюркских народов Средней Азии — казахов и каракалпаков, у крымских и казанских татар. Из финно-угорских народов этот вид ткачества знала лишь мордва-мокша⁴.

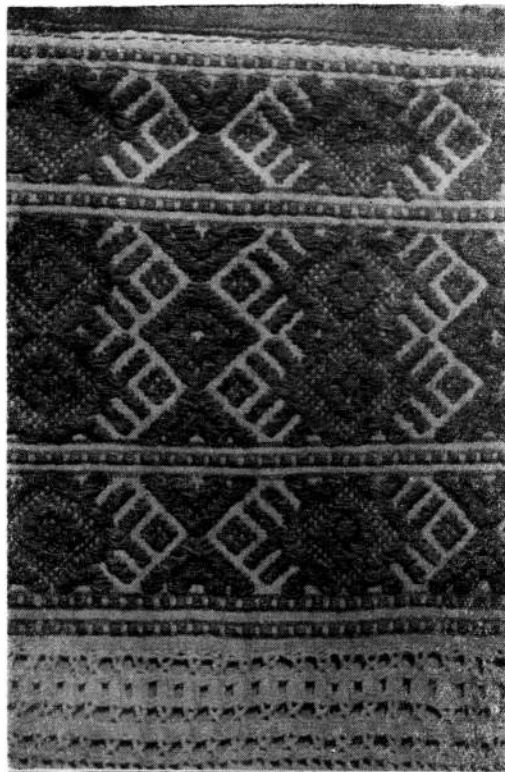
Общие для южных удмуртов и башкир черты можно проследить и в многоцветном выборном ткачестве (рис. 5). Многие изделия выборного ткачества, бытовавшие во второй половине XIX — начале XX вв. у южных удмуртов и башкир, почти не различаются между собой. Очень похожими были клетчатые скатерти, в которых повторяется и цвет, и масштаб клетки, и сами мотивы геометрического орнамента.

В особую группу южноудмуртского и башкирского узорного ткачества следует выделить тканые покрывала, которые связаны с традиционным укладом жизни этих народов, а поэтому в их оформлении с наибольшей полнотой отражены своеобразные национальные черты. Ткут их из яркой, разноцветной шерсти, а отсюда предельная красочность и декоративность этих вещей.

По характеру узоров эта группа изделий очень разнообразна, но чаще всего встречается деление плоскости на центральную узорную часть и полосатую кайму. Часто встречаются покрывала, в которых на одноцветном фоне в строгом раппортном порядке разбрасываются отдельные, изолированные друг от друга мелкие мотивы. В Мало-Пурлинском районе таким мотивом обычно бывает восьмитепестковая розетка или ромб, в Алашненском — мелкие крестообразные узоры, а у башкир — сложные геометрические фигуры, составленные из нескольких элементов.

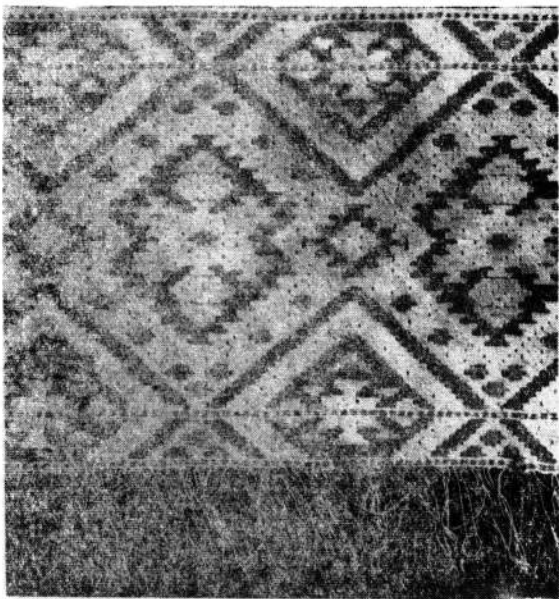
³ Т. А. Крюкова. Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры. — «Вопросы финно-угорского языкознания». Ижевск, 1967, вып. 4.

⁴ В. И. Беллицер. Народная одежда удмуртов. М., 1951.

Р и с. 3. Чалма — женское головное полотно.
Фрагмент. Техника выполнения — браное ткачество.
Дер. Парсьгулт Нылгинского района Удмуртской
АССР, конец XIX в. Музей г. Ижевска.

В удмуртском и в башкирском выборном ткачестве ярко проявился уже отмеченный нами в вышивке прием свободного распределения цвета. В узорах тканых покрывал, ковров и головных полотенец наблюдается полное несовпадение линейных и цветовых ритмов. В мерцании множества оттенков и контрастных цветов исчезает однообразие орнаментальных форм. Одни группы начинают вывлекаться более отчетливо, другие уходят на второй план и сливаются с фоном. Цветовой ритм удмуртских и башкирских выборных тканей всегда на первом плане; он определяет образный строй и орнамент самой вещи.

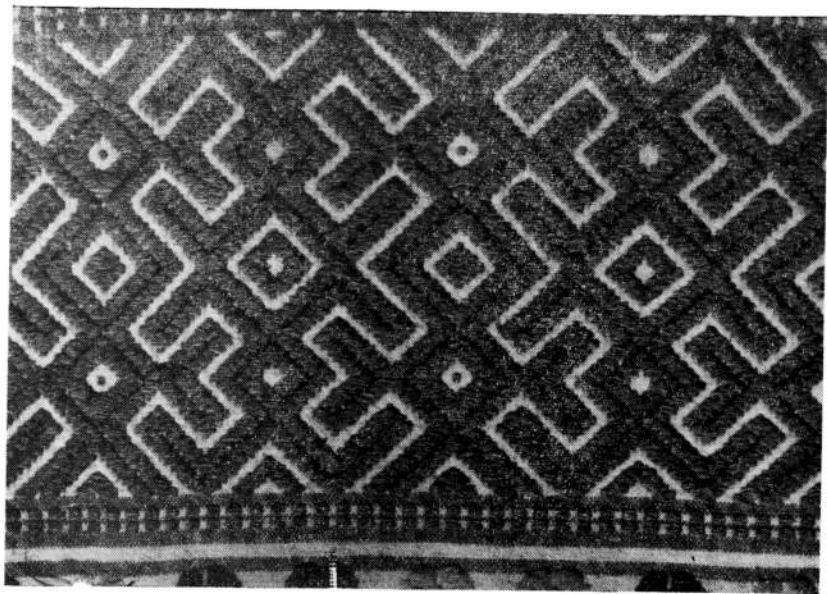
Р и с. 4. Конец полотна. Закладное ткачество. Башкиры. Середина XIX в. Из коллекции музея г. Кудымкара.

В выборном ткачестве южных удмуртов и башкир наблюдаются и некоторые различия. У южных удмуртов почти всегда выделяются лиловые и малиновые ведущие цвета, которые соседствуют с черными и зелеными. Распределение этих цветов в общем узоре при видимой свободе и неприлужденности подчиняется определенному, довольно строгому ритму, основанному на соподчиненности и равновесии ведущих и дополнительных цветов.

В башкирском выборном ткачестве более ярко выражена диагональная схема в распределении цветов. В одежде и декоративных тканях преобладает насыщенный оранжевый цвет, рядом с которым особую звучность приобретает зеленый и красный.

У удмуртов значительная часть шерстяных покрывал выполнялась совершенно иным, переборным, способом. Этот вид ткачества только внешне напоминает выборный, поскольку здесь также нет никаких ограничений и в размещении на плоскости узорных форм, и в цветовом решении, но в переборных покрывалах получается особая рельефная фактура «в рубчик», которая сплошь заполняет все изделие.

Покрывала переборного ткачества несколько иные и по узору. Для них характерны более сложные композиции, в которых один узорный мотив складывается из нескольких переплетенных геометрических форм — ромбов, квадратов, диагональных и зигзагообразных линий. Объединяя вместе различные мотивы, очерчивая их всевозможными контурами и обводками, используя при этом разные цвета нитей, мастерицы достигали исключительной

Р и с. 5. Чалма — женское головное полотно. Фрагмент. Техника выполнения — браное ткачество с выбором. Дер. Айдуан-Чабыя Кизилерского района Удмуртской АССР, конец XIX в. Музей г. Ижевска.

нарядности и цельности вещи. У башкир покрывала переборного ткачества уступают место паласным коврам.

Узорное ткачество и вышивка южных удмуртов приближаются к башкирскому искусству и по орнаментации. В ней значительно меньше, чем у других финно-угорских народов, изобразительных мотивов, связанных с древнеязыческой символикой. Преобладают комбинации таких геометрических форм, как ромб, квадрат, треугольник и др.

Искусство резьбы по дереву также подчеркивает локальные различия в удмуртском народном творчестве.

В южных районах Удмуртии, как и в Башкирии, на глухих дощатых воротах и теперь помещают крупные резные круги с расходящимися в разные стороны лучами, которые четко вырисовываются на фоне серого, потемневшего от времени дерева. От этих кругов, и теперь воспринимаемых как соляные знаки, веет глубокой древностью. Аналогичную архитектурную резьбу мы встречаем у татар и некоторых других поволжских народов.

На севере Удмуртии — в Глазовском и Балезинском районах — бытовали близкие другим финно-уграм берестяные туеса с тисненными узорами. В орнаменте и способе выполнения наблюдается связь с древней чепецкой культурой. На берестяных туесах преобладают узоры, составленные из заштрихованных треугольников, удлиненных ромбов, квадратов, кружочков. Эти же узоры мы видим на культовых и бытовых керамических сосудах

(Донды-Карское городище IV—V вв.)⁵. В южной Удмуртии, как и в Башкирии, таких изделий мы почти не встречаем.

Сравнительное изучение материалов декоративно-прикладного искусства двух разных по языку народов показывает, что искусство южных удмуртов очень близко примыкает к искусству башкир. Общность хозяйственной и культурной деятельности этих народов во многом обусловлена длительным периодом их совместного проживания на одной территории и во многом общими для них историческими судьбами.

Взаимовлияния в искусстве этих народов, бесспорно, имели место, однако главной причиной, определившей стилиевую близость традиционного искусства, следует объяснять общностью некоторых компонентов в составе каждого из этих народов, что в определенной степени подтверждается материалами археологических раскопок⁶.

⁵ В. А. Семенов. Из истории удмуртского народного орнамента (III—XII вв.).— «Вопросы финно-угорского языкознания». Ижевск, 1967, вып. IV.

⁶ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958; е г о ж е. Женский народ пьяноборской культуры.— СЭ, 1963, № 3.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА БАШКИРИИ

Изучение истории земледелия на территории Башкирии может помочь выяснить участие местных оседло-земледельческих племен в формировании башкирского народа.

Земледелие в Башкирии своими корнями уходит в далекое прошлое. По археологическим данным его можно проследить с эпохи бронзы, когда на территории Башкирии обитали племена абашевской, срубной, андроновской, черкаскульской и курмантауской культур. К настоящему времени более или менее хорошо изучено хозяйство лишь абашевских, срубных и андроновских племен, которое можно охарактеризовать как скотоводческо-земледельческое. О земледельческих занятиях этих племен свидетельствуют находки орудий труда для взрыхления земли (каменные мотыги), уборки урожая (бронзовые серпы) и переработки продуктов земледелия (каменные зернотерки и песты) ¹.

В начале I тыс. до н. э. на территории древней Башкирии сложились археологические культуры, тесно связанные с предшествующими. На юге срубно-андоновское смешанное население сменяется савроматскими племенами. Основным населением лесного северо-запада в VIII—III вв. до н. э. были ананьинские племена. В конце I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. на этой же территории обитали пьняборские племена, генетически связанные с ананьинцами. В лесостепном правобережье р. Белой расположены кара-абызские памятники, происхождение которых остается неясным.

В эпоху раннего железа в хозяйстве древней Башкирии происходят заметные изменения. Если население эпохи поздней бронзы сочетало скотоводство с земледелием, то теперь эта форма хозяйства сохранялась только на северо-западе (у ананьинских и пьняборских племен) и в лесостепном правобережье р. Белой (у кара-абызских племен). Земледелие, видимо, продолжало оставаться мотыжным. Степная полоса Башкирии стала районом кочевого скотоводческого хозяйства сарматов.

Эти хозяйственные различия в эпоху раннего средневековья сохранились. На северо-западе продолжало преобладать скотоводческо-земледельческое хозяйство бахмути и нцев — потомков пьняборцев, кушн ар ен ко в цев — угров-переселенцев из Заруалья, и романовцев. В центре Башкирии господствовало кочевое скотоводство турба сл и н цев — потомков сарматов и, видимо, южных тюрков-кочевников.

Большинство исследователей относят ананьинцев, следовательно и их потомков — пьняборцев и бахмутинцев, к одной из ветвей финно-угорской языковой общности. Общепризнанно, что кушнаренковцы также являются уграми. Как видно, северо-западная Башкирия начиная с эпохи раннего железа и до конца I тыс. н. э. являлась местом обитания генетически связанных между собой скотоводческо-земледельческих финно-угорских племен.

Характерной особенностью сообщений средневековых авторов является то, что все они называют башкир кочевниками-скотоводами. Ибн Руста (X в.) пишет о башкирах: «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормные травы и удобные пастбища» ². Гильом де Рубрук (XIII в.) сообщает, что башкиры «это — пастухи,

¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

² Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста.— ЖМНП, 1868, декабрь, стр. 669.

не имеющие никакого города»³. Через столетие Ибн Фадлан эль Омари (XIV в.) в числе подданных Золотой Орды называет «тюркский народ на крайнем севере» и замечает, что этот народ живет «в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину»⁴. В XVI в. аналогичные сведения сообщает английский путешественник Антоний Дженкинсон⁵.

Было бы ошибкой распространить данные этих авторов на всех башкир. Ни один из перечисленных писателей не был среди башкир, а если и был (Ибн Фадлан), то лишь у некоторой части. Следовательно, в своих сочинениях они не могли дать точную характеристику хозяйства башкир всех районов. Так, средневековые авторы ни слова не говорят о земледелии башкир северо-западных районов. Правда, археологические памятники северо-западной Башкирии эпохи средневековья пока не изучены. Между тем даже случайные находки позволяют говорить не только о сохранении традиционного в этом районе земледелия, но и об его дальнейшем развитии.

В Башкирском краеведческом музее хранится коллекция вещей, найденная в 1932 г. близ д. Хозитово Чишминского района. Это — топоры, косы-горбуши, резец сохи, сошник и серп. Топор № 1 имеет асимметричное лезвие с выемкой, массивный обух с плоской верхней площадкой. Такие топоры обнаружены в Новгороде и датируются XIV—XV вв.⁶. Хозятовские топоры находят также аналоги в вещах Муранского могильника (Сибирская губерния) Золотоордынской эпохи⁷. Серп имеет весьма развитую форму. Такие серпы А. В. Арциховский выделил в особый тип, назвав его «болгарским»⁸.

В целом весь комплекс орудий труда можно датировать XIII—XV вв. находка сошника и резака сохи XIV—XV вв. дает основание говорить об употреблении северо-западными башкирами на дерново-подзолистых почвах бесколесной однолемешной сохи. Тип такого легкого орудия, вполне соответствовавшего неглубоким лесным почвам, создан в лесной зоне совершенно самостоятельно⁹. Однозубую соху следует рассматривать как орудие плужного типа; оно, видимо, восходит к более древнему и примитивному орудью подсечного земледелия — суковатке. Суковатка представляла собою ствол ели с подрубленными и заостренными сучьями и употреблялась для разрыхления и разравнивания почвы¹⁰.

Применявшаяся в лесных районах бесколесная однолемешная соха по типу относится к известным в русской литературе однолемешным сохам, называвшимся «лемех» и «чертеж». От обыкновенного плуга такая соха отличается тем, что не имеет колес и полоза, которые удерживают орудие от погружения в землю; соху, поддерживая руками, можно легко поднимать, перебрасывать через крепкие корни; ею легко управлять и регулировать глубину вспашки. Сошники таких сох, по описанию А. П. Смирнова, были сделаны из железных пластин треугольной формы, края которых на некотором расстоянии от основания треугольника надрезались и загибались внутрь, вследствие чего получалась трубка для скрепления с деревянной станиной¹¹.

³ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 72.

⁴ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, стр. 229.

⁵ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1937, стр. 169, 170; Подробно о сведениях средневековых авторов по хозяйству башкир см.: Р. Г. Кузев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.— АЭБ, т. 3, 1968, стр. 265—281.

⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 65. М., 1959, стр. 24, рис. 9.

⁷ В. Н. Поливанов. Муранский могильник. М., 1896, приложение, рис. 36, 38, 40.

⁸ А. В. Арциховский. К методике изучения серпов.— «Труды секции археологии. РАНИОН», ч. 4. М., 1928, стр. 36—37.

⁹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 28, 1952, стр. 190.

¹⁰ И. Н. Смирнов. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890, стр. 23—24.

¹¹ А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 235.

Ценное сведение о башкирском земледелии содержится в шежере племени юрматы. Рассказывая о событиях накануне присоединения к Русскому государству, автор шежере отмечает: «Однажды годы пришли голодные. Зима была очень долгая; (в течение) трех лет лошадей, овец не стало, хлеба совсем не уродились»¹². Юрматинцы до XIII—XIV вв. жили по рекам Зай и Шешма, т. е. на северо-западе Башкирии. Затем они переселились в центр и на юг Башкирии, где заняли земли по течениям рек Белой и Ашкардара.

Таким образом, земледелие на северо-западе Башкирии в средние века продолжает развиваться. Оно непрерывно прослеживается вплоть до присоединения Башкирии к Русскому государству. Видимо, земледельцами на северо-западе были потомки тех племен, которые жили на этой территории еще в I тыс. н. э. (бахмутинцы, кушнаренковцы и др.) и занимались пастушеским скотоводством и земледелием.

Возникновение и развитие земледелия у башкир, в т. ч. и у северо-западных, большинство исследователей склонно объяснять как результат колонизации края русскими, татарами, марийцами и др. Однако, как видно, это мнение трудно согласуется с археолого-этнографическими материалами. Об этом свидетельствуют и архивные данные XVII и первой половины XVIII вв. Северо-западная Башкирия по территориальному делению того времени входила в Осинскую и Казанскую дороги. Для того, чтобы определить наличие и, особенно, степень развития земледелия, рассмотрим каждую дорогу в отдельности.

Осинская дорога. Население этого края с древнейших времен занималось земледелием. К XVII и первой половине XVIII вв. у башкир этой дороги земледелие становится основным занятием. В архивных источниках, относящихся к XVII в., прямых указаний о наличии земледелия среди башкир этого района не имеется. Тем не менее земледелие играло здесь ведущую роль. Тот факт, что споры и разногласия башкир происходили в основном из-за «пашенной земли» и «сенных покосов», является убедительным свидетельством земледельческого направления их хозяйства. Так, башкиры д. Кельдибяковой Иланской волости Кленчей Токбулатов с товарищами и башкиры той же деревни Аккузя Янтемиров и Тивча Козеев с братьями спорили из-за пахотной земли в 1669 г.¹³

Население Осинской дороги было в конце XVII в. оседлым. В различных допросных речах и челобитных башкир этой области указаны не только волости, но и деревни, что говорит об их оседлости. Показательны в этом отношении допросные речи в 1690 г. по делу о спорной земле группы башкир Казанской дороги с башкиром Урман-Гарейской волости Осинской дороги Апаски Акбулатовым с товарищами. В ходе разбора дела были опрошены башкиры различных деревень Уранской волости Осинской дороги: Сараева, Иванаева, Кошкильдина, Кишкунаева, Абхаева, Варис, Имнибаева, Кадманова, Анзова, Ботанаева и Бетоганова¹⁴.

В документах, относящихся к первой половине XVIII в., сведения о занятиях земледелием башкир Осинской дороги становятся многочисленными. Весьма примечательную характеристику хозяйства башкир этой области дал в 1726 г. кунгурский бургомистр Юхнев: «При оной (Осинской дороге.— Р. Я.) живут башкиры все в домах... Хлеба имеют много и пашни, и летом не косят в степи, но по домам живут, как русские: скота у них не так много, как у прочих, сена косят много»¹⁵.

Осинская дорога была благоприятным районом для сбора продовольствия на содержание правительственных войск. Так, в 1737 г. для продовольствия «салдацкого батальона» у башкир Гайнинской волости было собрано 5784 пуда муки и 397 пудов различных круп¹⁶.

Начальник Оренбургской комиссии Л. Я. Соимонов доносил 1 января 1742 г. правительству, что «во многих башкирских местах тот яровой хлеб прошедшего лета нарочито

¹² Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 32.

¹³ ЦГАДА, Уфимская провинциальная канцелярия, д. 90, лл. 22—29.

¹⁴ ЦГАДА, Уфимская приказная изба, ф. 1173, оп. 1, д. 1049, л. 26.

¹⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3. М.—Л., 1949, стр. 187.

¹⁶ Там же, ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 434.

уродился»¹⁷. К донесению Л. Я. Соймонова приложена «Рукопись волостей», в которых он производил массовую скупку хлеба для казенных надобностей: это Ирехтинская, Уранская и Елдятская волости Осинской дороги; Каршинская и Канлинская волости Казанской дороги; Унларская — Сибирской и Минская — Ногайской дорог. С уведомлением Л. Я. Соймонова перекликаются данные Уфимского воеводы Н. Д. Мерзлюкина. «Близ оных пригородков (имеются в виду Бирск и «имеющие быть построены») Елдат в 120 км от Уфы и Красный Яр в 90 км от Кунгура.— Р. Я.), — писал он в сенат, — на Осинской дороге и в Кунгурском уезде, где живут мешчеряки, черемиса и вотяки, в том числе имеются малое число и башкирцов, в которых местах хлеба сеют премоножество и родится довольное число. Из оных же мест, хлеб сплавливать легко в Уфу на низ Уфою рекою...»¹⁸.

Нехватка пахотных земель заставляла, видимо, башкир Осинской дороги покидать родные места. Они переселялись в другие районы. В этом отношении интересна запись башкира Сызгинской волости Сибирской дороги Юсупкула Апасева башкиру Гайнинской волости Осинской дороги Игимбаю Егитееву о припуске его в свое повытье общей вотчины по р. Уфе (1715 г.). «Припустил я, Юсупкул, ево, Игйбая, в вотчину свою в свой повыток, которую вотчиною я, Юсупкул, владел Сызгинской волости з башкирцами с Ыликеем Бебаевым да с Мостафю Азмьяковым. И поселился двором, пашню пахать и сено косить, и в лесу борти делать, и зверя всякого и птицу ловить, и хмель щипать, и борцов побивать, и в озерах и в Уфе рыбу ловить и бревна рубить, и лубья снимать»¹⁹. Башкир Гайнинской волости Бухара Шугорев в челобитной к царю Петру Алексеевичу (1690 г.) просил разрешения «жить в Верхотурском уезде вверх Сылыз реки на речке Илме с татаринном Апаском и пахать мне, сироте вашему, пашня»²⁰. Такие же записки о припуске башкир Осинской дороги в свои повытья встречаются во многих челобитных башкир Сибирской дороги²¹. Эти документы дают основание предполагать, что башкиры Осинской дороги наряду с русскими, татарами и другими способствовали распространению земледелия среди башкир остальных районов.

Приведенные факты с достаточной определенностью подтверждают тезис о сугубо сельскохозяйственном характере хозяйства башкир Осинской дороги. Можно было бы для дополнительной аргументации сослаться на другие аналогичные источники²². Хозяйство башкир Осинской дороги не ограничивалось только земледелием. В нем значительную роль играли стойловое скотоводство, лесные промыслы, охота и пчеловодство.

К а з а н с к а я д о р о г а. Главную роль в хозяйстве башкир Казанской дороги в XVII и первой половине XVIII вв. играло земледелие. Башкиры Каршинской волости Исмаил Сентов с товарищами в челобитной, поданной в Уфе в 1697 г., заявляли, что спорной вотчиной «истари прадеды и деды и отцы их владели и жили на той вотчине на прорве, пашни пахали и сено косили и всякими угодьями владели и они владеют старинными своими вотчинами»²³. Башкиры Каршинской волости Умир Кошуков с товарищами разрешили в 1715 г. башкирам той же волости Акбашу Иликееву с товарищами «поселитца дворами по Кармасану и по другим речкам, где пахотят, пашня пахать и сено косить и всякими угодни владеть обща с ними, Умиром и Ногайбаком, кроме бортных ухажьев, в лесу всякого зверя и птицу и в озерах и в речках рыбу ловить и, где пахотят мельницы строить на речках»²⁴. Такой же характер носит запись от 1738 г. Якупа Ислаева и Чюрекея Азимбетова о припуске в свою вотчину башкир Каршинской же волости Шерыпа Мрякова, Ибака Умирова и Аракая Акбашева, которым разрешается «пашня пахать, сена косить»²⁵. Сведения о

¹⁷ Там же, т. 3, стр. 509.

¹⁸ Там же, стр. 499.

¹⁹ Материалы..., т. 3, стр. 133.

²⁰ Материалы..., ч. 1, стр. 79.

²¹ Материалы..., т. 3, стр. 158 и др.

²² Там же, стр. 54, 68, 89 и др.

²³ ЦГАДА, Уфимская приказная изба, ф. 1173, д. 1266, лл. 1—2.

²⁴ Материалы..., т. 3, стр. 123.

²⁵ Материалы..., ч. 1, стр. 139.

земледелии среди башкир Каршинской волости в первой половине XVIII в. содержатся и в других документах ²⁶.

Башкиры Дуванейской волости Шистька Ишкильдин с товарищами «до башкирской шатости», т. е. до 1705 г., отдали свои «пашенные земли, сенные покосы... на обок... служилым татарам»²⁷. В 1719 г. башкир этой же волости Аляк Таниев припустил в свою вотчину Нуркея Кизибаева. «И ему, Нуркею, в той вотчине поселитца усадьбою со мною, Аляком, в деревне или с другими моими товарищи и пашня пахать и сено косить»²⁸.

В 1697 г. возник земельный спор между башкирами Иланской волости Карабашем Тохтагуловым и Девеем Байчюриним. При разборе дела выяснилось, что до башкирского восстания 1662—1664 гг. отец Карабаша Тохтагул Бюрки дал «на время безоброчно пашенную землю пахать и хлеб сеять отцу его Дюмейкову Девейку и многие годы он, Девейко, и сын его, Дюмейко, тою землю владели и пашни пахали... Ту землю Девейко называет своею и отдает на оброк»²⁹. Башкиры Гирейской волости Девлетбай Бангондин и Каниш Канисев с товарищами (конец XVIII в.), не имея никакого права, завладели «пашнею девятью полосами» башкира той же волости Малына Чоганова. «И стал я, холоп ваш, без пашни, цена девяти полосам девять рублей и меня, холопа вашего, хотят убить да у меня же они потравили ячменную (полосу), цена рубль»³⁰. К 1724 г. относится запись башкира Гирейской волости Купана Девлитбаева Уфимскому казаку А. Я. Сусорову, в которой он за взятые деньги обязывается «заплатить... хлебом ржи 16 четвертей в уфимскую таможенную меру»³¹. В источниках имеются также сведения о земледелии в Дуванейской, Гайнинской, Каршинской, Иланской, Гирейской, Шемшадинской и других волостях ³².

Итак, в XVII и первой половине XVIII вв. у северо-западных башкир было развитое земледелие. Приток сюда с запада нового населения начался лишь в конце XVI в. и продолжался в течение последующих столетий. Видимо, только участием местных оседло-земледельческих этнических групп в формировании башкирской народности можно объяснить развитие земледелия у северо-западных башкир в XVII и первой половине XVIII вв.

²⁶ Материалы..., т. 3, стр. 74, 343, 345 и др.

²⁷ ЦГАДА, Уфимская приказная изба, ф. 1173, д. 1307, лл. 2—5.

²⁸ Материалы..., т. 3, стр. 180.

²⁹ ЦГАДА, Уфимская приказная изба, ф. 1173, д. 1240, лл. 9—10.

³⁰ Там же, с. д. 282, лл. 2—3.

³¹ Материалы..., т. 3, стр. 230.

³² Там же, стр. 55, 256 и др.

Ф. Ф. ИЛИМБЕТОВ
(Уфа)

КУЛЬТ ВОЛКА У БАШКИР

(к этимологизации этнонима «башкорт»)

Этноним «башкорт» издавна является объектом исследования многих отечественных и зарубежных ученых. Сложностью проблемы, с одной стороны, отсутствием достоверных источников — с другой, объясняется существование более десятка гипотез по этому вопросу. Целью сообщения является анализ и оценка с позиций современных научных знаний народной этимологизации этнонима *башкорт*.

Юго-восточные башкиры (усергане, тангауры и бурзяне) в преданиях и легендах связывают свое древнее местопребывание с нижним течением Сыр-Дарьи и Северным Приаралем¹. Предания гласят, что во время кочевки башкиры заблудились в степях, где им помог волк. Идя впереди башкир и указывая им путь, он вывел их из песчаных пустынь. Благодаря помощи волка башкиры нашли новую родину — Уральские горы. В преданиях говорится, что предки усерган волка называли *корт*. А так как эти племена пришли на Урал предводительствуемые волком, они, согласно преданиям, получили название башкорт (баш трактуется в данном случае как «глава», «во главе») ².

В другом варианте предания рассказывается, что когда-то на знамени древних башкир была изображена голова волка. С этим фактом народная память также связывает происхождение этнонима «башкорт» ³.

Некоторые исследователи (П. И. Рычков, В. Н. Татищев, В. И. Филопенко, Р. Г. Кузеев и др.), основываясь на легенде о волке-путеводителе, интерпретировали этноним *башкорт* как «главный волк» ⁴ или «пять волков» (*баш* + *корт*) ⁵. В последнем случае Р. Г. Кузеев считает, что «башкорт» мог первоначально означать союзяты родственных племен, «объединенных общим культом».

Эта точка зрения вызвала многочисленные возражения только потому, что она основана на легенде. Однако материалы, собранные Р. Г. Кузеевым⁶ и автором, свидетельствуют о том, что легенда имеет реальную историческую основу.

Пережитки культа волка наиболее ярко проявляются в преданиях о происхождении башкир от волчицы. В легенде усерганского племени говорится, что однажды молодой охотник встретил волчицу и хотел убить ее. Но волчица вдруг заговорила человеческим голосом и сказала ему: «Возьми меня за хвост и ударь о землю». Охотник так и сделал. Тогда волчица превратилась в красивую девушку. Охотник привел ее в кочевье и женился на ней. Но усергане не согласились с этим и выгнали их из племени. Тогда охотник и девушка уш-

¹ Р. Г. Кузеев. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью. — Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ БФАН СССР за 1965 г., Уфа, 1966, стр. 85—90.

² «Научный архив БФАН СССР», ф. 3, оп. 21, ед. хр. 6, стр. 242.

³ Полевые записи автора, 1966 г.

⁴ В. И. Филопенко. Башкиры. Уфа, 1915, стр. 10—13.

⁵ Р. Г. Кузеев. Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX в. (историко-этнографический анализ). — «Научная сессия по этногенезу башкир», Уфа, 1969, стр. 104.

⁶ Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. — АЭБ т. 3. Уфа, 1968, стр. 232—235.

ли в глухие леса и стали жить вместе. Девушка-волчица родила охотнику много детей, потомство которых составило родовое подразделение «волк» (*бурелар токомо*)⁷. В настоящее время жители деревень Башбуре Кувандыкского района Оренбургской области, *Накмар буреше* (Сакмарский волк) Хайбуллинского района БАССР связывают свое происхождение с этой легендой.

Предания о волке имеют древние исторические истоки. Н. Я. Бичурин (Иакинф) сообщает, что тюрки-туго произошли от волчицы и 10-летнего мальчика. Ашин, один из родоначальников этого племени, в память о своем происхождении имел знамя с изображением волчьей головы. Древнетюркские каганы, ведущие свое происхождение из дома Хунну, согласно сведениям Бичурина, доускали к себе послов лишь после того, как последние совершали поклонение волчьему знамени⁸. Голубой волк достаточно отчетливо выступает как путеводитель и покровитель в мифологии туркмен-огузов⁹.

Таким образом, в башкирских преданиях также, как и в древнетюркских, волк фигурирует как прародитель и покровитель предков. Заслуживает внимания и то, что в XVII—XVIII вв. волостные старшины племен усерган, тангаур и бурзян носили знаки различия с изображением головы волка¹⁰.

Пережитки культа волка сохранились и в космогонических представлениях башкир. По преданию созвездия Большая Медведица (*Етеган*) это семь волков, которые гонятся за двумя лошадьми (*Нары ат, Буз ат*), пытаясь поймать и съесть их. Но волки не могут догнать лошадей, так как с рассветом и лошади и волки должны исчезнуть¹¹.

В конце XIX в. П. С. Назаров зафиксировал явления, свидетельствующие о наличии в прошлом культа волка у южных башкир. В частности, он оставил описание состязания «серый волк», которое приводится здесь полностью. «В недавнем прошлом, да и теперь еще в некоторых местах существует обычай, известный под именем «драть козла» (*кох бури*). Он состоит в следующем: собираются башкиры в известное место верхами, один из них везет зарезанного козла. По данному знаку башкир с козлом на седле пускается вскачь, а остальные стараются догнать его и отнять козла. Если кому-нибудь удалось схватить козла, например, за ногу, то он, стараясь перетащить к себе на седло козла, отрывает ему ногу и продолжает скакать. Тогда башкиры разделяются на две партии: одна гонится за козлом, другая за ногой и так продолжается до тех пор, пока козел буквально не будет разорван на клочки. Иногда, впрочем, если у башкира хорошая лошадь и остальные башкиры его не могут догнать, то козел поступает к первому и игра таким образом кончается сразу¹².

Обращает внимание противоречие между названием состязания (*кук буре* — голубой или синий волк) и его содержанием. Чтобы объяснить это, обратимся к некоторым аналогиям.

Подобные состязания в прошлом были широко распространены среди туркмен, узбеков и других народов Средней Азии. Туркменский свадебный ритуал *доок-бори* (серый волк) состоит в том, что невеста садится в свадебном парике на коня, берет через седло овду или козла и скачет, спасаясь от жениха и его товарищей, которые в свою очередь стремятся догнать ее и вырвать добычу. В описанном обряде, по мнению С. П. Толстова, волка символизируют жених и его товарищи, а козел выступает тотемом, символизирующим невесту, т. е. это ритуал борьбы мужского тотема — волка и женского тотема — козла¹³.

⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 6, стр. 241.

⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М., 1950, стр. 220, 311.

⁹ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 15.

¹⁰ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 31.

¹¹ Подневные записки 1966 г., стр. 26, 40, 56.

¹² П. С. Назаров. Предварительный отчет о поездке в Башкирию. — «Дневник антропологического отдела», 1890. вып. 1—2, стр. 35.

¹³ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма..., стр. 14—15.

Приведенный выше материал позволяет объяснить и некоторые элементы свадебного ритуала башкир.

По описанию М. Баншева, во время свадьбы, устраиваемой у родителей невесты, на встречу свадебному поезду (т. е. гостям со стороны жениха) выезжали из деревни юноши, как правило, родственники невесты, которые старались сорвать с гостей шапки и, если это им удавалось, скакали с шапками по направлению к деревне¹⁴. Аналогичный обычай был записан в Баймакском районе БАССР. Только в этом случае родичи невесты брали с собой лоскут сукиа (обряд назывался «*кот алып каршы сығыу*»). Встретившись с самым первым гостем, юноши поворачивали обратно и скакали по направлению к деревне. Если гостям на своих лошадях удавалось догнать их, то юноши должны были отдать им лоскут сукиа (*кот*).

Башкирская народная игра «*Кук буре*» является, таким образом, позднейшей трансформацией древнейшего тюркского обряда. Во всех этих обрядах, состязаниях и свадебных ритуалах волк выступает как тотем этих народов. По нашему мнению, сущность всех этих обрядов и состязаний состоит в том, что в них отразилась социальная борьба периода возникновения дуальной организации и экзогамии. Вера во взаимопревращение человека и тотема друг в друга, вера в тождество человека с тотемом являются важнейшими составными частями тотемистического мировоззрения. Такие идеи ярко проявляются и в башкирской народной сказке «*Ак буре*» («Белый волк»), где белый волк появляется перед героем сказки то в виде человека, то в виде волка. Превратившись в человека, он помогает герою найти свою мать, которая была похищена дивом. За эту помощь башкирский джигит дарит ему в жены девушку¹⁵.

Пережитком древних представлений башкир о тождестве человеческого коллектива с тотемными животными, по нашему мнению, является и то, что некоторые башкирские роды и родовые подразделения носят названия тотемных животных. Так, у усерган и бурзян имеются родовые подразделения «*Буре*»¹⁶, которые, несомненно, являются тотемистическими названиями.

С культом волка связаны и многие суеверия и магические обряды. При пропаже вещей или скота башкиры сжигают на огне сухожилие волка. По поверью башкир, это должно вызвать у вора судороги рук и ног. Иные пожилые люди уверяют, что знают случаи, когда воры, наказанные таким способом, умирали¹⁷. Такой же способ «наказания» вора был известен и у других народов — узбеков, бурят и чуваш¹⁸.

С волком связаны и многочисленные поверья башкир. Так, хорошим признаком считается встреча в пути с волком. Видеть во сне волка — тоже к хорошему: это к встрече с начальством (*турра*). Но иногда говорят, что волк во сне — к встрече со злым *турра*, другим — с добрым¹⁹. Очевидно, сначала волк во сне рассматривался как предвестник встречи с высокопоставленным лицом, покровителем. Позднее, в связи с ослаблением древних поверий и обострением социальных противоречий, волка начали ассоциировать со злым *турра*, врагом или, напротив, с доброжелательным покровителем. Встреча с волком и сон о волке толкуется как хорошее предзнаменование и у казахов, узбеков, туркмен²⁰.

Многочисленные пережитки культа волка прослеживаются и в знахарстве. Закапывание волчьей головы под порог дома или в фундамент, по народным поверьям, предохра-

¹⁴ М. Баншев. Деревня Знапчурино Орского уезда Оренбургской губернии.— «Известия Оренбургского отделения РГО», 1895, вып. 7.

¹⁵ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 287—292.

¹⁶ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа, 1957, стр. 48.

¹⁷ Полевые записи 1966 г., стр. 5, 10, 20, 23, 31—32, 45.

¹⁸ Л. П. Потанов. Волк в народных поверьях узбеков.— КСНУ, 1958, т. 30, стр. 137, 141; Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. 4. 1934, стр. 183.

¹⁹ Полевые записи 1966 г., стр. 7, 11, 18, 23, 42, 77.

²⁰ Л. П. Потанов. Указ. соч., стр. 138, 141; С. П. Толстов. Религия народов Средней Азии.— «Религиозные верования народов СССР», т. 1, 1931, стр. 302; Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1911, стр. 133.

пляют семью от болезней, наговоров, клеветы и т. д. В этих же целях закапывают в фундамент дома волчий клык и забрасывают под крышу дома голову волка, кладут на верхнюю дверную подушку волчью лапу. Закапывая волчью голову в помещении для скота или же около него, подвешивая череп волка над сараем, башкиры стремились оградить домашний скот от нападений хищных зверей. По их представлению, закапывание волчьей головы под порог дома помогает и от бесплодности²¹.

Чтобы предупредить подмену детей злыми духами и предохранить ребенка от болезней или от сглаза, башкиры пришивали к колыбели или же к одежде ребенка волчьи когти и клыки. Такую же функцию выполняло и пришивание к колыбели волчьей шерсти. При болезни бешенством больного царапали волчьим когтем и подвешивали эти когти больному на шею. Волчьи когти носили на шее также при болезни лихорадкой и холерой²².

Некоторые «волчьи» магические обряды связаны с рождением ребенка. Если затягивалась роды, то для облегчения родов роженицу пропускали сквозь волчью губу. У убитого волка срезалась кожаца, окаймляющая рот, затем она сильно растягивалась и просушивалась; сквозь полученное кольцо и пропускали роженицу²³. Такой же обряд совершали над женщинами, которые по тем или иным причинам были бесплодными, и над новорожденными, если дети в семье в раннем возрасте часто умирали. Сквозь волчью губу продевали детей и при болезни бешенством, а также падучей болезнью²⁴. Когда дети в семье часто умирали в раннем возрасте, новорожденному ребенку давали «волчью» имя: *Бурбай* или *Байбуре*²⁵. Такое же явление наблюдается у чуваш, туркмен и узбеков. Чуваш давали имя «Кашкар» (волк), туркмены — «Каскарбай», «Каскар», узбеки — «Борибай»²⁶.

Волчья желчь использовалась как лечебное средство при появлении бельма на глазах, при краснухе, при грудных болезнях, при появлении опасных нарывов, при бешенстве и кашле. При болезни глаз и появлениях на теле опасных нарывов клали повязки с волчьей желчью, а при краснухе, грудных болезнях и бешенстве больному давали желчь нюхать, а также протирали ею спину и грудь. При кашле волчью желчь пили, смешивая ее с водой²⁷.

Аналогичные обычаи и обряды зафиксированы в быту и других народов. Обряд продевания женщин через волчью губу во время бездетности или при частой смерти детей в раннем возрасте существовал, например, у узбеков, а также у некоторых кавказских народов. У узбеков волчья желчь была лечебным средством от сыпи и прыщей на коже. У киргизов шкура волка, повешенная на остов юрты, служила средством охраны женщины от злых духов во время родов. Волчьи лапы, шкура, кости, зубы и когти у киргизов, туркмен, узбеков оберегали от болезней, злых духов и от сглаза. Так, у киргизов при болезни детей им на шею вешали волчьи лапы. У туркмен кость волка употреблялась как оберег от сглаза. Узбеки в качестве оберега подвешивали к колыбели волчьи зубы и когти. С такой же целью узбеки пришивали их на спину или на плечи взрослым детям²⁸.

²¹ Полевые записи 1966 г., стр. 1, 7, 19, 20, 24, 42, 56, 65, 75 - 77.

²² Там же, стр. 1, 5, 9, 33, 50, 63, 68, 75, 77; «Материалы фольклорной экспедиции 1961 г.», стр. 254. — Научный архив БФАН СССР, ф. 3, ед. хр. 5.

²³ С. И. Руденко. Башкирия. М.—Л., 1955, стр. 269.

²⁴ Полевые записи 1966 г., стр. 7, 11, 20, 33, 44, 49, 50, 56, 66, 75, 78.

²⁵ Полевые записи 1964 г., стр. 10; 1966 г., стр. 68.

²⁶ П. В. Демидов. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, стр. 28; Р. Карутц. Указ. соч., стр. 82; Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 139.

²⁷ Полевые записи 1966 г., стр. 1, 8, 42, 49, 75, 78; «Материалы фольклорной экспедиции 1961 г.», стр. 254. — Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 5.

²⁸ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 40, 139—140; Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. «Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа», 1929, вып. 4, стр. 202—204; А. Джумагулов. Некоторые обычаи и обряды дореволюционной киргизской семьи. — «Известия АН КиргССР», серия общественных наук, т. 1. вып. 1 (история), 1959, стр. 81; Р. Карутц. Указ. соч., стр. 131; С. М. Демидов. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований юго-западных туркмен. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», серия этнографическая, т. 6, 1962, стр. 217.

Таким образом, культ волка был широко распространен среди народов Средней и Центральной Азии. Сходство башкирских «волчьих» обрядов и преданий с такими же обрядами и преданиями среднеазиатских и центральноазиатских народов говорит нам об общности исторических судеб этих народов в прошлом.

В башкирских преданиях и обрядах тотемистического характера волк прежде всего выступает как прародитель, как покровитель. Исходя из этой позиции, можно объяснить обращение башкир во время болезней к различным частям волка, а через них — к самому волку, тотему. Но среди этих пережитков у башкир прослеживаются и более ранние стадии развития культа волка, а именно вера во взаимопревращение человека и волка друг в друга, в тождество и родство человека с волком-тотемом.

Хотя культ волка налюдается почти у всех башкир, он сильнее сохранился у юго-восточной группы (у усерган, тапгауров и бурзян)²⁹. На этом основании можно предположить, что культ волка был распространен в прошлом не у всех башкирских племен, а только у юго-восточных.

Существование у предков башкир культа волка, нам кажется, дает основание полагать, что народная этимология этнонима *башкорт* не лишена основания. В стране классического тотемизма — Австралии — многие племена носят названия тотемов: животных, птиц, деревьев и т. п. Такое явление не было исключением и для других народов. Только среди туркменских родовых этнонимов, например, известно одиннадцать названий *gurt*. Весьма возможно, что кроме них среди этнических групп, кочевавших в прошлом на просторах Центральной и Средней Азии, были и другие группы с аналогичными названиями. Можно предположить, что от этнических групп, у которых был распространен культ волка, отделились племена, образовавшие союз родственных племен. Союз этот получил название «*башкорт*» (главный волк)*. Значительная же часть племен, связанных с культом волка, рассеялась в миграционных волнах кочевников древности и раннего средневековья. Думается, что этноним *башкорт* с самого начала был названием группы родственных родов или племен — предков юго-восточных башкир.

Слово «*корт*» означает «волк» только у народов огузской ветви тюркских языков. Другие тюркские народы, в том числе и башкиры, волка называют *бори*, *буре* или же *каскар*, *кашкар*. Но как сказано выше, башкиры в прошлом называли волка «*корт*». Видимо, они начали называть волка словом *буре* позже, под влиянием кыпчакских, алтайских и других групп тюркских народов. Отсутствие в настоящее время у башкир слова *корт* в значении «волк» еще раз свидетельствует, на наш взгляд, о древности происхождения этнонима *башкорт*.

²⁹ Р. Г. Кузеев. Об этногенезе башкир. — «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. I. Уфа, 1956, стр. 31.

* В настоящее время едва ли можно окончательно остановиться на одном из существующих вариантов этимологизации этнонима *башкорт*: «главный волк» (П. П. Рычков, В. Н. Татищев, В. И. Филоенко), «голова волка» (Р. Г. Кузеев, 1956), «пять волков» (Р. Г. Кузеев, 1969). Существенным является положение о том, что этноним «*башкорт*» связан с культом волка. Исследования в этом направлении помогут внести ясность в эту проблему. — *Ред.*

У. Д. ДОСПАНОВ
(Нукус)

О НЕКОТОРОЙ БЛИЗОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА
У КАРАКАЛПАКОВ И БАШКИР

В последнее время уделяется большое внимание изучению терминов родства тюркских народов. Появилось немало публикаций, посвященных этимологизации и дальнейшей конкретизации значения родственных терминов¹. Сбору материалов по каракалпакским терминам родства и их широкому использованию в процессе изучения истории каракалпакского языка важное значение придает Н. А. Баскаков. Он пишет: «Следует обращать особое внимание на сбор материалов о пережитках племенных и родовых языков, которые могут быть ярче выражены в древних пластах лексики, в названиях родственных отношений, в обрядовой лексике, в языке детских игр и пр.»².

Наши диалектологические материалы, собранные на территории Каракалпакии, говорят о некоторых отличительных лексико-семантических, лексико-фонетических и лексико-морфологических особенностях терминов родства в разговорном языке каракалпаков в отношении к литературному языку. Материалы по южному и, частично, северному диалектам каракалпакского языка позволяют высказать некоторые соображения о близости терминологии родства каракалпаков и башкир.

Термины родства в каракалпакском литературном языке и в его диалектах можно разделить на два вида: 1) термины кровного родства, 2) термины родства по браку.

1. Термины кровного родства

Енә — в южном диалекте это слово употребляется взамен литературной формы *ана* (мать). В северном диалекте каракалпакского языка указанная форма применяется женщинами в отношении к свекрови. Слово *енә* употребляется также для обозначения животных, например: *өзинчи, еңәсин емәди* (сосет свою мать). Указанный термин характерен и для башкирского языка. Т. Г. Башшев пишет, что это слово употребляется в северных и восточных районах Башкирии в форме *инәй* (мать, мама), в юго-восточных районах ему соответствует термин *әсә, әсәй*³.

Бууа (бува) (бауа) — в южном диалекте этот термин распространен довольно широко и употребляется в различных лексико-фонетических вариантах (например, у>в — бууа, бува, у>а — бууа, бауа). В связи с различными вариантами термина Л. А. Покровская отмечает, что слово *ата* в некоторых тюркских языках (турецкий, гагаузский) почти совершенно вытеснено его синонимом баба — отец, дед, предок: в гагаузском языке в значении «отец» употребляются термины *боба, бика* и *тату*. В хакасском языке *ада* и *баба* явля-

¹ Библиографию см.: Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 11—81.

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. 2, ч. 1. М., 1952, стр. 20.

³ Т. Г. Башшев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, стр. 49.

ются синонимами; и тот и другой термины обозначают «отец», также как и в языке кызылцев. В преобладающем большинстве языков, где употребляется термин *ата*, он означает «отец», а *баба* в тех же языках означает «дед», «дедушка», иногда «прадед». Так обстоит дело и в каракалпакском языке⁴.

Исследователь терминов родства в башкирском языке Х. Г. Юсупов приводит такой факт: «... престарелые супруги называют друг друга во взаимном обращении *бауай* (дед) или *карт* (старик) и *звэй* (бабушка) или *карыш* (старуха)»⁵.

Таким образом, слова *бууа* (*бувай*, *бувайи*) в южном диалекте (в северном диалекте — *ата*, *баба*) каракалпакского языка, несмотря на фонетические различия, употребляются в значении «дед». Семантика данного слова в основном совпадает с таким же термином (*бауай*) в башкирском языке.

Укә/*карындаш* — термины, которые часто употребляются в южном диалекте вместо литературного «ини». Слово *укә* в северном диалекте функционирует только при обращении к младшему ребенку в семье (как к мальчику, так и к девочке). В южном диалекте редко употребляется для обозначения младшего брата вариант *ини*; в большинстве случаев в этом значении здесь встречается термин *укә*. Это наблюдение дает возможность предположить, что данный термин распространился здесь вследствие близкого соседства каракалпаков и узбеков на территории южного диалекта. Это подтверждается сообщениями информаторов, а также примерами из шахрисябзского говора узбекского языка⁶.

Синонимом диалектного термина *укә* для обозначения младшего брата является в южных говорах слово *карындаш*, которое имеется и в башкирском языке. В каракалпакском литературном языке и в северном его диалекте слово *карындас* является формой обращения мужчины к младшей родной или двоюродной сестре, к младшим родственницам и вообще к знакомым женщинам.

С этимологической стороны оно состоит из двух частей: *карын* — «чрево», «утроба» + аффикс *даш* (досл. «соутробница»). Х. Г. Юсупов, очевидно, прав, когда пишет, что «в очень давние времена этим словом называли всех братьев и сестер. Это предположение можно подкрепить тем, что *карындаш* в других тюркских языках, как например, шорском, уйгурском, половецком означает «младший брат», а в башкирском, казахском и киргизском (добавим: и в северном диалекте каракалпакского. — У. Д.) — «младшая сестра»⁷.

Таким образом, *укә*/*карындаш* в лексике южного диалекта каракалпакского языка употребляются параллельно, но с различными лексико-семантическими оттенками.

Сиңли — слово, которое употребляется на территории южного диалекта мужчинами для обозначения представительниц женского пола младше говорящего; в литературном языке его лексико-семантический вариант — *карындас*. Обычно в литературном языке словом *сиңли* только женщины называют младшую сестру, младшую родственницу. В южном же диалекте термин *сиңли* в большинстве случаев применяется лицами мужского пола для обозначения девушек или женщин младше их, а *карындас* является синонимом этого слова.

С исторической точки зрения можно отметить, что *сиңли* употреблялось в орхонских памятниках в форме *sinil* — «младшая сестра»⁸.

Интересно, что в говоре восточной части БАССР для обозначения младшей сестры употребляется термин *һеңге* вне зависимости от пола говорящего лица, в то время как в говорах юго-восточной и северо-восточной Башкирии *һеңде* может употребляться только

⁴ Л. А. Покровская. Указ. соч., стр. 26.

⁵ Х. Г. Юсупов. Термины родства в башкирском языке. — «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 131.

⁶ Б. Джуроев. Шахрисябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964, стр. 20.

⁷ Х. Г. Юсупов. Указ. соч., стр. 127—128.

⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, стр. 421.

старшая сестра по отношению к младшей (родной, двоюродной и т. п.); старший же брат обращается к последней со словом *жарындаш*⁹.

Из приведенных примеров становятся ясными лексико-семантические, лексико-фонетические сходства и различия терминов *сиңли* и *жарындаш* в каракалпакском и башкирском языках.

Кроме того, имеется сходство в таких терминах родства, как каракалпакский (южный диалект) *кыз* // *гыз* и башкирский — *кыз* (дочь, девушка, девочка).

2. Термины родства по браку

Из терминов родства по браку приведем ряд близких и сходных слов в диалектах и говорах двух народов. Для краткости ограничимся их перечислением в приведенной ниже таблице.

В каракалпакском языке (южный диалект)	В башкирском языке
<i>Жарры, чал</i> (лит. <i>гарры, шал</i> — старик, супруг)	<i>Жарт</i> — старик, супруг
<i>кемпир</i> // <i>гемпир</i> (лит. <i>кемпир</i> — старуха супруга).	<i>жарсык</i> — старуха, супруг.
<i>катын</i> // <i>айал</i> // <i>әйәл</i> (лит. <i>халә</i> — жена, супруга).	<i>катын</i> // <i>һитын</i> — жена.
<i>келиндяк</i> // <i>келиндяк</i> (лит. <i>келиндяк</i> — невестка).	<i>килен</i> — невестка, сноха.
<i>женге</i> (лит. <i>женге</i> — невестка)	<i>еңгә</i> — невестка.

Дальнейшее изучение терминов родства в каракалпакском и башкирском языках в сравнительном аспекте даст богатый материал для исследования диалектальной лексики, поможет глубже изучить историю этих языков, выявить много ценных сведений по истории и этнографии двух родственных народов.

⁹ Х. Г. Юсупов. Указ. соч., стр. 127.

Х. Е. ЕСБЕРГЕНОВ
(Нукус)

О БЛИЗОСТИ ПЕРЕЖИТКОВ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ОБЫЧАЯХ
КАРАКАЛПАКОВ И БАШКИР

Доисламские обычаи и связанные с ними религиозные традиции у народов Средней Азии¹ и Башкирии не исчезли с распространением ислама. Они бытовали длительное время, приспособляясь нередко к мусульманской обрядности. Реликты доисламских верований и обрядов еще и сегодня прослеживаются в быту башкир² и каракалпаков³. Например, до недавнего времени у башкир и каракалпаков бытовали обряды, отражающие древние поверья о болезнях. По их представлениям источником разных болезней и средствами излечения от них могли являться некоторые животные (волк, козел, баран, лошадь, крупный рогатый скот), птицы (орел, петух, сокола, сова), а иногда также и люди (например, бездетные женщины, человек, заболевший параличом). В преданиях болезни изображаются существами живыми, иногда даже антропоморфными. Они сами вселяются в человека или же их засылают злые духи. Поэтому целью всякого лечения у башкир и каракалпаков было *кошириу* — изгнание злого духа.

Во многих случаях для «изгнания» болезни из тела больного приглашались *порхан* — знахари-шаманы.

По верованиям башкир и каракалпаков, наличие у порхана особой сверхъестественной силы объясняется тем, что в рождающийся момент его жизни, когда определялась его будущность, часто в молодом возрасте, шаман вступал якобы в близкие, а иногда интимные отношения с представителем мира духов, а точнее — с *пери*. Материалы среднеазиатского шаманства подтверждают теорию сексуального избрания шамана⁴ и отрицают мнение некоторых ученых о том, что «шаманские духи суть образы, рождающиеся из практики шаманизма»⁵.

Генезис шаманства у башкир и каракалпаков восходит к древним тотемистическим и магическим верованиям. Это видно прежде всего из того, что без покровителя и главного духа-помощника шаман ничто. А покровителями и помощниками шаманов у башкир и каракалпаков выступают некоторые животные (волк, тигр, козел, верблюд и др.) и птицы (орел, петух и др.). До недавних пор верующие люди приписывали необыкновенные свойства костям, перьям, зубам, когтям этих животных и птиц⁶. Их носили как амулеты, воплощающие в себе духов покровителей, оберегающие от злых сил.

¹ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

² С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 323; Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова. Башкиры. Уфа, 1963, стр. 115—117.

³ Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула. — СЭ, 1949, № 2; Х. Е. Есбергенов. Об изучении религиозных верований каракалпаков. — «Конкретные исследования современных религиозных верований». М., 1967, стр. 202—209.

⁴ А. Л. Троицкая. Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана. — «Бюллетень СГУ», вып. 10. Ташкент, 1925; Г. П. Снесарев. Указ. соч., стр. 44.

⁵ С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 301.

⁶ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 323.

Особенно часто встречались такие амулеты на одежде детей и у бездетных женщин, желавших иметь ребенка. По доисламским религиозным представлениям каракалпак и башкир, злые духи — *албасты* (башк. *албасты*), *аджина*, *пери* и дух умершего (каракалп. *рух*, башк. *убыр*) могут причинить вред беременной женщине, роженице и младенцу, особенно в первые дни после родов (*чилла*). Для изгнания злых духов в доме хранили убитого степного орла (*кара кыс*), или вводили в дом животных — лошадь, барана; иногда же стреляли из ружья, устраивали шум, громко кричали. Можно предположить, что, по народным поверьям, не сам шаман, а его покровители и помощники, определенные животные или птицы, изгоняли болезнь из тела больного.

По верованиям казахов и каракалпакс, шаманы — посредники между духами и людьми; они могли вступать в те или иные сношения с духами и даже обладать властью над ними. Существовала некоторая «специализация» среди шаманов: каждый «лечил» от определенных болезней. Шаманством занимались мужчины и женщины, оно «передавалось» в обязательном порядке по наследству, особенно от дяди к племяннику.

Появление порханов-шаманов в Средней Азии относится к древним, доисламским временам. С. П. Толстов отмечает, что порханы «гадатели были у древних согдийцев, скифов. Эти женоподобные мужчины носили женское платье, говорили «женским языком» и выполняли женские работы»⁷.

Среднеазиатские порханы, башкирские знахари мало чем отличались от шаманов, игравших столь большую роль в быту народов Сибири — якутов, пенцев, гагайцев (гольдов) и др. У ительменов в XVIII в. шаманить могла любая женщина, в особенности старуха; у чукчей очень интересно наличие шаманов «превращенного пола» — явление, в котором можно видеть пережитки стадии женского шаманства⁸.

Все это подтверждает предположение, что шаманизм возник при матриархате и первыми шаманами были женщины; потом по традиции мужчины-шаманы носили женские платья и говорили женским языком, чтобы привлечь к себе прежних духов — покровителей шаманок. Шаманы в своей одежде, инструментах и в действиях стремились символизировать животных и птиц — покровителей: имитировали их внешний вид, повадки перед зрителями. Основными орудиями шамана в Каракалпаки считались *камыш* (плетка) и *кобыз* (смычковый струнный инструмент (рис. 1)). Головку кобыза обтягивали шкурой козла или верблюда; старики объясняют это тем, что козел и верблюд считались из домашних животных самыми мощными и хитрыми, способными изгонять из селения злых духов и болезней. Для струн и смычков кобыза использовался только конский волос.

На рукоятке кобыза встречаются (или весьма схематично имитируются) изображения шен, глаз,

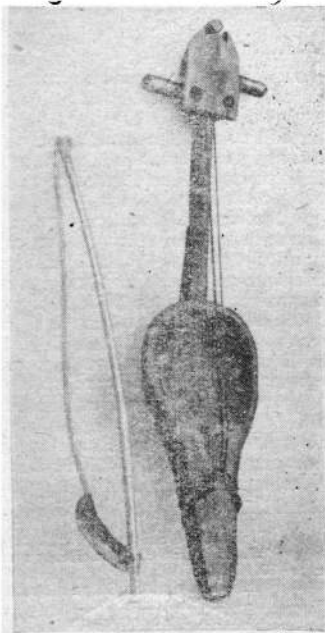

Рис. 1. Смычок и кобыз.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 324.

⁸ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 283.

ушей, морды козла или верблюда. Кроме того, шаман, по древним представлениям каракалпаков, приобретал чудотворное свойство лишь тогда, когда имел при себе или в своем инструменте-кобызе клочок шерсти, волос таких животных, как лошадь, верблюд, козел, или перья орла, которые в хозяйстве степняков играли большую роль. У узбеков Хорезма верблюда, как и быка, нельзя ни в коем случае бить, ругать. Его шерсть нельзя разбрасывать, так как она особая: она отгоняет джина, т. е. злого духа, от больных людей.⁹ Л. И. Альбаум, основываясь на археологических находках, пишет, что верблюд с древнейших времен в Средней Азии изображался как символ плодородия¹⁰. Это подтверждается письменными источниками¹¹ и этнографическими материалами¹². По мнению некоторых ученых, кобыз, как один из основных инструментов шамана, был в ходу у тюркских племен еще во второй половине I тыс.¹³ Сведения о кобызе, как основном оружии шаманов, относящиеся к огузскому периоду, имеются в эпосе «Китаб-и-Коркуд». «С кобызой в руке от народа к народу, от бека к беку идет певец: кто из мужей отважен, кто негоден — знает певец». В некоторых легендах Коркуд изображен «играющим на кобызе певцом-шаманом»¹⁴. По легендам каракалпаков, изобретателем кобызы и его покровителем был Коркыт Ата.

Народы Средней Азии и Сибири верили, что шаман со своим кобызом может предсказывать судьбу, определять болезни. Некоторые информаторы утверждают, что кобыз может играть и без помощи людей, так как он имеет невидимых духов. Поэтому он считался основным помощником шамана. Кобыз не каждому давали подержать, тем более — поиграть; его не продавали, считая, что в нем присутствует дух покровителя шамана. В одной из легенд рассказывается, как для проверки чудодейственной силы привязали кобыз к дереву, расположенному далеко от аула, и ждали его прихода в дом, где сидел шаман. Шаман, сидя в доме, призвал своих джинов и приказал им принести кобыз, что они и сделали с помощью облака, огромных птиц и урагана.

Как отмечалось выше, для струн кобызы использовались волосы лошади; его корпус или головку обтягивали шкурой козла и верблюда. Этого было достаточно, по представлениям каракалпаков, так как они верили, что в магических действиях «часть заменяет целое». Шаманы не резали животных для лечения больных, а ограничивались использованием отдельных их частей (волоса, куски шкуры, рогов, когтей, зубов). В башкирской версии эпоса «Алпамыс» герой сказания сжигает три конских волоса; почуввав запах, конь скачет к нему и освобождает из зиндана¹⁵. Сцена эта перекликается с обычаем каракалпаков и узбеков-локайцев южного Таджикистана¹⁶, которые при продаже коня выдергивали из его челки несколько волос и хранили их дома.

Обычай изображать на шаманском бубне тотемное животное, обтягивать бубен шкурой тотема существовал у шорцев, алтайцев, якутов, хантов, тунгусов-эвенков, долган и др. По древним верованиям этих народов, духи тех животных, часть шкуры или изображения которых имеются на бубне шамана, служат шаману во время молений ездовым животным. Больше того, сам шаманский бубен в целом представлял тотема-предка, на котором шаман

⁹ Г. Н. Снесарев. Указ. соч., стр. 38, 318.

¹⁰ Л. И. Альбаум. Некоторые культовые предметы Балалык-тепе.— КСИЭ, вып. 30, 1958, стр. 80.

¹¹ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 2. М.—Л., 1950, стр. 272.

¹² Б. Х. Карамышева. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Сталинабад, 1954, стр. 82; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли.— «Среднеазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР», т. 21. М., 1954, стр. 101—102.

¹³ С. М. Абрамзон. К характеристике шаманства в старом быту киргизов.— КСИЭ, вып. 30, 1958, стр. 144.

¹⁴ «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 122—123.

¹⁵ К. М. Максетов. Взаимосвязи каракалпакского и башкирского героического эпоса.— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 152.

¹⁶ Б. Х. Карамышева. Указ. соч., стр. 99.

будто бы совершает свои путешествия во время моления в царство духов¹⁷. Возможно ко быз у предков каракалпаков играл ту же роль, что и бубен у сибирских народов: существ вовало, видимо, представление будто духи козла или верблюда служат ездовыми животными шаману.

Алтайцы верили, что сила шамана сосредоточена в рогах шаманской шапки¹⁸. В этой связи важно вспомнить, что О. А. Сухарева название *саукеле* — женского головного убора народов Средней Азии и Казахстана выводит из *шош кулак* — рогатая шапка¹⁹. Так назывался и шлемовидный головной убор женщин, который бытовал в Каракалпакии до 1928—1930 гг.²⁰

Аналогичные женские головные уборы имелись у башкир²¹, удмуртов²². Если в древности саукеле были рогатыми шапками, то, возможно, это символизировало козла или быка, реликты культа которых все еще прослеживаются у народов Средней Азии, Казахстана, отчасти и у башкир. Согласно одной легенде, в начале XX в. среди жителей Бирунийского района Каракалпакской АССР был человек, который ходил, накиннув на себя козльную шкуру и прикрепив на голове козлиные рога; в таком виде он бродил среди толпы, обличая мусульманское духовенство²³. Пережитки культа козла проявляются и в народной медицине, особенно в деятельности шаманов, среднеазиатском свадебном развлечении *кюк бори*, *ылак* — кошной игре с козлом. По данным М. С. Андреева, южными пределами распространения этой игры является долина Пандшир в Афганистане²⁴. Аналогичный обряд был и у башкир. Правила обрядовой игры *ылак* в старом быту каракалпаков и других народов Средней Азии сходные. У каракалпаков гости со стороны невесты в день свадьбы, прежде чем войти в дом, даже не слезая с коня, требовали от отца жениха *ылак* — козленка, что обязательно выполнялось. В июле 1961 г. в племсовхозе «Каракалпак» Чимбайского района ККАССР автору статьи удалось наблюдать, как на свадьбе родственники жениха заколали козла (*серке*), у которого отрезали голову и ноги до колен, бросили его на пол, и затем началась борьба за обладание козлом. Обычно у народов Средней Азии в этих состязаниях участвуют группы мужчин со стороны жениха и невесты. Победителем считается тот, кто сумеет вырваться с козлом вперед и, проскакав круг на коне, бросить козла к ногам хозяйни и судей (аксакалов). Победителю каждый раз выдается приз²⁵. Мясо этого козла и его голова съедается всеми, у каракалпаков же оно считается лучшим средством от кашля у тукмен²⁶. По каракалпакской версии эпоса «Алпамыс за несоблюдение обычая козлодрания выселяли с родины, из-за этого происходили ссоры между родственниками жениха и невесты²⁷.

В Каракалпакии невеста, впервые прибывшая в дом жениха, должна наступить и сесть на шкуру козла. Происхождение обычая, предписывающего посадить невесту на шкуру животного, в данном случае — козла, вероятно, восходит к тотемистическим поверьям о

¹⁷ Л. П. Потанов. Следы тотемистических представлений у алтайцев.—СЭ, 1935, № 4—5, стр. 141.

¹⁸ Там же, стр. 142.

¹⁹ О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник.—Труды Института этнографии АН СССР, т. 21. М., 1954, стр. 339.

²⁰ А. С. Морозова. Каракалпакский женский шлемовидный головной убор саукеле.—Труды Ташкентского университета, вып. 20. Ташкент, 1963, стр. 134—138.

²¹ С. А. Авниязская, Н. В. Бикулатов, Р. Г. Кузеев. Народное искусство башкир. Л., 1968, рис. 88.

²² В. Н. Беллицер. Народная одежда удмуртов. М., 1951, стр. 61—64, рис. 33—34 (1—4).

²³ Г. П. Снесарев. Указ. соч., стр. 33.

²⁴ М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, стр. 47, прим. 2.

²⁵ Б. Х. Карамышева. Указ. соч., стр. 99.

²⁶ К. Овезбердиев. Материалы по этнологии туркмен-сарыков Пендинского оазиса.—Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тукм. ССР, т. 4, серия этнографическая. Ашхабад, 1962, стр. 169.

²⁷ «Алпамыс. Каракалпакский народный эпос. Нукус-Самарканд, 1960, стр. 30—31.

браках между женщинами и тотемными животными, обязательно связанным якобы с богатством и произведением необычайного по свойствам потомства²⁸.

Реликты культа козла в Средней Азии проявлялись и в том, что шаманы для изгнания болезни из тела больного требовали дать им козла, а также — в некоторых обычаях, связанных с хозяйством. Например, узбеки-локайцы при эпизоотиях мелкого рогатого скота, на дороге, по которой проходят стада, хоронили козла, уложив на спину, ногами вверх²⁹. Такая распространенность культа козла в разных областях деятельности человека еще раз связывает его с тотемизмом.

Р и с. 2. Каракалпакская женщина в *саукале* и *кимешек*. Вид сзади.

Многие информаторы и некоторые ученые смысл и значение смены головного убора связывают с переходом девушки в группу женщины³⁰; иногда это считается как бы знаком перехода девушки в род мужа³¹.

Однако описанные О. А. Сухаревой варианты обрядов смены головного убора, а также эволюция этого обряда у народов Средней Азии показали, что вступление в брак не было тем моментом, когда в головной убор и прическу девушки вносились коренные изменения. Смена головного убора связывалась с рождением у молодой женщины ребенка³². Об этом же свидетельствуют функции каракалпакских *саукале* и *кимешек* — головных уборов замужних женщин, закрывающих голову, шею, грудь и спину. По рассказам информаторов, их надевали на невесту перед тем как она впервые входила в дом мужа.

С надеванием *саукале* и, особенно, красного *кимешек* женщины как бы отгораживаются от окружающей среды; тщательно прячут волосы, оставляя открытым только лицо. Каракалпакские женщины носят *кзыл кимешек* только в возрасте, когда они сохраняют способность к деторождению; состарившись, они шьют себе белый *кимешек*. Нам кажется, что здесь проступают некоторые элементы тотемизма и связанного с ним шаманства.

Отсутствие у *кимешек* рукавов, «хвост», преобладание красного и черного цветов, бахромы с бусами сближают *кзыл кимешек* с кафтаном сибирских шаманов, о котором Л. Я. Шгеринберг говорил, что он напоминает сидящую птицу³³. Михайловский, Васильев³⁴ и другие авторы также писали, что костюм шамана как бы символизирует птицу, что в представлениях древних людей шаман выступал, возможно, как человек-птица. Такое сравнение, на наш взгляд, согласуется с

²⁸ Н. М. Пикольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956, стр. 132—133; Е. Г. Кагаров. Состав и происхождение свадебной обрядности.— МАЭ, т. 8. Л., 1929, стр. 176.

²⁹ Б. Х. Кармышева. Указ. соч., стр. 112.

³⁰ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса.— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 554; Н. П. Лобачева. К истории среднеазиатского костюма.— СЭ, 1965, № 6.

³¹ В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 64.

³² О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 319.

³³ Л. Я. Шгеринберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 112—113.

³⁴ В. Н. Васильев. Шаманский костюм и бубен у якутов.— МАЭ, т. 8. СПб., 1910, стр. 8.

поверьем каракалпаков, согласно которому шаман способен перейти через реки без моста и т. д. Если женщина поверх кимешека надевает *саукеле*, то ее облик напоминает, как нам кажется, сидящего орла (рис. 2), культ которого был широко распространен в старом быту башкир, каракалпаков и других народов Средней Азии, Казахстана, Сибири, Персии и Индии. К орлу обращались бездетные женщины с просьбой даровать детей. Если после этого появлялись дети, они считались рожденными от орла. Особенно культ орла ярко проявлялся в обрядах, связанных с рождением и воспитанием детей. Возможно, это связано с тем, что акт родов, по воззрениям первобытных народов, оскверняет все окружающее и, в первую очередь, ребенка и роженицу³⁵. В защите ребенка и его матери степной орел, символизирующий, по нашему мнению, *кзыл кимешек*, считался действенным средством. *Кзыл кимешек*, генезис которого связан, как нам кажется, с шаманским костюмом, у каракалпаков бытует, по данным эпоса Шарьяр, с древнейших времен³⁶.

Отсюда можно предположить, что *кзыл кимешек* первоначально служил средством изображения орла, который охранял способность женщины к деторождению; затем он стал бытовым предметом.

Происхождение обычая надевать *кзыл кимешек* на невесту в момент прихода в дом мужа, вероятно, связан, как полагает О. А. Сухарева, с обычаем *кайторма* у туркмен, *есик айыу* — у каракалпаков, т. е. с «тайными» посещениями жениха невесты и длительного проживания новобрачных в доме ее родителей. Вследствие этого обычая невеста нередко приходила в дом мужа с ребенком, о котором каракалпак говорил *«оң жактагы бала»*, что означало «ребенок, рожденный в доме матери». В этот период, несмотря на начавшуюся брачную жизнь, у невесты одежда не менялась. Вероятно, в давние времена муж получал право взять ее к себе не сразу после выплаты всего калыма, а лишь после того, как у нее появлялся первый ребенок.

У башкир и народов Средней Азии, Кавказа, Севера до недавнего времени бытовали реликты древних верований, связанные с волком³⁷. По наблюдениям Л. П. Потапова, более чем у других народов верования о волке были распространены у тюркских и монгольских племен и народностей. Во всех народных поверьях и приметах здесь ясно выступает одна черта — волк рисуется как покровитель и защитник людей от всяких несчастий, болезней, от всякого зла; по данным китайских источников, аналогичные поверья бытовали и у древних тюрков. Согласно одной легенде, среди них были люди, которые рождались от волчицы. Потомство от них размножилось и составило государство³⁸. Древние монголы также считали себя, как и тюрки, происходящими от волка. У бурят волк выступает как главный помощник шамана, на котором он ездил при камлании. Если у кого-либо дети часто умирали в младенческом возрасте, то новорожденного ребенка обертывали в волчью шкуру. По поверьям бурят, волк слышит и понимает человеческую речь³⁹.

Аналогичные верования и обряды существовали и у якутов, хакасов, алтайцев, тувинцев⁴⁰. У народов Средней Азии и Казахстана были широко распространены поверья о волке, связанные с рождением ребенка. Андижанские кипчаки, чтобы облегчить роды, давали рожаящей кусочек высушенного волчьего сердца⁴¹. Каракалпакские женщины в начале беременности съедали волчье сердце и верили, что рожденные дети в таком случае будут здоровыми и сильными, как волк. Волчьи лапы, зубы, когти пришивали к одежде

³⁵ Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — МЛЭ, т. 9. Л., 1930, стр. 30.

³⁶ «Шарьяр». Каракалпакский народный эпос. Нукус, 1959, стр. 63.

³⁷ С. П. Потов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — ПИДО, 1935, № 9—10; Л. П. Потов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. — КСИЭ, вып. 30, 1958.

³⁸ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 215.

³⁹ Л. П. Потов. Волк в старинных народных поверьях..., стр. 137.

⁴⁰ Там же, стр. 138.

⁴¹ Там же.

де или подвешивали к колыбели ребенка, в передний угол жилища. По поверьям народов Средней Азии и Казахстана, волк «оберегал» также скот, поля и огороды.

В основе поверий, связанных с волком, орлом, козлом, лежат древние тотемистические представления. С другой стороны, эти представления показывают близость этногенеза и этнического состава башкир и народов Средней Азии и Сибири.

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ
НА СЕКЦИИ
ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

Т. М. ГАРИПОВ
(Уфа)СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ПРОБЛЕМЕ
ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР

Установлено, что задачи лингво-классификационных дефиниций тесно связаны с определением хронологических и локальных границ появления на исторической арене народа-носителя данного языка. Не менее бесспорным представляется и то, что этногенетические построения часто характеризуются относительной недоказанностью (а иногда и принципиальной недоказуемостью) ряда важных положений, причинами чему выступают и неоднозначность исходных позиций авторов, и неадекватность исследовательских подходов, и — как следствие — широкая возможность разновариантных решений.

Статус башкирского языка и народа башкир не составляет исключения из общего правила, поэтому естественно допустить наличие нескольких точек зрения на состояние изучаемого вопроса. Обоснованию одной из них посвящена настоящая статья.

I

Как известно, впервые язык башкир был упомянут, наряду с другими тюркскими, в авторитетнейшей из дошедших до нас филологических энциклопедий средневекового Востока — книге «Собрание тюркских наречий», принадлежащей перу знаменитого Махмуда сына Хусайна сына Мухаммада из Кашгара. В разделе «Об особенностях тюркского языка» говорится: «...языки кыргыз, кыфджак, угуз, тухси, ягма, джикиль, ыграк, лжзрук — только (чисто) тюркские. Языки йамак и башгирт близки к ним»¹. Таким образом, башкирский язык объявляется близким родственником наречий «20 основных тюркских племен»². Для XI в. это была исключительно смелая гипотеза.

Затем в башкироведческой традиции наступил длительный перерыв, нарушенный лишь в XVIII в. полтавским пленником Петра I — шведом Ф. И. Страленбергом, ставшим впоследствии родоначальником урало-алтаистики³.

В дальнейших изысканиях И. Г. Георги, М. Иванова, М. А. Казембека, И. Н. Березина, М. С. Бикчуррина, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, Л. З. Будагова и других башкирский язык чаще всего определялся как диалект общего «турско-татарского» (подчас — одного «татарского», но опять-таки в смысле некоего гипотетического «общетюркского») языка⁴.

«Автономизация» башкирского языка среди прочих тюркских была достигнута лишь в конце XIX — начале XX вв. благодаря трудам местных деятелей науки В. В. Катарин-

¹ Махмуд Кашгарий. Туркий сузлар девони, т. I. Ташкент, 1960, стр. 66.

² Там же, стр. 66.

³ См. об этом: Н. К. Дмитриев. Библиография по башкирскому языку и фольклору. Уфа, 1936, стр. 3.

⁴ Т. М. Гарипов. Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 36—39.

ского, А. Г. Бессонова, М. А. Кулаева, В. И. Филопенко, отчасти Н. Ф. Катанова, а также австро-венгерского ученого В. Прёле⁵.

Окончательно закрепилось самостоятельное положение башкирского языка в широко известных тюркологических классификациях нашего века, связанных, прежде всего, с именами академиков Ф. Е. Корша и, особенно, А. Н. Самойловича, — последние заслужено пользуются наибольшим признанием современников. В недавние годы, как в Советском Союзе, так и за рубежом, получили некоторое распространение попытки ее уточнения и детализации. Небезынтересно, как определяется ныне место башкирского языка в действующих классификациях тюркских языков.

Почти все авторы единодушны, рассматривая башкирский как типично кыпчакский язык, однако по поводу характера, состава и внутреннего членения самих кыпчакских языков имеют место существенные расхождения, в результате чего один и тот же язык (в данном случае, башкирский) оказывается помещенным в разные подгруппы.

Так, по А. Н. Самойловичу, кыпчакская или северо-западная (другое название: *тау*-группа), будучи одной из шести основных групп тюркских языков и обладая следующими шестью же дифференциальными изоглоссами: *тогуз* «девять», *айак* «нога», *бол бул* «будь», *тау* «гора», *сары* «желтый», *каган* «оставшийся, остался», включает в себя две подгруппы а) домонгольской формации в составе семи языков (в том числе башкирского и татарского); б) послемонгольской формации в составе двух языков: казахского и ногайского⁶.

И. Бенцинг выделяет кыпчакские языки в западную или кыпчакско-команскую группу (одну из пяти тюркских), а внутри нее, в свою очередь, насчитывает три подгруппы: понто-каспийскую (три языка), уральскую (в составе татарского и башкирского) и арало-каспийскую (казахский, киргизский)⁷.

Еще более подробное членение предлагает К. Х. Менгес, добавляя к уже названным пяти еще четыре группы, включая сюда и Волго-Камско-Западносибирскую, а в ней татарский и «башкурский» языки⁸.

Наконец, Н. А. Баскаков устанавливает для кыпчакской группы три переходные подгруппы: кыпчакско-половецкую, кыпчакско-булгарскую (татарский и башкирский языки) и кыпчакско-ногайскую (казахский, каракалпакский и др.). Кроме того, особо выделяется киргизско-кыпчакская группа в составе киргизского и горноалтайского языков⁹.

Не менее спорным и противоречивым представляется соотношение современных кыпчакских языков, в том числе и башкирского, со старыми памятниками: Кодексом Куманикусом (XIV в. н. э.), мамлюкскими словарями и грамматиками (XIII в.), актами каменец-подольских армян (XVI—XVII вв.) и под.

Особенно запутанным является вопрос относительно образцов старотюркской письменности, зафиксированных на территории Урало-Поволжья. Не вдаваясь в детали, ограничимся здесь лишь высказыванием постулата о целесообразности трактовки языка указанных памятников как локального варианта золотоордынского «тюрки» (либо «чагатайского» языка)¹⁰. Поэтому соответствующие факты уместно анализировать под рубрикой «Кыпчакско-среднеазиатские языковые связи».

Что касается оптимальной классификации современных кыпчакских языков, то она мыслится как некий синтез высказанных точек зрения, существенно пополненный наблю-

⁵ Там же, стр. 40—41.

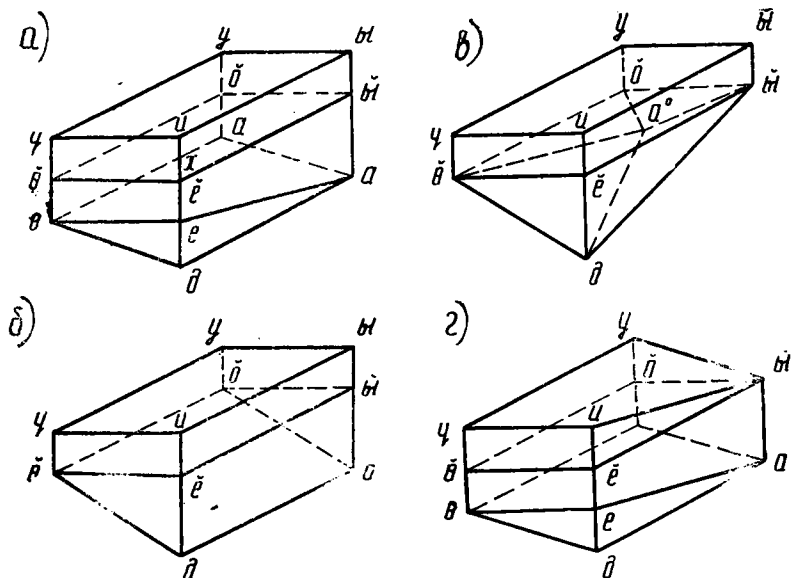
⁶ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

⁷ Classification of the Turcic languages. — In: Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959, I, стр. 1—5.

⁸ Там же, стр. 5—8.

⁹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 227—256 и 294—306.

¹⁰ Ср. J. Eckmann. Die Tschagataische. — In: Op. cit., стр. 138—160.

Р и с. 1. Модели кыпчакского вокализма:

а) общекыпчакский вокализм (14 фонем); б) башкирский вокализм (10 фонем); в) татарский вокализм (10 фонем); г) казахский вокализм (12 фонем).

дениями автора в области синхронно-компаративной фонематики, грамматики и лексикологии.

К примеру, основные особенности общекыпчакского вокализма характеризуются, во-первых, относительным богатством гласных, имеющих фонематическое значение; во-вторых, здесь обращает на себя внимание плоскость звукотипов неполного образования, присущая лишь четырем языкам: башкирскому, казахскому, погайскому и татарскому (рис. 1). Возникла ли она имманентно, как проявление общетюркской тенденции к редукции гласных верхнего подъема, или же является следствием иноязычного воздействия (может быть, болгарского?) — на этот счет у специалистов нет единого мнения. Со своей стороны, автор выдвигает рабочую гипотезу о существовании уже после прихода тюрков на Урал обширного языкового союза (термин Н. С. Трубецкого), в который могли входить и угро-финские языки, характеризовавшиеся, в частности, и указанной особенностью¹¹. Отличия внутри наметившейся общности кыпчакских вокалических микросистем

¹¹ Более подробная характеристика этого явления содержится в нашей работе «Из опыта построения стереометрических моделей для синхронного описания вокалических микросистем». — «Вопросы общего и романо-германского языкознания». Уфа, 1965, 1.

тем сводятся в основном к сохранению казахским языком пратюркской пары огубленных полного образования о — ө (что сближает его с киргизским и другими тюркскими языками, исключая башкирский, татарский, чувашский) и distinctions между двумя аллофонами а — «башкирским» и «татарским» (см. рис. 1 б, в).

Переходя к оценке подсистемы к о н с о н а н т н з м а, мы опускаем целый ряд сходных моментов для всех кыпчакских языков, отличающих их, в частности, от огузских (башк. *мин* — турек. *бен* «я», но башк. *килэбез* — турек. *гелемиз* «приходим» и под.) и обратимся лишь к сугубо специфическим, до известной степени неповторимым в других языках, согласным звукотипам. Таковы:

1) башкирские среднеязычные спиранты *з* и *с*, которым в казахском и татарском (равно как и в большинстве тюркских) соответствуют «обычные» *з* и *с*. Н. К. Дмитриев усматривал в их происхождении влияние иранского (сарматского) субстрата, в то время как Дж. Г. Киекбаев связывал их судьбу с сибирско-тюркскими аналогиями;

2) татарские шелевые ч—ж, взаимно отсутствующие в башкирском и казахском и замещаемые в них, соответственно, с—й (*ж*) и ш—ж;

3) традиционные корреспонденции башк. *н* — тат. и казахск. *с* (в начале слова), башк. и казахск. *к* — тат. *х* (частично) и др.

Следует отметить возводимое к праалтайской эпохе историческое чередование башк. *с* — тат. *ч* — казахск. *ш*. Ср. маньчжурск. *гусин* и башк. *көс* «сила».

Попадая в приблизительно равные фонетические условия, многие башкирские и татарские согласные ведут себя по-разному, видоизменяясь в различных аллофонах и алломорфах: башк. *урмандан* — тат. *урманнан* «из леса» и т.д. Многочисленные ассимилятивные и диссимилятивные субституции башк. *д*, *л*, *н* описаны Н. К. Дмитриевым в его «Грамматике башкирского языка».

Элементы сравнительной м о р ф о л о г и и сводятся к известным соответствиям преимущественно в сфере глагола: 1) башк. *алмай* — тат. *алмый* «не берет», башк. *барайым* — тат. *барыйм* «пойду-ка»; башк. *ташлай* — тат. *ташлый* «бросает», башк. *зилай* — тат. *зилай* (й) «работает»;

2) башк. *бүләр* — тат. *бүләр* «поделит», башк. *языр* — тат. *язар*, но башк. и тат. *барыр* «пойдет», *килер* «придет», *булыр* «будет» (ср. башк. диал. *булар* в том же значении — по свидетельству М. Х. Ахтямова);

3) башк. *килермен* — тат. *килерем* (факультативно) «приду», башк. *калаһығыз* — тат. *каласыз* «остаетесь»;

4) башк. *алғайны* — тат. *алган иде* «он уже взял» (ср. с диал. формой в речи северо-западных башкир: *алғайны* в том же значении);

5) башк. *укуу* — тат. *уку* «чтение» (есть разница и в произношении);

6) казахск. *-атын*, *-этин* — ногайск. *-атаган*, *-этээн* (формант причастия);

7) отсутствие в казахском формы на *-аджак*, *-эджек* (футурум).

Обобщая, можно сказать, что различия здесь идут не столько в качественном, сколько в количественном плане (так, башкирским аффиксам в принципе свойственна четырехвариантность, татарским же — двувариантность). Поэтому речь должна идти не столько о морфологических, сколько о фоно-морфологических несовпадениях.

Обращаясь к показаниям сравнительного л е к с и к о н а кыпчакских языков, заметим, что составленный по методу лексикостатистики глоссарий из «опытных» словоформ дал следующие отклонения казахского словаря от башкирского и татарского: казахск. *кун* — башк. и тат. *койаш* «солнце»; казахск. *аял* — башк. и тат. *катын-кыз* «женщина»; казахск. *же* — башк. и тат. *аша* «ешь»; казахск. *дөңгелек* — башк. и тат. *йом(о)ро* «круглый». Это означает, что процент совпадающих корнеслов указанных трех языков достигает в заданном объеме, по крайней мере, 96-ти. Согласно мнению первооткрывателя глоттохронологии М. Сведеша, это равносильно тому, что казахский выделился из кыпчакской общности, и ныне объединяющей башкирский с татарским, не более 300 лет тому назад, в XVIII в., т. е. в эпоху решающей дифференциации новотюркских языков на базе инте-

грации и перемешивания субродовых подгрупп, родовых говоров, племенных диалектов и суперплеменных («союзно-племенных») наречий¹².

Более полный сравнительный словарь должен включать, очевидно, все исконные словоформы кыпчакских языков. Выполненная нами I часть такого словаря — башкирско-татарская — охватывает более 6000 подобных словоформ¹³. Словник был составлен на основе общей (алфавитной) картотеки лексики башкирского и татарского языков, а затем был распределен в соответствии со специально разработанной методикой первоначально на семь дифференциальных групп с последующей их дополнительной рубрикой и детализацией:

1) параллелизмы, или слова, полностью совпадающие в обоих языках: *ала* «легкий», *бабай* «дел»;

2) разнографемные слова, отличающиеся лишь написанием некоторых букв (т. е. по звучанию совпадающие с параллелизмами): башк. *вак* и тат. *вик* «мелкий», соотв. *гыжылда* и *гыжылда* «хрип»;

3) разнофонемные слова, отличающиеся произношением отдельных звуков: башк. *димгел* и тат. *тимгел* «пнятно, сыпь», соотв. *зур* и *зур* «большой»;

4) разноморфемные слова, представляющие грамматические варианты, развившиеся из одного корня: башк. *йылымс* и тат. *жылымса* «тепелыкий», соотв. *кауырһын* и *каурыр* «перо птицы»;

5) корреляты, или межъязыковые синонимы: башк. *мөйөш* и тат. *почмак* «угол», соотв. *олатай* и *дәүәти* «дедушка»;

6) дериваты, или межъязыковые омонимы, т. е. случайно совпавшие по форме слова: башк. *ас* «сладный» и тат. *ас* «горностай», соотв. *инә* «самка, матка» и *инә* «иглолка»;

7) разнстные слова, порою отсутствующие то в одном, то в другом языке: башк. *сән* «мышшь, цель» и др.

Предварительный анализ имеющегося материала позволяет определить оптимальный состав кыпчакской группы языков в следующем виде: 1. Кавказско-дагестанская подгруппа (карачаевско-балкарский, кумыкский, ногайский, а также территориально отдаленные от них карачаевский и крымско-татарский языки); 2. Урало-волжская подгруппа (башкирский и татарский языки); 3. Арало-каспийская подгруппа (казахский, каракалпакский и, отчасти, киргизский языки, равно как и некоторые — сингармонические — говоры узбекского языка). Временные границы кыпчакского языкового мира в целом совпадают с общетюркскими: конец I — все II тыс. н. э.

Здесь уместно было бы поставить вопрос о взаимоотношениях кыпчакских, болгарских, огузских и остальных тюркских языков, а также о соответствиях современных урало-волжских форм с их древними хуннскими, аварскими, печенежскими, хазарскими, доисскими и дунайскими аналогами — однако недостаток места не позволяет развернуть соответствующую аргументацию¹⁴.

Дальнейшая интеграция языковых фактов сближаемых многими (но не всеми!) компаративистами тюркских, монгольских и других алтайских языков логически последовательно должна была привести к идее общности названных языков, выражение которой составило специальную задачу I Всесоюзной алтаистической конференции (Л., 1969) и

¹² Метод глоттохронологии. — «Новое в лингвистике». М., 1960, I, стр. 7—107. Критика данного метода содержится в нашем очерке «Применим ли метод глоттохронологии для определения возраста близкородственных языков?» — «Филологический сборник». Чебоксары, 1965, стр. 55—67. Ср. также постулаты Н. А. Баскакова о сложении казахского языка в XV—XVI вв. (указ. раб., стр. 255.) башкирского и татарского — «после распада Золотой Орды, в период Казанского ханства и после присоединения его к России» (т. а м же, стр. 245 и 249).

¹³ Пользуясь случаем, автор приносит благодарность своему старшему коллеге М. Л. Рафикову за помощь в лексикографическом оформлении собранного материала.

¹⁴ К тому же указанный материал уже введен в научный оборот (правда, частично) на Симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков в ИЯз АН СССР (М., 1967), на Итоговой сессии УИИЯЛ АН СССР (Уфа, 1966) и отражен в их изданиях.

Кстати, второй шаг — от алтайской гипотезы к урало-алтайской — не может быть признан окончательным. Отсюда прямой путь к борейской (иначе — ностратической) теории древнейшего родства или, по крайней мере, первоначального свойства большинства человеческих языков обширного праматерика Афревразии (точнее, северной его части, откуда сам термин *Бореас* «Север»). Возраст борейских языков устанавливается предположительно с эпохи отступления последних ледников — около 15 тыс. лет назад. Бореалисты начиная с Х. Педерсена и кончая В. М. Илличем-Свитычем и А. Б. Долгопольским гораздо убедительнее доказывают материальное родство интересующих нас корней, нежели урало-алтаистика. В соответствии с теорией лингвистической вероятности и установленной ею зависимостью между случайным совпадением форм и количеством привлекаемых языков, сравнение двух языковых семей (даже наиболее близких между собой) дает гораздо менее обнадеживающие результаты, чем сопоставление нескольких семей (пусть даже отдаленно родственных). Так удается показать регулярное сходство входящих в восточно-борейскую общность тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков наряду с финно-угорскими и самодийскими, каждый из которых порознь не обнаруживает достаточной близости при бинарном соположении даже с непосредственно соседствующим языком.

Казалось бы, что общего между башкирским *айақ* «нога» из прототюркского **uzak* и русским *лаиши́й*? Бореалистика же реконструирует для них общий корень **paqđ* «нога, ступня» — ср. греческ. *подагра* «болезнь ног», латинск. *pedalis* «ножной», французск. *pied* «нога, ступня, лапа», англ. *football* «ножной мяч», корейск. *padak* «нога», орочск. *pađdiga* «стопа», эвенк. *hađđi* «пятка».

Или: борейск. **kağ* дает следующие рефлексы: древнеиндийск. *крина*, древнепрусск. *кирсан*, тюркск. *кара*, монг. *хара*, японск. *куро*, русск. *черный*.

Итак, суммируя ранее сказанное, следовало бы согласно генеалогической классификации языков отнести башкирский язык к постратическим (Х. Педерсен, В. М. Иллич-Свитыч), восточноборейским (А. Б. Долгопольский, Г. П. Мельников), урало-алтайским (Ф. И. Страленберг, В. Шотт, М. А. Кастрен, Г. Винклер, И. Грюнцель, Г. Рамstedт, О. Соважо, Дж. Г. Кнекбаев, Н. А. Баскаков), алтайским (подавляющее большинство отечественных и зарубежных ориенталистов), только тюркским (А. М. Шербак), кыпчакским (почти все тюркологи), а внутри их — к урало-волжским языкам. В большой части эти мнения разделяет и автор данной статьи.

II

Собственно структурно-типологическая классификация и ее частное ответвление, заслонившее, тем не менее, основной ствол — морфологическая классификация — относят тюркские языки и в их числе башкирский язык к агглютинативному типу (известные из истории общей лингвистики разыскания А. и Ф. Шлегелей, В. Гумбольдта, А. Шлейхера, Ф. Ф. Фортунатова), либо именуют их формообладающими (Г. Штейнталь, Ф. Мистели).

Большое будущее пророчат новейшей классификации Дж. Гринберга, который положил в основу деления лингвистическую универсалию порядка слов для 30 групп языков из различных областей земного шара. Алтайские языки представлены здесь такими признаками, как словопорядок «подлежащее — дополнение — сказуемое», послеложный строй и следование определения перед определяемым. Нетрудно заметить, что все эти черты присущи и башкирскому языку.

¹⁵ «Проблема общности алтайских языков». Л., 1969, стр. 88.

Во многом критерии Дж. Гринберга смыкаются с семантико-синтаксической классификацией И. И. Мещанинова, но превосходят ее в строгости отбора оснований для разбивки.

Стало быть, с позиций структурной типологии и лингвистической таксономии башкирский язык входит в класс сравнительно поздно развившихся агглютинирующих языков, хотя ему не чужды и более древние элементы флективности, о чем писал в свое время А. К. Боровков.

III

Исчерпывающий анализ контактов башкирского языка в его истории с другими родственными и неродственными языками содержится в обширной литературе вопроса за последние полтора десятилетия (имеются в виду труды М. Рясина, Б. А. Серебренникова, Э. Мольнара, Д. Синора, Р. Г. Кузеева и др.).

Особое место занимают публикации по «башкирско-мадьярской» проблеме, где выделяется своей полнотой и разработанностью капитальное исследование выдающегося тюрколога современности венгерского академика Д. Ф. Немета «Венгерские племенные названия у башкир». Здесь достаточно веско указывается на расстановку этнолингвистических сил в исторической Башкирии: «Прародиной венгров следует считать Башкирию. Однако между венграми и башкирами нет никаких близких связей. Речь идет только о том, что венгры, оставшиеся на прародине, в последующие за татарским нашествием столетия ассимилировались с тюркоязычными башкирами, переселившимися сюда»¹⁶.

В настоящее время кафедра языкознания Башкирского госуниверситета готовит к изданию книгу «Языковые контакты в Башкирии», посвященную исследованию башкирско-татарско-казахско-чувашских и иных фонетических, лексико-семантических и грамматических связей, контактных и дистантных заимствований — можно надеяться, что это будет способствовать дальнейшему прогрессу в деле нанесения на лингво-классификационную карту важнейших структурно-типологических черт языков народов Башкирии и, в первую очередь, башкирского.

IV

Решающую роль для судеб этнолингвистики приобретает учет диалектных данных и показаний частотности проявления языковых единиц в процессе речетворчества. При этом необходимо подчеркнуть ценность именно интердиалектных связей разных языков (в данном случае — тюркских); демонстрация же частных особенностей отдельных говоров в пределах одного языка неизбежно будет представлять лишь узко локальный интерес.

Башкирские диалектологи достаточно прочно вступили на столбовую дорожку лингвогеографии, целью которой является общий диалектологический атлас тюркских наречий и говоров — разумеется, создать его под силу лишь большому коллективу заинтересованных ученых из многих академий и вузов Союза ССР и сопредельных стран, как это уже имеет место в случае выполнения широкой программы международной научной кооперации по теме «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА — в нем принимают деятельное участие и филологи Башкирии).

Иллюстрируя данное положение, можно сказать, что ряд говоров башкирского и татарского языков по некоторым признакам возводится непосредственно к языковым особенностям таких памятников Орхоно-Енисеи, как III камень с Чакуля в Туве, могильник с Оя в Хакасии, две надписи с Уйбата, I эпитафия из Кызыл-чира, Абаканская плита и Таласская палочка (ср. впервые подмеченные в них С. Е. Маловым и И. А. Батмановым

¹⁶ J. N e m e t h. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren.—In: Acta Linguistica. Budapest, 1966, XVI, стр. 1—21.

алломорфы *ил* в отличие от *эл* «племенной союз» других памятников, *беш* и *бис* «пять», *адырылты* и *адырылды* «он отделился», т. е. «умер» и др.).

Частотность, понимаемая как постоянный коэффициент повторяемости элементов языка в заданном тексте, имеет прямое отношение к проблеме сохранения лингвистических рудиментов и возникновения новых структурных единиц. По существу, это толкование смыкается с так называемым «законом Ципфа», согласно которому частотность элемента языка тем выше, чем проще его реализация в речи. Иными словами, новое в процессе коммуникации встречается реже старого, сложное реже простого.

С другой стороны, по правилу Н. Круша всего — Е. Куриловича, чем богаче содержание языковой единицы, тем реже она встречается в речевом акте. Это видно хотя бы из того, что во всех языках мира встречается набор всего лишь из 10 «первичных» фонем: тройки гласных (а, и, у), пары носовых (м, н), одного плавного (л или р), одного спиранта (чаще всего с), трех смычных (к, п, т). Все остальные фонемы оказываются вторично противопоставленными первичным. Предлагается описывать систему любого языка с точки зрения отношения присущих ему вторичных противопоставлений к числу первичных антиномий.

Отсюда закономерен вопрос об исключении либо благоприобретенности таких специфически башкирских звукотипов, как аналатный *й*, гортанный *һ*, интердентальные *з*, *с*, *коль* скоро в предшествовавшем тюркском состоянии им могли соответствовать только *с* и *ç*.

В заключение имеет смысл совершить краткий экскурс в область этимологии этнонима *башкорт*. Восбще говоря, абсолютная этимология любого слова принципиально недостижима, что, однако, компенсируется созданием множества относительных этимологий даже для одного слова. В полной мере это касается и самоназвания башкир.

Не отвергая возможности трактовать последнее так же, как в уже имеющейся литературе, где приводится свыше двух десятков более или менее остроумных версий относительно происхождения термина *башкорт*, мы решаемся обратить внимание специалистов еще на одну попытку сближения данного этнонима с кыпчакским комплексом *баш* (*бас*) (*бос*) (*бус*) (*буз*) «серый» + *курт* *корт* «волк».

Дело в том, что исследователи «Слова о Полку Игореве» уже давно заметили в его тексте странное выражение *босый волк*. То, что первый компонент словосочетания не имеет ничего общего со славянским *босой*, было ясно еще А. С. Пушкину. Академик В. А. Гордлевский неопровержимо доказал, что этот загадочный эпитет есть не что иное как неполная калька с тюркского *бос* *боз* «серый». Косвенным свидетельством в пользу корректности данного предположения является неустойчивая передача звуков в антропонимах типа *Бус*, *Боус*, *Бооз* — имя князя антов, победжденного готским королем Ванитаром в конце IV в. н. э., а также удивительное совпадение интересующего этнонима с именем половецкого хана *Башкорда*, *Башкурта*, тестя князя Святослава Владимировича (XII в.)¹⁷.

В качестве вывода о связи башкирского этноса и глоттогенеза предлагается допустить тезу о сравнительно позднем оседании на Урале племен, составивших впоследствии ядро башкирской народности — во всяком случае, язык последней сформировался преимущественно на кыпчакской основе при участии булгарских, огузских и, в меньшей степени, сибирских и среднеазиатских элементов не ранее XV в., т. е. уже после угасания золотородной государственности.

¹⁷ Среди богатой литературы по тюркизмам «Слова» укажем основные публикации: В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? — ИАН УЛЯ АН СССР, 1947, VI, вып. 4; С. Е. Малов. Тюркизмы «Слова о полку Игореве». — Там же, 1946, вып. 2; И. А. Баскаков. Собственные имена в «Слове о полку Игореве». — «Тюркские лексические элементы в восточных и западных языках». М., 1968 (Тезисы докладов); а также комментарий П. В. Водовозова к факсимильному тексту «Слова о полку Игореве Игоря сына Святослава внука Ольгова». М., 1954.

ВЕНГЕРСКИЕ ПЛЕМЕННЫЕ НАЗВАНИЯ У БАШКИР *

I.

1. Венгерско-башкирские отношения привлекают довольно живое внимание исследователей, особенно в последнее время, начиная приблизительно с 1950 г. ¹

2. Венгерский историк Эрик Мольнар, разработавший во многих книгах и статьях вопросы древневенгерской истории, является ревностным сторонником тезиса о том, что венгры, как единый народ, в течение I тыс. н. э. жили в Башкирии ². Этот тезис он пытается последовательно обосновать при помощи исторических, языковедческих, этнографических, археологических и антропологических доводов.

3. Другого мнения придерживается Элемер Моор, также опубликовавший многочисленные труды по вопросам венгерской прαιстории. По нашему вопросу он высказывается так: «...Во всяком случае установлено, что, по крайней мере, одна группа венгров, оторвавшаяся в результате натиска печенегов (889) от основного венгерского массива, достигла Волги и что потомки ее в XIII в. были обнаружены монахом Юлианом» ³. Собственно, Элемер Моор предполагает, что эти волжские венгры идентичны с *Σαβροί* *αφ'αυτοί* Константина Багрянородного ⁴.

* Статья впервые опубликована на немецком языке в органе Венгерской Академии наук «Акта лингвистика» (Будапешт, 1966, т. 16, вып. 1—2). Перевод на русский язык выполнен С. С. Кудаш под редакцией Т. М. Гарипова и печатается здесь с согласия автора.

¹ Годом ранее (1949) в Париже появились «Заметки по истории Золотой Орды» Пеллио. Его интересующие нас выводы получили оценку в статьях Й. Переньи и Л. Лигети, которые рассматриваются ниже. Наиболее важную литературу можно найти у Гомбоца, Немета, Серебrenникова, Гарипова и Кузеева (выходные данные для краткости опущены.— Ред.).

² *A magyar nép őstörténete* (Древняя история венгерского народа). Будапешт, 1954; Эрик Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.

³ Восточноевропейские путешествия венгерских доминиканцев в 30-х годах XIII столетия не всегда правильно отображаются в литературе. Нелишне привести здесь важнейшие факты.

В старовенгерской хронике *Gesta Hungarorum* говорится, что семь племен венгров ранее жили в другой стране, в *Ungaria maior*, *Ungaria magna* (мagna «пра(родина), пра(племя)», не «великая»). Часть семи племен осталась в старой стране, преданная своим старым языческим верованиям. Около 1230 г. четыре венгерских доминиканца, среди них брат ордена Отто, отправились на поиски этой страны с целью обращения ее в христианство. На протяжении трех лет они искали эту страну. Наконец, Отто удалось встретить языческих венгров и поговорить с ними. В стране их он не был, а возвратился к ближайшим венграм, где спустя неделю скончался. Весной или летом 1235 г. четыре доминиканца, среди них брат Юлиан, снова отправились в путь, чтобы вернуть языческих венгров. В конце путешествия Юлиан остался один, но ему удалось достичь *Magna Hungaria* на Волге, по соседству с булгарами. Он провел там довольно долгое время и говорил с языческими венграми по-венгерски. 21 июня 1236 г. он отправился в обратный путь. (Даты спорны. Мне все же кажется достоверным, что Юлиан вернулся из своего первого путешествия не в конце 1235 г., а в конце 1236 г. Зиму 1235—1236 гг.— 6 месяцев — он провел у аланов). В 1237 г. четыре доминиканца снова отправились в *Magna Hungaria*, на этот раз через Русь. В это время Юлиан был в Риме. Вернувшись из Рима, он с тремя братьями по Ордену последовал за ранее отправившимися четверью, но добрался лишь до Суздаля (конец лета 1237 г.).— История путешествия Отто наряду с первым путешествием Юлиана рассказана в отчете орденского брата Рикардуса Пана; второе путешествие Юлиана описано в составленном им письме, которое было направлено епископу из Перуджи, имевшему с венграми тесные связи. См. работы Генриха Дёррне и Дьерффи Дёрдя.

⁴ «Acta Ethnographica», II (1951), стр. 124 и след.

4. Новое критическое отношение к обоим главным источникам, а именно к сообщению Рикардуса и к письму Юлиана, мы находим в публикациях Д. Сипора. Он склонен предположить, что Юлиан совершил только один уездку, которую он описал в своем письме, сообщение же Рикардуса должно быть больше продукт фантазии. Его главным доказательством является то место письма, где Юлиан говорит, что татары — по рассказу венгров-язычников — воевали с Magna Hungaria в течение четырнадцати лет и на пятнадцатом году ее завоевали. Как же Юлиан мог годом раньше в полном спокойствии разговаривать с язычниками-венграми, как это утверждает Рикардус. У Сипора башкирско-венгерский вопрос ставится в связь с венгерской древней историей, причем освещаются многочисленные отдельные вопросы. По его мнению, открытие Юлиана имеет неопределимое значение для исследования венгерской древней истории.

5. В 1961 г. Мартти Рясänen в Acta Orientalia Hungarica опубликовал статью под названием: «Имеется ли в башкирском что-либо венгерское?». После исторического обзора венгерско-башкирского вопроса Рясänen подвергает проверке «место башкирского языка внутри других тюркских языков». Вначале он подчеркивает, что башкиры не являются самыми древними жителями их сегодняшней родины. Волжские татары пришли на казанские земли только в середине XIII в. вместе с Батыем, а первое упоминание о башкирах мы находим у Ибн Фадлана (922).

Финно-угорские элементы встречаются в башкирском языке в незначительном количестве. В отношении словарного запаса и системы гласных он сходен с казанско-татарским языком.

Далее Рясänen говорит об общих изменениях звуков, в чем он усматривает доказательство исторической связи, например, в тюркских языках гласный а в первом слоге имеет склонность к лабиализации: «Возможно, что венгерский краткий губный а объясняется (дунайско-) болгарским влиянием». «В противоположность вокализму консонантизм башкирского языка своеобразен». Рассмотрим первый пример из изложенного Рясänenом материала. «Из финно-угорских языков нам известно, что венгерский аплатунный непалатализованный s развился в z>h>ç; в башкирском языке остается промежуточная ступень h. Однако явление, подобное *s>h встречается еще как в северо-монгольском бурятском, так и в северо-тунгусском ламутском языках. В якутском же языке, как и в венгерском, это явление исчезло. Могло ли это означать, что венгры во время своих скитаний шли на северный Кавказ восточнее Урала?» При помощи изложения сходных явлений далее дается характеристика башкирскому языку.

Вывод гласит: «Итак, относительно предполагаемого близкого венгерско-башкирского родства на лингвистической основе мы пришли к весьма скромным, если не к совершенно отрицательным, результатам. Все, кажется, указывает на то, что эти племена не один раз жили в более продолжительном соседстве».

6. Б. А. Серебренников⁵ опубликовал замечания по поводу выступления Рясänenа. Они содержат полезный обзор истории исследования с метками критическими замечаниями (важно то, что автор использовал малоизвестные русские источники). В рассуждения Рясänenа по отдельным вопросам внесены поправки, тем самым заложены более широкие основы для дальнейшего исследования. При этом Б. А. Серебренников пришел к следующим результатам: 1. Рассмотренные выше изменения имели место до соприкосновения венгров и камских болгар, ибо они не наблюдаются в болгарских словах, заимствованных венгерским языком, например, венг. *szakál* «борода», чув. *suxal*, тат. *sakal*. Исключением составляет изменение с>s: венг. *sereg*, древнейш. *cerig*. 2. Башкиры пришли на западно-уральские земли определено позднее, чем камские болгары и чуваша на Волгу. По этой причине непосредственное соседство венгров и башкир весьма сомнительно. Основная мас-

⁵ «К вопросу о связи башкирского языка с венгерским». Уфа, 1963. «Актуальные проблемы башкироведения». — Башкирский филиал Академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы.

са венгерского народа покинула Уральскую область, прежде чем башкиры появились здесь. 3. Однако не исключено и то, что после ухода основной массы венгерского народа на запад какая-то часть его осталась здесь. Эти остатки венгров могли дать почву для образования определенных фонетических изменений⁶, хотя эти фонетические законы ко времени соприкосновения венгров и камских булгар уже потеряли силу. 4. Возможно также, что венгры еще до соприкосновения с камскими булгарами были связаны с башкирами азиатской части Уральских гор или даже на Южном Урале.

7. Новейшую теорию пытается обосновать Йозеф Переньи⁷. Теория исходит от Й. Бромберга и утверждает, что Magna Hungaria была расположена на правом берегу Волги. Переньи сначала анализирует отчеты Плато Карпини, Бенедиктуса Полоцуса и Рубрика и приходит к выводу, что они не могут служить основанием в решении вопроса венгро-башкирской идентичности или в определении расположения Magna Hungaria.

Далее Переньи рассматривает народ *madzar*, который встречается в «Тайной истории монголов». Не подлежит сомнению, — говорит Переньи на стр. 488, — что согласно названному источнику народ с таким названием жил на Волге. Однако мадьяры и башкиры в ТИМ фигурируют отдельно. (Переньи касается также проблемы, которая возникает в связи с названием венгров в том же источнике термином *Keret* [из венг. *kiraly* «король, венгерский царь, венгры, венгерский народ»]; но это имя упоминается в ТИМ в связи с событиями 1222 г., а впервые появилось только в 1240 г. [Пеллино]. Однако, по предположению Переньи, наш текст ТИМ подвергался обработке после 1240 г. Ни Плато Карпини и ни Рубрик, по его мнению, не могли получить в Каракоруме сведения от монголов об идентичности венгров и башкир.

По-другому обстоит дело с Джувайни и Рашид-ад-Дином. Джувайни вообще не пользуется термином *madzar*, он называет как венгров на Волге, так и дунайских венгров одним именем *keler*. Рашид-ад-Дин употребляет название *madzar* только для обозначения венгров на Волге; дунайских венгров он называет *keler* (основываясь на данных тогдашней мусульманской географии он — как и Джувайни — относит к ним и башкир). Словом *keler* он называет обе страны венгров, при этом чувствует влияние ТИМ. Возможно и то, что Карпини и Рубрик в Каракоруме встречали мусульманских ученых, которым была известна давно бытующая у арабов доктрина об идентичности венгров и башкир. Итак, очевидным становится то, что для определения местонахождения Magna Hungaria мы можем пользоваться только лишь отчетом Рикардуса и письмами (так) Юлиана, далее русскими летописями.

Затем подробно анализируется путешествие Юлиана в Magna Hungaria и оттуда к дунайским венграм. Переньи отрицает мысль о том, что при поездке туда Юлиан переправился через Волгу при Саксине. Он подчеркивает важность того места, где Юлиан (т. е. Рикардус) говорит о том, что жители Булгарии — язычники. Переньи ссылается на исследования А. П. Ковалевского, согласно которым в Булгарском государстве на правом берегу Волги жили язычники, а на левом — мусульмане. Выражение «*iuxta magnum flumen Ethy*» исключает переход Юлиана через Волгу. На обратном пути Юлиан ехал не по Волге, а через Мокшу («*transiuit in Fluvio regnum Morduanorum*»), которая была расположена недалеко от Magna Hungaria (на правом берегу Волги). Из этого следует, что Magna Hungaria находилась на правом берегу Волги.

8. Ученые в Советском Союзе, разумеется и в Башкирии, также занимаются нашим вопросом. С. И. Руденко, опубликовавший⁸ еще раннее обширную монографию о башки-

⁶ Стр. 23: «По-видимому, эти остатки венгров, смешиваясь с башкирами и усваивая их язык, в известной мере повлияли на фонетику башкирского языка и явились причиной появления некоторых общих черт, которые и наблюдаются в развитии некоторых согласных в венгерском и башкирском языках».

⁷ (A) Magna Hungaria kerdéséhez (К вопросу о Magna Hungaria), 1959.

⁸ Башкиры. Опыт этнологической монографии — Записки РГО, т. 43, вып. 1—2, 1916—1925.

рах, в своей новой работе⁹ не затрагивает этого вопроса. Однако более молодое поколение знает его хорошо.

В большом сборнике по археологии и этнографии Башкирии¹⁰ мы находим об этом обширное исследование Т. М. Гарипова и Р. Г. Кузеева, которое затрагивает почти все проблемы древнебашкирского и много проблем древневенгерского, точнее древнеугорского, периодов¹¹. Авторы говорят о том, что осколки венгерского народа слились с древнетюркскими племенами, населявшими дискутируемую область не позднее конца первой половины I тыс. Этот процесс протекал очень медленно, ибо в первой половине XIII в. здесь (за Волгой) жили люди, говорившие на венгерском языке. (Юлиан: 1235—1237 и 1237—1238; стр. 337: Юлиан не упоминает башкир, так как он не дошел до них).

Далее следует критический обзор вопроса о происхождении башкир. Привлекает внимание следующее место: «...бесплодные поиски прародины башкир (чаще всего в Зауралье и Прииртышье)». Авторы подчеркивают важность кыпчакских элементов и берут в основу своих исследований вышеупомянутые суждения Й. Переньи, которые ими подробно анализируются. Далее разбираются антропологические исследования (Руденко, Липтак) и затем данные языкознания. Здесь авторы упоминают, как и во вводной части, венгерские племенные названия *Jenő*¹², *Gyarmat*¹³, *Bular*¹⁴, *Tazlar*¹⁵, *Ungar*¹⁶ и т. д., которые встречаются и в башкирском языке.

На стр. 342 рассматриваются некоторые гипотезы советского археологического исследования, согласно которым в раннебашкирском периоде образовалась угорская этническая группа на территории хакасско-минусинской котловины. «Образование этой группы начинается с конца III в. до н. э., если не считать прямых предков (угров)—тагарских диалектов (VIII—III вв. до н. э.), говоривших на угорском языке» (стр. 342а). Согласно предположениям, мне совершенно неизвестным, в середине I в. н. э. венгерские племена двинулись на Северный Алтай и далее к среднему и позднее к нижнему течению Оби и т. д. и т. п.

9. Работу известных венгерских ученых прошлого продолжает Л. Рашоньи, в ходе которой он исследует венгерские географические названия в Башкирии¹⁷. Он установил, что в венгерском языке было древнее слово *kondor* «бобр» и также *kondoros* «богатый бобрами», которое встречается как географическое название и гидроним. У башкир также можно найти название реки *Kundurus*. В Башкирии есть речка, которая называется *Bekas*, в венгерском же языке имеются гидронимы, которые содержат слово *béküs* «богатый лягушками».

10. Большинство изложенных вопросов в обсуждаемой литературе прямо или косвенно подвергалось проверке в недавно опубликованной работе Л. Лигети о назывании венгров монголами¹⁸. Лигети объясняет своеобразную форму множественного числа *TIM madzarat* (она основывается на ошибке, допущенной при письме), предполагает, что *madzar* попало в монгольский язык через куманское посредничество, подвергается анализу гласный первого слога названия, указывает на трудности, которые встречаются при объясне-

⁹ Башкиры. Историко-этнографические очерки. АН СССР, Башкирский филиал, Институт истории, языка и литературы, 1955.

¹⁰ Археология и этнография Башкирии, I. Уфа, 1962.

¹¹ Башкиро-мадьярская проблема, стр. 336—343.

¹² Древневенгерское племенное название, см. ниже.

¹³ Там же.

¹⁴ Не является племенным названием, имеет запутанную историю.

¹⁵ Из арпадского периода.

¹⁶ См. *Bular* и ниже. Сопоставление с башкирским *Ungar* невозможно, — немецкая форма *Ungar* является специфической немецкой формой, которая сводится к **ongur*.

¹⁷ *Baskirt ve Macar yurtlarındaki ortak coğrafi adlar üzerine*. Ankara, 1964.

¹⁸ *A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskir, király)*.— *Magyar Nyelv*, I.X, 1964.

нии арабской формы *madẓqār*. Далее Лигети объясняет, что название *madẓar* является часто встречающимся собственным именем у монгол, которое ими употребляется для пазвания как дунайских, так и волжских венгров. После слова *madẓar* объясняется названия *basẓird* (в ТИМ *badẓigit*). Значительная часть источников (Джувайни, Рашид-ад-Дин), как представляется, пользуется этим названием для обозначения дунайских венгров. Следует здесь подчеркнуть то, что и в персидских и латинских источниках, независимых друг от друга, этим термином называют как дунайских, так и волжских венгров. Лигети подчеркивает, что название *badẓir*, *basẓird* венгерскому языку было неизвестно. Третье название венгров, встречающееся у монголов — это *kerel* (как было сказано: *király* «король» или *kerály*, куманск. *kerel*). Лигети анализирует различные формы: *rarat* (ТИМ), *kerel* (ТИМ, письмо Гююка, Рашид-ад-Дин), *kelar* (Джувайни, Рашид-ад-Дин), *kie-lien* = *keleer* («Юань-ши») и заключает свою работу тем, что *madẓar* и *badẓir* являются древними пазваниями (IX—X вв.), *kerel*, напротив, появилось только в монгольский период.

11. Теория башкиро-венгерского родства недавно — конечно с оговоркой — была подновлена Дь. Дечи¹⁹. Его интересные мысли, сильно затрагивающие и мои выводы, я хочу продемонстрировать наглядно при помощи нескольких цитат.

Мы читаем у него (стр. 150): «Известно, что башкиры начиная с VII в. н. э. непрерывно жили вместе с тюркскими народами. С VII в. до 1236 г. они, или по меньшей мере их западная группа, составляли часть Волжско-булгарской империи. После 1236 г. башкиры попали под господство Золотой Орды; практически это означало наводнение татарскими элементами их народности...» «Существует распространенное предположение, что башкиры пришли к своему современному тюркскому языку через смену языка. Эта смена языка должна была совершиться относительно поздно, возможно лишь в XIV—XV вв. Первоначальный язык башкир, так называемый протобашкирский язык, как предполагается, должен был быть одной из форм древневенгерского языка».

«За то, что башкиры до XIV—XV вв. — в условиях самостоятельного развития — разговаривали на одной из форм древневенгерского языка, говорят следующие данные: в исследовании венгерской прантории существует явно обоснованный тезис о том, что предки венгров после распада угорской языковой общности долгое время (приблизительно с 1500 г. до н. э. по 450 г. н. э.) жили на территории нынешней «Башкирии» и граничащих с нею южнее и западнее областях. В 600 г. предки сегодняшних венгров ушли из этой области на юг или на запад; часть венгров, однако, осталась на территории нынешней Башкирии». А что касается Юлиана, то он в Башкирии встретил «— как сообщает сам — группу язычников, с которыми он мог изъясняться на родном венгерском языке. Очевидно, его собеседниками были башкиры, которые еще разговаривали на своем древнем (протобашкирском, «древневенгерском») языке». Далее Дечи упоминает сообщения мусульман, потом два венгерских названия в башкирской племенной системе (*Jenő*, *Gyarmat*). Он говорит: «При систематическом изучении материала башкирских названий можно было бы надеяться получить интересные в этом отношении выводы» (стр. 151). Далее он говорит о трудностях эскизного толкования этого вопроса, о рассмотренной выше работе Рясина, а также отмечает, что башкиры не едины по своему происхождению.

II.

12. Главный из этого комплекса вопросов основывается на факте, что у башкир имеются древневенгерские племенные названия, два из которых были и до сих пор известны:

¹⁹ Einführung in die finnisch — igrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965. (S. 149: Die Frage des Proto-Baschkirischen).

венг. *Jeno*⁵ (так в многочисленных названиях венгерских населенных пунктов), древневенг. *Jeneŋ* (Константин Багрянородный: Γεννη) — у башкир: *Йәнәй*;

венг. *Gyarmat* (также в многочисленных топонимах), древневенг. *Gyurmot*, *Gyormot*, *Gyermat* (Константин Багрянородный — γερματον) — у башкир *Юрматы*.

Теперь я хочу показать, что у башкир имеются и другие древневенгерские племенные названия, но прежде чем перейти к ним, я хочу остановиться на суждениях Л. Лигети, которые были опубликованы им недавно²⁰, о двух вышеупомянутых племенных названиях,двигающих рассмотрение этого вопроса дальше. Этот материал я не рассматривал в хронологической последовательности в связи с обзором новейшей литературы, ибо мои собственные суждения связаны с ним непосредственно.

Мне хочется также подчеркнуть, что для изучения башкирских племенных названий мы располагаем теперь новым важным источником — трудом башкирского ученого Р. Г. Кузеева²¹.

Труд Кузеева дал мне возможность обнаружить новые венгерские племенные названия у башкир и на основе вновь найденных названий пролить новый свет на важные этапы венгерской прантории (см. карту, Руденко, 1955, на стр. 49, ср. Кузеев, на стр. 46).

Сначала я хочу проанализировать два до сих пор известных племенных названия. Заметим: в первую очередь здесь речь пойдет о башкиро-венгерских отношениях. Этимология относящихся сюда племенных названий очень важна, в своем труде²² я разработал ее детально. Главную часть статьи Л. Лигети также занимает этимология этих вышеупомянутых двух племенных названий, прежде всего нас интересует вопрос: соответствуют или нет эти оба венгерских племенных названия относящимся сюда башкирским.

13. Сначала проверим название *Gyarmat*. Существуют древневенгерские формы *Gormot*, *Gurmot*, *Germat* (g=d'), а башкирская форма звучит *Юрматы*. Аплаутному венгерско-

му звуку d' < d'z' соответствует в башкирском языке звук Ү, и башкирский звук У, вероятно, сводится к венгерскому U. В башкирском языке сохранился венгерский конечный звук, в самом же венгерском языке он исчез, как все высокие гласные звуки в ауслaute.

В связи с обогащением наших знаний в области башкирского языкознания в последние десятилетия параллельная форма названия пашла безупречное объяснение; еще сорок лет тому назад она была для меня головоломкой. Это башкирское этническое название *Шурматы*, параллельная форма от *Юрматы*. При объяснении этой формы следует принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, от своего башкирского коллеги Т. М. Гарипова я получил устное объяснение, что в (современном) башкирском языке употребляется форма *Юрматы* — форма *Шурматы* является параллельной. Во-вторых, в сборнике «Башкирская диалектология — Горы юго-востока Башкирии»²³, стр. 27, в статье Н. Х. Ишбулатова «Кизильский говор» (ср. также статью С. Ф. Миржановой «Кубалякский говор», стр. 143) я нахожу, что в башкирских диалектах начальный й чередуется с ш. Таким образом, слово *йышыу* «строгать» имеет форму *шышыу* (венг. gyalu «рубанок»), *йейж* «хворост» — форму *шейж*; *йәкәл* «шкелотка» — форму *шәкәл*.

14. Точно так же бесспорным является сравнение племенных названий: венг. *Jeno*⁵ (Константин Багрянородный — Γεννη, читай *Jeneŋ*) — башк. *Йәнәй*. Л. Лигети подчеркивает, что башкирский конечный звук әй возник из бывшего венгерского eŋ (<тюркск. ey < ek), точно так же возник башкирский әй из древнетюркского eŋ (Рясänen).

²⁰ Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből. Budapest. 1963 (Штудии из области жизнеописания венгерского языка).

²¹ Очерки исторической этнографии башкир, I. Уфа, 1957, П. Митяев, материалы к толкованию башкирских этнонимов. Budapest, 1931 (на венг. яз.).

²² A honfoglaló magyarok kialakulása (Происхождение венгров в эпоху завоевания родины). Будапешт, 1930.

²³ Башкирский филиал Академии наук СССР — Институт истории, языка и литературы. Уфа, 1963.

15. Третий венгерский род, чье название сохранилось у башкир, это род *Nyék*. *Nyék* — род с несомненным венгерским названием, по значению своего названия он не старый (не древний) род, а «защитный», незначительный. Как он оказался в башкирской родовой системе? Это звучит так неправдоподобно. Но я верю в это. Решающее значение приобретает здесь положение, которое подметил также и Л. Лигети и ясно сформулировал, что эти башкирско-венгерские связи не уходят в глубь древнего периода, наоборот — по крайней мере частично — приходятся на период 1300—1500 — по моему мнению, на столетия после нападения татар. Это же ясно показывают исторические записи, на которые вкратце я буду ссылаться ниже.

Племенное название *Nyék* в венгерском языке сохранилось благодаря многочисленным названиям населенных пунктов, оно в De adm. imp. имеет форму написания *Nexy*. Значение венгерского слова *nyék* — «изгородь».

Башкирское название, с которым я сравниваю венгерское *Nyék*, звучит *Нәгман*, в русской форме *Нагман*²⁴. Это название одного поколения рода *Айыу* (*Аю*) племени *Усарган*, *Уһарган* (<*Osergen* — *Усерган*). Его окончанием является известный суффикс *-мен* (түркмен, караман): **Neki-men* в башкирском языке стало закономерно *Negi-men*, *i* в среднем слове, как и во многих других словах, исчезло.

16. Четвертое башкирское этническое название венгерского происхождения, это Юламан, название одного поколения рода *Илекай-Меңле*, который принадлежит племени *Меңле* (по-русски *Мин*) (Кузеев, вышеназв. произв., 57). Венгерская форма звучит *Gyula* (*Дюла*).

Как название *Нәгман*, и это слово имеет суффикс *-ман*. Суффикс *-ман* мы встречаем также в башкирском языке как название родового подразделения *Эптелман*, в названии одной определенно мусульманской группы народа (Jarring, An Eastern Turki — English Dialect Dictionary: a(e)bdal «a tribe of beggars»; Кузеев, 55). Этнонимы, которые связаны с исламом, у тюрков играют огромную роль. Также в Анатолии имеется одно племенное название *Abdal* (не эфталиты). Суффикс *-ман* прибавляется, как кажется, часто к чужим названиям.

По данным арабских и персидских источников (*dzula* является одним из двух главных князей Венгрии. Несколько князей из Трансильвании, несомненно, болгарского происхождения, существовали под этим названием (титолом)²⁵, княжеское родовое название *Dulo* — *Dzula* в списке болгарских князей общезвестно.

17. Пятое венгерское племенное название, которое мы находим у башкир, это *Kese*. Оно встречается в венгерском языке как название местности (приблизительно пятьдесят случаев) в виде *Kesz* (*sz* → *s*), *Keszi*, *Keszö*, *Keszü*. Все они закономерно соответствуют древневенгерскому *Keszi*; (1086), *Kesze*; (1171), *Keszü* (1156), *Keszö*, *Keszü*, *Keszü* (с закономерным развитием звуков), *Keszi* (с уменьшительным суффиксом *i*), *Kesz* (с отбрасыванием этого суффикса). Письменное изображение у Константина Багрянородного — *Kesz*.

У башкир²⁶ имеется двойное название подразделения основного рода *Табын*: *Kese-Табын*, состоящего из одиннадцати поколений. В этом названии *Kese* идентичен с венгерским *Kesz*. Как нам видно, венгерскому *Kesz*; в башкирском языке соответствует форма **Kesey* и от него исходит путем отбрасывания конечного звука форма *Kese*. Исчезновение конечного *-й* мы наблюдаем также в башкирском племенном названии *Гере* «Гирей» (Кузеев, та же работа, 56) и *Кары-Кыпсак* ~ *Карый-Кыпсак* (там же, 51).

18. Название ведущего рода в венгерском языке имеет две формы: *Magyar* и *Megyer*. Первая форма в большинстве случаев используется для обозначения венгерского народа,

²⁴ Кузеев, стр. 49.

²⁵ Szabolcs de Vajay: Südostforschungen (München), XXI 1 (1962), 50.

²⁶ Кузеев, стр. 52.

вторая — в настоящее время употребляется в названиях местности; первое название имеет древневенгерскую форму *mogyeri*, второе название у Константина Багрянородного имеет написание Μεγυρη (= *Megyeri*); они являются вариантами одного и того же названия. Оба варианта мы наблюдаем в древней России.

В памятнике из Шатска (юго-восточнее Рязани; 1539) название *Mogyeri* встречается в форме *можерян*, вместе с названием башкир и в соседних территориях: в старых Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской губерниях мы находим многочисленные названия местностей *Мо(а)жар*, *Можарка* и т. д. Это явление следует расценивать точно так же, как названия населенных пунктов в Венгрии, т. е. они являются названием местностей, куда переселялись племена, оторванные от основного рода *Magyar*.

Название *можерян* в указанном документе встречается вместе с тарханами и башкирами. Итак, название народности и название рода *mogyeri*—*megyeri* у башкир также были известны. Перечисленные группы жили в Темниково. Темниково расположено в 700 км западнее *Magna Hungaria*, но *можеряне* упоминаются здесь вместе с башкирами.

Более значительную роль играет название *Megyery*. Оно в Советском Союзе известно по сегодняшней день как название народности, а именно, в форме *мише(а)р* (разновидность татар). У Н. А. Баскакова²⁷ в описании татарских диалектов мы читаем: «(Вторую группу татарских диалектов образует) западный или мишарский диалект, диалект татарского населения, которое, за малым исключением, живет за пределами татарской республики в районах Горького, Тамбова, Воронежа, Рязани, Пензы, Ульяновска, Куйбышева, Саратова, Оренбурга и также в Мордовской и Башкирской республиках, т. е. диалект татар — мишар или *мещеряков* (приблизительно 300 000 чел.). Хорошей монографии о *мещеряках* нет, однако в литературе они упоминаются многократно; существует даже мнение особенно в Советском Союзе, о том, что они являются предками венгров. Этим вопросом я занимался, но раньше не мог объяснить формы названия *мишер*, *мижер*, *мишар*, *мижар* и отделил их от названия *magyar*. Теперь я вижу, что эти формы являются совершенно закономерными эквивалентами названия *magyar*. Мы должны исходить из вышеупомянутого варианта *megyery*: *mogyeri* появляется в форме *mozeri*, *megyery* в форме *mezeri* и из *megeri* получается *miz(s)er* и *misar* на основе кыпчакской тенденции развития $e \rightarrow e \rightarrow \acute{e} \rightarrow \acute{e} \rightarrow i \rightarrow e \rightarrow i \rightarrow a$ ²⁸. (*giray*, *kirman*, etc.). Итак, исследователи, утверждающие происхождение *misar* из *magyar*, (т. е. *megyery*), правы²⁹.

Исходя из исторической точки зрения при анализе этого названия сравним специальный случай. *Нэйман*, *Юламан*, *Юрматы*, *Инэй*, *Кесе* являются названиями подразделений башкир. *Мишер* встречается в башкирской родовой системе, а именно в роде *Юрматы* мы находим племенное подразделение *Мишар-Юрматы*³⁰ (без поколений), но это не дает еще право предположить, что происхождение *мещеряков* в общем берет начало из этого башкирского племенного подразделения. Здесь должны быть учтены еще другие факторы, другие обстоятельства, которые мне неизвестны (также еще не ясно и то, все ли названия, содержащие в своем составе элемент *можар*, связаны с венгерскими племенами в Башкирии).

III.

19. К этим разъяснениям необходимо добавить некоторые немаловажные замечания. В первую очередь о том, как обстоит дело в настоящее время с вопросом о происхождении этих названий.

²⁷ «Тюркские языки», стр. 159.

²⁸ См. мои работы: «Zu den E-Lauten im Türkischen». Helsinki, 1964 и «Kereit, Kerey, Giray», UAI, 1964.

²⁹ Г. В. Юсупов (Введение в болгарско-татарскую эпиграфику) и др.

³⁰ Кузеев, стр. 51.

Начнем со слова *Gyarmat*, которое мы рассмотрели первым. Откуда происходит это название? Мною доказано, что имеется группа названий тюркских племен и народностей, которые указывают на силу, мощь, храбрость народа, рода. На основе этого положения я сделал следующие сопоставления:

венг. *Gyermatu* (*gy=d'*) ~ *Gyormot* ~ *Gyurmot* ~ *Gyürmat* ~ *Gyarmat*;
тюрк. *йор*—«устанавливать»³¹; *маты* древнетюркский герундий (деепричастие), первоначально, безусловно, причастие, т. е. **йорматы* «неутомимый».

Для подобного сравнения я не мог найти обоснованные доказательства в течение прошлых сорока лет. Более вероятным кажется, что гласный звук первого слога а. Тюркское *йор* «устанавливать», вероятно, основывается на неправильном толковании Радлова (значение тюркского слова *йор*—«делать усталым») и что нам известно о суффиксе-*маты*, не подтверждающая мою старую гипотезу (-*маты* первоначально не было причастием). Я принимаю все вышеупомянутые возражения Лигети и разделяю его вывод: «Какая бы не была этимология слова *Gyarmat*, очень вероятно то, что его следует искать в тюркском языке. Ис-

ходя из данного звонкого *gy<dz*, мы можем с достаточным основанием предположить, что название происходит из того же тюркского языка с чувашским отпечатком, из которого происходят остальные наши заимствованные из древнетюркского языка слова со звонким *gy*».

Вполне допустимо предположение формы *йорматы* или *йарматы* (прошедшее время — претеритум), но семантическая сторона не ясна.

20. Племенное название *Jenö* я объяснил следующим образом: венг. *Jézok* (Константин) = *Jeneč* > *Jeneš* > *Jenö*.

В тюркском имеется гнездо слов: сагайск. *ына*—«сказать, желать», *ынан*—«желать, хотеть, верить, доверять» и т. д.; чагатайск. и др. *ынак* «министр, доверенный»; с и в первом слоге: тур. *inan* «*croynance*», *inan-croire*, *inaq* «*conseillers*», *inandz* «*digne de foi, sur*» (по Сами Бюю; в уйгурском также обозначение сословия, ранга, чина) и т. д. В уйгурских языковых памятниках Радлова — Малова (номер 72) имеется *Иник*, которое по звучанию точно соответствует венгерскому *Jenö*.

Звук *y* в начале слова считается закономерным, это поддерживается с полным основанием и Лигети. Здесь нет нужды говорить о том, что в древнетюркском языке имеется много племенных названий, обозначающих сан («род министра», «министр»); ср. особенно печенежские племенные названия; из венгерских племенных названий сюда относятся также *Tarjan* «род Таркана» и *Gyula* «род (князя) Дюльы».

Не следует упускать из виду и то, что *Jenö* в родовой системе стоит после *Tarjan* — другого племенного названия, возникшего для обозначения чина.

21. Племенное название *Nyék* финно-угорского происхождения, означает с самого начала «пограничное сооружение», «племя для охраны границы» и название второго рода (Константин); первый же род является родом недавно присоединившихся каваров, о котором царь говорит, что он (род) первым вступает в бой (т. е. обязан первым вступить в бой).

Значение венгерского слова *Nyék* и его существование в венгерскую старину — как я это излагал ранее — находились под некоторым сомнением. В последнее время они исчезли. Этому способствовали в первую очередь мысли, изложенные Д. Паишем (1953). К. Редей ищет этимологию слова в финно-угорском языке, он сравнивает его с вогульским *neč* «связывать» и т. д. (ср. венг. *Sövény* «забор» из *söz*—«плести»). Ср. также Gy. Györfly: *Az A'rpád-kori Magyarországn történeti földrajza* (Историческая география Венгрии в Ариадский период, 1963, стр. 647).

³¹ Р а д л о в, III, 421 — ошибочно под *юр*—«толковать».

22. Род *Gyula* (~башк. Юла-ман) не значится среди 7 или 8 венгерских родов царя Константина. Я также не включил его в список венгерских родов. Теперь нет сомнения в том, что он существовал, в родовой системе у него было специальное место.

По арабским данным из девятого столетия *Gyula* является одним из двух главных князей Венгрии, настоящим государем. Константин в Хв. говорит о том, что у них кроме Арпада есть еще два князя $\tau\omicron\upsilon\ \tau\epsilon\ \tau\acute{\upsilon}\lambda\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\alpha\rho\alpha\lambda$, которые занимали должности судей.

В этом веке в Трансильвании появляются два могучих князя с именами (точнее с титулами) *Gyula*, и в последующие периоды мужи с такими именами играли видную политическую роль. Народ князя *Gyula* составлял род *Gyula*.

Название *Gyula* мы находим приблизительно в 30 названиях местности, точно так же, как названия родов *Hét Magyar**: *Nyék*, *Megyér* и т. д. Однако при упоминании имени *Gyula* мы обнаруживали такие явления, которых не наблюдаем у членов племенной системы *Hét Magyar*. Принципиально решающими в данном случае являются рассуждения, которые мы находим у Д. Паша. Он подчеркивает, что венгерские племенные названия не употреблялись в качестве имен собственных (и на этой основе он указывает на то, что собственное имя *Nichu(u)* (1165) связано не с племенным названием *Nyék*, а с попом *appellativum nyék* «изгородь, забор, пограничное сооружение»).

Совершенно по-другому обстоит дело с названием местностей, которые содержат должностное звание *Gyula*. Среди них имеются в большом количестве такие названия, как *Gyulafalva* «деревня Дьюль», *Gyulatelke* «имение Дьюль», *Gyulakut(u)* «ключ (источник) Дьюль», *Gyulamostora* «собор Дьюль», *Gyulahaza* «дом Дьюль», *Gyulavölgye* «долина Дьюль». У племен *Hét Magyar* таких названий мы не находим. Здесь при названии *Gyula* речь идет о собственном имени, или о должностном звании *Gyula*, или о народе, о населенных пунктах *Gyula*. Семья *Gyulafi* (fi «сын») встречается уже в XIII в.: ее неизменным владением (местом обитания) является позднее *Gyula-Keszi*. Встречаются также названия поселений, произведенных от *Gyula*: *Gyulás*, *Gyuláj*, *Gyulád*. В Молдавии также было место под названием *Gyula*.

В этих названиях поселений мы имеем дело с народом княжеского рода *Gyula*, который в родовой системе *Hét Magyar* занимал особое положение. Подобные явления нередки также и в тюркских родовых системах. Случается и так, что князь со своим «народом» находится (оказывается) вне традиционной родовой системы. Остается сожалеть о том, что наши знания по истории князей «*Gyula*» у венгров находятся не на более высоком уровне — вышеразобранные данные довольно ясно говорят за себя.

Как известно, название *Gyula* мы встречаем в венгерской древности и в форме *Jula* имело в самый древний период. Здесь нет ничего общего с изменением звуков под венгерским влиянием: в булгаро-тюркском языке (диалекте) времен завоевания отчужды названия звучало как *Dzula* и в небулгарских диалектах — как *Jula*. Это название мы находим также у булгар и печенегов.

В списке булгарских князей древний княжеский род называется *Dulo*, которое сводится к *Dzula*, точно так же, как *dilom* «зменный (год)» к *džēlum*. Название булгарских князей в Трансильвании *Gyula* < *Dzula* нельзя отделить от названия булгарского княжеского рода *Dulo* < *Dzula*.

Второй компонент печенежских племенных названий состоит из названий должностей (чинов): *Cur*, *Jula*, *Bej*, *Baj*, *Tolmac*, *Kaban*, *Čoban*. В то время, как историческая связь венгерского *Gyula* и булгарского *Dulo* более чем очевидна, мне думается, что печенежское племенное название *Jula* исторически не связано с венгеро-булгарским названием, несмотря

* «Семь венгров»: старое название семи племен венгров, см. § 24

на то, что все три названия образованы по одному и тому же правилу присвоения названия И последнее, эти названия сводятся к тюркскому слову *yul* «факел, свет».

Интересно то, что башкирское *Юламан* сохранило венгерское *U*. (Ср. выше пункт 13 о племенном названии *Юрматы*). Это говорит о том, что оно башкирами заимствовано не в древний период, в таком случае оно звучало бы *Йол(о)ман*. Башкирские племенные названия *Юныс* <араб. *Junus* и *Нурай* <монг. *Nogai* также образованы без смещения татарско-башкирских гласных (Кузеев, 49, 57; названия 13 в.).

23. О названии *Keszó*, о названии последнего рода я ничего не могу добавить. Старая форма звучит *Kesev* — это тюркское слово со значением «остатки (известного рода)».

24. Теперь рассмотрим исторические данные о башкиро-венгерских отношениях³². а) На первом плане стоит венгерская традиция, которая обстоятельно разработана Гомбоцем. Доминиканец Рикардус, составивший отчет о поездке Отто и Юлиана, пишет: «Invenit fuit in Gestis Ungarorum christianorum, quod esset alia Ungaria Maior, et qua septem duces³³ cum populis suis egressi fuerant, ut habitandi querebant sibi locum...».

в) Арабские и персидские географы — среди них первоклассные источники — знают в IX в. о двух землях венгров. Одна находится рядом или в самой Башкирии, другая — у Черного моря, т. е. на Дунае. Они называют венгров *modzgar*, *basdzird*, *badzgard*, *basqird*.

с) Венгерский доминиканец Отто в начале 30-х годов XIII в. где-то в Восточной Европе разговаривал с людьми из Прародины определенно на венгерском языке. Спустя несколько лет другой доминиканец, Юлиан, нашел родину венгров-язычников «Magna Ungaria» недалеко от волжских болгар, непродолжительное время жил здесь и привез некоторые данные о венграх-язычниках. Они понимали его венгерский язык хорошо.

д) Источники монгольского периода в первой половине XIII в., как и мусульманские, знают о двух группах венгров: живущую недалеко от волжских болгар и живущую на Дунае (см. вышерассмотренные труды И. Перены и Г. Лигети).

25. Таким образом, «Magna Ungaria» фактически является прародиной венгров и преждее предположение Мункачи³⁴ не следует считать состоятельным; согласно последнему, башкиро-венгерские связи объяснялись следующим образом: оторвавшаяся часть венгров в древний период вместе с болгарскими племенами из района Кавказа пришла на Волгу.

Теперь я представляю себе основные черты прαιстории венгров следующим образом.

1. Венгерский переселенец из угорской прародины на юг, в область Magna Hungaria, которая была расположена недалеко от угорской прародины.

2. Я считаю возможным то, что древние венгерские племена поселились приблизительно в областях, где в настоящее время можно обнаружить их остатки, т. е. в западной части Башкирии. Расположение этих остатков дает довольно единую линию — и это во многих отношениях важный факт. Еще Лигети писал: «Достоинным внимания является периферийное западное расположение племен Юрматы и Йонэй».

Возможно, что отдельные группы венгров жили на правом берегу Волги и Юлиан в самом деле не переправлялся через Волгу.

3. Magna Hungaria была расположена по близкому соседству с Волжско-булгарским царством. Здесь в V в. началось языковое, следовательно и культурное, воздействие болгар на венгров, которое потом продолжалось и в Донско-Кавказской области. Здесь и образовалась родовая федерация *Hét Magyar* под болгарским влиянием. В этом вопросе решающим фактором является то обстоятельство, что венгерские племенные названия тюркского происхождения имеют болгарские признаки. *Gyarmut*: начальн. *gy*: *Jeno*, *Keszó*: булг. -k <

³² См.: «Beiträge zur historischen Geographie». Leipzig u. Wien, 1929.

³³ Венг. *Hét Magyar* «семь венгров; венгерский народ, состоящий из семи родов», название народа как *Toqiz Oguz*, *Uç Qurqan* и т. д.

³⁴ Ср. выше мнения Рясняна и Серебрянникова.

А-г> ;> w> и, ü и т. д. — это изменение в силу исторических причин не может быть кыпчакским.

4. Были времена, когда венгры в Magna Hungaria принадлежали к родовой федерации волжских булгар, об этом я говорил уже в предыдущем пункте. Об этом у нас имеются и исторические записи. Аль Балхи и его последователи пишут: «Они (венгры Magna Hungaria) являются подданными булгар». По Рубруку, башкиры были подданными мусульманских волжских булгар.

5. Относительно башкиро-венгерских связей мы можем сказать следующее.

Башкиры, принадлежавшие к кыпчакской ветви тюрков, ушли из своей сибирской прародины в область Magna Hungaria гораздо позднее, после IX в., в то время как Hét Magyar уже давно переселились на юг, в Dentümogyer. Я обращаю внимание читателя на мнения Ясянена, Серебрянникова и Лигети.

Когда венгры полностью слились с башкирами, когда исчез в Башкирии венгерский язык? В XIII в. в Magna Hungaria еще говорили на венгерском языке, — как долго длилось это положение в монгольский период? Несколько десятилетий? Несколько столетий? Когда исчезло большинство венгров, как долго продолжалось состояние, когда более крупные или более мелкие группы венгров, несколько племен, несколько семей еще говорили на венгерском языке? Может быть, вплоть до XVII в. Для решения этого вопроса нет от правных опорных точек.

6. Неизвестно происхождение слова *башкорт*, которым башкиры именуют себя. Если его сравнить с русским словом *башкир*, то получается, что т в слове *башкорт* носит характер суффикса. Оно является венгерским уменьшительным суффиксом или первоначальным компонентом названия, которое воспринималось венграми как уменьшительный суффикс и было отброшено; потом венгры перенесли его на запад, и без т оно стало употребляться и в русском языке или т исчез в русском? — все это не ясно.

Форма *байджирд* и т. д., которой мусульманские источники называют венгров, является комбинацией названий *башкурт* и *моджеру*.

7. Мы не располагаем материалом для того, чтобы ответить на вопрос о том, прижились ли тюркские народные элементы у венгров в Magna Hungaria (или в другом месте), если да, то в каком количестве, именно какие элементы. Первый род венгров, кавары, являются тюрками, но они присоединились к венграм в поздний период, в Dentümogyer. Финно-угорское название *Nyék* ничего не говорит в пользу его этнического характера; ведущий род *Magyar* финно-угорского происхождения, без сомнения, говорил на венгерском языке, но он содержит в то же время и тюркские элементы; двойной корень *Kürt* по-тюркски *kürt* «снежный сугроб», обычный тип тюркских племенных названий, обозначает непобедимость рода) + *Gyarmat* (вполне возможно тюркское название);

Tarjan и *Jeno* — это роды должностных лиц, их этническая сторона также не известна; название *Kér*, безусловно, тюркское, несомненно, тюркское и название последнего рода

Keszo (тюрк. *kesek* «часть» одного какого-то более крупного рода). Внося соответствующие изменения, мы должны понимать это как переселенческие явления арпадского периода: присоединение куманов (целая народность, новый большой род), аланов (ясов, в большом количестве), печенегов (в большом количестве), тюркобулгар, западные поселения и пришельцы; сюда же относятся также славяне и другие народы, жившие в Венгрии до завоевания страны.

8. Нам неизвестно также, когда венгры покинули свою прародину. В 30-е годы IX в. они сражались в нижнем течении Дуная, но возможно и то, что они были в Донской области, в Dentümogyer раньше, в течение десятилетий или даже целого столетия.

У Лигети мы читаем (указ. работа, стр. 238): «После серьезного размышления я пришел к выводу, что отделение племен, ушедших на запад, от оставшихся на Востоке народных групп едва ли могло произойти раньше первой трети 9 столетия».

9. Венгры из *Magna Hungaria* ушли в *Dentümogyer* на донские земли. По-моему, название *Dentümogyer* достоверно, как достоверны в венгерском языке заимствованные слова из осетинского и персидского языков, как очевидна тесная связь с хазарами (Константин Багрянородный; фактически три года?), как достоверны южные венглы-тюркские заимствования в венгерском языке, как правдоподобно название *onogur >ovjpoi* венг. *nindor* «булгарский» <*onogundur*, как и западно-кавказская родина оногуров. Вероятно, можно объяснить имя князя из Кубанской области *Мовзүрiс*, исходя из названия венгров *mogyeri*.

IV.

26. Венгерская прародина, определенная таким образом, на мой взгляд, является прочной отправной точкой в нашем исследовании пранстории, между тем как много прежних теорий, в том числе и те, которые я раньше отстаивал, оказались ошибочными.

Выше я уже упомянул теорию Мункачи, согласно которой венгры в *Magna Hungaria* пришли из Кавказской области.

Теория о западносибирской родине венгров, научно доказывавшаяся Виклундом, ныне также подлежит опровержению. Во второй половине I тыс. н. э. венгров в Азию не было.

От своей старой теории о соприкосновении волжских болгар с венграми Гомбоц не должен был бы отказываться. Южные болгаро-венгерские контакты в *Dentümogyer*, и в Кавказской области, очень важны, но контакты начались в *Magna Hungaria* в пределах Волжско-булгарской империи, и при разборе сущности вопроса в его труде *Bulg.-türk Lehnwörter* Гомбоц нашел правильное зерно.

Дело шло бы очень далеко, и это было бы бесполезно, если бы старая литература здесь подвергалась разбору во всех деталях, т. е. и систематическому и критическому анализу с целью показа, что в ней соответствует моим вышеупомянутым суждениям и что противоречит им. Свое мнение в главных чертах я изложил и этим самым показал также в целом свою позицию относительно более старой литературы.

27. Мы старались выше доказать, что шесть или семь венгерских племенных названий у башкир показывают на *Magna Hungaria*. Дает ли это нам право делать далеко идущие выводы, как я попытался сделать выше? — этот вопрос естественно возникает. Я думаю, что мы имеем на это основание. Здесь немного севернее (совсем незначительно севернее) расположена финно-угорская или угорская прародина, по непосредственному соседству живут волжские болгары, здесь имеется положительная возможность для языкового и культурного влияния болгар, возможность для образования болгаро-тюркской родовой системы; сюда переносится венгерская традиция прародины, здесь Юлиан встретил народ, говорящий на венгерском языке, здесь исторические источники говорят о северной венгерской земле — и здесь можно встретить большинство венгерских племенных названий с болгарскими отпечатками.

РЕЗЮМЕ

Вопрос о древних связях башкир и венгров уже два столетия является предметом научных исследований. Автор подробно рассматривает литературу последних 15 лет (труды Э. Мольяра, Э. Моора, Д. Синора, М. Рясянена, Б. А. Серебrenникова, И. Перены, Т. М. Гарипова, Р. Г. Кузеева, Л. Рашоньи, Л. Лигети и Ю. Дечи), затем приступает к исследованию венгерских племенных названий в Башкирии.

Выдающийся венгерский историк Ю. Паулер уже более полувека тому назад установил, что венгерские племенные названия *Gyarmat* и *Jeno* в форме *Юрматы* и *Янож* встречаются и у башкир. В 1957 г. башкирский ученый Р. Г. Кузеев опубликовал примерно 400, частью до сих пор неизвестных, родовых названий. Используя этот новый материал, автор доказывает, что у башкир также встречаются племенные названия *Nyék*, *Megyger* и *Keszi*

Назман, Мишар, Кесе). Встречается даже племенное название *Gyula* (*Юламан*) и в одной старой русской грамоте вместе с башкирами упоминается название *Magyar* (*Можери*). Таким образом, прародниой венгров следует считать Башкирию, на что указывают и исторические источники.

Однако между венграми и башкирами нет никаких языковых связей. Речь идет только о том, что венгры, оставшиеся на прародине, в последующие за татарским нашествием столетия ассимилировались с тюркоязычными башкирами, переселившимися сюда. Монах Юлиан в 1236 г., находясь в Башкирии, еще встречал людей, говоривших на венгерском языке. В научных исследованиях по древней истории венгров необходимо опираться на гипотезу венгерской прародины в Башкирии.

К. И. ПЕТРОВ
(Фрунзе)

**ОБ ОБЩНОСТИ УРАЛО-АЛТАЙСКИХ,
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ**

В науке известны попытки сопоставления отдельных элементов в языках разных семей. В данной статье рассматривается в основном вопрос о родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими как частный случай проявления языковой общности homo sapiens — «разумного человека». Для доказательства привлекаются примеры из языков, наиболее отдаленных классификационно, территориально и хронологически, исключаящие взаимозаимствования. Оперирование многими, но разными корнями пока преждевременно, хотя у автора есть возможность. Этот метод, прибегая к многочисленным фактам, нередко затрудняет показ закономерностей фонетико-морфологическо-семантической структуры. Поэтому мною привлекаются здесь в основном два корня. Их модели в упрощенной транскрипции: Ц^hА^hР^h и Ц^hА^hМБ^h или Ц^hА^hР^h и Ц^hА^hМБ^h. По рабочей гипотезе, пояснение законам вариаций производных форм этих корней следующее.

Неразвитые органы речи формировавшегося homo sapiens произносили диффузные звуки, в их числе рано освоенные зубные с гортанно-губной окраской типа Ц^h (в современных, например, кавказских языках, развиты до типов Ч1В, Ц1, ШВ — абаз. и др.). Членораздельная речь формировалась удвоенным близкочастотными и затем разнокачественных диффузных согласных, между которыми развивался диффузно-индифферентный гласный типа А, выполнявший первоначально в значительной мере артикуляционные функции.

Начальный диффузный согласный, будучи неустойчивым (начальное положение и следующая гласная), развивался в соответствовавшие компонентам звуки: Ц^h > ЦХ ~ ~ ЦВ ~ ХВ. ЦХ при преобладании зубного компонента развивался Ц^h > Т^h/Д^h ~ Т^h/Д^h... Т^h Д^h ~ Й ~ НОЛЬ или Ц^h > С^h З^h ~ С.З ~ Ш.Ж... Преобладание гортанного компонента ЧХ давало разные качества гортанных и язычных Х ~ К ~ Г, а при последующем ослаблении h > ноль. Ц^h при преобладании Ц^h > Т^h Д^h ~ Т^h ду или С^h ~ С^h... З^h...; при преобладании ЧВ > разные качества губных согласных до W > гласный У 0... KB > К^h, гортанно-язычно-огубленные: *W соответствующие губные, оформленные призвуками прдыхательно-гортанно-язычности. Таковы объяснения соответствий начального зубного, гортанного, губного и нулевого согласных.

Примеры: *цхар* — баран (груз.), *сквер* (мегр.), *цхур* (чан.), *swar* (акк.), *траг-ос* — козел, *серг-ос* (греч.), *серке* — козел (туркм.), *hirc-us* (лат.), *хэрхэ* (монг.), *харик* (башк.).

Аналогично *dhaṛā* — земля (санскр.), *дьер* (алт.) *мур*. (эвенк.), *terra* (лат.), *сер* (чув.), *жир* (тюрк.); *Хора* — земля (греч.), *хир* — поле, нива (чув.), но *kuerra* — поле, местность (хетт.).

Формы числительного «семь»: *икит* (мегр.), *икит* (чан.), *ивид* (груз.), *that* (вьет.), *двети*, *двете* (алт.), *жетти* (кирг.), *сэттэ* (якут.), *чите* (хак.) *сам* (хинди), *сити* (япон.), *sitta* (хурр., хетт.), по *hét* (венгр.). Или: *Sangu-is* — кровь (лат.), *канг* (тюрк., монг.), *ханэ* (эвенк.), *кхун* (хинди), *каий* (араб.); аналогично формам числительного «сорок» (слав.), но *хырых*, *кырк* (тюрк.) и др.

Преобладание огубленности W>Б П...: *серке* — козел (кирг.), *барх* — барашек (курд.), *birka* (венгр.), *мэрха* (хинди), *мар* (пенецк.) и др.

Примеры утраты начального согласного: h-ноль: *hirc-us*, *irc-us* — козел (лат.), *һэрхэ* (бур.-монг.), *эрк-э* — козел, *ирк* — баран (кирг.) и др.; фрикативность ~Й-ноль:

джер, *йер*, *әр* — земля (тюрк.), *кыр* — поле (тат.), *аро* — стена (фин.); *йете*, *ете* — семь (башк.), *ете* (ног.).

Начальный диффузный согласный, как правило, не поддавался «внутренней» огласовке — растяжению типа Ц^h>цä-хä-вä. В языках, где не получили широкого развития прикорневые аффиксы и на него падала звуко-семантическая нагрузка, его компоненты более устойчивы. Во флективных языках нередко происходило сохранение двух компонентов, в агглютинативных урало-алтайских — обычно одного.

Развитие второго диффузного согласного, на который падала основная звуко-семантическая нагрузка, (именуется «коренным»), шло, напротив, по линии его внутренней и внешней вокализации (нашнем примере Р^h>рä-хä-вä), что привело со временем к разным вариациям огласовки от нуля до полногласия. Примеры: *серг-ос* — козел (греч.), *серх* (монг.), *серке* (кирг.), *zirgu* (акк.), *hirc-us* (лат.) — нулевая внутренняя огласовка Р^h; *һарык* (башк.) — внутренняя огласовка; *мэрха* (хинди), *мурэкэ* (эвенк.) — внешняя, внутренняя + внешняя огла-совки; *һирв* (эст.), *харуф* (араб.), *корова* (слав.) — нулевая, внутренняя и внешняя огласовки Р^h. Развитые из диффузности гортанные (язычные) и губные звуки, «оторвавшись» при вокализации от коренного согласного, стали функционировать в разных языках в качестве аффиксов — показателей рода прилагательных, имен действия и пр. Качество вокализации диффузного коренного согласного и гласного самого корня находилось во взаимозависимости. Качество коренного гласного до нуля (в урало-алтайских последнего нет) первоначально определялось согласными, включая реализацию в нем диффузных компонентов начального согласного.

Первоначальные «истинные» прикорневые аффиксы были общими в большинстве упоминаемых далее языков: Ц^h>Т^h/С^h, М^h, НГ^h, Л^h, Р^h и др. h — компонент мог ослабевать до нуля или происходила его вокализация Л^h>läхä, Р^h>рäх(ä). Примеры: *ум-из*, *ом-уз* — плечо (узб., туркм.), *ом-ос* — плечо (греч.); *тем-ле* — окучивать (башк.) *тум-ул-ус* — бугор (лат.), *туб-ыр* — шишка, *бугор* (башк.), *туб-ер* — шишка, *бугор* (лат.), *кум-лэ* — «охапка» (эвенк.), *кум-ул-ус* — копка, груди, *кум-уло* — нагромождать (лат.) и т. д.

Наиболее вероятная модель корня языковой общности *homo sapiens* была: диффузный согласный + гласный + диффузный согласный. Начальный согласный подвергался указанному развитию, второй (коренной) оставался в пределах основной качественности с нередкой утратой одного или обоих компонентов диффузности hw. Каждому качеству его, оформлявшемуся на определенном этапе развития органов речи, соответствует своя лексика-семантика, отражавшая уровень развития мышления. В числе других позднее освоенных звуков был, вероятно, Р. Во многих языках нет Р начального или обнаруживается его исконная незначительность. Но период его освоения — наиболее продуктивен в развитии речи. Лексика на Р-коренной в урало-алтайско-индоевропейской общности и некоторых других составляет 20—30% (кстати, деления на Р-языки и Л-языки, как и на satem и Centum, неправомерны). Таковы общие, безусловно несколько упрощенные, закономерности развития речи *homo sapiens*, позволяющие понять вариации 2-х приводимых далее корней.

Корень Ц^h "ÄР^h", обозначающий парнокопытное рогатое животное, чаще среднее и мелкое, имеет следующие варианты. С начальными диффузными согласными: *цхвар* — баран, овца (груз.), *сквер* — олень (мегр.), *(м)сквер*, *(п)сквер* — олень (чан.), *(м)цхур*, *(м)шхур* — бык (чан.), *шхär* — бык (сван.), *шварэх* — олень, лап (абаз.), *swar* — бык (акк.), *дзур* —

коза дикая, косуля (монг.). Начальные зубные Ц>Т С.3: *turahu* — козел горный (акк.), *траг-ос* — козел *доркас* — газель, (греч.), *тариг* — ягненок (груз.), *тураг* — изюбр (бур.-манг), *тур* — бык дикий (слав.), *туруи* — скот домашний (араб.), *тур-тис* — *кабарга* (эвенк.); *серх* — козел кастрированный (монг.), *сурах*, *сорх* — овца (чув.), *серке* — козел (туркм., кирг.), *серка* — козел (узб.), *сүрок* — собирает. название крупн. рогатого скота (кирг.), *серг-ос* — олень, лань (греч.), *саркс* — мясо (греч.), *серем-ос* — олень (критомикелский), *sef* — олень (франц.), *сырэй*, *сырця*, *сырыля* — важенка оленья (нен.), *suru* — бык (акк.), *ширу*, *сиру* — самец оленя (эвенк.), *серна* — коза горная (индоевроп.), *zigu* — овца, ягненок (акк.), *zaf* — баран (протохатт., хетт.), *дзур* — коза (монг.), *зурэ(н)* — сайга (бур.-монг.), *зари* — олень (бур.-монг.), *чар* — бык (туба-кижи). Начальные гортанные, задне-средне-переднеязычные: *herxэ* — козел (монг.), *hirc-us* — козел (лат.), *харык* — овца (башк.), *her'як* — овца (курд.), *här-kä* — бычок (фин.), *härq* — бык (эст.) *хир* — бык (груз.), *хурга(н)* — ягненок (монг.), *хураган* — ягненок (хак), *hircv* — косуля (эст.), *харуф* — ягненок, барашек (араб.), *heorf* — олень (англо-сакс.), *хиру* — олень-самец (эвенк.), *hiruzh* (др. верхн.-нем.), *hirsch* — олень (нижн.-нем.), *харин*-лань, *хиран*-олень (хинди), *херскн* — серна (сван.); *куркан* — ягненок (эвенк.), *каркур*-ягненок (араб.), *сержа*, *сержа* — олень (лат.), *крава*, *кагве* — корова (ст. слав., литов.), *kravis* — бык (прусск.), *крав* — ягненок (груз.), *кириб*, *кариб* — ягненок (мегр.), *сраве* — ягненок (фр. — бейрнский), *корбо* — олень-самец (эвенк.), *kerbo* — бык, буйвол (инд.), *кари'*, *кура'* — баранья нога, *карраз* — баран (араб.), *корай*, *корей* — коза дикая (эвенк.), *кагја* — стадо скота (фин.), *кбри*, *кбр* — лань, олень (коми), *керри*, *кирри* — ягненок, ягнята (акк.), *кар* — козленок (курд.), *кри-ос* — баран (греч.), *кариса* — ягненок (фин.), *карн-ос* — овца (греч.), *саро*, *карнис* — мясо (лат.), *куралай* — коза горная (кирг.), *керва* — овца (сирийск.), *гербичэн* — самец оленя (эвенк.), *гур* — самец косули (монг.). Начальные губные: *барих-ос* — баран (греч.), *бэрх* — барашек, ягненок (курд.), *вiтка* — баран, овца (венгр.), *борекса* — баранья шкура (эвенк.), *боркочор* — козел горный (кирг.), *врав* — баран клadenый, собирательное название коз и овец (слов.), *бравэ*-собирательное название овец и коз (ст. слав.), *варом* — скот, скотин (венгр.), *берр* — овца, скот (албан.), *боре* — баран (эвенк.), *беру* — овца (эвенк.), *бари-он* — овца (греч.), *баран* — самец овцы (русск.), *борлон* — козленок (монг.), *беруткан* — ягненок (эвенк.), *пирв*, *пур* — корова (сван., груз.), *рого* — олень домашний (фин.), *празэ* — баран (ст. слав.), *пороз* — баран (др. русск.), *фаркад* — теленок (араб.), *мэрха* — баран, *мриг* — антилопа (хинди), *мар'* — самец оленя (немецк.), *муржэ* — самка оленя (эвенк.), *марал* — олень, лань (тюрко-монг.). Начальный Й: *йбра* — лось (коми), *йерскен* — серна (сван., ср. херскн.). Утрата начального согласного: *irc-us* < *hirs-us* — козел (лат.), *эрк-еч* — козел (кирг., ср. *herxэ*, монг.), *ирк*, *ирк* — баран (кирг., алт.), *иржэ* — оленья шкура (эвенк.) *аркар*, *архар* — самка горного оленя (кирг. и др., ср. *каркур*), *arvium* — самец газели (акк., семит.), *ardi* — овца (баскский), *орон* — олень домашний, *орочи* — оленивод (эвенк.), *оронто* — антилопа (монг.) и др.

Всего нами зарегистрировано более 400 вариантов этого корня, привести которые нет возможности. Если этот общий для ряда языковых семей корень был бы единственным явлением, ему можно было бы найти какие-нибудь «объяснения». Дело обстоит иначе. Он взят лишь в качестве примера определенной евразийской языковой общности на определенной стадии хозяйства (охотничье-скотоводческой).

Двадцатилетний сбор и систематизирование по соответствующим законам свыше ста

пятидесяти тысяч корней (не производных вариантов одного корня, как в данном примере, а **корней**) основного словарного состава разных языковых семей, включая африканские, полинезийские, американско-индейские и другие, позволили картографировать «Опыт сравнительно-этимологического словаря языковой общности народов мира»¹.

Для иллюстрации приведем модель корня Ц^х АМ^х ЁБ^х, близкочастотность коренного диффузного согласного которого дала МБ>М Б~П..., т. е. расщепление на два корня: Ц^х АМ^х и Ц^х ЁБ^х. Корень обозначает выпукло-округлый предмет «холм, гряда, куча». Примеры в дополнение к ранее упоминавшимся языкам приводятся выборочно из хауса, суахили, индонезийского и вьетнамского языков.

Коренной МБ: *jimbige* (джимбиге) — куча, гряда (хауса), *tumbuh* — набухать, пухнуть (инд.), *tumbaiх* — становиться выпукло-округлым, вздыматься (монг.), *temburue* — зоб, желудок, *tembolok* — яйцо (инд.). *tumbo* — выпуклость (суах.), *кумбэ* — сосуд, лодка (греч.), *vimbo* — опухоль (суах.), *бёмбёгёр* — выпукло-округлый (монг.). Коренной М при начальных Ц^х>Т С ~ X/V...: *тхвм*, *тхум* — голова, вершина (сван.), *тхем* — верхушка, затылок (груз., ср. темя — русск.), *chom* — верх, верхушка, макушка (вьетн.) *lima* — нагромождать в кучу (хауса), *т'ем-он* — куча, гряда (греч.), *lutuo* — вздуваться, распухать (лат.), *tâm* — пузыри, пена (вьетн.) *томуй* — вздуться (кирг.), *тумтайуу* — надуться (башк.), *tumul* — бугор, холм, куча (лат.), *тём.ле* — округивать, *тумэ.эк* — бугорок (башк.), *tumur* — опухоль, вздутые (лат.), *tytur* — полнота (хауса), *тумар* — чурбан (башк.); *дам* — куча, гряда (хинди), *domo* — выпуклость (суах.), *думһэй* — бугор (башк.); *сэмуси* — горб (япон.), *сэмса* — горбушка (чув.), *сумес* — ковш (башк.), *жумалак* — круглый (кирг.); *homole* — ком, куча (чешск.) *хумалак* — комковая глина, *хамар* — чаша (бшк.), *к'ом* — куча, гряда (курд.), *к'ом* — куча, гряда (вьетн.), *ком*, *комок* (русск.); *камуй* — собираться в одно место (эвенк.), *кымйуу* — кишеть, *кумкэ* — много, коллективно (башк.), *сумило* — складывать, нагромождать, *сумилоу* — куча, гряда, конна, верх (лат.), *кумэ* — охапка (эвенк.), *гватта* — нагромождать кучу (хауса); *кото* — овал, *коті* — лодка, понка для скота, *кхати* — лодка (хауса), *кимэ* — лодка (чув.) *кэмэ* — лодка, *койой* — чашка (башк.), *кото* — овальный струнный инструмент (хауса), *комуз*, *кумыз кубыз* — овальный струнный инструмент (кирг., башк.), *квabsa* — овальный струнный инструмент (хауса, ср. кобза — укр. и др.), *кямөрө* — дугообразный, горбатый (башк.), *камара* — дугообразно-сводчатая комната, кузов (греч.), *йоморо* — круглый, *йомортка* — яйцо (башк.).

Коренной Б: *тубыр* — шишка, опухоль, *тубал* — кузов, лукошко (башк.), *tuber* — шишка, опухоль, *ubero* — вздыматься (лат.), *табак* — большая общая миска (башк.), *tabak* — большой поднос (инд.); *коба* — быть выпуклым, *кобе* — черепаха (суах.), *кобу* — горб (япон.), *кубей* — раздуваться, пухнуть, *кабаруу* — вздуваться, пухнуть (башк.), *кабри* — толщина (хауса); *уба* — холм, курган (башк.), *уб* — возвышенность (коми), *обо* — холм (кирг.), *ubin* — макушка, темя, *ubel* — тюрбан (инд.) и др. Численность производных вариантов этого корня более 5 тыс. Он, подобно многим корням, семантически закладывается с другими во всех языках так, что образует гигантскую спираль в десятки тысяч производных вариантов терминов.

Круг лексики позволяет определить относительную хронологию — стадию, до которой существовала общность языковых семей и их носителей — этносов и после которой имели место расхождения. Урало-алтайско-индоевропейская языковая общность сохранялась на определенной стадии (может быть, эпохи палео-неоантропа?) обособленно от

¹ См. предварительное сообщение о ходе работы в нашем докладе «Вопросы тюркоязычного этноса на территориях Туркменистана на рубеже и. э.э. на сессии по этногенезу туркмен в г. Ашхабаде, 1967 г. (в печати); К. И. Петров. Древняя терминология орудий труда у тюркских народов. — «Вопросы истории естествознания и техники Киргизии», вып. 2. Фрунзе, 1969.

других в регионе, близком к Малой Азии. По-видимому, здесь происходило ранее становление, в частности, тюркоязычного этноса и отсюда он расселялся по Северной Азии. Поэтому ошибочны наши традиционные представления о его появлении в Средней Азии откуда-то с границ Северного Китая лишь в I тыс. н. э. Мы обязаны этому заблуждению незнанием предшествующей истории и сообщениям письменных источников о последних частичных перемещениях, которые ошибочно принимаются за «самые ранние»².

Письменные источники впервые фиксировали тюркскую лексику всего тринадцать веков назад. Сравнительно-этимологический словарь позволяет документировать ее тысячелетиями ранее, а вообще проследить на десятилетия, вплоть до становления речи *homo sapiens*. Соответственно следует отодвинуть эпоху формирования «древнетюркских» языков, пересмотреть периодизации и классификации с учетом указанной общности. Необходимо изменить представления об обособленности «п्राязыков» или «языков-основ» (как бы их не называть) тюркских, тюрко-монгольских, алтайских, индоевропейских и прочих. Языковая общность *homo sapiens*, если ее представлять традиционно в виде родословного древа, может быть уподоблена взрослому древо-лесу БАНИАНУ с единой гигантской кроной и многочисленными отдельными корне-стволами, питающими общую субстанцию. Как в нем нельзя выделить отдельное дерево — ствол, так и в общности *homo sapiens* какой-либо обособленный «п्राязык».

По близко касающимся данной сессии вопросам хочу обратить внимание на следующее. Необходимо крайне осторожно подходить к определению языковой принадлежности местной «небашкирской», «нетюркской» топонимики, приписывая ее бывшим ираноязычным, угро-финноязычным и прочим населенкам или объясняя ее бытование заимствованием от соседей, видеть в отдельных языковых формах следы проявления особых языковых связей на западе с венграми, на востоке с хакасами, монголами и т. п., что, к сожалению, является до сих пор традиционной практикой в науке. Следуя ей, можно с меньшим успехом утверждать, будто в недалеком прошлом башкиры и монголы пасли овец вместе с римлянами (*hаrаk*, *hеркз*, *hирк-ус*), а туркмены с вавилонянами (*серке*, *зирку*), и вообще тюрки плавали вместе с африканцами на лодках, нангравая на комузе (*кэма*, *коли*, *квали* и др.). Еще большей осторожности требует этимологизация этнотерминов, истолкование общей обрядово-культурной терминологии и пр. Наглядный пример единого корня числительного семь от Индокитая до Европы и его сакральное бытование в языках определенной общности, где он исторически оказался омонимом другого корня. Соответственно варианты производного от него «семнзначимого» этнонима бытовали с древнейших времен у народов Индокитая (совр. ЕДЕ), Индостана (*йаду*, *чеди*), Аравии (*иуда*, *hatti*), Евразии

(*скүтх* — «семнбожные» скифы), в Средней Азии (*йеде* — с иранской калькой *хафт*, *эфталит*), Сибири и Монголии (*джеде*, *чете*, *чеди*, *йеде*, *ете...* и т. п.). Этноним, как по культуровой «семнзначимости», действительно, имеет общее происхождение, но они не могут быть использованы в решении этногенеза ни одного народа в отдельности, так как общность и этноним восходят, по крайней мере, к палеолиту. Конечно, отдельные факты можно и должно использовать, но не поверхностной регистрацией совпадений, а после глубоких изысканий по ряду языковых семей³.

² Ср. безынтересные предположения, не касающиеся языков, в работах: И. Н. Хлопик. К происхождению андро новогого субстрата сибирских народов. — «Происхождение аборигенов Сибири» Томск, 1969; К. И. Петров. Генетическое родство алтайских и индоевропейских языков. — Там же.

³ Некоторые надстрочные и подстрочные знаки транскрипций не проставлены по техническим причинам.

К. М. МАКСЕТОВ
(Нукус)

ВЗАИМОСВЯЗИ КАРАКАЛПАКСКОГО И БАШКИРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Основой взаимосвязей каракалпакского и башкирского героического эпоса являлась прежде всего сама история этих двух народов. Единство их происхождения, сходство языков, пребывание в едином государстве погав в XIV—XVI вв. и т. п., несомненно, оставили определенный отпечаток и закрепили генетическое единство их эпического творчества. Богатое историческими событиями средневековье создало не только условия для консолидации отдельных тюркских племен в самостоятельную народность, но способствовало и формированию их героического эпоса. В этом отношении большой интерес представляет эпос «Алпамыш», широко распространенный среди многих тюркоязычных народов. Этот памятник устного поэтического творчества является не только связующим звеном многих тюркоязычных народов, но также поэтической их историей.

«Алпамыш» имеет большую популярность в Узбекистане. Узбекскими фольклористами записано более 15 вариантов дастана. Среди них особое место занимают варианты Эргаша Жуманбулбуль оглы, Мухамедкула Жамрат оглы Пулкан, Абдуллы-шаира Нуралиева, Бекмурата Джурабаева и др. Классический вариант Фазыла Юлданаева издавался несколько раз на узбекском, русском языках и получил широкую известность¹. Узбекская версия эпоса подвергнута более или менее детальному исследованию².

Казахский «Алпамыс» записан в девяти с лишним вариантах, опубликованы три. Наиболее полным из них является вариант сказителя Майкот. За последние годы он издавался несколько раз на казахском и русском языках³. По казахской версии эпоса «Алпамыс» имеется ряд исследований казахских ученых⁴.

¹ Фазыл Юлдаш. Алпамыш. Ташкент, 1939; «Алпамыш». Перевод Л. Пеньковской М., 1949; «Алпамыш». Ташкент, 1958 и др. издания.

² В. Жирмунский и Х. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947; В. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960; «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958 (см. статьи В. Жирмунского, Х. Т. Зарифова и А. К. Борюкова); «Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш». Ташкент, 1956.

³ «Алпамыс». Подготовил текст Г. Мусабаев, ред. Н. С. Смирнова и Т. Сыдыков. Алматы, 1957 (на казах. языке); «Батырлар жыры». Алматы, 1959 (на казах. языке); «Батырлар жыры». Предисловие К. Жумалиева, М. Габдуллина, составители М. Гумарова и Б. Уахатов, под ред. М. Каратаева и О. Нурмагамбетовой. Алматы, 1963 (на казах. языке); «Казахский эпос». Предисловие К. Жумалиева и М. Габдуллина, под ред. И. Сельвинского. Алма-Ата, 1958 (на руск. языке).

⁴ С. Сейфуллин. Казак эдебиеті. Кызылорда, 1932; С. Мукаенов. Батырлар жырының эдебиеттегі орны. Алматы, 1939; Б. Кенжебаев. Қазақтың халық эпосы туралы. — «Эдебиет және искусство», 1939, № 2; А. Маргулан. О характере исторической обусловленности казахского эпоса. — «Известия Казахского филиала АН СССР», серия историческая, 1946, № 2; А. С. Орлов. Казахский героический эпос. — Л., 1945; М. Габдуллин. Казак халқының фольклоры. Алматы, 1958; Т. Сыдыков. «Алпамыс» жырының цусқалары. — «Жұлдыз», 1957, № 4; Казахские версии «Алпамыса». — «Советский Казахстан», 1957, № 5; К. Жумалиев. Казак эпосы мен эдебиет тарихының меселелери. Алматы, 1958 и т. д.

Варианты каракалпакской версии «Алпамыс» были записаны и появились в печати в начале XX в. Первым был издан в 1902 г. «Алпамыс» Жиемурата-жырауа⁵. Остальные варианты каракалпакской версии эпоса были записаны фольклористами в советское время от Огиза-жырауа — в 1934 г., от Кыяса-жырауа — в 1955 г., от Курбанбая-жырауа — в 1957 г., от Есемурата-жырауа — в 1958 г., от Арзымбета-жырауа — в 1959 г., от Карамажырауа — в 1959 г., от Танырбергега-жырауа — в 1960 г. Таким образом, каракалпакский «Алпамыс» имеет восемь записанных вариантов. Но могут быть обнаружены еще не записанные варианты «Алпамыс», потому что до сих пор бытует исполнение каракалпакского героического эпоса народными сказителями и их учениками. Из названных выше вариантов выделяются своей полнотой, художественной и идейной полноценностью варианты, записанные от Огиза-жырауа, Кыяса-жырауа и Есемурата-жырауа. Они изданы отдельными книжками⁶. По каракалпакской версии «Алпамыс» опубликован ряд монографических работ каракалпакских литературоведов⁷.

Общезвестна работа, проделанная по изучению башкирской сказки «Алпамыша и Барсын-хылу», татарской сказки «Алпамыша» и алтайского эпоса «Алып-Манаш»⁸.

Проблема происхождения и развития народного эпоса, а также вопросы взаимосвязи эпического творчества различных народов издавна привлекали внимание исследователей. Характер развития эпоса тюркоязычных народов в условиях феодализма очень примечателен. Отражая реальную действительность, эпическая поэзия тюркских народов в эпоху феодализма выдвигает наиболее актуальные вопросы жизни народа. Историчность эпоса состоит не столько в том, что он воспроизводит то или иное конкретное историческое событие, сколько в обобщенном изображении явлений общественной жизни в условиях определенного социального строя.

Основываясь на теоретических высказываниях классиков марксизма о генезисе и развитии героического эпоса, мы можем констатировать, что эпос возникает в определенное историческое время, является его художественным отражением и имеет большое воспитательное значение.

Эпические сказания тюркоязычных народов более близки к повседневной жизни народа по сравнению с эпическими произведениями устного народного творчества многих народов мира.

Чтобы шире и всестороннее понять эти особенности устных тюркоязычных дастанов, необходимо учесть условия, в которых они создавались, исполнялись и распространялись.

Эпос тюркоязычных народов, особенно в эпоху своего расцвета, воспринимался как реалистическое создание, тесно связанное с жизнью и историей его. О времени творения тюркоязычных устных дастанов имеются различные предположения ученых. Все они в известной мере заслуживают внимания. Н. Давкараев, например, начало возникновения каракалпакских дастанов связывает с погайской эпохой и относит к XIV—XVI вв.⁹

⁵ «Алпамыс батыр». Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, т. 10. Ташкент, 1902.

⁶ «Алпамыс. Огиз-жырау». Предисловие А. Шамуратов, записал и подготовил к печати К. Айымбетов, Тюркүл, 1940; «Алпамыс, Кыяс-жырау». Предисловие И. Сагитова, записал и подготовил к печати А. Каримов, Некис, 1957; «Алпамыс, Есемурат-жырау». Подготовили к печати К. Максетов, К. Мамбетназаров, предисловие и комментарии К. Максетова.

⁷ Н. Давкараев. Революция шахемги Каракалпак эдебияты тарихының очерктери. Некис, 1961; И. Т. Сагитов. Каракалпак хахарманлык эпоси. Некис, 1963; К. Максетов. Каракалпак хахарманлык дастанларынын поэтикасы. Ташкент, 1965; К. Айымбетов. Каракалпак халык даналыгы. Некис, 1968 и т. д.

⁸ «Башкирские народные сказки». Запись и перевод А. Бессонова, под ред. И. Дмитриева. Уфа, 1941, № 19; А. Н. Клиревич. О башкирском эпосе «Алпамыш». — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959; А. А. Валитова. Татарская персия эпического сказания «Алпамыш». — «Тюркомонгольские языковедение и фольклористика». М., 1960; «Алып-Манаш», ойротский народный эпос. Новосибирск, 1941 и др.

⁹ Н. Давкараев. Революция шахемги каракалпак эдебияты тарихының очерктери. Некис, 1961, стр. 62.

И. Т. Сагитов пишет, что каракалпакские эпосы создавались в XIII—XV вв.¹⁰ По мнению А. К. Боровкова, кипчакский (в т. ч. каракалпакский) эпос появился в XIII—XV вв.¹¹ Интересны в этом отношении высказывания о казахском и узбекском эпосах. Время возникновения казахского эпоса Ч. Валиханов связывает с золотоордыским периодом, XIV—XVI вв. М. Ауэзов, определяя источники создания казахского эпоса, особое значение придает слову «ногайлы»¹². А. Маргулан время создания казахских эпосов делит на пять периодов и начальный ногайский период относит к XIII—XV вв.¹³ В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов особое значение в создании узбекских дастанов придают историческим событиям X—XVI вв.

Материалы каракалпакского героического эпоса дают возможность предположить, что дастан как жанр, хотя имеет свою древнюю традицию, пережил наибольший расцвет и получил всеобщее признание у каракалпаков и многих других тюркоязычных народов в эпоху средневековья, именно в тот период, когда каракалпаки и башкиры находились в едином союзе с другими тюркскими племенами. XIV—XVI века были классическим периодом развития эпоса для многих тюркоязычных народов. К этому периоду относятся возникновение и оформление героического сказания «Едиге». Оно широко распространено среди многих тюркоязычных народов, особенно ногаев, башкир, татар, казахов, каракалпаков, и является своеобразной поэтической историей XIV и XV вв. В нем упоминается имя знаменитого сказителя Сопласты Сыпыра-жырау, одного из родоначальников сказительской школы башкир, ногайцев, каракалпаков, казахов и др. Нет сомнения в том, что глубокое и всестороннее исследование эпического наследия племен, входивших в союз ногайлинец, может раскрыть не только историю эпоса на фоне истории народа, но и взаимосвязи народного поэтического творчества.

Распространение героических дастанов каракалпаков и многих других народов осуществлялось устно, от устаза к шакирту. Уровень художественного мастерства народных сказителей во многом определял идейно-поэтическую ценность дастана. Эпос — не только произведение определенной исторической эпохи или образец народного творчества, но прежде всего является индивидуальным созданием определенного сказителя. Поэтому совершенствование художественного достоинства дастана во многих случаях тесно связано с его конкретным исполнением.

Идейная направленность эпических сказаний является одной из основополагающих тенденций в определении их исторических пластов. При рассмотрении идейной направленности дастана «Алпамыш», кроме каракалпакской версии, большой интерес представляют варианты узбекской версии Фазыла Юлдана, казахской Майкота. При наличии национальных особенностей эти три версии имеют общую сюжетную линию. Они характеризуются эпизодами, общими для всех версий «Алпамыш»: живут два товарища, у одного есть сын, у другого дочь, их зовут Алпамыш и Баршып, по различным причинам они разлучаются, дальше повествуется о трудностях, перенесенных Алпамышом при поисках Баршып и ее родителей, борьба с хищным ханом, дружба Алпамыша с чабаном, набег на страну Алпамыша в его отсутствие. Основная идея эпоса «Алпамыш» — борьба за объединение племен. Слова, рожденные в горе и отчаянии у людей Байсара, вынужденно покидающих Родину: «Для болсак бир шукыр, тири болсак бир төбө» («Умрем — все ляжем в одну яму, будем живы — все будем на одном холме»), взятые из варианта Есемурата-жырау каракалпакской версии, могли бы служить эпиграфом к этому эпосу. Таким образом, призыв к объединению разобщенных тюркских племен составляет основное идейное содержание эпоса «Алпамыш».

¹⁰ И. Т. Сагитов. Каракалпак хахарманлик эпосы, стр. 54

¹¹ А. К. Боровков. Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958, стр. 67.

¹² М. Ауэзов. Песни степей. М., 1911, стр. 17

¹³ А. Маргулан. Указ. соч.

Та же сюжетная линия и та же идея объединения племен характерна для башкирской сказки «Алпамыша и Барсып-хылу» в варианте, записанном в 1948 г. А. Н. Киреевым от сказителя Хайруллы Ишмураина и опубликованном в журнале «Эдэби Башкортостан» (1956). В этом заключается то общее, что определяет взаимосвязь каракалпакского и башкирского героического эпоса. Если сравнить башкирское «Алпамыша и Барсын-хылу» с вариантом Есемурата Нурабуллаева каракалпакского эпоса «Алпамыс», то разница сводится к минимуму.

В башкирской версии Барсын, выбирая себе жениха, сама вызывает на единоборство мужественных джигитов, а в каракалпакской версии в единоборство вступают джигиты между собой. Богатырская сила Барсын показана в башкирской версии с большей гиперболой и в ней находят отражение древние черты богатырской дэвы (алп кыз). В этом отношении башкирская Барсын похожа на узбекскую Барчиной или на Гулаим из эпоса «Кырк кыз». В сравнении с каракалпакской версией эти моменты примечательны потому, что именно в них сохранены элементы древности.

Конь и богатырь в эпосах тюркоязычных народов — самые неразлучные друзья. Богатырь проходит трудный путь при выборе подходящего коня, особый эпизод составляет также укрощение коня. Он встречается в обеих сравниваемых версиях.

Бой Алпамыша с ханом Айларом из-за Барсын, продолжавшийся в течение шести дней и шести ночей, в башкирской сказке напоминает борьбу Алпамыша против Тайшахана в каракалпакской версии. В варианте Есемурата-жырауа полностью описываются не только скачки, единоборство, но и кровопролитные бои с армией Тайшахана при возвращении Барсын и Алпамыша на родину.

Длительный сон, с одной стороны, показывает сверхъестественную силу, с другой — слабость богатыря. В не состоянии проснуться вовремя, он попадает в темницу. Несмотря на разный характер событий, мотив богатырского сна остается общим.

Помощь птицы в самый трудный момент и послание письма любимой через нее является одной из прекрасных деталей эпоса и сказки. Между прочим, нигде в сказках и дастанах так рельефно не описывается этот эпизод, как в «Алпамыше».

Поиск заточенного Алпамыша представляет немаловажный момент в обеих версиях. Здесь временное поражение богатыря, господство злых сил и народный гнев против них органически сочетаются с художественной структурой и идейной направленностью дастана и сказки. Кроме того, однако же в обеих версиях усиливается данный эпизод до кульминационной точки намерением Колтубы или Ултанга жениться на Барсын в отсутствие Алпамыша.

В дастане и сказке почти одинаково осуществляется освобождение Алпамыша из темницы. Правда, в башкирской версии эпоса несколько преобладают сказочные мотивы. Например, Алпамыш поджигает три конских волоска, и конь тут же появляется перед ним и т. д. Но участие при освобождении безымянных ханских дочерей в сказке или помощь дочери Тайшахана Арзанм в эпосе совпадают. Самое привлекательное то, что Алпамыш в обеих версиях выходит из подземелья, уцепившись за хвост своего коня Акбузата или Байшубара.

В конце эпоса и сказки описываются одни и те же события: встреча Алпамыша в пути с пастухами, разговор пастухов о нем, переодевание Алпамыша в платье пастуха, победа его над Колтубой или Ултаном, избрание Алпамыша ханом, счастливая встреча с любимой Барсын.

Основные сюжетные линии: женитьба Алпамыша на Барсын, бой Алпамыша против злого хана, страдание Алпамыша в темнице, его победа над злым ханом, разговор героя с пастухами, его победа на состязаниях и играх, встреча Алпамыша после долгой разлуки со своей любимой — совпадают в башкирской сказке «Алпамыша» и в каракалпакской версии эпоса «Алпамыс».

Совпадение сюжетной структуры и идейного содержания башкирской героической сказки «Алпамыша» и каракалпакского героического эпоса «Алпамыс» свидетельствует о

генетическом единстве этого памятника устной словесности. Башкирскую сказку «Алпамыша» ни в коем случае нельзя сравнивать с таджикским «Алпамышом» по времени возникновения¹⁴. В сравнении с основными версиями эпоса «Алпамыш» (узбекский, казахский, каракалпакский) башкирский «Алпамыша и Барсын-Хылу» не уступает им в сохранении древних мотивов. Башкирская Барсын своим богатырским образом напоминает Анжиарм, дочку Туркестанского хана Хайду, описанную в конце XIII и в начале XIV вв. венецианским путешественником Марко Поло¹⁵.

По всем соображениям, башкирская версия «Алпамыша» может являться одной из ранних, созданных среди кипчакских племен при непосредственной взаимосвязи с другими тюркскими племенами.

¹⁴ «Алпамыш». Составитель Р. А м о н о в, перевод текстов Л. Н. Д е м и д ч и к.—«Труды Института истории и литературы им. Рудаки», т. 17. Сталинабад, 1952.

¹⁵ «Книга Марко Поло». М., 1956, стр. 214—215.

Д. С. НАСЫРОВ
(Нукус)

О КАРАКАЛПАКСКО-БАШКИРСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Как известно, каракалпакский язык, как и башкирский, по комбинированной классификации тюркских языков А. Н. Самойловича, входит в северо-западную, или кыпчакскую, группу тюркских языков. По последней классификации Н. А. Баскакова, предпринятой с учетом исторического развития и формирования тюркских языков, каракалпакский язык вместе с ногайским и казахским языками образует кыпчакско-ногайскую подгруппу, тогда как башкирский язык вместе с татарским составляет кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков. По общепринятой концепции историков предками каракалпаков являются огузо-печенежские племена Приаралья, которые в XII в. подвергаются кыпчакизации и в дальнейшем в составе кыпчакского союза племен входили в Золотую Орду (XIII—XIV вв.) и Большую Ногайскую Орду (вплоть до XVI в., т. е. до выделения из Восточных Ногаев отдельного каракалпакского союза племен). Каракалпакский народ под своим современным названием известен в исторических документах с конца XVI в. в низовьях Сыр-Дарьи. Следовательно, к тому времени каракалпакский разговорный язык окончательно формируется в составе кыпчакских языков¹. Формирование башкирского разговорного языка, по утверждению тюркологов, происходило в результате взаимодействия булгарских и кыпчакских племенных языков, в дальнейшем он развивался в составе Золотой Орды².

Наличием общей кыпчакской основы объясняются, вероятно, и такие общие этнические элементы, которые имеются в составе каракалпакского и башкирского народов, как кыпчак, кацлы, кытай, мүйтен, таз и другие, и общие черты в фонетическом и грамматическом строе обоих языков. Изучение языковых взаимоотношений каракалпакского и башкирского народов имело бы большое значение для выяснения родственных связей и этногенеза этих народов. Но в данном кратком сообщении невозможно дать исчерпывающий анализ этих языковых особенностей, поэтому я остановлюсь лишь на некоторых моментах, характеризующих определенную взаимосвязь.

В каракалпакском языке выделяются два территориальных диалекта: северный и южный. Северный охватывает Чимбайский, Кегейлинский, Тахтакуплярский, Муйпакский, Кунградский, Шуманайский, Ходжейлинский районы и окрестности г. Нукуса. Эта территория является основным местом расселения каракалпаков, где с давних времен компактно проживают основные массы каракалпакского народа. Южный диалект распространен в Турткульском, Бирунийском и Аму-Дарьинском районах, а также на Назарханском участке Нукусского района. Носители его являются близкими соседями по языку и территории с туркменами, хорезмскими узбеками и казахами. Здесь разговорный язык каракалпаков функционирует в близком соседстве с языком туркмен, относящимся к юго-западной, или огузской, группе тюркских языков, и с северохорезмским и среднехорезмским говорами узбекского языка, относящимися вместе с каракалпакским и казахским языками к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков. Основным кри-

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, тт. 1—2. М., 1951.² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 155.

терием указанного членения диалектов каракалпакского языка послужили фонетические, морфологические и лексические признаки.

Если теперь сопоставить элементы каракалпакского языка с диалектами башкирского, то можно обнаружить следующие сходные фонетические черты:

1. Во многих случаях звуку *a* северного диалекта каракалпакского языка соответствует звук *ä* южного. Например: южн. *äлдинде*—сев. *алдында* (вперед), южн. *иләж*—сев. *ылаж* (мера), южн. *сә*: *t*—сев. *са*: *t* (часы). Такое же явление, т. е. палатализация гласных, встречается и в южном диалекте башкирского языка. Например: южн. *әсе*—вост. *асы* (кислый), южн. *әз*—вост. *аз* (мало), южн. *әкрен*—вост. *акрын* (медленно) и т. п. В данном случае по признаку сохранения постпалатальности северный диалект каракалпакского языка сближается с восточным диалектом башкирского.

2. Уэким губным гласным *у*, *ү* северного диалекта соответствуют негубные *ы*, *и* южного диалекта. Например: сев. *кубла*—южн. *кыбла* (юг), сев. *муз*—южн. *мыз* (лед), сев. *бурнагы*—южн. *бырнагы* (прошлый). Такая же тенденция замены губного *у* негубным *ы* наблюдается в башкирском языке. Например: *бызау* (теленок), *быгау* (оковы) и т. п.

3. Вместо звука *e* северного диалекта в южном диалекте каракалпакского языка активно выступает *ә*. Например: сев. *кесе*—южн. *кәсе* (пиала), сев. *кетпен*—южн. *кәтпән* (мотыга) и т. п. Это можно отметить и в башкирском языке: *кәрәк* (нужно), *кәңәш* (совет), *кәбәк* (мякина) и т. д.

4. В северном диалекте каракалпакского языка наблюдается более последовательно выраженная лабиальная гармония гласных. В нем лабиальная гармония в многосложных словах распространяется иногда до конца слова, что способствует даже возникновению некоторых губных вариантов аффиксов словоизменения и словообразования. Например: *мойун* (шея), *уңғурдун* (у пещеры), *көрөдү* (он видит) и т. п. Последовательное соблюдение закона губной гармонии характерно и для башкирского языка. Например: *тормошо-боззоң* (нашей жизни), *көмөш* (серебро) и т. д.

5. Для муйтенского говора северного диалекта каракалпакского языка характерен переход аффиксального начального *л* в звук *н* после носовых сонорных согласных *м*, *н*, *ң*. Например: *куннер* (дни), *сеннер* (вы), *жинни* (сумасшедший) и др. Такое же явление наблюдается и в южном диалекте башкирского языка.

6. В диалектах каракалпакского языка наблюдается чередование губно-губных согласных *б/м*: *беккем*~*маккәм* (крепкий), *гарбыз*~*кармыз* (арбуз) и т. д. Такую же тенденцию чередования *б*~*м* можно наблюдать в говорах башкирского языка. Например: *кысмау* (повязка), *морондок* (шмордник) и т. д.

З. Г. УРАКСИИ,
Э. Ф. ИШБЕРДИН
(Уфа)

**НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ БАШКИРСКОГО
ЯЗЫКА С МОНГОЛЬСКИМ**

Изучение лексических взаимосвязей тюркских языков и их диалектов с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими языками представляет большой интерес: оно может дать материалы для выяснения проблемы общности алтайских языков, поможет раскрыть этимологию ряда лексико-семантических групп тюркских языков. К тому же связи отдельных тюркских языков с монгольскими и другими алтайскими языками иногда оказываются, как об этом пишет Н. А. Баскаков, более тесными, нежели между близкородственными языками¹. Наше сообщение касается частного вопроса алтаистики и носит предварительный характер. Мы попытались на материале современного монгольского и башкирского языков выявить некоторые моменты их лексической связи.

Наши наблюдения над лексическим материалом, выбранным из «Монгольско-русского словаря»², показывают, что, хотя в течение последних нескольких столетий не существует непосредственных контактов между монгольским и башкирским языками, имеется довольно большое количество общих корневых слов.

Значительное количество слов из указанного числа употребляется в большинстве современных тюркских языков и составляет тюркско-монгольский пласт. Так, например, исследователь С. Садыков выделяет более 500 тюркско-монгольских лексических параллелей³.

Тюркско-монгольский пласт является древней и наиболее употребительной частью лексики современного башкирского языка. Это, прежде всего, термины родства (по нашим наблюдениям 16 монгольско-башкирских соответствий), названия животных (более 50), орудий труда, жилья, предметов быта (более 45), продуктов питания и пищи (20), наименования растений (более 20), названия металлов и благородных камней (8), частей тела (15), обозначения цвета, окраски предметов и масти животных (около 20), названия конской сбруи (более 10), глаголы с различным семантическим содержанием (около 40), местоимения (10) и др.

Наибольший интерес представляет та часть лексики, которая характерна для монгольского и отдельных тюркских языков. С одной стороны, обнаруживаются лексические связи башкирского языка с тувинским, хакасским и монгольским языками, с другой — с казахским, киргизским и монгольским языками.

В монгольском языке жена младшего брата по отношению к жене старшего брата называется *ажин*. В тюркских языках данный термин самостоятельно не употребляется, а функционирует лишь в парных именах; в казахском, киргизском языках *абысын-ажин* «жены родственников по отношению друг к другу». В башкирском языке в данном значении употребителен *апын*, а *эжен* (*эзе*, *эже*) сохранилось лишь в пословице *Ағай-эне ти-*

¹ Н. А. Баскаков, Предисловие к книге Г. И. Рамштедта «Введение в алтайское языкознание. Морфология». М., 1957, стр. 12.

² «Монгольско-русский словарь». Под общей редакцией А. Лувсандэндэва. М., 1957.

³ С. Садыков, Тюркско-монгольские параллели. — «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». Фрунзе, 1966, стр. 110.

тыу булһа, ат күп була; аһын-эжен татыу булһа, аш күп була — «Если согласие между братьями, то коней будет много, если согласие между женами братьев, то еды будет много».

Ряд лексических параллелей между монгольским, казахским, киргизским и башкирским языками имеется:

В названиях некоторых растений: монг. *мойл* «черемуха» (ягоды), кирг., казах. *мойл* «черемуха», башк. *муйыл* «черемуха» (ср. хак. *нымырт*, тув. *чодураа*, чув. *семерт*, тат. *шомырт* и т. д.); монг. *балчиргана* «борщевник», башк. *балтырган*, кирг. *балдырган*, чув. *пултран*.

В некоторых названиях животных: монг. *бэлтрэг* «волчонок», башк. *бүлтерек* «волчонок», кирг. *болтурук*, казах *болтырик*; монг. *хур* «тетерев», башк. *жор*, узб. *жур*, к.-калп. *жур*.

В словах различного семантического круга: монг. *дэлбэг* «вожжи», башк. *дилбегэ*, к.-калп. *телбе* (ср. тув. *моожа*, *узундын*); монг. *мөлжих* «обглодать» (кость), башк. *мөйиү* «обглодать», кирг. *мүлжү*, к.-калп. *мүжи* (в других тюркских языках употребляется либо глагол *гемирмек*, либо другой); монг. *тансаг* «удовольствие, приятность, радость», башк. *танһык* «желанный, приятный», кирг. *тансык* «редкий, желанный», узб. *тансаг* «редкий, любимый» (в тув., алт. этого слова не обнаружено).

Лексические параллели, характерные для монгольского, башкирского и восточной группы тюркских языков (тувинского, хакаского, алтайского): монг. *сайр* «галька», башк. *һуйыр таш*, тув. *сайыр*, алт. *сай таш*; монг. *долооно* «боярышник», башк. (в говорах) *дунала*, хак. *тоо агазы*, тув. *долана*, алт. *толононын агазы*; монг. *ээзий* «творог», башк. *эзэгэй* «кушанье из творога», тув. *эзегей аарты*, алт. *аарчы*; монг. *хялган(а)* «ковыль», башк. *кылган* «ковыль», алт. *кыл олонг*, чув. *калкан*, тат. *кылган* (ср. кирг. *бетеге*, к.-калп. *селю*, узб. *чалав*, казах. *селю* и т. д.); монг. *ахууна* «гагара», башк. *агуна* «куропатка», алт. *агуна* (ср. каз. *шил кекілік* «куропатка»); монг. *хосхо* «скребок», башк. *һосхо* «совок», алт. *сускуш* «совок», тув. *сиврткиш* (ср. казах. *күрекше*, *калак*).

Вместе с тем имеется ряд лексических параллелей, характерных только для монгольского и башкирского языков. Они обнаруживаются в сфере названий животных: монг. *сараалжин* «вальдшнеп, бекас», башк. *һараллын* «бекас» (ср. например, узб. *лойхурик*,

тув. *даргыш*, чув. *карапчак*, к.-калп., алт. *вальдшнеп* и т. д.); монг. *сойр* «глухарь», бур. *һойр* и башк. *һуйыр* «глухарь», тат. *суер* (ср. узб. *каржур*, тув. *карикуш*, алт. *чай*, чув. *карак*, к.-калп. *глухарь*); монг. *тас* «гриф», башк. *тазгара* «гриф» (ср. к.-калп. *кари жу*); монг. *цурхай* «щука», башк. *сурагай* «щука средней величины» (ср. тув. *шортон*, алт. *чортон*, чув. *сарттан*, узб. *чуртанбалык* и т. д.).

В словах, относящихся к животным: монг. *мундаа* «холка», башк. *мунда* «холка» (ср. узб. *ягрин*, тув. *читке*, алт. *арка*, чув. *урҫа*).

В названиях растений: монг. *цагаан* «клен», башк. *саган*, тат. *чаган* (ср. казах. *үйеңки*, чув. *верене*, хак. *клен*, кирг. *клен* и т. д.).

Слова, относящиеся к различным семантическим сферам, которые характерны для монгольского и башкирского языков: монг. *ушиар* «мгла, дымка», башк. *мошир* «дымка»; монг. *хортой* «вредный, ядовитый», башк. *хөрт* (в говорах *хөртөй*) «плохой, вредный»; монг. *эмэ* «болезнь», «увечье», башк. *имгэк* «увечье, тягость»; монг. *онги* «проушина, ушко», башк. *онго*, тат. *оңгы*; монг. *бултайх* «высовываться, выплячиваться, выдаваться», башк. *бүтэйгөү*; монг. *басгаа* «дымиться, куриться», башк. *бысқыу*; монг. *хуруд* «род сыра», башк. *корот*; монг. *хөнөг* «деревянное ведро», башк. *күнәк*; монг. *хавчуур* «клевши», башк. *кытсыуыр*; монг. *тэши* «чашка», башк. *тэгәс*; монг. *түнэк* «глупый», башк. *тинтэк* (ср. алт. *тенег*, тув. *тенег*); бур.-монг. *һэнтүү* «глупый», башк. *һантый* (ср. каз. *ахмак*, яр. *акаары*, тув. *муғулай*, *тенег* и т. д.); бур. *хяһуур* «скупопый», башк. *һокһор* (ср. каз. *саран*, *жартымсыз*, алт. *керик*, *сарим*, тув. *харам*, *кошкак*, *һоптак*, яр. *кутүр*, *кэчээй*); монг. *балхийх* «разжиреть, сделаться неуклюжим», в вост. диал. башк. *бәләһөйө* (*балхайю*); монг. *салан* «нерадивый, небрежный, неаккуратный», башк. *һалажы*, *һалапач*; монг.

салбан «лентяй, увалень», башк. *һалбыр* «ленивый, неповоротливый» (ср. тув. *чалгаанай* «лентяй», каз. *жалкау, еріншек, шабан*); монг. *загал* «с пятнами на шее и в лопатках (о лошади)»; башк. *яғал* «гнедая с крапинками (о масти лошади)»; монг. *бөхнө* «слепень», башк. *бөгәләк, бөгәлә* «овод лошадиный»; монг. *алцайх* «расставлять, раздвигать», башк. *алсайыу* «встать на задние ноги, растопырив их»; монг. *дараа* «после, затем» в вост. диал. башк. *тары (тәре)* «после, затем».

Если наличие общетюркского и монгольского пласта лексики свидетельствует о возможном древнем генетическом родстве или тесном контакте этих языков, то монгольско-башкирские лексические параллели можно отнести к более позднему периоду. Часть этих слов стала общеупотребительной в башкирском языке, часть же остается принадлежностью отдельных говоров и диалектов. Дальнейшее более детальное исследование лексической системы и грамматического строя башкирского языка в сравнении с данными монгольских языков позволит сделать определенные выводы относительно башкиро-монгольских взаимоотношений.

М. М. САГИТОВ
(Уфа)ОТРАЖЕНИЕ КОНСОЛИДАЦИИ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ
В ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Для решения проблемы формирования башкирской народности наряду с письменными, археологическими и этнографическими материалами необходимо привлечь данные фольклористики, лингвистики и искусствоведения.

Общезвестно, что фольклор является неписанной историей народа, частью его духовной культуры. В башкирском фольклоре, в его этногенетических, этнологических преданиях и легендах, имеются ценные сведения о происхождении родов и племен, об их миграции, о межплеменных взаимоотношениях и об этимологии отдельных этнонимов. Особое место в этом отношении занимают башкирские эпические сказания.

Башкиры относятся к тем народам СССР, у которых эпические сказания сохранились в живом бытовании и в наши дни. Эпос, как и весь фольклор, художественно отражает самые узловые, поворотные моменты народной жизни.

Зародившись в недрах первобытно-общинного строя, эпос сопутствовал всей истории башкирского народа. Репертуар башкирских эпических сказаний богат и сложен. В нем можно выделить сюжеты, характерные только для башкирского фольклора («Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Конгур буга», «Кара юрга», «Акхак кола», «Алдар и Зухра», «Бабсак и Кусяк», «Иркбай», «Карас и Акша», «Карасакала», «Юлай и Салават», «Татлыбай и Байрамбика» и др.), а также сюжеты, общие для фольклора других тюркоязычных народов («Алпамыш», «Кузы-Курпес и Маян-хылу», «Идукай и Мурадым», «Бузьегет», «Таргын и Кужак», «Ир Таргын»). Такие сказания, как «Юсуф и Зулейха», «Тахир и Зухра» и другие, заимствованы башкирами из книг, распространенных казанскими книготорговцами в XIX — начале XX вв.

Вопрос об общности отдельных сюжетов представляет особый интерес. В фольклоре многих тюркских народов кипчакской подгруппы бытует общее для всех сказание «Кузы-Курпес и Маянхылу». Это объясняется прежде всего этногенетической связью. Известно, что в IX—X вв. на огромной территории между Волгой и Янком жили кипчаки. В XI в. они образовали государство «Дешти-Кипчак». В начале XIII в. татаро-монгольские завоеватели разрушили это государство, а рассеянные кипчакские племена растворились в составе башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского и других народов. На мой взгляд, основа сюжета сказания «Кузыкурпес и Маянхылу» зародилась у кипчаков еще задолго до нашествия монголов. Затем это сказание, видимо, стало общим достоянием тех народов, к которым в силу исторических обстоятельств прижились кипчакские племена.

Некоторые сюжеты сказаний могли оказаться общими в результате тесных контактов и взаимовлияния отдельных народов. Например, сказание «Идукай и Мурадым», относящееся к XIV—XV вв., в результате взаимовлияния, контактов народностей, находящихся под господством Золотой Орды, стало общим достоянием башкир, казахов, каракалпак, узбеков, татар и др. Причем каждый народ по-своему переработал, обогатил текст сказания, придавая ему национальный колорит. Былые этногенетические связи башкир, каракалпак, казахов и узбеков оставили глубокий след в эпическом творчестве этих народов. В та-

ких сказаниях, как «Алпамыша», «Ир Таргыш» и других, много общего в сюжете, в художественно-образительных средствах и приемах.

Обычная для башкирского эпоса поэтическая форма стиха, характеризующаяся в основном семи-восьмисложной метрикой, последовательным чередованием рифмы, сложными и стройными строфами, прослеживается и в народной поэзии казахов, шорцев, алтайцев и др. Следует отметить, что семисложную метрику стиха тюркских народов академик Ф. Корш считает древней формой, «достоянием пратурецкого племени»¹.

Среди угроведов и тюркологов очень много говорилось об этногенетических связях венгерского и башкирского народов. По данным башкирской и венгерской фольклористики, нет прямых сведений об отколке башкирских племен совместно с мадьярами в Паннонию. Но по письменным источникам и по этнографическим материалам известно об уходе четырех башкирских племен и об их значительной роли в формировании венгерской народности. Сравнительное изучение венгерского и башкирского фольклора подтверждает мнение ученых о наличии в прошлом этногенетических связей венгерского и башкирского народов. Например, в венгерском и башкирском сказочном эпосе очень много общих сюжетов, художественно-образительных средств, одинаковых приемов и образов. Все это позволяет сделать вывод, что племена, ушедшие в Паннонию, хотя и растворились в общей массе мадьяр, но сумели сохранить свою духовную культуру и оставить след в творчестве всего венгерского народа.

Башкирские народные сказания отражают две наиболее важные тенденции: во-первых, они показывают эволюцию самого эпического жанра; во-вторых, дают возможность проследить поэтапно процесс консолидации башкирской народности, развитие народного самосознания, его духовной культуры, в частности художественно-эстетических потребностей.

Вышеупомянутые «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хухулы» являются наиболее древними героическими сказаниями с мифологическим содержанием. Подобные сюжеты не встречаются в фольклоре других угро-финских и тюркских народов. В этих сказаниях выражаются самые древние представления башкир. В фольклористической науке твердо установилось мнение, что эпос возник на основе древних представлений — мифов. К. Маркс писал, что «всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения: она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы»².

Это положение К. Маркса подтверждается и на материале башкирского эпоса. Персонажи сказание «Урал-батыр» — мифические богатыри, полубоги, злые силы природы, мифические существа. Родители Урал-батыра (Янбирде и Янбика) не ведают смерти. Они не знают своих родителей и выступают зачинателями человеческого рода. Герои сказания не знают одомашненных животных, занимаются охотой, не пользуются огнем, едят сырое мясо. Они избавляют людей от злых сил природы, занимаются мироустройством (высвобождение земли, затопленной морем, образование гор и рек, приручение диких животных и т. д.). Сказание локализуется на всем Урале, в бассейнах рек Агидели, Яика, Сакмары, Нугуша, в пределах озера Шульген и известной пещеры Шульген, которая находится в нынешнем Бурзянском районе Башкирской АССР. Потомки Урал-батыра расселяются на этих территориях; о конкретных башкирских родах, племенах в сказании не упоминается.

Мотивы борьбы со злыми силами природы, приручения диких животных и птиц, мироустройства имеются и в сказаниях «Акбузат», «Заятуляк и Хухулы». Сказание «Акбузат» локализуется на той же территории, что и «Урал-батыр», и является его логическим продолжением. «Акбузат» повествует о потомках Урал-батыра.

¹ Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. СПб., 1909, стр. 15.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, изд. 2. М., 1958, стр. 736—737.

Сказание «Заятуляк и Хыухылу» локализуется в бассейне р. Демы и у озера Асылыкуль. В варианте, записанном поэтом М. Гафури, сообщается, что Заятуляк является выходцем из киргизской страны «Унсан-Уймат». В этом плане заслуживает внимания сохранение этнонима киргиз в составе племени миш, издавна расселяющегося в бассейне р. Демы.

Мифологические представления и фантастическое изображение действительности есть также в сказаниях о животных («Акхак кола», «Конгур буга»). В них имеются сведения об отдельных башкирских родах и о территории их обитания. Сказание «Конгур буга» локализуется на всей территории Уральских гор. В нем повествуется о браке девушки-башкирки с северных отрогов Урал-тау с джигитом с Каспийского побережья (конкретные названия родов не упоминаются). В сказании «Акхак кола» упоминается род баймулы, входящий в состав племени бурзян. Сравнительно в меньшей степени мифологические мотивы сохранились в башкирском эпосе эпохи раннего феодализма и феодализма («Алпамыша», «Кузы-Курпес и Маян-хылу», «Бабсак и Кусяк» и др.). В антиколониальных сказаниях позднейшего времени («Карасакал», «Юлай и Салават», «Татлыбай и Байрамбика» и др.) элементы фантастики, мифологии уступают место реальным событиям и личностям. На этой основе, следовательно, можно сделать вывод: чем древнее эпос, тем больше в нем мифологии, фантастики, и наоборот, в эпосе позднего времени все больше элементов реалистического изображения действительности.

По образам, изображенным в памятниках, можно проследить эволюцию эпоса. Положительными героями сказаний с мифологическим содержанием, а также сказаний о животных являются мифические богатыри и животные. Урал-батыр избавляет людей от злых сил природы — драконов, дивов, змей. Он, подобно Прометею, совершает героический подвиг во имя человечества — преодолевая невероятные трудности, добывает живительную воду. Но смертельно раненный батыр сам не пьет, а кропляет ею погибающую природу и делает ее бессмертной.

Положительными героями изображаются также и животные. Например, Кара юрга, в одноименном сказании, добывает для своего хозяина жену; Конгур буга («Конгур буга»), угнанный в качестве приданого в прикаспийские степи, тоскует по Уралу и возглавляет бегство стада на родину. В этих сказаниях особенно ярко проявляется культ животных. В эпических сказаниях раннефеодального и феодального периодов идеализированы образы батыров, защищающих интересы племени, народа, родины. Они избавляют народ от сильников, чужеземных захватчиков. Идеальными героями антиколониальных сказаний изображены народные предводители восстаний против царского самодержавия — Карасакал, Юлай Азналин, Салават Юлаев.

В древнейших сказаниях с мифологическим содержанием и в сказаниях о животных понятие о едином «башкирском народе» еще не выделяется.

Сведения о башкирах как едином народе и об этническом составе этого народа начинают встречаться в сказаниях раннефеодального и феодального периодов («Алпамыша», «Кузы-Курпес и Маян-хылу» и т. д.). Консолидация кровнородственных племен характерна для феодального периода во всех его стадиях. Объединение родов и племен в эпическом творчестве обычно отражается в форме бракосочетания представителей двух племен. Идея объединения племен отразилась в эпосе «Кузы-Курпес и Маян-хылу» в форме бракосочетания Кузы-Курпеса и Маян-хылу. Их семь сыновей впоследствии становятся вождями семи башкирских племен (бурзян, усерган, тамьян, кыпсак, бушмас, кара-кыпсак, тангаур). В связи с этим важно упомянуть о том, что в юго-восточной части Башкирии еще до прихода татаро-моңголов существовало крупное племенное объединение — ете-ыруу, в которое входили вышеназванные племена. Такое же объединение существовало и в западной Башкирии (Р. Г. Кузеев, Б. Х. Юлдашбаев).

В эпоху феодализма идеализировалась идея объединения племен, а межплеменные распри осуждались. Это отразилось в сказании «Бабсак и Кусяк», относящемся к IX—XI вв. Характерно, что в нем осуждается карымта — кровная месть. В этом сказании сообщает-

ся о крупном союзе 12 башкирских племен, костяк которого составляют племена бурзян, кыпсак, тамьян, тангаур. Предводителем всего объединения является выходец из бурзянского племени Мясем-хан. Особое положение занимает выявленное недавно сказание «Алдар и Зухра», относящееся к домонгольскому периоду. Оно повествует об объединении двух крупных этнографических групп — лесных и степных башкир.

В сказаниях, относящихся к более позднему периоду («Карас и Акша», «Иркбай» и др.), герои изображаются представителями башкирского народа без указания принадлежности к какому-либо конкретному племени.

Башкирский эпос, в отличие от исторических, этногенетических легенд и преданий, не дает каких-либо сведений о приходе башкир на Урал с других территорий. В нем, наоборот, утверждается, что башкиры с древнейших времен являются коренными жителями Урала.

С. Ф. МИРЖАНОВА
(Уфа)

ФИННО-УГОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

О том, что башкиры — народ тюркоязычный, известно по крайней мере с X в. Данные башкирских диалектов и говоров свидетельствуют, о том, что в их недрах сохранился значительный пласт фонетико-грамматических и лексических явлений, восходящих к древней и древнейшей эпохам развития тюркских языков. Наличие диссимилативных звукосочетаний *лт, мт, мк, нк* в разложимых основах, что является основной диалектной особенностью среднего и карандель-аскинского говоров, восходит к языку орхон-енисейских памятников V—VIII вв. Данное явление характерно в настоящее время и для языков сибирских татар и желтых уйгуров. В говорах табынских и катаяских башкир Зауралья эти же языковые особенности не проявляются. Следовательно, это древнейшее явление, характерное для среднего и карандельского говоров башкирского языка, сугубо субстратное. Дж. Г. Киекбаев писал по этому поводу: «Носители этого (т. е. среднебашкирского. — С. М.) диалекта, бывшие катаяские, тельтисские, кирейские башкиры, очевидно, пришли на Южный Урал с долин рек Орхона и Селенги в I в. н. э. вместе с гуннами, которые оставили свои кочевья на Орхоне и под натиском сянбийцев двинулись на запад; во II в. н. э. они заняли степи к востоку от Волги»¹.

Говоры башкирского языка сохранили факты, восходящие к еще более отдаленному, древнейшему периоду развития тюркских языков. Н. А. Баскаков, характеризуя алтайский период развития тюркских языков, указывает на один из древнейших дифференцирующих признаков тунгусо-маньчжурской и тюркско-монгольской групп алтайской языковой общности — фонетическое соответствие *т—с* в позиции перед *и*. В связи с этим явлением он указывает на якутский, хакасский (сагайский и бельтирский диалекты) и башкирский языки как на возможных носителей древнейших генетических связей с тунгусо-маньчжурскими языками².

Помимо этой общей специфики говоры башкирского языка хранят соответствие *т—с* как диалектную особенность. По соответствию *т—с* восточный диалект можно разделить на 2 зоны: северо-восточную, где в отдельных словах более характерно употребление начального *с*, и юго-восточную, где вместо *с* выступает *т*.

Северо-восточная группа
(айский, аргаяшский, сальютский
говоры)

сиреу
сире, сәре, сары

сикте, сәкте, сакты

хансай

Юго-восточная группа
(миасский, кубалаякский, кизиль-
ский говоры)

тиреу «собирать, рвать ягоды»
тире, тәре, тары — послелог направительного падежа

тикте, тәксе, тиксы — послелог направительного падежа

кәнтәй «самка собак» и др.

¹ Дж. Г. Киекбаев. Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов.— Сб. Памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961, стр. 366.

² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 20.

Сходное явление выступает дифференцирующим признаком чувашских диалектов: верховой д. *чаваш* — низовой д. *т'аваш* «чуваш», верховой д. *чэй* — низовой д. *т'эй*, «чай»³.

Многие диалектные явления фонетико-грамматического характера связывают башкирский язык с чувашским, который, в свою очередь, тесно связан с болгарским и монгольским языками. Например, башк. (сакмар.) *эме эмэ* «мать», чув. *ама* «мать», туркм. диал. *эмме* «мама»⁴, кирг. *эме* «бабушка», монг. *эмэ* «бабушка, бабка», башк. *эбэ* «бабушка».

Следовательно, диалектные факты башкирского языка связывают его с самым ранним периодом развития тюркских языков. Вместе с тем данные башкирской топонимики, этнонимии и наличие в горах башкирского языка огромного количества явлений в самой разнообразной фонетической огласовке, говорят о том, что башкирский язык несет в себе не только черты древнетюркских и племенных языков, но и элементы индоевропейских, в частности финно-угорских, языков, которые указывают на древние контакты, существовавшие между этими языками. Между тем в литературе существует мнение о том, что угорские элементы в башкирском языке незначительны, что оснований говорить «о башкирской прародине угров»⁵ нет, что если и были контакты венгров с башкирами, они не оставили заметного следа в их языках⁶.

Исследование башкирской гидронимии⁷ также показало, что примерно 2/3 зафиксированных (из 3000 гидронимов — 2000) гидронимов являются собственно башкирскими, а 1/3 невозможно объяснить на материале башкирского языка. Среди последних значительный удельный вес составляют термины финно-угорского происхождения. Гидронимы с компонентом *шид-*, *шуд-*, *шиз-*, *шиз-* распространены по всей северной Башкирии, достигая центральных районов: *Шизэле*, *Шафы*, *Шизе*, *Казна-шиде*, *Катма-шиде*, *Кэме-шиде*, *мондор-шиде*, *Миа-шиде*, *Поскан-шиде*, *Ур-шиде*, *Чар-шады*, *Шудек*. Топонимы *Кара-шиде*, *карашыйзы*, *Каршида*, *Баиш-шиде*, *Башкорт-шиде*, сосредоточенные в Нуримановском, Иглинском районах БАССР, связываются с Дж. Г. Кнекбаевым с угорскими племенами чудь — древними обитателями края⁸ (соответствие гласных *y(y)* — *ы(и)* — *а(э)* — фонетическое явление, характерное для башкирских говоров, например: *быгын* — *бугана* — *богана* — *багана* «ложные ребра»; *башкорт-башкорт* — *башкырт* «башкир»). В этих же районах зафиксиро-

ван ороним *Кэрэкэ* — название горы, которое можно сопоставить с мар. *курэк кэрэк* «гора», эст. *курук* «маленькая возвышенность»⁹. Слово *Кэрэжа* *Крэжа* на юго-востоке Башкирии (Учалинский район), употребляющееся в значении *уремы*, болотистой кочковатой поймы реки, совпадает по значению с казахским топонимическим названием *корыс* «болотистая, непроходимая местность, поросшая камышом» (ср. манс. *хори*, *кори*, хант. *хор*, *кор* «травянистое болото с кочками») ¹⁰.

О финно-угорском влиянии на северные горы Башкирии не раз говорилось в литературе, это вполне допустимо. Но изучение материала показывает, что финно-угорские элементы в башкирском языке распространены по всей центральной и южной Башкирии. В качестве примера приведем гидронимы с венгерским формантом прилагательного *-ши*, *-ши*, *-ош*, *-и*, который указывает на признак предмета, на наличие одного предмета в другом.

³ Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968, стр. 18.

⁴ Г. Кульманов. Геокленский диалект туркменского языка. Автореферат канд. диссертации. Ашхабад, 1960, стр. 12.

⁵ А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов. — Ученые записки ПГУ, № 191. Пермь, 1968, стр. 143.

⁶ Б. А. Серебрянников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22—23.

⁷ А. Камалов. Гидронимия Башкирии. Рукопись канд. диссертации. Уфа, 1969.

⁸ Дж. Г. Кнекбаев. Вопросы башкирской топонимики. — Ученые записки БГУ, вып. 8, ч. 2. Уфа, 1956, стр. 230—247.

⁹ В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964, стр. 200.

¹⁰ А. К. Матвеев. Указ. соч., стр. 145.

Вашаш — старое название реки и села Кутан Бурзянского района. Его можно сравнить с венгерским *ваш* «железо», *вашаш* «имеющий железо, с железом»; в коми языках также есть топонимическое название р. Вашка, Вашгорд и др.

Кондорочи — гидроним в Зилаирском районе, башк. *кондоз*, чув. *хантыр*, венг. *ходь*, хант. *хунтель*, *хунтал* — «обор»; отсюда *Кондорочи* — «река, имеющая бобров».

Барзэи — гидроним в Зилаирском районе, название чувашского села; чув. *пэртэи* от башк. *барзе* «харнус» (*Барзэи* — «имеющий харнуса») ¹¹.

В подтверждение того, что такие формы являлись прилагательными, приведем обычную топонимическую конструкцию типа *һарыш кужэ*, *һареш кержэ*, где первый компонент *һарыш һэрэи* выступает в роли определения. Самими башкирами гидронимы с формантом *-аш(эи)* осознавались как слова, обозначающие признак предмета, и поэтому к таковым часто добавлялись соответствующие башкирские аффиксы прилагательных *-лы*, *-ты*: *Мағаш*, *Мағашты*, *Мэйғаште*, *Мэйғашлы* (ср. венгр. *мағаш*, «высокий»; *Мэйғаште* можно было бы перевести как «высокая, т. е. горная, река»). *Лапы*, *Лапа*, и *Лапышты* — гидронимы в центральной Башкирии (ср. венгр. *лап* «болото», *лапаш* «плоский, пологий, низменный»).

По мнению Л. Лингетт, «... нет основания предполагать, что древнетюркские заимствования в венгерском языке исходят из гунского или других праторкских языков или даже из алтайского праязыка. Мы можем говорить лишь о двух древних чувашских диалектах, один из которых характеризуется начальным *й* (венгр. *дь*), а другой — начальным *ш* (венгр. *сш*)» ¹². В современных говорах и диалектах чувашского языка фонетическое явление *с ш — й* не отмечается ¹³, но известно, что чувашский палатальный *ç* развился на месте начальных тюркских *й*, *дь*, *дж*. В башкирском языке соответствие *с ш — й* выступает одной из характерных особенностей южного и восточного диалектов. Например:

Говоры южного диалекта

йэкэл
йемнэу(димнэу)зимнэу
йенсек
йэтэс
йомарт

Говоры восточного диалекта

сакә/шәк, шәкәләй, бәкәл «бабка»
шымдәу «подкормить сладким»
сенсек «голень»
сәтәш, шәтәш «дужка»
сумарт «щедрый»

Таким образом, при внимательном изучении в говорах башкирского языка можно обнаружить некоторые общие элементы с венгерским языком.

В башкирских говорах заметно проявляются элементы нермских, мордовских, марийских и прибалтийско-финских языков. Территориальные и длительные хозяйственные контакты тюркских народов Поволжья с носителями указанных языков привели к возникновению тесных взаимосвязей языков и к непосредственным и опосредствованным языковым заимствованиям. Например: *кандәуай* — русск. *кондовый* «зрелая, строительная сосна» и *конда* в коми языках; *мандыш/мәңгеш* — русск. *мяндяч* «развесистая сосна с толстой корой, растущая в сырости» и *мандач, мәндач* в коми языках.

Выявление общих башкиро-финно-угорских корней показывает, что общность проявляется чаще всего в топонимической, лесной, охотничьей, рыболовной и бытовой лексике.

Иңйәр/Иңйәр/Иңйәр/Иңйәр — горная река в центральной Башкирии, приток Белой. Твердого варианта в форме *Иңғар* в говорах нет. Дж. Г. Кнекбаев возводит форму *Иңғар* к *Уңғар* ¹⁴; ср. топонимическое название *Бишул Башауыл-Уңғар* в 40 км от р. Иң-

¹¹ Г. Е. Корнилов. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района БАССР. — «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 2. Чебоксары, 1963, стр. 133.

¹² Acta Linguistica, XI 1—2. Budapest, 1961, стр. 42.

¹³ «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 2. Чебоксары, 1963; А. С. Капицкова. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965; Л. П. Сергеев. Указ. соч.

¹⁴ Дж. Г. Кнекбаев. Вопросы башкирской топонимики, стр. 239.

йэр. Возможен вариант с компонентом венг. *ар* «поток» или венг. *ингер* «раздражение, волнение».

Бизэ — гидроним в центральной и *Без* — в северной Башкирии; *Уэээм* — приток Сакмары. Корень *Уээ* (*Бизэ*) *без* может быть связан с венг. *виз* «вода». Переход и в *э* под действием регрессивной ассимиляции аффиксального *э* характерен для говоров южного диалекта. Ср. также ком. *видз*, удм. *возь* «луг, поляна»; горно-мар. устар. *вазем* «пойма, пойменное место»¹⁵.

Йегэн, *Йэгон* — гидронимы в Ишимбаевском, Белебеевском районах Башкирии; хант. *йогэн* «река», *йыгэл* «небольшая речка»¹⁶. Г. Е. Корнилов сопоставляет слова *агин*, *еган*, *юган*, *юхан* с хант. *еган* «река»; с гунско-болгарско-чувашским *ja⁰*: *хан* «река, поток; проточная вода». «Большая часть ареала этих терминов в Сибири, — пишет он, — совпадает с территорией былого и современного распространения хантыйского языка»¹⁷.

Кыркты, *Кырклы* — название горы в Баймакском и Абзелитовском районах. Кырка — название горного хребта к северу от Кыркты. Народная этимология вкладывает в название *кыркты* значение «отрезал, перерезал», т. е. протекающая здесь р. Кизил перерезала гору. Но форманты *-ты* и *-лы* — диалектные аффиксы прилагательного (ср. южный диалект *йаклы*, восточный диалект и лит. *йакты* «светлый»). Мар. *кырык кырык* «гора», удм. *кыр* «пригород, крутой спуск или подъем», ком. *Кварк* («Ура!»)¹⁸.

Керэш (кубалак.) *керши* (инзер.), *кэрше* (ик-сакмар.) «кряжистый; трудно раскалывающийся». Выделяется корень *кер*, *кур*, который может иметь отношение к ком. *кер*, удм. *кор* «бревно».

Күшкәк-күшкә (кизил.), *күшмәк* (сев.-вост.) «твердая кора молодой березы, с которой соскабливают и едят весеннюю заболонь»; ср. ком. *кач* «кора деревьев», фин. *коску* «кора ели»; ср. также фин. *каски* (?) «молодая береза»¹⁹.

Ылыс «хвоя», тат. *ылыс*, чув. *лас*; ср. ком., удм. *лыс*, мар. *луш*, хант. диал. *луш*, *лэвс* «хвоя»²⁰.

Бешәреу «зеленеть, голубеть»; ср. ком.-зыр. *веж* «зеленый», удм. *вож* «зеленый, голубой»; также башк. *беш*, *меш* «молодой сосняк» и перс. *миш* «дуб».

Мәреу (средн., сакмар.) «таяние снега»; ср. хант. *мырам* «мокрый, сырой, влажный».

Куйан ләбе (средн.) «зимняя заячья тропа»; ср. венгр. *лаб* «нога, стопа»; ком.-зыр. *лапос* «ступня».

Шәшке «норка», *һары шәшке* «колонок», чув. *шашка*; ср. мар. *шашке* «норка», фин. *һааһка*.

Сәүкә «галка», тат. *чәүкә*, чув. *чавка*; ср. ком.-зыр. *чавка*, венгр. *чока*.

Сенсек (кизил.), *йенсек* «голень» (ик-сакмар.); ср. манс. *санс*, хант. *шанс* *тишнэти* «колени».

Кәртә «изгородь, загон для скота, летнее стойбище для скота, хлев» (фонетические варианты в говорах: средн. *калды*, деспк. *карзы*, карадельские *карды*; тат. *киртә*, мишар. *карды*), чув. *карта*; ср. коми *карта* «хлев, скотный двор»; морд. *карда*, *кардо* «хлев, конюшня», *кардас* «двор»; манс., хант. *карта*, *карда* «двор; круг»; фин. *картано* «усадыба; дом»; венгр. *керт* «сад, огород». Слово проникло также в кавказские языки. В. Г. Егоров считает, что оно появилось в финно-угорских и кавказских языках из древнебулгарского языка²¹.

Көрәлдәк (кизил.), *гөрәлдәу* (средн.) «игра в прятки»; ср. ком.-перм. *куру* «игра в прятки»; ком.-зыр. *горан*, древнепермск. *гора* «голос»²².

¹⁵ В. М. Лыткин. Указ. соч., стр. 178.

¹⁶ Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. М.—Л., 1961, стр. 196.

¹⁷ Г. Е. Корнилов. Гидронимические ареалы Варан и Йахан в Евразии.— «Материалы по чувашской диалектологии». Чебоксары, 1963, стр. 220.

¹⁸ В. М. Лыткин. Указ. соч., стр. 200.

¹⁹ Там же, стр. 169, 191.

²⁰ Н. И. Терешкин. Указ. соч., стр. 156.

²¹ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 91.

²² В. И. Лыткин. Указ. соч., стр. 162.

Мәләу (кубалак.), *мәшәу/мәләу* (кизил.) «лопаточка для выкапывания корней диких растений; ср. ком.-зыр. *маль* «узкая длинная лопатка для размешивания теста, раствора при варке пива»; фин. *tele*; водск. *teła*, эст. *tõla* «весло»²³.

Шумай/суман шоман/шүмән «короб, колода»; ср. ком.-зыр. *чуман*, удм. *чумон* «берестяная коробка»; хант. *соҕа^н* «чуман».

Ауһар (средн.) «глупый, бестолковый, дурак»; ср. ком. и удм. *ав кум*, толк»²⁴.

Лапак/лапәс «низкий, приземистый»; ср. ком.-зыр. *ляпкыд* «низкий»; мар. *лапка* «низкий, невысокий, плоский»; венг. *лапош* «плоский, пологий, приплюснутый, мелкий».

Лаштайыу луштайыу «рассеяться, быть медлительным, неповоротливым»; ср. венг. *лушта* «ленивый» (?).

Күсәк күтәк — междометие неожиданного удивления, испуга; ср. хант. *күтә!* — междометие удивления²⁵.

Шәп «хороший, замечательный»; ср. чув. *җеңеҗ* «изысканный, изящный», венг. *шеп* «красиво».

Апа (кизил.) «старший брат моего отца», «дед, старик старше моего отца»; ср. венг. *апа* «отец», *апо* «бабушка, старик, папаша»; древнетюркск. *апа* «отец, старшая родственница, сестра».

Сер сәркә (пугуш.) *сертей* (икский подгов.), *серле* (сербала сейербала сирбала (инзер. подгов.), *сержей себерзей* (караидельск.) *сирбак сейеш шейеш иши* (сакмар.), *серкә сербильк сөвәрбильк/силбара сылбара* (кубалак.), *сырпыл сылтый, сылбара* (бурзян.), *селбара самбат* (кизил.) «мальки рыб»; ср. ком. чери, удм. *чориг*, хант. *сарык*, маис. *сорех* «рыба»; фин. *сирри* «рыбка»²⁶.

Шалтау (средний гов.) «кожаный чехол для топора»; ср. ком.-зыр. *шалка* «ранец, сумка из бересты, берестяная котомка»; фин. *салкку*, карел. *шалку* «кожаная сумка, мешок»²⁷.

Предварительный анализ башкиро-финно-угорских параллелей и выявление общих языковых моментов доказывает существование длительных исторических контактов башкир с финно-уграми. Эти контакты не ограничивались лишь северными и северо-восточными районами Башкирии, а происходили, очевидно, на всей ее территории. Если лексические параллели в говорах северных и северо-восточных башкир с финно-угорскими языками можно объяснить взаимодействием этих языков в сравнительно позднее время, то истоки происхождения аналогичных явлений в южных говорах и в целом в башкирском языке надо искать на ранних этапах этногенеза башкир.

²³ В. И. Лыткин. Дialectологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955, стр. 108—109.

²⁴ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. М., 1952, стр. 150—151.

²⁵ Н. И. Терешкин. Указ. соч., стр. 143.

²⁶ В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков, стр. 138.

²⁷ А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959, стр. 19.

ДАННЫЕ ГИДРОНИМИИ К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР

Собственные имена, в т. ч. гидронимы, по выражению В. Н. Топорова, являются в «тексте (понимаемом в широком смысле) не более чем вкраплениями»¹. Поэтому по данным гидронимии невозможно проследить всю этническую историю народа. Тем не менее гидронимические материалы Башкирии проливают свет на отдельные аспекты этногенетического процесса. По ним можно в какой-то степени определить места и границы обитания башкирских племен, направление их перемещений, выявить некоторое отношение башкирского языка к тюркским, финно-угорским языкам и т. д.

Подавляющее большинство гидронимов Башкирии объясняется на материале тюркского, прежде всего башкирского языка, но вместе с тем встречаются финно-угорские и иранские названия.

Тюркские топонимы Башкирии неоднородны по своему составу. Среди них есть названия, в основе которых лежат слова, не сохранившиеся в башкирском языке, но имеющие параллели в языке древнетюркских памятников, в монгольских и огузских языках. Это свидетельствует о том, что гидронимы сохранили слова, восходящие к более древней эпохе развития тюркских языков. Например:

Өргөн — название озера в Учалинском районе. Его можно сравнить с монгольским *орвэн* в значении «широкий»².

Өсөн — правый приток Ика (*Ык*). В монгольском *usap* «вода, река»³, в современном башкирском *узэн* «долина, река».

Йылайыр — название реки, районного центра и района. В топониме можно выделить компоненты *йыла* и *айыр*. Первый элемент *йыла* можно сопоставить с монгольским, казахским, алтайским *сала, салаа* «рукав реки, отрог»⁴, а элемент *а йы р* означает то же самое в башкирском языке. Таким образом, оба компонента одинаковы по значению, но различны по происхождению. В свете этого выясняется этимология оронима *Салаир* в Казахстане и казахского этнонима *жалаир*. Названия состоят из компонентов *сала* «отрог (горы), рукав (реки)» и *айыр* в том же значении. Надо полагать, что племя жалаир получило свое название по месту расселения.

Күкһеңер, Сыңғыртуба, һеңгертау — топонимы в Абзелиловском, Кумертауском и Нуримановском районах. Компоненты *күк, туба, тау* бытуют как самостоятельные слова в современном башкирском языке, а *һеңер, сыңғыр* составляют с древнетюркским *сиңир* «хребет»⁵.

¹ В. Н. Т о п о р о в. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики.— «Принцип топонимии». М., 1964, стр. 17.

² В. Л. Е г о р о в. Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием. Верхне-Удинск, 1934.

³ А. Р. Р и н ч и н. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947.

⁴ Г. К. К о н к а ш п а е в. Казахские народные географические термины.— «Известия АН КазССР», № 99, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 31; В. А. К а з а к е в и ч. Современная монгольская топонимика.— «Труды монгольской комиссии АН СССР», вып. 13. Л., 1934, стр. 10—17.

⁵ К. А. Ш и р а л и е в. Древние тюркские элементы в современных языках.— «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». Фрунзе, 1966, стр. 39.

Янтыкбаш, Янтакбит — название гор в Учалинском, Абзелитовском районах. Элемент *янтык/янтак* можно сопоставить здесь с древнетюркским, алтайским *janтык*, уйгурским *янтык*⁶ «склон горы». Интересен последний топоним, где оба компонента однозначны: *бит* в башкирском языке также означает «склон горы».

Базы — левый приток Белой. В современном башкирском языке такое слово отсутствует, но возможно, в названии *Базы* сохранилось слово, которое восходит к огузо-кипчакской языковой общности (ср. азерб. *базы* «пригорок») ⁷.

Оло Уран (Соран), Кесе Уран (Соран) — правые притоки Самары в Оренбургской области. В основе гидронима, по моему мнению, лежит слово уран, которое восходит к булгарскому *воран* «овраг» ⁸.

Кудыгетан — река в Абзелитовском районе. Название привлекает внимание тем, что в нем сохранен необычный для башкирского языка аффикс причастия прошедшего времени *-ан*. Обычно в башкирском и других языках кипчакской группы причастие прошедшего времени имеет форму *-кан, -ган*.

О древних языковых и территориальных контактах башкир свидетельствуют топонимы, которые находят объяснение на материале неродственных языков.

Курейд — название местности в Салаватском районе. Оно соотносится со словом *курей* «залив» в коми языке. И характер местности в какой-то степени соответствует этому названию.

Эри — приток Буга; *Эрийла* — река в Белебеевском районе. Слово *эр* в северных диалектах башкирского языка означает «сухое русло реки», в других диалектах оно не встречается. Это говорит о том, что *эр* является заимствованным словом. Источником заимствования могут быть мансийское *ари* «речка»⁹ и венгерское *ар/ер* «поток, течение»¹⁰.

Магаш — правый приток Сакмары, в Баймакском районе; *Кыуак-Магаш* — река в Белокатайском районе; *Магашты, Магашлы* — названия населенных пунктов; *Магаш, Магаши бейеге* — оронимы. В составе этих топонимов имеется слово *магаш*, которое можно объяснить на основе данных венгерского языка. Слово *магаш* в венгерском означает «высокий» ¹¹.

Вэрэш, Шишмэ-Вэрэш, Кул-Вэрэш, Вэрэше — реки в Янаульском, Нуримановском, Салаватском, Белорецком районах; *Варязе, Варяш, Варяшбаш, Варяжский лог* — названия населенных пунктов в Иглинском, Янаульском, Дуванском районах. Компоненты *вэрэш, варяш*, по-видимому, восходят к венгерскому *варош* «город, центр села» ¹².

Вуашаш — река и населенный пункт в Бурзянском районе. Название можно сопоставить с венгерским *вашаш* «железный, железистый» ¹³, ср. также венг. *Вашаш* — название города ¹⁴.

Юз — приток Быстрого Таныпа, в Янаульском районе. В древнепермском — *юз (дог)* «река» ¹⁵.

⁶ К. А. Ширалиев. Указ. соч.

⁷ Р. М. Юзбашев. Опыт исследования азербайджанских географических терминов. Кандидатская диссертация (рукопись). Баку, 1962, стр. 24.

⁸ Г. Е. Корнилов. Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике. Кандидатская диссертация (рукопись). Чебоксары, 1966.

⁹ Е. И. Ромбандеева. Основные типы мансийских географических названий. — «Всесоюзная конференция по топонимике». Л., 1965, стр. 205.

¹⁰ А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — «Ученые записки государственного университета им. А. М. Горького», вып. 32. Свердловск, 1959.

¹¹ Л. Р. Ашони. Baskurt ve Macar yurtlarındaki ortak coğrafi adlar üzerine. — «X. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler 1963'ten ayırubasım». Ankara, 1964, стр. 112.

¹² Н. П. Лизанец. О венгерских заимствованиях в украинских говорах Закарпатья. — «Вопросы финно-угорского языкознания». Ижевск, 1967, вып. IV, стр. 124.

¹³ М. Г. Кяханя. Венгерско-русский словарь. М., 1959, стр. 747.

¹⁴ В. В. Бодрич. Венгрия. М., 1966, стр. 12.

¹⁵ А. С. Кривошеков-Антани. Следы древнепермской гидронимии на «юг», «юк» в Прикамье. — «Всесоюзная конференция по топонимике СССР». Л., 1965.

Изэш — названия рек и населенных пунктов в Туймазинском, Бирском, Зианчуринском, Абзелиловском и Шаранском районах. В венгерском — *ides* «сладкий, вкусный»¹⁶. *Нирыштау* — гора в Туймазинском районе. В коми языке — *норыс* «гора, уваль»¹⁷, *тау* — в башкирском «гора».

В гидронимии Башкирии обнаруживаются и иранские названия. По историческим материалам известно, что в южных районах Башкирии обитали скифо-сарматские, позднее аланские племена. Сарматы и аланы были ираноязычными племенами.

Оло Узала, *Кесе Узала* — правые притоки Зилаира в Хайбуллинском районе. В башкирском языке: *оло* «большой», *кесе* «малый, маленький». Слово *узала* сопоставляется с осетинским *узал* «холодный»¹⁸. Этимология названия р. *Узала* подтверждается и характером объекта.

Ергэн (*Зиргэн*) — река и гора в Мелеузовском районе. В персидском — *зергун* «золотистый, золотоносный»¹⁹.

Дтек — название реки и населенного пункта в Зиланском и Бурзянском районах. В Осетинском — *адаге* «овраг, ложбина»²⁰.

Из топонимических материалов, помогающих проследить границы обитания и направление перемещения башкирских племен в прошлом, можно обратить внимание на термин *каран* «река, незамерзающее место реки». Слово *каран* участвует в составе многих гидронимов. *Каран* — собственно башкирское слово, в других тюркских языках оно не встречается. В имеющейся по Башкирии гидронимической картеке насчитывается более тридцати названий с элементом *каран*, например, в Ишимбайском, Белорецком, Гафурийском, Учалинском, Абзелиловском, Альшеевском, Благоварском, Буздякском, Давлекановском, Кугарчинском, Мелеузовском, Чекмагушевском, Мечетлинском, Стерлибашевском, Туймазинском, Чишминском, Миякинском, Белокатайском, Бакалинском, Ермакеевском районах. Они выступают в различных комбинациях: *Каран*, *Кырандык*, *Каранйылги*, *Аккаран*, *Каранди*, *Каранбаш*, *Каранай*, *Каран-Кункас*, *Каран-трау*, *Елем-Каран*, *Колтай-Каран*, *Корос-Каран*, *Кижкаран*, *Тукмакжаран*, *Ясыжаран* и т. д. Плотный ареал распространения этих названий совпадает с западными и центральными районами Башкирии. Интересно то, что по мере передвижения на восток гидронимов с элементом *каран* становится все реже и реже. Предварительные лингвогеографические исследования показывают, что слово *каран* функционирует ныне преимущественно в языке восточных башкир. Эти факты, вероятно, свидетельствуют о том, что восточные башкиры когда-то обитали в западных районах, но впоследствии по каким-то причинам переместились на восток.

Если названия с термином *каран* характерны в основном для западных и внутренних районов Башкирии, то гидронимы с элементом *айыр* «приток, рукав (реки)» размещены главным образом в южных районах Башкирии и на северо-востоке Оренбургской области. Например, *Урман Яйлайыры*, *Ялан Яйлайыры* — левый приток Сакмары, *Казлайыр* — река в Оренбургской области, *Кальцайыры* — река в Ишимбайском районе, *Жорайыры* — река в Кугарчинском районе, *Олайыр* — правый приток Малого Бузавляка, *Юлыгайыр* — левый приток Сакмары, *Айыркул* — правый приток Карамалы, *Айыр* — левый приток Юрюзани, *Оло Манайыр* — левый приток Большого Инзера, *Кесе Манайыр* — правый приток Большого Манаира, *Сыбылайыр* — правый приток Тавлы (в Баймакском районе), *Ташлайыр* — левый приток Сухайлы (в Мелеузовском районе), *Көмөшайыры* — левый

¹⁶ Л. Р а ш о н и. Указ. соч., стр. 112.

¹⁷ Е. И. П о п о в а. Основные типы коми-зырянской топонимики. — «Вопросы топонимстики», вып. 1, Свердловск, 1962, стр. 15—21.

¹⁸ А. Дз. Ц а г а с е в а. Из топонимики и гидронимики Западной Осетии. — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. 22, вып. 1, 1960, стр. 115.

¹⁹ Ж. Г. К и е к б а е в. Хэзерге башкорт телене лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966, 114 бит.

²⁰ А. Дз. Ц а г а с е в а. Указ. соч., стр. 115.

приток Нажмартиле (в Зилаирском районе), *Ажсайыр* — топонимы в Зилаирском районе, *Сыбылайыры һыуы*, *Мәғәфүр айырыһы* — реки в Бурзянском районе, *Айыргол*, *Бәруз айырыһы*, *Жыуайыр* — реки в Оренбургской области, *Айрылма* — река в Кугарчинском районе, *Ағайрык* — река в Альшеевском районе, *Уртайыры* — река в Ишимбайском районе. *Тезайыр*, *Кәкерейыр* — речки в Оренбургской области и др.

Таким образом, плотный ареал этих названий приходится на Зилаирский, Зиянчуринский, Кугарчинский, Мелеузовский, Кумертауский районы Башкирии. Это, вероятно, говорит о том, что носители данного термина прежде жили в южных районах и общее направление их перемещения шло с юга на север.

Б. Х. ЮЛДАШБАЕВ
(Уфа)

ОТ ПЛЕМЕН К НАРОДНОСТИ И НАЦИИ *

(на примере башкир)

За последние годы значительно продвинулась разработка теоретических аспектов проблемы нации. В процессе работы, с одной стороны, уточняются социальные атрибуты нации¹, с другой — становится аксиомой, что нация — это не просто социальная, а социальная этническая категория, точнее этническая разновидность социальных организмов. В этой связи поднимается вопрос о соотношении нации и капиталистической формации.

Капитализм не создает нации в смысле этнической общности, а способствует формированию некоторых ее социальных атрибутов. Он вызывает, например, острую необходимость государственного оформления данной нации, усиливает борьбу наций за их политическое самоопределение. «Во всем мире,— писал В. И. Ленин,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями»². Но независимо от исхода этих движений и даже до них уже существовали народы как этнические общности. Их этнико-национальное бытие не зависело от степени приобщения к капиталистическому способу производства. Классики марксизма-ленинизма не раз писали о «варварских», «крестьянских», «мужицких» нациях, далеких от того, чтобы вступить на капиталистический путь социально-экономического развития³. И это бьет не в бровь, а в глаз тем буржуазным идеологам Запада, которые ныне отказывают большинству народов Востока в национальности на том «основании», что-де им не хватает капитализма⁴.

Ф. Энгельс допускал длительную, начавшуюся задолго до капиталистической эпохи эволюцию наций, выросших, по его мнению, непосредственно из племен. В работе «Роль труда в очеловечении обезьяны» он писал: «...из племен развились нации»⁵. Этот тезис Ф. Энгельс конкретизировал в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Племена сплачивались в постоянные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций»⁶. Ф. Энгельс отождествлял нацию с народом в этническом

* В докладе Б. Х. Юлдашбаева, прочитанном на секция языкознания и фольклористики, поднимаются некоторые общие вопросы, оказавшиеся за пределами той конкретной проблематики, которой была посвящена сессия. В результате эти вопросы не были обсуждены ни на секционных, ни на пленарных заседаниях. Между тем их трактовка автором, по мнению редколлегии, далеко не бесспорна. Таковой, в частности, представляется его попытка пересмотреть установившееся в нашей современной научной литературе разграничение понятий «народность» и «нация». Требуют более четкого раскрытия и такие вводимые автором понятия, как «этнический тип нации», «этнико-национальное бытие», «этнико-национальная общность» и др.— *Ред.*

¹ Так, многие уже признают национальную государственность одним из признаков нации.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 258.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 428; В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 394; т. 39, стр. 327; т. 41, стр. 168.

⁴ Н. Копп. General characteristics of Nationalism in the Middle East.—«Nationalism in the Middle East», N 4, 1952, стр. 63.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 20, стр. 493.

⁶ Там же, т. 21, стр. 95.

смысле. Вслед за Морганом он показал, как племена сливались и превращались в единый народ⁷. Подобным образом возникли на заре истории человечества многие народы — «древние нации», как их называли основоположники марксизма. Многие из них были расположены вокруг Средиземного моря. Наступление христианства и средневековья превало их «национальное» развитие в том направлении, в каком оно шло в античную эпоху. На севере и северо-востоке в это время уже готовятся условия для этнико-национальной консолидации романских, славянских, тюркских и других племен: по словам Ф. Энгельса, «...из смешения народов, происходившего в раннем средневековье, постепенно развивались новые национальности, ...современные национальности»⁸. «Английская нация, — отмечал Ф. Энгельс, — образовалась из германских и романских элементов в то время, когда обе эти нации впервые обособились друг от друга»⁹. Обособление это относится к IX в. Ф. Энгельс писал о достижении «национального единства» Франции и Руси уже в XV в., о национальной консолидации народов Европы, происходящей «под эгидой феодальных монархий»¹⁰. В «Немецкой идеологии» основоположники марксизма писали о «феодально-организованных нациях» средневековья¹¹.

Соответственно этим и другим марксистским положениям первоначально в советской литературе считалось, что нация — явление, присущее и докапиталистическим этапам общественного развития. Подобные взгляды в общетеоретическом плане излагались, например, в статьях С. Асфендиарова «Проблема нации и новое учение о языке»¹² и С. Н. Быковского «Племя и нация». Последний писал о появлении нации «позднее племени», об энгельсовской «концепции развития племени в нацию»¹³. В те же годы к И. В. Сталину обратилась группа советских марксистов с письмом по национальному вопросу, в котором доказывалось докапиталистическое происхождение наций¹⁴. Понятие нации распространялось на эпоху феодализма в книге по истории коми, изданной в 1933 г.¹⁵. Показательно в этом плане и выступление С. Н. Джанашиа в 1940 г. о формировании грузинской нации, завершившемся, по его мнению, задолго до пореформенного капиталистического периода¹⁶.

Академик В. В. Виноградов в 40-х годах называл нации и все «200 народов и народностей» СССР, включая самые малые этнические ячейки¹⁷. Академик Н. Я. Марр заявлял в свое время, что для науки нет меньшинств и большинства: мало или много, в условиях советского строя все образования, даже племенные, это нации, национальности¹⁸.

Конечно, термин «нация» в полном смысле или современном понимании не следует распространять, скажем, на каждую из малых этнических групп Дагестана или Крайнего Севера, на каждые из 120 индийских народов, на каждый из 17 индонезийских и т. д. Если брать в плане историческом, то невозможно безоговорочно толковать, например, о французской нации в X в., тем более — о башкирской времен Ибн Фадлана или даже Батырши и Карасакала (хотя П. И. Рычков в XVIII в. уже писал о «народе башкирской нации»). Подобное толкование было бы модернизацией, ретроспективной «европеизацией» жизни башкир в прошлом. Здесь как раз и уместно русское слово «народность», о котором В. Г. Белинский писал, что оно в отличие от «национальности» выражает «...состояние естественной непосредственности, состояние патриархальности... В таком состоянии была Россия до Петра Великого». «Народность, — по оценке В. Г. Белинского, — есть первый момент на-

⁷ Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 97, 126.

⁸ Там же, стр. 409.

⁹ Там же, т. 1, стр. 600.

¹⁰ Там же, т. 21, стр. 416—417.

¹¹ Там же, т. 3, стр. 164.

¹² «Новый Восток», 1928, № 22, стр. 169—183.

¹³ «Сообщения ГАИМК», 1932, № 3—4, стр. 9.

¹⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 335—336.

¹⁵ В. М. Иодоров. Очерки по истории коми (зырян и пермяков), тт. 1—2. Сыктывкар, 1933.

¹⁶ «Историк-марксист», 1940, № 12 (88), стр. 141—149.

¹⁷ В. Виноградов. Великий русский народ. М., 1945, стр. 159, 170.

¹⁸ Н. Я. Марр. Вопросы языка в освещении яфетической теории. Л., 1933, стр. 470, 491, 495, 509.

циональности, первое ее проявление; нельзя, указывал он, представлять дело так, «чтобы там, где есть народность, не было национальности». В. Г. Белинский отмечал, что именно в русском языке находятся в обороте два слова, выражающие одинаковое значение: «однокоренное русское — н а р о д н о с т ь, другое латинское, взятое нами из французского — н а ц и о н а л ь н о с т ь»¹⁹.

Русское слово «народность» не переводимо или, во всяком случае, трудно переводимо на другие языки и почти не находит места в зарубежной (западноевропейской) литературе, включая марксистскую. Это слово нашим, советским, авторам приходится не переводить, а просто передавать буквально латинским алфавитом — «narodnost» что, например, делается журналом «Советская этнография».

С другой стороны, нет достаточно серьезного основания пренебрегать этимологией категории нации. Романо-германское «nation» означает, собственно, происхождение, племя, народность в этническом (а также этнополитическом) смысле; по коренному, первоначальному смысловому значению оно является этногенетическим понятием.

Все эти и другие обстоятельства учитываются в советской исторической науке при разработке теории нации — вопросов о соотношении типов этнической общности, нации и капитализма и т. д. На страницах журнала «Коммунист» в 1965 г. был поставлен вопрос о признании докапиталистического происхождения нации²⁰. В серии «Народы мира» советские этнографы признают, что по существу «отсутствует резкая граница между нацией и народностью»²¹. С. А. Токарев вообще подверг сомнению классификацию современных этнических общностей на «нации» и «народности»²². Он считает, что традиционно признаваемые четыре признака общности свойственны не только нации, но и этническим образованиям более ранних времен²³. Аналогичную мысль, отрицающую какие-либо узкие рубежи и грани между «нацией» и «народностью», высказывают также многие другие советские ученые, занимающиеся проблемой этнической общности людей — нации, национальной языка и т. д. — В. И. Козлов, А. Г. Агаев, М. С. Джунусов, Е. М. Галкина-Федорова, Б. А. Ларина, Ф. П. Филин и др.²⁴.

Действительно, все характерные признаки и элементы наций («современной»), хотя и в менее развитом виде, присущи и той стадии этнического развития, для обозначения которой с некоторых пор в нашей литературе употребляется понятие и термин «народность». Разница между «нацией» и «народностью» — в степени социального и культурно-экономического развития. С точки зрения этнической (или этнолингвистической) образования народности из племен по существу есть не что иное, как начавшаяся национальная консолидация, становление нации. Народность представляет собой первоначальную этническую ступень формирования нации, отнюдь не выходящую за общие пределы истории складывания национальной общности.

Сформулированные выше теоретические положения подтверждаются историей формирования башкирской нации. Процесс ее складывания имел разные аспекты: этническую, языковую, духовную, социально-экономическую, политическую, территориальную, демографическую и т. д. Решающим моментом всего процесса явилось формирование этнолингвистической основы нации — сложение народности преимущественно из тюркоязычных племен с общим этнонимом *башкорт*.

Этническо-языковое формирование башкирской нации имеет длительную историю и

¹⁹ В. Г. Б е л и н с к и й. Избранные философские сочинения, т. 1. М., 1948, стр. 336, 338, 339.

²⁰ «Коммунист», 1965, № 4, стр. 76.

²¹ «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 29.

²² С. А. Т о к а р е в. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 14.

²³ «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 177.

²⁴ Е. М. Г а л к и н а-Ф е д о р о в а. Язык как общественное явление. М., 1954, стр. 8; «Вопросы истории», 1955, № 8, стр. 85; 1966, № 4, стр. 22—24; «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, стр. 26; «Вопросы образования восточно-славянских национальных языков». М., 1962, стр. 23; А. Г. А г а е в. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965, стр. 37 и др.

еще более долгую предысторию. Это был процесс потенциального вызревания в недрах алтайской, позднее тюркской этнолингвистической общности, а затем постепенного выделения из нее и последующего эволюционного становления тюркоязычной башкирской народности и нации. Не разделяя «китайской стеной» нацию и народность, но и не желая совершенно смешивать их, мы употребляем понятие в ы з р е в а н и я (притом по т е н ц и а л ь н о г о) нации в те времена, которые охватывает тюрко-алтайская проблема. Суть же последней сводится к тому, что от тюркской ветви алтайской этнолингвистической семьи отпочковывались, а потом взаимно смешивались родственные племена с присутствующими им диалектами и говорами; происходила постепенная их консолидация в единую национально-этническую общность с единым языком. Лингвистами и востоковедами А. Кастреном, В. В. Бартольдом, В. В. Радловым, С. Е. Маловым выдвинута, а в последнее время Н. А. Баскаковым подытожена и систематизирована периодизация истории тюркских языков. Она устанавливает следующие этапы дотюркской и тюркоязычной этнической эволюции: (1) Алтайская эпоха, (2) Хуннская (до IV в. н. э.), (3) Древнетюркская (V—IX вв.), (4) Среднетюркская (X—XV вв.) и (5) Новотюркская (XVI— начало XX вв.) *

От начальных этапов становления тюркоязычных народностей, в т. ч. башкир, не сохранилось ни вещественных памятников, ни письменных свидетельств. Но есть возможность ретроспективно осветить этническое прошлое народов с помощью современных данных лингвистики. Язык, будучи одной из этнических категорий, обнаруживает в своей истории исключительную стабильность. Это относится и к тюркским языкам. Они поныне сохраняют свои исконные существенные черты, хотя с тех пор, как впервые были зафиксированы, прошло более тысячелетия. Язык, говорил Э. Сепир, «наиболее самодовлеющий, наиболее устойчивый и способный к сопротивлению из всех социальных феноменов»²⁵. На устойчивость языковой специфики этнических общностей указывал, уже применительно к башкирам, В. М. Флоринский. Он писал: «...язык народа остается верным самому себе до тех пор, пока не исчезнет сам народ путем ли постепенного вымирания или полного поглощения другой народностью... Сказать, что народ утратил свой язык, это значит, что он перестал быть тем народом, каким был когда-то и, говоря другим языком, бесследно перешел в другую народность, слился с ней вполне»²⁶.

Выражая основное содержание этнической истории данного народа, язык тем самым указывает на принадлежность этого народа к той или иной этническо-языковой общности, семье, группе. Теория групп (семей) языков развивается с XVIII в. и составляет суть сравнительно-исторического языковедения. Последнее, как отмечал еще в 1880 г. Г. Пауль, твердо установило, что «из одного в сущности языка в истории не раз возникали многие языки»²⁷. Пауль считает современные национальные языки развитием «диалектов» первоначальных языковых семей. По словам Бодуэна де Куртене, «...языковую отрасль или же языковую семью составляют все те языки, которые предположительно можно свести к одному, некогда общему языку, точнее — к одному общему языковому состоянию»²⁸.

В языках современных тюркских, в т. ч. башкир, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов имеются некоторые общие черты — фонетические, лексические, грамматические и др. Их предки, как полагают некоторые ученые, некогда представляли единую этническо-языковую общность, кочевавшую в районе Алтая. Вероятно, из этой общности, существовавшей первоначально как нечто неопределенное, аморфное, постепенно диффе-

* С этой периодизацией принципиально совпадают данные археологии и этнографии, представители которых (Р. Г. Кузеев и др.) также проделали значительную работу по выяснению основных этапов этнической истории Башкирии и башкир. (См. «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 64; АЭБ, т. 1. Уфа, 1959; т. 2. Уфа, 1964; т. 3. Уфа, 1968).

²⁵ Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., 1934, стр. 162.

²⁶ В. М. Флоринский. Башкирия и башкиры.— «Вестник Европы», 1874, т. 6, кн. 12, стр. 725—726.

²⁷ Г. Пауль. Принцип истории языка. М., 1960, стр. 58. (Перевод с немецкого).

²⁸ И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языковедению, т. 2. М., 1963, стр. 90.

ренцировались монгольский, тюркский и другие этнолингвистические типы. К новому времени сложилось порядка трех-четырёх десятков теперешних тюркских языков, в т. ч. башкирский. Эти языки распространились на огромной территории Евразии; одна из географических групп тюркских языков — поволжско-приуральская²⁹. При всех различиях между современными тюркскими языками, их, однако, объединяют общие лингвистические закономерности, общетюркские звуки и черты. Все эти языки можно рассматривать как нечто единое целое, ибо в основе их сохранилась исконная общность. В конечном итоге они восходят к общетюркскому языку-основе³⁰.

Современный башкирский язык — это один из языков тюркского и, в конечном счете, алтайского типа, но вполне самостоятельный в качестве национального языка. Алтайские и общетюркские черты башкирского языка, как и общетюркские этнические признаки башкирской народности, отнюдь не делают эту народность и ее язык безнациональной частью какой-либо единой и недифференцированной общности, скажем — «тюркской нации» или «тюркского языка», якобы сегодня существующего в природе. Пантюркистская концепция в этих вопросах опровергается всей историей и современной жизнью тюркоязычных наций. Но это не противоречит тому факту, что башкиры — одна из этнико-национальных общностей тюркского типа.

Ученые в прошлом, когда, например, решали вопрос о происхождении башкир (тюрки это или угро-финны), обращали внимание также и на современный их язык, антропологию, «народный характер», быт и обычаи. Этнос отождествлялся с нацией, которая толковалась в этнографическом, а то и в антропологическом плане. Бодуэн де Куртэнз в 1918 г. писал о «...распределении людей по отдельным антропологическим и этнографическим категориям», а также по общности языка, верований и воззрений, обрядов и обычаев, быта и т. д.³¹ Некоторые современные этнографы справедливо сводят этническую общность к тому или иному сочетанию таких признаков, как происхождение, язык, территория, хозяйство и быт, культурный уклад, религия, этническое самосознание, самоназвание и т. д. Этот перечень дает понятие о так называемом этническом типе нации и об этническом аспекте проблемы нации. Этот аспект отражает сложный процесс смешения и слияния племен, преимущественно родственных, в народность, которая представляет собой стадию этнического становления нации. Критикуя однобоко этногенетический и тем более расово-антропологический подход к определению нации, вместе с тем следует иметь в виду, что учет этнического происхождения и племенного состава народов дает возможность выяснить, имеет ли та или иная нация общее происхождение и единый этнический тип, или же она сформировалась из племен различных рас, но все равно выработала какую-то общую этническую индивидуальность в смысле языка, психологических особенностей, навыков и т. д. Понятие этнического типа нации логически вытекает из признания нации как этнической общности и органически связано с этногенезом. Башкирская народность или нация сформировалась как этническая (этнолингвистическая) общность тюркского типа.

В хуннскую эпоху еще нет даже отдаленных признаков дифференциации — выделения башкирских племен и башкирского языка из общетюркской этнической массы, из тюркской языковой общности. Следовательно, нет и этнонима *башкирты*, хотя древнейшие этнонимы ряда других тюркских племен восходят, по свидетельству письменных данных, уже к III в. до н. э. (упоминается племя кыпчаки, обитавшее на юго-восточном Алтае³²).

²⁹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 8—18.

³⁰ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия АН СССР», Отдел литературы и языка, 1952, т. 2, вып. 2, стр. 139—140; Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 108—111.

³¹ И. А. Бодуэн де Куртэнз. Указ. соч., т. 1, стр. 17.

³² «Советская археология», вып. 6—7. М.—Л., 1947, стр. 154.

В названную эпоху из западнохуннской ветви тюркской общности выделилась огузо-карлуко-кыпчакская племенно-языковая общность, в которую входили и предки башкир.

В конце IV в. н. э. гуннским нашествием начинается «великое переселение народов». Вслед за гуннами проникли в Европу булгары, авары, хазары и др. Появляются и угорские племена, в их числе — мадьяры, относящиеся к хантийской ветви угорского этнолингвистического типа. Первая волна тюркских элементов, проникших тогда же в Приуралье и сыгравших определенную роль в его тюркизации, еще не дает башкир как таковых. Появление в Приуралье собственно башкирских племен связано с движением печенегов, которые в конце VIII в. заняли территорию между Волгой и Уралом. В конце IX в. объединение кочующих печенегов, в т. ч. башкиры, двинулось на северо-запад. Основная масса печенегов, двигаясь южнее Урала, прошла дальше на запад, перешла Волгу. Башкирские племена волной кочующих номадов «были выброшены» в предгорья Южного Урала, к берегам р. Белой. П. И. Небольсин считает эти племена, особенно усерган и бурзян, коренными и башкирскими племенами, «цветом башкирского населения»³³ Такую же оценку роли усерганцев и бурзянцев в образовании башкирской народности дают другие этнографы.

Названные племена и в целом печенежское объединение, от которого они отпочковались, находились в самых тесных связях с огузами и кыпчаками. К X в. кыпчакско-огузская этническо-языковая общность, от которой перед тем уже отпочковались карлуки, делится на две части — кыпчакскую и огузскую. Из них впоследствии образовалось несколько народностей (и наций) с соответствующими языками: из кыпчакской общности — каракалпакская, татарская, башкирская и другие, из огузской — турецкая, азербайджанская, туркменская и др.

Кыпчаки появились в Восточной Европе, а также в Башкирии, первоначально вместе с печенегами, затем с монгольским нашествием. Кыпчакские племена (кыпсак, тамьян, канглы, сальют, катая и др.), осевшие по пути на запад в Приуралье, приняли непосредственное участие в этническом формировании башкирской народности. Н. А. Аристов считал, что в формировании башкир преобладающую роль сыграло племя кыпсак, а также роды Малой Орды — племена табын³⁴. Благодаря принадлежности кыпчаков и башкир к одной и той же племенной и языковой общности и сходству у них способов ведения хозяйства происходило интенсивное внедрение кыпчакского элемента в башкирскую этническую среду³⁵.

Все эти вопросы ныне более или менее обстоятельно разработаны Р. Г. Кузеевым³⁶.

К XV—XVI вв. произошла решающая дифференциация и интеграция башкирской и тюрко-татарской народностей, но процесс образования и языкового формирования этих народностей завершился окончательно в следующий период, уже в составе России. «Новотюркская эпоха, — пишет Н. А. Баскаков, — характеризуется окончательным формированием всех современных тюркских народностей и языков»³⁷.

К моменту принятия русского подданства башкиры представляли уже вполне компактную и своеобразную этнико-национальную и языковую общность — народность с присущими ей национально-специфическими чертами в языке, обычаях и т. д. В составе же России, особенно с возникновением капитализма и развитием советской культуры, указанная общность стала все более приобретать черты современной нации.

³³ П. И. Небольсин. Заметки о башкуртах. — «Отечественные записки», 1850, т. 73, отд. 8, стр. 3.

³⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», 1896, вып. 3—4, стр. 406.

³⁵ Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. «Башкиро-мадьярская» проблема. — АЭБ, т. 1, стр. 339; Р. Кузеев, С. Шитова. Башкиры. — «Народы Европейской части СССР», т. 2. М., 1964, стр. 687—688.

³⁶ АЭБ, т. 3, стр. 228—248.

³⁷ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, стр. 147.

Следуя установившейся терминологии, можно сказать, что первоначально действительно сложилась башкирская н а р о д н о с т ь. Но она, не переставая быть таковой, переросла потом в н а ц и ю (современного типа). Это не значит, что на первом этапе башкирский народ был лишен национальной индивидуальности, национальности. Объединение башкирских племен в народность и формирование одноименной нации — явления, если и не тождественные, то во всяком случае однопорядковые. Формирование башкирской народности этнически уже обеспечивало нацию. Народность — это этническая база данной нации; нация в этническом смысле, а в историческом плане консолидация племен в народность представляет уже первоначальный и довольно существенный, если не решающий, этап в формировании нации.

Г. Е. КОРНИЛОВ
(Чебоксары)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ОТДЕЛЬНЫХ БАШКИРСКИХ РОДОВ В ЭТНОГЕНЕЗЕ СМЕЖНЫХ С НИМИ НАРОДОВ

Башкирский, казанскотатарский и чувашский языки имеют некоторые общие черты, особенно на уровне отдельных говоров и диалектов. Это естественно, если учесть, что чувашский язык сформировался целиком на основе болгарских наречий, а башкирский и татарский языки также испытали существенное влияние болгарского субстрата. Последнее дало основание Н. А. Баскакову выделить башкирский и татарский языки в особую кыпчакско-болгарскую подгруппу тюркских языков¹.

В древности кыпчаки на территории Башкирии и Татарии полностью ассимилировали болгарское население, от которого, в частности, сохранились преимущественно только собственные имена. Ср., например, название рек Кондурча в Татарии, Кундуруш в Башкирии (Зилаирский район) из древнеболгарск. *кондур*, *кундур* (совр. чув. *хантар*) «бобр, бобровый»; название р. Инйэр, Ингэр, Иннэр в Башкирии (приток Белой) из древнеболгарск. *ангар*, *энгар* «река, речка, поток, овраг»², название реки в центральной Башкирии Егэн из древнеболгарск. **йоган* (совр. чув. *юхан*) «проток, проточный»³; название реки Шар (Зилаирский район) из древнеболгарск. **сар*, **шар* (совр. чув. *шор*, *шур*) «река с заболоченными берегами; проточное болото» (ср. тюрк. *саз* «болото») и болгарско-чувашское заимствование в венгерском языке *шаар* «грязь, болото» и т. д.).

В значительной мере общими для башкирского, казанскотатарского и чувашского языков являются и некоторые слои апеллятивной лексики, а также некоторые совпадения в фонетике, морфологии и фразеологии. Однако не все общее на уровне отдельных говоров можно отнести за счет влияния древнеболгарских диалектов. Дело в том, что взаимодействие названных языков не прекратилось с завершением ассимиляции болгар пришлыми кыпчаками. Чувашские говоры, например, на территории Башкирской и Татарской АССР испытывают влияние башкирского и татарского языков по сей день. В свою очередь, будучи кочевыми и полукочевыми, отдельные башкирские роды со временем локализовались в районах, весьма отдаленных от мест основного оседания близкородственных племен. Одним из подобных случаев является оседание татаро-башкирских родов в северной части Чувашской АССР, на территории Сундырского, Ядринского, Моргаушского районов. В свое время на указанных землях проживали и марийцы. Однако непосредственная близость густо заселенных чувашезычных волостей и уездов, общее преобладание чувашей решили

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

² Заимствованный из болгаро-чувашских диалектов этот термин сохраняет апеллятивное значение и употребление в марийском языке. Кроме того, он лежит в основе названия известной сибирской р. Ангара. Собственно кыпчакская форма этого слова отразилась в гидрониме Аниш (река в Поволжье) и в башкирско-татарском термине *инеш* «речка, ручей», имеющих совершенно убедительную этимологию на тюркской почве. Составные части этого термина *ине*, *ана* (с назализованным интервокальным *-н-*) и *ши*, *уш*, *ас*, *ус*, *ар*, *эр* самостоятельно употребляются в качестве географического номенклатурного термина с гидронимическим значением в большинстве так называемых урало-алтайских, а также палеоазнатских языков.

³ «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 2. Чебоксары, 1963, стр. 219—223.

судьбу указанных родов: исключительно интенсивная практика смешанных браков и связанное с ней постоянное взаимное перемещение населения привели к постепенному этно- и глоттонивелированию.

Однако переход на чувашский язык марийского и башкирского (и татарского) населения не мог быть полным и, естественно, оказывал встречное влияние на местную чувашскую речь. Этим и объясняется лексико-фонетическое своеобразие сундырских говоров чувашского языка. Если ко всему сказанному добавить, что указанные говоры больше других испытали и русское влияние, поскольку были в прямом контакте с селениями Нижегородской губернии, то можно себе представить, как сложны здесь были процессы этно- и глоттогенеза. Тем не менее башкирский суперстрат и субстрат выявляются и сегодня с достаточной определенностью.

Чувашское название с. Малое Карачкино Ядринского (бывш. Сундырского) района ЧАССР *Пошкарт* (чув. лит. *Пушкарт*) «Башкирское» говорит само за себя. Н. И. Ашмарин оставил нам подробное описание чувашского говора с. Пошкарт и местную лексику включил в «Словарь чувашского языка». Выявленную Н. И. Ашмаринным лексику, в свете нашей задачи — доказать башкирское происхождение жителей с. Пошкарт, можно распределить по следующим группам:

1. Лексические «башкиризмы»: *шекел, шекеле* «бородавка» (это слово перешло и в марийский), *шыркалча* «чирок» (башк. *сүрәгәй өйрәк*), *тәппи* «пожка» (башк. *тәпәй*), *сарлан* «чайка» (башк. *сарлак*), *макайән* «наверно(е)» (башк. *могайын*), *кырмысак* «вальдшнеп» (башк. *кырлысытк*), *йолагай* «ленивый» (башк. *ялкау*), *йай* — «вить» (башк. *яһау* — «вить гнездо»), *халаҫа* «извозчик» (башк. *ылаусы*) и некоторые другие.

2. Фонетические «башкиризмы»:

а) артикуляция между гласными -к- как -ґ-, отсутствующая в других чувашских говорах: *тиґә, таґынчан, йолагай, мамыґы, чаґын, тәґрула, сүґгайык, пүґән, мыґыр, ӧзӧраґан*;

б) сохранение широкого -е- в первом слоге вместо чувашского *и*: *пер* «мы» вместо *эпир*, *эпер*; *пен* «тысяча» вместо *пин*; *сет* «семь», *сетмел* «семьдесят» вместо *сич(че)*, *ситмел*;

в) утрата интервокального -в- с последующим непоследовательным стяжением гласных, а также сохранение исконных губных гласных, давших в других чувашских говорах по аналогии группы «гласный + в + гласный»: *шӧрт* — вместо *шеверт* «заострять»; *шуар* — вместо *шавар* «поить»; *хӧл, хуел* — вместо *хевел* «солнце»; *хун* — вместо *хыван* «раздеваться»; *хуала* — вместо *хавала* «гнать»; *хуа* — вместо *хава* «верба, куст»; *сар* — вместо *савар* «вертеть»; *пӧер* — вместо *певер* «печень»; *пӧе* — вместо *певе* «пруд»; *копа* — вместо *кавана* «пуп(ок)»; *куак, коак* — вместо *кавак* «снний, серый»; *ӧе* — вместо *ӧава* «гнездо»; *ӧура* — вместо *ӧвар* «тяжелый»; *ул* — вместо *ывал* «сын»;

г) сохранение заднеязычного *к* в тех случаях, когда другие чувашские говоры его утратили или заменили *х*: *херек* — вместо *херех* «сорок»; *ханак* — вместо *ханах* «привыкнуть»; *халка* — вместо *халха* «ухо»; *хайак* — вместо *хаях* «осока»; *хосак* — вместо *хусах* «холостой»; *хонак* — вместо *хуна* «(по) крышка, веки»; *хапка* — вместо *хапха* «ворота»; *халак* — вместо *халах* «народ»; *тике* — вместо *тиха* «жеребенок»; *сорак* — вместо *сурах*

«овца»; *пакар* — вместо *пахар* «медь»; *пак* — вместо *пах* «кал»; *коçлак* — вместо *куçлах* «очки»; *варлак* — вместо *варлах* «семья»; *орапалак* — вместо *урапалах* «мера земли в 400 кв. м»; *олак* — вместо *улах* «луг»; *олак* — вместо *улах* «тайное свидание парня с девушкой»; *оçмак* — вместо *ухмак* «глупый»; *ок* — вместо *уха* «стрела, лук».

3. Морфологическим «башкиризмом» пока условно можно считать форму с отрицательной постпозитивной частицей *эмэс* «не» вместо общечувашской *мар*: *керлемес* — вместо *кирле мар* «не надо, ненужный». Эта форма широко представлена в среднеазийских тюркских языках, но не исключена она и для древних башкирских говоров. Попутно следует отметить сохранение у верховых чувашей и пошкартцев древнетюркского глагола *хой-*, *кой-*, *куй-*, *хуй-* «бояться, пугаться», откуда возможно *куй* «курдючная овца» и *куян*, *коян* «заяц» (*куй* «пугливый» + *ан* «зверь»).

4. Топонимические «башкиризмы».

Здесь относятся: а) мужское имя *Акпарас* «белый барс»; слова *ак* «белый» в чувашском иет; б) название поля около с. Пошкарт—*Атмат*, возможно из *Ахмат*, *Акмат*; в) название рода в с. Большое Карачкино — *Айбалит*, а также мужское имя *Айбулат*; г) русское название с. Пошкарт—Карачкино происходит, несомненно, из самоназвания прищлых башкир и связано или с башкирским словом *кара* «черный», или же, что вернее, с *каракчи* «постовой; сторожевой пост; застава»; чувашская аллонома звучит *Хураçка*, *Хорачка*, *Хорачак*; д) название прежде заболоченного лесного участка на земле с. Пошкарт *Иэйнэ* несомненно связано с башкирским корнем *өзэ* «топкое русло реки», *үзэн* «дол(ина), долинный», так как по-чувашски этот корень должен звучать *вар*, *варан* или *уран*; е) название берега в с. Пошкарт и обрыва в с. Большое Карачкино *йарлан* вместо общечувашского *сырлан*, *шырлан* «берег, обрыв» и т. д.

5. Условными «башкиризмами» можно считать все те специфически «пошкартские» слова и формы, которые не имеют соответствий в других чувашских говорах, а также в марийских, мордовских, русских и т. д. диалектах. Эти «башкиризмы» могут оказаться, в частности, источниками для исторических исследований по башкирской диалектологии и этнографии.

М. Х. МИНГАЖЕТИНОВ
(Уфа)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В БАШКИРСКИХ СКАЗКАХ

Оригинальность и национальное своеобразие башкирских сказок, которые в основном относятся к международным сюжетным типам, во многом обусловлены тем, что в них как источник сказочного чуда широко использованы древние тотемистические воззрения башкир, а также легенды и предания о родоначальниках племен, родов и родовых подразделений. Это находит выражение также в многочисленных башкирских сказках о чудесной жене, принявшей облик лебедя, голубя, кукушки, утки, гусыни, черной коровы, змеи, травы, веточки, и в сказках о чудесном муже, выступающем в облике медведя, волка, быка, воробья, змеи, орла или собаки и т. д.

Традиционными для башкирских богатырских сказок являются мотивы чудесного рождения и чудесного превращения животных или неодушевленных предметов в человека. В некоторых сказках батыр ведет свое происхождение не от человека, а от лесного зверя или домашнего животного. В сказке «Бузансы батыр» (Андр. 650А + 301В) герой рождается от серой лошади: «На третий день серая кобыла разрешилась от бремени ребенком (человеческим)»¹. В других вариантах серая кобыла (*буз беи*) рождает серого жеребенка (*буз колон*), а через три дня он неожиданно превращается в мальчика — будущего героя².

Кровнородственная связь сказочного батыра с животным миром может быть объяснена тем, что на почве башкирской культуры еще в далеком прошлом международный сказочный сюжет слился с местной мифологической быличкой о тотемном животном — серой кобыле, родоначальнице патриархальной семьи.

Примечательно, что у башкир культ коня получил в быту весьма яркое выражение. С ним связаны многочисленные суеверия и обычаи, пережитки религиозных донсламских представлений. С. И. Руденко отмечает: «Башкиры были уверены, что ничем нельзя убить змею, кроме как нагайкой (*жамсы*), пропитанной лошадиным потом, считая последний для змеи смертельным»³.

О народных поверьях, связанных с приписыванием коню чудесных свойств, сообщает И. И. Лелехин, путешественник XVIII в. Он пересказал легенду о том, как один башкир сумел убить великого змея, жившего на змеиной горе (Йылан-Тау), потому, что напоил свою саблю лошадиным потом⁴. Автору доклада также приходилось наблюдать, как старики — жители зауральских башкирских деревень, останавливаясь на ночлег в незнакомом лесу или поляне, перед сном окружали место ночлега вожжами, хомутами, седельниками, уздечками — всем тем, что пахнет конским потом, чтобы оградить себя от змей, «нечистой силы» и болезней. Еще в наше время можно встретить пожилых башкир, которые, зарезав коня, сняв с него шкуру, обмазывают свое лицо, шею, руки и ноги свежим

¹ «Вестник Оренбургского учебного округа». Уфа, 1912, № 5.

² «Башкорт халк экиятләре». Уфа, 1956, 81 бит; «Башкорт халк ыжыды», т. 2. Уфа, 1959, 42 бит.

³ С. И. Руденко. Башкирия. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 316.

⁴ И. И. Лелехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г., ч. 2. СПб., 1802, стр. 57—58.

конским жиром. Они объясняют это чудодейственной силой конского жира (после него не пристает никакая хворь, исчезают болезни костей, суставов и кожи).

Темное происхождение имеет и герой сказки «Аюголак» (Андр. 650А + 301В): однажды зимой старик захворал и не смог пойти в лес за дровами; в лес пошла старуха; там ей встретился медведь и увел к себе в берлогу; у старухи родился сын с медвежьими ушами; после рождения сына старуха убежала от медведя и вернулась к своему старику; тот очень обрадовался, что его старуха возвратилась с сыном; они его назвали Аюголак (Медвежье ухо). Сказочный сюжет здесь неотделим от мотивов мифологической былички о медведе-родоначальнике.

Сказка «Аюголак» наиболее популярна у восточных башкир, она неоднократно записывалась (в Гафурийском районе — 1938 г., Бурзянском — 1939 г.). Как показывают башкирские шежере и родо-племенной состав башкир, башкирские роды и родовые подразделения, носящие тотемистические названия «айюу» (медведь), издавна занимали территорию восточной Башкирии. Род (*туба, аймак*) *айюу* входил в состав усергенского (*усарган*) племени восточных башкир⁵. Родовые подразделения (*ара, аймак, булга, насел, током*) «айюу» имелись и в составе кыпсаковского (*кыпсак*) и катаяйского (*катий*) племен восточных башкир⁶.

Почитание медведя и его костей, которым приписывались магические свойства, нашло отражение и в башкирских суевериях. Так, С. И. Руденко отметил у восточных (катаяйских) башкир следующие обычай: «... для предохранения, а также для избавления от болезни уральские башкиры вместе с изречением из корана (*бетуе* — амулет) вешали на шею больших, особенно детей, амулеты, медвежьи когти (*айюу тырнагы*) и клыки (*айюу теше*), так как болезнь, боясь их, как самого медведя, оставляла больного⁷».

Известно, что у древних башкир был обрядовый праздник медвежьей свадьбы (*айюу туйы*), когда люди в честь медведя плясали, одевшись в медвежьи шкуры. Тотемный зверь, медведь, является характерным персонажем и башкирских легенд. Так, в этногенетической легенде, объясняющей происхождение родового подразделения «медведи» (*айюу арашы*) в составе племени бурзян, медведь представлен как дикий человек (*эзм тарпаны*), являющийся родоначальником (*ирюу байлыгы*)⁸.

Итак, народные сказочники, идеализируя батыра, широко использовали в качестве творческого художественного материала известные им поверья и легендарные представления.

Тотемистически окрашено рождение батыров в богатырских сказках «Балык-батыр» («Батыр-Рыба», Андр. 303)⁹ и «Алтын сабак» («Золотая сорожка», Андр. 303 + 300А)¹⁰. В них два батыра-близнеца рождаются после того, как старик выловил чудесную рыбу и накормил ею свою бездетную старуху.

В сказке «Камыр-батыр» герой и его брат сделаны из теста. Но чудесное превращение в богатырей человеческих фигурок, сделанных из теста старухой, происходит под магическим воздействием говорящей на человеческом языке рыбы, выловленной стариком из бездонного озера или моря. Когда старик поймал волшебную рыбу, но еще не знал, что дома его старуха вылепила из теста две человеческие фигурки и что они ожили. Об этом он узнает от рыбы, которая, как и во всех вышеприведенных сказках, сама захотела быть съеденной сыновьями старика.

⁵ Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч.1 Уфа, 1957, стр. 48.

⁶ Там же, стр. 54.

⁷ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 320.

⁸ Записано в 1959 г. С. Галиным в д. Котос Оренбургской области у известной сказительницы Телекеевой Рахимы.

⁹ «Башкирские народные сказки». Запись и перевод А. Г. Бессонова. Под ред. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1941, стр. 71—75.

¹⁰ Сказка записана в 1968 г. в д. Коломеное Учалинского района Башкирской АССР от Нуриева Габдрахмана Нуревича (1907 г. рождения) М. Х. Мингажетдиновым.

Тотемистическая основа происхождения Балык-батыра, героя сказки «Золотая сорожка», Камыр-батыра и их братьев-близнецов имеет, возможно, связь с существованием у древних башкир тотемов рыбы. О существовании у древних башкир тотема рыбы писал посол багдадского халифа Ибн Фадлан, посетивший Башкирию в 922 г.: «Мы видели, — пишет Ибн Фадлан, — как (одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям...»¹¹. В комментарии к шежере башкир племени айле, данному Р. Г. Кузеевым, упоминается башкирский род *балыксы* (рожденных от рыб), который в XVI—XVII вв. входил в таныпское объединение родов. В него входил в XVI—XVII вв. также род *кошсы* (*кошсы*), который в XVII—XVIII вв. слился с родом айлинцев и этнически был связан с родом балыксы¹². Последний указан и в таблице родоплеменного состава западных башкир в составе племени Танып¹³. Этимологию названия *балыксы* (*балыксы*) следует понимать не в современном значении «рыболов» (так истолковано оно Р. Г. Кузеевым в комментариях), а как «рожденный от рыбы», по типу бузансы (рожденный от серой лошади). Из той же таблицы родоплеменного состава башкир XVIII в. и более раннего периода видно, что родовые подразделения, связанные с тотемами различных рыб, были в составе и других башкирских племен. Так, в роде мунаш (монаш), входящего в бурзянское племя, было родовое подразделение ташбаш (ерш)¹⁴, а в низер-кайтском роде кайтского племени — табан (карась)¹⁵.

В сказке о Камыр-батыре налицо двойная родственная связь батыра с природой. Он сделан из теста—продукта сельскохозяйственного труда—и одухотворен рыбой. Связь рождения батыра с культом хлеба также является характерной для башкирских сказок. Так, в сказке «*Арпа-батыр*» («Ячменный богатырь», Андр. 303+301В) бездетная старуха рождает батыра после того, как она съела ячменное зерно¹⁶. В богатырской сказке «Батыр и его артамак» (Андр. 303 + 532+530 В) батыр появляется на свет после того, как бездетная старуха съела горошек¹⁷.

Существование земледелия у древних предков башкир в настоящее время многими не подвергается сомнению. «По археологическим данным, — пишет С. И. Руденко, — известно, что оседлым скотоводством в сочетании с земледелием население Башкирии занималось еще в I тыс. до н. э.»¹⁸. Удобный для ведения сельскохозяйственного хозяйства юго-западный район задолго до присоединения Башкирии к Русскому государству был колонизирован болгарскими племенами, знавшими наряду со скотоводством и земледелие. Уже в XIII в. здесь сложилось своеобразное сочетание скотоводства и зернового земледелия, в развитии которого принимают участие и местные башкирские племена. Вместе с тем имеющиеся археологические материалы дают основание предполагать, что основы хозяйственного развития Башкирии были заложены давно, возможно еще в I тыс. н. э. Во всяком случае, земледельческая культура, продвигаясь на территорию западной Башкирии, нашла здесь предшественника: местную, правда слабо развитую, культуру земледелия. Об этом можно судить по археологическим раскопкам в северо-западных районах Башкирии, где были найдены бронзовые серпы, датируемые серединой I тыс. н. э.¹⁹. Если учесть, что «башкиры принадлежат к тем народностям Восточной Европы, у которых феодальные отношения сложились относительно поздно, ... что процесс разложения патриархально-родового строя и складывания феодального общества у башкир стал заметно проявляться только с XII—

¹¹ «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». Под ред. П. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 66—67.

¹² Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

¹³ Р. Г. Кузеев. Очерки по исторической этнографии башкир, стр. 56.

¹⁴ Там же, стр. 49.

¹⁵ Там же, стр. 53.

¹⁶ «Башкирские народные сказки». Запись и перевод А. Г. Бессоновой, стр. 107—109.

¹⁷ Сказка записана в 1962 г. в д. Старо-Кулево от Хайруллина Файзуллы студенткой БГУ М. Сунагатдиной.

¹⁸ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 61.

¹⁹ Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 22—23.

XIII веков»²⁰, то наличие в древних по происхождению башкирских богатырских сказках фантастических мотивов, связанных с земледелием, не случайно.

Известны башкирские волшебные сказки, в которых хлеб обладает волшебной силой. Так, в сказке «Падчерица и мачеха»²¹ злая мачеха, выгоняя из дома падчерицу, дает ей хлеб, испеченный в золе. Лепешка скатывается с рук сиротки и приводит ее к богатству и счастью.

Двойная связь Камыр-батыра с природой, быть может, объясняется отражением в богатырской сказке жизненного процесса слияния в определенных социально-исторических условиях религиозно-мифологических представлений о хлебе с представлениями о рыбе — тотеме рода, занимающегося рыболовством и земледелием. Как показывают этнографические исследования, тотемистические «наименования сохранили племена или крупные роды, вошедшие в какое-либо территориальное объединение: сунарчи — охотник, балыксы — рыболов, кошсо — птицелов (роды в таныпском и айлинском объединениях родов)... Этнонимы башкирских родов, как восточных, так и западных, часто двойные, причем первая часть означает собственно род, а вторая — племя, к которому данный род принадлежит...»²². При этом название рода не всегда было постоянным. Оно изменялось в результате войн и изменения социальной сущности рода, а также смешения его с другими родами. Двойная связь чудесного рождения батыра с природой могла возникнуть именно на этой основе. Иначе говоря, в сказке в процессе ее формирования могла быть использована мифологическая легенда о происхождении рода с двойным этнонимом.

В этом отношении примечательно и то, что род балыксы (рожденных от рыбы) входил в Таныпское объединение родов на западе Башкирии, где еще в I в. н. э. существовало земледелие.

Кровнородственную связь с животным миром имеет и сказочный батыр в сказке «Акъяляк». Акъяляк рождается от капли крови черной коровы, которая упала на крышу дома. «Давным давно жили старик и старуха. У них была черная корова. Корову эту они решили зарезать. Капля коровьей крови попала на крышу. Через некоторое время на крыше послышался детский плач. Старик взобрался туда и видит: лежит мальчик. Старик взял этого мальчика и назвал Акъяляк»²³. Так, в сказочной фантастике своеобразно отражается древний культ коровы-предка.

О древних представлениях башкир, связанных с культом коровы, свидетельствует тот факт, что многие башкирские роды и их подразделения носят названия, связанные с тотемом коровы. Так, в составе куйрук-табынского рода западных табынцев и идель-канлинского рода племени канлы, относящегося к западным башкирам, имелось родовое подразделение башмак (годовалый теленок)²⁴.

В «Бузансы-батыре» герой получает имя Бузансы потому, что он сын серой лошади (*Буз бейга улы*), в «Камыр-батыре» нарекается так потому, что сделан из теста (*камырзан йһалған*). Его брат получает имя в одних вариантах Тамыр-батыр²⁵ (Батыр-корень), в других — Кордаш-батыр²⁶ (Батыр-сородич), а в некоторых вариантах он не имеет имени²⁷. В варианте же сказки, записанной З. Бишевой, батыр получает имя Камыр за то, что у него мускулы рук и ног были тугие, как молодое тесто.

²⁰ Там же, стр. 11.

²¹ Сказка записана М. Мингажетдиновым от Мингажетдиновой Мавзихи Магафуровой (1901 г.) в д. Кубагушево Учалинского района БАССР в 1957 г. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

²² Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 69.

²³ «Вестник Оренбургского учебного округа». Уфа, 1912, № 5.

²⁴ Р. Кузеев. Очерки по исторической этнографии башкир, стр. 53, 56.

²⁵ «Башкорт халк ижады», т. 2. Ёфе, 1959.

²⁶ «Башкорт халк акыяттары». Ёфе, 1956.

²⁷ «Вестник Оренбургского учебного округа». Уфа, 1912, № 5.

Отсутствует мотивировка имени батыра в сказках «Акмырза», «Акъяляк», «Кильтай». По-видимому, в них батыры носят имена основателей родов, соответствующие названиям родов.

Как показывают башкирские шежере ²⁸ и специальные исследования по исторической этнографии, роды получали название не только тотемистическое и «не обязательно этническое, а чаще всего патронимическое» ²⁹, а также топонимическое. Использование тотемистических, патронимических и топонимических легенд о происхождении того или иного рода как источника фантастики характерно для башкирского сказкотворчества.

Из таблицы родо-племенного состава башкир видно, что в айлинском племени восточных башкир был род мырза (*мырзалар*)³⁰. В сказке «Акмырза» (Белый Мырза) отец батыра носит многозначительное имя Янмырза (Душа Мырза), намекающее на патронимическое его значение.

В сказке «Акъяляк» (Белая ягода) батыр, хотя и имеет кровную связь с тотемом коровы, получает имя Акъяляк. По всей вероятности, мы здесь встречаемся со сказочным отражением образования нового рода или родового подразделения, связанного своим происхождением с тотемистическим родом или племенем.

Отдельные герои башкирских сказок имеют кровнородственную связь с чудовищами. Так, в богатыйрской сказке «Батыр и его армак» (Андр. 303 + 532 + 530 В) отцом героя является дев (*deüey*), а матерью — женщина ³¹. Огромная физическая мощь и неуязвимость героя в сказке объясняются тем, что он обладает силой человека, помноженной на силу дева. Как известно, «в образах различных фантастических чудовищ, с которыми сталкивается богатырь, воплотились представления о стихийных силах природы и о враждебной иноплеменной среде. Но превращение мифологической фантастики в собственно сказочную стало возможным только за счет стирания этнографической конкретности и тем самым «обыденности» данных архаических представлений, которые легли в основу сказочных образов. Именно потому, что волшебные лица и обстоятельства сказки не являются более объектами актуальных верований, они порождают эстетику чуда, становятся средствами художественного преобразования действительности» ³². Таким образом, кровнородственная связь героя с чудовищем является художественным средством идеализированного изображения сказочного батыра и составляет важный момент в содержании сказочного чуда. Подобный эстетический взгляд проявляется и в многочисленных башкирских сказках-легендах, объясняющих происхождение того или иного рода или родового подразделения. Так, в сказке-легенде «Дурман» (Андр. 1116) происхождение родового подразделения «шайтань» (черти) в составе Шайтан-Кудейского рода объясняется тем, что Дурман во время охоты хитростью победил коварного шайтана и женился на его дочери ³³. Его дети, родившиеся от дочери Шайтана, образовали родовое подразделение шайтань (*шайтандар аралы*). Характерно и то, что в варианте сказки «Балтагол», объясняющем чудесное происхож-

²⁸ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

²⁹ Р. Кузеев. Очерки по исторической этнографии башкир, стр. 95.

³⁰ Там же, стр. 54.

³¹ Записано студенткой М. Сунагатулдиной на башк. языке от Хайруллина Файзуллы в д. Старо-Кулево Нурмановского р-на БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

³² Е. М. Мелетинский. Народный эпос. — Теория литературы. Роды и жанры литературы. М., 1964, стр. 56, 62.

³³ Записано и опубликовано в нескольких вариантах: запись А. Г. Бессонова опубликована в вышеуказанной его книге башкирских сказок; запись С. И. Руденко опубликована на французском языке: Traditions et contes Bachkirs, Rev de traditions pop., XXIX, 1909, N 4—6, Paris; вариант, записанный Г. Ишбулатовым от Ишкуватовой Сафий (1874 г. рождения) в 1964 г. в дер. Баяназарово Бузьянского района Башкирской АССР, имеет богатырский содержание и приближается к типу Андр. 466; в данной статье я имею в виду вариант сказки-легенды, записанной в 1964 г. студенткой Р. Зариповой, А. Ярмухаметовой и Ф. Галиулдиной на башкирском языке от Галиуллина Шамсутдина в д. Альково Салаватского района БАССР. Записи хранятся в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

дение родового подразделения «шайтаны» в составе рода «мурзалар» Айлинского племени, батыром называется не только Дурман, но и Шайтан. Дурман-батыр убивает Шайтан-батыра и женится на его дочери. У них рождается единственный сын по имени Балтагол, который и обосновал родовое подразделение «шайтаны» (черти) в составе Айлинского племени. В наши дни в д. Старое Минево Иглинского района Башкирской АССР имеются два кладбища. По рассказу старожилов, людей из родового подразделения «шайтаны» хоронили не на общем кладбище — для них было выделено специальное место, которое называется «кладбищем Балтагола».

В башкирском фольклоре имеется немало сказок-легенд, где шайтаны выступают не просто коварными и хитрыми противниками героя, но и батырами, обладающими огромной физической силой и бесстрашием. Так, можно указать на два варианта сказки-легенды «Санай-сары и Шайтан-сары» (дословно «Желтый Санай и Желтый Шайтан»), частично совпадающей с типом Андр. 677 I. При этом, если в одном варианте Шайтан-сары-батыр выступает как мифическое существо, сильный и коварный враг Санай-сары батыра³⁴, то в другом — в облике Шайтан-сары батыра представлен беспощадный генерал белого царя, приехавший со своим несметным войском для захвата башкирских земель³⁵.

Сюжет о Дурмане использован и для объяснения происхождения родового подразделения «шурале» (*шуралелар араһы*) в составе танышского рода³⁶. В сказке-легенде безымянный молодой охотник располагается на ночлег в лесу, его будит коварное, но придурковатое мифическое существо шурале — хозяин леса, замышляющий убийство. Но разоблаченный на месте преступления, он под страхом смерти соглашается отдать свою дочь за охотника. От детей охотника и дочери шурале пошло и родовое подразделение «шурале». Этот же сюжет использован и для объяснения чудесного происхождения родового подразделения «пэри» (*пәриҙәр заты*) в составе табынского рода, потомки которых поныне живут в деревнях Маушево, Хаушево Стерлитамакского района БАССР³⁷. Существует и другая версия о чудесном происхождении родового подразделения «шурале» в составе Бурзянского рода башкир. В ней говорится о том, как один башкир из племени бурзян однажды заметил, что его жеребец—вожак косяка—каждое утро с ночного пастбища возвращается усталый и мокрый от пота. Почуяв недоброе, башкир перед отправкой табуна на ночное пастбище обливает спину жеребца густой смолой. На другой день утром жеребец возвращается домой, на нем — девушка неопикуемой красоты, прилипшая к его спине. Оказалось, это она каждую ночь напролет скакала на жеребце и не давала ему покоя. Девушка была дочерью лесного духа шурале. Башкир женился на ней, и от них пошло родовое подразделение «шурале» в составе Бурзянского рода. Башкиры этого родового подразделения отличаются от других соплеменников белым красивым лицом, голубыми глазами, русыми волосами, веселым, шумным нравом и особым трудолюбием³⁸.

³⁴ Вариант записан в 1950-х годах. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

³⁵ Вариант записан в 1962 г. студенткой БГУ М. Каюмовой от Рахмангулова Миннегула (1888 г. рождения) в д. Ташлы Альшеевского р-на БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

³⁶ Записано в 1962 г. М. Каюмовой от Кашафутдинова Шайхетдина в д. Ташлы Альшеевского района БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы. Имеется вариант сказки-легенды, записанный и опубликованный С. И. Руденко на французском языке в указанном выше журнале (см. сноску 34).

³⁷ Записано в 1963 г. студентками Хасановой и Галиной от Ахтямовой Хубинисы в д. Колгона Макаровского района БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

³⁸ Записано в 1966 г. студентом Т. Кильмухаметовым от Алтыншина Гибазетдина Баймурзовича (1886 г. рождения) в д. Тимерово Бурзянского района БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

Сюжет о Дурмане использован и для объяснения чудесного происхождения родового подразделения «бирэ» (*бирелар араһы*)³⁹ в составе Бурзянского племени⁴⁰.

В совершенно иных обстоятельствах женится молодой охотник на красавице Бирэнсылу в другой версии сказки-легенды⁴¹ (Андр. 553 + 533 А + 313 В). Здесь ему помогает жениться на красавице Бирэнсылу благодарный беркут — сын всемогущего Беркутхана. При этом красавица Бирэнсылу (дочь бирэ) сперва была предназначена в невесты тотемному зверю — волку, но тотемный беркут женит на ней не волка, а своего спасителя джигита-охотника. От охотника и дочери бирэ Бирэнсылу берет свое начало родовое подразделение «бирэ». Известны несколько вариантов как той, так и другой версии сказки-легенды.

Таким образом, в основе кровнородственной связи сказочных героев и связи происхождения того или иного родового подразделения с мифическими существами лежит эстетическое понимание чудесного. Народное стремление придать происхождению героя или основателю родового подразделения черты необыкновенности, исключительности привело к творческому использованию в башкирских сказках и сказках-легендах архаических мотивов о первопредках — культурных героях, в частности, мотивов о кровнородственной связи человека с различными мифическими существами, что в свою очередь, надо полагать, восходит к первобытному синкретизму, имеющему дорелигиозный характер и явившемуся предпосылкой мифического эпоса. Подобное объяснение кровнородственной связи героя или основателя нового родового подразделения с различными мифическими существами исходит хотя бы из того, что уже в мифологическом эпосе в образах мифических существ изображались враждебные человеку стихийные силы природы и иноплеменная среда. Повседневная борьба первобытного человека с враждебными силами природы, бесконечные межплеменные войны, поглощение одного племени или рода другим, надо думать, давали богатую почву для возникновения различных мотивов о победе человека над своими противниками, в т. ч. и мотивов о кровнородственной связи героя с мифическими существами и чудесного происхождения того или иного родового подразделения. Если учесть то, что женитьба героя на жене или дочери своего противника в башкирском эпосе и легендах является способом подтверждения полной его победы над своим врагом, то станет ясным кажущаяся на первый взгляд противоречивым фольклорное явление, когда кровнородственная связь человека с мифическими существами, т. е. с его врагами, является широко распространенной формой эстетической оценки.

С женщиной в башкирском фольклоре связаны честь и гордость рода и племени. В понахках похищенной женщины отправляются в далекие, опасные путешествия многие герои башкирских сказок. Освобождение девушек, находящихся в плену у чудовища, и героическое сватовство — главные мотивы богатых сказок. Во многих произведениях героического эпоса и легендах женщина является поводом для межплеменной родовой вражды и феодальных набегов. Существуют многочисленные легенды и предания о происхождении родовых подразделений чувашей, татар, казахов, каракалпаков, калмыков, черемисов, мукши, ногайцев, русских, таджиков, туркменов, узбеков, киргизов и других в родо-племенном составе башкирского народа⁴². В подавляющем большинстве их герой, подобно Дурману и другим героям, расправившись со своим противником, женится на его дочери

³⁹ *Бирэ* — мифическое существо, иногда употребляется как синоним мифического существа джина (*ен*).

⁴⁰ Записано в начале 1960-х годов в Бурзянском р-не БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

⁴¹ Записано в 1963 г. студентом Б. Шариповым от Набиуллина Нажара Набиулловича (1907 г. рождения) в д. Буранголово Абзелиловского района БАССР. Запись хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ.

⁴² Особенно много записано таких легенд во время фольклорных экспедиций в 1957—1968 гг. Часть записей хранится в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы БГУ, а часть — в научном архиве ИИЯЛ БФАН СССР.

или жене, тем самым обосновывает новое родовое подразделение в составе своего рода и племени.

Более полно сохранению арханческих мотивов кровнородственной связи героя или происхождения родового подразделения с мифическими существами способствовали, видимо, имеющиеся в религиозных верованиях и представлениях башкир пережитки синкретического мышления первобытных людей. Так, башкиры издавна считали, что искусные мастера своего дела и выдающиеся умельцы имеют тайную, скрытую от людских глаз родственную связь с мифическими существами. В сказке-легенде «Старик и пэри» (Андр. 362) пэри похищают молодую женщину и обучают ее волшебству рукоделия⁴³. В вышеупомянутой сказке-легенде «Балтагол» у родового подразделения «шайтаны» имеется второе название «балтаголы» (*балтагол нагеле*), что ассоциируется с наличием у них или владением ими топором: *балта*—топор, а *гол*, возможно, означает руку (*кул*), возможно—раба (*кол*). Кроме того, древние башкиры считали: кто убьет великого змея, к тому переходит вся его сила. Это верование башкир получило обстоятельное освещение в этнографическом очерке Филоненко «Башкиры».

Итак, как творческий источник мотива чудесного рождения батыра в сказках широко использованы пережитки доисламских представлений башкир. В большинстве их батыр имеет тотемное происхождение. Об арханчности башкирских богатырских сказок свидетельствует не только то, что чудесно родившийся герой нарекается именем, связанным с патристическим названием того или иного рода, но и то, что происхождение героев и родового подразделения имеет кровнородственную связь с мифическими существами.

Относительно полному сохранению древнейших традиционных мотивов в богатырских сказках способствовали особенности исторической судьбы башкир. В легендарных представлениях этого народа почти до Октябрьской революции сохранились пережитки доисламских религиозных верований и проявлялись традиции патриархальных родо-племенных отношений. Как показывают специальные исследования, «многие башкирские племена в момент присоединения к Русскому государству сохраняли коллективную родо-племенную собственность на пастбища и другие угодья. Род, в смысле его экономического содержания, хотя и шел к распаду, но родо-племенная организация в Башкирии в XVI веке была еще сильной и занимала видное место в общественной жизни»⁴⁴.

Поскольку патриархально-родовые пережитки играли большую роль, каждый башкир еще недавно обязательно должен был знать имя родоначальника и историю своего рода до седьмого поколения, легенды-предания, связанные с его происхождением: «...Многие старики знали не только названия всех подразделений рода, но места их чокечов и имена предводителей»⁴⁵, иногда до 13 колена. Стремление придать происхождению своего рода необыкновенный, чудесный героический характер было весьма распространено среди башкир. Это также способствовало сохранению богатырских сказок; точно так же, как в героическом эпосе и в волшебных сказках, характерных для древнего фольклора — сохранению этногенетических мотивов, в частности, мотива чудесного происхождения того или иного рода.

Разумеется, башкирская сказка не могла оставаться на протяжении веков без изменений. Она чутко откликалась на те перемены, которые происходили в исторической жизни народа. Как мы показали выше, в вариантах одного и того же сказочного сюжета можно вскрыть разные исторические напластования. Наряду с древними встречаются нередко и элементы, имеющие новое происхождение.

⁴³ Записано С. И. Руденко от башкир тамьяно-тапгаурского рода и опубликовано на французском языке в указанном выше журнале (см. сноску 34).

⁴⁴ Р. Кузеев. Очерки по исторической этнографии башкир, стр. 12.

⁴⁵ Там же, стр. 98.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА
(Москва)

ДИНАМИКА АНТРОПОНИМИИ УДМУРТОВ БАШКИРИИ

Вопросы взаимодействия контактирующих языков всегда привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей.

В числе народностей, населяющих Башкирию, живут и удмурты (более 23 тыс. чел.). В основном они расселены в северо-западных районах республики (Янаульском, Калтаинском, Татышлинском).

На территории Башкирии удмурты не являются аборигенами края. А. А. Дмитриев отмечает, что с падением Казани и прекращением ногайского владчества в Башкирии в начале XVII в. на берега рек Белой и Уфы устремились, спасаясь от национально-колониального гнета, татары, чувашы, марийцы, удмурты¹. Переселения удмуртов в Башкирию продолжались и в последующие столетия. Живя длительное время в тесном соседстве, башкиры, татары, чувашы, удмурты, марийцы — народности с разными языковыми системами — оказали и оказывают ощутимое влияние на формирование и развитие их языков.

Изучение характера особенностей межъязыкового контактирования важно не только для диалектологии, но и для общего языкознания. Как справедливо отмечает Л. И. Бараникова, «...вопросы языкового контактирования, всегда являющегося результатом этнического контактирования, входят как часть в большую общую проблему взаимоотношения языка и общества»².

Удмурты, оказавшись на новом месте, подверглись влиянию той языковой и этнографической среды, которая их окружала. Непосредственными соседями удмуртского населения на башкирской территории явились татары³. Благодаря длительным и тесным культурно-экономическим отношениям между местным татарским и удмуртским народами в язык последних проникло значительное количество слов их соседей. Заимствованные из татарского языка слова встречаются во всех сферах деятельности удмуртского населения.

Приведем несколько примеров: *бәбай* < тат. *бәбай* «новорожденный»⁴, *саби* «ребенок» < тат. *сабий* «младенец», *чэрли* «большой» < тат. *чирлау* «болеть», *артык* «много» < тат. *артык* «лишний, излишний», *башланы* < тат. *башлау* «начинать, начать», *файда* «польза, выгода, барыш» и т. д.

В языке удмуртов Башкирии под воздействием татарского и башкирского языков нашло отражение явление тюркского сингармонизма: *әби* «бабушка», *инәй* «мать», *скамяй* «скамья» и т. п.; появились несвойственные удмуртскому литературному языку гласные *ү* и *ө* (звук *ү* напоминает немецкое *ü*, *ө* — немецкое *ö*, но произношение их менее напряжен-

¹ А. А. Дмитриев. Пермская старина. Пермь, 1900, вып. 8, стр. 29, 54.

² Л. И. Бараникова. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. — «Язык и общество». Саратов, 1967, стр. 18.

³ Удмуртское население своих соседей называет словом *бигер*, означающим «татары». Как указывают исследователи, так называемые *тептяри* сами себя также именуют татарами. См.: Г. Н. Ахмедов. Тептяри и их происхождение. Казань, 1908, стр. 12, 24.

⁴ Примеры татарского (тептярского) языка нами заимствованы из работы А. А. Юлдашева. Язык тептярей. Канд. диссертация, рукопись. М., 1950.

но, чем немецких соответствующих звуков); ә, т. е. широкое открытое э, совпадающее с татарским и башкирским гласным ә и т. д.

В отличие от других удмуртских диалектов и литературного языка, в которых преобладает *й-оканье* или *д'-оканье*, в говорах удмуртов Башкирии на месте исконного удмуртского й употребляется з, например: *зэтин* вм. диал. *д'этин* и лит. *йэтин* «лен»; *зыр* вм. диал. *д'өр*, лит. *йыр* «голова»; *зэгит* «кавалер» вм. диал. *д'эгит* «молодой человек», лит. *йэгит* «молодой» и др. Согласный з, специфичный для татарских говоров северо-запада Башкирии, как отмечает А. А. Юлдашев, сближает их с башкирским языком⁵.

Наблюдается также ряд других характерных черт удмуртских говоров Башкирии, которые объясняются воздействием на них татарского и башкирского языков.

Обнаруживаются и обратные явления: на язык татарского населения оказал некоторое влияние удмуртский язык.

В говоре тептярей Учалинского района Башкирской АССР⁶ отмечены следующие слова, усвоенные из удмуртских говоров: *төбер* «ошейник с поводом», ср. удм. диал. *төбер*, лит. *тыбыр* «спина»; *торон* «спорынья», ср. удм. диал. *төрөн*, лит. *турын* «травя»; *калбыр* «человек, оказывающий медвежью услугу», ср. удм. *кыло-буро* «разговорчивый», «словоохотливый», «болтливый» и др.

Взаимное проникновение элементов одного языка в другой и их взаимосвязь вскрывается и в ономастике, особенно в системе антропонимии, т. е. в системе личных имен и фамилий, а также в связанных с ними родовых названиях. Современный состав собственных личных имен удмуртов БАССР существенно отличается от имен удмуртов, живущих в пределах Удмуртской АССР⁷.

Как известно, иуды Башкирской республики не подвергались христианизации. Официально они не были обращены и в магометанство. Однако в составе их личных имен преобладают тюркские имена, часть которых представляет собой мусульманские.

Ниже следует анализ исторического развития антропонимии д. Канлы (удм. наименование *Камлы*) Кушнареновского района БАССР. Расположено это селение северо-западнее г. Уфы на левом берегу р. Белой, в 4 км от нее. От районного центра Кушнареново с. Канлы отстоит в 9-ти км к югу. В деревне около 100 крестьянских хозяйств.

Обращает внимание то, что жители Канлы старшего поколения (свыше 45—50 лет) имеют тюркские имена. Нами зафиксированы следующие женские имена:

Устно-народное имя	Официальное имя
<i>Әминә</i> ⁸	Амина
<i>Әнисә</i>	Аниса
<i>Гыл'бинса</i>	Гыльбинса
<i>Гыл'зада</i>	Гылзада
<i>Зарифа</i>	Зарифа
<i>Нарифа</i>	Нарифа
<i>Рәйсә</i>	Ранса
<i>Рәйфә</i>	Раифа
<i>Сания</i>	Саня
<i>Фәрхинур</i>	Фархинур

⁵ А. А. Юлдашев. Указ. соч., стр. 239.

⁶ А. А. Юлдашев. Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР.— Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 339—341.

⁷ Об удмуртских именах см. статьи: Т. И. Тепляшина и А. Структурно-семантический анализ древнеудмуртских личных имен.— «Советское финно-угроведение», 1969, № 6; е е же. Удмуртские личные имена в письменных источниках Вятской земли XV—XVII веков.— «Личные имена». М., 1969.

⁸ Записи имен мы вели в таком виде, в каком они употребляются в домашнем обиходе. Следует учесть, что усвоение их носит в основном устно-народный характер.

<i>Шәрифә</i>	Шарифа
<i>Шәмә'ибану</i>	Шемсибане
<i>Шәмс'изада</i>	Шемсизада
<i>Шәмс'икайат</i>	Шәмсикаят
<i>Шәмс'инур</i>	Шемсинур

Из мужских имен распространены следующие:

Устно-народное имя	Официальное имя
<i>Батырма</i>	Батырма
<i>Гаитхан</i>	Гандхан
<i>Гин'дулла</i>	Гиндулла
<i>Гайаз</i>	Гаяз
<i>Гази</i>	Гази
<i>Закир</i>	Закир
<i>Закуян</i>	Закуян
<i>Каз'икан</i>	Казикан
<i>Кашбулла</i>	Кашбулла
<i>Мимирбай</i>	Мимирбай
<i>Нуриәхмәд</i>	Нурн-Ахмед
<i>Рәис</i>	Ранс
<i>Рәшид</i>	Рашид
<i>Сабирз'ан</i>	Сабирзян
<i>Саитгал'и</i>	Сандгали
<i>Т'имәриша</i>	Тимерша
<i>Фәйзулла</i>	Файзулла
<i>Фәрис</i>	Фарис
<i>Фәрит</i>	Фарит
<i>Хайрулла</i>	Хайрулла
<i>Хәсән</i>	Хасан
<i>Хатмилла</i>	Хатмилла

Как видно из списков, тюркские имена удмуртами Башкирии осваивались в башкирском или татарском произношении.

Что касается семейных наследственных наименований, т. е. фамилий удмуртов Башкирии, то они сформировались от личных имен тюркского происхождения по способу образования русских фамилий на *-ов* и *-ин*⁹.

Средя камлинских удмуртов распространены такие фамилии:

<i>Абдулов</i>	<i>Назмиев</i>
<i>Айбулин</i>	<i>Нафиков</i>
<i>Губайдуллин</i>	<i>Тимаргазин</i>
<i>Зайдуллин</i>	<i>Шайдуллин</i>
<i>Мухамедгалиев</i>	<i>Шайхутдинов</i> ¹⁰ .

Среднее поколение камлинцев, примерно в возрасте от 25 и до 45—50 лет, имеет обычно два имени: одно татарское (тюркское), с которым обычно обращаются в официальных кру-

⁹ А. Б а л о в. Великорусские фамилии и их происхождение. — «Живая старина», вып. 2, 1896; А. М. С е л и щ е в. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — «Ученые записки МГУ», № 28, кн. 1, 1948; В. К. Ч и ч а г о в. Из истории русских имен, отчества и фамилий. М., 1959.

¹⁰ Все названные фамилии и имена имеют соответствия в различных тюркских языках. Многие из них зафиксированы в языках Кавказа. См.: «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965.

гах (оно значится и по личным документам), и другое — неофициальное, незаконное, заимствованное из русского языка; им пользуются в быту. Так, учительницу местной школы Зайдуллину Гильбинсу Зайдуловну ее ученики, т. е. младшее поколение жителей Канлы, зовут *Гал'а апа* «тетя Гаяля»; ученики старших классов чаще обращаются *Галина Зайдуловна*, а пожилые люди зовут ее *Гильми*. Таким образом, в среде старшего поколения продолжает жить еще тюркское имя, тогда как младшее предпочитает пользоваться русским.

В настоящее время детям присваиваются чаще русские имена. Так на глазах меняется репертуар личных имен жителей д. Канлы.

Нужно полагать, что у удмуртов Башкирии некогда существовали свои исконные языческие имена. Дохристианские (языческие) имена поныне сохраняются еще у части южных удмуртов. В антропонимии канлищев не осталось и следов от тех далеких времен.

Остановимся на названиях родовых ячеек жителей Канлы. В селении различают три родовых группы с наименованиями:

Утыргы малас
Утыргызад или *Утыргы выжы*
Пэтыргызад или *Пэтыргы выжы*

Все эти родовые названия представляют собой словосочетания. Первый компонент словосочетания *Утыргы малас*—*Утыргы* происходит от тат. *утеру* «убивать», «убить»¹¹ с прибавлением к нему суффикса принадлежности II л. множ. ч. *-гыз*¹² (конечный звук *з* в слове *утыргыз* перед последующим согласным *м* выпал). Вторая часть словосочетания—*малас* образована из формы *малайыс* от тат. *малай* «сын», «мальчик» плюс удмуртская форма множ. ч. *-йас* (орф. *-ёс*) «сыновья», «потомки». В целом словосочетание означает «дети, сыновья убийц», которое надо понимать как прозвище.

Первый вариант другого родового названия *Утыргызад* состоит из того же слова *утыр* <тат. *утер* с присоединением к нему притяжательного суффикса *-гыз* (<тат. *гыз*) плюс элемент *зад* (<тат. *зада*) «сын». Таким образом, это сложное наименование рода в переводе означает «сыновья, потомки ваших (тех) убийц». Параллельно употребляющийся второй родовой термин, образованный аналогично первому, во втором варианте его произношения имеет в своем составе удмуртское слово *выжы* «род», «родство», «потомство», «поколение». В отличие от первого родового названия второе состоит из разных лексем, однако значение этих родовых терминов совершенно одинаковое.

Третье название рода жителей селения Канлы происходит от имени *Пэтыр* <русс. *Петр* в сочетании с элементом *-гыз* <тат. *-гыз* плюс *-зад* (<тат. *зада*). Здесь наблюдается стяжение согласных: *Пэтыргызад* < *Пэтыргызада*, причем конечный гласный звук *а* отпал. Существует и параллельное другое наименование этого же рода. Второй компонент второго варианта названия представляет собой удмуртское слово *выжы* «корень», «потомок», «сын» и полностью соответствует содержанию первого варианта.

Как видно из приведенного материала, языковая интерференция глубоко проникла и в систему родовых названий селения Канлы.

Не исключено, что и само название *Канлы* имеет прямую связь с одним из башкирских племенных наименований *канлы*¹³. Башкир племени канлы Р. Г. Кузеев соотносит с тюркским родоплеменным объединением *канлы*¹⁴. Возможно, прибывшие на башкирские земли удмурты заняли территорию, которая каким-то образом была связана с этническим

¹¹ «Татарско-русский словарь». М., 1966.

¹² Ф. С. Фасеев. Краткий грамматический справочник татарского языка.— Приложение к Татарско-русскому словарю, стр. 823.

¹³ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 1. Уфа, 1956, стр. 32.

¹⁴ Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII веке.— «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 63.

Однако топоним *Данлы* может быть возведен также к татарскому слову *кан* и общетюркскому суффиксу *-лы*: канлы, букв. «кровавый».

Способы образования рассмотренных нами удмуртских родовых терминов пока тесные взаимоотношения и контакты удмуртов с соседними татарским и башкирскими дами, а также взаимопроникновение отдельных элементов языков этих народов.

¹⁵ Там же, стр. 70.

Ф. И. ГОРДЕЕВ
(Йошкар-Ола)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «БАШКИР»

Происхождением этнонима «башкир», а также племенных названий башкирского народа интересовались многие исследователи. Тем не менее до сих пор мы не имеем сколько-нибудь удовлетворительных толкований. Все они весьма противоречивы. Объясняется это главным образом тем, что происхождение этнонима рассматривается изолированно. Не принимаются, например, во внимание варианты названия башкир, встречающиеся в письменных памятниках прошлого, а также употребляющиеся в языках соседних народов.

Как известно, первые исторические сведения о башкирах относятся к IX—X вв. н. э. Арабские путешественники упоминают их в различных вариантах: *башгирд* (Ибн Фаллан), *байджард* (аль Балхи), *байджард* (Масуди), *башгирт* (Казвини), *башкирт* (Махмуд Кашгарский).

Марийцы башкир называют *пошкырт*, чуваши — *пушкарт*, татары — *башкырт*. Сами башкиры именуют себя *башкорт*. Так как для начала марийских слов развитие $P > B(B)$ и $B(B) > P$ не типично, следует полагать, что слово *пошкырт* проникло в марийский язык из чувашского. (Ср. чувашск. *мушмар* и *мошмыр* «похмелье», марийск. *локмыр*, казанско-татарск. *макмыр*, лит.-тат. *макмыр*).

В свою очередь татарское *башкырт*, видимо, является болгарским наследием, так как в татарском языке, по мнению многих исследователей, слова со звуком *д* в конце имеют огузское и кыпчакское происхождение, а со звуком *т* — болгарское.

Обычно общетюркский **a* первого слога в чувашском языке развился в *y(o)*, сохраняясь в том же виде в татарском, башкирском языках, например: общетюрк. **bas* «голова», чув. *pus'*, тат., башк. *bas*, туркм. *bus*, як. *bas*. Исходя из этого, праформу чувашского *пушкарт*, татарского *башкырт* и башкирского *башкорт* на болгарском уровне могли бы восстановить в виде **башкарт* ~ *башкорт*, где *башкорт* также восходит к первоначальной форме **башкарт*.

Однако болгары в языковом отношении вряд ли были едиными; на диалектную нестрогу их указывают разные варианты одного и того же названия башкир, записанные арабскими путешественниками. Все это вынуждает нас допускать в основном два варианта названия башкир:

**пашкарт* ~ **пашкирд* из древней формы **пашкарт* — на границе с булгарами, т. е. на северо-востоке.

**башкарт* ~ *башгирд* из древней формы **башкарт* — на границе с печенегами, т. е. на юго-востоке.

Два варианта названия башкир, по-видимому, соответствуют тем диалектам, на которые делился башкирский язык в X в. Аль Балхи, посетивший Булгарию и Башкирию в X в., в «Книге видов земли» сообщает, что «*байджары* разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гузии (на территории, занятой племенем гузов), близ булгар. Другие *байджары* граничат с печенегами. Они и печенеги и тюрки...».

языках. Например, к названию ираноязычного племени *сармат* восходят перечисляемые нами ниже названия:

юрмат — название племени у башкир и венгров;

урмат — название рода, семьи у марийцев (в письменных памятниках XIX в.: «Каждый *урмат* назывался именем основателя, иногда именем одного из его заместителей, по своим качествам и свойствам оставившего глубокую память»);

уром — первый человек, друг бога (в преданиях удмуртов).

С другой стороны, в формировании башкирского народа принимали участие кочевые племена Средней Азии. Поэтому многие племенные названия башкир совпадают с теми же народами Средней Азии. Например, *табын* — племенное название башкир, казахов, узбеков.

Анализ названий башкирских племен позволяет выделить в них следующие типы:

1. *ар* из булг. **ār* «человек» (ср. чуванск. *ар* «мужчина, муж, человек»).

Буляр — название хазарского, чуванского, татарского, башкирского племен. Происходит от наращенного слова *ār* «человек» к названию рек *Була* — приток Свияги и *Выла* — приток Суры (бассейн Волги). Буляр — буквально: люди, проживающие по р. Була. Видимо, название племени *буляр* указывает на то, что в сложении башкирского народа принимало участие и племя *буляр* т. е. булгары.

2. **джан* «человек» (ср. монг. *джон* «народ», чув. *сьян* «человек»).

Бурьян (рус. *бурзян*, арабск. *буржан*) состоит из двух частей: *бур* + *джан*, буквально: племя *бур*. Компонент *бур* ираноязычного происхождения (ср. *бурият*, *пор* — удмуртское название марийцев, *пср* — супружеская фратрия манси, *бура* — название наименьшего рода), что и *парт*, персидское название парфия. *Парт* состоит из *пар* «отряд, группа» в форме множественного числа с суффиксом *-т*.

Бурьяны — пришлое из Средней Азии племя.

Сюда же входит название башкирского племени *тамъян*, буквально: люди по какой-то местности (ср. под вопросом: *Томск*).

Тамъяны — по-видимому, выходцы из Средней Азии.

3. *сар* из ираноязычного слова **сар* «человек, мужчина» (ср. пушту **sard* «человек,

мужчина», и диалект Валохи пушту языка *sar*, шугнан. *сog* «муж, супруг», чув. *чур* «раб, рабыня»).

Инзер (башк. *Индэр*) состоит из двух частей: *ин* — неизвестного образования + *сар* (ср. *бессер* — название родового подразделения каракалпаков, *кундар* — название булгарского рода, *chorsari* — скифское название персов, *косар* — марийское название хазар).

Инзеры, следует полагать, также пришлое из Средней Азии племя.

4. *-ан*.

Суффикс *-ан* ираноязычный, суффикс имени прилагательного, выступающий в топонимах (*Хотан*, *Иран*, *Туран*), этнонимах (*алан* — скиф. *allon*, осет. *allon*).

Сюда относятся следующие племенные названия башкир:

дуван, состоит из *дува* (ср. *тоби* «владение, поколение тюрков», Тува) и суффикса *-ан*, буквально: люди племени тувы.

уран — из *ура* (ср. древнеперс. *auru* «приятель, бог») и суффикса *-ан*, буквально: люди племени ура.

По-видимому, *дуванцы* и *уранцы* — выходцы из Средней Азии.

Не следует этимологически связывать этноним «башкир» путем разных манипуляций с названием народа венгр — *мадьар*.

Оба названия (*мадьар*, *венгер*) сами тюркоязычного происхождения; эти термины венгры получили от тех тюркоязычных племен, которые придали им тюркский антропологический оттенок. *Венгер* происходит от варианта *унгар*, более древняя форма **хунгар*, которая состоит из следующих частей:

а) *хун* «гунны» (ср. монг. *гүн* «человек», бур. *хүн* «толпа», баоанск. *күн* «человек»; санскрит. *gani* «толпа», хинди *ган* «толпа»);

б) ираноязычный суффикс имени прилагательного *-га*;

в) *ар* «человек».

Таким образом, хунгар — люди племени гуннов.

Мадьяр может быть этимологизирован как название тюркского племени (ср. *мажар* — название узбекского племени; *мадор* — название рода камасинцев, качинцев, племени саянских татар).

Л. П. АТАНОВА
(Уфа)**К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В БАШКИРСКОЙ
НАРОДНОЙ МУЗЫКЕ**

Известно, что музыкальное творчество любого народа — наиболее устойчивая часть его духовной культуры: формирование средств музыкальной выразительности происходит очень медленно. В процессе этой эволюции элементы более раннего периода, заменяясь новыми, не исчезают бесследно, но очень медленно трансформируются, а в ряде случаев — сохраняются. Если учесть, например, что в настоящее время в башкирском музыкальном фольклоре имеются мелодии с текстами, содержание которых восходит к временам культа журавля и сказочного эпоса («Сынграу торпа», «Заятляк»), то можно предположить, что мелодическая основа этих песен еще древнее, чем их текстовое содержание. К временам первобытно-общинного строя ученые относят бытующий и поныне такой вид народного башкирского исполнительства, как *узляу* — двухголосое пение одним исполнителем. Кстати, *узляу*, как редкий жанр народного исполнительства, бытует только у башкир, тувинцев и некоторых народностей севера.

Башкирская народная музыка отличается удивительной оригинальностью и единством стиля. Это не может не поражать всякого, кто хоть немного знаком с чрезвычайно сложной и многоликой историей Приуралья. Думается, что национальное стилевое единство башкирской народной музыки убедительно свидетельствует о ее глубокой древности. Нужны были тысячелетия, чтобы переплавить музыкальную речь разных племен и народностей, которые сталкивались и взаимодействовали в Приуралье, в единую и очень устойчивую образно-смысловую систему.

Но и сейчас, при всем единстве башкирского национального стиля, в музыкальном фольклоре башкир можно обнаружить различные песенные пласты, свидетельствующие о древних этнических связях народа. До нашего времени сохранилась, например, группа лирических узун-кюй (протяжных песен), содержание которых связано с поэтическим описанием рек, текущей воды и даже моря. Примером подобных песен может служить башкирская мелодия, обработанная известным русским композитором А. Алябьевым в песне «Через кладку я пройдуся» из цикла «Азиатские песни». Сходными с нею вариантами являются песни «О разлученных влюбленных» и «Тук буйы», записанные Р. Игнатьевым в конце 1860-х годов. Аналогичные мелодии мы встречаем в нотных собраниях дореволюционных собирателей башкирской народной музыки С. Рыбакова и Г. Еликеева. Много подобных мелодий и песен записано в советское время. Можно сослаться хотя бы на такие, как «Агидель буйы» в записи И. Салтыкова, «Агиделькэй» — М. Валеева, «Агидель» — Г. Сулейманова.

Столь характерные для башкирской народной музыки напевы нашли отражение в таких ориентальных мелодиях русской классики, как хор «На реке, на Евфрате» из оперы «Юдифь» А. Серова, хор половецких девушек из оперы «Князь Игорь» и восточная тема из второго квартета А. Бородина. Это не могло быть простым совпадением. Известно, например, что при работе над половецкими образами оперы «Князь Игорь» А. Бородин пользовался мелодиями, записанными венгерским путешественником Гунфальви от потомков половец-куманов, живших в нескольких селениях Венгрии. Элементы половецкой музыки можно

обнаружить у чувашей, татар, киргизов. Об этом писал в свое время известный востоковед В. Майнов. Должны быть они и в музыкальном фольклоре казахов, так как кипчакские племена входили в половецкий союз. А если учесть, что эти кипчакские племена являются одной из этнических групп в составе башкирского народа, то присутствие в башкирском музыкальном фольклоре последних мелодий, несущих на себе отпечаток музыки древних половецких племен, можно считать естественным и даже закономерным явлением.

На генетические связи башкирского музыкального фольклора с музыкой тюркских племен указывает еще такой пласт мелодий, который относится к жанру мало орнаментированных узун-кюй и так называемых халмак-кюй (спокойных песен). Эти мелодии имеют единые стилистические черты, как-то: изящество «кружащейся» мелодической линии, построенной на опевании пентатонических устоев и движении триады; четкость ритмического рисунка, преобладание размеров 3/8, 6/8; симметричное деление на предложения и фразы.

Но эти мелодии объединены не только стилистической общностью музыкальных приемов. Они и по своему содержанию составляют довольно обширный цикл, воспеваящий природу, охотничьи и пастушеские темы. Например, «Конгор буга», «Сынгау торна», «Заятуляк», «Артылыш», «Куртан» и многие другие. По содержанию эти песни и наигрыши относятся к древним песенным жанрам и имеют связь с башкирскими эпическими сказаниями. Сошлемся хотя бы на упоминаемый выше напев «Заятуляк», который, безусловно, связан с эпическим сказанием «Заятуляк и Хыухыду». Образцы подобных напевов мы находим опять-таки в записях А. Алябьева. Вероятнее всего, композитор записал их в период своей оренбургской ссылки или в самом Оренбурге, или в Ташлахе — имени Тимашева. На это есть указания самого А. Алябьева на листах партитуры оперы «Азмалат-бек». Среди обработок А. Алябьева есть тема «Башкирской увертюры», как известно, сообщенная ему В. Верстовским, братом известного русского композитора А. Верстовского. Кстати, следует отметить, что Верстовские — уроженцы Уфимской губернии и свое начальное музыкальное образование А. Верстовский получил в Уфе.

Тема «Башкирской увертюры» имеет интонационную связь с двумя киргиз-кайсапскими, т. е. казахскими, мелодиями, записанными А. Алябьевым. В его рукописных материалах есть также мелодия без названия, в контурах ее легко угадать интонации известной «Персидского марша», обработанного различными композиторами, в том числе М. Глинкой и И. Штраусом. Следует также отметить, что варианты «Персидского марша» бытуют в музыкальном фольклоре народов Средней Азии, например у казахов.

Много подобных мелодий записал у башкир в 1890-е годы С. Рыбаков. Остается только удивляться, почему он не отметил, что эти мелодии по содержанию и по музыкальным особенностям составляют единый цикл.

Сходство с вышеуказанными мелодиями можно заметить в монгольской песне «Буланый конь» (сб. «Монгольские народные песни». М., 1961), в основной попевке киргизского эпоса «Манас». Аналогично можно встретить и в классической музыке, например, мелодия хора калмыцких ханов из оперы «Февей» А. Пашкевича, романс «Не пой, красавица» М. Глинки. Между прочим, известно, что в основу романа М. Глинки положил народную мелодию, вывезенную из Тегерана А. Грибоедовым. Очень близок к башкирским мелодиям анализируемого пласта хор волшебных дев из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки. Можно предположить, что в основе всех этих мелодий лежит единый пранепев, указывающий на древние этногенетические связи народов.

Можно отметить также сходство башкирских орнаментированных узун-кюй типа «Буранбай», «Колой кантон» со старинными венгерскими пентатоническими мелодиями. Стилль таких мелодий Б. Барток называет «северным тюрко-татарским пентатоническим стилем» («Народная музыка Венгрии и соседних народов». М., 1966). Общие моменты ладового строя и формообразования с башкирскими орнаментированными протяжными песнями, отмеченными выше, имеются также в старинной японской «Песне погонщика», записанной профессором Токийского института музыки Кнеко Маруяма. Кнеко Маруяма

совершила гастрольную концертную поездку по городам СССР, побывала она и в Уфе. В программу концерта певица включила ряд японских народных песен, в том числе и «Песню погонщика». Она сообщила, что подобных песен в Японии бытует не так уж много, они относятся к числу очень древних и внесены в Японию из Монголии.

Отмеченные пласты, присутствующие в башкирском музыкальном фольклоре, отнюдь не исчерпывают генетические связи с музыкальной культурой других народов. Они лишь указывают на то, что изучение и сравнительный анализ песен разных народов может дать интересные материалы для выяснения этнических связей башкир с другими народами, а также для определения составных элементов, из которых сформировалась стилистически единая народная башкирская музыка.

А. Г. КУДАШЕВ
(Уфа)

**БАШКИРСКИЕ И ТАТАРСКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ О ДРЕВНИХ БАШКИРАХ;**

Первые исторические работы башкирских деятелей относятся к началу XIX в. В их числе следует указать рукописную книгу поэта Тажетдина Ялсыгулова «Тауарих Болгария» («История Булгарии»), в которую включено башкирское шежере, содержащее сведения о башкирских племенах и родах. Шежере раскрывает некоторые моменты этнических связей башкир со Средней Азией¹.

В конце XIX — начале XX вв. публикуется целый ряд книг татарских и башкирских историков. Среди этих авторов Шигабутдин Марджани, Мухаметсалим Уметбаев, Риза Фахретдинов, Мурат Рами, Хасан-Гата Габяши, Мунир Хадиев. При освещении истории башкирского народа они пользовались древними восточными источниками в оригинале и писали о происхождении башкир, об этнониме, языке, территории расселения и родоплеменном составе, о взаимосвязях с другими народами, о топонимике края.

Основываясь на высказываниях Ибн Фадлана и Якута аль Хамави, Марджани, в частности, считал, что слово «сакалиб», встречающееся у древних авторов, подразумевает тюркские и угро-финские племена², а не славян, как это утверждает Д. А. Хвольсон³ и А. П. Ковалевский⁴. В первом томе «Мустефад аль-ахбар» («Извлеченные вести») Марджани приводит башкирское шежере, перечисляющее двадцать одно поколение племени пратык начиная от Муллагали до Майкы-бия — сподвижника Чингисхана.

Интересные высказывания относительно этнической истории башкирского народа, в частности об угорско-венгерско-башкирских взаимосвязях, содержатся в книге «Ядкар» («Памятник») башкирского ученого-просветителя и поэта М. Уметбаева.

У ученого-богослова, известного журналиста и писателя Ризы Фахретдинова имеется ряд работ, в которых он так или иначе касается вопроса этнической истории башкир и татар. Так, например, в предисловии к своей повести «Асма» (1903) он писал: «Живущие в настоящее время в Самарской, Оренбургской, Уфимской и Пермской губерниях башкиры... и до приезда Ибн Фадлана общались с булгарами и продавали им скот». Кроме того, в неопубликованной работе Фахретдинова «Ибн Фазланнинг Болгарга килүе» («Посещение Ибн Фадланом Булгарии»), написанной в первой половине 20-х годов, имеется небольшой раздел «Башкорт каүме» («Башкирское племя»).

В 1907—1908 гг. в Оренбурге была издана на арабском языке двухтомная книга Мурата Рами «Талфик эл-эхбар вэ талких эл-асар фи вэкайги Казан вэ Болгар вэ мелокит татар» («Сборник сообщений о казанских, булгарских и татарских правителях и о событиях, с ними связанных»). Автор пишет, что по сообщениям древних арабских авторов бурзянское племя башкир еще до V в. обитало в районе современного Мангышлака. Он приводит об

¹ Э. И. Харисов. Башкорт халкының әзәби мирасы. Уфа, 1965, стр. 283—284.

² «Мустефад эл-ахбар», т. I. Казань, 1885, стр. 39—40.

³ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртсах, болгарях, мадырях, славянах и руссах Ибн-руста. — ЖМНП, декабрь, 1868.

⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана и его путешествия на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1965.

этом двустопише поэта того времени Эбунахил эл Тэмизи (том 1, стр. 241—242). В этой книге имеется также сообщение о двух башкирах из правящей верхушки мамлюков: один из них — Гильметдин Саиджар аль Башкорди (в 80—90 гг. XIII в. был эмиром в Египте), второй — поэт Насреддин ав Насри (характеристику деятельности этих исторических личностей см. в книге А. И. Харисова «Литературное наследие башкирского народа». Уфа, 1965, стр. 194—197).

Заслуживает внимания толкование Х.-Г. Габяши этнонима *башкорт*. Он считает, что название *башкорт* образовано от слов *баи уйгур* — *башгыр*—*башкорт*. «Башкиры особенно близки уйгурам», — заключает Габяши⁵. Древних башкир он связывает с сарматами, гуннами и булгарскими племенами. Дальше он говорит о разделении племени угро-булгаро-башкордо-мишаро-мажар на две группы: южную и восточную. Одна группа *уйыр-баи*, или *уйыр-башкорт* расселилась по южным отрогам Уральских гор и по р. Яик. А другая большая группа башкир под названием *буржан* передвинулась дальше на юг и дошла до Хорезма. Оставшаяся часть буржанцев живет на старых местах, в современной Оренбургской губернии⁶.

Интересно объяснение автора названия Уральских гор: эти горы в древности назывались «Угыр-тагы», а живущие там народы — «угыры»⁷.

В начале XX в., особенно после революции 1905 г., начали появляться специальные исследования на татарском языке по истории башкир. В 1912 г. вышла книга Муштира Хадиева «Башкорт тарихе» («История башкир»), которая является первой краткой систематизацией истории башкир с X в. до подавления восстания под предводительством Батырши, т. е. до середины XVIII в. В своей работе М. Хадиев, наряду с использованием русских источников, ссылается и на труды татарских и башкирских авторов, в т. ч. на Ш. Марджани, М. Уметбаева и др. В первой части книги он пишет о численности башкир и о том, что живут они на Урале очень давно и при этом указывает на древних восточных авторов: «До присоединения к Русскому государству башкиры жили на широких просторах степей Урала только сами. После исчезновения Казанского ханства и принятия башкирами русского подданства, к этим степям начали переселяться люди из других разных национальностей... К этому времени численность башкир никак не учитывалась. Все же численность башкирских племен приблизительно должна была быть не меньше 2,5 миллиона... Арабские авторы начали говорить о башкирах с IX века — то они живут между реками Волга, Кама и Тобол»⁸.

Касаясь вопроса о башкиро-венгерских связях, М. Хадиев пишет, что мадяры жили на Урале и в результате притеснения их печенегами в 884 г. под водительством Алмуса ушли с Урала⁹. Венгры называют себя мадярами, а древние исламские авторы называли их: хингер, маждгар, маждгард, некоторые — башгирд. Мадьяры входили в родо-племенной состав башкир.

⁵ Х.-Г. Габяши. Мофассал тарих кауме төрки (История тюркских племен). Уфа, 1909.

⁶ Там же, стр. 109—110.

⁷ Там же, стр. 112.

⁸ М. Хадиев. Башкорт тарихе. Казань, 1912, стр. 2—4.

⁹ Там же, стр. 7.

А. Б. БУЛАТОВ
(Казань)

ВОСТОЧНЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АВТОРЫ О БАШКИРАХ

Согласно восточным источникам, башкиры обитали в районе Волги и Урала с древнейших времен. Первые письменные сведения о них относятся примерно к середине I тыс. э. Как сообщает армянский историк VII в., «бутики» или «буши», под которыми, по мнению М. И. Артамонова, подразумевались башкиры, в VI—VII вв. напали на болгар, живавших между Волгой и Ахтубой¹

Башкиры расселились по левую сторону Волги, по Белой и в верхнем течении Камы². По сведениям Салляма Тарджемана, проехавшего по земле башкир (842—845 гг.), левобережье Волги в продолжение 27-дневного пути было заселено башкирскими племенами. После преодоления башкирских степей караван Салляма вступил на черную воюющую землю³.

Соседями башкир с запада были кипчаки, огузы и йамаки, с востока — басмилы, кай и др.⁴

Среди башкирских племен наиболее древним и многочисленным был, вероятно, род бурзян. М. Умитбаев приводит легенду об Ааташе — царе башкир, согласно которой бурзяне существовали как самостоятельная этническая группа еще во времена Александра Македонского: «Искендер шел от Хатая (Китая) к уйгурам, которые были сородичами башкир. От них (от уйгур) он направился в Туркестан, оттуда — в Хаверстан, оттуда — к Алан бурджанам»⁵. М. Мекки приводит из записей аль Омари выдержку о «борджанах» (входивших в состав башкирских племен. — А. Б.): «...Жители ее (этой страны) — множество борджан, живущих на севере. Об их жизни не имеется сведений из-за отдаленности их страны»⁶. Как известно, египетский султан Бейбарс (бывший мамлюк-раб) происходил из рода «бордж уелы», что легко ассоциируется с «борджаном». М. И. Артамонов, говоря о народе «баслы», которые в армянских источниках неоднократно фигурируют вместе с хазарами, отождествляет их с «барсилами» и полагает, что они (барсилы) совпадают с подразделениями болгар⁷. Но, по нашему мнению, «барсилы» или «барсула» — это те же «борджане» (бордж улы). Таким образом, по отдельным прямым или косвенным данным о месте и роли древних бурзян в составе башкир можно строить довольно определенные предположения.

М. Умитбаев, ссылаясь на Ибн Хальдуна (XIV в.), указывает, что в состав башкир кроме бурзян, входили в то время роды канглы, кипчак, баджнук, дуван, табын и др., некоторые из которых, например кипчаки, могли войти в состав башкир несколько позднее

¹ М. И. Артамонов. История хазар. М., 1962, стр. 234—235.

² Идриси. Нозхат аль Моштак... Арабский текст (год и место издания неизвестны), стр. 285

³ Выдержки из рукописи Салляма имеются в трудах арабских географов Хурдадбега (IX в.) Идриси (XI в.), Якута аль Хамави, ан-Нувайри (XIII в.) и др.

⁴ М. Кошгарий. Девону дуготит турк. Ташкент, 1960, т. 1, стр. 64.

⁵ М. Умитбаев. Яджарь. Казань, 1897, стр. 40.

⁶ М. Мекки (ар-Рамзи). Тальфик аль ахбар... Оренбург, 1908, стр. 231.

⁷ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 234—235.

⁸ М. Умитбаев. Указ. соч., стр. 40.

Более обстоятельные сведения о башкирах района Волги и Урала имеются в работе Идриси. Идриси делит башкир на внутренних и внешних. Во внутренней Башкирии, расположенной в обширных степях по левобережью Волги, к северу от Каспийского моря, по словам Идриси, имеются города Каракыя (в районе впадения Белой в Каму) и Миуджан. На севере Внутренняя Башкирия граничит с тюрками Асконии⁹. В среднем течении Камы Идриси размещает Внешнюю Башкирию и указывает там на р. Кама два башкирских города — Мазира и Казира¹⁰. Город Башгорд значится на карте братьев Пицигани (1367 г.). К востоку от этого города сделана надпись — «пасхарты» (башкиры). На существование города Бурджан в низовьях Волги указывает Якут аль Хамави (XIII в.).

Западные путешественники Плано Карпини и Рубрук (XIII в.) пишут, что башкиры — кочевой народ и у них нет городов. Однако их сведения менее достоверны, так как башкир они не видели, свои сведения заимствовали у венгерского путешественника Юлиана, побывавшего на Волге в XIII в. По данным путевых записок Юлиана не видно, чтобы он переправлялся через Волгу. Следовательно, и он не имел непосредственного знакомства с башкирами.

По сообщению Идриси, на Уральских горах велась разработка меди, добыча и разработка лазурита¹¹. По берегам рек Башкирии охотились на пушных зверей и пушнину вывозили в Византию и Армению¹².

О численности древних башкир можно судить по сообщению арабского писателя Истархи (X в.). В варианте его работы, изданном де Гуя на арабском языке, говорится: «Башкиры состоят из двух групп. Из них одна группа соседит с гузами, к северу от булгар. Их число доходит до двух тысяч мужчин»¹³. Современные историки, когда ведут речь о численности тогдашних башкир, ссылаются обычно на это издание¹⁴. Однако ссылки на Истархи встречались у восточных авторов еще до этого издания и данные о численности башкир они передают иначе. Например, та же выдержка из Истархи приведена в книге М. Мекки, знатока арабского языка и восточных источников, в ней сказано: «Башкиры состоят из двух групп. Одна группа — по соседству с гузами, за булгарами. Их число доходит до двухсот тысяч человек»¹⁵. Крупный историк XIX в. Шигабутдин аль Марджани, хорошо знавший восточные источники, приводит данную выдержку из Истархи в переводе на татарский язык: «Башкорд ике сыйныф. Бер сыйныфы ахэрэл Гозийады, Булгар артында, ике йез менг кадэр халык» (Башкиры состоят из двух групп. Одна группа у страны гузов, за Булгарами, численность приблизительно двести тысяч)¹⁶. Совпадение двух последних ссылок дает основание признать их более правильными.

Восточные источники, кроме башкир, живущих в районе Волги и Урала, отмечают паннонских башкир (Паннония — современная Венгрия). По сообщению Казвини (XIII в.): «Башгорд — многочисленное племя тюрков, живущее между Константинополем и Булгарией»¹⁷. Об этих башкирах интересные сведения оставил Якут аль Хамави (XIII в.). Он встретил в г. Халебе (в современной Сирии) башкир-студентов, которые ему сообщили: «Башгирд — область между Константинополем и Булгаром (Дунайским.— А. Б.)». «Я сам встретил,— пишет Якут аль Хамави,— в городе Халебе большую группу людей, которые называют себя «аль Башгордия». Они сильно красноволосые и краснолицые. Они говорили, что их область за Константинополем, в стране, принадлежащей народу афрендж, называемого хунгарамиз» (венгры). «У нас,— говорили они,— 30 больших селе-

⁹ Идриси. Указ. соч. стр. 311—312.

¹⁰ Там же, стр. 326.

¹¹ Там же, стр. 287.

¹² Там же, стр. 289.

¹³ Истархи. Китаб аль Масалик ва аль Мамалик. Лейден, 1927, стр. 225.

¹⁴ См., например: С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955; Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1. Уфа, 1956.

¹⁵ М. Мекки (ар-Рамзи). Указ. соч., стр. 231.

¹⁶ Ш. Марджани. Мостифад аль ахбар... Казань, 1897, стр. 37.

¹⁷ М. Мекки (ар-Рамзи). Указ. соч., стр. 231.

ний, каждое из которых представляет небольшой город. Мы — мусульмане. Живем среди христиан. К северу от нас — область саклабов...»¹⁸.

Помимо сведений, подобных отмеченным выше, которые можно привести в какую-то систему, имеются различные отрывочные сообщения о древних башкирах или отдельных личностях, принадлежащих им. Например, по В. В. Бартольд, в записях Гардизи, (XI в.) сказано: «Хакан стал у Башгирд. Этот Башгирд являлся из высших чинов хазар. Он расположился между хазарами и кимаками. С двумя тысячами всадников хазарский хакан послал к Башгирду человека с предложением вытеснить саклаба... Саклаб ушел и стал между кимаками и тугаз гузами»¹⁹ Предводитель половцев Башкорда (XII в.) женится на вдове убитого Черниговского князя²⁰. В XIII—XIV вв. некий башкир был в Египте в числе мамлюков. «Мамлюк Башгирд, ставший эмиром, имел пристрастие к арабскому языку... Известна его доля в поэтических и прозаических произведениях»²¹.

Все приведенные сведения и сообщения в общем и целом позволяют сделать определенный вывод о том, что башкиры в VII—XIV вв. были народом достаточно широко известным. Очевидно, длительное пребывание башкир на данной территории дало основание назвать Уральские горы «Башкирскими горами»²².

¹⁸ Якут аль-Хамави. Морджам аль-билдан, т. 1, стр. 468—470.

¹⁹ В. В. Бартольд. Зайнуль-ахбар Гардизи. СПб., 1899, стр. 85.

²⁰ «Вестник Оренбургского учебного округа». Уфа, 1913, стр. 167.

²¹ Якут аль-Хамави. Связи между Нилом и Волгой. М., 1962, стр. 31.

²² Якут аль-Хамави. Указ. соч., стр. 34.

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

ВЫСТУПЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЕКЦИЙ

А. П. Смирнов (Секция археологии и антропологии). — На секции археологии и антропологии было прослушано 18 докладов и сообщений, в число которых три включены в процессе работы. Доклады и сообщения были посвящены различным вопросам, но все они касались археологии самой Башкирии: два посвящены эпохе бронзы, остальные — отдельным памятникам и этническим процессам средневековья. Материал, который лег в основу этих докладов и сообщений, новый, в большинстве своем еще не введен в современный научный обиход и представляет большую ценность для решения различных вопросов этнической истории народов не только Башкирии, но и соседних территорий. Четыре доклада касались материалов Средней Камы, Сибири и Средней Азии, с которыми у населения Башкирии существовали тесные культурные и этнические связи. Еще в четырех докладах освещен общий вопрос средневековой истории Башкирии и Татарии. Сообщения эти касались вопросов этнического состава Волжской Булгарии в период становления этого государства. Судя по докладам, большую роль в этнической истории Волго-Приуралья сыграли ираноязычные сарматы, на основе которых сформировался ряд культур средневековья. Сармат Башкирии и Южного Урала следует и впредь изучать и уделять им большое внимание. Вопрос о булгарах и тюрках был затронут в ряде докладов. Роль этих этнических групп окончательно не выяснена. Положения, высказанные докладчиками, весьма интересны, но они основаны в своем большинстве на общенсторических соображениях и требуют подкрепления новым фактическим материалом. Еще не решен вопрос о характере взаимоотношений аборигенного населения с пришельцами. Одно можно сказать, что население Южного Урала к концу I тыс. н. э. имело непосредственное отношение к этногенезу башкир. Судя по всем докладам, коллектив башкирских археологов провел огромную работу, позволяющую поставить проблему этногенеза башкир на более высокий уровень. За последние годы открыты тысячи новых археологических памятников, основные из которых требуют монографического изучения. В плане дальнейшей разработки этногенеза башкир надо продолжать работу в малоизученных районах Урала, особое внимание обращая на средневековые памятники.

Т. А. Жданко (Секция этнографии). — В работе секции этнографии принимали участие около 50 человек, в том числе шесть научных работников из Москвы и Ленинграда, четыре — из Узбекистана и Каракалпакии, семь сотрудников Башкирского филиала АН СССР и Башкирского государственного университета, представители научной общности Уфы.

На секции было прослушано 13 докладов. Шесть из них основаны на этнографическом материале Башкирии. Остальные семь освещают этнические и культурные связи башкирского народа преимущественно с народами Поволжья (мордвой и удмуртами) и Средней Азией (с туркменами, каракалпаками и др.).

По содержанию доклады и сообщения можно сгруппировать по нескольким темам.

Доклады Г. П. Васильевой, Т. А. Жданко, Л. С. Толстой, Р. Б. Ахмерова были посвящены этнической истории, сопоставлению судеб, контактам различных древних и средневековых племен на территории Приуралья и Приаралья; выявлению этнических образований, участвовавших в сложении башкир и народов Приаралья — каракалпаков и

туркмен. Анализирован родо-племенной состав, а также фольклор (легенды, предания). Выявлены интересные факты этнических контактов на протяжении всей истории — с древнейших времен до поздних этапов средневековья.

Терминологию родства башкир и каракалпков в аспекте этногенеза исследовали Н. В. Бикбулатов и У. Д. Доспанов. В докладе Н. В. Бикбулатова были сделаны интересные выводы; оказалось, что система терминов родства — это ценнейший источник не только для изучения истории социальной структуры и истории семьи, но и для разработки проблем этногенеза. Были установлены связи терминов родства башкир с Южной Сибирью и Алтаем, с Поволжьем и некоторыми этнографическими группами Средней Азии и Казахстана.

Интересным дополнением к прекрасно разработанному докладу Н. В. Бикбулатова был доклад каракалпакского филолога У. Д. Доспанова о близости некоторых терминов родства каракалпков и башкир.

Другая группа — это доклады С. Н. Шитовой, В. Н. Белицер, Н. С. Королевой, исследовавших в этногенетическом плане материальную культуру, особенно одежду и прикладное искусство башкир. В этих докладах проведены широкие сопоставления культуры башкир с культурой финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в частности обских угров, а также народов Средней Азии и Сибири. Авторы выявили разносторонние этнокультурные связи башкир, степень влияния этих связей на культуру и искусство различных групп народа.

Доклады Ф. Ф. Илимбетова и каракалпакского ученого Х. Е. Есбергенова были построены на материалах культа, древних верований и религиозных представлений; особенно хорошо были освещены вопросы тотемизма. Доклад Ф. Ф. Илимбетова был посвящен культу волка в связи с анализом происхождения этнонима башкир. В докладе Х. Е. Есбергенова затрагивался вопрос о культе орла в различных формах его проявления — в обрядах, некоторых формах ритуального костюма у каракалпков и т. д.

Интересным был доклад Р. З. Янгузина об этнических традициях в истории хозяйства населения северо-западной Башкирии. Доклад показал, что развитие земледелия у башкир, в т. ч. и северо-западных, отнюдь не было лишь результатом колонизации края русскими, татарами и др. Археологические и этнографические данные говорят о древности местных форм земледельческих орудий, о местных корнях земледелия в этих районах Башкирии.

В целом надо сказать, что доклады, прослушанные на секции, несомненно, являются ценным вкладом в разработку сложного процесса этногенеза башкир; они чрезвычайно обогатили и гипотезами и сопоставлениями и новым материалом исследования по этой проблеме.

По своим теоретическим положениям и по основным выводам авторы вообще, по моему, все солидарны с той концепцией этногенеза, многовекового исторического процесса формирования башкирского народа, которая была изложена в докладе Р. Г. Кузеева, сделанном на пленарном заседании.

А. И. Харисов (Секция языка и фольклористики). — На секции языка и фольклористики было заслушано и обсуждено 12 докладов и сообщений, с которыми выступили ученые Уфы, Казани, Фрунзе, Нукуса и Чебоксар. По тематике они подразделяются на 3 группы: диалектологические, фольклористические и источниковедческие.

В докладах и сообщениях первой группы на основе данных башкирского языка, прежде всего диалектологии и гидронимии, в сравнении с явлениями других тюркских, а также угро-финских и монгольских языков, были высказаны интересные мысли и гипотезы, связанные с проблемой этногенеза башкир. Наибольший интерес вызвали доклады Д. С. Насырова (г. Нукус) о каракалпакско-башкирских языковых связях и Г. И. Корнилова (г. Чебоксары) об участии некоторых башкирских племен в этническом формировании соседних народов.

В докладах и сообщениях по фольклористике были выяснены и установлены этногенетические мотивы в башкирских сказках (М. Х. Мингажетдинов, Уфа), показаны отражение

консолидации народа в башкирских эпических сказаниях (М. М. Сагитов, Уфа) и взаимосвязь каракалпакского и башкирского эпоса (К. М. Максетов, Нукус). Прислушано также интересное сообщение о генетических истоках башкирской народной музыки (Л. П. Атанова).

Выводы докладчиков как по фольклористике, так и по языкознанию проливают определенный свет на сложную проблему этногенеза башкир.

По источниковедению в связи с изучением этнической истории башкирского народа интерес вызвали доклады А. Б. Булатова, который попытался обобщить сведения о башкирах, извлеченные из сочинений восточных средневековых писателей, и А. Г. Кудашева о работах башкирских и татарских ученых рубежа XIX—XX вв. по этнической истории башкир. При обсуждении их справедливо был поднят вопрос о необходимости подготовки издания академического свода средневековых письменных памятников (отечественных, восточных и западноевропейских) о башкирах и Башкирии.

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПРЕНИЯХ

В. Ф. Генинг (Свердловск).—Совершенно естественно, что одним из центральных на этой сессии стал вопрос о тюрках, тюркских течениях, начале тюркизации и т. д. Я хочу обратить внимание на следующее: не слишком ли общо мы говорим о тюрках? Ведь они имеют длительную историю и достаточно дифференцированы. Моя точка зрения на памятники, которые я в свое время исследовал, сводилась к следующему: памятники Нижнего Поволжья принадлежали какой-то группе тюрков, очень рано отделившейся от основного тюркского массива. Эта группа имела весьма своеобразную культуру; в частности, они не были кочевниками. А. П. Смирнов убедительно говорил о том, что в Приуралье все памятники принадлежали оседлым племенам, имея в виду — нетюркским. Правильно, здесь действительно все памятники оседлые; однако они связаны, очевидно, с какой-то очень своеобразной древнетюркской этнической группой. Это не противоречит и данным лингвистики. Не надо забывать, что, например, чувашский язык резко отличается от остальных тюркских языков. Это результат того, что предки чувашей рано отделились от основного тюркского массива. Сегодня Ю. А. Краснов в своем выступлении говорил о необходимости определения культурных признаков ранних тюрков. Но существует ли обобщенное понятие о ранних тюрках? Мне кажется, что, по крайней мере, в V—VI вв., и даже в III в. н. э. тюрки были уже достаточно дифференцированы. Это были разные племена. Если внимательно проследить историю быстрого возвышения и территориального расширения Тюркского каганата или историю движения гуннов (если это были самые ранние тюрки), то нетрудно заметить, что в состав объединений, которые мы в дальнейшем считаем тюркскими, вошли многие местные казахстанские, западносибирские и другие племена, несомненно, на протяжении длительного времени сохранившие прежнее этническое специфика. Вот почему поиски так называемых ранних тюрков и их культурных признаков ни к чему не приведут.

Археологам известны памятники ранних кочевников, однако нет оснований считать, что эти памятники обладали такими общими чертами, которые позволяют определить некий единый культурный эталон ранних тюрков. Такого эталона нет и едва ли он появится.

С учетом сказанного, я еще раз подчеркиваю свой прежний вывод о том, что появление тюрков (замечу, что я не употребляю слова «тюркизация») можно относить к III—V и даже к VI вв. В V в. между Волгой и Белой появилась группа памятников именьковско-романовского типа, которые составляли этот ранний массив древних тюрков. При этом древнетюркское население не дошло над остальными; одновременно существовали и другие достаточно большие и территориально обширные этнические массивы. Это самый ранний этап появления тюрков. Мне представляется, что данную своеобразную по культуре группу тюрков, с ее появлением и расселением с письменными источниками, можно назвать чувашско-й.

Несколько замечаний по другим вопросам. Здесь высказывались мнения (Е. П. Казаков) по поводу связей с венграми и отмечалось, что эта тематика не получила активного обсуждения. На мой взгляд, выдвинутые в последнее время представления по так назы-

ваемой венгерской проблеме (Н. А. Мажитов) не обоснованы анализом ни письменных ни археологических источников. Н. А. Мажитов считает, что бахмутинская культура только потому может быть увязана с венграми, что она прекращает свое существование в VII в. В характеристике самой культуры еще больше неясностей. В наиболее устойчивом этническом признаке — в погребальном обряде — так называемой бахмутинской культуры и венгерских могильников X в. нет ничего общего ни в конструкции могильных ям, ни в обряде размещения в них вещей. Венгерские могильники совсем не имеют глиняной посуды, а в бахмутинских памятниках прекрасно представлена глиняная посуда во второй группе погребений. В связи с этим я вновь хотел бы обратить внимание на необходимость более тщательного подхода к выделению археологических культур. Н. А. Мажитов в своем выступлении, как и прежде, настаивал на том, что мы можем применительно к территории Башкирии середины I тыс. н. э. говорить об археологических культурах. Мне кажется, если, как это принято, под археологической культурой мы подразумеваем единый комплекс признаков, то для такой уверенности здесь нет основания. Например, что такое бахмутинская культура? Она фактически изучена по одному (Бирскому) могильнику, который в раннем слое очень однороден. В поздних же слоях нельзя проследить, как развиваются ранние культурные черты. При этом видно, что в поздний слой бахмутинцев внедряются совершенно различные группы, которые имеют присущие им погребальный обряд и керамику. И весь этот конгломерат Н. А. Мажитовым преподносится как нечто единое, цельное, хотя нет в нем никакого единства. Например, для бахмутинской культуры весьма типичными называют (прежде и я так считал) шаровидные сосуды с наколотыми ямками и височные подвески в виде кольца со свисающими вниз стержнем и бусинами. Но в действительности оказывается, что ни в одном погребении подобные височные подвески не найдены вместе с сосудами. Это совершенно разные вещи.

Если результаты раскопок Н. А. Мажитова сопоставить с собственно Бахмутинским могильником, то увидим совершенно другую картину. В нем нет могильных ям сложной конструкции, ни в одном погребении не найдено типично бахмутинского сосуда. Таким образом, это разнородные материалы, искусственно объединенные в одно целое, из которого есть возможность вытянуть что угодно. В этих материалах можно увидеть в том числе и угров, а затем объяснить, что они происходят от местных пьяноборских племен. Получается, следовательно, что пьяноборская культура тоже угорская, хотя достаточно твердо известна пермская принадлежность пьяноборской и ананьинской культур. В этом согласии с археологами и лингвистами и антропологами. Спрашивается, как можно из такого конгломерата делать какие-то выводы? Я думаю, что задача археологов состоит, прежде всего, в том, чтобы достаточно четко дифференцировать и классифицировать эти материалы, т. е. те памятники с территории Башкирии середины и второй половины I тыс. н. э., которыми мы оперируем. Только после этого можно переходить к обобщениям.

Прямое отношение к сказанному имеет характер сообщения В. Б. Ковалевской о полемской культуре. Из всей полемской культуры она выхватывает один могильник (а под всякой культурой мы подразумеваем большой комплекс памятников: могильники, поселения, находки), а из всех материалов могильника берет один тип вещей (поясные пряжки) и на этом основании делает неожиданный вывод: полемской культуры нет и не было. Такой подход к археологическому материалу совершенно неправомерен.

В заключение несколько слов об этнической характеристике курганов IX в., исследованных Н. А. Мажитовым в восточной Башкирии. Н. А. Мажитов считает, что курганы принадлежали башкирам. Однако это сомнительно, так как Ибн Фадлан в начале X в. шел где-то вблизи Волги. Таким образом, большой географический разрыв серьезное препятствие для сопоставления восточных курганов с башкирами.

К. И. Петров (Фрунзе). Обобщая мнение разных специалистов по этногенезу башкир, можно констатировать следующее: физический тип современного населения Башкирии тождествен с тем, какой сложился здесь в IV—III вв. до н. э. Резких колебаний его не было, что предполагает преемственность в формировании физических предков башкир

со времени до нашей эры. Определенная преемственность прослеживается по линии материальной культуры. В отношении языка мнения расходятся. Некоторые предполагают смену физическими предками какого-то из «иранских» или угро-финских языков на тюркский, или «тюркизацию», возможно, частично с так называемого гуннского периода III—IV вв., а в общем в IV—VII вв. н. э. Языковых данных в пользу этой гипотезы не приводится, и едва ли таковые могут найтись. Предпосылкой гипотезы являются априорные предположения об «ираноязычности» населения Приуралья — Поволжья (саурматов-сарматов и др.) до первых веков нашей эры и переселении сюда первых тюркоязычных племен откуда-то с востока, возможно, лишь в гуннское время, а вообще в период тюркских каганатов. Оба эти предположения, к сожалению, довольно распространенные, основываются, однако, не на лингвистической аргументации, а на устаревшей традиции, не проверенной современным уровнем науки.

Индоевропеистика как языковедческая наука развивалась ранее и более тюркологично. Индоевропеисты, отгородив «китайской стеной» непонятные для них тюркские языки от индоевропейских, вели поиски в письменных источниках только со своих позиций, не думая об обитании здесь тюркоязычного населения. Они «заселили» Приуралье, Казахстан и Сибирь носителями индоевропейских языков, произвольно введя ничем не аргументированный термин «ираноязычное» население. В источниках нет ни одного расшифрованного термина, относящегося к этносу Поволжья-Приуралья до начала нашей эры, который можно было бы даже с натяжкой принять за индоевропейский, не говоря об уточняющем «иранском». Версия «ираноязычности» распространена не в связи с языковыми данными, а более всего, как это ни странно, археологами в связи с истолкованиями материальной культуры, что, конечно, неправомерно. Культурные общности разноязычных народов широко известны в истории. Нет основания распространять «ираноязычность» в Приуралье и в связи с сарматско-осетинской проблемой. Небольшая часть сарматского этноса в начале нашей эры государственно включала на Северном Кавказе разные индоевропейскоязычные, в т. ч. ираноязычные (предков осетин), родо-племенные группы. Но из этого не следует осетино-(ирано)язычность всего огромного сарматско-сарматского этноса до Приуралья. Еще Геродот указывал, что саурматы смешанный народ (с амазонами — «ой орпата»), говорили они на «искаженном» скифском языке. Подлежит сомнению само тождество этнонимов *саурмат-сармат*. Они, видимо, разных корней. Есть другие варианты, как *сұрмат* в греческом «Перипле» 350-х годов н. э., приписываемом Скилаку Кариандскому, современнику Дария I. *Сұрматы*, по его описанию, составляли особый народ, обитавший недалеко от *саурматов*.

Сұрмат может быть вариантом корня башкирского этнонима *йурмат* (*юрмат*), венгерского *дьярмат* и др. Того же корня название народа «орпата», с которым перемешались саурматы.

«Ор-пата» переводилась Геродотом как «мужеубицы», от *ор* — «мужчина», ср. тюркские: *ар* (башк., чув.), *ар* (орх.-енис. и др.) — «муж, мужчина». Между прочим, в ранних изданиях рукописей Геродота допущена ошибка. При издании артикль мн. ч. 'ой был соединен со следующим существительным, а последнее осталось без артикля, что для греческого языка недопустимо.

Сам этноним сармат можно этимологизировать и как урало-алтайский: *сары* — «желтый, светлый» (тюрк.), *шар* — «желтый, русый» (монг.), *шур* — «белый» (чув.), *шарама* — «серый» (эвенк.) и др. Современный *сармас* — чувашское произношение черемис (мари) можно рассматривать как вариант сармат с конечным ц>т/с. Свето-цветовая этнонимика широко распространена. Не случайно здесь, в Поволжье, появились вскоре «белые гунны». Есть и другие этимологизации, заслуживающие не меньшего внимания, вплоть до расшифровки рационального толкования этнонима «женууправляемый народ». Я на них не настаиваю, а привожу в качестве примера того, что нельзя походя объявлять весь саурматско-сарматский этнос «ираноязычным» и исключать проживание тюркоязычного этноса в При-

ураль-Поволжье до нашей эры. На этот счет есть прямые указания. Римский историк первых десятилетий нашей эры Плиний Секунд, заимствовавший сведения из источников до IV в. до н. э., перечисляя народы в Поволжье, прямо называет народ *turk* (тюрк), обитавший вплоть до «лесистых гор». Его современник Помпоний Мела дает транскрипцию *turc* (Турк несколько не «неправильнее» славянской передачи «торк»). Это, конечно, не увязывается с привычной традицией, согласно которой этноним *turk* будто бы «первым» возник и зафиксирован только в орхо-енисейских надписях спустя шесть столетий в Монголии, откуда его распространили переселившиеся в VI в. «тюркские племена». И по этой традиции и традиции «ираноязычности» населения Приуралья допускается смена физическими предками башкир «иранского» языка на тюркский в какие-нибудь последние 1,5 тысячелетия. Приведенные факты обязывают пересмотреть эту традицию, от них нельзя отмахнуться. Лингвистика, не удовлетворяясь различными гипотетическими схемами, вправе требовать языковые факты происшедшей будто бы смены населения. Тожественные фонетико-семантические формы этнонимов, как языковое явление, возникли независимо у многих отдаленных территориально и хронологически народов, входивших в соответствующие языковые общности. Мною собрано много таких примеров. В частности, варианты этнонима *turk* обнаруживаются в разных местах много ранее, и его расшифровка отличается от принятой.

На сессии приводились примеры заимствования башкирами финно-угорской лексики, объясняемые контактами предков башкир с уграми в I тыс. н. э. Получается, что следы контактов в I тыс. н. э. в языке сохраняются, но нет следов смены ими языка одной семьей (иранской) на другую (тюркскую), предполагаемой всего несколькими веками ранее.

Можно привести примеры общих корней с единими аффиксами у башкир и римлян

типа *tub-ыр*, *tub-er*, *тем-ле*, *tum-ul-us* и др. Могут привести сотни подобных из этого и других языков и в соответствии с существующей традицией будут иметь не меньше оснований утверждать, будто башкиры — оторченные римляне, греки, вавилоняне — кто угодно, и будто корни языка последних всего лишь недавно агглютинированы. Как смотреть на это? Только через призму языковой общности до определенной стадии. Через нее следует рассматривать и язычность здешнего древнейшего населения, появление «пратюркоязычности», дальнейшее развитие. Может быть, это несколько упрощено, но все же более документировано, чем гипотеза смены языка физическими предками башкир всего 1,5 тысячелетия под влиянием пришельцев откуда-то из песков пустыни Гоби.

У. Э. Эрди и е в (Элиста). — В ряде докладов, в частности Н. В. Бикбулатова и С. Н. Шитовой, говорилось о влиянии монголов на башкир в системе родства, в материальной культуре и т. д. Они склонны отнестись к влиянию монголов ко времени чингизидов. Мне кажется, это влияние более позднего характера. Хорошо известно, что в последний период башкиры находились в более тесных связях с калмыками, нежели с монголами. Они вступили с ними в тесные контакты в конце XVI — начале XVII вв., которые продолжались до середины XIX в. Калмыки в Башкирии бывали неоднократно. Совместно с башкирами они участвовали во многих политических событиях, в частности, в пугачевском восстании — до десяти командиров Пугачева были калмыками. После подавления этого восстания многие повстанцы-калмыки укрылись в Башкирии. Калмыцкие и башкирские полки в составе русских войск участвовали в семилетней войне и вместе вступали в Берлин. Затем 3 калмыцких полка и более 30 башкирских полков участвовали совместно с русскими войсками во взятии Парижа. Из работ Р. Г. Кузеева известно, что в составе башкир есть род «калмак». Все это показывает, что было бы более правомерно объяснить монгольские элементы в языке и культуре башкир калмыко-башкирскими контактами.

Ю. А. Краснов (Москва). — Доклад А. Х. Халикова, который посвящен общим процессам в этногенезе татар и башкир Поволжья и Приуралья, был по своему содержанию шире, чем его название. В сущности он представляет собой развернутую концепцию взаимоотношений тюркских племен с северными и северо-западными соседями; на фоне их

рассматриваются происхождение башкирского и попутно татарского народов, общие процессы в этногенезе обоих народов. В центре внимания докладчика была проблема тюркизации населения обширных районов Волго-Камья. На этом вопросе и хотелось бы остановиться. Во-первых, мне кажется, что в докладе термин «тюркизация» (а надо сказать, что он широко использовался не только А. Х. Халиковым, но и многими другими докладчиками) должен быть точно определен. Я говорю об этом потому, что разные исследователи под понятием «тюркизация» понимают совершенно различные вещи: одни — процессы проникновения больших масс тюркского населения на иноязычную территорию, а с с и м л я ц и ю иноязычного населения; другие — простое з а и м с т в о в а н и е каких-то элементов тюркской материальной и духовной культуры соседними народами под различным влиянием и т. д.

Судя по контексту доклада А. Х. Халикова, кажется, что он понимает под понятием «тюркизация» расселение значительных масс тюркских племен на новой территории и ассимиляцию аборигенного населения. Первый этап тюркизации в районах Волго-Камья А. Х. Халиков относит к III—IV вв. и считает, что появившиеся в Волго-Камье в это время именьковские или именьковско-романовские, родственные именьковским кушнаренковские, турбаслинские и другие племена были тюркоязычными. Однако само положение о тюркской принадлежности именьковских, кушнаренковских и турбаслинских племен, как это видно из дискуссии, возникшей на сессии, очень спорное. Доводы, которые приводились в литературе или здесь на сессии (например, В. Ф. Геннинг), слишком малы для того, чтобы бесспорно считать эти племена тюркоязычными и относить их к древнейшим тюркоязычным народам на территории Волго-Камья. Таким образом, положение о раннем этапе тюркизации районов Волго-Камья оказывается основанным на недостаточной доброкачественных посылках, которые сами по себе спорны и нуждаются в серьезной аргументации. Но главное даже не в этом. Вопрос о тюркизации этих районов в первой половине и в середине I тыс. н. э. будет оставаться спорным и вызывать недостаточно продуктивные споры до тех пор, пока не будет четко выделен комплекс материальной культуры, характерный для ранних тюрков вообще. Прежде чем говорить о тюркизации населения Волго-Камья и других народов, нужно четко сформулировать, что же из себя представляли по материальной культуре эти ранние тюрки. В противном случае получается, что в материальной культуре археологических памятников Волго-Камья мы ищем те вещи, о чем сами не имеем ясного представления. Поэтому нельзя не согласиться с мыслями, которые были высказаны в ряде докладов на археологической секции и пленарных заседаниях. В частности, Р. Г. Кузеевым правильно было отмечено, что пока у нас нет достаточно широкого и в этническом отношении четко охарактеризованного материала, позволяющего делать выводы о характере и масштабах раннетюркского проникновения в земли Волго-Камья и, соответственно, о его роли в этногенезе башкир и татар. Верно то, что мы имеем теоретическую возможность допустить такое проникновение. Но вполне может быть, что эта возможность и не была осуществлена; во всяком случае, мы этого не знаем. Пока не будет наведен порядок в смысле выделения тех черт в материальной культуре, которые характерны для ранних тюрков, этот вопрос, как мне представляется, не будет решен, во всяком случае, не будет решен достаточно убедительно.

Рассматривая второй этап тюркизации районов Волго-Камья, А. Х. Халиков связывает его с проникновением сюда кипчако-огузских племен. Аетсяя, однако, недостаточно ясным, почему именно с кипчако-огузскими племенами связывается второй этап. Эти «новотюркские», по его выражению, племена появились здесь не позже грани VI—VII вв. что также трудно объяснимо для кипчаков.

Как мне представляется, А. Х. Халиков рисует слишком широкую территорию проникновения этих племен — от Ика до Оки. К сожалению, для рубежа VI—VII вв. в докладе и, тем более, в тезисах развернутой аргументации этого положения он привести не мог. Нет убедительных доводов и в других докладах, так что полемизировать с этим тезисом довольно трудно. Памятники, которые А. Х. Халиков упоминал в докладе — Ар-

цыбашево, Зиновьевка, Муранка, Кайбелы, на мой взгляд, никоим образом не дают возможности говорить о каком-то массовом проникновении сюда тюркоязычных племен, о тюркизации этой территории (кстати, Кайбелы, кажется, болгарский памятник). А. Х. Халикова представляется, что сильная тюркизация происходила на всей территории от Оки до Ика. Он пишет: «В домонгольской Булгарии, в результате включения в основной состав населения значительной группы преимущественно тюркоязычных племен Поволжья и Прикамья от бассейна р. Оки на западе до бассейна р. Ика на востоке и их феодализации, к XII в. в целом завершается процесс сложения общеповолжской народности, в которой следует усматривать основу общетатарской народности». Таким образом, надо понимать, что процесс сложения общеповолжской народности, в которой следует усматривать основы общетатарской народности, по мнению А. Х. Халикова, развивался на этой огромной территории от Оки до Ика.

Итак, мне представляется, что изложенная в докладе А. Х. Халикова концепция о тюркизации огромного пространства Волго-Камья в силу состояния наших археологических источников пока преждевременна.

В. А. Оберин (Пермь).—Мы заслушали много интересных докладов, которые явно продвинули вперед очень сложный вопрос об этногенезе башкирского народа. Признавая большие заслуги всех докладчиков, я хотел бы все-таки отметить, что на данном этапе изучения наиболее убедительным, объективным и правильным по постановке проблемы во всей ее полноте с древнейших времен и до завершения процесса этногенеза был доклад Р. Г. Кузеева. Мне кажется, что на достигнутом уровне изучения проблемы в качестве рабочей гипотезы нужно согласиться с концепцией Р. Г. Кузеева всем: и археологам, и языковедам, и историкам, потому что именно этот доклад был построен на широком круге источников, был очень хорошо аргументирован. Мне кажется также, что большим вкладом в изучение этногенеза башкир был доклад М. С. Акимовой. В то же время развернутая и прочная аргументация ее выводов требует более поздних материалов; без такой проверки, исходя лишь из исходных данных какого-то одного периода, едва ли можно быть уверенным в прочности выдвинутых положений.

Мне хотелось бы высказать несколько замечаний по двум докладам, в которых были сформулированы определенные гипотезы; правда, они уже не новы, но, на мой взгляд, недостаточно аргументированы. Открывая сессию, Ю. В. Бромлей во вступительном слове совершенно справедливо говорил, что было бы преждевременно по многим вопросам ставить точки над *i* и при нынешних наших знаниях фактического материала в ряде случаев не надо к этому пока стремиться. Несмотря на это пожелание, некоторые докладчики, не считаясь с недостатком или отсутствием материала, доводят свои гипотезы до логической завершенности, представляя разработанные ими схемы как бы уже доказанными. Это, на мой взгляд, не что иное, как один из способов скрыть недостатки собственных гипотез. В этом свете я выскажу замечания по интересному в целом докладу Н. А. Мажитова. Он утверждает, что бахмутинская культура является угорской (в ряде работ — даже мадыарской), в то же время считает, что культура бахмутинцев вырастает на основе местной пьяноборско-кара-абызской культуры. Такова его концепция. Если следовать ей, то придется считать уграми и пьяноборцев с кара-абызцами. Однако хорошо известно и является общепризнанным то, что пьяноборская и кара-абызская культуры сложились на ананьинской основе; в соответствии с концепцией Н. А. Мажитова получается, что ананьинцы также угры. В общем, если развивать логику построения Н. А. Мажитова дальше, придется считать в этническом отношении угорскими и культуры эпохи бронзы. Иначе говоря, в такой концепции не остается места пермским народам. Это при том, что здесь, в Верхнем и Среднем Прикамье, фиксируется самый мощный и древний пласт пермской топонимики. Лингвисты считают, что формирование пермских народов происходило на этой территории, включая, во всяком случае, и лесное Приуралье. Следовательно, если до конца развивать концепцию Н. А. Мажитова, получается, как мне кажется, явная несурезица. Очевидно, вопрос об этнической принадлежности бахмутинской культуры требует даль-

нейшего изучения. Надо, видимо, продумать вопрос о соотношении различных этнокультурных элементов в формировании бахмутинской культуры, племена которой вошли в состав башкирского народа.

Аналогичное замечание хотелось высказать также по весьма интересному докладу А. Х. Халикова. Мне кажется, поиски общего древнего пласта в формировании башкирского и татарского народов будут плодотворными. В то же время А. Х. Халиков высказал мнение о миграции тюркского населения в Прикамье в V—VI вв. Из доклада можно понять, хотя здесь имеет место определенная недоговоренность, что признаки, которые А. Х. Халиков связывает с миграцией тюрков, проявляются значительно севернее, в Верхнем Прикамье, т. е. в харинских, неволинских и сылвенских памятниках. Об этом же, правда не очень четко, говорил и Н. А. Мажитов. Если эту концепцию развивать дальше, получается, что харинский этап в Верхнем Прикамье, неволинский на Сылве и собственно сылвенская культура отражают историю тюркоязычных племен. Между тем в этом районе древнетюркская топонимика совершенно отсутствует, а господствует угорская и пермская.

А. Х. Халиков считает, что бардымские и тульвинские татары сложились на основе того древнего пласта, появление которого он относит к V—VI вв. Однако предания самих татар этих районов говорят, что они появились здесь после разгрома Казанского ханства. В письменных источниках этот процесс хорошо прослежен. Если мы действительно можем говорить о тульвинских башкирах как о древнем населении этого края (письменные источники XVI в. упоминают башкир), то сведения о татарах появляются все же позднее. В источниках XVI в. имеются сведения о вогуличах, остяках, в Осинском районе — о башкирах. Появившиеся позднее пермские татары подвергаются первоначально постепенной ассимиляции. Сами татары рассказывали, что они раньше назывались остяками (но не вогуличами). С ростом миграции татар их ассимиляция, видимо, прекращается, но ассимиляция манси и вогуличей не происходила. По сообщениям источников XVIII—XIX вв., эти как будто маленькие народности, проживающие в бассейне Чусовой, ушли на восток к Уралу в родственную этническую среду, или, оставаясь здесь, не смешивались ни с русским, ни с татарским, ни с башкирским населением.

Таким образом, если можно согласиться с тем, что бардымские татары в основном сложились на основе башкирского населения в результате ассимиляции с пришлыми татарами, то отстаивать аналогичный тезис о более древнем пласте в бассейне р. Сылвы и считать ранние памятники харинского, неволинского и сылвенского типов тюркскими нет никаких оснований. Это подтверждается и тем, что указанным памятникам в Башкирии и далее на юг, где формировались тюркоязычные племена, аналогий нет. Эти аналогии находятся в лесостепном Зауралье, памятники которого В. Ф. Генинг довольно убедительно связывает с уральскими остяками.

Мои замечания связаны с тем, что было бы правильно для археологов, да и других специалистов подойти к анализу проблемы так, как пытался и сделал Р. Г. Кузеев, т. е. с учетом всей суммы источников и рассматривая тему в широком хронологическом плане.

М. Г. Мошкова (Москва).—Я бы хотела кратко остановиться на докладе Н. А. Мажитова, посвященном происхождению башкир. В нем по существу была высказана в какой-то мере новая точка зрения об очень раннем появлении тюркоязычных племен на территории Башкирии, а именно—в I тыс. до н. э. Правда, это было сделано довольно осторожно, но мысль сводилась именно к этому. Но даже в гипотетической постановке это сделать на археологических материалах преждевременно, так как фактологических оснований, на мой взгляд, никаких нет. Утверждение Н. А. Мажитова основывалось на результатах исследований двух памятников, а именно: Давлетовских и Исянбетовских курганов. Исянбетовский курган—каменный; существование каменной насыпи, действительно, считается одним из признаков собственно тюркских курганов. Его раскопки дали небольшие, но все же определенные материалы. Получен инвентарь, который мы с равным основанием

можем отнести к числу памятников сарматской культуры, распространенной на данной территории в это время. Полученный из Исянбетовских курганов инвентарь не выходит в целом за пределы сарматского археологического комплекса. К тому же, заметим, что каменные курганы, каменные насыпи известны среди сарматских памятников. Может быть, такие курганы немногочисленны, но их достаточно для того, чтобы утверждать, что этот признак погребального обряда также является характерным при определении сарматской культуры. В Поволжье известен целый могильник савроматского времени на правом берегу Волги, который состоит из каменных насыпей. Следовательно, связывать Исянбетовский курган с каким-то другим, не сарматским этносом у нас пока нет оснований.

Несколько замечаний о Давлетовском кургане. Погребальный обряд этого кургана характерен для тагикенской культуры, распространенной на территории Казахстана. Она довольно хорошо изучена; выявлен ареал ее распространения. Но отдельные памятники этой культуры могут встречаться за пределами основной территории ее распространения. Именно к такого типа памятникам относится Давлетовский курган. Сейчас изучены не только курганы «с усами», которые датируются VI—III вв. до н. э. Среди обследованных курганов немало и таких, которые являются обычными; в насыпи их почти всегда присутствует в той или иной степени камень. Что касается курганов «с усами», специалисты по археологии Казахстана не раз подчеркивали, что они не кончают свое существование в III в. до н. э., а встречаются и позднее, вплоть до первых веков нашей эры. Следовательно, если даже допустить, что Давлетовский курган и является аргументом в пользу ранне-тюркского проникновения в Башкирию, этот аргумент все равно теряет смысл, так как датировка кургана остается совершенно неизвестной. Это тем более так, ибо раскопки Н. А. Мажитова в данном плане не дали никакого материала. Все эти доводы заставляют еще раз подчеркнуть, что сама постановка вопроса о появлении в Башкирии в V в. до н. э. тюркских племен преждевременна.

Участие в работе сессии лингвистов, археологов, этнографов, казалось бы, должно говорить о самом близком контакте этих дисциплин и специалистов, занимающихся ими. Однако выступление К. И. Петрова, к сожалению, пример того, что на этой сессии такой контакт еще не установился. Археологи, конечно же, изучают письменные источники; с одной стороны, они прислушиваются к их сведениям, с другой—археологическими материалами контролируют их точность и достоверность. Однако это вовсе не означает, что любое письменное свидетельство должно быть аксиомой. К. И. Петров не учитывает того обстоятельства, что чем дальше на восток мы отходим от Причерноморья, тем менее и менее бесспорными становятся сведения письменных источников о расселении племен и их культуре. Находя в них упоминания о тех или иных племенах, мы совершенно не представляем, где, на какой территории они обитали: может быть, это был Урал, или Алтай, или Забайкалье и т. д. Я, конечно, привожу крайние примеры, но в принципе дело обстоит именно так. А К. И. Петров на основании далеко не бесспорных упоминаний довольно просто расправляется с сарматами, савроматами и на этой зыбкой почве строит новую концепцию.

Е. П. Казakov (Казань).—Из археологических докладов, заслушанных на сессии, лишь немногие были построены на анализе конкретного материала. Определения этнической принадлежности археологических культур Урало-Поволжья, как правило, весьма противоречивы и в них нет достаточно четкого анализа и выявления вещевых комплексов. Особенно это относится к культурам, изученным на территории Башкирии. Такое положение, естественно, затрудняет этническую интерпретацию археологических культур. В этом плане мне кажется, что настоящая сессия не намного приблизила решение вопроса об этногенезе башкир. Значение сессии в археологическом плане состоит, очевидно, в подведении итогов изучения культур Урало-Поволжья середины и второй половины I тыс. н. э. Успехи археологов в этой области бесспорны.

Если говорить об общей схеме решения проблемы, мне кажется, что прав Р. Г. Кузеев в своей интересной концепции происхождения башкир. Совершенно очевидно, что собствен-

но башкирами можно считать только кочевников XI—XII вв., о которых любопытные данные привела М. Х. Садькова. Однако такой подход не означает, что племена Башкирии V и более поздних веков не вошли в состав башкир.

Участниками сессии активно обсуждался вопрос о связях бахмутинской культуры с финно-угорским миром. Почти все башкирские археологи признают, что раннебахмутинская культура этнически тесно связана с пьяноборской. Однако при этом не учитывается тот фактический материал, который показывает дальнейшую эволюцию пьяноборской культуры. По мнению одних исследователей, это — позднепьяноборская культура, по мнению других — азелинская. Между синхронными азелинской и бахмутинской культурами имеется существенная разница. Отчасти это объясняется тем, что раннебахмутинская культура сложилась на основе не всей пьяноборской культуры, а только одного из ее вариантов. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

В дни работы сессии я ознакомился с материалами новых раскопок в Башкирии. Это обстоятельство дает мне возможность высказаться также по вопросу об угорском элементе в археологии Восточной Европы. Я не буду говорить об этнической принадлежности погребений воинов-всадников Паннонии X в. Отмечу лишь, что все венгерские ученые связывают их с венграми так называемого периода завоевания родины. В указанных погребениях Паннонии найден ряд своеобразных вещей, которые хорошо сопоставляются с материалами восточно-европейских памятников. В частности, в Танкеевском могильнике имеется набор украшений конской сбруи: круглые дутые литые накладки с характерным бордюром по краю и листовидными изображениями в центре. На территории Советского Союза мне известны пять пунктов, где обнаружены аналогичные вещи. Такие накладки найдены при раскопках Десятиной церкви близ г. Киева, в Больше-Волжском городище, три накладки обнаружены на территории Волжской Булгарии, причем две из них происходят из Танкеевского могильника. Пятым пунктом является Ишимбаевский курганный могильник в Башкирии, в котором оказалось 3 накладки. Основываясь на материалах Ишимбайского могильника, можно сказать, что здесь мы имеем дело с важным открытием, археологически подтверждающим нахождение следов древних венгров в Восточной Европе. Из материалов могильника особо следует выделить грушевидное стремя, костяную пряжку танкеевского облика, серебряные пластинки-накладки с гравированным орнаментом в виде фигур лошадей и каких-то еще других животных, которые почти полностью имитируют гравированный орнамент пластинок-накладок на сумках из венгерских могильников X в. Орнамент упомянутых круглых накладок с бордюром по краю также близко напоминает орнамент венгерских сумок. Таким образом, в Восточной Европе найдено еще одно погребение венгерского воина-кочевника и башкирских археологов можно поздравить с этим большим открытием.

Н. Н. Убушаев (Элиста).—На сессии не ставились вопросы, касающиеся монгольских влияний в области духовной культуры башкирского народа. Некоторое отношение к этому имеет лишь интересное сообщение З. Г. Ураксина и Э. Ф. Ишбердина о монгольско-башкирских лексических связях. Однако статистические данные, приведенные в сообщении, далеки от действительности. На самом деле в башкирском языке намного больше монгольских заимствований. Можно отнести сюда и фонетические, и морфологические, и синтаксические параллели.

Несколько слов об этимологизации этнонима *башкорт*. На сессии выдвинуто много версий. Одна из них: *башкорт* < *боз корт* — «серый волк» (Т. М. Гарипов). Мне кажется, эта версия весьма сомнительна, так как невозможно допустить, чтобы в *боз* гласное *о* после губного согласного *б* и перед *о* (*корт*) потеряло свою огубленность и перешло в *баш*. Другая версия: *башкорт* < *биш корт*, *бец корт* — «пять волков» (Р. Г. Кузеев). Если подойти с позиции калмыцкого языка, то в калмыцком языке есть чередование *и/а*, *е/я*. Например: *читко/чатко* «ночь». Такое явление, мне кажется, в тюркских языках, в данном случае в башкирском, вполне возможно. Поэтому данная версия, видимо, допустима. Это

можно подтвердить еще следующим. У калмыков есть род *хошути*, что означает число «два». У башкир — племя *табын* означает «пять», т. е. племя, состоящее из пяти родов. Соответственно этноним *башкорт* может быть связан с числовым понятием.

Некоторые товарищи высказали интересную мысль, связанную со словом *кор* «круг». В калмыцком языке, также в монгольском, существует слово *курэ* «круг», что сближается с версией об участии элемента *кор* «круг людей» в данном этнониме. Мне кажется, это начало правящую верхушку, правящий круг. Если мы допустим эту версию, то *башкорт* становится уже термином социальным.

Г. Е. Корнилов (Чебоксары). — Тюрки называли себя «собаками». Это не презрительное прозвище, данное древними славянами, как некоторым кажется, а перевод старого тюркского названия. Они считали, что произошли от волка, так же как верили, что первого тюрка вскормила волчица. Отсюда волчица — тотемное животное у тюрков. Как показал А. П. Трубачев, известный современный славист, и другие исследователи происхождения домашних животных, собака происходит от волка; древние люди еще каких-то полторы, две тысячи лет назад не различали их. Древняя собака — могучий пес, символ мужества, неутомимости, силы, бесстрашия — был лестным эпитетом для тюрков. Тюрки говорили с гордостью, что они собаки. В древнетюркском языке и волк и собака назывались *курт*. Надо полагать, что *корт*, *курт* означал не только дикого, но и прирученного волка, т. е. теперь уже собаку. В литературе имеется много попыток осмысления этнонимов с этой точки зрения (ногаи—собаки; хазары от алтайского термина *загары*—гончий пес). Таким образом, у древних тюрков собака и волк было единым понятием. В этом свете трактовка этнонима *башкорт* как главный волк, ведущий волк вполне правомерна. Фонетически, лексически, семантически эта гипотеза более обоснована, чем некоторые другие.

Заключительное слово Н. А. Мажиголова. — Мысль о ранней миграции в Волго-Камье тюрков во многих выступлениях подверглась критике. Большинство не согласилось с моими выводами, за исключением К. И. Петрова. Мне кажется, что в этом вопросе, все возражающие заблуждаются. В действительности ранние тюрки на Южном Урале, в степях Казахстана, в Южной Сибири должны были обитать задолго до нашей эры. К этому выводу подводит нас весь ход поступательного развития истории древнего населения этих территорий. Хорошо, что в своем выступлении К. И. Петров привел новые неизвестные нам факты, свидетельствующие о наличии на этот счет и данных письменных источников. Это мнение в научной литературе существует давно, и я поддержал его только в плане дальнейшего развития исследований в данном направлении.

Может быть, без достаточных пока доказательств, В. А. Оборин коснулся вопроса о древних уграх. Действительно, в плане установления культуры древних башкир, казалось бы, лучше исходить из предпосылки, что бахмутинские племена являлись не уграми, а раними, древними тюрками. Такие мысли у меня возникали в ходе работы над изучением материалов бахмутинской культуры. Но с Приуральем связано пребывание древних угров, и в этом свете вопрос об угорском характере бахмутинской культуры приобретает особый смысл. По-моему, никто из присутствующих археологов не может доказать, что бахмутинские племена жили на Южном Урале позже VII в. Можно теоретически это допустить; но пока остается фактом: позже VII в. ни один из известных бахмутинских памятников не существовал. Именно поэтому мнение об угорском характере этой культуры пока остается. Утверждая, что бахмутинская культура генетически связана с местными культурами более ранних периодов, я не распространяю это понятие на всю ананьинскую и пьяноборскую культуры. Я всегда в своих статьях подчеркиваю, что речь в данном случае идет о пьяноборских (кара-абызских) племенах на территории Башкирии. В плане сказанного хотелось бы, чтобы мои оппоненты приняли мой тезис о древних уграх на территории Южного Приуралья.

Все выступающие археологи согласились с мнением о сложности этнического состава населения западного Приуралья в V—VII вв. В этом еще раз убедил нас доклад В. Ф. Геннига, хотя он, в действительности, лишь поддержал основные положения, которые были

высказаны в моем докладе и докладе А. Х. Халикова на пленарном заседании, а также в сообщениях на секции археологии и антропологии. На территории Южного Урала (западное Приуралье) можно выделить 4—5 племенных групп или археологических культур. Об этих культурах говорил В. Ф. Генинг. Я полагаю, что число культур было значительно больше. Пока, например, мы совершенно не знаем о характере культур племен V—VII вв. степной части Южного Урала, Оренбургских степей. Мы не знаем, какое население обитало здесь в это время. Но вывод о том, что турбаслинские племена являются выходцами из южноуральских степей и генетически тесно связаны с сарматским культурным миром, заставляет думать, что аналогичное им население существовало и в южноуральских степях.

Несколько слов о происхождении башкир. Говоря о древних башкирах, я прежде всего исхожу из тех данных, которые дает Ибн Фадлан. Из всех раннесредневековых авторов Ибн Фадлан нами должен быть рассмотрен как единственный и самый достоверный источник о древних башкирах. Ибн Фадлан в 921—922 гг. прошел через страну тюркоязычных башкир; об этом он сообщает без всяких оговорок и сомнений. Мы все знаем, что понятие «страна» и «народ» не складываются молниеносно, в результате каких-то переселений. Я этого не допускаю. Эти понятия должны были утвердиться при условии, если население обитало на данной территории, во всяком случае на протяжении нескольких столетий. Сопоставляя эти данные (а эти данные Ибн Фадлана находят подтверждение у Махмуда Кашгари и других авторов) с археологическим материалом, можно прийти к выводу о том, что население, которое оставило курганные, грунтовые могильники и ряд поселений VII—X вв. в западном Приуралье, есть полное основание рассматривать как древних башкир. Таково мое мнение. Во всяком случае трудно отрицать, что население, оставившее эти памятники, не имело прямого отношения к башкирам. Идя дальше, в плане сопоставления и изучения происхождения культуры населения Башкирии VII—X вв., в ее материалах можно обнаружить много признаков, притом очень важных, которые генетически восходят к культуре населения западного Приуралья V—VII вв.

На основании материалов, полученных в результате такого сопоставления, можно прийти к выводу, что население западного Приуралья V—VII вв. в основном было уже тюркоязычным. Мне кажется, что в этом отношении я очень близок к выводам А. Х. Халикова. Думается, что А. Х. Халиков, ставя вопрос о том, что население Урало-Поволжья V—VII вв. сыграло важную роль в этногенезе как башкир, так и татар и чувашей, прав. Но я не могу согласиться с мнением, изложенным в докладе Р. Г. Кузеева, о приуральской прародине древних башкир. Для меня оно пока лишено конкретного источника. Р. Г. Кузеев в своем исследовании оперирует главным образом этнографическим материалом, не учитывая археологический. Этнографический материал, данные исторических преданий и легенд в плане изучения древнейших периодов истории Южного Урала имеют ограниченный характер. Они не дают конкретных данных о времени и территории расселения башкир. Мне кажется, что исследование в том направлении, которое изложено в докладе Р. Г. Кузеева, несколько уводит нас в сторону от такого конкретного археологического материала. При этом я не отрицаю, что в этногенезе башкир немаловажную роль сыграли последующие века, а именно: период монгольского нашествия. Но эти периоды уже не внесли существенных корректив в карту расселения башкир, которая сложилась к X—XI вв. Те культурные связи, которые выявляются в материальной культуре башкир и народов Средней Азии, мне думается, сложились в результате каких-то поздних этнических связей. Эти связи для VIII—IX вв. пока не прослеживаются и археологически не подтверждаются.

Заключительное слово Р. Г. Кузеева. — Доклады и сообщения, зачитанные на сессии, а также прения по ним, вводят в научный оборот обширный материал, который послужит хорошей основой для дальнейших размышлений. Предстоящая работа по этногенезу башкир будет, очевидно, связана с освоением этого материала, который уже сейчас заставляет по-новому подойти к освещению ряда вопросов этнической истории народов Приуралья и Поволжья. Различное толкование сложных проблем этногенеза вполне есте-

ственно. В то же время мне кажется, что расхождения в понимании основных моментов этнической истории Башкирии не так велики, как иногда кажутся. Сессия показала, например, что у этнографов по существу идет вызревание общей концепции этнической истории ряда тюркских народов: башкир, каракалпак, туркмен и др. В этом убеждают содержательные доклады Т. А. Жданко, Г. П. Васильевой, Л. С. Толстовой, Н. В. Бикбулатова, С. Н. Шитовой. Несмотря на развернувшуюся дискуссию (особенно по поводу семантики этнонима «*башкорт*»), языковеды, как показали доклады Т. М. Гарипова, Н. Х. Ишбулатова, С. Ф. Миржановой, в своих представлениях общей схемы этнической истории башкир сходятся с этнографами. Там, где исследователи оперируют материалом, в этническом отношении четко определенным, на мой взгляд, легче и быстрее формируется общая точка зрения на кардинальные вопросы башкирского этногенеза.

Наиболее сложным является установление связи и преемственности между археологическим и этнографическим материалом. От того, насколько успешно удастся провести эти связи, зависит разработка ранних и средневековых этапов этнической истории. Но пока как раз в этой области предстоит весьма кропотливая работа. Большое значение в будущем изысканиях будет иметь взаимное проникновение археологов и этнографов соответственно в этнографический и археологический материалы. Об этом убедительно говорил А. Х. Халиков. Но в данном случае обращают внимание существенные расхождения в характеристике (особенно этнической принадлежности) археологических культур I тыс. н. э. в докладах и опубликованных работах самих археологов. Для того, чтобы сбить точки зрения археологов, требуется накопление нового материала. Мне кажется, что при разработке общих проблем древних этапов этнической истории башкир надо расширить территорию, на памятниках с которой строятся обобщения. Особенно важно получить массовый материал с территории юго-западной Башкирии и северной части Волго-Яицкого междуречья.

Из тематики, затронутой мной в докладе, наиболее дискуссионным оказался вопрос о времени и масштабах раннетюркского проникновения в Приуралье. Имеющийся исторический и этнографический материал заставляет по-прежнему с осторожностью относиться к идее массовой тюркской экспансии в Приуралье и Поволжье с первых веков нашей эры (тем более с более раннего времени). Я присоединяюсь к мнению тех археологов, которые относят начало активного тюркского проникновения ко второй половине I тыс. н. э. Выступления В. А. Оборина, Ю. А. Краснова еще раз убеждают меня в правильности этого вывода.

Мадьяро-башкирская проблема, к сожалению, не подверглась широкому обсуждению. Связано это, очевидно, с тем, что в распоряжении исследователей нет археологического материала, который можно было бы достоверно связать с древними мадьярами. Мне все же кажется, что это дело времени: археологические исследования в юго-западной Башкирии и Волго-Яицком междуречье, а также совершенствование методики этнической характеристики степных археологических памятников должны привести к выделению такой культуры. В этом я присоединяюсь к выступлению Е. П. Казакова.

Н. А. Мажитов и другие подвергли критике положение о тесных этнических связях Башкирии с Приуральем в конце I тыс. н. э. Им отстаивается идея формирования древнебашкирского этноса на территории современной Башкирии на базе взаимодействия, главным образом, местных племен. Однако автохтонизм, понятый лишь как отрицание роли пришлых племен в этническом формировании народности, едва ли при нынешнем уровне наших знаний может служить методической основой этногенетических исследований. Тезис о пребывании группы тюркоязычных племен под общим названием *башкорт* в Приуралье и об их миграции в Башкирию, на мой взгляд, получил убедительное подтверждение в докладах этнографов. Не помогает здесь и ссылка на Ибн Фадлана, сведения которого, по мнению моих оппонентов, «непроверяемо» доказывают, что башкирские племена никогда не кочевали в Приуралье, так как обитали на территории современной Башкирии. Во-первых, Ибн Фадлан был в Поволжье в X в., когда основная масса приуральских пле-

мен уже передвинулась на запад; во-вторых, даже в тот период связи башкир с Приаральем не прерывались, о чем имеются свидетельства восточных источников, которые приведены в докладе. Кстати, упоминание об этом можно найти в сочинении того же Ибн Фадлана: он пишет об угрозе встречи с воинственными башкирами на р. Чаган (Шаган), т. е. в северо-западном Приаралье¹. Таким образом, территория расселения башкир и во времена Ибн Фадлана была достаточно широкой и смыкалась с Приаральем.

Однако отставание этого тезиса вовсе не означает, что приаральская группа стала этническим ядром (субстратом) башкирской народности. Формирование древнебашкирского этноса явилось результатом сложных процессов взаимодействия, смешения и синтеза местных и пришлых племен. Именно это я пытался показать в своем докладе. Дополню аргументацию с привлечением антропологического материала. Ранний этнический субстрат в докладе условно назван болгаро-мадьярским, хотя в его формировании приняли участие, очевидно, сармато-аланы и другие местные племена. По физическому типу это население было европеоидным. Пришлые приаральские племена принадлежали к южносибирскому антропологическому типу: монголоидные предки башкир и бурзян в период длительного пребывания в Приаралье и Западной Сибири ассимилировали, видимо, местное европеоидное население. В результате взаимодействия и смешения этих двух групп населения: болгаро-мадьярского субстрата и «башкиро-бурзянского» суперстрата — сформировался древнебашкирский этнос, который было бы правильно и называть основным этническим ядром башкирской народности. Каковы были последствия взаимодействия местных и пришлых предков башкир? Совершенно очевидно, что пришлые племена определили я з ы к о в о е и эт н о к у л ь т у р н о е развитие нового образования. Именно в этом смысле в докладе говорится о «ведущей роли» в башкирском этногенезе пришлых кочевников. Местные племена, постепенно утратив язык и полностью смешавшись в пришлой среде кочевников, заметно повлияли на формирование ф и з и ч е с к о г о типа башкир, в котором сочетаются европеоидные и монголоидные признаки². Хорошо освещен этот момент в докладе М. С. Акимовой. «По антропологическим особенностям, — пишет она, — башкиры занимают промежуточное положение между народами Волго-Камья, с одной стороны, и казахами и киргизами — с другой, сближаясь, однако, больше с финскими народами Волго-Камья и казанскими татарами». Аналогичный вывод содержится в тезисах доклада В. П. Алексеева. Таким образом, расселение в Башкирии пришлых тюркоязычных кочевников и победа их языка и культуры не сопровождалась полной сменой физического типа местных племен. Напротив, они сыграли, как отмечено в докладе, крупную роль в сложении древнебашкирского этноса.

Не будучи языковедом, я не считаю возможным активно участвовать в дискуссии по поводу этимологии этнонима *башкорт*. Отмечу однако, что предложенные Р. Б. Ахмеровым и Т. Г. Баишевым варианты этимологизации не кажутся удачными, так как они игнорируют закономерности появления аффикса т³. Кроме того, попытку решить этот вопрос с позиций венгерского языка невозможно подтвердить историко-этнографическим материалом. Впрочем, в литературе имеется более 20 вариантов этимологизации этнонима *башкорт* и надо полагать, что коллекция этих гипотез будет пополняться. Именно поэтому мной предложены еще два варианта толкования происхождения этнонима. Не настаивая на их точности, я по-прежнему придерживаюсь мнения, что происхождение этнонима *башкорт* восходит к древнетюркской этнической среде.

По поздним этапам этнической истории башкир дискуссии не было. Однако объясняет-ся это не тем, что здесь все ясно. Напротив, по этим периодам очень мало материала и почти нет исследований. Т. А. Жданко совершенно справедливо говорила о необходимости глубо-

¹ «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». М.—Л., 1955, стр. 65.

² Теоретический вопрос о закономерностях взаимодействия местных и пришлых этнических групп разработан в статье В. П. Алексеева, Ю. В. Бромля «К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей». —СЭ, 1968, № 2.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951, стр. 50.

кого изучения роли кипчакского этнического комплекса в этнических процессах в Средней Азии и Восточной Европе. С кипчакской эпохой этнической истории связано формирование общих черт в культуре многих народов, в частности башкир и татар.

Исследование поздних этапов этнической истории имеет значение и для правильной интерпретации некоторых проблем древности. В связи с этим я хотел бы обратить внимание на следующее. М. С. Акимов устанавливает связь по антропологическим признакам башкир (особенно северных) с бахмутинскими племенами. Но дело в том, что в северо-западной Башкирии, в основном в районе обитания бахмутинских племен, башкиры расселились не ранее XIII в., в то время как бахмутинские памятники исчезли в VII—VIII вв. Северных пределов современной территории башкиры достигают лишь в XV—XVI вв. На этой территории башкиры ассимилировали угорское (вогульское) население, что хорошо иллюстрируется историческими источниками и исследованием антрополога В. Н. Вишневого. Возможно, поздним смещением с уграми объясняются антропологические особенности северных башкир, на которые обращает внимание М. С. Акимов. Во всяком случае по этой территории необходим краниологический материал, относящийся к XIV—XVII вв., который позволит установить преемственность в развитии антропологического типа местного населения и внести ясность в этот, пока, кажется, дискуссионный, вопрос.

Заключительное слово А. Х. Х а л и к о в а.— Основные споры, развернувшиеся здесь, касаются вопросов так называемого начала тюркизации Поволжья и Приуралья. Эти вопросы, очевидно, еще в течение длительного времени не получат разрешения, потому что пока мы не обладаем достаточной массой материалов. На мой взгляд, все-таки надо остановиться на той точке зрения, что тюркизация Поволжья начинается с определенных исторических эпох. При решении этого вопроса мы не должны забывать о тех больших этнокультурных переменах, которые происходили, опять-таки, в определенные исторические эпохи. Мы не можем сбрасывать со счета ни гуннское нашествие, ни период Тюркского каганата, ибо эти периоды сыграли несомненную роль в истории.

Мы с Ю. А. Красновым и В. А. Обориним в какой-то степени солидарны в вопросе так называемой тюркизации периода VI—VII вв. и совсем солидарны в вопросе о понятии тюркизации. Я считаю, что само понятие «тюркизация», очевидно, надо представлять дифференцированно. Конечно, не надо думать, что тюркизация шла абсолютно сплошной массой и здесь происходила полная смена населения. Вероятно, весь этот процесс был значительно более сложным. В некоторые периоды он сопровождался миграцией, возможно тюркоязычного населения. В другие времена, может быть, были и более массовые переселения. Но как все это произошло, мы не сможем в деталях и полностью выяснить. Но все же, если говорить о самых ранних периодах, то я считаю, что применительно к эпохе до нашей эры говорить о наличии здесь тюркоязычных племен едва ли есть основание. Очевидно, начало тюркизации следует увязывать с каким-то этапом гуннской эпохи. Имеется целый комплекс материалов, которые не только мной увязываются с тюркским этносом. О памятниках башкирского Приуралья, Среднего Поволжья и Прикамья уже говорилось, и я не буду на них останавливаться. Подчеркну, однако, что по археологическим материалам (Тураевский, Турбаглинский, Кушнаренковский могильники) совершенно ясно, что в III в., может быть в IV в. н. э., на всей этой территории происходят значительные изменения этнокультурной карты. Это трудно отрицать. Если рассматривать эти изменения только внутри данного района, то, очевидно, мы не сможем прийти к какому-то определенным выводам. Естественно поэтому, что в поисках правильной трактовки событий той эпохи мы должны обратить внимание на другие районы, где возможны поиски памятников, непосредственно связанных с ранними тюрками.

В этом плане мне представляется вполне убедительным и возможным сопоставление разных черт памятников IV и, может быть, V вв. н. э. на территории Приуралья и Прикамья с памятниками Нижней Волги и Северного Прикаспия, где ряд исследователей давно находит аналогии. В последнее время эта идея все более и более археологически обосновывается во многих работах. Определенно сейчас выделяется для II—IV вв. н. э. серия памят-

ников, преимущественно могильников со слабокурганными насыпями, которые во многих своих чертах увязываются с памятниками Тураевского, Именьковского, Кушнаренковского типов. Причем эта увязка возможна как в плане погребального обряда, так и инвентаря. Только отсутствие времени мне не позволило в докладе с необходимой полнотой представить материал. В какой-то степени этот недостаток восполнится в специальных работах, которые, вероятно, появятся скоро. Если мы протянем цепь сопоставлений дальше на восток, то можно привести такие же, более или менее убедительные параллели и среди собственно тюркских памятников. Я имею в виду могильники гуннские типа Нойуллинских курганов и др.

Таким образом, если есть возможность увязывать памятники именьковского типа с городецкими племенами или с какими-то еще другими, то с равным правом мы можем отстаивать точку зрения о том, что определенная группа этих памятников связана с тюркским этносом. Это положение выдвинуто не мною, и здесь я полностью присоединяюсь к мнению предшествующих исследователей, в том числе к В. Ф. Генингу.

Вторая волна тюркизации совпадает, на мой взгляд, в основном с периодом расширения Тюркского каганата (середина VI— начало VII вв.). Едва ли правомерно упрекать меня в том, что я произвольно выхватываю материал. Кстати, весь этот материал не только я связываю с кочевническим миром. Например, западные памятники типа Аксубаевского погребения еще Рыковым, Зайцевым и другими исследователями относились к кругу памятников кочевнического и, прежде всего, тюркоязычного мира.

В западном и среднем Поволжье, особенно в районах бассейна Суры и Мокши, на рубеже VI—VII вв. происходят серьезные изменения, мимо которых мы не можем пройти. В частности, происходит значительное перемещение мордовского населения. Это совпадает с теми же изменениями, которые наблюдают прикамские и приуральские археологи на востоке. В. А. Оборин в ряде своих работ пишет о том, что где-то в начале VII в. происходят заметные изменения на среднем и верхнем Прикамье. В дополнение к этим выводам, я затрагиваю лишь вопрос о том, с каким именно этносом надо увязывать эти прикамские памятники.

На секции археологии был зачитан богатый иллюстрированный доклад И. К. Кожомбердиева из Киргизии. Он показал интересные материалы памятников, которые едва ли можно связывать с уграми. А он говорил о памятниках Алтая, Тянь-Шаня, Восточной Киргизии, которые исследователи совершенно определенно относят к тюркоязычным племенам. Но обращает внимание, насколько материалы этих памятников, особенно вещевые и некоторые погребальные черты, совпадают с харинским, больше-тарханским кругом памятников. Это, например, золотые и серебряные украшения с инкрустацией, которые проникают сюда в большом количестве. Таков один из возможных путей сопоставления. Другим, не менее перспективным путем доказательства миграции сюда тюркских племен в VI—VII вв., является ретроспективный анализ этнического состава населения в X в. который по археологическим материалам устанавливается более четко.

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

За два с половиной дня мы проделали очень большую работу, подводящую итоги исследований по этногенезу башкир. И мне кажется, что есть все основания присоединиться к той общей оценке, которая уже прозвучала в прениях: сессия явилась крупным событием в изучении этногенеза на территории нашей страны вообще, в Башкирии и сопредельных ей районах в особенности. Мы прослушали 50 докладов и сообщений, причем были представлены все дисциплины, которые в той или иной мере сопряжены с изучаемой проблемой, начиная от археологии и антропологии и кончая лингвистикой, фольклористикой и этнографией.

Как на пленарных, так и на секционных заседаниях была прослежена этническая история на территории Башкирии, а в необходимых случаях и за ее пределами, на протяжении очень длительного отрезка времени — начиная от палеолита и вплоть до XVI в.; антропологи же опирались и на современный материал.

Один из участников нашей сессии, очень верно заметил, что такую сессию лет 10 тому назад мы не смогли бы провести. И это свидетельствует о том, что за последние 10 лет накоплен большой фактический материал. Более того, даже 3 года тому назад, когда Бюро Отделения истории принимало решение об этой сессии, и тогда еще нельзя было ее проводить, хотя бы уже потому, что тот материал, который накоплен, нуджался в анализе, обобщении, что и было сделано в докладах, представленных на сессии.

Характеризуя результаты работы, нельзя не учитывать, что сейчас мы подводим самые предварительные итоги. И я вполне согласен с мнением Р. Г. Кузеева о том, что настоящий итог мы будем иметь через некоторое время, когда в тиши кабинетов участники этой сессии, а также те специалисты, которым не довелось побывать на ней, сумеют тщательно продумать, взвесить все материалы, все доводы за и против, все новое, что было сказано здесь. Но уже сейчас можно утверждать, что в определенном смысле результат этой сессии будет непреходящим: она ввела в научный оборот огромное количество нового материала.

Мую роль в подведении итогов значительно облегчили заключительные выступления на пленарном заседании руководителей секций и основных докладчиков. Поэтому не буду останавливаться на всех дискуссионных вопросах, да и практически это просто невозможно. Хочу лишь отметить одно обстоятельство, на мой взгляд, очень существенное — в ходе самой сессии были преодолены, хотя, может быть, это не для всех очевидно, крайности как автотхонистского, так и миграционного подхода к рассматриваемой проблеме. Мне кажется, что в этом один из весьма значительных результатов нашей работы.

В ходе сессии выявилась явно и достаточно четко та хронологически довольно большая зона, к которой относятся основные этногенетические процессы, связанные с возникновением башкир. Грубо говоря, речь идет о I тыс. н. э. с некоторыми отклонениями за ее пределы и в ту и в другую стороны. При этом преобладающим является мнение, что решающую роль сыграл все-таки пришлый элемент.

Но этим в основном и исчерпывается относительное единодушие специалистов. Далее начинаются расхождения. И прежде всего по вопросу: какой же период был определяющим в этногенезе башкир? Чем объясняются расхождения по этому вопросу?

По-моему, они обусловлены двумя факторами: с одной стороны — сложностью самого процесса, многослойного процесса становления башкирского народа, с другой — стремлением, вполне естественным и неизбежным для исследователей, ограничивающихся преимущественно материалами своей отрасли, дать однозначное или может быть близкое к этому решение проблемы. Вот эти факторы и надо, по-моему, иметь в виду, пытаться понять причину столь многообразной интерпретации нашими докладчиками рассматриваемой проблемы.

При обзоре материалов сессии в целом еще одно обстоятельство заслуживает особого внимания, обстоятельство, на которое по-моему, никто не обратил внимания. Имею в виду следующее: с одной стороны — археологи, этнографы, лингвисты, фольклористы так или иначе связывают формирование башкирского этноса — и очевидно, совершенно справедливо — с какими-то пришлыми племенами, пришлыми компонентами на территории Башкирии, относя их приход только к разным периодам, с другой — был приведен, кажется впервые, обширный антропологический материал, показывающий большую роль местных племен, автохтонного населения. И может на первый взгляд показаться, что мы имеем по существу непреодолимые противоречия между антропологическими данными и свидетельствами иных дисциплин. Но на самом деле это мнимое противоречие.

Дело в том, что при изучении проблем этногенеза непременно следует иметь в виду различие в темпах изменения культуры, этнокультурных процессов, этногенетических процессов, с одной стороны и антропологических процессов — с другой. Изменение культуры и языка далеко не всегда сопряжено с изменением антропологического типа. И наоборот не будет ошибкой сказать, что чаще всего сравнительно небольшая группа пришлого населения привносит, если можно так выразиться, определенный этнический и этнолингвистический заряд, который быстро распространяется на местное аборигенное население. Приведу некоторые примеры из других историко-этнографических областей, подтверждающих это явление.

Возьмем, скажем, болгар. Общеизвестно, что они славяне, у них славянская культура, славянский язык. Между тем по своему антропологическому типу они отличаются от многих других славянских народов. Оказалось, что он таков же, как и у фракийцев. А это значит, что фракийский субстрат сыграл весьма существенную роль в формировании болгар, хотя язык они восприняли от пришлого и меньшего по численности славянского населения. Кстати, и свой этноним они получили от очень небольшой тюркской группы. Как известно, она в VII в. появилась на территории современной Болгарии, подчинив местное население, и тут же византийские источники стали все это население называть болгарями.

Другой пример — черногорцы. По языку, культуре — они славяне, но по антропологическому типу они принадлежат к так называемой динарской расе, наличие которой на этой территории прослеживается задолго до появления славян.

Следующий пример — египтяне. Как известно, они арабоязычны и стали таковыми сравнительно поздно. Но вместе с тем 6-тысячелетний материал позволяет судить о непрерывности антропологического типа на этой территории.

Еще пример — осетины. Они ираноязычны, что, несомненно, связано с появлением на Северном Кавказе в XIII в. алан. Однако антропологический тип осетин местный, кавказионский, следовательно, в их формировании сыграло существенную роль аборигенное население.

Из тюркоязычных народов, пожалуй, можно сослаться прежде всего на азербайджанцев, антропологический тип которых уходит к мидийской культуре, а язык, примерно в XII—XIII вв., утвердился тюркский. Аналогичные явления можно обнаружить в этногенезе балкар, карачаевцев и т. д.

Одним словом, процессы этногенеза, как правило, гораздо сложнее и противоречивее, чем мы привыкли себе их представлять. И значение нашей сессии как раз в том и состоит, что она убедительно продемонстрировала многослойный характер процесса формирования башкирского народа.

Сессия вновь показала, сколь важное значение для решения проблем этногенеза имеют археологические материалы. Но думается, что правы те товарищи, которые говорили о необходимости уделить особое внимание вопросу, связанному с определением этнической принадлежности археологических культур. Здесь, действительно, аргументации иногда явно недостает. И может быть, это вносит определенную неясность и приводит к излишней многозначности.

Представляется, что совершенно верно в прениях была подчеркнута необходимость больше уделять внимания теоретической разработке этнических проблем. Как вы знаете, только что прошла дискуссия о нации, а на страницах «Советской этнографии» идет дискуссия о том, что такое этническая общность. Но все же от этих дискуссий не уменьшилась терминологическая разноречивость. В результате, употребляя один и тот же термин, мы подчас говорим о совершенно разных явлениях. Очевидно, нужно как можно скорее установить определенное единообразие в этнической терминологии, а это возможно только на основе глубоких теоретических разработок.

Нам надлежит принять рекомендации. Полагаю, что в них мы можем фиксировать некоторые разделы нашей деятельности, которые требуют особого внимания именно в связи с изучением этногенеза башкирского народа. Очевидно, в частности, надо обратить особое внимание на усиление поисков и исследование археологических памятников I тыс. н. э. Вместе с тем, вероятно, надо более решительно продвигаться и к началу II тыс. н. э. Средневековые нередко у археологов остаются в забвении. Между тем именно в средневековье в связи с установлением государственности, как здесь отмечалось, многие этногенетические процессы нередко получают завершение. Думается, было бы правильно в наших рекомендациях отметить необходимость завершения работ по подготовке и публикации археологической карты Южного Урала.

Вообще важной задачей, сопряженной с той проблемой, которую мы рассматривали на сессии, является составление археологических и этнографических карт и атласов. Размещение нашего материала, так сказать, в пространстве, а не только во времени дает подчас очень много для решения этнических вопросов. Сопоставление различных карт иногда позволяет вскрыть совершенно неожиданные аспекты изучаемой этнической проблемы.

Справедливо говорилось о необходимости поисков новых письменных источников. Мы все здесь в той или иной степени историки и хорошо знаем большую ценность письменных свидетельств. Следовательно, было бы правильно в наших рекомендациях зафиксировать необходимость публикации соответствующих письменных источников.

Важно, чтобы не прекращалось участие в разработке проблем этногенеза башкир представителей различных филологических дисциплин, в том числе работа по многотомному изданию памятников башкирского фольклора.

Хотя на сессии были приведены очень интересные и важные материалы по антропологии, но все же еще раз следует подчеркнуть необходимость продолжения этой работы. И, конечно, в первую очередь по палеоантропологии, но с обязательным привлечением средневекового материала. При этом следует надеяться, что основные поставщики антропологических материалов — археологи — не заставят себя ждать.

Хотя в центре нашего внимания были вопросы, относящиеся к отдаленному прошлому, тем не менее наша сессия была наглядной демонстрацией тех этнических, национальных явлений и процессов, которые происходят в нашей стране в настоящее время. Она стала прекрасным свидетельством дружбы народов нашей страны. Кстати сказать, вероятно, нам было бы целесообразно фиксировать в наших решениях необходимость проведения исследований современных этнических процессов. Ведь этногенетические и современные национальные процессы в конечном счете смыкаются. С одной стороны, решая проблемы далекого прошлого, мы нередко опираемся на современные материалы; с другой — решая современные проблемы, мы не можем не учитывать данные, относящиеся к прошлому и подчас весьма отдаленному.

Многие вопросы этногенеза башкирского народа взаимосвязаны с проблемами этногенеза других народов и, прежде всего, народов Поволжья. Здесь уже справедливо говорилось о целесообразности проведения специальной сессии по этногенезу народов всего Поволжья. Не берусь судить, когда можно такую сессию будет провести, но уже есть заявка — приглашение на следующую сессию в Казань. Я бы хотел поблагодарить от вашего имени казанских товарищей, которые берут на себя такое обязательство. Думаю, что мы должны зафиксировать в наших рекомендациях мнение о целесообразности обсудить на специальной сессии широкий комплекс проблем этногенеза народов Поволжья. Вообще, проблемам этногенеза, очевидно, следует уделить больше внимания в общесоюзном масштабе в целом. В последнее время в данном отношении, правда, наметились определенные сдвиги. Я имею в виду сессию по этногенезу осетинского народа, затем туркменского и, наконец, настоящую сессию. Но, очевидно, целесообразно проводить также сессии по целым комплексам, более широким регионам. Сейчас мы к этому как будто бы готовы. Одним из таких комплексов будет Поволжье. Очевидно, следующим комплексом должна стать Средняя Азия.

Когда подводятся итоги работы сессии, всегда не лишне подумать о том, как они будут фиксированы, как они дойдут до всех, кого интересуют. И поэтому хотелось бы заранее поблагодарить представителей БФАН СССР за обещание опубликовать материалы сессии в очередном томе «Археологии и этнографии Башкирии».

Наконец, считаю своим долгом особо отметить, что наша сессия отличалась большой организованностью, была очень хорошо подготовлена. И в этом прежде всего заслуга наших гостеприимных хозяев. Разрешите от вашего имени горячо поблагодарить их за большой труд по подготовке и проведению настоящей сессии

РЕКОМЕНДАЦИИ НАУЧНОЙ СЕССИИ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ БАШКИР

Сессия по этногенезу башкир, состоявшаяся 13—15 мая 1969 г. в г. Уфе, явилась крупным событием в научной жизни Башкирской АССР и соседних республик и областей. В ее работе принял участие широкий круг ученых — археологи, этнографы, языковеды, антропологи, историки, фольклористы и искусствоведы гг. Москвы, Ленинграда, Казани, Нукуса, Ташкента, Фрунзе, Перми, Свердловска, Новосибирска, Чебоксар, Йошкар-Ола, Элисты, Магнитогорска. Сессия дала возможность обменяться мнениями представителям различных специальностей по вопросам происхождения и формирования башкирского народа; подвела итоги исследованиям в этой области и наметила основные направления будущих изысканий; способствовала укреплению взаимных связей представленных на ней научных учреждений и вузов страны.

Многолетними исследованиями ученых Башкирской АССР накоплен значительный новый материал по различным аспектам этногенеза башкир. Большой вклад в изучение древней истории Южного Урала, происхождения и этнической истории его населения вносят ученые Москвы, Ленинграда, а также республик и областей Поволжья и Приуралья.

Археологическими изысканиями последних десяти лет открыто более тысячи памятников. Наиболее значительными достижениями последнего времени являются: открытие и исследование ряда палеолитических памятников, особенно древнейшей настенной живописи в пещере Шульган-Таш, многочисленных стоянок эпохи мезолита и неолита; систематизация, хронологическая и культурно-этническая классификация памятников эпохи бронзы, раскопки и публикации материалов сарматской, кара-абызской, бахмутинской и других более поздних культур эпохи железа. Важное значение для изучения проблем происхождения башкир и других современных народов Приуралья имеют работы по созданию археологических карт.

Заметные успехи достигнуты в области этнографии. Башкирскими этнографами исследованы родо-племенной состав и история расселения башкир, материальная культура, декоративно-прикладное искусство, семейно-брачные отношения и система родства. Опубликованы генеалогические хроники — шежере, которые в значительной мере восполняют письменные документальные источники по средневековой истории башкир и могут быть использованы для освещения поздних этапов этногенеза. Ведутся исследования по этнической антропологии башкир, в том числе по палеоантропологии. Положено начало широкому обобщению накопленного материала.

Языковедами осуществлено сравнительно-историческое изучение фонетической системы и грамматического строя языка, проведены исследования по определению места башкирского языка среди других тюркских языков, по уточнению классификации говоров и диалектов. Начато систематическое изучение топонимики края.

В области фольклористики собран и частично опубликован обширный материал по устнопоэтическому и музыкальному творчеству башкир, осуществлено монографическое исследование эпических и песенных жанров, ведется подготовка к многотомному академическому изданию произведений башкирского фольклора.

Все это в целом обеспечило широту и разнообразие поставленных на сессии вопросов, конкретность и плодотворность их обсуждения. В ходе работы было заслушано около 50 докладов и сообщений, затрагивающих как узловые, так и частные вопросы этногенеза. В отдельных докладах сделана попытка воссоздать общую схему этногенеза и этнической истории башкир. Сессия продемонстрировала плодотворность совместного обсуждения проблемы этногенеза башкир, способствовала дальнейшему раскрытию чрезвычайной сложности этого процесса. Она помогла в значительной степени преодолеть проявляющиеся иногда крайности в толковании этногенетических процессов, связанные с преувеличенными представлениями о роли автохтонных племен или, напротив, миграций. В ходе сессии в научный оборот был введен обширный новый материал, позволяющий углубить изучение многих сторон этнической истории башкир. Сессия показала, что ряд вопросов по этнической истории башкир остается дискуссионным, что связано со сложностью и недостаточной изученностью проблемы.

Крупным пробелом в изучении этногенеза башкир остается все еще существующий разрыв между этнографическим, археологическим и антропологическим материалами и данными письменных источников, слабая изученность памятников второй половины и конца I тыс. н. э., особенно в степной зоне Южного Урала. Мало привлекаются в этногенетических исследованиях данные исторического языкознания, фольклора, топонимики.

В качестве основных задач по дальнейшему изучению проблем этногенеза и этнической истории башкир сессия выдвигает следующие рекомендации:

1. Не ослабляя изучение ранних периодов древней истории края, усилить поиски и исследование археологических памятников I тыс. н. э. Необходимо обратить особое внимание на выявление и раскопки памятников конца I — начала II тыс. н. э. в степной полосе Южного Урала.

В ближайшее время завершить и опубликовать «Археологическую карту Южного Урала».

2. Вести поиски новых письменных источников по истории тюркских народов, усилить изучение ранее известных памятников древней и средневековой письменности.

3. Одной из неотложных задач на ближайшее время считать составление историко-этнографических атласов «Народы Поволжья и Приуралья».

4. Необходимо исследовать источники формирования лексико-грамматической системы башкирского языка, башкирские говоры и диалекты в лингвогеографическом плане и составить диалектологический атлас, шире привлекать для этнолингвистических обобщений топонимический материал, вести исследования в области истории башкирского языка.

5. В области фольклористики большое значение имеет осуществление многотомного издания «Памятники башкирского фольклора», в результате чего будет введен в научный оборот обширный материал по устнопоэтическому творчеству башкир. Необходимо продолжить и углубить сравнительно-историческое изучение фольклорных явлений.

6. Продолжить исследования по палеоантропологии и изучению современного антропологического состава башкир.

7. Сессия считает желательным развернуть в Башкирской АССР, прежде всего в Башкирском филиале АН СССР, исследования современных этнических процессов, охватывающие вопросы сложения современной этнической карты Южного Урала, национальной консолидации, расцвета народов и их взаимного сближения в советскую эпоху, соотношения и взаимосвязей социальных и этнических процессов.

8. Многие вопросы этногенеза народов Поволжья и Приуралья взаимосвязаны. Их объединяют общие компоненты, длительные этнические контакты и хозяйственно-культурное сотрудничество. Для обсуждения этих и связанных с ними других вопросов сессия считает целесообразным провести в ближайшие годы в г. Казани научную сессию по проблемам этногенеза народов Поволжья и Приуралья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. Названия журналов, сборников и научных учреждений

АС	— Археологический съезд
АЭБ	— «Археология и этнография Башкирии»
БАС	— «Башкирский археологический сборник»
ВАУ	— «Вопросы археологии Урала»
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ESA	— «Eurasia Septentrionalis Antiqua»
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ИА	— Институт археологии
ИИАЭ АН Туркм. ССР	— Институт истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР
ИИЯЛ БФАН СССР	— Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
КК АССР	— Каракалпакская АССР
КИЯЛИ АН СССР	— Казанский институт языка, литературы и истории АН СССР
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии»
КСИИМК	— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
КСИЭ	— «Краткие сообщения Института этнографии»
КФАН СССР	— Казанский филиал АН СССР
ЛО ИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР	— «Материалы по археологии восточных губерний России»
МАР	— «Материалы по археологии России»
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА	— «Материалы и исследования по археологии СССР»
МИТТ	— «Материалы по истории туркмен и Туркмении»
ОАК	— «Отчет Археологической комиссии»
ПИДО	— «Проблемы истории докапиталистических обществ»
ПСРЛ	— «Полное собрание русских летописей»
ПСС	— «Полное собрание сочинений»
РАНИОН	— «Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук»
РГО	— «Русское географическое общество»
СА	— «Советская археология»
САИ	— «Свод археологических источников»
СГУ	— Саратовский государственный университет
СГУ	— Среднеазиатский государственный университет
СО АН СССР	— Сибирское отделение АН СССР
СЭ	— «Советская этнография»
ТИМ	— «Тайная история монголов»

Труды ГИМ	— «Труды Государственного исторического музея»	
Труды ОУАК	— «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии»	
Труды ЮТАКЭ	— «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции»	
УАС	— «Уральское археологическое совещание»	
УЗ ПГУ	— «Ученые записки Пермского государственного университета»	
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов	

Б. Названия языков

абаз.	— абазинский
акк.	— аккадский (вавилонно-ассирийский)
алт.	— алтайский
англ.-вакс.	— англо-саксонский
араб.	— арабский
башк.	— башкирский
бур.	— бурятский
венгр.	— венгерский
вьетн.	— вьетнамский
гр.	— греческий (древний)
груз.	— грузинский
др. верхн.-нем.	— древневерхне-немецкий
инд.	— индонезийский
казах.	— казахский
кирг.	— киргизский
к.-калп.	— каракалпакский
ком.-зыр.	— коми-зырянский
ком.-перм.	— коми-пермский
курд.	— курдский
лат.	— латинский
лит.	— литовский
манс.	— мансийский
мар.	— марийский
мегр.	— мегрельский
монг.	— монгольский
мор.	— мордовский
нен.	— ненецкий
нижне-нем.	— нижне-немецкий
ног.	— ногайский
осет.	— осетинский
перс.	— персидский
протохатт.	— протохаттский
прусск.	— прусский
санскр.	— санскрит
сирийск.	— сирийский
скиф.	— скифский
слав.	— славянские языки
суах.	— суахили (восточноафриканский)
тат.	— татарский
тув.	— тувинский
туркм.	— туркменский
тюрк.	— тюркские языки

удм.	— удмуртский
узб.	— узбекский
финск.	— финский
фр.	— французский
хак.	— хакасский
хант.	— хантыйский
хуаса	— (западноафриканский)
хетт.	— хеттский (несийский)
хурр.	— хурритский
чан.	— чанский
чув.	— чувашский
эвенк.	— эвенкийский
эст.	— эстонский
як.	— якутский
япон.	— японский

СО Д Е Р Ж А Н И Е

стр.
5

Вступительное слово члени-корреспондента АН СССР Ю. В. Бромлея

Доклады на пленарном заседании

Н. А. Мажитов. Происхождение Башкир (историко-археологический анализ)	11 ●
Р. Г. Кузеев. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности	11 17 ●
А. Х. Халиков. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья	30 38
М. С. Акимова. Этногенез башкир по данным антропологии	38
В. Ф. Генинг. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.)	44
Н. Х. Ишбулатов. Данные диалектов башкирского языка к вопросу об этногенезе башкир	55
А. Н. Киреев. Этногенетические легенды и предания башкирского народа	60
О. Н. Бадер. Палеолит Башкирии	64
К. Ф. Смирнов. Ранние кочевники Южного Урала	69 ●

Доклады и сообщения на секции археологии и антропологии

А. П. Смирнов. Из этнической истории западного Приуралья в I тысячелетии н. э.	79 ●
Г. Н. Матюшин. Пути развития Южного Урала в эпоху мезолита и неолита	85
А. Х. Пшеничнюк. Племена раннего железного века в Башкирии	89 ●
Т. Н. Троицкая. К вопросу о взаимосвязях населения новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа	93 ●
Р. Г. Фахрутдинов. К вопросу о болгаро-башкирских взаимоотношениях	98
В. Н. Ягодин. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э.	103 ●
И. Эрдели. Теории венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров	108
А. Г. Петренко. Osteологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа с территории Башкирии	113
Е. А. Халикова. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X вв. (по материалам погребального обряда могильников)	117
Е. П. Казаков. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Булгарии (на материале керамики)	122
Г. И. Матвеева. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э.	129
С. М. Васюткин. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III—XIII вв.)	135
Ю. Ф. Рыжов. Позднеолитическая стоянка Бабарыкино VII	139 ●
М. Х. Садыков а. Археологические материалы о хозяйстве башкир в IX—XIV вв.	143
П. Н. Старостин. О романовских и именьковских памятниках	148
В. А. Могильников. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.	151 ●

Доклады и сообщения на секции этнографии

Т. А. Жданко. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир	стр. 161
С. Н. Шитова. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства	174
Н. В. Бикбулатов. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник	178
В. Н. Белицер. Этнографические параллели в культуре башкир и мордвы	184
Л. С. Толстова. О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях	192
Г. П. Васильева. О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом	199
Е. Г. Яковлева. Черты общности декоративно-прикладного искусства башкир и народов Средней Азии (ткачество и вышивка)	205
Н. С. Королева. Общие черты в народном искусстве умуртов и башкир	210
Р. З. Янгузин. Этнические традиции в истории хозяйства населения северо-запада Башкирии	219
Ф. Ф. Илимбетов. Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима «башкорт»)	224
У. Д. Доспанов. О некоторой близости терминологии родства у каракалпаков и башкир	229
Х. Е. Есбергенов. О близости пережитков доисламских верований в обычаях каракалпаков и башкир	232

Доклады и сообщения на секции языка и фольклористики

Т. М. Гарипов. Структурно-типологическая классификация тюркских языков как лингвистический комментарий к проблеме этногенеза башкир	241
Ю. Ф. Немет Венгерские племенные названия у башкир	249
К. И. Петров. Об общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков	263
К. М. Максетов. Взаимосвязи каракалпакского и башкирского героического эпоса	268
Д. С. Насыров. О каракалпакско-башкирских языковых отношениях	273
З. Г. Ураксин, Э. Ф. Ишбердин. Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским	275
М. М. Сагитов. Отражение консолидации башкирской народности в эпических сказаниях	278
С. Ф. Миржанова. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка	282
А. А. Камалов. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир	287
Б. Х. Юлдашбаев. От племени к народности и нации (на примере башкир)	291
Г. Е. Корнилов. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов	298
М. Х. Мингажетдинов. Этногенетические мотивы в башкирских сказках	301
Т. И. Тепляшина. Динамика антропонимии удмуртов Башкирии	309
Ф. И. Гордеев. О происхождении этнонима «башкир»	314
Л. П. Атанова. К вопросу о генетических связях в башкирской народной музыке	318
А. Г. Кудашев. Башкирские и татарские дореволюционные деятели культуры о древних башкирах	321
А. Б. Булатов. Восточные средневековые авторы о башкирах	323

Заключительное пленарное заседание

Выступления руководителей секций:

А. П. Смирнов (Секция археологии и антропологии)	329
Т. А. Жданко (Секция этнографии)	329
А. И. Харисов (Секция языка и фольклористики)	330
Выступления в прениях	332
Заключительное слово Н. А. Мажитова	341
Заключительное слово Р. Г. Кузеева	342
Заключительное слово А. Х. Халикова	345
Заключительное выступление члена-корреспондента АН СССР Ю. В. Бромлея	347
Рекомендации научной сессии по этногенезу башкир	351
Список сокращений	353

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ, т. 4

Редактор *Н. В. Хрулева*
Корректор *С. М. Камильянова*

Сдано в набор 20|VI 1970 г. Подписано к печати 2|IV 1971 г.
84X108¹/₁₆. Физ. печ. л. 22,5. Усл. печ. л. 37,8. Уч.-изд. л. 33,2. П 05132.
Тираж 900 экз. Заказ № 754. Цена 2 руб. 30 коп.

Полиграфкомбинат Управления по печати
при Совете Министров БАССР, г. Уфа-1, проспект Октября, 2.